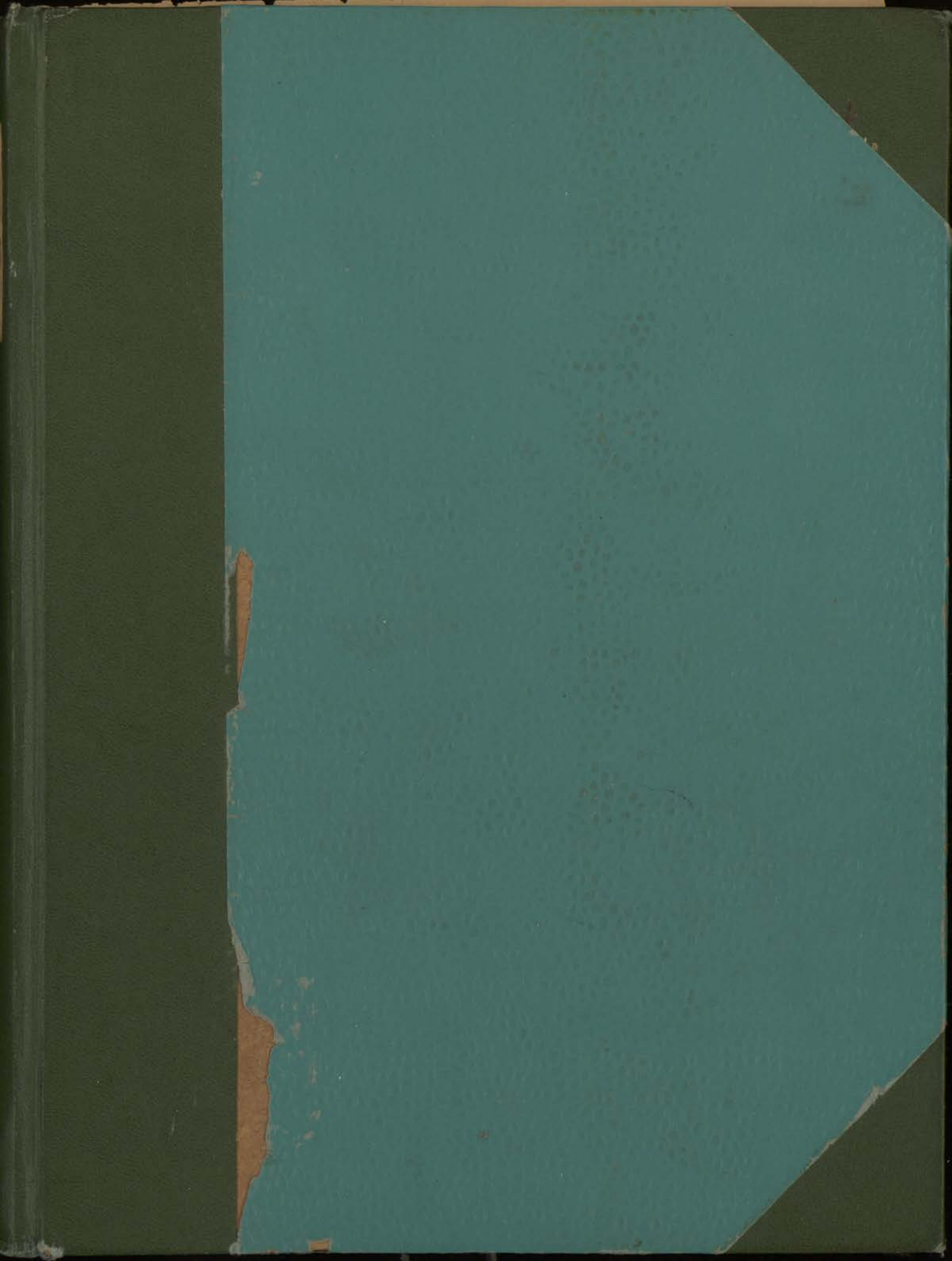

ГПБ (Л-д)
не
выдается

В. СУХОМЛИНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

1924

РУССКОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО / БЕРЛИН

В. СУХОМЛИНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

1 9 2 4

РУССКОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО / БЕРЛИН

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор написал и хотел издать свои „Воспоминания“ по старой орфографии. Издательство выпускает их в свет по новой, полагая, что „Воспоминания“ должны найти широкий круг читателей в России, где новое правописание общепринято и куда ввоз книг, напечатанных по старому, воспрещен.

Моимъ бывшимъ сослуживцамъ русской-царской арміи!

Описаніе моей жизни посвящается Вамъ. Въ тяжелыхъ условіяхъ бѣженскаго положенія мнѣ не легко было справиться съ розыскомъ матеріаловъ и выпускомъ настоящихъ воспоминаній

Для моихъ земляковъ и бывшихъ сослуживцевъ я кровью наболѣвшаго сердца изложилъ все то, что удалось собрать и вспомнить.-

Примите-же эти мои строки безъ предвзятой мысли.- Мы всѣ пострадали и всѣхъ насъ соединяетъ общее горе и любовь къ дорогой-страдающей нашей родинѣ.

В. Егроминовъ

Ноябрь 1923 г.

Вандлицъ.

Типография Л. Бочевар и Ко.
Berlin S 14, Dresdener Str. 82-83

Предисловие

Издание моих воспоминаний на русском языке заграницей встретило, кроме материальных, технические затруднения, которые не дали возможности выпустить одновременно немецкий и русский текст; последний поэтому несколько запоздал. Немецкому изданию моих «Воспоминаний» предпослано предисловие, по поводу которого считаю необходимым сказать несколько слов.

Совершенно неожиданно очутившись в 1908 году начальником генерального штаба, не для меня одного было ясно, что русские вооруженные силы в полном развале.

В административном организме нашей армии (как и во всякой другой) первостепенное значение имели служебные отношения военного министра и начальника генерального штаба.

Вместе с моим назначением военным министром, начальник генерального штаба уже самостоятельного доклада у Государя не получил и, насколько помню, ни разу в моем присутствии доклада его не потребовалось. Командировал я его лишь в те комиссии, комитеты, заседания, где дело касалось технических подробностей по его специальности и часто не требовалось даже личное его присутствие, а кого-либо из его подручных.

Если генерал Янушкевич за моей спиной проник к Государю, то это только благодаря великому князю Николаю Николаевичу, который

его туда водворил — в своих интересах — и полагаю лишь незадолго перед самой войной.

* * *

Много энергии, времени и средств надо было употребить на то, чтобы нашу страну вывести из положения государства, с которым можно было тогда в политическом отношении не считаться. О тех препятствиях, с которыми мне при этом самому пришлось иметь дело, чтобы преодолеть это унизительное положение России после японской войны,— можно судить по этим «Воспоминаниям».

Моему Государю я с самого начала считал долгом это свое трудное положение выяснить и дать понять, что без его энергичного содействия моя работа не может иметь успеха.

— «Я во всем поддержу вас и помогу», — отвечал мне на это царь, — но при всем несомненном желании, по свойству своей натуры, сделать этого на самом деле не смог и не был со мною искренним во многих случаях.

Очень скоро выяснилось, что император Николай II был даже не в силах настоять на том, чтобы, нужные для создания приличных России вооруженных сил, материальные средства даны были-бы в требуемых размерах.

В силу этого моя программа и не могла быть иной, как в лучшем случае активно-оборонительной, на случай если-бы пришлось выручать нашу союзницу Францию.

С своей стороны Государь, отдав предпочтение прежде всего восстановлению флота, оправдывая это свое явно нецелесообразное решение, успокаивал меня тем, что воевать он и в мыслях не имеет:

— «Сильная и хорошо организованная армия нам необходима именно для того, чтобы избегнуть войны», — говорил мне царь, — инициатор Гаагской конференции. — «Я знаю, что в этом отношении мы с вами одного мнения и будьте покойны, войны я не желаю, и воевать мы не

будем», — успокаивал меня неоднократно такими заявлениями Николай Александрович, когда я ему докладывал о препятствиях со стороны министерства Коковцова в ассигновании кредитов на восстановление наших вооруженных сил.

Николай II сознавал слабость своего характера и своеобразно боролся с этим. Опасаясь влияния отдельных министров, он создал между ними перегородки, которые привели к тому, что Совет Министров оказался не сильным, спаянным органом государственного управления, а всероссийской телегой, запряженной крыловской тройкой: «лебедем, щукой и раком».

Избранное Государем противоядие оказалось ядом, отравившим дело государственного управления, чем воспользовался великий князь Николай Николаевич, не в роли простого смертного, а как дядя царя, тайно на него влиявший. Полнейшим абсурдом было-бы с моей стороны желать нарушения мира, не имея в руках на этот случай вполне оборудованного инструмента, какой требовался в создавшейся политической кон'юнктуре, притом для борьбы с такой могущественной армией, как германская, да еще в союзе с австро-венгерской.

* * *

В заключение несколько слов о неграмотности народной массы и, в связи с этим, моем отношении к политике:

Мы, военные, издавна убедились, что стену неграмотности так трудно пробить, что легче было проводить в народ грамоту через ротные, эскадронные и батарейные школы. Немецкую мерку примерять в данном случае неправильно; нельзя 25-верстный масштаб прилагать к 100 верстной карте.

«Либералы», «социалисты» и «земцы», о которых говорится в немецком предисловии в связи с поднятием образования русского населения, — все это относилось к области внутренней политики, а о политике вообще Николай II избегал говорить со мной даже в частном разговоре. Теперь я не сомневаюсь, что в самые критические минуты он не пожелал

знать моего мнения и обратившись ко мне с вопросом, можно-ли «приостановить» частичную мобилизацию, — решая затем вопрос «общей мобилизации», т. е. войны, довел это до моего сведения через два этапа: министра Иностранных Дел и начальника генерального штаба. Таким образом, это чрезвычайной важности высочайшее повеление, я получил из третьих рук — от моего подчиненного!..

* * *

Что-либо умышленно не договаривать или скрывать в моих «Воспоминаниях» у меня не было ни цели, ни основания, ни надобности. Та обстановка, в которой я находился, условия в каких все мы министры поставлены были царем, исключает возможность упреков в недостатке у меня энергии, а также инициативы по отношению к нашей политике.

Единственным активным советником и притом безусловно тайным, а потому и не ответственным, был великий князь Николай Николаевич. Это был тот могущественный закулисный деятель, с которым не было возможности в конце концов успешно бороться никому из министров, не разделявших его политики и взглядов.

В. Сухомлинов.

Wandlitz, Январь 1924 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Детство и юность

Глава I

Мое воспитание

Дома. Мои родители и воспитатели. Путешествие заграницу. В кадетском корпусе в Вильно. «Мятежники». Перевод в Петербург. В Николаевском Кавалерийском училище. На ординарцах. Мой брат.

Родился я 4/16 августа 1848 г. в г. Тельшах Ковенской губернии, — вблизи прусской границы. Отец мой происходил из украинской фамилии Сухомлин, которая при переселении в Симбирскую губернию в восемнадцатом столетии превратилась в Сухомлинова. Отец начал свою службу в Лейб-Бородинском пехотном полку, но затем перешел в гражданскую службу и был начальником уезда. В г. Тельшах он женился на дочери переселившегося в Литву белорусского дворянина Лунского и жил со своими тремя детьми, из которых я был старший, — сносно, беззаботно и миролюбиво среди русских офицеров, немецких и польских дворян и литовских крестьян и евреев совершенно так, как и другие чиновные люди в конце царствования Николая Первого, в западных пограничных губерниях.

В 1860 году отец был затем начальником Белостокского уезда и благодаря этому удостоился принимать у себя в доме Императора Александра II, когда он приезжал охотиться на зубров в Беловежской Пуще.

В родительском доме — детство мое протекало в условиях особенно благоприятных для выработки характера.

Разумному и целесообразному воспитанию я, мой брат и сестра обязаны нашей матери, этой исключительно доброй и умной женщине, память о которой я сохранил с безграничною любовью и почитанием.

Скончалась она в почтенном восьмидесятилетнем возрасте.

Постоянной заботой наших родителей было воспитание детей для выработки в них самостоятельности, здравого смысла и религиозности.

В этом им помогала незабвенная «Дорис» (Dorothea) которая в роли нашей бонны, с немецкой добросовестностью наблюдала за нами.

Заложить фундамент для будущего нашего образования поручено было Елене Петровне Татариновой, с большим успехом окончившей известный Институт Смольного Монастыря.

Много времени проводили мы мальчики на гусарском плацу в Тельшах и приучались сидеть в седле, вольтижировать. В манеже города Тельш зарождалось в нас желание стать ярыми кавалеристами. Там положено было начало моего расположения к коннице, — роду оружия, близкому моему сердцу в течение всей службы . . .

Лето мы проводили обыкновенно в Потумшах, имении нашей бабушки, или на берегу Балтийского моря — в Полангене.

В руках отца было наше физическое воспитание. Закаляя телеса наши — он заставлял между прочим купаться в реке зимой, и для этой цели специально прорубали для нас лед.

При таком образе жизни он сам прожил свыше девяноста лет.

Моим родителям я обязан нравственными и физическими силами, давшими мне возможность перенести все те страдания, которые выпали на мою долю в таком преклонном возрасте.

Десятилетним мальчиком мне посчастливилось совершить большое путешествие: в 1858 году я сопровождал мою матушку в ее путешествии заграницу, в Германию, где она должна была пользоваться медицинской помощью.

Из Берлина отправились мы в Эмс и оттуда на несколько месяцев на Женевское озеро. Эта поездка глубоко врезалась в моей памяти: в Берлине я любовался прекрасными лошадьми, каких до того еще не видел, и солдатами, с их марсиальной выправкой; на Женевском озере — грандиозными горами, зеленовато-голубой водой и такими художественными строениями, как Шильонский замок, — воодушевившим меня даже на рискованную попытку зарисовать эту чудную картину.

* * *

После возвращения из заграницы стали готовить меня и брата к поступлению в кадетский корпус. В 1861 году оба мы прибыли в г. Вильно и приняты были в Александровский кадетский корпус. Зиму кадеты проводили в большом каменном здании в предместьи Антоколь. Классные помещения, тронный зал и церковь — находились в деревянных пристройках. На лето корпус переходил в лагерь, устроенный на живописном берегу реки Вилии, — в нескольких верстах расстояния от города.

Нам хотелось устроить любительский спектакль. При случае это желание удалось осуществить и пригласить на представление наших родственников и знакомых. В одном из актов «Бедность не порок» на мою долю выпала роль девицы, и бывшему на спектакле генерал-губернатору Назимову я был представлен в модном тогда кринолине.

Половина воспитанников были католики, и с ними мы жили вполне миролюбиво. В общем содержали нас хорошо, — кормили с избытком. В действительности «легкий, но сытный завтрак» состоял из куска черного хлеба, который в громадных корзинах приносили нам в камеры.

При такой спартанской пище не удивительно, что многие из нас

были настоящими лакомками, — гонявшимися за лучшими кусками, — в особенности те, — которые свой хлеб отдавали голодным товарищам в обмен на предстоящую роздачу конфект.

Поэтому возникало всегда беспокойство, когда в известные праздничные дни полагавшиеся пакетики со сладостями запаздывали или вовсе не появлялись. В один из таких праздников мы тщетно ожидали за столом эти полагавшиеся пакетики. И когда тем не менее подан был сигнал «вставать» и «на молитву», — то никто из нас не поднялся; — молитва пропета не была, и ни один из кадет столовую не покинул.

Когда озадаченный дежурный офицер попытался проявить энергию, то его забросали хлебными корками. Все ревели — «конфект!». Вызванный в столовую командир батальона Ольдероге не мог восстановить порядок; его постигла та же участь, как и дежурного. Лишь с появлением директора Баумгартена, который пользовался у нас большим уважением, — все успокоилось.

Дело это не имело никаких дальнейших последствий; — такой благожелательный человек, как наш директор, отнес его к глупой юношеской проделке, а не воинскому преступлению... мы вышли на этот раз сухи из воды.

Хуже для нас разрешилось дело в другом случае. Понять его можно, приняв только во внимание нервное состояние, господствовавшее не только в Вильне в 1863 году. В Польше вспыхнуло восстание, а в Литве — лишь беспорядки. Для их подавления в Вильно были присланы гвардейские части. Несколько рот л.-гв. Финляндского полка были помещены в наших корпусных зданиях.

Однажды, в свободное от занятий время, когда кадеты играли и гуляли на воздухе, — появился командир полка генерал Ганецкий, — маленький человек на необычайно большом коне. Несколько кадет, увлеченных игрою, не заметили его и не приветствовали генерала.

Вообразив, что это был умышленный афронт со стороны кадет, генерал потерял самообладание и разразился руганью, к которой мы не привыкли и которая возбудила в нас смех, — да и сама фигура представлялась нам в высокой степени комичной. В то время как генерал неистовствовал на дворе, наезжая и осаживая одиночных кадет, — вследствие поднявшегося шума, во всех окнах корпусного здания показались кадеты и подняли невероятный вой. Смущенный до нельзя генерал круто повернул коня и поскакал к генерал-губернатору. Последний не замедлил явиться лично и учинить нам генеральный разнос...

Мальчишество изображено было мятежом и в таком смысле донесено в Петербург; через несколько дней нам пришлось выступать на вокзал, под конвоем казаков для рассылки по другим кадетским корпусам. Таким образом виленский корпус был расформирован.

* * *

Мне и моему брату посчастливилось: мы вместе вошли в состав Первого Кадетского корпуса в Петербурге.

С прибытием в Петербург мы были освобождены от конвоя, несмотря на то, что считались «мятежниками», и это со всех сторон давали нам чувствовать. И тот прием, которым нас «Александровцев» удостоили наши новые товарищи, — приготовлен был безусловно недружелюбно.

На другой день уже дошло до столкновения, во время которого мы нашим негостеприимным товарищам дали чувствительный урок, чтобы заставить их относиться к нам с уважением. Мы «бунтовщики» после того не имели права гулять все вместе, — а затем были разбиты на мелкие партии и распределены по другим учебным заведениям.

В Петербурге жил мой дядя, профессор минералогии тамошнего университета, Платон Алексеевич Пузыревский, род занятий которого возбудил во мне большой интерес; впоследствии, в Академии Генерального Штаба, — это оказало мне хорошую услугу. Кроме того, вскоре после нашего переезда, точно также в Петербург переселилась и моя мать с нашей сестрой, поступившей в Петро-Павловское училище. Таким образом для меня и моего брата явилась возможность в праздничные дни бывать у матери или дяди; никаких других посещений в столице у нас почти что не было, — ибо все остальное время мы безотлучно пребывали в стенах корпуса.

* * *

В 1866 году, согласно моему желанию, — я был переведен в Николаевское Кавалерийское училище.

Уже одно наименование этого заведения указывает на то, что в нем преобладало кавалерийское образование; — тем не менее оно не было настолько односторонним, чтобы препятствовать развитию в юнкере кругозора для усовершенствования и в различных других областях познаний. Во всяком случае это военно-учебное заведение дало русской армии не мало деятельных генералов и для меня лично нескольких выдающихся сотрудников, — в различных областях деятельности. Большинство-же, конечно, — осталось в рядах конницы.

* * *

Внеслужебная жизнь в Кавалерийском училище была менее стесненной, сравнительно с таковой в Кадетском корпусе, что порождало некоторые странности.

Существовала, напр., такая традиция, что воспитанники старшего курса именовали себя «корнетами», хотя были лишь юнкерами, — грубо обращавшимися с воспитанниками младшего курса, которых называли «зверями». Когда я состоял еще в «зверях» — с этой изводкой обстояло все еще вполне благополучно в училище; «корнеты» требовали от нас лишь стеснительного соблюдения известного рода почтительности. Так называемая «изводка» была скорее забавой, а не мучением и несравненно безобиднее того, что во Франции известно под названием «brimade»...

В бытность мою уже военным министром этот род забавы превратился в нечто до такой степени грубое, что некоторые родители признали за благо взять своих сыновей из заведения. Об этом узнал Государь, на некоторое время отложивший даже посещение училища. Мне, в роли министра, пришлось тогда положить конец этой «корнетской» привилегии.

В общем это была суровая, но хорошая школа, в которую я поступил. Уверенность в решениях, сознание долга в делах, личная отвага были систематично развиваемы в нас. Телесное развитие будущих

офицеров находилось в условиях вполне превосходных. Кроме того мы имели счастие длительно работать на глазах у царя и высших военных руководителей; — для многих это было поощрением, для некоторых-же, как напр. для Клейгельса, лишь средством к достижению положения, для занятия которого у них не было никаких данных.

Моим эскадронным командиром был барон Штакельберг, — строгий начальник, пред'являвший нам чрезвычайно высокие требования.

Благоприятным для нас случаем показать свою работу, обратить на себя внимание высшего военного начальника, — были разводы с церемонией, происходившие обыкновенно по воскресеньям в 12 часов дня, в присутствии и на глазах у Государя.

После прохождения церемониальным маршем вступающего в караул очередного полка, конные ординарцы должны были показать свое искусство в верховой езде. Манежные упражнения заканчивались прыганием через барьеры и в заключение казаки джигитовали. Вполне понятно, что при таких условиях, именно в присутствии на разводе самого Государя, мы напрягали все наши силы, чтобы представиться в образцовом виде; как на современный «Concours-hippique» выбирались лучшие лошади и ездоки. Этим всем занимался барон Штакельберг лично, и при его страстной преданности к работе в манеже случалось, что во время преодоления препятствий его удар бичем, предназначавшийся для лошади, попадал и по ляшке плохо сидящего всадника.

В первый раз являлся я на ординарцы к Государю, — в роли рядового младшего курса училища.

На следующий год, будучи взводным вахмистром, — я был вторично ординарцем. В 1866 году, при торжественном в'езде невесты Наследника Цесаревича, принцессы Дагмары Датской, — впоследствии императрицы Марии Федоровны, — я находился в строю нашего эскадрона.

В то время, что я благополучно проходил двухлетний курс училища, брата моего Николая постигла неудача: во время езды в манеже лошадь ударила его в колено и так неудачно, что в коленном суставе образовалась вода. В лазарете скоропалительно решили, — подобно тому, как это было несколько лет пред тем с фон-Бисмарком, — отрезать ногу. Только обоюдному протесту нашему против операции, брат обязан сохранению обеих ног. Тогда ни от какого воспаления или заражения крови он не умер, — как это предрекали врачи, — судьба была так милостива, что сохранила ему две ноги для прохождения жизненного его пути на земле.

После того, что он был генерал-губернатором в Омске, — брат мой умер во время переворота в 1918 году в Киеве, на руках своих сыновей, в 69-летнем возрасте.

Глава II

Мое военное образование

В Л.-Гв. Уланском полку. Положение молодых офицеров в эскадроне. Жизнь в Варшаве. Александр Второй в Варшаве. В третий раз на ординарцах. Первая военно-литературная попытка. Мои основные мысли. Военная Академия. Приемные испытания. Друзья и отношения. Первый экзамен. Болезнь. Учебный персонал Академии. Выпускные испытания. Великий князь Николай Николаевич Старший на экзамене. Вторжение конницы в Германию.

Наконец, я действительный корнет! Наконец, после восьми лет обучения в закрытых учебных заведениях, постоянного надзора и постоянной опеки, — я стал сам себе господин! Только тот, кто сам переживал внезапный скачек из военных учеников в офицеры, может понять те чувства, которые меня обуревали, когда я в 1867 году, едва-лишь в возрасте девятнадцати лет, в роли корнета Л.-Гв. Уланского Его Величества полка, очутился в Варшаве. Описать мое настроение того времени я не в силах. Голова у меня кружилась! Все казалось мне в розовом свете; вследствие привычки жить все время по установленному расписанию, я на первых порах не знал, как распорядиться своим временем.

Нас было всего десять корнетов, прибывших одновременно в полк, — восемь из Николаевского Кавалерийского училища и двое из Пажеского Корпуса. — В офицерском составе полка мы застали очень много немецких фамилий: три барона Оффенберга, барона Притвица, Сюнерберга, Берга, Дерфельдена, Бадера, Багговута, Фейхтнера, Авенариуса и др. — Один из немногих православных, который был истинно русским, и тот имел несчастие носить фамилию Штуцер, и этот Штуцер кроме русского никакого другого языка не знал.

* * *

В то время положение корнета в эскадроне не соответствовало тому, чтобы молодые офицеры имели возможность совершенствоваться и своей службой приносить пользу. Вся служебная работа в совокупности выполнялась эскадронным командиром и вахмистром —

вместе с унтер-офицерами, — довольно часто даже одним вахмистром, как, например, в нашем эскадроне; нас, молодых офицеров, оба они считали балластом. Только когда эскадрон выступал в строевом порядке, мы появлялись на своих местах, предназначенных нам по строевому уставу.

Точно также и Варшава, как гарнизон, не очень соответствовала тому, чтобы молодые офицеры относились с особым усердием к работе. Город был очаровательный. Жизнь его скоро втянула нас в свое русло. Она протекала на виду, целиком на улице; элегантное общество появлялось всегда и везде в праздничном настроении. Несмотря на то, что город по его величине нельзя и сравнивать с Петербургом, в Варшаве жизнь пульсировала несравненно больше и жилось легче на берегу Вислы, нежели на берегах Невы. Ко всему этому внешнему — присоединялось еще одно важное обстоятельство: жизнь была чрезвычайно дешева.

В офицерском собрании, находившемся вблизи чудного парка в Лазенках, с его прекрасными верховыми и колесными дорогами, — жилось нам поэтому прекрасно. Все, что требовалось для нашего обихода, доставлялось еврейскими торговцами, быстро прибиравшими нас под свою опеку, и сравнительной дешевизной в отношении магазинных цен устранявшими всякую другую конкурренцию. О нашем обмундировании заботился полковой портной; он же приискивал квартиры для офицеров и дрессировал нашу прислугу, как в своих интересах, так и не без удобств для нас: денщики сообщали ему о состоянии нашего обмундирования, — что надо починить, что построить заново, — зарабатывал несколько рублей в месяц, — а мы были всегда безупречно одеты, не имея надобности ломать голову соображениями, что и как по этой части предпринимать. Дешевые цены давали нам возможность посещать разные увеселительные заведения, — преимущественно императорский театр и балет. Для меня лично большим козырем было то обстоятельство, что я, как воспитанник виленского Александровского кадетского корпуса, говорил по польски, — и при таких условиях в Варшаве быстро освоился не только с речью, но и письмом.

Для нас, русских, владевших местным наречием, — отпадала тягостная неприятность пребывания в Варшаве с одним лишь русским языком.

В варшавском обществе, в центре которого стоял генерал-губернатор граф Берг, уланы пользовались большим уважением. Полк держал себя безупречно; поэтому мы, молодые офицеры, были везде желаемые гости, где только молодых, воспитанных людей ценили. Кроме того сам шеф наш — Император Александр II, питал особое расположение к полку; он имел в нем не менее десяти флигель-адьютантов. — По случаю посещения Государем Варшавы состоялся по петербургскому образцу развод с церемонией на Саксонской площади. — Так как моя лошадь была на счету одной из лучших в полку, то я удостоился в Варшаве в третий раз представиться Государю ординарцем. На этой же самой лошади затем я принимал участие в состязании на приз высшей езды, на котором присутствовал тоже Государь, причем я взял первый приз. При раздаче призов, царь лично передал мне почетный приз в несколько сот рублей: «Ты ведь сегодня являлся мне ординарцем?»

спросил он. — «Это та-же самая лошадь?» — Я подтвердил, что та-же самая, и командир полка князь Шаховской добавил: «Корнет сам себе ее выездил». Подобное близкое отношение к личности царя придавало нашей совместной полковой жизни исключительную прелесть и приманку. Полк выделялся из общих рамок и в то время как у гродненских гусар, наших однобригадников, был хронически офицерский некомплект, — наш полк был постоянно переполнен офицерами сверх штатного комплекта.

* * *

Когда я теперь на чужбине вспоминаю превосходные поручичьи года, оглядываясь более чем на полстолетия назад, и сам себе задаю вопрос, — как мы в Варшаве относились к мировым, историческим событиям 1870/71 годов, об'единению германского народа в новом германском государстве, — должен сознаться, что мы молодежь в полку вообще не задумывались над этим. Газет мы не читали, о политике говорить в собрании считалось дурным тоном. Все наши помыслы и стремления сосредоточивались на жизни в обществе, приличествующей нашей службе в шефском полку Царствующего Государя. — Мысли зарождавшиеся в Варшаве, — уносились в Петербург, ко Двору, к петербургскому обществу, от которого мы собственно были откомандированы.

Мы легко помирились с этим, когда убедились вообще, что в Варшаве не найдем никогда родного очага. Лишь весьма немногие из нашего офицерского состава примкнули к семейной жизни польского общества; официально мы находились в России, — а в действительности на чужбине. Ни одна из сторон не шла друг другу на встречу, и та и другая держали себя корректно, — но кинжал за пазухой в местных семьях нами всегда чувствовался. Такая обстановка, при сознании большой ответственности в условиях официального нашего положения, — для некоторых из наших молодых офицеров, служила заранее поводом не бороться с желанием как можно скорее покинуть Варшаву.

* * *

Помню, что я этого стремления не разделял; скорее пытался погрузиться целиком в эскадронную служебную работу, — но, как упомянул уже выше, встретил к этому то отношение, которое стояло поперек моему стремлению. В офицерском собрании, в разговоре по этому поводу с моими однополчанами, затронут был вопрос о том, как обставить службу младших офицеров в эскадроне, чтобы с наибольшим успехом и пользою для дела они могли усовершенствоваться и набраться опыта.

Товарищи советовали мне на эту тему составить статью для «Русского Инвалида»... Сказано — сделано... Еще в ожидании того, как эта работа молодого офицера будет принята редактором известной газеты, генералом Лаврентьевым, — меня потребовали к командиру полка. Там я узнал, что редактор статью мою попросту представил генерал-инспектору кавалерии, великому князю Николаю Николаевичу Старшему, в силу того, что затрагивался принципиальный вопрос о служебных обязанностях младших офицеров в эскадроне. Статья встретила такое сочувствие, что решено было поместить ее даже в

«Военном Сборнике». Кроме того великий князь предложил командиру полка дать мне взвод, для испытания на практике моего проекта. Таким образом беспрепятственно, с полнейшим рвением, свойственным юности, — я имел возможность приняться за решение задачи, мною-же возбужденной.

Основная мысль моего предложения заключалась в том, чтобы поставить офицера в непосредственную связь с нижними чинами, которых он поведет на поле сражения.

Князь Шаховской едва-ли был сердит за мою литературную деятельность без его ведома! Напротив, он весьма доброжелательно высказался даже, что мой проект его тоже очень заинтересовал; командиру эскадрона князь указал, не мешать мне в моей работе, — чтобы опыт действительно самостоятельного командования имел полное применение на практике.

Составленная мною программа распределения занятий признана была командиром эскадрона вполне соответственной... В течение месяца я изучил качества моих людей, сильные и слабые их стороны; помогая им составлять письма на родину, я знакомился с их домашними делами; вскоре грамотность была в таком состоянии, что люди могли писать письма домой — сами.

Точно также мне было хорошо известно качество каждой лошади. Поэтому мне было легко каждому коню дать соответствующего всадника. Вольтижировка, гимнастика, стрельба — все это сопровождалось моим личным примером. — На занятия в поле пришлось нажимать особенно, не взирая на время года и погоду. Таким образом всю зиму, сравнительно с Петербургской — менее суровую, мы ездили на местности. Лошади работали много; но так как в моих руках было и фуражное довольствие, то мой конский материал находился в отличном состоянии и был закален. Незадолго до начала эскадронных учений состоялся смотр моего взвода в присутствии бригадного командира графа Крейца и многих офицеров других войсковых частей. Он прошел превосходно. Унтер-офицеры и уланы выказали все свое лучшее. Мой труд не пропал даром. Мне лично эта работа, хотя и на мелкой части, была в высшей степени полезна для всей моей дальнейшей службы. При сравнительно благоприятных условиях я ознакомился с громадной трудоспособностью русского солдата и кавалериста. Вместе с тем зародилось во мне и непоколебимое доверие к нашему народу, с которым я там на берегах Вислы впервые пришел в ближайшее соприкосновение.

* * *

В Академии было два курса и один кроме того дополнительный. Оба первых курса обнимали теоретические и практические занятия, тогда как в дополнительном курсе уже никаких лекций не было.

Первый курс я стал проходить с осени 1871 года; — переходный экзамен, с $2^1/_2$ месячным перерывом практических занятий — состоялся в 1872 году.

Этот первый экзамен мне пришлось сдавать при особенно неблагоприятных условиях. После того, что я вечером, перед предпоследним экзаменом из артиллерии, всю ночь проработал при керосиновой лампе, сильно нагревшей мне голову, — проснулся утром с легкою головною

болью и мне трудно было смотреть на свет. Тем не менее я надел мундир, защитил глаза синими очками и отправился на экзамен.

По артиллерии я получил очень интересный билет и усердно покрыл всю доску чертежами и цифрами. Генерал Эгерштрем внимательно рассмотрел мою работу и больше никаких вопросов мне не задавал. Я видел еще, что он мне поставил оценку 12, но потерял затем сознание. В безпамятстве меня доставили домой. Доктор констатировал определенно воспаление мозговых оболочек. В течение нескольких недель лежал я тяжело больным; благодаря неутомимому уходу моей матери и сестры, я поправился раньше, нежели надеялся.

По уставу Академии, слушатели, по болезни не окончившие экзаменов, откомандировывались обратно в свои части.

В данном случае, тем не менее, конференция, принимая во внимание хорошие результаты всех сданных мною экзаменов и практических работ, единогласно решила перевести меня на следующий курс; от испытания по тактике нашли возможным отказаться, так как по этому предмету предстоял вторичный экзамен по окончании второго курса. Но как только я появился опять в Академии, Правитель дел сообщил мне, что все-таки лишь для проформы я должен отбыть экзамен. Так как оба профессора тактики Витмер и Левицкий были на лицо, — то я предстал на испытание.

Хотя я чувствовал себя далеко еще не важно и к собранию большого числа людей не привык, а полковник Левицкий, вопреки предупреждению, в припадке какого-то экзаменационного коллера, выжимал меня, как лимон, — экзамен этот я выдержал.

Мое состояние разумеется ухудшилось настолько, что пришлось возобновить домашний арест и подумать о том, не лучше-ли вернуться обратно в полк. Но затем восстановление моего здоровья пошло быстрыми шагами.

Безо всяких перерывов курс 1872—73 гг., со всеми практическими работами, я прошел благополучно.

* * *

Начальником Академии был в то время генерал Леонтьев, в высокой степени корректный и тактичный человек. Инспектора классов в Академии не полагалось. Роль помощника начальника приходилась на долю правителя дел, — полковника Глиновецкого, он-же был и секретарем Конференции. Ему-же приходилось быть и посредником между офицерами-слушателями и начальством. По штату состояло еще несколько штаб-офицеров для дежурств, которые по очереди несли эту службу во время чтения лекций и присутствовали на экзаменах ассистентами.

Учащий персонал был неравномерный: — рядом с дельными и сведущими людьми — находились и такие, которые ни в каком случае полезными для нас быть не могли.

Тактику преподавали полковники Витмер и Левицкий; — первый из них — очень интересный лектор, сообщавший нам обзор иностранных армий, — второй с большим избытком рассеянный человек. Драгомиров называл его по имени просто «Казимир» — или «пустоцвет».

Стратегию читал нам генерал Леер, настоящий «генерал от стратегии», истинный профессор, основательно изучивший искусство Наполеона. Его лекции были всегда высокого интереса; по отношению к своим ученикам это был человек крайне благожелательный. Тем не менее этого по натуре обидчивого человека можно было легко сделать своим непримиримым врагом, затронув его тщеславие.

Военную историю преподавал нам генерал Станкевич; его лекции о Польской Кампании 1831 года представляли большой интерес. Зато сообщения по истории военного искусства генерала Беренса были просто жалки. Никогда он не готовился, приходил обыкновенно с запаздыванием и вообще часто пропускал лекции; в результате никто из нас его не слушал, и мы решительно ничего не потеряли-бы, если-бы он не приходил вовсе. Когда однажды Начальник Академии пришел на его лекции, — Беренс, сославшись на нездоровье, покинул аудиторию.

Преподавание статистики делили: генерал Обручев — читал относящееся до иностранных армий — и генерал Макшеев — русской. К сожалению, последний не был искусным лектором, тогда как генерал Обручев, правда, читал интересно, — но у него едва-ли хватало достаточно времени, чтобы основательно разработать соответствующий материал.

Очень хорошо обставлены были кафедры геодезии, топографии и астрономии. По геодезии читал генерал Штубендорф, — в высокой степени добросовестно, ясно и в теоретическом отношении безупречно. Так как без высшей математики трудно было проходить астрономию, — то профессор Рехневский давал нам готовые формулы; ими мы могли пользоваться эмпирически без диференциальных и интегральных исчислений, — с которыми не были знакомы. Эти лекции были увлекательны и вместе с поездками на Пулковскую обсерваторию, где наши офицеры Геодезического Отделения проходили практический курс, — в научном отношении — поучительны. Чтения академика Шренка по геологии были для меня интересны потому, что я уже раньше принимал участие в исследовании пород, и под Нарвой поэтому мог собрать для Академии целую коллекцию ископаемых Силлурийской формации, из которой Шренк самые интересные экземпляры трилобитов выделил для Академии Наук.

Наименьший интерес представляла для нас военная администрация, преподаваемая генералами Лобко и Газенкампфом; Лобко читал просто по листам, столько — сколько приходилось в течение часа. Газенкампф во своем изложении, главным образом об иностранных армиях, — умел сухую материю оживить.

Оригинально, просто комично, преподавал артиллерию генерал Эгерштрем. Высокого роста и худой, во время лекции он никогда не садился, величественно шагая по классу взад и вперед. Имело вид — точно он разговаривает сам с собой, — ставит вопросы, — сам на них отвечает и пишет некоторые, непонятные для нас слова на доске.

Совершенно в другом духе читал генерал Квист по кафедре военно-инженерного искусства; изложение его было элегантно, хотя слегка ненатурально — манерно; чертил он прекрасно. Экзаменатор был строгий, капризный и не всегда справедливый.

Под фирмой «русский язык» существовали у нас уроки стилистики, которыми руководил чрезвычайно оригинально известный в то время Галахов.

При поступлении в Академию от нас требовалось знание иностранного языка, французского или немецкого. Кто получал оценку менее 10, обязан был во время пребывания в Академии посещать уроки соответствующего иностранного языка. Французский язык преподавал г. Флэн и немецкий г. Крист.

Когда на экзамен явился поручик Вивьен-де-Шато-Брэн, Флэн, торжественно прочел эту длинную фамилию, заговорил с ним по французски и упал с облаков, когда тот ему об'яснил, что он может только переводить с французского на русский.

Тем не менее он получил удовлетворительную отметку за свою красивую французскую фамилию.

В течение первого года очень много времени уделялось на черчение, как на подготовку к полевым занятиям на с'емке. Топографическими работами и черчением заведывали полковники Шевелев и Зейферт, которые вообще не сходились во взглядах на трудное искусство ситуации.

Полковник Фалькенгаген обучал пехотных офицеров верховой езде.

Во втором курсе преобладали практические занятия в поле; тактика была главным предметом. Для практических занятий по тактике — я попал к моему доброму гению полковнику Витмеру. Полевые тактические занятия нашей партии происходили под Павловском, где жил и сам Витмер; с'емку мы производили в окрестностях Красного Села.

Витмер был раньше Гродненским гусаром и хорошим ездоком. Целые дни проводили мы с ним на коне; разные местные препятствия преодолевались при этом в тех случаях, когда приходилось сокращать путь. Завтракали мы где-нибудь в деревне или просто на открытом воздухе.

Осенью, после возвращения в город, заканчивались наши последние курсовые занятия. Из тактики я получил «двенадцать» и приобрел этим аттестат на право преподавания этого предмета в военных училищах.

* * *

Третий учебный год, так называемый «дополнительный курс», был настоящим сплошным экзаменом — у всех на виду.

На первую военно-историческую тему мне досталась «Английская экспедиция в Абиссинию, в 1867 году». Так как большинство и лучшие из источников были на английском языке, то мне принесло большую пользу посещение лекций английского языка — во время прохождения двух первых курсов. Из области военной администрации пришлось мне разработать тему: «Сравнение организаций продовольственных транспортов в армиях — русской, германской, австрийской и французской». При разработке этого вопроса обнаружилось, что полковник Газенкампф в своих курсовых записках об обозных колоннах германской армии пришел к неблагоприятному заключению для этой

последней, — что не отвечало действительному положению этого дела. Так как мои выводы были совершенно другие, то предстоял диспут; оппонентами были профессора Лобко и Газенкампф, кроме того присутствовал и Начальник Академии генерал Леонтьев.

В моем докладе я ни словом не упомянул о курсовых записках и когда Газенкампф спросил, — каким путем у меня получился такой вывод, — я взял тут-же лежавший на столе германский регламент и выписал на доску соответствующие цифры. Начальник Академии об'явил вопрос исчерпанным.

В противоположность первым двум темам, для которых письменно требовалась лишь программа, конспект, — и устный доклад, — третью, стратегическую тему полагалось обстоятельно письменно разработать и затем доложить устно. Мне достался вопрос о вторжении нашей конницы в Германию для разрушения железных дорог. В основание принято было исходное положение, самое неблагоприятное для России в политическом отношении. Войсковые условия наши были таковы, что, в то время как германская армия заканчивала свою мобилизацию на шестой день, — чтобы развернуть нашу армию требовалось на это приблизительно в десять раз больше. Вследствие этого для такого выдвинутого вперед театра войны как Варшавский военный округ, создавалась серьезная обстановка; одновременным наступлением из Восточной Пруссии и Галиции весь этот район, со всем тем, что в Привислянском крае находилось, — мог быть отрезан. Обезопасить округ от такой возможности — системой крепостного строительства, было не мыслимо, — на это требовались такие расходы, до которых наши финансы не доросли.

Генералу Обручеву вследствие этого пришла мысль, — задержать мобилизацию наших возможных противников на западе, — разрушением их железных дорог. По этим соображениям наша кавалерия и была расположена уже в мирное время вдоль германской и австрийской границы. Именно подобное вторжение, таким образом, должен был я разработать до мельчайших подробностей. Это была вне всякого сомнения одна из самых интересных работ, которая для будущего офицера генерального штаба в 1870 годах могла быть предложена, даже если-бы он и не был кавалеристом; для меня-же 40 лет спустя, когда я принял наследство Драгомирова в Киеве, — она имела особенное значение.

Моя работа рассматривалась, — статистическая часть — генералом Обручевым, — тактическая — полковником Левицким и административная — полковником Газенкампфом.

В день доклада собралась многочисленная публика и крупные чины военного ведомства. Приехал и великий князь Николай Николаевич Старший. Перед началом доклада подошел он ко мне, как к старому знакомому, — осмотрел приготовленные карты, — ободрил несколькими ласковыми словами и проследил затем с большим вниманием все то, что я излагал. Мои оппоненты не нашли никаких серьезных поводов для возражений. Великий князь же остался очень доволен, — благодарил меня и рассказал Начальнику Академии о моей службу в эскадроне уланского полка.

Только что назначенный инспектором классов Николаевского ка-

валерийского училища генерал Домонтович присутствовал тоже на моем докладе. Как бывший дежурный штаб-офицер Академии, он знал меня раньше и теперь предложил преподавать тактику в кавалерийском училище.

В то время я склонен был принять лично на свой счет многое из того, что в моем докладе встречено было с большим интересом: мне удалось вполне живым изложением выяснить идею и обстановку и приковать внимание слушателей. И в голову не приходила тогда мысль о том, чтобы моя тема могла иметь какую-либо связь с политическим положением в Европе. В полном соответствии с внеполитическими убеждениями, чисто военно-технические воззрения мои и моих товарищей — были естественным следствием нашего воспитания.

Многозначительный вопрос германо-австро-венгерского союза, волновавший тогда кабинеты всех государств, в нашем кругу не играл никакой роли. Это было дело министерства иностранных дел, а моя задача — чисто технико-кавалерийская.

В то время великий князь и др. высокопоставленные лица, быть может, могли дать себе отчет о политическом положении и проистекавших от него возможных последствиях, — я-же лишь, с увлечением техника над своим творением, разрабатывал задачу, как кавалерист в отношении теоретически взятого противника. Моя позднейшая деятельность помощника Драгомирова и командующего войсками в Киеве, — а также и борьба за восстановление наших вооруженных сил, которыми я руководил с 1905 по 1914 г., выяснили мне, понятно, какая в 1874 г. до нельзя серьезная практическая работа выпала на мою долю в Академии.

В 1874 г., с производством в штабс-ротмистры я был причислен к Генеральному Штабу и прикомандирован к штабу войск гвардии Петербургского военного округа.

Глава III

В Генеральном Штабе

Личный состав. Граф Шувалов. Методы образования. Моя карикатура на Драгомирова. Князь Голицын. Под арестом. Граф Мусин-Пушкин. Мое падение с лошади. Заграничный отпуск. Весенний парад. Полковые занятия. От'езд на фронт.

Главнокомандующим Петербургского Военного Округа был тогда великий князь Николай Николаевич Старший; Начальником его Штаба — граф Шувалов, создавший впоследствии себе громкое имя в должности посла нашего в Берлине и затем Варшавского Генерал-Губернатора.

Граф Шувалов носил мундир Генерального Штаба, не быв в Академии Генерального Штаба, — исключительно, благодаря доверию Александра Второго, которого он был личным другом, как и вообще пользовался доверием всей царской фамилии. — Во всей своей манере и склонностях Шувалов был лишь большой барин. По личности графа мы часто сознавали ту глубокую пропасть, которая отделяла корпус офицеров всех степеней от тонкого слоя действительно правящих. Несмотря на то, что был начальником штаба, т. е. по своему положению главным работником штаба, — Шувалов царствовал над всеми остальными штабными почти так, как и великий князь, — с облаков. Вследствие этого мы, молодые офицеры Генерального Штаба, едва лишь приходили со ним в соприкосновение.

Как посредничество с верхами, так и вся вообще воинская служба в действительности была в руках генерала Гершельмана. Именно он мне сообщил о выпавшей на мою долю обязанности по работе в штабе. В течение предстоявшего лагерного сбора в Красном Селе, я должен был сопровождать Его Императорское Высочество и все его замечания записывать.

В штабе я застал точно так-же прикомандированного, но годом раньше капитана полевой конной артиллерии Пузыревского, впоследствии Начальника Штаба Варшавского округа при Черткове. С однофамильцем, моим дядей профессором, ничего общего он не имел.

После турецкой кампании мы с ним породнились, так как я же-

нился на родной сестре его супруги, урожденной баронессе Корф, также сестре супруги министра юстиции Набокова, которого сын в Берлине был убит русским эмигрантом — по ошибке вместо Милюкова. С Пузыревским мы жили вместе в штабном бараке.

Затем в штабе находился профессор, полковник Газенкампф, — обоих нас хорошо знавший. К чести его должен сказать, что эпизод на второй академической теме, в котором я оказался победителем — не имел для меня никаких неприятных последствий, — напротив, отношения установились наилучшие, и во всем, в чем только можно было, Михаил Александрович оказывал мне полное свое содействие. — Великий князь Николай Николаевич Старший ежедневно почти посещал занятия, следя своим опытным глазом за целесообразностью обучения частей. Все замечания, указания и распоряжения, которые он при этом делал, я записывал, и вечером составлялась сводка, которую передавал Газенкампфу. В форме бюллетеней все это печаталось и рассылалось в войсковые части. К концу лагеря составился сборник руководящих указаний, дававший возможность ознакомиться с требованиями и взглядами главнокомандующего на службу и образование вверенных ему войск.

Этот томик представлял большой интерес для командующих войсками других округов, — которым не лишнее было считаться с тем, что и как делается на глазах у Верховного Вождя русской армии.

Эта точка зрения имела особенно большой вес в виду того, что опыт франко-германской войны вызвал партийную рознь, причем такой крупный воинский вождь, как Драгомиров, был противником в душе всех технических новшеств.

В то же самое время генерал Драгомиров командовал 14-й пехотной дивизией в Бендерах, и своеобразные приемы его обучения создали славу Бендерского лагерного сбора, своего рода Суворовской Мекки, куда ездили на поклонение.

Великий князь Николай Николаевич Старший чтил Суворова, как великого полководца, но не находил правильным, при современном состоянии оружия и военного искусства, считать, что все приемы суворовского воспитания и обучения войск, — применимы и в настоящее время.

Драгомиров был поклонником рыцарского романтизма в войске и именно вследствие этого, подобно немногим, дух войск и личные свойства начальника старался соответственно развивать и поддержать.

Очень много толковали тогда о том, что Михаил Иванович Драгомиров стал у мишени и одному из хороших стрелков приказал обстрелять свою фигуру вокруг, сажая пули на некотором расстоянии одну от другой.

Этот личный показ должен был служить примером для применения способа приучения к пренебрежению опасностью — в бою, когда вокруг свистят пули.

Великий князь любил Драгомирова, но считал его «чудаком», одновременно-же старался использовать его преимущества в интересах армии; когда он приехал в Петербург, — он пригласил Михаила Ивановича сделать сообщение у него во дворце, чтобы ознакомить начальников частей Петербургского округа с приемами Бендерского лагерного сбора.

Был и я на этом сообщении, впервые познакомившись с Драгомировым, — его манерой и способом изложения на кафедре. Это была не лекция, а именно сообщение, в форме беседы, — потому что Михаил Иванович обращался к кому-нибудь из слушателей, задавал ему вопрос, предлагая закончить фразу, выражающую его вывод.

Временами казалось, что сидишь в роли новобранца на школьной скамье, благодаря той упрощенной форме изложения, в которой он внушал слушателям свои убеждения.

Многочисленным слушателям, офицерам высших рангов, такой прием, понятно, не нравился; при горделивом сознании своего достоинства и непогрешимости, которыми они кичились, — им было известно, что лектор не остановится перед тем, чтобы при случае вышутить кого нибудь перед аудиторией. Вследствие этого создавалось легко неблагоприятное настроение во время его сообщений, что генералу на кафедре, конечно, не было на руку и раздражало его.

Так это было и на памятном для меня сообщении во дворце великого князя. — Драгомиров не стесняясь иногда попросту прекращал лекцию и без всякой церемонии удалялся. У великого князя Михаил Иванович был так оригинален в приемах своего сообщения, что, поддаваясь общему настроению, я не утерпел изобразить известную позу лектора в карикатуре. Рисунок имел большой успех; во время перерыва карикатура пошла по рукам и попала к Дмитрию Антоновичу Скалону, который взял да и показал ее самому Драгомирову.

Ему рисунок понравился; он смеялся и пожелал непременно познакомиться с автором. Моим товарищам ничего не оставалось, как вытащить меня из моего угла и представить генералу.

— «Одобряю», сказал Михаил Иванович, — «Его Высочество вас хвалит: — ловко схватываете оригинальные черты, — не бросайте вашего искусства; давайте познакомимся — «молодая змея».

После этого меня пригласил к себе на ужин Иван Федорович Тутомлин, воспитатель Петра Николаевича, второго сына Николая Николаевича Старшего, где я встретился опять с Михаилом Ивановичем. Здесь мы с ним в 1874 г. действительно познакомились ближе, — довольно долго говорили об Академии, и он взял с меня слово, что я буду ему посылать ежемесячно карикатуру.

Вплоть до Турецкой кампании я слово свое держал и назвал этот свой ежемесячный журнал «Молодая Змея», — аккуратно высылая художественную обложку на год и номер — каждый месяц.

Я приобрел не только крупного учебных дел мастера, — но и личного друга и ценного покровителя, дружбу к которому в действительности сохранил и после его смерти. Вся войсковая жизнь моя протекала под влиянием этого, правда, оригинального, но чудного человека, солдата и русского фанатика.

* * *

Причисленным я оставался недолго и к 1875 году переведен был в Генеральный Штаб капитаном, с назначением старшим адьютантом штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Дивизией командовал светлейший князь Голицын, большой барин старого времени, не отвечавший уже новым требованиям, но всеми вы-

соко чтимый. Он не был свободен от некоторых причуд. — Так, напр., не мог видеть равнодушно корнетов, чтобы не распечь или не наложить даже взыскания.

Однажды, проезжая в закрытой карете по Большой Морской улице, — заметил корнета л. гв. Конного полка, не отдавшего ему чести. Командиру полка приказано было посадить его на гауптвахту. Когда «светлейшему» доложили, что офицер заявляет о несомненной ошибке, так как он начальника дивизии не видел нигде, — князь ответил:

— «Еще-бы он меня видел, — да не отдал чести, — я был в карете». И корнет — все-таки сутки отсидел.

Князь жил на Миллионной улице, и кавалергардский взвод отвозил штандарт в Зимний Дворец, мимо окон его дома; один из офицеров, при этом, ехал не на своем месте, по уставу. — Показалось князю, что это корнет граф Толстой, и он приказал посадить его на гауптвахту. Командир полка, граф Игнатьев, приехал доложить, что граф Толстой и в наряде не был.

На это «светлейший» приказал для компании посадить и того, который был в наряде; — Толстой-же отсидел «здорово живешь».

Пришлось и мне отсидеть несколько часов, при совершенно других только условиях. Гвардейским корпусом командовал Наследник Цесаревич Александр Александрович, и на Пасху приказано было прислать в Аничковский Дворец от всех гвардейских частей известное число лиц для христосования.

Начальник штаба дивизии, полковник Аргамаков был в отпуску, и распоряжение об этом по дивизии делал я. — Прибыли мы с начальником дивизии во дворец и кавалергардов не оказалось, — тогда как все остальные были на лицо.

Наследник этого, конечно, не заметил; но князь Голицын очень волновался и приказал мне немедленно отправиться в полк и разобрать, в чем дело. Под'езжая к квартире полкового адьютанта графа Келлера, я встретил его на под'езде. На вопрос мой, почему кавалергарды не прибыли во дворец, — он ответил, что никакого распоряжения получено не было. Мы вошли затем в его квартиру, и первое, что мне бросилось в глаза, не на письменном, а на ломберном столе, — лежала телеграмма за моею подписью. Обвинение штаба дивизии, таким образом, само собой отпадало. Полковой адьютант посажен был на гауптвахту.

По городу быстро распространилось известие об этом аресте, и мне передали, что к этому добавляли: «Штаб дивизии путает, а полки за это отвечают», — как об этом свидетельствуют кавалергарды.

Тогда я отправился к начальнику дивизии, которого просил освободить полкового адьютанта, а меня посадить вместо него. Сперва князь заартачился и не соглашался, но затем понял, что таким только образом можно не только парализовать сплетню, но и пристыдить виновных.

Согласившись на это, князь Голицын сказал мне только, чтобы я «садился на гауптвахту сам», а он никакой бумаги подписывать не будет.

Поехал я к коменданту генералу Адельсону, хорошо меня знавшему, — об'яснил ему всю историю, и он согласился променять меня на графа Келлера, — о чем и дал мне предписание начальнику караула на Сенатской площади.

На гауптвахте, в гостях у «несправедливо потерпевшего», я застал почти весь полк и, вручая графу Келлеру его палаш, об'явил решение начальника дивизии: — так как до него дошли сведения, что кавалергарды убеждены в невиновности их полкового адьютанта, о чем и говорят в городе, то виноват в таком случае штаб. — Поэтому взыскание переходит на меня, как исполняющего должность начальника штаба дивизии.

Получилась картина, прямо хоть на сцену в театр; — мнимо, несправедливо потерпевший не хотел уходить из под ареста; но начальник караула просил его покинуть гауптвахту. Через полчаса кавалергарды приехали опять, и мое помещение наполнилось корзинами от Смурова, в которых было все, что только нашли лучшего в этом гастрономическом магазине.

На одном из, так называемых, опросов претензий, при инспекторском смотре, любимец светлейшего доставил ему большое удовольствие.

На вопрос начальника дивизии, нет ли претензий, обыкновенно никто их не пред'являл. Но на этот раз, когда князь Голицын проходил мимо Всеволжского, — последний заявил:

— «Я имею претензию, Ваша Светлость».

Князь остановился, пораженный такой неожиданностью, и спросил:

— «Какую-такую претензию может иметь юнкер?»

— «На красоту, Ваша Светлость», ответил Всеволожский, — не моргнув глазом.

Эффект получился совершенно исключительный, в особенности, когда светлейший с улыбкой отдал приказание:

— «Посадить эту «красоту» на гауптвахту».

* * *

Начальник штаба дивизии, полковник Аргамаков, не особенно следил за развитием военного искусства и относился скептически ко всяким «новшествам», — как он называл новые течения в воспитании и образовании войск.

В канцелярском отношении он был поклонник известной формулы «доброго старого времени», — что «бумажка не волк, в лес не убежит». Сдавая мне должность, капитан Скугаревский предупреждал, что иногда эти «бумажки» у Аргамакова залеживались на столько, что выдыхались и теряли уже смысл дальнейшего движения. — На тот случай если-бы какой нибудь бумаги в штабе не оказывалось, ее надо было искать на квартире Константина Федоровича.

В высших сферах признано было необходимым поднять тактическую подготовку корпуса офицеров, и с этой целью из штабов последовали различные тактические указания в строевые части войск. Аргамаков оказал им, однако, мало внимания. В действительности начальник штаба все инструкции этого рода оставлял у себя, и я должен был знакомиться с ними по экземплярам соседнего штаба. А как относился к тактике сам начальник дивизии можно судить по следующему эпизоду.

Мне поручено было разработать двухстороннее учение обеих кавалерийских дивизий, и я пришел с докладом к князю Голицыну.

Он пил чай в своей походной палатке и встретил меня заявлением:

— «Что вы там написали, мне все равно; знайте только, что по пыльным дорогам я не пойду.»

Так как князь, шел всегда впереди, то и вся колонна за ним пошла-бы по дороге, обусловленной таким соображением, — как пыль.

Вскоре князь Голицын ушел в придворное ведомство, а принявший дивизию граф Александр Иванович Мусин-Пушкин, в отношении развивавшихся тогда требований тактической подготовки, — настойчиво следил за исполнением указаний штаба корпуса.

Во всех частях гвардии тактические занятия вошли в моду, и офицеры Генерального Штаба командировались для руководства ими в полки.

В то время я уже был преподавателем тактики в Николаевском Кавалерийском училище и кроме полков нашей дивизии был приглашен еще для занятий в Стрелковый, Императорской фамилии баталион графом Клейнмихелем, его командиром.

По приказанию командира корпуса, для установки однообразных приемов ведения этих занятий, профессору генералу Лееру, поручено было собрать дивизионных адьютантов и дать соответствующие указания. Наш маститый учитель, специалист по стратегии, к тактике особенной склонности не имевший, — дал нам несколько чисто теоретических указаний.

Они нам хорошо были известны, что сознавал и Генрих Антонович Леер, поэтому он считал необходимым проделать примерную задачу на плане. — Перечислив теоретические требования, каким должна удовлетворять избираемая для боя позиция, — он стал оценивать одну за другою и, не находя ни одной, которая подходила бы полностью по всем пунктам, — Генрих Антонович перевернул план на другую сторону и на чистом листе, схематически, расположил отряд в требуемом теоретически порядке.

Для того, чтобы облегчить ведение этих занятий в войсках, я с моими товарищами составил «Сборник тактических задач», на специально для этого изданных планах, на которых задачи решались.

Вошла в моду и двухсторонная «военная игра», которая очень заинтересовала многих крупных начальников, равно как и двухсторонние полевые маневры.

На одном из последних, мне пришлось располагать биваком отряд у с. Рождествени, вблизи имения Бостово, принадлежавшего мин. юстиции Набокову. Капитан Пузыревский был женат на сестре Набоковой, которая жила там летом. Младшая сестра последней, вдова Дащая, жила тоже в этом прелестном имении.

Тактические занятия были в такой моде, что некоторые крупные наши генералы пожелали лично принять в них участие. Однажды получил я от генерал-адьютанта графа Воронцова Дашкова приглашение руководить военной игрой у него на квартире. И капитан генерального штаба оказался руководителем этих тактических занятий, — среди таких свитских генералов, как князь Лопухин-Демидов, граф Менгден и другие.

При подобных условиях я всю свою молодую душу положил в этот труд, чтобы оказаться достойным оказанного мне доверия. С гордостью вспоминаю теперь об этом и о моей радости в то вермя, — когда

дело пошло на лад и моих генералов удалось увлечь на столько, — что они до самого выхода в лагерный сбор занятий прекратить не хотели. На память от них я получил прекрасные кабинетные часы.

* * *

Начальник дивизии посылал меня в полки дивизии на все занятия по сторожевой и разведывательной службе.

Приходилось в сутки по два и по три раза выезжать для этого в районы этих упражнений. В один из таких дней, когда обе мои лошади уже были утомлены, барон Фредерикс, командир л. гв. Конного полка; прислал просить меня на аванпостное учение, для чего приведена была под мое седло его собственная лошадь.

При столкновении раз'ездов противных сторон, в азарте люди доходили иногда до драки, в особенности в тех случаях, когда не было офицера. Увидя именно такой случай на этом учении, я поскакал к месту столкновения, — чтобы предупредить драку.

Лошадь барона была чистокровная, участвовавшая на скачках, привыкшая к безостановочному и быстрому движению на значительные расстояния. На обоюдное наше несчастие, во время такой скачки она попала передними ногами в кучу щебенки на обочине шоссе, и мы с нею дублетом кувырнулись через голову. Лошадь получила поражения ног, правой стороны головы и плеча, но вскочила и потащила меня дальше, так как нога моя осталась в стремени. К счастью, ударом копыта в поясницу, она освободила мою ногу из стремени.

Подняли меня в бессознательном состоянии и отвезли в Красное Село. Врачи, приведя меня в чувство, приступили к перевязке. Трудно было найти подходящее для меня положение, так как при переломе ключицы с правой стороны, опухоли головы с левой, ушибов спины и ноги — нельзя было меня ни удобно положить, ни посадить и стоять я не мог.

Целой системой подушек устроили меня на кровати так, чтобы можно было приступить к перевязке. Тем не менее уже через шесть недель, как я, так и мой товарищ по несчастию, — были опять на ногах.

После моего выздоровления я получил приглашение явиться к командиру корпуса, каковым был тогда великий князь Наследник Цесаревич, впоследствии Александр III. Я был представлен также ее императорскому высочеству великой княгине Марии Федоровне. Оба они очень участливо расспрашивали о состоянии моего здоровия . . . Отпуском для восстановления последнего закончился этот эпизод.

* * *

По академическим правилам, — окончившие курс получали право увольнения в отпуск на четыре месяца, — с сохранением содержания.

Я и воспользовался этим правом, побывал во многих городах Германии, Австрии, Швейцарии, Италии и Франции.

Начал я свое путешествие с Варшавы; пробыв несколько дней в полку, которым командовал уже барон Притвиц, а князь Шаховской был в должности начальника штаба Варшавского военного округа. Говорили, что это назначение состоялось случайно. Император Але-

ксандр II спросил командующего войсками, кого он желает взять на открывшуюся вакансию начальника штаба.

Был другой Шаховской, генерал Генерального Штаба, о котором и доложено было государю; но он понял так, что ходатайствуют о князе Иване Федоровиче, которого Его Величество очень любил, — и находившегося тут-же нашего командира полка поздравил с назначением.

Военным агентом нашим в Вене состоял генерал Фельдман, по указанию которого мне пришлось быть у австрийского начальника генерального штаба, генерала Бека. — Он меня очень любезно принял, расспрашивал о полковнике Клепше, военном агенте у нас в Петербурге, — которого я очень хорошо знал. Затем спросил, что я осматривал в Вене и когда узнал от меня, что на самой вершине собора Св. Стефана, „Stephans Kirche", я нашел оригинальное применение так называемого геодезического универсального прибора, — он улыбнулся и сознался, что не подозревал даже об этом.

Из Вены я проехал в Берлин. После посещения австрийской столицы, — германская произвела на меня впечатление чего-то более сурового, марсиального. От того-ли, что на улицах несравненно больше военных, да еще затянутых в мундиры с высокими стоячими воротниками, — но какая-то неуютность не располагала к продолжительному пребыванию в Берлине, и я проехал в Саксонскую Швейцарию, Энгадин, Женеву, Париж, на юг Франции — Ривьеру.

В Италии я посетил Турин, Милан, Рим и Неаполь. Затем через Венецию, Вену и Варшаву я вернулся обратно в Петербург.

Обо всем том, что я наблюдал заграницей с военной точки зрения и личных впечатлений, — за неимением под рукой заметок того времени, — я не имею возможности рассказать сейчас все так, как это было-бы мне желательно. Но резкое впечатление осталось, что из всего красивого, виденного мною, — красивее всего Ривьера, и я после того почти ежегодно паломничал туда, — под конец еще министром, весною несчастного 1914 года......

* * *

По возвращении в Петербург, я приступил к чтению лекций по тактике в Николаевском Кавалерийском Училище. Затем мне предстояло в каком-нибудь полку откомандовать эскадроном, для получения ценза на командование в будущем кавалерийским полком.

Не нарушая ничьих интересов в этом отношении, оказалось наиболее подходящим мое прикомандирование к л. гв. Кирасирскому Его Величеству полку, которым командовал тогда граф Нирод. В своем полку отбывать эскадронный ценз нельзя было, так как он находился в другом округе.

В Царском Селе я принял 3-й эскадрон. Офицеры полка встретили меня, как коренного своего товарища. Лишь мой старый, опытный вахмистр Ларичкин, когда я явился в эскадрон, — к «новичку» отнесся с некоторым сомнением, — какой такой из меня может быть командир?

Но через два-три дня на работе он убедился, что у меня кое какой опыт есть, — а когда на выводке лошадей, я отобрал всех, требующих перековки, — то всякие сомнения у него отпали.

Зимний сезон того времени не отличался большим оживлением.

Балов при большом дворе было мало, — что об'яснялось тем положением, которое сложилось после смерти Императрицы и отношениями Императора Александра II к княгине Долгоруковой. Но в частной жизни петербургского общества веселились довольно много. Участие в танцах я принимал охотно; выработался из меня хороший дирижер и вместе с таковым-же, гвардейским сапером Прескотом, мы дирижировали на больших балах, где танцовало более двухсот пар.

Так называемый малый двор жил совсем скромно, — Наследник Цесаревич Александр Александрович предпочитал балам — рубку дров, рыбную ловлю и уютную вообще жизнь хуторянина в Гатчине, где он на озере охотился на щук с острогой. Сформировал он у себя любительский оркестр, в котором играл сам на большой басовой трубе.

Между прочим, на барабане играл генерал Чин-Гиз-Хан, действительный потомок этого монгола, с таким обликом своих предков, что в этом не могло быть ни малейшего сомнения. Любителей поступить в этот высокопоставленный оркестр было, конечно, много, — но попасть туда удавалось не многим.

Особенность этого оркестра заключалась в том, что он собственно играл для самого себя, в дворце Цесаревича, — слушателей у него не было, — если не считать членов императорской фамилии.

* * *

В конце апреля 1877 г. предстоял майский парад, на Марсовом поле в Петербурге. Император Александр II любил эти парады, и для жителей столицы это было интересное зрелище, — дефилирование гвардейских полков производило впечатление настоящей феерии. Красивая при этом форма одежды, прекрасные хоры музыки, об'езд государя стройных войсковых колонн, в сопровождении блестящей свиты, приводили в восторг всегда многочисленных зрителей парада.

Парад сошел превосходно, при дивной погоде — и закончился заявлением государя, когда собраны были начальники частей, что Его Величество надеется, если гвардии придется принять участие в Турецком походе, то она не посрамит своих знамен.

В воздухе уже тогда носились признаки возможной войны на Балканском полуострове.

Нам казалось, что болгарам тяжело жилось под мусульманскою властью. В России, особенно в Москве, «панслависты» и «славянофилы» — настаивали на заступничестве за соплеменников, — томящихся под игом турок. Наша дипломатия не смогла мирным путем добиться в этом отношении каких либо существенных результатов, даже под угрозой наших вооруженных сил, — демонстративно собранных по направлении к Дунаю, точно так же, как и мобилизацией румын, живших в постоянных трениях с турками.

В воинственном настроении после парада возвращались мы в Царское Село.

Начались полковые учения. К предстоящему смотру начальникам дивизии надо было подготовить учение с тактическим предрасположением, т. е. чтобы все эволюции согласованы были с известными действиями предполагаемого противника. Граф Нирод пригласил меня к себе на квартиру и просил помочь ему в этом новшестве. — Я охотно,

конечно, взялся за это, но под условием, чтобы никто не знал в полку о моем участии в составлении проекта учения.

Мое предложение хода учения понравилось графу, и надо было только его усвоить самому командиру полка.

Для этого несколько вечеров, на ломберном столе, изображавшем плац, при помощи папирос, отвечавших эскадронам, — граф репетировал учение, произнося все команды или подавая сигналы.

Все шло гладко, — товарищи только не могли понять, куда я исчезал по вечерам, — делая догадки совсем в другом направлении. — Затем пришла очередь и этому новому учению. Первая половина прошла без осечки. Началась вторая часть учения. Но тут вышел камуфлет: мой дорогой командир замялся на одном построении, — остановил полк и громко спросил: «Владимир Александрович, — как дальше?» ......

После смотра полкового учения, которым начальник дивизии остался в высшей мере доволен, причем подчеркнул особенно удачное учение с тактическим предположением, — я со своим эскадроном выступил в Красное Село.

Начались регулярные занятия лагерного сбора, но до конца его мне не пришлось пробыть в полку, так как, в числе некоторых других молодых офицеров генерального штаба, я был командирован в действующую армию, на Дунай.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Турецкая кампания 1877-78 гг.

Глава IV

В тылу

От'езд. Начальник города Тырново. Охота на башибузуков. Смена.

Сдав эскадрон, я отправился в Петербург и быстро покончил с несложными приготовлениями к выступлению в поход. Брать с собой лошадей мне не советовали; седельный убор я взял. — Со многими другими офицерами мне предстоял путь на Москву, Тулу, Орел и Курск — на юг. В Харькове устроили нам трогательный прием-проводы. Местные дамы об'единились, чтобы выразить свое внимание от'езжающим на фронт. Нас роскошно угощали и осыпали цветами.

Когда, после продолжительной остановки, поезд тронулся, — я высунулся из окна вагона, чтобы еще раз поблагодарить за сердечные напутствия, — а одна из милых, изящных дам, успела дать мне темную, пунцовую розу, — сказав: «Сохраните ее, она вам принесет счастье» . . .

И роза эта сделала со мной весь поход, — приехала в Петербург; — дамы-же я нигде не встретил, хотя красивое лицо ее запомнил очень хорошо. — В Унгенах мы переступили румынскую границу и прибыли затем в Бухарест. Здесь нам пришлось ждать отправки к Дунаю.

В тот-же вечер мы отправились дальше и утром не доехали до Фратешт, конечной станции, против турецкой крепости Рущука на правом берегу Дуная. На полустанке нам заявили, что Фратешти обстреливается турками и поезда пустить дальше нельзя. — Между тем вагон с нашим багажом проследовал туда.

К счастию, здесь оказался наш военный инженер, к которому я обратился с просьбою раздобыть как-нибудь наш багаж. Так как начальник станции наотрез отказывался дать паровоз для этого, — то мы с инженером отправились к паровозу, набиравшему воду, и взобравшись к машинисту, потребовали, чтобы он доставил нас на станцию Фратешти. — Он решительно отказался и ушел на тендер, к кочегару.

Тогда мы решили сами с'ездить во Фратешти. Я переводил стрелки, инженер управлял машиной, и мы, выбравшись на путь, в несколько минут долетели до станции. Турки действительно стреляли, — но огонь их был безвреден.

Мне посчастливилось скоро найти вагон с нашим багажом и, захватив его, мы задним ходом, преблагополучно вернулись на полустанок.

В числе спутников моих было два юных корнета. Как и мне, им надо было попасть в Зимницу, которая находилась на запад по Дунаю, километрах в ста от нашей высадки.

Никаких перевозочных средств здесь на полустанке не было.

Долго приходилось ходить по соседним поселкам и хуторам, — в которых уже все было забрано раньше нас; мне пришла мысль собрать волов, коров, жеребят, пристроить упряжку из веревок — холста и запречь дюжину всего этого в широкую повозку.

За довольно большие деньги удалось уговорить румын и наладить дело. На импровизированную колесницу настлана была кукурузная солома, — уложены наши седла и вещи, — генерального штаба капитан и два корнета взобрались поверх всего этого — и шествие тронулось.

Без смеха, конечно, нельзя было смотреть на стадо, переплетенное веревками, как паутиною, и на нас, восседающих на багаже. В таком виде тащились мы трое суток и прибыли в Зимницу, точно совершили тысячеверстный поход.

В Зимнице чувствовался тыл действующей армии, открывались лазареты, виднелись флаги Красного Креста и повязки с тем-же крестом, сестры милосердия, — двигались обозы, транспорты, открывали свою торговлю маркитанты и т. д.

Главная Квартира Главнокомандующего переправилась уже на правый берег в Систово, и понтонный мост был наведен.

Я явился в Штаб Главнокомандующего. Начальником Штаба был генерал Непокойчицкий и помощником его генерал Левицкий.

* * *

Мне было об'явлено, что через несколько дней Главная Квартира переходит в Тырново и я должен следовать за нею. Надо было приобрести лошадь, что и удалось; продавалась очень хорошая и не особенно дорого, так что при вступлении в город Тырново, — в свите великого князя Николая Николаевича Старшего я был верхом.

Войска наши продвинулись уже к Балканам, — к Плевне на запад и к Рущуку на восток. — Тырново приходилось в центре, — но половина его населения были турки, — половина — болгары.

С наступлением русских войск последние начали уничтожать турок и при следовании великого князя по городу слышны были еще выстрелы, загорались дома.

Решено было, поэтому, ставку Главнокомандующего расположить не в городе, а проехав его, на «Марино-поле». Мне-же великий князь приказал привести город в порядок, для чего в мое распоряжение дан был взвод казаков 21-го Донского полка.

* * *

Сделавшись внезапно Тырновским градоначальником, я должен был получить указания от князя Черкасского, как заведывающего гражданскою частью в районе Действующей Армии.

Указание эти ограничились вручением нескольких инструкций по устройству гражданского управления в занимаемых нами турецких областях, настолько общего характера, что в частности для Тырновской обстановки почерпнуть было нечего. Между тем самый большой город в занятой нами части Болгарии, древняя столица ее, по соседству со ставкой Главнокомандующего, — требовал немедленного введения порядка.

Задача эта была для меня совершенно чужда.

В Академии решал я всякие задачи, но не в этой области, и вопросы с такою массою неизвестных: кому я подчиняюсь, — откуда взять личный состав, на какие средства заводить все, что понадобится? и т. д., мне решать еще приходилось.

Князь Черкасский занят был всякими высшими соображениями, и в его канцелярии советовали мне обратиться в Штаб Главнокомандующего. Поэтому я обратился к Дмитрию Антоновичу Скалону, адьютанту великого князя. Он посоветовал мне переговорить с Газенкампфом. Этот мой профессор в Академии дал мне, наконец, самое решительное указание:

— «Проявите полную инициативу, — ручаюсь вам, что если восстановите порядок в городе, — все ваши меры будут одобрены».

С 30-ью казаками и без копейки денег, я принялся за работу.

Город построен на скалах, среди которых змееобразно протекает р. Янтра, в глубоких, крутых берегах.

Небольшие дома, самой примитивной архитектуры, точно гнезда ласточек, лепятся на скалах. Ни одной широкой улицы. В центре на небольшой площадке, — выстроен единственный двух-этажный дом, по турецки «конак», — куда я и отправился.

Там я застал довольно многолюдное собрание болгар, которые «судили и рядили» о том, как им быть после бегства турецких властей.

Чтобы ознакомиться с местными людьми, я пригласил тех, которые говорили по русски, в отдельную комнату. Двое или трое из них долго жили в России и говорить с ними было легко. В результате, после беседы в течении часа или полутора, у меня в руках был уже список горожан, кто на какое дело пригоден, а главное для меня было ясно, кто может быть городским головой.

До устройства болгарской полиции, казаки несли патрульную службу по городу.

Надо было выбрать участковых приставов и составить городской совет, для заведывания хозяйственными делами города.

У меня нашелся прекрасный переводчик, сын известного болгарского поэта, Рачо Словейко, — воспитывавшийся в России.

Жизнь в городе стала налаживаться понемногу.

Необходимо было иметь план города, и глазомерной с'емкой я его быстро сделал. Этот мой собственный план я имел возможность потом купить на Невском проспекте, в Географическом магазине Главного Штаба — в Петербурге.

Через Тырново проходило много войск, между прочим и генерал

Драгомиров со своею 14-ю пехотною дивизиею, которая шла на Шипкинский перевал.

Расположена она была биваком на Марине поле, и когда я явился к Михаилу Ивановичу, он меня радостно встретил. Узнав о том, что в горах над городом засели башибузуки и стреляют в город, Драгомиров предложил мне роту, командир которой устроит облаву и выкурит разбойников.

Эта облава и состоялась; до гнезда их мы добрались и забрали все, что у них там было припасено, — но сами башибузуки улизнули по какой нибудь тропе, которая нашими стрелками не была занята.

Назначен был наконец и Тырновский губернатор, — генерал Домонтович.

Глава V

Бои за Балканские проходы

Неудачи генерала Гурко. На Шипкинском перевале. Под Плевной. Разведки. Прибытие гвардии. На Троянском перевале. Штурм Орлиного Гнезда. Преследование Сулеймана Паши. Со Скобелевым под Филиппополем.

На театре военных действий положение между тем обострилось. Передовой отряд генерала Гурко, перевалив Балканы, — наткнулся на превосходные силы Сулеймана Паши и должен был отойти обратно на север. Полковник Сухотин, впоследствии имевший случай причинить русской коннице не мало горя, — был первым вестником, доставившим это известие в Тырново. Он находился при штабе этого передового отряда. Его возбужденное состояние производило неблагоприятное впечатление; от нервного раздражения у него волосы и борода поседели. По его рассказам можно было думать, что передовой отряд Гурко полностью раздавлен. В действительности-же, хотя и с большими жертвами, ему удалось на Балканах турок остановить и самому в порядке отойти. Геройской обороной Шипкинского прохода «железной бригадой», к которой на помощь пришла 14 пехотная дивизия, этот огромной важности горный перевал остался в наших руках. Позиция эта была теперь в руках Радецкого. При одном из штурмов Сулеймана Паши на почти неприступную позицию Радецкого, генерал Драгомиров был ранен в колено на вылет. Его доставили в Габрово, откуда я его сопровождал в Систово.

Из Софии наступала армия Османа Паши на Плевну и угрожала нашим сообщениям с запада. В целом ряде кровавых боев под Плевной понесли мы большие потери, и положение обострилось настолько, что мы вынуждены были вызвать из России подкрепления. В поход выступить должна была и гвардия. За исключением кирасирской дивизии — вся она и прибыла. Осман Паша создал под Плевной укрепленный лагерь. Под командой короля Карла Румынского нашей армией при содействии румынских войск лагерь этот был обложен. Вследствие недостаточности вооруженных сил на левом берегу р. Вида кольцо обложения не могло быть замкнуто. Под Рущуком Наследник Цесаревич прикрывал наш восточный фланг.

После того как я получил поручение из Ставки, передать лично генералу Радецкому пакет и затем исполнить то, что он найдет нужным мне приказать — я отправился в Габрово.

За Габровым начинается под'ем на Шипкинский перевал, около 5 тысяч фут высоты по широкому, хорошо разработанному шоссе. Добрался я до ставки корпусного командира, где застал Федора Федоровича Радецкого в палатке, играющего в свой любимый «полтавский ералаш». Его начальник штаба, генерал Дмитровский, порядочный пессимист, — ходил при этом и что-то ворчал.

Оказывается, что перед тем турецкий снаряд пробил палатку, в которой они играли, и Федор Федорович приказал поставить другую, всего в нескольких шагах от первой. По этому поводу и высказывал свое неудовольствие Дмитровский, настаивая, что с этого места надо уйти совсем, а Федор Федорович продолжал играть в карты и мурлыкал себе под нос любимый какой-то марш.

Он вскрыл конверт, лишь закончив игру, передал его начальнику штаба и затем попросил меня повидать лично командующего 14-ою пехотною дивизиею генерала Петрушевского, передать эту бумагу ему и с ним переговорить.

Я откланялся и прошел к другой палатке, где находился Виктор Викторович Сахаров, состоявший в штабе Радецкого. — Дороги на позиции 14-й дивизии я не знал и просил Сахарова отправиться вместе со мною. — Он рассмеялся и сказал, что к Петрушевскому тропинка под таким обстрелом, — что днем обыкновенно по ней не ходят, а если уже надо пробираться, то лучше в одиночку. Сбиться с пути невозможно, потому что по обе стороны пропасти.

Пришлось итти одному. Действительно, я мог наслушаться, как пули свистят, и удовольствия музыка эта мне не доставляла.

Повидав генерала Петрушевского и получив от него указания, — я уже в сумерки добрался обратно до ставки командира корпуса. В палатке Сахарова я отдохнул несколько часов, — а с рассветом выступил обратно, но не в Тырново, — а в Богот, в ставку великого князя.

Под'езжая к Боготу, я встретил императора Александра II, который с конвоем казаков, в коляске выезжал на прогулку. Увидав и узнав меня, Государь остановил экипаж, подозвал, назвав по фамилии, — спросил, откуда и куда еду.

Доложив об исполненном поручении, я спросил генерала Левицкого, могу-ли возвращаться в Тырново. На это он мне ответил, — что полковнику Фрезе поручено составление топографического плана обложения Плевны и он просит, чтобы меня назначили к нему в помощь; мне поэтому надлежит вернуться в Тырново, сдать должность и прибыть немедленно в ставку.

* * *

Как я уже сказал, линия обложения, за недостатком войск обнимала всего лишь две трети круга; по шоссе из Плевны на Софию, у турок сообщение было открытое. По этой дороге турки сооружали укрепленные этапные пункты для более безопасного следования транспортов, от покушений на них нашей конницы. Но в этом отношении никакой энергичной деятельности проявлено не было, несмотря на ров-

ную и сравнительно открытую местность. По сведениям от болгар, известно было, что на шоссе строятся укрепления; что транспорты конвоируются войсками, движение которых, как в Плевну, так и из укрепленного этого лагеря, происходит постоянно.

Во время одной рекогносцироки на передовой линии я был в районе расположения дивизии Михаила Дмитриевича Скобелева, известного «Белого Генерала», у которого начальником штаба был Куропаткин.

Я, конечно, явился к начальнику дивизии и был любезно принят. Здесь имелся уже готовый материал, все исследовано и на карту нанесено.

Рекогносцировки на правом берегу р. Вида были окончены, — оставалось исследовать турецкие работы в секторе обложения, пока нами не занятого. Удобнее всего было производить разведки на левом берегу, из правофлангового участка, занимаемого румынами.

У них здесь и кавалерии было достаточно, — но столковаться с ними было не легко. Я предпочел поэтому переехать на левый фланг. Левее всех стояли Киевские гусары, которыми командовал полковник барон Корф. С рассветом я отправился на разведку с раз'ездом из 9 гусар.

Спустившись с высот, мы направились к броду на реке, который был известен гусарам.

В густой, высокой кукурузе, закрывшей почти всего всадника, продвигались мы к шоссе. Спешив раз'езд, я пешком продвинулся настолько, что мог наблюдать следование турецкого обоза, рассмотреть в бинокль производившиеся работы по возведении земляных укреплений и набросать кроки,

Очевидно, наше движение было замечено, ибо мои люди видели на нашем правом фланге черкесскую папаху и затем около 50 черкесов, занявших нашу переправу через реку.

При таких условиях пришлось избрать другую дорогу для возвращения. Окончив работу, я двинулся налево по опушке кукурузного поля, вдоль шоссе; параллельно с нами шел и турецкий транспорт из Плевны.

Пройдя около 4 верст, повернули мы опять к стороне реки, чтобы избегнуть столкновения с мерами охранения, которые могли быть выставлены следующим турецким этапным пунктом.

Подходя к самой окраине кукурузы, мои гусары вдруг быстро соскочили с лошадей и бросились на лежащих, по всей вероятности, спавших турецких пехотинцев, так как ружья лежали около них.

Это был, должно быть, отдельный сторожевой пост из Черного Дубника или секрет, наблюдавший в сторону реки, на противоположном берегу которой стояли наши передовые посты Киевских гусар.

Верстах в двух или трех левее от этого места находилась наша переправа, где, как мы знали, сторожили нас черкесы. Нельзя было медлить. Четверо гусар, на лучших лошадях, посадили на крупы позади себя турок, и мы во весь опор помчались прямо к реке.

Мы проскакали уже больше половины всего расстояния, когда черкесы нас заметили и понеслись в нашу сторону, открыв пальбу с лошадей.

Один из наших пленных во время скачки не удержался — упал

и не мог больше подняться, пока мы его видели после того. Доскакав до берега реки, первыми переплыли всадники без «пассажиров», — и открыв огонь по приближавшимся черкесам, удачно подстреляли лошадь у скакавшего впереди. Произошла задержка у черкесов, и мы все благополучно, с тремя пленными, — вышли на правый берег Вида.

На аванпостах стоял эскадрон ротмистра Кареева, моего товарища по Николаевскому Кавалерийскому училищу. С передовых гусарских постов видно было все, что происходило на левом берегу, и на встречу мне на помощь шел галопом полуэскадрон гусар, с Кареевым во главе.

Таким образом, не только задача по рекогносцировке была выполнена, но удалось раздобыть у противника в тылу, так называемый — «язык», — т. е. людей для опроса. Я ходатайствовал о награждении крестами молодцов гусар, — что и было уважено. Когда-же пленные турки были доставлены для опроса в Штаб Главнокомандующего и великому князю было доложено, каким путем они попали, — то меня наградили золотым георгиевским оружием.

Великий князь был очень доволен выполненной работой и приказал явиться к Карлу Румынскому и поднести ему экземпляр, так как он официально считался в то время начальником войск, облагающих Плевну.

Мы были ласково приняты им и получили румынские ордена с мечами.

* * *

Нам пришлось иметь дело с противником стойким и хорошо вооруженным. Да и генералы у них оказались такие, как Сулейман и Осман-паши. Поэтому радовались прибытию подкреплений из России; в Румынию прибыли первые эшелоны гвардии, направляемые на Западный фронт к Плевне, после чего приступили к полному обложению укрепленного лагеря.

Под начальством генерала Гурко войска наши начали переходить на левый берег р. Вида. Великий князь Николай Николаевич Старший пожелал находиться ближе к месту предстоящего боя. Мне поручено было из Богота провести к Медовану, на р. Вид, конвой, свиту и лошадей штаба.

Со взятием Горного-Дубняка, сообщение Плевны с Софией было прервано, установилась полная блокада. Гвардия затем получила приказание двигаться на Софию, под командой генерала Гурко.

На Шипкинском перевале к востоку сидел Радецкий. Поэтому генералу Карцову в Ловче, между нами, — необходимо было следить за всеми теми доступными местами в горах, которыми мог воспользоваться противник, — точно так, как и знать, где можно было-бы перейти Балканы, если-бы понадобилось.

На линии Плевна—Троян лежала Ловча. Туда именно, совершенно неожиданно, получил я новую командировку, после производства в подполковники.

Мой новый начальник дивизии Павел Петрович Карцов, умный, очень хозяйственный генерал, который не ходил на поводу у своего «штаба начальника», подробно ознакомил меня с создавшейся обстановкой.

Начальником Ловче-Сельвинского отряда мне и поручено было эту работу выполнить. Все сведения, какие у него имелись, Карцов мне передал, но почти все они основывались на показаниях лишь «братушек» и проверены не были. Предстоял, таким образом, целый ряд рекогносцировок. Я купил еще две лошади, — одну для рекогносцировок в горах, привычную к движениям по балканским тропам, и другую, упряжную — для повозки с моим багажом. Кроме казака Усова, мне назначен был еще и пеший вестовой.

На участке между Шипкой и Орханией существовали собственно проходы через горы на юг, — в виде тропинок, из коих от Трояна на Сопот считалась более других доступною. Перевал этот у Орлиного Гнезда был занят турками, где они укрепились. Я ходил в горы на разведки с местными проводниками и пехотными разведчиками.

Турки держали себя довольно пассивно, закупорив Троянский перевал. На этот-же последний тропа шла по гребню отрога и вела к небольшой площадке, на высоте шести тысяч фут, южная окраина которой была укреплена. Отдельные скалы, здесь нагроможденные, и носили название «Орлиное гнездо».

Для колесного движения Троянский перевал был не пригоден, — но зимой весь путь до площадки мог быть удобно проходим, так как с гребня ветром снег должен был сноситься. Что касается подступов к устроенным каменным завалам «Орлиного Гнезда», — то для атаки они представляли нечто труднодоступное. Но к правому флангу, с нашей левой стороны имелось мертвое пространство непосредственно перед бруствером на скалах. Что касается других тропинок в горах, — то они были для движения всех родов оружия совершенно невозможными, — а зимою и одиночные люди по ним пробраться не пытались даже.

Возвращаясь с рекогносцировки, я заехал в Трояновский монастырь, настоятель которого меня радушно принял.

Не большой, но зажиточный этот приют иноков — видимо, благоденствовал. К монашескому укромному уголку, у подножья Балканского хребта, турки не добрались, и все хозяйство монастырское было в полном порядке. Гостеприимный игумен заявил, что недалеко от них имеется и женский монастырь, который состоит тоже в его ведении, причем предложил мне пройти туда. Мы отправились и через несколько минут ходу подошли к ограде, заключавшей несколько небольших деревянных построек.

Встретила нас сама мать игуменья, красивая болгарка лет 30, знавшая несколько русских слов. Чувствовалось во всем, что настоятель мужского монастыря — здесь хозяин полный.

Всех монахинь было не более десяти, и ни одной старой я не видел. Подали нам настоящий турецкий кофе и всякие восточные лакомства. Беседовали мы непринужденно, — по болгарски я мог уже говорить довольно прилично.

В этих монастырях хорошо знали все дороги и тропинки в окрестных горах. Из расспросов мне было ясно, что зимой всякое движение по ним прекращается и попытка перевалить на южную сторону возможна лишь по Трояновской тропе, все остальные были занесены снегом выше роста человеческого.

Тесная блокада привела к полному истощению продовольствия, и с

последним сухарем Осман-Паша вышел из Плевненских укреплений, пробиваясь в сторону Софии.

Прорваться ему, однако, не удалось; в ожесточенном бою сам он был ранен и армия положила оружие. Под ним была ранена и лошадь, белый араб, которого великий князь передал Офицерской Кавалерийской Школе. Лошадь эта никогда не ложилась и пала, опустившись только на колени. В музее школы сохранилось препарированное чучело этого исторического коня.

С ликвидацией Плевны, — руки русского главнокомандующего были развязаны и предстоял переход в наступление. Зимний поход с движением через Большие Балканы, — в современной литературе тогда признавался предприятием рискованным, — невыполнимым.

Великий князь, главнокомандующий был другого мнения.

Генерал Гурко наступал уже на Софию, чтобы оттуда повернуть в долину р. Марицы, на которой находился Филиппополь и Адрианополь.

Генералу Радецкому предстояла трудная задача спуститься к Казанлыку, преодолев сильные, укрепленные против него позиции турок. Помочь этой операции должен был отряд генерала Карцова из Ловчи. Поэтому, несмотря на прибытие полковника Сосновского, принявшего штаб 3-й пехотной дивизии, — меня оставили в распоряжении Карцова.

Сосновского мы все знали по его репутации путешественника в Китай, куда он был командирован с научно-торговой экспедицией. Курьезный отчет его вызвал литературную против него кампанию, которая выяснила полную несостоятельность Сосновского в роли начальника подобной серьезной экспедиции, его неискренность и двухличность, как человека. — Последнее вполне подтвердилось на деле и в походе нашего отряда за Балканы.

Когда получено было приказание о наступлении на Сопот, по ту сторону гор, в долину Гиобса, — генерал Карцов приказал мне отправиться в Трояновский Монастырь и распорядиться там сбором болгарских четников и подготовкой всего, что нужно будет при движении отряда по Троянскому проходу.

Прибыв в монастырь и приступив к выполнению данного мне поручения, через день я получил диспозицию о наступлении, в которой значилось, что я назначаюсь начальником колонны из двух сотен Донского Казачьего № 30 полка и двух рот Новоингерманландского пехотного полка, которые прибудут ко мне в д. Шипково из Орхании.

С этим незначительным отрядом я должен был обходным движением способствовать овладению Орлиного Гнезда главной колонной генерала Карцова. Между тем из моих рекогносцировок и докладов в штабе известно было, что данное моей колонне направление непроходимо зимой; тем не менее с казаками я выступил на Шипково, вдоль подошвы Балканского Хребта, где должны были присоединиться ко мне две роты пехоты. С неимоверными тродностями, раскапывая лопатами снежные сугробы, — к д. Шипково мы дотащились в полном изнеможении. Целый следующий день свирепствовала снежная буря, и пехота к нам не пришла.

На следующий день метель утихла; с лопатами вышло человек двадцать, и моя колонна из одних только казаков двинулась в

путь. Наши болгары не брались быть проводниками. Сперва мы шли не более полуверсты в час, но затем глубина снега увеличилась на столько, что уже не было физических сил пробиваться в снежных сугробах выше роста человеческого.

Вернувшись обратно, не имея никаких известий от пехоты, которая должна была прийти, переночевав в Шипкове, мы пошли обратно в Троян. По дороге нам встретился болгарин, сообщивший, что турки не пустили нашу колонну через Троянский перевал и много раненых доставлено в долину.

Когда я явился к Карцову, он бросился ко мне со слезами на глазах. Он опасался, что я мог погибнуть с моей колонной.

У перевала осталось около пяти тысяч человек, с генералом гр. Татищевым во главе и при нем полковник Сосновский. Карцов дал мне предписание отправиться в распоряжение графа Татищева, — а Сосновского просил прислать в Троян.

Происходило все это в двадцатых числах декабря месяца в снежную и холодную зиму 1877 года.

24 декабря я прибыл к графу Татищеву и доложил о том, что начальник отряда просит полковника Сосновского спуститься к нему в Троян. Вид его меня поразил своею растерянностью. Из его лепета я понял одно, что он смешал данные моей рекогносцироки: надо было обходить правый фланг позиции неприятеля, — а он с нашего правого фланга искал обхода — левого фланга турок.

К перевалу привлечены были наши две девятифунтовые пушки. На колесах их доставить не представлялось возможности, — поэтому тело орудия, лафет, колеса, — отдельно на салазках, — пришлось тащить. Что-же касается снарядов, то люди несли их на руках, в сильный мороз.

После от'езда Сосновского, генерал граф Татищев, со свойственной ему прямотой, рассказал мне все то, что произошло так бестолково и в какую «калошу посадил» отряд начальник штаба. Не могли убрать даже нескольких раненых, и турки, выйдя из укреплений, — прикалывали их.

С мнением Сосновского, что турок выбить нельзя, граф не соглашался, решил штурмовать Орлиное Гнездо и желал знать мое мнение об этом. Я просил разрешение предварительно ознакомиться с создавшимся положением и тем, какие изменения произошли на позиции у турок.

Результат разведки был следующий: прямым, лобовым ударом сбить противника было трудно; поэтому являлась необходимость овладеть завалами на его правом фланге, на тропе, отделявшейся от самого Орлиного Гнезда — крутым, скалистым оврагом. К этим завалам можно было пробраться с главного пути только в темноте. Овладев-же этою частью укрепления, можно было спуститься в долину и выйти на путь отступления из Орлиного Гнезда. Моей обходной колонне предстояло выступление в 4 часа утра.

Чтобы можно было заснуть хоть на несколько часов, мы с Грековым, прибывшим со своим полком, завернулись в бурки и улеглись в шалаше, причем у входа в него казаки зажгли костер.

На рекогносцировке, в снегу по колено, я сильно устал и уснул, как

только положил голову на свернутый башлык. Но спать пришлось не долго, мы вскочили под огнем вспыхнувшего нашего шалаша, из которого выбрались довольно благополучно.

Еще в темноту и по глубокому снегу мы двинулись вперед для атаки. Чуть стало светать, турки обнаружили наше наступление и открыли огонь.

Но с криком «ура»! началась наша эскапада и как только в одном месте удалось группе стрелков взобраться на завал, — турки не выдержали и бросились из укрепления по крутому спуску вниз.

Обходная колонна начала спуск в долину Гиобса, а я возвратился к генералу графу Татищеву, находившемуся у наших орудий, обстреливавших Орлиное Гнездо и отвечавших на огонь турецкой артиллерии.

Мы лежали на бурке, наблюдая накопление наших рот перед главным укреплением, — когда доложили, что генерал Карцов со штабом прибыл, остановился у выхода из лесу и приглашает нас к себе.

Как раз в это время прекратилась пальба турок. Успех обходной колонны и риск быть отрезанными, — привел их к решению покинуть позицию.

Орудия турки не успели убрать, они были взяты вместе с несколькими десятками пленных, штабом офицеров и знаменем. Наши потери не превышали 100 чел., но было кроме того много обмороженных. Когда все это выяснилось, генерал Карцов поручил графу Татищеву преследовать противника и меня оставил при нем.

Генерал Карцов со штабом вернулся обратно в Троян. На следующий день он предполагал со штабом и всем тем, что осталось, прибыть, — следом за нами.

Но в ту-же ночь с 26 на 27-е декабря поднялась в горах снежная буря, бушевавшая несколько дней и разобщила нас с ним на все это время.

Кроме того, когда наша обходная колонна спустилась в долину, — на помощь противнику спешил с востока батальон турецкой пехоты. Хотя он был отброшен, но положение нашего отряда в долине тем не менее было незавидное. Сравнительно слабый численно, всего около пяти тысяч человек, — отрезанный от своего тыла, — если-бы противник прижал нас к крутым, южным склонам Балканского хребта, — последствие могли быть гибельны. Но ничего этого не случилось, т. к. с наступлением через Балканы зимой не считались.

С южной стороны действительно горы круты, как стена, и лошади, которых вели в поводу, скользили на крупе. Зато снегу было меньше и стало гораздо теплее.

В ожидании прибытия генерала Карцова разведками выяснилось, что по всем признакам генерал Гурко от Софии наступает в долину Марицы. Генерал Радецкий и Скобелев перешли в наступление в долину Тунджи, и дорога из Сопота на Филиппополь была свободна.

* * *

Через три дня, ко времени прибытия Карцова из Трояна, — раз'езды наши донесли о движении со стороны Орхании, на соединение с нами, генерала графа Комаровского, со 2-й бригадой 3-ьей пехотной

дивизии. По дороге-же из Филиппополя прибыл парламентер для переговоров о приостановке нашего наступления.

Чтобы войти в связь с войсками, спустившимися с Шипкинского перевала, Карцов приказал мне со взводом казаков, — через Калофер пройти к Казанлыку, где можно было предполагать присутствие и Главнокомандующего. Вместе с тем я должен был доставить туда и парламентера. Он оказался доктором, получившим медицинское образование в Париже, поэтому я мог говорить с ним без переводчика.

По пути в Казанлык он рассказывал мне, что в Филиппополе никто не верил в возможность перехода русских войск через Троянский перевал зимою.

Моему прибытию очень обрадовался генерал Левицкий, — «фактически установлена связь», несколько раз повторил он. О штурме Орлиного Гнезда Главнокомандующий знал из донесения генерала Карцова, и мне поручено было сейчас же вернуться к нему и передать, что он подчиняется генералу Гурко, который двигается на Филиппополь.

На мой вопрос, что делать с парламентером, — Левицкий решительно заявил: — «Отпустить на все четыре стороны».

В главной квартире царствовала такая суета, что я решил немедленно-же двинуться в обратный путь.

Стоявший всюду запах розы, напомнил мне, что долину Тунджи называют и долиною роз. — Запах этот усиливался при встрече с пехотными колоннами. Можно было подозревать, не смазывают-ли наши солдаты сапоги розовым маслом. Так оно и оказалось, потому что почти в каждом доме можно было найти сосуд с этой драгоценной эссенцией, добываемой из невероятного количества роз, культивируемых в этой долине.

На следующий день мы прибыли в Сопот, где застали генерала Дмитрия Ивановича Скобелева, отца «Белого Генерала», приехавшего от Гурко с приказанием всему отряду генерала Карцова немедленно двинуться к Филиппополю. Сам Скобелев был назначен начальником кавалерии армии Гурко и меня взял к себе в роли начальника штаба.

Не теряя времени, 30 Донской казачий полк и Казанские драгуны выступили в тот-же день, — а за ними потянулась и 3-я пехотная дивизия.

Под Филиппополем в это время уже шел бой; Сулейман-Паша отбивался на арьергардных позициях, и Гурко нажимал на него энергично и отжал его армию к югу от Филиппополя.

Когда мы подошли к самому городу, — то единственный мост на Марице был сожжен и переправляться приходилось почти что вплавь.

В городе нам сообщили, что генерал Гурко проследовал в собор, где будет отслужен благодарственный молебен. Мы попали к самому началу и церковная служба сопровождалась канонадой в отдалении, — Сулейман, прижатый к Родопским горам, отчаянно еще защищался.

Генерал Гурко подозвал меня, — интересуясь знать, где находится сейчас дивизия генерала Карцова, — и тут-же в соборе был послан один из ординарцев на встречу Карцовской колонне, — чтобы ускорить ее прибытие к полю сражения, так как каждый баталион был ему дорог.

Сулейман, прижатый к Родопским горам, отчаянно отбивался до поздней ночи и, не желая сдаваться, решил ночью уйти в горы. Ар-

тиллерию и обозы взять с собой не было возможности, за отсутствием колесных путей в этом плоскогории, изрезанном глубокими пропастями. Поэтому Сулейман оставил артиллерию и приказал пехоте, прикрывавшей ее, пробиваться к Адрианополю вдоль подножия гор. С остатками армии Сулейман Паша по тропам ушел в горы на юг.

Когда разведками это выяснилось, решено было захватить орудия. Казанские драгуны и Донцы ночевали вблизи этого парка, и рано утром 7-го января, — казаки Грекова, поддержанные Казанцами, атаковали в конном строю турецкое прикрытие, опрокинули его и преследовали в горы.

Артиллерия успела дать всего несколько выстрелов, пехота-же открыла огонь в полном беспорядке, поэтому и потери были незначительны, а 54 турецкие пушки, крупповского изготовления, очутились в наших руках.

У селения Карагач — это и был собственно последний акт Филиппопольского трехдневного сражения.

* * *

Старик Скобелев был «на седьмом небе» и говорил мне: — «Вот пусть почитают теперь в Москве про взятые мною пушки; а то пишут мне дуры — тетки: что-же ты, батюшка, ничего на войне не делаешь, а сын — то твой какой молодец? Ну, да, сын молодец, сам знаю: в кого-же он пошел, герой-то? Вот, пусть теперь-то и подумают об этом!»

Своеобразный, типичный казак был Дмитрий Иванович. После целого дня на коне и массы работы, укладываемся спать в одной с ним комнате на соломе. Ему не спится, все зажигает спички и смотрит, который час.

— «Владимир Александрович, — вы спите?»

Молчу, притворяюсь спящим, хотя и проснулся. Опять тот-же вопрос.

— «Поневоле не сплю, раз вы меня будите», — огрызаюсь в сердцах.

— «А вот надо бы послать донесение Гурко.»

— «О чем-же прикажете доносить, ведь обо всем уже донесено?»

— «А уж это ваше дело, — а мое вам сказать, чтобы вы написали донесение.»

Зато приезжаешь с разведки, а обед, собственноручно приготовленный Скобелевым, готов, и стряпал он аппетитно, вкусно, — лучше всякого повара. Ординарцем у него был лейб-казачьего полка князь Сумбатов, — душа человек, которого очень любил Скобелев. Совсем необычайный был у них фасон дружеской беседы, — со стороны можно было подумать, что они ссорятся, в особенности, если предметом разговора было кулинарное искусство.

С окончанием филиппопольской операции войска двинуты были на Адрианополь, а казачьему генералу Чернозубову, с казанским драгунским полком, и 30 Донским — Гурко приказал преследовать остатки армии Сулеймана.

Генерал Скобелев отозван был в Филиппополь, куда мы и прибыли вечером, — а утром, со штабом генерала Гурко выступили в Адрианополь. Этот поход мы совершили вместе с братом, командовавшим конвоем генерала Гурко.

Глава VI

Поход за Балканы

Адрианополь. Николай Николаевич Старший. Гурко и Чернозубов. В стране поляков. В Гюмурджине. Скендер-Паша. Отход на демаркационную линию.

Можно считать, что этим окончился период боевых столкновений; — наступили лишь одни походные движения, — наше занятие Адрианополя походило на движение церемониальным маршем. Кавалерия Струкова быстро заняла его, и армии Сулеймана не дали отступить в этот хорошо укрепленный лагерь, на который турки возлагали большие надежды.

Наши войска наступали со стороны Шипки и Софии на Константинополь. Впереди бежало туда-же почти поголовно все мусульманское население. В обратную сторону, по направлению к Дунаю, — в Россию тянулись колонны пленных турок, по пути пришлось видеть не мало тяжелых сцен, — неизбежных следствий паники среди местных жителей, внезапно сорвавшихся и бросивших насиженные места, с детьми на руках.

В Адрианополе я поместился вместе с генералом Скобелевым, который ко мне привык и от себя не отпускал. Город был сравнительно в большом порядке, не испытав участи населенных пунктов, переходящих из рук в руки по несколько раз между противными сторонами.

Мне хотелось осмотреть большой турецкий город, но начальство мое, Дмитрий Иванович, был не доволен, когда я уходил.

— «Ну что вам за охота шляться; сидите дома, мало-ли какие теперь приказания могут быть», — ворчал он.

Скобелев считался начальником кавалерии, — весь-же штаб его состоял из меня и князя Сумбатова. Ни одна из конных частей нам никаких донесений не присылала, и мы понятия не имели, где какая из них находится. Но мы получили приказание из штаба генерала Гурко прибыть на вокзал, для встречи великого князя Николая Николаевича Старшего.

Обходя встречающих, великий князь спросил меня:

— «А ты почему-же не по форме одет?»

И улыбаясь дотронулся до моей груди.

Я понял это в буквальном смысле и стал об'яснять подошедшему затем ко мне генералу Левицкому, что кроме полушубка у меня нет никакой другой одежды. Но засмеявшись, «Казимир» крепко пожал мне руку и сказал:

— «Да нет-же, совсем не то, вы награждены георгиевским крестом».

На этот раз, очевидно, экзамен из тактики я и у него выдержал.

Встреча великого князя с генералом Гурко была трогательна.

Он обладал способностью симпатично пошутить иногда, и в то время, когда в Адрианополе Николай Николаевич обнимал Гурко, мне вспомнилось, — как однажды, тоже на вокзале, но в Петербурге, отправляясь на смотр в Петергоф, — где конногренадерским полком командовал Гурко, а уланским — Эссен, — великий князь говорил:

— «Еду в Петергоф — Гуркен — Эссен».

Обаятельность Николая Николаевича Старшего, как среди войск вообще, так и личного начальственного персонала, была совершенно исключительная. Его простое, ласковое обращение очаровывало людей, — не умаляя того высокого положения, которое он занимал и которое сопряжено было с большим достоинством. Великий князь Николай Николаевич Младший весьма мало походил на отца.

В характерах у них не было ничего общего, — а по наружности общим был лишь один высокий рост.

* * *

В тот-же день я получил приказание разыскать генерала Чернозубова, от которого не получали никаких донесений, что вызывало беспокойство при тех условиях, что на фланге находились отступившие войска Сулеймана. — Чернозубову предлагалось следовать по пятам отступавших турок в Родопских горах. Перевалив последние, его отряд должен был спуститься на берег Эгейского моря.

Опираясь левой рукой на спинку стула, — расправляя правой свою пушистую бороду, генерал Гурко отчеканивал каждое слово таким повелительным тоном, который не мог не произвести сильного впечатления.

Генерал Нагловский после того успокаивал меня, чтобы я не принимал на свой счет громоносного тона Гурко, — он относится к Чернозубову, — который должен узнать от меня о гневе командующего армией.

Возвращаюсь, — докладываю Скобелеву о полученном приказании. Эта моя командировка ему не пришлась по душе, и затем, узнав, что мне еще не выдали георгиевского креста, — дал мне свой, чтобы без этого особого знака отличия я не пускался в столь рискованное путешествие.

Князя Сумбатова я просил зайти в штаб и заявить, что выехал по направлению на Филиппополь, и поседлав коней, с моим казаком Усовым мы тронулись на поиски Чернозубовской бригады.

Двигались мы по тому-же нашему пути, по которому мы пришли из Филиппополя. На встречу нам шли войска, обозы, и шоссе в оттепель превратилось в неудобопроходимое месиво из щебенки. На второй день нашего движения мы наткнулись вскоре на двух казаков 30-го полка, искавших свою часть.

Забрал я их с собой, и к концу дня у меня набралось еще таких три

станичника того-же полка, так что ночевал я уже сам семь в каком-то брошенном чифлике близ отрогов Родопских гор.

Перед выступлением, на следующий день, Усов заметил довольно далеко всадника, и признал, что это казак. Пошли к нему навстречу; оказался станичник 30-го полка, высланный командиром накануне с пакетом в штаб. — По праву начальника штаба я его распечатал и узнал место стоянки всей бригады, не особенно далеко от Станимака.

Поэтому я решил сообщить последнему, что имея поручение от генерала Гурко, прошу его перевалить хребет, а я выйду к нему на соединение по долине.

С этой запиской я и отправил казака, знавшего местопребывание отряда Чернозубова. Дойдя затем до Хаскова и переночевав в нем, мы выступили дальше, не встречая нигде местного населения.

Через несколько верст от места ночлега, когда передовой дозорный остановился перед селением, — в него открыли стрельбу и убили лошадь. Селение оказалось занятым пехотою, красные фески ясно были видны.

С моей командой нечего было и думать пытаться продолжать движение дальше.

Пришлось отойти на старый ночлег. В ожидании возможного нападения мы всю ночь не спали.

Утром попробовали подходить к деревне, но жизнь в ней ничем не проявлялась.

В ней никого не оказалось, а когда мы ее прошли, то очень скоро показался казачий раз'езд, — а за ним и сотня полка Грекова, высланная Чернозубовым мне на встречу.

Явившись к генералу Чернозубову, я передал приказание генерала Гурко, — его беспокойство и сильное неудовольствие на то, что отряд не выполняет своего назначения и о преследовании противника не присылает никаких донесений.

Оказывается, что попав в район с обильным фуражом, Чернозубов признал за благо подкормить немного коней, а затем двинуться в горы. Его связывали конные орудия, которые по Родопским горам следовать не могли.

Я предложил их отправить, под конвоем полуэскадрона драгун, в Адрианополь, — и немедленно двинуться в горы на юг, чтобы восстановить потерянное соприкосновение с неприятелем. — До Гюмурджины, на берегу Эгейского моря, — по прямому направлению через всю горную площадь было не менее 120 верст. Колесных дорог не было, и предстояло тяжелое движение по тропам, в один конь.

Среди населения было много «помаков», болгар, принявших ислам. Эти ренегаты не внушали к себе доверия, хотя охотно предлагали свои услуги проводников. Без последних-же было очень трудно пробраться благополучно в этой горной толчее, — именуемой Родопскими горами. У меня была десятиверстная карта русская, в отношении точности с большими погрешностями.

Тем не менее по нашей десятиверстной карте и с проводниками из помак, мне удалось провести наш партизанский отряд с севера на юг, от Хаскова до Гюмурджины. Никакого обоза у нас, конечно, не было, даже вьючного; — шли совсем налегке, длинной колонной в один конь.

что производило впечатление большого отряда, несмотря на то, что в нем не было и тысячи всадников; я мог составить себе понятие, насколько местные жители могли преувеличивать силу нашего партизанского отряда.

За время сравнительно продолжительного пребывания Чернозубовской бригады на поправке — остатки Сулеймановской армии успели, почти без остатка, пройти Родопскую горную площадь.

Застряли лишь больные и слабые, не боеспособные люди; — поэтому нам пришлось преодолевать лишь препятствия природные, проходить по тропам над пропастями.

Очень тяжелой операцией была переправа наша через реку Арду, почти в центре всей горной площади.

На наше счастие, вода уже значительно спала, не мало людей выкупалось, но все же обошлось в общем благополучно.

Поднявшись в конце концов на горное плато, с которого открылся уже вид на Эгейское море, нельзя было не поразиться той дивной картиной, которая предстала нашим глазам. О зиме, понятно, мы забыли совсем.

От встречных турок я узнал, что Гюмурджина занята табором турецкой пехоты и что в окрестностях города лагерем расположилось несколько десятков тысяч мусульманского населения, частью вооруженного, бежавшего перед «московом». В соседнем-же порту собрались отступившие войска Сулеймана, которые грузятся на броненосцы, для отправки в Галлиполи.

При таких условиях отряд наш был слишком слаб, чтобы брать открытою силою довольно крупный город, раскинувшийся на плоском морском побережьи. — Взять его можно было только с налета и для этого необходимо было, чтобы о численности нашего отряда в Гюмурджине не знали. Поэтому, закрыв выход из гор, — мы никого уже в город не пускали, до занятия его нами.

Последнее-же я просил разрешения генерала Чернозубова исполнить так: с небольшим раз'ездом из трех-четырех всадников возможно быстрее пробраться в город и потребовать сдачи его, во избежание якобы артиллерийского обстрела и неизбежного с этим разрушения домов.

Не особенно охотно, но тем не менее согласие на это последовало, и с трубачем и тремя казаками я довольно быстро прошел три или четыре версты от гор до города.

Большой торговый город, населенный преимущественно греками, не мог ожидать таких невиданных гостей. На улицах было большое движение, — приходилось останавливаться.

Продвигались мы все медленнее и медленнее; на балконы выходили женщины, дети, — за нами собиралась толпа, и мы наконец добрались до ворот в решетке, отделявшей от улицы конак в глубине небольшой площади. Там-же были часовые у караула, а также около десятка оседланных лошадей.

Часовой у ворот не только не задержал нас, но отдал нам честь, — я думаю, что он ошалел и ничего не понял. Я направился к под'езду дома, — а за казаками хлынула и толпа любопытных с улицы.

Отдав лошадь казаку, я вместе с трубачом взошел по ступенькам в под'езд, в котором широкая лестница вела во второй этаж.

Здесь мы не встретили ни живой души, поэтому я открыл большую массивную дверь и в свою очередь поражен был неожиданным зрелищем. На сплошном диване вдоль стен залы сидели турки именно по турецки, т. е. не опуская ног на пол. Посредине сидел красивый турок, с окладистой, черной как смоль, бородой и в красной феске.

Как я поражен был неожиданностью очутиться среди городского собрания представителей враждебной страны, так и этих последних не мог не поразить русский офицер, как бомба влетевший к ним вне всякого ожидания.

Эта «живая картина» прервалась моим заявлением через переводчика, что я прибыл от начальника больших русских сил, голова колонны которых, пройдя горы, остановлена, чтобы избежать тяжелых последствий для города, если-бы его пришлось брать силою.

Что мы сильнее и настроены мирно, доказывает мое появление среди них. При добровольной сдаче город будет занят только кавалерийским отрядом. За порядком будем сами строго наблюдать; за фураж и продовольствие уплотим золотом.

Моя спокойная речь и в особенности последнее заявление подействовали успокоительно. Начались благоприятные для меня разговоры, как мне передавал переводчик, — но в это время вошел быстро командир турецкого баталиона, окинул меня сердитым взглядом и обрушился на каймакама за то, что меня не арестовали и ведут какие-то переговоры. В своей резкости и несдержанности он, очевидно, пересолил, и это в свою очередь возмутило некоторых энергичных отцов города, которые начали возражать. Поднялся порядочный гвалт, и я попросил выслушать меня, чтобы не затягивать дела.

Из того, что мой переводчик им передал, они узнали следующее: если на мои миролюбивые условия они не согласны, — я покину город. Начальник отряда долго ждать не будет, начнет враждебные действия и предоставит разговаривать с ними своим «топам» — (топ — по турецки пушка). А тогда уже в покупке припасов нуждаться мы не будем и ни на какие соглашения не пойдем.

На это я потребовал немедленного ответа. Тут уже все набросились на командира баталиона, к которому на помощь пришлось уже прийти мне. Я просил передать ему, что война приходит к концу и от него зависит теперь сохранение этого города в целости. Пусть его баталион свое оружие сложит в цейхгауз, поставит своих часовых. Мы введем тогда в город только отряд конницы, — ручаемся за порядок и, наверное, долго оставаться здесь не будем.

В окно я видел на площади море голов и затертых в массе казаков с нашими конями. К оседланным лошадям у караульного помещения вышли всадники, как потом оказалось, из конвоя Сулеймана, и удрали с площади.

Я собирался уходить, но ко мне подошел каймакам и заявил, что условия мои принимаются и просил с своей стороны, чтобы все мною обещанное было выполнено.

Мы пожали друг-другу руки, и я покинул зал городского совета. К моей лошади было нелегко пробраться, — а когда мы сели, — то еще труднее было выбраться через густую толпу на улице. Казаки собирались уже призвать на помощь свой универсальный инструмент, нагайку, —

но я строжайше запретил, и шаг за шагом нам удалось выйти на улицу и направиться к выходу из города.

Как только явилась возможность, мы пошли, конечно, на полных рысях, и выйдя из города, не далее, как в версте, я к ужасу своему увидел наш отряд, двигающийся нам на встречу. Подскакав к генералу Чернозубову, я просил остановить бригаду и доложил ему все, что произошло.

Сотни и эскадроны подтянулись, спешились; — насколько можно, люди привели себя в порядок.

На встречу нам показалась целая кавалькада; впереди сам начальник города, а за ним верхом разные представители его, в том числе и греческий священник. С обеих сторон последовали дружелюбные приветствия. Когда все церемонии и формальности, относительно занятия нами Гюмурджины, расквартирования и снабжения войск продуктами были окончены, — колонна вступила в город.

С депутацией впереди, — хором трубачей казачьего полка и пением песенников, — точно у себя дома, в условиях глубокого мира, двигались мы по улицам города.

Я просил только, чтобы турецкие солдаты, аскеры, не показывались на улице, в районе нашего расположения, так-же, как и нашим не разрешено будет появляться в одиночку.

На все это из'явлено было согласие, и даже командир турецкого батальона не протестовал, убедившись в действительно мирном нашем настроении.

Так совершенно благополучно, наладилось дело с занятием города, но необходимо было принять меры, чтобы мы не очутились в ловушке, в виду близкого соседства с портом, где были еще сосредоточены остатки армии Сулеймана.

Не успел я сойти с коня, как ко мне подошел грек, хорошо говоривший по французски, и предложил свои услуги. Он находился на службе в банке, — а до того служил на телеграфе в Константинополе. Такой человек был мне очень на руку; поэтому, взяв двух казаков, мы вместе сейчас-же отправились на телеграфную станцию, где, при нашем входе, телеграфист энергично настукивал какую-то депешу, — не обернувшись даже при нашем входе.

С греком я условился в вознаграждении за его труд, и он принял станцию, — опытною рукою пересмотрев ленты.

Кроме того поставлен был часовой на телеграфной станции и приняты были вообще меры охранения и разведки.

Поместились мы вместе с Грековым так хорошо и удобно, что после всего испытанного в походе, Митрофан, мой сожитель, находил Гюмурджину «седьмым небом». Но я был «един в трех лицах» личного состава штаба отряда; — начальника штаба, адьютанта по строевой части и такового-же по хозяйственной. Дела было поэтому много и наслаждаться благоденствием времени не хватало.

* * *

Непосредственное соседство с турецким батальоном, хотя и сложившим свое оружие в цейхгауз, но имевшим возможность забрать вновь свои ружья, да притом вблизи остатков армии Сулеймана, создавало для нас такое положение, в котором долго оставаться нельзя было.

Я был того мнения что в условиях, в которых находился наш отряд, нельзя рисковать сидеть в городе до наступления турок и целесообразнее атаковать их.

С этим согласились генерал Чернозубов и командиры полков. — На основании этого решения необходимо было произвести предварительно рекогносцировку, и я пошел на свою квартиру, чтобы приказать седлать лошадей. Но по дороге меня догнал есаул сторожевой сотни с известием о прибытии турецкого парламентера.

Действительно очень скоро показалось около 20—25 всадников, к которым я пошел на встречу.

Впереди ехал не молодой уже человек с длинными усами, — который остановился передо мной и спросил по французски, — где начальник отряда? Но мой вопрос, с кем я имею честь говорить, он в высокомерном тоне ответил: — «Скендер-паша». — Этот тон меня обозлил, и я ему заявил, что он говорит с начальником штаба, а потому я уполномочен узнать о цели его приезда: — прибыл паша без парламентерского флага.

На это он ответил, что имеет письменное заявление лично для русского генерала и что мы должны немедленно покинуть город.

В это самое время приближался по улице пеший караул дежурного эскадрона драгун, с примкнутыми штыками к винтовкам. Когда он подошел к нам, я приказал начальнику караула остановиться за прибывшими турками и преградить дорогу. Затем попросил Пашу слезть с коня, рекомендовать сделать то же самое своим спутникам и быть нашими непрошенными гостями. — А так как Скендер не слезал, то я приказал караулу подойти и принять коней у турок.

После этого, конечно, они спешились, в присутствии большой уже компании любопытных местных жителей. — Надо было водворить гостей на квартире, и целой процессией мы двинулись на площадь.

Краткий манускрипт Савфет-Паши заключал в себе требование турок, чтобы отряд наш немедленно покинул Гюмурджину, так как заключено перемирие.

Подобное требование было совершенно невыполнимо, тем более что мы не имели никакого официального извещения о состоявшемся перемирии.

Я был того мнения, что Скендер-Пашу надо отправить назад, причем я буду его сопровождать что даст возможность ознакомиться с местностью, для предстоящей атаки турецкого лагеря.

Планам моим, однако не суждено было осуществиться, — прибыл из Адрианополя корнет Бунин с предписанием из штаба об отходе нашего отряда за демаркационную линию реки Арды, так как перемирие действительно состоялось. Дело существенно, конечно, менялось.

Радость была неописуемая, перспектива скорого возвращения на родину, — всех опьяняла.

Весь день превратился в праздник; на плацу города играл хор наших трубачей и пели песенники. Улицы были иллюминованы, и Скендер Паша принимал участие в нашем празднестве.

Его решено было отпустить лишь на следующий день, после выступления нашей бригады за демаркационную линию.

Глава VII

Перемирие, болезнь и возвращение

Опять у Скобелева. Квартирьером в С. Стефано. Парад под Константинополем. Оспа. Возвращение в Царское Село. Сыпной тиф.

Мое поручение считалось выполненным, и мне предстояло возвращение в Адрианополь. Полковник Греков выпросился в отпуск, чтобы проехать вместе со мной.

Взял он с собой одного офицера, — сотника и несколько казаков. — Это была уже прогулка на протяжении около 200 верст, сперва вдоль морского побережья, а затем по долине Марицы. — Погода стояла превосходная; местность живописная; населенные пункты войной не тронутые. На одном из ночлегов, я под подушкой оставил все свои деньги, и через несколько верст нас догнал на неоседланной лошади хозяин турок и вручил мне мои капиталы. Надо отдать справедливость мусульманам: честность, чистота и порядочность у турок замечательны.

На четвертый день мы прибыли в Адрианополь. — Явился в Штаб Главнокомандующего с докладом — и здесь я узнал, что от генерала Скобелева я откомандирован. — Дмитрий Иванович мне передал, что наш набег на берег Эгейского моря произвел сильное впечатление.

За эту экспедицию к золотому оружию и георгиевскому кресту у меня прибавился и св. Владимир 4-й степени с мечами.

После продолжительного моего скитания, полного всяких лишений, — я был уверен, что заслужил отдых в большом городе, при хороших условиях. На самом деле вышло совсем другое. Меня никто не предупредил, что надо избегать показываться на глаза Казимиру Левицкому. По инерции он не может никак остановиться в отдаче приказаний, — надо их или не надо — все попадающиеся в поле его зрения офицеры генерального штаба рассылаются им в разных направлениях.

За завтраком, подходя к закуске, я натолкнулся на Левицкого.

— «А! здравствуйте, дорогой, здравствуйте. Вот что», — призадумался он. — «Надо осмотреть С. Стефано, мы туда на днях переходим. Сегодня-же отправляйтесь туда, — вы нас встретите. Пожалуйста, все осмотрите, все узнайте, — это очень важно.»

* * *

На другой день рано утром вместо отдыха, мы с Усовым опять очутились на конях и покинули Адрианополь. До С. Стефано было около 240 верст.

Путь был неприятен тем, что приходилось итти по следам уходившего населения, а под конец двигаться и вместе с ним. На четвертый день, с казаком Усовым, мы были первые русские воины, появившиеся верстах в пяти под Константинополем.

К приезду великого князя было уже большое оживление; С. Стефано наполнялось с двух сторон, так как из Константинополя потянулись маркитанты, коммерсанты и всякого рода комиссионеры, спекулянты. В С. Стефано уже ждали прибытия главнокомандующего, и мне решительно нечего было делать. Поселился я в простой английской даче, на берегу моря.

Наступил, наконец, для меня действительный отдых, никаких служебных обязанностей на мне не лежало.

На узком перешейке против Константинополя сосредоточено было много войск. Переговоры продолжали тянуться нескончаемо, и продолжительное пребывание на месте войсковых частей вызвало заболевания. Появился сыпной тиф, принимая затем угрожающие размеры.

Прибывшая английская эскадра и указания из Петербурга от князя Горчакова связывали руки великого князя Николая Николаевича, — вступать в Константинополь он не мог.

Но когда терпение его лопнуло, он передал графу Игнатьеву, ведшему переговоры, что если в тот-же день прелиминарный договор не будет подписан, — то русские войска войдут в турецкую столицу. В то-же время приказано было всем войскам выступить из окрестностей С. Стефано и выстроиться лицом к Константинополю.

Получилась грозная демонстрация, и все были уверены, что русские знамена побывают в Царьграде. Зрелище было потрясающее, когда великий князь Николай Николаевич Старший, красиво, величественно сидящий на чудном коне, — об'езжал войска. То оглушительное русское «Ура!», которое наверно доносилось до Константинополя, предвещало, что стоит главнокомандующему только указать на вражескую столицу рукой и отдать приказ о наступлении, — как неминуемо все по дороге будет снесено и Царьград очутится в русских руках.

Минута была серьезная и турки сдались, — подписав договор. — Я стоял на пригорке, с которого виден был выезд из С. Стефано. Показался экипаж вскачь, — граф Игнатьев, стоя в нем, держал высоко подписанный документ.

Личное мое чувство было далеко не радостное; сознавалось, что дело нам испортила «англичанка», как всегда пожинающая плоды там, где она не сеяла и не жала. — Не я один был огорчен таким окончанием; чуткое сердце главнокомандующего это понимало, и после «парада», вместо «атаки», — чинам свиты и штаба разрешено было проехать в Константинополь, но вернуться только в тот-же день в С. Стефано.

Мы все этим воспользовались, но к вечеру вернулись домой. — После того, во время приготовлений к отправке войск в Россию, нам разрешили бывать в Константинополе лишь в штатском платье.

Во время одной такой поездки, я посетил Ай-Софию. Она была

набита беженцами, среди которых имелось довольно много больных черной оспой.

Несмотря на то, что у меня была сделана предохранительная прививка, — я после того заболел оспой. — Лечения особенного не требовалось, — надо было отлежаться и никого не принимать. Лежа в походной постели, я испытал землетрясение, причем меня раза три подтолкнуло с одной стороны на другую. С комода апельсины попадали на пол, окна и двери отворились, вся деревянная дача скрипела.

Я предназначен был к эвакуации и ожидал уведомления о времени отправления. Между тем в одну ночь мне облегчили ликвидацию имущества добрые люди, стащившие моих лошадей и повозку.

* * *

Наконец, с сильными еще следами оспы на лице, я погрузился на санитарный транспорт Буг, для следования в Николаев. Двое суток пробыли мы в Черном море, и в Николаеве нас ждал санитарный поезд, для эвакуации в глубь России.

В этом поезде я доехал только до Харькова. Для дальнейшего следования в Петербург мне предоставлено было купэ второго класса.

В петербургском командантском управлении мне заявили, что я на следующий день должен представиться Государю, — так как последовало высочайшее повеление прибывающим георгиевским кавалерам немедленно являться в Царское Село.

На заявление, что моя обмундировка требует обновления, — последовал успокоительный ответ, что Его Величество указал именно этим не стесняться. На следующий день я и явился в Царскосельский дворец, где оказался большой прием генералов в парадной форме, в лентах и орденах, в мундирах с иголочки.

Меня, конечно, это стесняло, и я поскорее пробрался в самый конец зала, чтобы стать на левом фланге, как самый младший среди блестящего генералитета.

Были, конечно, также и мои знакомые, но никто ко мне, замарашке, не подошел.

Дежурный генерал-адьютант предупредил, что Государь сейчас выйдет, и все стали на свои места по старшинству.

Открылась дверь, и вошел статный, величественный император Александр II, в белом кителе и с папиросой в руке. Вся длинная шеренга отвесила Его Величеству поклон. Государь остановился, окинул всех своим взором; должно быть, я очень уже выделялся пятном на этой звездной ленте, — потому что он направился прямо ко мне, — обнял меня, прослезился, говоря слегка картавя: — «Бедные вы мои, сколько вы там выстрадали. Ну, отдохни теперь, поправляйся, — мне такие самоотверженные, верные люди нужны».

Затем Его Величество прошел к правому флангу и обошел представляющихся генералов. Дойдя до меня, он еще раз подал мне руку и благодарил за службу.

Государь ушел и когда закрылась дверь, — сколько знакомых у меня нашлось, были даже и знакомые незнакомцы, с которыми я не имел даже удовольствия когда-нибудь говорить.

Но радость эта скоро сменилась большим огорчением, — я заболел и,

как потом оказалось, сыпным тифом. Все доктора были еще на войне, и нашли на Гороховой двух молодых врачей, только что окончивших университет, — поэтому не рисковавших практиковать в одиночку.

Таким «консилиумом» они явились и ко мне, — совершенно правильно поставили диагноз и лечили меня в высокой степени внимательно и добросовестно.

Но когда термометр показал максимум + 42°, — заявили, что больше им делать нечего, — это была единственная их ошибка, так как миновал кризис — и дело пошло у меня на выздоровление.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Теория и служебная практика (1878-1902)

Глава VIII

На учебном поприще (1878-1884)

Правителем дел Николаевской Академии. Преподавателем тактики. Предложение стать воспитателем Наследника. Учебный персонал. Состав обучающихся. Полемика с Сухотиным. Ц. А. Кюи. Великий князь Николай Михайлович. Выговор вел. княгини-мамаши. Драгомиров выпить не дурак. Золотая рота. Пьяная история. В последний раз у Александра II. 1 марта 1881 г. Драгомиров и я в роли революционера. Александр III.

В то время, как я лежал еще в тифе, ко мне приехал генерал Драгомиров, чтобы предложить место правителя дел Николаевской Академии Генерального Штаба.

Соответственно опыту, вынесенному корпусом офицеров генерального штаба, заслуживших прекрасную репутацию в последнюю войну, — предстояло расширение Академии. Начальником этого высшего военно-учебного заведения назначен был с боевым опытом, раненый на Шипкинском перевале — генерал Драгомиров.

Его назначение указывало на предстоявшую тогда определенную программу.

Как только здоровье мое восстановилось, — я явился к своему новому начальнику и переехал в здание Академии. Кроме текущих дел, отнимавших довольно много времени, я продолжал чтение лекций, прерванных войной, в Николаевском Кавалерийском Училище, — и кроме того пришлось взять на себя преподавание тактики в старшем классе Пажеского Его Величества корпусе.

Что касается учащегося материала, то по развитию и способностям он был из ряду выходящим в этом военно-учебном заведении, и о нем у меня сохранились наилучшие воспоминания. Полного уважения заслуживал директор корпуса генерал Дитерихс, — выделявшийся как начальник своим спокойствием, достоинством и благожелательством.

Одно время мне пришлось руководить занятиями по тактике и в

Михайловском Артиллерийском Училище. Кроме того Драгомиров поручил мне, в дополнение к его лекциям великому князю Павлу Александровичу, — проштудировать с его высочеством некоторые отделы.

Точно также мне предложено было преподавание тактики и военной истории великим князьям Петру Николаевичу и Сергею Михайловичу.

В результате этих более частного характера занятий получился сборник исторических примеров, которые я приводил в течение целого ряда лет преподавания моего великим князьям. Решено было их издать под личным моим руководством; однако отпечатан был только первый том; даже корректуру его великие князья держали без меня, так как я командовал уже полком в Сувалках.

Не мало времени уделял я и литературной работе, частью по настоянию Михаила Ивановича Драгомирова.

Все это, вместе с 23 лекциями в неделю, — и работой в Академии — составляло большой труд, но зато хорошо оплоченный, о чем тоскливо приходилось вспоминать в генеральских чинах.

* * *

В 1878 году чуть не совершился переворот в нормальном течении моей жизни, — который мог повести к непредвиденным последствиям и не для одного только меня лично.

Драгомирову предложено было рекомендовать кого нибудь из офицеров генерального штаба, который в ближайшем будущем мог-бы заменить воспитателя будущего наследника престола Николая Александровича, — сильно постаревшего генерала Даниловича.

«Я ответил», — сказал мне Михаил Иванович Драгомиров, — «что со спокойной совестью могу рекомендовать только тебя, как, по моему мнению, более или менее подходящего из сравнительно молодых офицеров Генерального Штаба — которых я знаю.

— Что ты скажешь на это? Я Даниловичу подчеркнул, что лишусь в тебе ценного помощника, но эгоистические побуждения в данном случае были-бы преступлением перед страной».

На это я ответил, что последнее заставляет и меня смотреть на дело именно с этой точки зрения.

Педагогическая деятельность моя ограничивалась преподаванием исключительно военных наук в Академии, Пажеском Корпусе и Николаевском Кавалерийском Училище. Способностей своих в деле воспитания я не знал и в несамостоятельной роли помощника мог разойтись во взглядах с Даниловичем, с которым я совсем не был знаком.

В то время недавно только минуло мне 30 лет, и мой стаж служебный ограничивался четырьмя годами службы в л.-гв. Уланском Его Величества полку, $2^1/_2$-летним прохождением курса в Академии, непродолжительным командованием эскадроном в л.-гв. Кирасирском Его Величества полку и, в качестве офицера Генерального Штаба, — участием в походе 1877 и 78 годов.

В смысле воспитания, да еще такого в высочайшей степени ответственного, — с таким багажем браться за подобный опыт было-бы рискованно и легкомысленно с моей стороны...

Все это я высказал генералу Драгомирову...

Это назначение так и не состоялось.

4*

Теперь, спустя сорок лет после тех критических дней, могу лишь одобрить тогдашние мои соображения: — в характере будущего царя едва-ли я мог-бы добиться тех перемен, которые были необходимы для спасения его и России. При его глубокой привязанности к семейному очагу, — своего рода семейной дисциплине, — влияние воспитателя могло быть лишь поверхностным, — в то время как развитие характера у Николая Второго по существу — происходило под преобладающим влиянием семьи — и, как оказалось, во вред России.

* * *

Предпринятые после войны преобразования в Академии сопряжены были для правителя дел с массой организационных работ. До войны желающих получить высшее военное образование было не много. В самой армии не имелось к этому благоприятного расположения, ибо лишь немногие командиры относились сочувственно к тому, чтобы их офицеры занимались наукой; по их мнению, в этом отношении служебная практика гораздо полезнее. Строевые офицеры, прибывавшие в Академию, часто обнаруживали большие недочеты в образовании. В этом отношении между гвардией и армией была большая разница; армейцам приходилось напрягать все свои силы, чтобы преодолевать элементарные познания, достававшиеся без особого труда гвардейцам в крупных гарнизонах. Дела их поэтому шли неуспешно, и лишь единичным армейским офицерам удавалось сделать выдающуюся карьеру. До войны даже было до того мало желающих поступить в Академию, что пришлось прибегнуть к вербовочным приемам, — для того, чтобы приманить академических слушателей.

Во время самой войны нормальное течение академического курса было нарушено. Количество слушателей существенно понизилось.

После-же войны, в этом отношении, дело изменилось и число поступивших увеличилось настолько, что успешно окончило курс тогда до 100 человек. Прибыли и болгарские офицеры, которые были постоянными слушателями нашей Академии, до тех пор, пока Болгария не изменила своей политики по отношению к России.

* * *

Вследствие усилившегося личного состава Академии предоставлена была возможность постройки нового академического здания на Суворовском проспекте, и туда-же из села Кончанского перенесена была деревянная церковь, в которой фельдмаршал Суворов читал акафисты; эта реликвия стала академическим храмом, не далеко от Суворовского музея возле Таврического сада.

* * *

Среди обновленного состава профессоров типа Беренса уже не было, — все добросовестно относились к миссии просветителей науки. Профессор Николай Николаевич Сухотин, в своем усердии на пользу последней, перемудрил даже настолько, что дошел до абсурдных умозаключений и выводов, — сбив с толку не только своих слушателей, но и такого выдающегося ума человека, как генерал Обручев, — начальника Главного Штаба в то время.

По роду оружия — драгун, — Сухотин свою профессорскую диссертацию написал на тему о рейдах американской конницы, — в войне Соединенных Штатов с Югом. Облюбовав затем этот род оружия, он стал новатором, пропагандистом таких приемов обучения и воспитания кавалерии, которые выходили за рамки здравого смысла.

Генерал Обручев, в строю не служивший, — поддавался влиянию Сухотина, всегда в исступлении отстаивавшего свои дикие мысли, и поддерживал его, считая апостолом новых веяний.

Атака кавалерии производилась безостановочным движением в карьер, с холодным оружием на голо. Сухотин стал проповедывать, что конница должна при этом использовать свое огнестрельное оружие; а потому подойдя к противнику, ей надлежит останавливаться перед ним, — открыть пальбу и только после этого бросаться в рукопашную.

Поддержанный Обручевым, — профессор Сухотин занялся настоящей пропагандой, — выступил в печати, добился опытов на Кавказе, — в действительности не удачных.

Этот абсурд по существу и та наглость, с которой морочилась публика, — возмущали Драгомирова. Как начальнику Академии, ему неудобно было вступать в полемику.

— «А ты ущеми ему хвостик на типографском станке», посоветовал мне Михаил Иванович.

Я и прижал. Возгорелась полемика, в которой профессор прижат был к стене и в своем отчаянном положении выпалил, что я будто-бы расхожусь принципиально во взглядах на стрельбу с коня — с Фридрихом Великим, который свою конницу обучал этому искусству.

Таким образом — с одной стороны, великий полководец и Сухотин, а с другой — я. Этот смелый выпад меня даже озадачил. Это была новость совершенно неожиданная; ничего подобного я не подозревал и обратился к такому маститому нашему профессору, как Генрих Антонович Леер, — прося его указаний, где я могу найти подтверждение тому, что Сухотин это не выдумал сам.

Генрих Антонович сказал мне, что Николай Николаевич, наверное, где нибудь это вычитал.

Михаил Иванович довольно лаконично высказал свое мнение: «Врет». Я, — как говорят, «в локтях чувствовал», — что наверное врет, — но как доказать это?

Тут подоспел мне на помощь австрийский военный агент полковник Клепш. В России он обжился так, что не собирался, повидимому, и возвращаться домой. У него была очень хорошая библиотека, он известен был своею начитанностью и следил за литературой. При встрече со мной он заговорил по поводу нашей полемики с Сухотиным.

Из его библиотеки я получил сборник приказов Фридриха Великого и нашел там по поводу стрельбы с коня — такое повеление великого короля: „Einmal in der Woche sind die Kürassiere im Pistolenschiessen vom Pferde zu üben, damit diese Hundsfötter die Ungefährlichkeit so'chen Schiessens erkennen". — Т. е. раз в неделю предлагалось практиковать кирасир в стрельбе с коня, чтобы эти негодяи убедились в безопасности подобной стрельбы.

Этим источником я и воспользовался против Сухотина.

С его стороны возражения на мой ответ не последовало, и «стрельба с коня» была сдана в архив.

Тем не менее Сухотин имел возможность продолжать свой рискованный эксперимент по тактике кавалерии, злоупотребляя расположением своего начальника, и в «Русском Инвалиде», который в то время искусно редактировался генералом Поливановым*), создалась оживленная полемика.

* * *

Очень талантливым лектором оказался Цезарь Антонович Кюи, про которого зоилы сочинили, будто музыканты говорят, что он отличный инженер, — а инженеры уверяют, что он прекрасный музыкант. — В характере его была черта некоторого упрямства, которая неоднократно приводила к забавным эпизодам.

Так, напр., по второй теме дополнительного курса конференция постановила четыре из них составить по кафедре военно-инженерного искусства. Кюи составил всего три темы, а от четвертой отказался, находя, что и так довольно. Когда я доложил об этом Драгомирову, он сказал мне:

— «Вот чудак; — составь за него сам четвертую тему».

Тут-же в кабинете Драгомирова я написал:

«О влиянии музыки на военно-инженерное искусство. (Пример — Иерихон)». Против указания источников я поместил „Ad libitum."

Михаил Иванович расхохотался и разрешил положить лист для прочтения и корректуры г. г. профессоров. Шутка эта всех насмешила, а Кюи обиделся. Но когда он с этой обидой пришел ко мне в канцелярию, — то я встретил его контр-обидчивостью и после об'яснения он сдался, — составил тему и мы помирились.

Очень обидчив был почтенный Генрих Антонович Леер, — малейшее невнимание, непочтительность вызывали в нем вспышки гнева и трудно было его затем успокоить. Товарищ по Академии с Драгомировым, Леер особенно чувствителен был к тому, что приходилось считаться с Михаилом Ивановичем, как с начальником.

* * *

Создавались неприятности во время пребывания слушателем Академии великого князя Николая Михаиловича, которого начальник Академии поставил в условия, одинаковые со всеми однокурсниками. Решая заданную мною тактическую задачу, великий князь поставил целый армейский корпус тылом к реке, на которой, судя по устаревшей карте, — не было моста.

С своей стороны, я не стеснялся при разборе задач критиковать работы великого князя, а в данном случае указал на опасность подобного решения.

На следующий день великий князь влетел ко мне в канцелярию, показывая телеграмму им полученную, в которой значилось, что в действительности мост имеется, — недавно построенный.

---

*) Впоследствии мой сотрудник и военный министр. Умер в Риге, в роли большевистского генерала, делегата при заключении мирного договора с Польшей.

— «Разрешите мне, ваше императорское высочество, ответить вам на это в часы, назначенные для разбора задач», получил он от меня в ответ на это. А там он и сам не рад был своей выходке, потому что мне не трудно было доказать ему, в присутствии всей партии, — бестактность его поступка.

Об этом я обязан был доложить Начальнику Академии, для сведения, — а через несколько дней Драгомиров получил приглашение вместе со мною пожаловать во дворец, к великой княгине Ольге Федоровне, — матушке Николая Михаиловича.

— «Одевай мундир и пойдем на расправу», — об'явил мне Михаил Иванович.

Когда мы вошли, великая княгиня возлежала на кушетке, — у ног ее — шкура громадного белого медведя.

Предложили нам сесть.

Разговор был приблизительно такого содержания, между Михаилом Ивановичем и великой княгиней, — я в нем участия не принимал.

— «Как вы довольны, генерал, моим сыном?»

— «Да пока, ваше высочество, Бог грехам терпит».

— «Но вы его ведь неспособным не считаете?»

— «Это скажется к выпуску, его высочество сам тогда выкажется».

— «Я нахожу, что к нему не совсем справедливо относятся, — пристрастно».

— «А тому, кто вам это сообщил, ваше высочество, вы скажите, что он брешет, — в этом я вам ручаюсь».

— «Я думаю, что занятия в Академии поставлены не совсем правильно».

— «Это дело конференции Академии, и мы с вами, ваше императорское высочество, — не судьи, — ни вы, ни я изменить ничего не можем».

Пользуясь минутным молчанием, Михаил Иванович, тяжело подымаясь, опираясь на палку, — на прощание сказал еще:

— «Разрешите откланяться, у нас с ним много дела, да и вы вероятно пойдете Богу молиться, слышу звон вашей домашней церкви».

Мы удостоились милостивого кивка головой и удалились. Выйдя на набережную Невы, Драгомиров сказал только:

— «А я думал, она умнее».

* * *

Про того, кто умел хорошо кутнуть, М. И. Драгомиров говорил: «Он выпить не дурак».

В действительности он имел основание сказать это и про себя. Но и «на всякого мудреца бывает довольно простоты», говорит наша народная мудрость.

Простота эта случилась однажды на моих глазах, и с таким мудрецом, как Драгомиров. Выпить он мог очень много, причем обладал совершенно из ряду выходящею способностью во хмелю — сразу трезветь в известных условиях.

Однажды, после окончания лекций в Академии, я явился к нему с портфелем, для подписи бумаг. Из столовой доносились звуки веселой

компании; оказалось, что собралась так называемая «золотая рота», из коей одиннадцать человек в ту минуту застряли у него после хорошего завтрака... Я собирался оставить бумаги и уйти, но Михаил Иванович меня не отпустил. Хотя он был порядочно во хмелю, но помнил, что к четырем часам ему надо было явиться к великому князю Владимиру Александровичу; — поэтому, когда я вошел, он заявил, что ставит меня на часы..... «сдача: один, два, три... одиннадцать... никого из них отсюда не выпускать!... понял?...» И опираясь на свою палку, совершенно один он отправился по набережной Невы во дворец великого князя.

Чины «золотой роты» остались у меня на руках. Все это были люди крупных рангов и положений. Через час мое начальство уже вернулось назад совершенно благополучно, и никто не сказал-бы, что Михаил Иванович не трезв.

Пост от меня он принял по всем правилам и, подсчитывая арестованных, Драгомиров не досчитался одного, — которого мы затем обнаружили под одним из столов.

В кругу этих сановников обо многом, конечно, говорили и толковали, но никогда никакой политики не затрагивали и сами ею не занимались. Что касается лично Драгомирова, который в «золотой роте» состоял в должности писаря, — то из моих кратких с ним разговоров о том или другом политическом деятеле — для меня Михаил Иванович вырисовывался истинно русским патриотом.

Со стратегами он расходился во многом по самому существу их методов и точек зрений. Стремление все предусмотреть, разработать план военных действий теоретически, — до мелочей, — составление обширных проектов, впоследствии расходящихся с практикой, — Драгомиров осуждал резко, в выражениях очень метких, но неудобных для печати. Но зато все его помыслы и приемы обучения направлены были на нравственное развитие и боевую подготовку, как отдельного бойца, так и тактических единиц. На этом он и сосредоточивал все свое внимание. Раз начальники и войска, целесообразно подготовленные, сосредоточены затем к известным исходным пунктам, — дело главнокомандующего, сообразно с действительной, а не теоретически предположенной обстановкой — вести войска в бой.

* * *

Великому князю Николаю Михаиловичу была известна склонность Драгомирова хорошо выпить и закусить. Большой знаток хороших вин, редкий гастроном, он охотно принимал предложения разделить трапезу там, где кулинарное искусство процветало. Имея острый зуб против начальника академии, эту именно слабую струну Драгомирова великий князь и задумал сделать орудием мести.

С шестью офицерами моей партии и великим князем Николаем Михаиловичем — я был на тактической полевой поездке в Павловске. Неожиданно получена была телеграмма о том, что начальник академии приедет к нам на эти занятия. К прибытию поезда у вокзала верхом мы встретили Михаила Ивановича; — для него-же самого приготовлен был извощик, так как раненая нога его еще не давала возможности сесть на коня.

Работа распределялась так, чтобы можно было продолжительное время оставаться в поле. Поэтому завтракали мы на лоне природы или в какой нибудь деревне. На этот раз великий князь взял на себя заведывание продовольственной частью. После нескольких проверенных задач все мы проголодались, не исключая и нашего начальства, которое даже спросило меня, каким способом мы подкрепляем наши силы.

Так как место нашего завтрака было уже не далеко, — то прекратив занятия, вся партия двинулась к оврагу у села Федоровский посад. Там мы нашли большой зеленый шатер, придворную прислугу и роскошно сервированный стол с обильными закусками, водкою, винами, фруктами. Один вид всего этого привел Михаила Ивановича в оживленное настроение. Николай Михаилович любезно заявил Драгомирову, что он теперь в гостях у великого князя и принялся усиленно угощать вином начальника академии, причем я заметил, что в бокал шампанского последнему подливали коньяк. Меня старался тоже напоить Николай Михаилович, но я предусмотрительно выливал свой бокал в траву под столом. Погода стояла жаркая, и вино одолело Драгомирова.

Когда мы взошли на дачу, где была общая квартира партии, Николай Михаилович предложил Драгомирову сыграть партию в винт.

Не хватало четвертого партнера, и великий князь предложил пригласить живущего не далеко на даче профессора Кублицкого, человека очень щепетильного. Ему послана была записка, в форме приказания начальника академии. Посланному с этой запиской я дал понять, что лучше всего будет, если Кублицкий не окажется дома. Когда затем доложили, что профессора дома нет, то великий князь сказал, что Кублицкий наверно дома. Драгомиров решил это проверить лично, и мы все отправились на дачу, находившуюся совсем близко от нашей. Кублицкий оказался дома и произошла очень тяжелая сцена, причем начальник академии обвинял профессора в нарушении порядка службы, — неисполнении письменного приказания.

Великий князь торжествовал, — точно Мефистофель; было ясно, что изо всего этого будет создан грандиозный скандал с прискорбными последствиями. Драгомирова я с трудом увез в Петербург и передал в руки его супруги.

Николай Михаилович на тройке помчался к своей матери в Стрельну, где она жила во дворце. Этим путем до Государя вся история быстро должна была дойти в форме, весьма неблагоприятной для моего начальника. Надо было дело это немедленно ликвидировать, что мне и удалось вполне.

В отсутствии великого князя я переговорил с офицерами и решено было, что Николай Михаилович нас всех так хорошо, по царски угостил, что никто не может дать себе отчета, что вообще происходило. Кублицкого я уговорил помириться с Драгомировым.

Когда на следующее утро я приехал к начальнику академии, — то застал его в самом угнетенном состоянии, действительно не дававшим себе отчета, что произошло. Состоялось примирение с Кублицким и когда при следующей поверке работ великий князь ехидно стал говорить о своей мефистофельской проделке, мне оставалось лишь дать ему понять, что угостил он нас по царски и такими крепкими винами, что я решительно ничего не помню.

Все славные офицеры моей партии слово свое сдержали и ни один из них на сторону великого князя не перешел. Таким образом, эта палка Николая Михаиловича оказалась о двух концах, — причем другим концом она угодила по автору всей этой каверзы.

* * *

В день храмового праздника л.-гв. Уланского Его Величества полка, 13-го февраля, ежегодно, как офицеры генерального штаба, бывшие уланы, так все служившие в полку и уланы, почему либо находившиеся в этот день в Петербурге, — представлялись утром Императору Александру II в Зимнем Дворце.

Государь всех нас знал и многим напоминал при этом, кого и где видел в последний раз. В 1881 году нам в голову не могло прийти, что мы его видим именно в последний раз. 1-го марта, проехав по Невскому Казанский мост, я услышал сильный взрыв на Екатерининском канале и затем второй такой-же через несколько минут.

На Дворцовой площади после того промчались передо мной сани полицеймейстера Дворжицкого, и бежавшая публика повторяла уже, что Государя убили. На под'езде дворца я узнал, что у Государя перебиты ноги и он кончается от потери крови.

Я был в Зимнем Дворце во время похорон Императора Александра II. Вступивший на престол Александр III, мой бывший командир гвардейского корпуса, плакал так, что самые устойчивые в слезах люди не могли удержаться от рыданий.

Обстановка, при которой вступил на престол Александр III, была такова, — что его нелюдимость и замкнутость от природы еще больше только возросла. Многочисленной свиты он не признавал, считая, что и той, которую он получил по наследству — достаточно.

Колоссального сложения царь поселился в самых маленьких комнатах Гатчинского Дворца, в котором жил замкнутой, семейной жизнью хуторянина. Когда ветром сваливало какое нибудь дерево в парке, — он с детьми отправлялся во всеоружии топоров и пил, разделывая и складывая в саженки дрова и ветки.

О застенчивости на первых порах этого сильного, устойчивого, с твердой волей монарха, можно было судить на представлении ему в Гатчине первого выпуска в его царствование окончивших Николаевскую Академию Генерального Штаба.

Буквально каждого из 60 офицеров он спросил одно и тоже: когда он поступил в Академию? — не дав себе отчета в том, что они все поступили одновременно. То, что ему отвечали, он очевидно и не воспринимал даже мыслью, а лишь слухом, при чем нервно крутил концы своих аксельбант.

* * *

Начало 1880 годов ознаменовалось известного рода волнениями во всех кругах петербургского общества. Меня это не коснулось, так как я целиком ушел в мою службу по должности секретаря конференции, пра-

вителя дел Николаевской Академии Генерального Штаба и погрузился в исторические работы и преподавание. Тем неожиданнее было для меня теперь в дневнике Куропаткина от 17 февр. (2 марта) 1903 г. прочитать следующее:

«Вчера сидел у Плеве...

...Рассказал, что 20 слишком лет тому назад в этой самой комнате происходил при нем опрос офицера Рыкачева (повешанного потом). Был заговор 60 офицеров. Показали, что было подготовлено восстание в Петербурге или убийство Царской Семьи. В случае восстания намечали предложить главноначальствование Драгомирову. Начальником его штаба просить Сухомлинова. На вопрос, почему делается такой выбор, Рыкачев показал, что по складу идей и высказываемых мыслей Драгомиров кажется им человеком подходящим...» *)

В этом сообщении кроются весьма важные данные для уразумения импульса революционного движения в России. Они раскрывают то, что глубокое национальное чувство было мощным источником русской революции; лишь к концу прошедшего столетия стало оно «социалистическим» и «интернациональным». Участие многих образованных русских офицеров в то время указывает, как Драгомиров это понимал и умел овладеть русским смирением офицерского корпуса и какое глубокое впечатление именно его простота обращения производила на дух молодого офицерского поколения. Я вполне разделял драгомировский взгляд на это дело развития духа в армии и в этом именно вижу причину успеха моего преподавания тактики и военной истории. Хотя я, как правитель дел академии, и не был «действительным профессором», а всего лишь «лектором», — тем не менее, благодаря национальной подкладке моих чтений, моя аудитория усердно посещалась. На лекции в Кавалерийском училище перед моей кафедрой собиралась чуть-ли не половина юнкеров училища, и когда я тактику сопровождал примерами из военной истории, то случалось, что, покидая свои классы по расписанию, переполняли мою аудиторию и вместо двух, трех человек на скамье — теснились по пяти, шести. Являлся инспектор классов и предлагал в таких случаях покинуть мою аудиторию, вернувшись к своему преподавателю. Какая невероятно счастливая перспектива рисовалась и готовилась тогда для нашего отечества, если-бы эта ключем кипевшая кровь в сердцах военной молодежи направлялась в истинные каналы..... Но в те времена крупный патриот Милютин замещен был военным бюрократом Ванновским...... наступал «ледяной период» для русской армии......

В царствование императора Александра III в Академии я пробыл всего три года. После производства в полковники в 1880 г., в 1884 я назначен был командиром Павлоградского гусарского полка. В течение этих трех лет в армии произошли перемены, которые не могли не вызвать тяжелых последствий: новая форма одежды, равно как и преобразование гусар и улан в армейских драгунов, — затронуло драгоценное чувство в войске, отречься от которого ни одна армия не может, без соответствующего, в должной мере существенного возмещения за это. Рационализм и у нас в течение долгих лет только разрушал, — и, не пользуясь

*) Красный Архив, Дневник А. Н. Куропаткина, 17 февраля 1903 г. № 16.

содействием современной техники — не давал взамен ничего нового, лучшего. Так и вверенная мне часть из блестящего гусарского полка — стала армейским драгунским № 6 полком, — с традициями которого можно было познакомиться лишь в архивах, а не по форме одежды и гордому виду людей, ее носящих.

Глава IX

Командование полком (1884—86)

Шенграбенские гусары. Последствия упрощений. Идеи Сухотина. «По платью встречают, — по уму провожают». Генеральный Штаб и служба в строю. Недоверие по незнанию. Похороненный долман. Роковое значение корпуса жандармов. Мои начальники. Три барона. Тревога. Пробная мобилизация. Уютная жизнь гарнизона. Нетерпимость польского ксендза. Визит примирения Сейнского епископа. Фантазия барона Вольфа. Мой преемник.

Пять эскадронов № 6 драгунского Павлоградского полка размещены были в Сувалках, небольшом еврейском городе на прусской границе, — а один эскадрон стоял в местечке Сейнах, резиденции католического епископа. Полк прибыл из окрестностей Москвы, где Павлоградские гусары пользовались большим почетом; в «Войне и Мире» Толстой изобразил их особенно красочно и картинно. Наименование «Шенграбенские гусары» они получили за победоносные сражения с французами в ноябре 1805 г. под Шенграбеном. Я застал их в Сувалках — под названием Павлоградских драгун.

Полк пришлось мне принимать от генерала Гарденина, получившего назначение бригадным командиром в другом округе. На его долю выпало испытать первые последствия перемещения полка из центра России на западную границу, одновременно с лишением красивой гусарской формы: катастрофическое бегство состоятельных офицеров. Их осталось так мало, что в эскадроне, расположенном в Сейнах, кроме эскадронного командира, большею частью болевшего, — находился всего один офицер.

Не в меру усердная экономия делала полк неприглядным и затрудняла службу. Гусарскую форму, понятно, надо было донашивать, но все то, что можно было считать излишним, требовалось сдать в интендантство.

Поэтому с гусарских киверов сняли металлические государственные гербы и приказали эти бирюзовые колпаки носить вместо фуражек! Эти совершенно выцветшие головные уборы делали драгун смешными. Печальный вид имел эскадрон в строю: в рядах стояли люди в отмененной гусарской форме, — перед ними — офицеры в невполне законченном драгунском обмундировании. Гусарские сабли висели на драгунской

портупее через плечо, так как транспорт с драгунскими шашками затонул где-то на Волге.

Последствия опрощения в форме одежды были столь катастрофичны для кавалерийского корпуса офицеров, — что каждый командир полка должен был дать себе отчет о тех мерах, которые надо было принять, чтобы не очутиться в беспомощном положении. В то время фискальные основания сочетались с печальным финансовым положением России; приходилось считаться и с тем, что упрощение обмундирования и снаряжения в интересах образования запасов военного времени — имело преимущественное значение. Все это имело, конечно, большое значение; но главнейшие побудительные основания были значительно проще. Прежде всего царь, при его массивной фигуре, хотел носить удобную для него одежду: высокие, твердые воротники стесняли его, ни гусарский долман, ни уланка не отвечали его сложению; точо так-же и пехотное кэпи, которое его отцу придавало такой элегантный вид, — было ему не к лицу. К несчастию, вопрос этот попал в руки таких чистокровных теоретиков, как Обручев и Сухотин; тот и другой потеряли всякое единение с войсками и не имели поэтому никакого представления о значении сохранения традиций в отдельных полках. Двигательной силой был Сухотин, основные выводы свои черпавший не из истории русской конницы, а кавалерии американской, трезвость которой он задумал прививать нашей кавалерии — без всякого вреда для нее.

Сам он был драгун, и с его точки зрения уланы и гусары ничто иное, как игрушки,—романтическое опьянение. Но в этом он жестоко ошибался; и если распределение русской конницы вдоль западной границы государства, в сотне мелких, скверных стоянок, в стратегических видах могло быть еще оправдано, — то во всяком случае весьма опасным экспериментом было подрезание дерева одновременно с пересаживанием его на чуждый грунт! Необходима была многолетняя напряженная работа, предстоявшая армии, чтобы починить из'ян, оказавшийся после того, как нашу конницу из родных русских гарнизонов перевели в Литву и Польшу.

«По платью встречают, по уму провожают!» В этой пословице кроется глубокая философия. Мы все это конечно глубоко чувствовали и лишь с большими усилиями могли подавить вкравшееся в нас уныние. Сердце могло не выдержать у того, кто по этому полку видел, какие результаты получились от проведения идей Сухотина в нашей кавалерии. Когда я в день приема полка ложился спать, слезы потекли у меня из глаз и я не мог заснуть. Было все гораздо хуже того, чем я думал и мог ожидать.

* * *

Когда в Петербурге я высказывал желание получить полк, мои академические товарищи настойчиво советовали в армию не уходить. Материальное положение мое в Академии было прекрасное; лекциями и литературным трудом я много зарабатывал. В должности командира полка, в провинции, все это отпадало в значительной степени. Сослуживцы мои были того мнения, что в провинции я заглохну и меня забудут. С этим я не был согласен тогда и сейчас сохранил совершенно иной взгляд на это дело; я признавал некоторые нападки строевых офицеров на генеральный штаб в основании вполне заслуженными.

Предпочтение канцелярских должностей строевым — заходило уже слишком далеко. Наши офицеры Генерального Штаба ограничивались наблюдением строя издали; к подобным критикам без личного опыта относились с недоверием, а иногда и с нескрываемым озлоблением, когда какому нибудь юному академику хотелось притом щегольнуть еще своею ученостью.

* * *

Именно как преподаватель и военный писатель, я должен был познакомиться ближе с жизнью провинциального гарнизона, его особенными законами, на тот случай, если-бы моя деятельность для армии могла быть полезной. Куда может завести некомпетентность в этом отношении, — могут служить примером Обручев и Сухотин.

Тягостнее было другое следствие недостаточной осведомленности о практической жизни в армии у высших ответственных лиц управлений и крупных должностей: не знали духа войсковых частей, а поэтому не понимали и не ценили его проявлений в той или другой форме, что опять таки имело свои последствия: злостная сплетня и недоверие зачумляли атмосферу, и вредные элементы находили возможность впутываться в судьбу отдельных войсковых частей, офицерского корпуса и отдельных офицеров.

Когда я явился к военному министру генерал-адьютанту Ванновскому, — мне пришлось выслушать такой горький реприманд полку: «Имейте в виду, что вы получили полк, который позволил себе демонстрацию, устроив парадные похороны гусарского ментика. Потрудитесь взять драгунский полк в руки!».

Выяснилось, что военный министр был полностью введен в заблуждение. О какой-либо демонстрации по поводу преобразования гусарского полка в драгунский вообще не могло быть и речи. Все дело было вне какой либо преступности: после кончины Александра II, в видах поддержания традиций, полку пожалован был почетный дар, — ментик покойного Государя.

Командир полка распорядился принять эту «реликвию» с надлежащею церемониею. Для почетной встречи выставлен был при в'езде в город эскадрон Его Величества, при хоре трубачей; собрались все офицеры полка; отслужена была панихида по в «Бозе почившем шефе полка»; ментик был принят командиром от прибывшего фельд'егерского офицера и торжественно доставлен в полковую церковь, где и помещен в приготовленную для него витрину.

Какой нибудь еврей, — а может быть и усердствующие жандармы донесли об этой церемонии военному министру, — сочинив из нее небывалые похороны.

В Сувалках-же мне пришлось ознакомиться с несоответственною деятельностью жандармских чинов по отношению к войскам.

Вскоре после моего прибытия мне было доложено о дурном обращении с нижними чинами молодого офицера; доклад был сделан не по команде войсковой — а через жандармов; позднее же жандармский полковник позволил себе донести в Петербург какую-то невероятную сказку про меня и моих офицеров по поводу нашего возвращения в город по окончании занятий на плацу.

Но об этом я буду еще говорить дальше, в связи с другими фактами.

Полк входил в состав войск Виленского военного округа, хотя квартировал в губернии, входящей в Варшавское генерал-губернаторство и Варшавский военный округ; уже тогда, следовательно, придавали большое значение военным надобностям.

Командующим войсками в Виленском округе был генерал Никитин, которого я ни разу не видел, вследствие его болезни. Начальником штаба округа я застал генерала Бунакова, моего сослуживца по Петербургскому военному округу. Все остальное мое начальство было мне знакомо тоже по Петербургу.

Командиром корпуса был генерал барон Дризен; начальником дивизии барон Мейендорф и командиром бригады — барон Вольф.

Все эти хорошие генералы напомнили мне пословицу: «у всякого барона своя фантазия». Действительно, у каждого из моих начальников было именно по такой «фантазии», — с ними я и познакомился на смотрах, которые они мне делали.

Барон Дризен, которого я знал еще командиром л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, не делал особого смотра, приехав в Сувалки, а посетил занятия, обошел конюшни, казармы. Все шло благополучно, и «фантазия» проявилась в лейб-эскадроне, где командир корпуса приказал одной шеренге вытянуть для осмотра руки. Остановившись перед одним гусаром, барон спросил его:

— «Ты грызешь ногти?»

— «Так точно, Ваше Превосходительство».

Тогда, обратившись к командиру эскадрона, недовольным тоном Дризен сказал подполковнику графу Ребиндеру:

— «Граф! он грызет ногти! Я запрещаю ему и если он будет продолжать, остригите ногти во всем эскадроне и заставьте его скушать».

С фантазией начальника дивизии было легко справиться. Барон Мейендорф требовал, чтобы все знали, что такое кокарда на шапках и какой ее смысл. Когда он находил человека, затрудняющегося в ответе, то сам добродушно и образно принимался об'яснять:

— «Вот ты идешь по улице, — понимаешь, идешь... На встречу тебе идет вольный человек, — понимаешь — штатский. Он тебе кланяется и шапку снимает, — понимаешь перед тобой шапку ломает, — а ты ему прикладываешь руку к кокарде на шапке, знак служилого человека, — стало быть, все равно как бы говоришь: я на службе состою царской и ломать шапку не должен».

Что касается моего третьего барона, то у генерала Вольфа фантазия переходила в пунктик и касалась одного лишь командира полка.

Этот командир бригады был глубоко убежден, что русский солдат склонен к воровству. Поэтому он рекомендовал мне организовать раздачу фуража таким способом, чтобы ни один гарнец овса не был похищен.

Проект барона сводился к постройке особого элеватора, автоматически насыпающего определенную дачу овса в торбу. К одному общему такому элеватору на весь полк, люди должны были приходить взводами и под конвоем относить наполненные автоматическим прибором овес прямо в стойла на конюшни.

Получаемый от подрядчика овес, после проверки кулей, ссыпался в подобный магазин-автомат, приемник запирался на замок и накладывалась печать, подобно денежному ящику.

По поводу этой дикой фантазии мы спорили с ним, но убедить барона Вольфа в несостоятельности его проекта я не мог.

Но лучше всего это то, что когда я, устав спорить, посоветовал барону Вольфу доложить об этом начальнику дивизии, — он ответил, что барон Мейендорф в этом деле не опытен; — поэтому он советует мне осуществить его проект самостоятельно и удивить всех необычайной практичностью.

* * *

Через несколько недель после моего прибытия я уже знал, за что надо приняться, чтобы полк вполне отвечал своему боевому назначению. — Прежде всего необходимо было восстановить дисциплину среди офицерского состава. Один из бывших моих учеников по кавалерийскому училищу подлежал ответственности за дурное обращение с подчиненными. Расследование показало, что должного наблюдения за молодыми офицерами не было.

Рядом с алкоголем было спанье — главный враг службы: в полку существовал обычай укладываться спать среди бела-дня! Чтобы отучить их от этой привычки, я стал поднимать полк во всякое время дня по тревоге и выводил его за город в поле на учение.

В первую такую тревогу выехало всего два-три офицера, и с вахмистрами, вместо эскадронных командиров, я вывел полк в поле.

Построив резервную колонну лицом к городу, я стал ожидать прибытия господ офицеров. Один за другим начали появляться они, причем имели забавный вид, вследствие поспешного под'ема, спросонья. Трудно было удержаться от хохота, когда несколько человек, больше всего опоздавших, — чтобы не появляться по одиночке, — проскакали группою все расстояние от города до полковой колонны.

Командиру кавалерийского полка не трудно было вообще культивировать среди офицерского состава хороший воинский дух, — боеспособность и товарищество. Кавалерийская служба, во всех ее отделах и занятиях, способствует развитию спорта, телесных и духовных сил и здравому соревнованию без стремления к карьере. От молодых офицеров я требовал лишь применения плодов моего уланского опыта в Варшаве, от эскадронных командиров и вахмистров — упорядоченного хозяйства и ухода за конем: таким образом, в офицерском составе установилась жизнь, отвечающая моим желаниям. Дальние пробеги, охоты по искусственному следу, испытания по манежной выездке лошадей, — восполняли пустоту офицерской жизни глухой стоянки малого гарнизона.

Конечно, товарищеская жизнь требовала особой о ней заботы, для того чтобы достигнутые результаты служебной работы опять не сошли на нет. Мой полк страдал, как я уже сказал, от последствий перевода из Московского округа на западную границу. Многие офицеры вышли в отставку; пополнение из Николаевского кавалерийского училища, насколько оно могло влиять на преуспеяние полка, не могло еще восполнить всего того существенного, что было потеряно. Когда я принял полк, среди офицеров не было единения; — недовольство грызло каждого в отдельности и превращало в угрюмого отшельника. А какой-же отшельник на коне кавалерист! Истинным кавалеристом может быть лишь бодрый духом и телом человек.

Я знакомился с моими офицерами на служебной работе, ездил сам в манеже, — целыми часами присутствовал на конных и пеших занятиях, а затем с моими сослуживцами отправлялся завтракать в собрание. Вечером собирал часть офицеров у себя или в полковом собрании, где устраивал военную игру и тактические сообщения, после которых мы продолжали частные собеседования. Вскоре офицерский состав принял приветливый вид; это сказывалось ясно во всем, как во внешности, в одежде, так и в манерах и в общем настроении.

На тревоге, месяца через два после первой, — опоздавших уже не было.

Вообще, чтобы быть справедливым по отношению к личному составу полка, я должен сказать, что правильно руководимые все чины его работали добросовестно. В мере своих сил каждый выполнял свой долг, чтобы поддержать блестящую славу бывшего гусарского полка.

* * *

В чувство моего удовлетворения все-таки упало несколько горьких капель. В один прекрасный день получил я кружным путем, от Варшавского ген.-губернатора, через командующего войсками Виленского военного округа, выдержки из доноса на полк со стороны местного жандармского полковника. Сообщению своему в Варшаву он придал такую форму, что непосредственное начальство должно было получить впечатление, — как будто-бы офицеры полка со своим командиром во главе с хлыстами в руках, размахивая, расхаживают по городу — увеселяют или раздражают жителей. Я позаботился о том, чтобы этого жандармского полковника убрали, ибо само собою разумеется, что с той минуты, как его донос стал известен полку, — при встречах с ним — считали полковника пустым местом.

Отношение полка к местному населению было самое хорошее, судя по установившемуся взаимному обращению. Большинство жителей города Сувалок были евреи, занимавшиеся торговлей. Ни они, ни польское население не могли быть подходящим обществом для офицерского состава полка. В ближайших окрестностях крупных помещиков не существовало почти совсем. Русские землевладельцы, так называемых дарственных имений — не жили в них, находясь на высших служебных должностях; польских крупных землевладельцев не было вовсе. Антисемитизма в полку не было и следов, — русский человек вообще не антисемит; кроме того евреи держали себя по отношению к нам всегда услужливо и никто в полку на них не мог пожаловаться.

После одного громадного пожара, который угрожал превратить в пепел весь город, — Павлоградские-же драгуны с громадными усилиями ограничили его лишь одною небольшою частью, — все чины полка стали пользоваться в городе особенным почетом. Наши общественные посещения не выходили из круга русского чиновничества, во главе которого стоял уважаемый губернатор Заботкин.

* * *

С католическим духовенством у меня, к сожалению, произошло небольшое недоразумение. Умер гусар четвертого эскадрона — католик. Похороны нижних чинов в полку не обставлялись вообще с подобающим этому обряду приличием.

Командиру эскадрона, подполковнику Паевскому, тоже католику, я приказал устроить похороны с соблюдением как религиозного обряда, так и почестей по воинскому уставу, — заявив, что и сам буду на похоронах.

В назначенное время у покойницкой полкового лазарета собрались офицеры, прибыл почетный караул, но не было ксендза. Командир эскадрона доложил мне, что настоятелю католической церкви послана официальная бумага. После целого часа ожидания послан был вахмистр в костел, — и возвратившись, доложил, что все кругом там заперто и достучаться он не мог.

Тогда я приказал поднять гроб на носилки и отправиться всей церемонией к костелу. Гроб был поставлен на ступеньках перед церковными дверьми, и я просил самого Паевского добиться ксендза и заявить, — что покойник и караул останутся на площади, пока обряд погребения не будет совершен.

Через полчаса, по крайней мере, отворились врата костела, вышел ксендз с причетником, произнес над гробом несколько латинских слов, сухим кропилом мотнул два раза по крышке и ушел обратно.

Мы все ожидали, что затем последует внесение тела в храм, и поэтому не трогались с места.

Через некоторое время мы убедились, что ждать больше нечего. Поэтому покинув храм, в котором нас так неприветливо встретили, в сопровождении толпы любопытных, жаждавших знать, чем эта сенсация окончится, отправились на кладбище.

Эскадронный командир, католик, возмущен был этим демонстративно-враждебным поведением ксендза.

На кладбище, где приготовлена была нашими-же павлоградцами могила, — после прочитанных уже наших православных молитв, — тело предано было земле.

Пришлось донести об этом начальнику дивизии и через командующего войсками Виленского военного округа также и генералу Гурко в Варшаву.

С Иосифом Владимировичем Гурко шутки были плохи, и последовало, должно быть, сильное воздействие с его стороны, потому что в один прекрасный день к под'езду моего дома подкатила запряженная цугом, с форрейтером впереди, старинного фасона карета, в которой приехал епископ, живший в Сейнах.

С покорным видом, сложенными на крест руками на груди, в лиловой рясе, — вошел ко мне начальник епархии и начал с извинения на русском языке о случившемся недоразумении на похоронах. При этом он выразил сожаление, что не узнал о таком прискорбном случае от меня непосредственно. По его словам, все дело лишь в том, что привратник получил пакет и не передал его настоятелю костела.

От этого, сшитого белыми нитками об'яснения у меня сложилось очень неблагоприятное впечатление о представителе католического духовенства. Поэтому я ему заявил, что не имею права допустить, чтобы

устами такой духовной особы сообщалась мне ложь; оставляя в стороне вопрос о переписке, — я не могу не выразить моего удивления, до какой степени жалок и бесцветен обряд погребения у католиков.

Повидимому, от него скрыли все то безобразие, которое имело место на паперти костела, когда мы принесли гроб. Но когда, на его вопрос, почему я считал обряд жалким, — он узнал от меня, что произошло, — то сперва смущение, а затем гнев — были у него, казалось, искренними.

Пришлось затем отдавать епископу визит в Сейнах, — где стоял второй эскадрон, — куда я и отправился. Прием я встретил самый предупредительный, — утонченной вежливости и гостеприимства. Католический владыка не знал, чем только меня угостить: появилась старая, престарая, древнего фасона бутылочка с венгерским вином, — покрытая «плесенью времен», — измеряемых многими десятками лет.

* *
*

В течение двух летних сезонов, которые я провел в Сувалках, всей дружной Павлоградской семьей устраивались поездки в излюбленные места ближайших окрестностей, что оживляло монотонность гарнизонной жизни. В этом шли мне на встречу наши полковые дамы; с особенной благодарностью вспоминаю я энергичную и идейную изобретательность жены ротмистра Семенова, которую за ее неиссякаемую бодрость и товарищество называли не иначе, как корнет Семенов.

Целью таких поездок было обыкновенно одно из озер. Иногда конное учение, начатое с раннего утра, — завершалось тем, что на озеро приезжали дамы с прислугой и обильным запасом пищи. После обеда прибывал хор трубачей; после ловли рыбы и раков и катания по озеру происходили танцы под открытым небом, пел хор песенников, а затем — веселое возвращение домой.

* *
*

Соответственно цели, с которой сопряжен был перевод полка на границу, — наша мобилизация ограничивалась сроком в 24 часа. Тем не менее, принимая полк, никакого мобилизационного плана я не нашел. В течение первого-же лета он был разработан и представлен по команде, — а перед началом лагерного сбора начальник дивизии, на пробной мобилизации, мог лично убедиться, что в назначенное время полк был готов для вторжения в Пруссию.

Летом полк выступал обыкновенно в специально кавалерийский сбор в лагерь под Оранами, Гродненской губернии, а затем в общий сбор с пехотой — под г. Гродно. Поход совершался по присланному маршруту, причем по пути назначалась дневка в Друскениках.

Очень хороший курорт этот, на обрывистом и лесном берегу Немана, мы проходили в разгар сезона; в честь нашего принято было устраивать в «казино» большой бал; благодаря очень раннему приходу накануне дневки и позднему выступлению после бала мы проводили почти два дня в Друскениках.

Встречать нас выходило все население, конечно, «от мала до велика». Предстояла обыкновенно переправа на паромах через широкую реку у

самых Друскеник. Операция довольно мешкотная. Поэтому я предпочел провести все эскадроны по броду, — правда, очень глубокому, — а на понтонах переправить лишь обоз.

Все обошлось благополучно; — выкупалось всего несколько всадников, без всякого ущерба принявших холодную ванну.

После переправы, с хором музыки впереди, павлоградцы вступили торжественно в курорт. К сожалению на обратном пути в Сувалки нельзя было доставить им этого удовольствия, так как из Оран полк переходил в Гродно и оттуда прямым путем домой.

Дальнейший поход наш надо было совершать с военными предосторожностями, так как части дивизии, уже прибывшие в Ораны, должны были атаковать нас во время похода. На последнем переходе я воспользовался случаем устроить внезапное нападение на псковских драгун, которые имели в виду устроить нам засаду, — что внесло не только очень большое оживление, но и испытание радостного чувства в деле нашего кавалерийского ремесла.

Поле, на котором предстояли наши дивизионные учения, было сплошь песчаное, оканчивающееся довольно большим озером, — очевидно, когда-то покрывавшем все это песчаное пространство, бывшее его дном.

Весь наш специально кавалерийский сбор прошел благополучно, кроме одного бригадного учения, которое производил генерал барон Вольф. В достаточной мере бестолковые эволюции, которые он заставлял нас проделывать, завершились направлением атаки Павлоградского полка на целый ряд предательских ям и различных углубленных закрытий во время артиллерийской стрельбы; там-же оставалось еще достаточно и неразорвавшихся снарядов.

Опасное место это было нам хорошо известно. Поэтому, когда я доложил бригадному командиру о тех вероятных последствиях, которые могут быть при маневрировании в этом районе, то получил на это ответ:

— «Полковник, — на войне можно быть гораздо хуже! Прошу атаковать!»

Атаковали — и могли любоваться картиной боя, действительно «не хуже», чем на войне. Самое скверное место пришлось на долю первого эскадрона, в котором выбыло из строя более сорока лошадей. Один взвод, вместе с офицером, — провалился в блиндированный навес, совершенно не заметный со стороны атаки.

Понеслись лазаретные линейки с докторами, — началась перевязка раненых и неоконченное учение прекратилось, причем бригадный командир поехал с докладом о происшествии к начальнику дивизии, не бывшему на учении.

Зная кратчайший путь, вброд через р. Мечечанку, — я поскакал тоже к барону Мейндорфу и прибыл раньше бригадного командира. Спокойный и уравновешенный начальник дивизии, выслушав мой доклад, — высказал сожаление, что на этот раз отсутствовал на учении, так как не допустил-бы бессмысленной порчи конского материала только потому, что на войне его будут тоже уничтожать.

Я дождался прибытия барона Вольфа, который стал докладывать то, что произошло, — не упустив упомянуть и своего мнения о том, что на войне бывает «гораздо хуже».

На это барон Мейндорф, уже с улыбкой, заметил:

— «Ну, знаете, барон, если мы будем работать с вашими взглядами, — нам не с чем будет выступать в поход».

Сбор под Оранами окончился довольно дальним двусторонним маневром, после чего Павлоградский полк отправился в общий сбор под Гродно.

Перед самым выступлением ко мне явился еврей, подрядчик по уборке осколков и снарядов от артиллерийской стрельбы.

По контракту он уплачивал в казну определенную сумму, получая право собирать в свою пользу весь металл от стрельбы, разбросанный по полю.

Для стрельбы по движущимся мишеням, в тот год кто-то предложил ставить щиты на плоты и тянуть их по озеру на канатах. Масса снарядов ложилась, конечно, в воду, что и привело подрядчика в отчаяние, — так как для него это был громадный убыток. В поисках заступника, он пытался обращаться ко всякому начальству, в том числе и ко мне, как к недавно прибывшему из столицы.

Он комично об'яснял мне при этом, что не может-же он нырять, чтобы доставать попавшие в воду осколки, «я-же не рыба, чтобы видеть, где что лежит на дне», жаловался обиженный подрядчик и просил, чтобы я написал об этом в Петербург, где, по его мнению, такой глупости, как стрельба в воду, придумать не могли.

После дивизионного сбора в Оранах, — в Гродненском сборе это был для меня уже отдых, так как павлоградцам приходилось принимать участие отдельными эскадронами в различных пехотных отрядах.

Во время нашего отсутствия из Сувалок выстроено было помещение для 2-го эскадрона, и весь полк, таким образом, оказался в сборе.

* * *

Второй год моего командования был несравненно для меня легче и приятнее, — я мог смело уже бить в шляпку гвоздя, не рискуя попадать по пальцам. То, что в ближайшем будущем может предстоять какая либо перемена, мне и в голову не приходило.

При моем назначении командиром полка я думал, что в Сувалках пробуду долго. Но великий князь Николай Николаевич Старший решил иначе. Совершенно неожиданно, в апреле 1886 г. я получил от него телеграмму о моем назначении начальником офицерской кавалерийской школы и вскоре затем приказание, — сдать полк старшему штаб-офицеру и, не ожидая прибытия моего преемника, — прибыть в Петербург.

Полк сдал я подполковнику Поклевскому-Козелл. Нового назначенного командира полк должен был долго ждать. Это был некий полковник Гомолицкий, не молодой по службе, долгое время подряд пробывший на Кавказе начальником казачьего училища, — совершенно чуждый для строевой службы человек. Это был тип доброго старого времени, когда командовали полками на правах откупщиков. Вследствие этого весьма короткое время его командования изобиловало целым рядом замечательных курьезов. С меня-же Гомолицкий требовал за сдачу полка какую-то фантастическую сумму, — «в виду возможных недочетов» как он пояснял.

Глава X

Начальник офицерской кавалерийской школы (1886—98)

Мои начальники. Николай Николаевич Старший; Ванновский. Образование школы. Сотрудники. Дальние пробеги. История конницы Денисона. Николай Николаевич Младший. Кончина императора Александра III. Ходынка.

Генерал-инспектор кавалерии, великий князь Николай Николаевич Старший, задумав широкое развитие офицерской кавалерийской школы, — на что требовалось продолжительное время, — решил избрать для этого одного из младших командиров кавалерийских полков, чтобы он, таким образом, подольше пробыл у сложного нового дела. Выбор его пал на меня.

Почти 12 лет я пробыл во главе этого высшего кавалерийского учебного заведения, которое принял от генерала Тутолмина. Последний в свою очередь принял его, как учебный эскадрон, от генерала Штейна и под руководством великого князя преобразовал его в большое, самостоятельное учреждение.

Когда я принял школу в 1886 году, она была размещена в Петербурге, в Аракчеевских казармах, под Смольным Монастырем, на Песках, — очень неудобных по размерам своим для школы. Постройки не отвечали новейшим требованиям; конюшни, казармы и классы не соответствовали увеличенному числу командированных. Часть офицеров вынуждена была поселиться на частных квартирах далеко от школы. Тайна этого недочета заключалась в том, что преобразование и развитие школы происходило при соперничестве военного министра с великим князем, который тогда ему подчинен не был.

Поэтому, когда я представлялся по случаю нового назначения генерал-адъютанту Ванновскому, — то он принял меня недружелюбно.

— «Как это вы согласились принять назначения начальником школы?» — спросил военный министр.

Генерал Ванновский находил, что Николай Николаевич создал себе просто забаву и не ожидал серьезной пользы для армии, пока школа не будет подчинена военному министру. Со спокойной совестью я мог ответить Ванновскому, что я этого назначения не добивался, что никто моего согласия не спрашивал и что я просто к моему великому удивлению

получил телеграмму о состоявшемся моем назначении. Несмотря на такое положение вещей, я, конечно, ни разу не явился к военному министру, с докладом о всех «великокняжеских затеях», как он предлагал мне это делать.

При назначении я был зачислен по армейской кавалерии, хотя, как офицер генерального штаба, имел право на этот мундир и во всяком случае, как гвардейский офицер, мог претендовать на зачисление по гвардейской кавалерии, если не на сохранение мундира Павлоградского полка.

Но вскоре, на зимнем параде, когда я на фланге эскадрона школы проезжал перед Императором Александром III, он обратил на меня внимание; после этого генерал Миркович, помощник начальника главного Штаба, под'ехал ко мне и передал, что Его Величество зачисляет меня в Генеральный Штаб, так как я получил георгиевский крест именно в этом мундире.

Важнее было то, конечно, что недружелюбное отношение Ванновского к учреждению великого князя, — вредило самому делу. Несмотря на свое высокое положение, великий князь не мог устранить все эти неудобства, — в чем он, по всей вероятности, не отдавал себе вполне отчета. Когда я впервые явился к нему и доложил, что едва ли у меня хватит сил преодолеть все затруднения и справиться с предстоящими трудами, — Его Высочество успокоил меня:

— «Ничего, будем работать вместе и дело у нас пойдет.»

Русская конница обязана великому князю за «Наставление для выездки ремонтной кавалерийской лошади». Ванновский, в силу своего пристрастия к комиссионному способу, поручил разработать это наставление комитету при штабе генерал-инспектора кавалерии. Под председательством генерала графа Крейца эта комиссия работала более двух лет, и когда составленный проект доложен был генерал-инспектору кавалерии, — его императорское высочество пришел в ужас от его несуразности, — в войсках он никому никакой пользы принести-бы не мог. — Не долго думая тогда, великий князь приказал мне в короткий срок составить проект наставления. В три или четыре месяца мне удалось составить новый проект и прочитать великому князю, после чего, с некоторыми незначительными изменениями, он представлен был Военному Министру на утверждение.

К сожалению, скоро выяснилось, что задача эта ему не по силам, здоровье его сильно пошатнулось; навещать школу он стал все реже и реже, — с прежней энергией не был в силах проводить свои идеи у Государя и в конце-концов уехал в Крым, где и скончался 13/26 апреля 1891 года.

Тело покойного великого князя привезено было в Петербург, и на похоронах в Петропавловском Соборе, во время отпевания, мне довелось в числе почетных часовых, стоять у гроба своего бывшего генерал инспектора.

Я потерял крупного покровителя, царская семья — выдающегося члена и армия — ее лучшего солдата. Всех как громом поразило известие, что школа поступит в непосредственное ведение военного министра. Ванновский был тип так называемого, тяжелого начальника. Во время турецкой кампании он состоял в должности начальника Рущукской армии, ко-

торой командовал, тогда еще наследник, Александр III. Именно это личное знакомство и привело к назначению в военные министры этого совершенно не подготовленного человека. Начав свою службу в армейских частях, он старался пополнить пробелы своего образования чрезвычайной педантичностью и добросовестностью. Насколько в нем преобладала эта последняя черта характера, показывает его отношение к своему назначению: из-за границы он выписал себе гору учебников, дабы пополнить свои познания.

С каким чувством я отправился представиться новому начальнику, — понять легко. Принял меня военный министр в своем доме на Садовой улице, а не в канцелярии военного министерства, как это бывало до сих пор. Во вторых, встретил меня Петр Семенович радушной улыбкой и словами:

— «Ну что, попали под мою команду? теперь держитесь!» Но затем добавил уже более серьезным тоном, — я буквально ушам своим не поверил:

— «Может быть, лучше было избрать место для школы не в столице, — но теперь дело уже сделано. Я знаю, что у вас много всяких нужд. Теперь, надеюсь, вы мне будете докладывать обо всем и в чем можно будет, я вам помогу». И Ванновский слово свое сдержал! — За время своего командования нами он дал возможность обстроить и обставить школу так, как никому из нас не могло и присниться.

В городе прибавились манежи, конюшни; казармы в несколько этажей, — выстроен был музей; расширена церковь и пополнены всякие приборы, инструменты и пр.

В Красном Селе выстроено большое офицерское собрание, бараки и обширные конюшни. При выступлении в лагерь, вся походная колонна школы следовала по Садовой улице, и на под'езде своего дома генерал Ванновский встречал ее, здороваясь с людьми. Часто он выезжал своих лошадей в нашем манеже, ездил на своей лошади. Один из его сыновей проходил даже курс школы. Словом, в лице Петра Семеновича школа получила властного и могущественного покровителя, давшего ей возможность развиться и окрепнуть. Я лично был даже командирован за-границу, для ознакомления, как это дело поставлено в иностранных армиях, германской, французской и австрийской.

Из подробного отчета моего военный министр мог видеть, что мы не отстаем от иностранных армий. Большой интерес представлял конский материал германской армии. Так как в то время был запрещен вывоз лошадей из Германии, то военный министр исходатайствовал нам разрешение князя Бисмарка на покупку десяти лошадей тракенского завода.

На заводе в Тракене мы были радушно приняты заведывающим полковником фон-Дасселем; ознакомились с этим громадным рассадником лучших немецких лошадей — и выбрали десять из них, которые доставлены были в Петербург.

Лошадей подобного же сорта производил и наш завод Мазараки, но они были только прочнее и выносливее тракенских.

* * *

Только в 1893 г., после долгих испытаний и сравнений проекта с подобными-же учреждениями иностранных армий, — положение об офицерской кавалерийской школе — было утверждено.

Задача школы заключалась в том, чтобы офицеров кавалерии и казачьих войск подготовить образцово к командованию эскадроном и установить известное однообразие служебных требований в кавалерии вообще. — Кроме того унтер-офицеры кавалерии и конной артиллерии командировались в школу для обучения способов выездки лошадей, равно как и кузнецы, — для усовершенствования их в этом специальном деле.

Школа состояла из пяти отделов: драгунского, казачьего, инструкторского, образцового эскадрона и учебной кузницы; в дальнейшем в состав школы вошел хор трубачей и школа солдатских детей, учрежденная в честь многолетнего пребывания в должности инспектора кавалерии, — великого князя Николая Николаевича Старшего.

Офицерский курс продолжался два года; курс начинался 1-го октября. Ежегодно поступало около пятидесяти офицеров. Предметами обучения были: верховая езда и дрессировка лошадей, тактика, история конницы, телеграфное, подрывное дело, ветеринарное, ковка. Зимою занятия происходили по большей части в манеже, в классах и учебной кузнице, но предпринимались и дальние осведомительные пробеги; летом производились тактические упражнения, всякого рода спорт, с'емки и т. п.

После успешного окончания двухгодичного курса, офицеры возвращались в свои полки и принимали освобождающиеся эскадроны, независимо от того, были ли в полку старшие кандидаты на должность командира эскадрона или нет, чтобы немедленно же закрепить приобретенные знания практикой и передать их частям.

Кроме того командировались ежегодно по одному от каждого кавалерийского и казачьего полка новобранцы в учебную кузницу для обучения их кузнечному ремеслу.

Это был, словом, большой аппарат, во главе которого мне пришлось стоять. Прекрасная задача выпала на мою долю, и более десятка лет этим путем я влиял на развитие и усовершенствование техники кавалерийского дела в русской армии.

Такова была служебная обстановка, в которой почти 12 лет протекала моя жизнь.

* * *

Для ведения хозяйства школы у меня был заведывающий хозяйством. При школе состоял учебный комитет.

Вне школы я состоял членом более десяти различных комиссий, имевших заседания не менее одного раза в неделю, — поглощавших бесконечно большое количество времени в бесполезной болтовне. Если-бы я добросовестно посещал все эти заседания, как те господа, которых обязанности ограничивались исключительно участием в работах комиссий, — для чего они с'езжались в Петербург со всех концов России, — то у меня не было-бы времени на сон и питание и дела школы пришлось бы положить под сукно.

* * *

Упомянув об этих заседаниях, не могу не привести одного комичного эпизода, имевшего тогда место. В комиссии по выработке «устава полевой службы войск» состоял членом и великий князь Дмитрий Константинович, — командовавший в то время л. гв. Конно-гренадерским полком. На одно из заседаний он опоздал. Извиняясь, что был задержан распределением по полкам новобранцев в Михайловском манеже, он рассказал курьезный случай, бывший с ним при этом.

Осматривая людей, назначенных в его полк и обратив внимание на одного из очень тощих новобранцев, великий князь спросил, — здоров ли он. Тот ответил: «Здоров»; — на что Дмитрий Константинович ему сказал: «Ну, тогда ничего, на хороших солдатских харчах ты поправишься». Новобранец, видимо не знавший, кто с ним говорит, посмотрев на тощую, длинную фигуру великого князя, возразил ему: «Как я посмотрю на тебя, не очень то ты на солдатских харчах поправился».

Сидевший рядом со мной на заседании великий князь, рассказав этот эпизод, — прибавил: «Вот видите, Владимир Александрович, — до чего доводят эти комиссии, — мы становимся похожими на почтовых кляч».

* * *

В течении 12 лет мне пришлось иметь в лице ротмистра Брусилова прекраснейшего сотрудника, которому я передал после ухода Клейгельса инструкторскую часть; до того он у меня был адьютантом. Своими выдающимися способностями и знанием техники кавалерийского дела, при знании к тому-же иностранных языков, — он принес неоценимую пользу делу создания в русской армии рассадника кавалерийской культуры.

В моих литературных трудах по этой части он принимал деятельное участие и когда впоследствии стал сам во главе офицерской кавалерийской школы, то повел ее, конечно, опытной и твердой рукой. В том, что Брусилов был выдающимся военоначальником — не приходится прибегать к доказательствам, — для этого на лицо более чем надо фактических данных. Его поведение после переворота для меня совершенно непонятно. Не берусь осуждать этого моего бывшего сослуживца за его переход на службу к большевикам, — для этого у меня слишком мало данных, и с деятельностью его у них я не знаком.

* * *

Во главе инструкторского отдела я застал флигель-адьютанта полковника Клейгельса. Это был тип кавалериста доброго старого времени, поклонник манежа и тонкостей конюшенного дела, бьющих на внешний эфект и переходящих даже в область циркового искусства. Продать порочную лошадь не считалось предосудительным. Не стеснялись покупать бракованных лошадей из строя по 40 рублей и, сделав им «туалет», продавать за многие сотни рублей.

В турецкую кампанию 1877—78 г. г. Николай Васильевич Клейгельс был ординарцем у генерала Гурко. В то время, что я принял школу, последний был Варшавским генерал губернатором и предложил полковнику Клейгельс пост Варшавского обер-полицеймейстера. Николай Васильевич пришел ко мне за советом; я сказал, что от такого назна-

чения ему отказываться нельзя, предсказав, что это начало новой его более блестящей кар'еры. И я не ошибся, так как он был Петербургским градоначальником и затем Киевским, Волынским и Подольским генерал губернатором.

В офицерской кавалерийской школе же были такие молодые силы, отвечающие современным требованиям, как Брусилов, Химец и др., — так что выгодное для Клейгельса назначение было не без пользы и для школы.

В должности эскадронного командира школы я застал полковника Петровского. Вот это был человек, которого распознать было не трудно. Хороший ездок, лихой офицер и перворазрядный фокусник. — Самый эскадрон у него был в жалком состоянии, лошадей он кормил плохо. Все внимание он сосредоточил на унтер-офицерской смене, которая была вымуштрована им на редкость.

Ею он втирал очки великому князю и приводил в восторг гостей его высочества, любовавшихся действительно поразительною лихостью ездоков, не знавших препятствий, очертя голову бравших самые высокие барьеры, одновременно даже с волтижировкой. По этой показной части Петровский не знал соперников, — точно так, как у него не было их и по части надувательства, в каких угодно видах.

Кончилось это тем, что вскоре пришлось его убрать и назначить полковника барона Нетельгорста. На долю последнего выпал нелегкий труд приведения в подобающий порядок — эскадрона школы.

Перед тем, как стать в ряды л. гв. гусарского Его Величества полка, наследнику цесаревичу Николаю Александровичу — нужно было к этому подготовиться на практике. С этою целью избран был эскадрон офицерской кавалерийской школы, непосредственно подчиненный генерал инспектору кавалерии. Наследник приезжал и проходил устав кавалерийской службы, начиная с одиночного обучения всадника, до эскадронного учения — включительно. По окончании этих занятий, на прощание, я поднес его императорскому высочеству артистически изготовленную в учебной кузнице школы пепельницу, которую составляло копыто, образцово подкованное, отшлифованное и с жетоном офицерской кавалерийской школы, в виде орла на щите александровских времен.

Пепельницу я потом часто видел, когда приезжал в Царское Село с докладом, как военный министр.

Несколько времени спустя, после наследника цесаревича, великий князь Владимир Александрович пожелал, чтобы его сын Борис Владимирович брал уроки езды тоже в моей школе.

В великокняжеском дворце вопрос этот был вырешен; но на деле добиться положительных результатов обучения было не так просто.

* * *

Чтобы выработать технические приемы совершения дальних пробегов, совершены были четыре поездки в разные времена года.

Первый пробег был зимний, — из Петербурга в Новгород, — на протяжении 210 верст, в два перехода. Один день мы пробыли в Новгороде и в два-же перехода вернулись домой. Велся подробный журнал пробега, и отчет с выводами был отпечатан отдельной брошюрой.

Как и в иностранных армиях, прочную постановку получили у нас парфорсные охоты. С этой целью у нас переезжали в Поставы, Виленской губернии, в имение моего однополчанина л. гв. уланского Его Величество полка ротмистра графа Пржездецкого, предоставившего офицерской кавалерийской школе прекрасныя помещения для офицеров, нижних чинов, лошадей и стаи великолепных гончих собак, выписанных из Англии.

* * *

Личная моя жизнь в те годы сложилась очень благоприятно. Хотя квартира, состоявшая из большого числа маленьких и низких комнат, для крупных увеселений не была приспособлена, — но зато на вид была уютна и создавала настроение, благоприятное для литературной работы. Поэтому то именно эти годы и были для меня самыми плодовитыми на литературном поприще.

Со всех сторон получал я книги для отзывов; специальные, военные и исторические органы я не имел возможности удовлетворить полностью своим сотрудничеством. Обширная корреспонденция, богатая внутренним своим содержанием, о которой я сейчас, — при составлении моих воспоминаний, — с сожалением вспоминаю, соединяла меня с выдающимися мыслителями военного мира. От бурной жизни Петербурга я был почти что совсем независим. Пески находились слишком далеко от центра города, что затрудняло поддерживать знакомства; но у меня была хорошая запряжка, которая давала мне возможность посещать Петербург, по мере надобности. Поэтому я мог и поддерживать мои старые отношения с Николаевской Академией Генерального Штаба.

В течении моего выздоравливания после тяжелого крупозного воспаления легких я составил монографию кавалерийского генерала наполеоновских времен — Мюрата.

Затем интересовал меня перевод на русский язык «Истории кавалерии» Денисона, с тем, чтобы издать эту книгу в память великого князя Николая Николаевича Старшего. В материальном отношении на помощь мне пришел в этом деле прикомандированный к школе л.-гв. Гродненского гусарского полка поручик фон-Дервиз.

С этим изданием приключилась курьезная история, — о которой стоит сказать несколько слов.

По инициативе покойного инспектора кавалерии, об'явлен был конкурс на составление «Истории Конницы», по известной программе.

Комиссия, в которую входили профессора Николаевской Академии Генерального Штаба, не признала вполне отвечающим задачам конкурса представленные работы; но первой премии, в несколько тысяч рублей, удостоила все-таки сочинение, — оказавшееся американским, — Денисона. Оно доставлено было на английском языке и перевода на русский не удостоилось. Автор напечатал свой труд по английски, а в Германии сочинение это было оценено по достоинству, и Брикс не только издал сочинение Денисона в переводе на немецкий язык, но и составил в дополнение к нему вторую часть, значительно дополняющую материал о русской коннице, причем роскошно иллюстрировал все издание художественно исполненными политипажами.

Таким образом, мысль русского генерал-инспектора кавалерии осуществил американец; — немец дал возможность с этим, премированным русскими деньгами, сочинением ознакомиться своим соотечественникам, причем значительно еще улучшил его, а русский человек оказался ни при чем.

Этот чистейший «скандал в русском благородном семействе» надо было обязательно загладить, и я взялся за перевод двух томов Брикса на русский язык. Под моей редакцией перевод очень удачно был исполнен бароном Рауш фон-Траубенбергом, а издание, дополненное рисункам Н. Н. Каразина, — удалось выполнить роскошно на средства, предоставленные фон-Дервизом.

Отпечатана было всего одна тысяча экземпляров, и сумма, вырученная от продажи их, т. е. 10.000 рублей, составила фонд капитала имени великого князя Николая Николаевича Старшего. Учебному комитету школы предоставлено было право, на проценты с этого капитала, выдавать премии за литературные работы по кавалерии.

* * *

В 1894 году я был на юге Франции, где из телеграмм узнал о кончине Императора Александра III. Государь скончался от болезни почек, чему причиною было крушение императорского поезда у станции Борки.

Крушение поезда приписывалось неисправности железнодорожного пути, — министру путей сообщения пришлось покинуть пост; впоследствии-же, значительно позднее, выяснилось, что это было делом революционных элементов.

Политическим отделением министерства внутренних дел заведывал генерал Сильвестров; выйдя в отставку, живя в Париже, уже из любви к искусству, он занимался наблюдением за нашими эмигрантами-революционерами, которые его в конце концов убили на его-же квартире, за письменным столом.

Полиция опечатала все имущество одинокого русского генерала и отправила все в Петербург. Там, при разборе переписки и документов, нашли фотографии, с пометками на обратной стороне тех сведений, которые собирал об этих лицах покойный. Между ними признали и одного, поступившего на придворную кухню поваренком, который исчез на станции, предшествовавшей катастрофе у Борок.

Поставив адскую машину над осью вагона, рядом со столовой, он покинул поезд, — что и выяснилось после крушения, когда стали проверять, все-ли на лицо и нет-ли кого нибудь под вагонами.

Когда рухнул вагон-столовая, в котором Его Величество сидел за трапезой, — он при падении отшиб себе почки, вследствие чего и развился нефрит. Не любивший лечиться, Александр III надеялся на свою мощную натуру и благодетельный южный климат Крыма, где он провел последние дни своей жизни.

* * *

Со вступлением на престол Николая Александровича начались перемены в личном составе. Великий князь Николай Николаевич Младший был назначен генерал-инспектором кавалерии. Канцелярия генерал-инспектора, после смерти его отца, была расформирована, и теперь вновь

составлен был штаб генерал-инспектора кавалерии, с начальником штаба генералом Палицыным во главе.

Как только узнал я об этом, я собрался укладывать свои чемоданы. При представлении новому начальству это намерение я отложил, потому что, несмотря на сдержанный, но вполне корректный прием, — я не мог ни к чему придраться; у меня не было ни малейшего повода заявить, что я предпочитаю под новым начальством не состоять.

С Федором Федоровичем Палицыным мы были всегда в хороших отношениях; я думаю, что ему именно я обязан тому благополучному, без всяких осложнений, — командованию школою и получению 10-й кавалерийской дивизии в 1898 году, по дошедшей до меня очереди в кандидатском списке.

Через два года после вступления на престол Императора Николая II, — со всей моей офицерской кавалерийской школой, мне пришлось принимать участие в торжествах, по случаю коронации Его Величества в Москве.

Прибыли мы туда в апреле месяце и расположились в Петровском парке, против Ходынского поля. — Апрельские холода сменились сильной жарой, и вся Москва высыпала любоваться совершенно исключительным зрелищем. — В ожидании-же дня раздачи царских подарков, стала стекаться масса народа, не только из окрестностей, но и из дальних уездов Москвы.

На Ходынке были построены для этого особые бараки и довольно примитивные барьеры, предназначенные сдерживать толпу и направлять хвосты к местам раздачи подарка. Под напором миллионной толпы все рухнуло, люди стали топтать падавших в суматохе, и раз попавший в человеческий водоворот, не имел уже возможности выбраться из него. Отдельных людей выжимало наверх, — а у неосторожно поднявших руки, трещали ребра. К этому присоединилось обстоятельство, сильно увеличившее число жертв. На окраине поля имелся целый овраг, образовавшийся от выемки земли и песка. Когда толпа хлынула с поля, по направлению в город, то передние начали падать в ямы, на них летели другие, и весь овраг заполнился грудою тел.

Когда во двор нашей дачи принесли несколько человек, растоптанных в толпе, я верхом отправился узнать, что случилось. В панике народ бросился с Ходынки, оставляя за собой трупы раздавленных, раненых, обморочных. Что-же касается главного пункта гибели людей, — то картина, которую пришлось видеть, трудно поддается описанию.

Со всей Москвы вытребованы были немедленно платформы, фургоны для перевозки мебели и др. перевозочные средства, — вызваны были войска и началась уборка трупов. Жара стояла сильная, и поразительно быстро они стали разлагаться.

Цифра погибших и пострадавших точно не выяснилась, — в особенности вторых, так как все, у кого сохранились ноги, — ушли, конечно, домой.

Что-же касается до собранных трупов, то во всяком случае их было не менее шести тысяч.

Нечего и говорить о толках по этому поводу; многие упорно настаивали на том, что это дурное, зловещее предзнаменование.

Глава XI

Начальником 10 кавалерийской дивизии (1898—1900)

Состав дивизии. Неудачный смотр вел. кн. Николая Николаевича. Новые приемы обучения. Особая моя миссия. Харьков. Смотры. Сумы. Кадетский корпус. Харитоненко. Новгородский полк. Одесский полк в Ахтырке. Ингерманландский полк в Чугуеве. Оренбургский казачий полк. Казачий вопрос в военном отношении. Встреча с Куропаткиным. Дивизионные учения в Чугуеве. Смотры Драгомирова. Смотр вел. кн. Николая Николаевича в 1899 г. Прощальный длительный полевой галоп 1900 г.

10-я кавалерийская дивизия, штаб которой находился в Харькове, — состояла из Новгородского драгунского полка, расположенного в Сумах, Одесского уланского — в Ахтырке, Ингерманландского гусарского — в Чугуеве, Оренбургского казачьего — в Харькове и 2-х конных батарей в Чугуеве.

Когда я принимал дивизию, то великий князь Николай Николаевич сказал мне, что нашел ее в ужасном состоянии и прогнал с поля. Драгомиров не разделял этой столь решительной меры.

В поведении великого князя он видел только выставление на показ неуместного высокомерия. То же самое рассказывал мне и командир корпуса, когда я ему явился, о недовольстве и резкости великого князя, которые он так же, как и Драгомиров, не разделял. По рассказу Винберга, дело совершенно не дошло до смотра: после 2—3 движений великий князь пришел в такое раздражительное состояние, что прогнал с поля дивизию вместе с ее начальником.

* * *

Русская конница в то время находилась в переходном состоянии: вводились новые приемы подготовки и воспитания всадника и его коня, и великий князь, со свойственной ему энергией, — взял это дело мощно в свои руки. Должен отдать ему полную справедливость, — в деле образования нашей конницы он сделал очень много. Великий князь своей сильной личной инициативой разбудил русскую конницу; из казарменной спячки он ее вывел в поле, — для выработки боеспособных конных частей. Кавалерийские уставы согласованы с современным развитием

тактики и «наставление для ведения занятий в кавалерии» выработано было именно в духе этих требований.

Если бы он питал больше уважения и любви к русскому кавалеристу, он бы достиг большего. Но он относился жестоко и к коню и к всаднику, и настолько не умел сдерживаться, что даже на смотрах бил по голове тяжелой рукояткой хлыста своего дивно выезженного кровного коня.

Энергичные начинания великого князя, генерал-инспектора кавалерии, были не по сердцу тем начальникам, которые исповедывали, что «пока толстая лошадь похудеет, — тощая околеет».

Во имя этого аргумента лошадей держали преимущественно на конюшне и через день, не больше, чем на час, устраивали им выходы в манеж, о поле-же вспоминали только летом.

К числу лиц такого исповедания принадлежал Ребиндер, для которого новый устав был мертвой буквой.

Резкий переход к новым требованиям, естественно, не мог пройти без ущерба конскому материалу; — но винить в этом исключительно нового генерал-инспектора кавалерии было не справедливо, — он энергично взялся за дело, которое отлагательств не терпело.

Раз нашей кавалерии могла быть поставлена задача вторжения масс конницы на западном фронте в Пруссию, — то русскому конскому материалу необходимо было поставить совершенно исключительные требования.

Правда, с немного большим толком и пониманием по отношению к коню и к всаднику можно было бы с меньшими жертвами достичь гораздо большего.

* * *

Мне предстояло два экзамена, совершенно разных по существу. Одним из них был экзамен командующего войсками, преимущественно в области воспитания личного состава. Принимая участие в литературной работе Драгомирова, составив под его редакцией, из серии «опыта подготовки частей к бою», — «подготовку эскадрона», я мог ожидать, что командующий войсками пожелает проверить результаты применения на практике, изложенного в руководстве. Экзамен генерал-инспектора кавалерии был легче в том отношении, что великий князь производил смотры, не выходя из рамок уставов и наставления. Но для меня лично он усложнялся тем, что бывшему начальнику офицерской кавалерийской школы, «всякое лыко» кавалерийской специальности будет несомненно поставлено «в строку».

* * *

В Харькове я застал вполне хорошие воинские и приятные личные отношения. Драгомиров личное мое представление ему в Киеве отклонил.

Начальником штаба дивизии я застал полковника Савича. Во время прохождения Николаевской академии генерального штаба, в старшем курсе, он входил в состав партии, в которой я руководил практическими занятиями. С тех пор артиллерийский поручик превратился в полковника, семейного человека и харьковского домовладельца.

Штаб дивизии помещался не далеко от его дома; для себя я нашел

квартиру по соседству. После офицерской кавалерийской школы и ее прекрасных конюшен, я сразу почувствовал неудобство размещения верховых лошадей в большом городе. Это обстоятельство весьма неудобное для начальника кавалерийской дивизии, человека, привыкшего ежедневно быть на коне. Прекрасное казенное помещение имел только командир десятого армейского корпуса, которому предоставлен был дом командующего войсками упраздненного Харьковского военного округа. Непосредственным моим начальником оказался генерал Виктор Федорович Винберг, бывший начальник Николаевского кавалерийского училища.

На другой день я поехал представляться новому начальству. По дороге я встретил генерала Винберга пешком; оказалось, что, узнав о приезде нового начальника дивизии, он пошел сам ко мне.

В этом сказался характер Виктора Федоровича, бесконечно доброго человека, — начальника, неизменно заботящегося о том, чтобы не причинить никакой обиды подчиненным и никого не стеснить, и доводившего свою доброту до такой степени, — что именно последнего избегнуть он не мог.

Начальником штаба у него был генерал Бертельс, значительно менее симпатичный чем его начальник. Даже такой уравновешанный, разумный и сдержанный человек, как Павел Сергеевич Савич, — терял спокойствие от необходимости считаться с казуистикой и канцелярскими измышлениями Бертельса..

* * *

Как только я устроился в Харькове, — я отправился для осмотра частей дивизии прежде всего в Сумы, где стоял подчиненный мне драгунский полк. В Сумах находился и штаб бригадного командира — генерала Баумгартена, ставивший уездный город Сумы выше многих губернских.

Самый город Сумы произвел на меня впечатление, не имеющего ничего общего с нашими уездными захолустьями. Прекрасные мостовые, тротуары, скверы, сады, исключительная чистота везде, — убедительно свидетельствовали о том, что и в России маленькие города, в культурном отношении, могут не уступать таковым-же заграницей. Много прекрасных домов, роскошных магазинов; чудный собор — стильной архитектуры, украшенный бронзовыми изваяниями, выполненными лучшими скульпторами в Италии.

Несколько таких миллионеров сахарозаводчиков, как Харитоненко, Суханов и др. — выстроили себе настоящие дворцы, а городу, — кто — собор, кто — больницу, приют, богадельню и т. п., — из соревнования.

Рекорд в этом благотворительно культурном состязании побил Х а р и т о н е н к о. Когда я был у него с визитом и благодарил за всякое содействие по удовлетворению полковых потребностей, он мне сообщил, что очень сожалеет о своем неудавшемся проекте образования кадетского корпуса в Сумах.

Дело заключалось в том, что он предлагал военному ведомству принести в дар большой участок земли на живописном берегу реки Псела, на окраине города и выстроить на нем здание, отвечающее последнему слову требований для учебного заведения. Жертвовал он кроме того и пол

миллиона рублей на это дело, — со своей стороны прося лишь, чтобы известный процент учащихся предоставлен был и детям не дворянского происхождения.

Генерал Куропаткин на это последнее условие не согласился, и вопрос этот замер. Мне предстояла зимою поездка в Петербург в одну из бесконечных комиссий, и я взялся уговорить Куропаткина — не упрямиться.

Для семейных офицеров десятого армейского корпуса такое военно-учебное заведение, почти в центре его квартирования, — было истинным благодеянием, и мне не стоило особенного труда уломать Алексея Николаевича Куропаткина.

Город Сумы, таким образом, обогатился наличностью крупного учебного заведения и украсился еще одним грандиозным зданием, — по внутреннему своему устройству являющимся последним словом в учебно-гигиеническом отношении.

Вырвать у Харитоненки эту пальму первенства можно было лишь постройкою казарм для Новгородского драгунского полка; — но этот вопрос тогда еще с тем-же успехом не разрешился.

Командиром драгунского полка был полковник Багговут, только что назначенный из л.-гв. конно-гренадерского полка. Мои взгляды на технику кавалерийского дела ему были известны, так как он состоял членом экзаменационной комиссии в офицерской кавалерийской школе. На его полке, однако, это нисколько не отразилось.

Когда полк выступил на дивизионный сбор в Чугуев, я выехал его встретить на походе и застал врасплох. По требованию нового «наставления для ведения занятий в кавалерии», полки должны были проходить две версты полевым галопом, не потеряв дыхания.

Как применялось втягивание в труды, ввиду подобного требования, я мог судить по походной колонне полка. За несколько верст до головы походной колонны, шли пешие драгуны, а лошади их следовали с коноводами в эскадронах. Подобная прогулка в поводу, конечно, не соответствовала втягиванию конского состава в труды. Багговуту я вполне определенно высказал, что никак не могу признать готовности его полка к полевой службе.

Для осмотра Одесского уланского полка отправился я в Ахтырку, бывшее казачье поселение. В этом глухом малороссийском селе домов почти не видать, все они прячутся в вишневых и других фруктовых садах, обнесенных «тыном», — довольно высоким плетеным забором.

Посреди-же этой большой деревни высится громаднейший белый собор, построенный Растрелли, с чудотворной иконой Ахтырской Божьей Матери. Вблизи этого собора и базара, в соседних улицах имеется несколько каменных домов, преимущественно с магазинами.

Верстах в двух протекает река Псел, на которой красиво расположен монастырь в густой зелени. Тут-же, между городом и рекой, находилось обширное поле несколько песчаное, но удобное для полковых учений. Вот и все.

Эскадроны были размещены по дворам сотен, большею частью не более 5—6 лошадей в одной постройке типа малороссийских мазанок. Уланам ужасно это нравилось, и на город и казармы они ни за что не променяли-бы свои гнездышки. Офицерство жило помещиками, — а

командир полка, полковник барон Дризен, — занимал прекрасную усадьбу.

Приехал я в Ахтырку в теплый весенний день и приказал показать мне лошадей на выводке. Очевидно, и конский состав жил в богоспасаемой Ахтырке по-помещичьи. Стоя на месте, лошади от жира покрывались потом, — что приводило меня в отчаяние, ибо с таким сырым материалом выполнить современные требования устава было немыслимо.

Заштатный городок Чугуев, в котором стоял гусарский полк и обе конные батареи, входившие в состав дивизии, — не заслуживал даже названия уездного города.

Бывший штаб поселения аракчеевских времен в город превратиться не смог. От него сохранилось лишь большое здание в несколько этажей, предоставленное юнкерскому училищу, и затем каменная церковь, манеж, несколько домов и ряд каменных-же домиков, однообразной постройки, для поселенческих семейств.

Если к этому прибавить гостиный двор, — каменной постройки в несколько арок, с двумя-тремя магазинами, — то вот и весь город Чугуев, — отстоящий к тому-же версты за 4 от станции железной дороги.

Рядом с юнкерским училищем сохранился небольшой каменный домик, в четыре комнаты, под названием «дворец». В нем, по преданию, останавливались царствующие особы, приезжавшие на смотры.

На крыше училища имелась башня с часами и звоном. В 12 часов пополудни открывалась в них дверь с одной стороны и выходили фигуры, изображавшие кирасира, гусара, улана, драгуна и других родов войск солдат, маршировавших и уходивших в другую дверь.

С замиранием жизни поселения заглохли и часы. Но затем к приезду императора Александра II на смотр войск в Чугуев, решено было пустить в ход и эти часы. Приехавший из Харькова часовой мастер, осмотрев их, нашел, — что все до такой степени заржавело и попортилось, что надо все делать заново, на что требуется много времени и денег.

Маленький-же чугуевский часовщик-еврей взялся пустить в ход часы за небольшую плату, но лишь на время пребывания Государя в Чугуеве.

Часы действительно ходили исправно, звонили и фигуры маршировали как следует. Починка-же заключалась в том, что все это время часовщик просидел сам в часах, заменив вполне удачно никуда негодный часовой механизм.

Рядом со «дворцом» имелся довольно поместительный деревянный дом позднейшей постройки, в котором жил летом командир корпуса.

Ингерманландским гусарским полком командовал флигель-адъютант полковник Веревкин, мой однополчанин по л.-гв. уланскому Его Величества полку, в котором он был полковым адъютантом. С конским материалом у него дело обстояло значительно лучше других полков. Он не упустил времени, и ему удалось начать втягивание лошадей в работу.

* * *

Четвертый полк моей дивизии был Оренбургский казачий, находившийся в Харьковском гарнизоне.

В царствование Александра II кавалерийские дивизии состояли из трех бригад, — драгунской, уланской и гусарской, — всего шести полков. Казачьи части входили в состав самостоятельных казачьих организаций. При Александре III русскую регулярную конницу решено было об'единить с казачьим элементом.

С давних времен, выселявшаяся на окраине московского царства русская вольница, — в том числе не мало отчаянных, забубенных голов, которым спокойно не жилось или приходилось уходить по неволе из-за провинностей, — в конце концов с'организовалась в отряды вооруженных всадников. Возникли затем вольные казачьи станицы, об'единившиеся в области, большею частью вдоль известных рек, Дона, Урала, Кубани, Терека и др.

Создалось своеобразное войско с круговым казацким управлением и атаманами, боровшееся с враждебными кочевыми племенами, вблизи русской границы. Для русского царства это было выгодно в том отношении, что таким образом получились казачьи заслоны, ограждавшие русские земли от нападений диких орд.

Борьба-же с последними выработала в казачестве все те свойства конного воина, которые действительно нельзя было не оценить. Поэтому дружественные к казакам отношения российского государства в результате превратились в союзы и даже в подчинение, на условиях выгодных для обеих сторон.

На службу казак выходил в собственном обмундировании и на своем коне. Так как каждый из них имел свой земельный надел, а оружие современных образцов стал получать от русской казны, — то настроение казачьих полков установилось, отвечающее понятию о консерватизме. Поэтому и русские власти при беспорядках предпочитали командировку казачьих частей, причем входившая в снаряжение станичников нагайка часто заменяла действие оружием.

Казаки были естественной конницей, носившей название «иррегулярной кавалерии». От регулярной она отличалась степным сортом лошадей, своеобразной седловкой без мундштука, — особым покроем обмундирования и пр. В их строевый устав входил и оригинальный строй — «лава», основанный на ловкости и наезднических способностях, — сноровке отдельных всадников. В рассыпную, развернувшись широким фронтом, казаки окружали, как пчелиный рой, неприятельские сомкнутые части и изводили, заматывали регулярную кавалерию.

За казаками поэтому признавалась способность к самостоятельному действию одиночных всадников, их навык к разведке, распознанию следов, не только неприятельского отряда, но и отдельных людей, проследовавших в известном направлении. В тоже время считали, что казачьи сотни не имеют той силы удара, — шока, который свойствен сомкнутым, стройным эскадронам регулярной кавалерии.

На этом основании признано было за благо кавалерийские дивизии составить из четырех полков, шести эскадронного состава: драгунского, уланского, гусарского и казачьего. Такая организация должна была привести к тому, что от близкого единения с казаками регулярные полки усовершенствуются в сторожевой, разведывательной службе, партизанских действиях и вообще предприятиях, так называемой малой войны.

С другой стороны ожидалось, что казаки приобретут навык к сом-

кнутым атакам, развивая для этого надлежащую силу удара, необходимую при встрече стройных неприятельских атак.

Если в этом проекте не было ничего, противоречащего здравому смыслу, то все-же «овчинка не стоила выделки», а ломка была громадная. Одиночное обучение таких природных всадников, как казаки, — не нуждалось в том, что требовалось для новобранца регулярной части. Естественная разведывательная способность казака не могла быть усвоена регулярным кавалеристом лишь в наглядку. Вообще все то, что составляет особенность всадника с малолетнего возраста, в силу его домашнего быта в станицах, — не может быть воспринято драгуном, уланом, гусаром только потому, что они попали в одну дивизию вместе с казаками.

Что же касается сомкнутых эволюций боевого порядка дивизий, то они скорее даже от этого потеряли. У казаков всего три аллюра, — шаг, рысь и скачь, — тогда как у регулярных полков был еще галоп, или вернее, кроме карьера и полевой галоп.

Это несоответствие аллюров по размеру движения, отражалось уже неблагоприятно не только на подвижности фронта, но и на сплоченности всего боевого порядка дивизии.

В командном отношении приходилось казачьим генералам получать иногда эти дивизии, и их стесняли регулярные полки, «азы» которых были им чужды. С другой стороны, наши регулярные кавалерийские начальники дивизий не были в курсе всех казачьих особенностей, и самые благоразумные из них считали целесообразнее в дебри казачьего воспитания и образования не путаться. Так поступил и я.

Состоявший в моем подчинении казачий полк, принимая во внимание особенности казачьих законоположений, — находился в отличном порядке. Командир полка полковник Авдеев жил уже довольно давно в Харькове и — как очень хозяйственный человек — обзавелся даже собственным домиком.

Виделись мы с полковником Авдеевым довольно часто и говорили о военном министре Куропаткине, которого он знал по Туркестану, куда Оренбургское войско посылало свои сотни на службу.

* * *

Во время одного такого разговора мне подали телеграмму, в которой Алексей Николаевич сообщал, что проезжает мимо Харькова и желает меня видеть.

Получилось такое впечатление, точно мы его вызвали разговором о нем.

На следующий день я ожидал его на вокзале. Куропаткин приехал, — пригласил меня в свой вагон, — показал его устройство, — как удобно он может работать в пути, — а затем выразил желание с'ездить в церковь помолиться, так как день был воскресный. В Харькове имелся собор на Скобелевской площади. Алексей Николаевич пожелал отправиться именно туда, и мы поехали с ним в моей коляске в церковь. — Публики там было довольно много, и всю обедню Алексей Николаевич прослушал с большим вниманием; никто не мог сомневаться, что он приехал действительно помолиться, и по окончании литургии я отвез его тем-же путем на вокзал к отходу поезда.

Никакого официального приема, почетного караула и представлений Алексей Николаевич не пожелал; просто проезжая мимо, неожиданно остановился, чтобы в воскресный день посетить храм Божий, и поехал дальше.

Товарищеская беседа наша ограничилась академическими воспоминаниями и условиями службы в Киевском округе. Отношения его с Михаилом Ивановичем Драгомировым никогда особенною дружбою не отличались.

* * *

В Харькове летом оставаться было совершенно невозможно. Жарко было, конечно, и в Чугуеве, — но вместо раскаленной мостовой там текла прекрасная река Донец, вдоль которой высился сосновый лес — бор, образчик чисто гигантских поселенческих работ аракчеевских времен. На громадном пространстве стояли шеренгами гиганты сосны, так идеально выравненные, точно сажали их по линейке.

По расписанию главного штаба, дивизионный сбор приходился в самый жаркий период лета. С 8 часов утра до 5 пополудни обыкновенно так пекло, что можно было окончательно загубить невтянутый в труды конский состав, — выводя полки на учение в означенное время. Это затрудняло работу, а к экзамену генерал-инспектора кавалерии надо было готовиться настойчиво, не теряя времени. Когда Михаил Иванович Драгомиров приехал на станцию Чугуев, — меня пригласили в вагон, и командующий войсками принял начальника 10-й кавалерийской дивизии с тем тоном официальности, который говорил внутренно: а вот мы теперь посмотрим, ваше превосходительство, как вы справляетесь с делом на практике; писали и обучали других — покажите свою способность руководить живыми, строевыми организациями.

Но смотр сошел-бы совсем благополучно, если-бы не инцидент в самом конце.

Когда Драгомиров об'езжал войска и здоровался, он требовал чтобы в ответ ему «не лаяли», т. е. не выкрикивали отдельными словами, с особым ударением на последнем слоге — «. . . . ство!» В этом искусстве люди были натасканы, — что было чистейшею «муштровкою», именно немецким „Drill", т. е. буквально мукою обучения, — против чего он сам восставал принципиально.

Обыкновенных уставных учений Михаил Иванович не любил и вместо них устраивал своего рода головоломку, подавая сигналы, свертывая, развертывая, поворачивая во все стороны всю дивизию. При этом не должно было проявляться никакой путаницы, и всякая часть, «не держась устава, аки слепой стены», должна была простейшим построением занять соответствующее место, не считаясь с порядком номеров и нормальным по уставу исполнением всех этих эволюций.

Все шло на диво гладко, и в стремлении усложнить перестроения, сам «командующий» запутался: когда в пыли перед ним очутился казачий полк, который по его предположению должен был находиться на противоположной стороне, — то, не разобравшись в этом, Драгомиров вспылил и накричал на ни в чем неповинного полковника Авдеева. — Жара, пыль, продолжительность смотра всех нас утомила и довела до известного нервного состояния. Когда-же командующий

войсками, после разноса командира полка, обратился ко мне, с гневным вопросом: «Что это такое?», я просил разрешения разобраться.

Пыль стала проходить, — и об'ехав полки дивизии, я доложил его высокопревосходительству, что все части на своих местах, согласно данных им приказаний. Этого Михаил Иванович никак не ожидал и поехал сам проверять, — причем убедился, конечно, кто именно не прав.

На этом смотр и закончился, — но «командующий войсками» видел по моему лицу, что я обиделся за командира казачьего полка, на которого зря накричали перед его подчиненными — и проезжая мимо Авдеева, Михаил Иванович, смягчившись, сказал ему: — «Ну, извините — я сам напутал».

Трудно себе составить понятие, что это за пыль на почве Чугуевского военного поля, когда 4000 коней, т. е. 16 000 копыт галопируют в разных направлениях.

Решительно все принимают настоящий защитный цвет — почвы под ногами. Лошади становятся одномастными, — ни серых, ни вороных, ни рыжих, ни гнедых — не различить. Надо было удивляться, как при таких условиях дивизия действительно вся не перепуталась. В конце концов смотр сошел вполне хорошо, не исключая и непредвиденного случая, разгневавшего моего начальника.

Что касается второго смотра, то он предстоял через год; его можно было назвать техническим, специально кавалерийским экзаменом, по программе вполне определенной «Наставлением для ведения занятий в кавалерии».

В 1899 году генерал-инспектор кавалерии пожаловал в Чугуев; — приехал также и командующий войсками.

Не стесняясь присутствием Драгомирова, Николай Николаевич, не выходя из рамок устава и наставлений, — произвел 10-й кавалерийской дивизии серьезнейшее испытание. Опытным своим глазом он убедился, что на этот раз не только нельзя прогнать ее с поля, — но можно пред'явить максимальные нормы, определенные наставлением.

Лично моему соединению с конем великий князь сделал экзамен, проскакав со мною более трех верст к тому месту, с которого он хотел видеть порядок дебуширования полков на военное поле, по данному им указанию.

Теряю-ли я при этом дыхание, он проверял, бросая по дороге те или другие вопросы, — на которые я должен был отвечать. Командира корпуса мы на скачке потеряли; а командующий войсками наблюдал вообще издали, чтобы не стеснять великого князя и не принимать участия в столь быстрых передвижениях, при его раненой в колено ноге.

Двухверстный пробег на полевом галопе дивизия выполнила тоже вполне удовлетворительно, и опытному глазу генерал-инспектора кавалерии было ясно, что в этом отношении сделано все, что можно потребовать при тех условиях, в каких конский состав находился всего лишь год тому назад. — Были, конечно, лошади, дышавшие еще тяжело, — но вся масса их, и в особенности ингерманландского гусарского полка, была способна, если-бы понадобилась, — произвести еще после того атаку на кар'ере.

Все эволюции боевого порядка на быстрых аллюрах заслужили

одобрение Николая Николаевича, — а это у него получить было не так легко.

Закончился смотр решением задачи с обозначенным противником, которым руководил начальник штаба генерал-инспектора кавалерии Палицын. И этот небольшой маневр окончился в пользу 10-й кавалерийской дивизии.

В результате, весь этот экзамен я выдержал; — но мы инстинктивно друг-другу не симпатизировали; — а при таких условиях беспристрастного масштаба от «притесняющего», как Михаил Иванович Драгомиров, называл экзаменатора, — ожидать было трудно.

От командующего войсками оценки всего того, что происходило на смотру, я не ожидал; — подобного рода поверке боевой подготовки войск он предпочитал испытания нравственного воспитания людей. Не в этих «каруселях» суть нашего военного дела, по его убеждению, а в развитии тех духовных начал, от которых на три четверти зависит успех победы.

* * *

Утомительный день этот закончился обедом в так называемом дворце, все комнатки которого были заставлены столами, сервированными выписанным из Харькова Проспером, мастером кулинарного искусства.

В этой последней области Николай Николаевич и Михаил Иванович ни в чем не расходились: — с развитым до тонкости вкусом, любили выпить и закусить. На очереди был теперь экзамен Просперу и, несмотря на прекрасный в действительности обед, — он тем не менее провалился, — немного перестаравшись.

Чтобы меню обеда было пошикарнее, — значилась рыба „Sole au vin blanc.“ Где-же было взять в Чугуеве эту «соль»? «Ничто-же сумнящеся» — находчивый француз очень искусно подделал филе русского судака под эту французскую рыбу.

Но такие тонкие гастрономы, как Николай Николаевич и Драгомиров, подделку эту открыли, и та «единица», которую ему за это закатили, была Проспером заслужена. Обед был по приглашению великого князя, — поэтому подобная неосторожная выдумка была непростительна. — Что касается меня лично, то я экзамен выдержал.

В 1900 году мне пришлось отбывать третий лагерный сбор дивизии, хотя я был уже назначен начальником штаба округа генерала Драгомирова в Киеве. — Мой преемник барон Штакельберг по каким то причинам не мог прибыть к дивизии раньше. Когда по окончании летных занятий, после прощальной трапезы под открытым небом близь Чугуева, поезд с моим салон-вагоном тронулся, — то почти все офицеры дивизии на полевом галопе сопровождали меня до первого полустанка на расстоянии около пяти верст.

Это не была уже более «пешая конница», которую Николай Николаевич в 1898 году прогнал с плаца. Я имел право гордиться результатами моей работы в 10-й кавалерийской дивизии.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Начальник штаба, помощник и командующий войсками (1900 по 1908 г. г.)

Глава XII

Драгомиров и его штаб

Драгомиров. Мое назначение к нему начальником штаба. Доклад. Хороший улов у австрийцев. Шутки. Ренненкампф. Штаб. Генерал Рузский. Маврин. Благовещенский. Коссич. Мое назначение помощником командующего войсками. Визит подполковника барона Теттау. Принц Фердинанд Кобургский. Большие маневры под Курском в 1903 г. Куропаткин в роли командующего стороной. Мое сотрудничество в должности начальника штаба Куропаткина. Поведение Драгомирова. Возникновение японской войны. Драгомиров о Куропаткине. Мои виды на будущее. Отставка Драгомирова. Государь и Драгомиров. Пузыревский — мой конкурент. Посещение Конотопа. София Абрамовна. «Прохвоет в ход пошел». Кончина Драгомирова.

Киевский военный округ до такой степени полностью находился под влиянием своеобразной личности командующего войсками, — что многое, из военного обихода там происходившее, может быть понято лишь при знакомстве с характером и свойствами генерала Драгомирова; равно как и многое то, что касалось генерал-губернатора, т. е. главного политического представителя и заместителя царя, — может быть об'яснимо особенностями человека, занимавшего этост пост одновременно с должностью командующего войсками.

Сам по себе один тот факт, что с 1889 по 1904 год, т. е. сплошь 15 лет беспрерывно Драгомиров командовал округом — поясняет в значительной степени то личное громадное влияние, которое он имел в крае.

Драгомиров был большим оригиналом, «жемчужным зерном», не всеми в должной мере ценимым. Человек — с непреклонной волей! Суровый и бесцеремонный, не без некоторого педантизма в своих прин-

ципиальных требованиях; — от поры до времени мягкий, сердечный и для людей ему не близких — кажущийся даже — чуть-ли не ненадежным. Притом — верный друг и человек устойчивый в своем доверии, раз его у него заслужили. В общем: настоящий хохол, — малоросс со всеми его преимуществами и слабостями, — но не украинец — а великоросс. Я говорил уже о первой моей встрече с ним и его склонности к юмору. С какою бесцеремонностью любил он решать личные вопросы, я должен был испытать на своей собственной шкуре.

В 1900 г. Михаил Иванович возвращался из Петербурга в Киев, и я выехал к нему на встречу на станцию Ворожбу.

По пути вместе с Михаилом Ивановичем выяснилось, что военный министр, генерал Куропаткин, предлагает мне место наказного атамана на Урале. О лучшем назначении я и не мечтал, — оно во всех отношениях было для меня самым подходящим: самостоятельное положение, прекрасный атаманский дом, дача на самой реке, рыбная ловля и хорошее содержание.

Перечислив все это, Драгомирова добавил:

— «А я тебя прошу принять должность начальника штаба в Киеве. Вместо самостоятельности — ты будешь докладывать мне; все остальное тоже не так хорошо, как на Урале, но я тебя прошу об этом!».

Мне ничего не оставалось, как отдать себя в распоряжение моего старого покровителя.

Дело в том, что начальник штаба, генерал Шимановский, мой ученик по академии, — давно болел и был при смерти

Драгомиров выбрал меня потому, что ему, как он выразился, на старости, — ему было 70 лет, — не придется привыкать к новому человеку.

* * *

Драгомиров был одновременно в должности командующего войсками и генерал губернатора. — В Киевский военный округ входили губернии — Киевская, Подольская, Волынская, Черниговская, Курская, Харьковская и Полтавская. Первые три из этих губерний составляли генерал-губернаторство, с генералом графом Игнатьевым во главе.

Имевшие место постоянные недоразумения привели к тому, что эти должности были об'единены в одном лице.

Гражданские и военные доклады чередовались через день. Командующий войсками принимал начальников окружных управлений всех вместе; так как в последнюю очередь докладывал начальник штаба, то при мне происходили все остальные доклады. В обширном кабинете, вдоль стен, сидели начальники управлений, в ожидании очереди, а затем, перед генералом Драгомировым, — излагали свой доклад — стоя. Особенно тяжело это было мне, с картами, планами, чертежами, расписаниями и выстаиванием на ногах, при этом иногда более часа.

— «Однако, сколько сегодня этой начинки, ваше превосходительство, вы мне приготовили», — говорил в таких случаях Михаил Иванович, — но сесть все-таки не предлагал.

Когда-же кончался доклад — он говорил: — «Ну, теперь садись, — потолкуем».

Это были интересные, интимные минуты, в которых, после сухого официального доклада, — брало верх влияние души и сердца.

Для меня они были особенно ценны, так как обогащали скудный запас моих философских познаний и давали возможность проникнуть глубже в сущность идейных взглядов моего начальника.

Драгомиров читал газеты неохотно, предпочитая философскую литературу, в особенности французских классиков. Они были у него в большом почете; — газеты же через несколько минут исчезали со стола в корзину для бумаги. Драгомиров знал, однако, когда появлялось что либо интересующее его и отвечал иногда сам или поручал мне ответить.

Часто брал он меня с собою во время поездок по округу, причем я должен был играть с ним в винт, к которому у меня не было особого дарования, как напр. у постоянного партнера Драгомирова, полковника Ронжина, который после двух, трех первых ходов почти безошибочно определял, какие у кого на руках карты.

Драгомиров и как генерал губернатор — был прежде всего солдатом, — не всегда при этом с пользою для вверенного ему края.

При поездках смотры войсковых частей Михаил Иванович производил своеобразно. В их основе гнездились суворовские принципы воспитания, — что совершенно исключало парадную сторону, взамен которой начальникам частей приходилось быть на чеку, для разрешения неожиданных задач, даваемых командующим войсками.

Драгомиров обращал внимание на разумные ответы, знание устава гарнизонной службы, на находчивость вообще и выходил из себя, натыкаясь на рутину и тупость.

Вызвал как-то однажды Михаил Иванович роту и дал командиру ее такую задачу:

— «Вас атакуют со всех сторон и снаряды падают сверху. Что вы будете командовать?»

Нерастерявшийся ротный командир скомандовал:

— «На молитву, — шапки долой!» — и привел Драгомирова в восторг своею находчивостью.

Но бывали и неприятные случаи, когда он натыкался на растерянность, на незнание часовыми своих обязанностей, по его требованию отдававших оружие и т. п. Тут уже на комплименты высшего порядка Михаил Иванович не скупился.

Довольно крутой на расправу, Драгомиров, после разноса, большею частью смягчался.

* * *

Драгомиров всецело отрицал такие опыты над армией, которые не создавались сами собою; если-же они сверх того еще стоили денег, которые части должны были экономить в другом направлении, то старый служака не скупился ни на сарказмы, ни на чернила, чтобы отбить охоту у экспериментаторов. Одна из самых дорогих фантазий, бродившая уже десятилетиями, если не с самой турецкой кампании 1827 года, было покушение на Дарданеллы со стороны Одессы или Крыма. В мою бытность начальником штаба в Киеве вновь нашелся командующий войсками, поклонявшийся этой фантазии. В Одессе в то время начальником штаба был генерал Протопопов, один из тех так называемых «панславистов», которые видели благо русской политики в окупации русскими войсками Дарданелл. Командующим войсками, графом Мусиным-

Пушкиным, которого мы уже знаем по Петербургу, он пользовался для получения средств из окружной казны и их бесцельной растраты. В 1903 г. я получил командировку на «дессантный маневр» в Одессу. На буквально сбереженные гроши Протопопов соорудил несколько штук транспортов; были собраны какие то орудия, погрузочный материал, материал для сооружения батарей и т. п. Дессант направился из Одессы в Крым, где предполагали устроить импровизированную высадку. Из самого по себе интересного маневра, конечно, ничего путного не получилось, если не считать отрицательного результата опыта в виде поучения, что для проведения в жизнь задуманной экспедиции не достаточны полки и бригады, а нужно несколько корпусов, снятых с других мест; совершенно не говоря уже об остальных постоянных сооружениях, необходимых для высадки дессантной команды и для ее снабжения продовольствием, которые должны были состоять наряду с остальной мобилизацией, совершенно самостоятельно.

* * *

Особенное удовольствие доставил Драгомирову необыденный случай:

Не далеко от границы, в Злочове расположен был штаб кавалерийской бригады, превращавшейся в военное время в дивизию. Бригада ушла в лагерный сбор из Злочова, оставив для охраны штабного имущества лишь караульную команду, в которой находилось много славян. Караул перепился замертво, а в это время несгораемый шкаф, в котором хранились секретные документы, был взломан, и все дело по мобилизации похищено.

Через некоторое время доставлен был в Киев чемодан со всей мобилизационной начинкой для дивизии и массою общих наставлений и циркулярных распоряжений по всем родам оружия. Особенно ценны были, между прочим, маршруты следования австрийских подрывных частей для разрушения наших железных дорог. Конечные пункты оказались избранными очень удачно, несомненно по рекогносцировкам опытных австрийских разведчиков.

Материал этот давал возможность значительно пополнить и частью исправить сборники сведений о неприятельской армии. — Когда я об этом подробно докладывал, Драгомиров мне сказал:

— «Ну, вот видишь, разве это не лучше того осетра, которого ты собирался ловить на Урале? Ну, вот что, братику, — забирай это все и вези в Петербург Сахарову, — утри им там нос и пусть увидят, как в Киеве умеют работать.»

На этот раз и во время доклада даже «ваше превосходительство», — было заменено «братиком»; эти тонкости тоже характерны были у моего начальника.

* * *

Конечно, во всей русской армии распространялись бесконечные анекдоты про Драгомирова. — Но вот один из фактов относительно его резкости.

В Киевской цитадели, на Печерске была квартира коменданта. Ежедневно в полдень стреляли там из пушки. Престарелый артиллерий-

ский генерал, находившийся в этой должности, очень плохо справлялся с лежащими на нем обязанностями, за что и был однажды вызван для об'яснений.

После ответа на заданные ему вопросы, которые рассердили Михаила Ивановича еще больше, — он ему сказал: — «Вы, ваше превосходительство, только и способны на то, чтобы раз в сутки выпалить из пушки.»

Выпалив это, командующий повернулся и ушел в кабинет.

В одну из поездок предстояла боевая стрельба из крепостных орудий Дубненского форта. Поезд подходил уже к станции Дубно, а командующий из своего купэ не выходил. Любимец его, кондуктор «Трофимыч», доложил мне, — «Их высокопревосходительство еще не вставали, зовут вас до себя».

Вхожу, — Михаил Иванович лежит в хохлацком зипуне, заменяющем халат, и читает книгу. Думал, что ему нездоровится, — оказывается, нет. Докладываю, что прибыли в Дубно и командир корпуса ожидает его выхода из вагона.

— «А я не выйду», — хладнокровно заявляет мне мое начальство. «Выйдешь ты и скажешь ему, что я поручил тебе произвести смотр стрельбы». Что он этим обидел командира корпуса, ему было безразлично, тем более, что его ненавидел!

Не все анекдоты про Драгомирова бывали удачны и когда он о них узнавал — то не без основания сердился.

Военным министром был Куропаткин и начальником главного штаба Сахаров. Кому-то пришло в голову сочинить, будто Михаил Иванович сказал, — что он не любит «куропатки с сахаром». Дошло это до него и он возмутился: — «Терпеть не могу, когда за мой счет сочиняют пошлости», заявил он.

В иллюстрированном листке пропечатан был про Драгомирова случай в Одессе. К нему подошел Бродский и отрекомендовавшись — добавил: «из православных». — «Драгомиров, тоже не из жидов», получил он в ответ.

Я показал Михаилу Ивановичу этот листок и спросил, — было-ли именно так.

— «Нет, не было», сказал он, — «но могло-бы быть».

* * *

Противоположные стороны характера Драгомирова имел случай испытать на своей особе Ренненкампф, впоследствии командующий войсками Виленского военного округа. Много всяких неудобных, залихватских коленец откалывал он, командуя в округе Ахтырским гусарским полком, которые сходили благополучно.

Наконец, однажды Михаил Иванович передал мне прошение полкового поставщика фуража, в котором тот просит понудить Ренненкампфа возвратить тысячу рублей, взятые им у него под расписку в долг. Я должен был вызвать командира Ахтырского полка и передать ему, что командующему войсками надоели все его проделки и если он действительно взял деньги, то чтобы немедленно их отдал.

Через несколько дней на прием явился сам еврей подрядчик и рассказал командующему войсками следующее: Ренненкампф его вызвал,

потребовал расписку, что деньги он получил и не имеет никаких претензий. Передавая одной рукой эту расписку, — другой рукой, одновременно, еврей получил деньги, — которые спрятал в боковой карман и застегнулся на все пуговицы. Это, однако, не помогло, потому что когда он спустился с лестницы, то во дворе два гусара пуговицы расстегнули и деньги у него отняли.

Это окончательно взбесило Драгомирова, и он приказал вызвать Ренненкампфа, которого, конечно, разделал под орех и приказал подать в отставку. Когда-же сердце отошло, то Михаил Иванович согласился на то, чтобы он убрался из округа.

В Сибири была вакантна должность начальника штаба забайкальского казачьего войска. Ренненкампф и был назначен туда, а это только способствовало затем дальнейшей его карьере.

* * *

В самом штабе Киевского округа не все было в том виде, как это было-бы желательно. Продолжительная болезнь моего предшественника генерала Шимановского, в конце концов, привела к тому, что не было согласованной работы различных отделов штаба. Дельность и усердие начальников отделов не могли этот недочет восполнить.

В составе чинов штаба округа я нашел много моих учеников и знакомых, в том числе генерала Рузского в должности генерал-квартирмейстера, Маврина — дежурного генерала, Благовещенского — управления сообщений. Эти генералы были те три кита, которые составляли фундамент штаба. — Назначению своему они удовлетворяли, но в отношении пограничного округа крупным недочетом было их незнакомство с иностранными языками.

Генерал Рузский, не обладавший крепким здоровием, был вместе с тем человек разумный и по письменной части очень работоспособный, несмотря на скверный почерк.

В бытность мою затем военным министром, когда Рузский командовал корпусом в Киеве, — я поручал ему уставную работу, — вместо образования затяжных и дорого стоющих комиссий в Петербурге. Помощником в этих работах он избрал полковника Бонч-Бруевича, вместе с которым я его нашел и в Варшаве, когда он командовал фронтом, отстаивая наши позиции по р. Висле, — в 1915 году. В Рузском я ценил человека, прекрасно знакомого с военным делом и способного к целесообразной, продуктивной работе. Деятельность его на войне ценилась высоко, хотя телесно крепок он не был, ему временно приходилось, по нездоровию, покидать ряды воюющих.

Поэтому для меня непонятно поведение его, в критическую минуту для верховного вождя русской армии, когда к последнему явилась депутация, вместе с Гучковым, с требованием отречения от престола.

Это произошло в районе, где Рузский был старшим военным начальником, — а потому по долгу присяги и службы на его обязанности лежала охрана священной особы Государя — всеми вооруженными силами, находившимися в его руках.

Но в этом смысле не только и попытки не было сделано, но он присоединился к мнению революционеров.

Должность дежурного генерала штаба округа обнимала обязанности

хозяйственно-административные и в этой роли генерал Маврин был вполне на своем месте. Личная аккуратность, точность и исполнительность — соединились у него со строгою требовательностью того-же самого и от подчиненных.

«Подвальная аристрократия», т. е. писарской состав штаба, был поэтому в должном порядке и в этой нестроевой команде дисциплина не уступала таковой-же в лучших строевых частях округа. Хозяйство штаба процветало; — а типографию он довел усовершенствованиями и рациональным ведением дела до такого состояния, что она стала одной из лучших и мощных в Киеве и давала сравнительно большой доход.

Отдел военных сообщений требовал от начальника его большой аккуратности, составляющей привилегию немецкой натуры. Генерал Благовещенский мог служить доказательством, что и русскому человеку тоже присуще это свойство.

Таким образом эти все три генерала были на своих местах. На мне лежала обязанность согласовать их работу. Общими, дружными усилиями успешность работы в штабе сильно повысилась, на что генерал Драгомиров обратил внимание, — а зря он никогда благодарностей не раздавал.

При Шимановском не было надлежащего единения офицеров штаба с таковыми-же офицерами нестроевых частей. Со вступлением в должность я стремился со всеми этими господами лично ознакомиться и не терять с ними связи. Для этого было два пути: тактические сообщения и военная игра в Киеве и конный спорт. И в тяжелые года 1905—1906 удавалось мне использовать оба пути.

Помощником командующего войсками в то время был генерал Косич, не вполне сходившийся с М. И. Драгомировым во взглядах по некоторым вопросам. При отсутствии последнего, приходилось докладывать Косичу, что до известной степени затрудняло дело.

Служба генерала Косича протекала не исключительно только по военному ведомству; он служил и в министерстве внутренних дел, занимая пост губернатора на Волге после того, как откомандовал Гусарским полком. За время этих междуведомственных перемен выяснилась характерная особенность Андрея Ивановича Косича. Занимая должность войсковую, он интересовался и уходил весь в дела гражданские и наоборот; — так было с ним и в Киеве, — что создало ему репутацию вольнодумца и либерала.

В 1904 г. генерал Косич нас покинул — и я заместил его в должности помощника командующего войсками. Должность начальника штаба принял от меня генерал Маврин.

В числе более молодых офицеров генерального штаба припоминаю способных капитанов в то время, — Добророльского и Лукомского, которые впоследствии, до и после 1914 г., призваны были к выполнению особенно важных задач. Лукомский женился тогда на одной из дочерей Драгомирова и в 1914 г. был сперва помощником, а затем начальником канцелярии военного министерства.

* * *

В один прекрасный день из Петербурга получено было уведомление, что германского генерального штаба подполковнику барону фон-Теттау

разрешено присутствовать на маневрах Киевского округа. Михаилу Ивановичу это не понравилось, и когда Теттау приехал, мой «командующий» его не хотел принять.

— «Поручаю моему помощнику принять его, и узнай ты от него, что ему, собственно, от нас надо?» — с неудовольствием передавал мне это известие Драгомиров.

По немецки Михаил Иванович не говорил, был другом Франции и нежных чувств к Германии не питал.

Барон фон-Теттау несомненный руссофил, говорил по русски и такого афронта не заслуживал. Хотя и с трудом, но удалось уговорить «командующего», — принять этого известного германского военного писателя, не скрывавшего своих симпатий к русской армии.

Прием вышел довольно сухой, слишком официальный; в течение нескольких минут они обменялись двумя, тремя фразами на французском языке, и Драгомиров закончил эту аудиенцию заявлением, что ой поручает своему помощнику присутствовать на маневрах XII корпуса под Острогом, на австрийской границе, и разрешает барону мне сопутствовать.

Очень чуткий и знающий себе цену Теттау, когда мы вышли из кабинета Михаила Ивановича, — сказал мне с нескрываемой досадой:

— «Мне так интересно было познакомиться с таким талантом, выдающимся русским военным писателем — и вместо этого всего лишь — «bonjour» и даже не «au revoir», — а просто «adieu». Я знал, что Драгомиров философ и чудак, но убедился сейчас, что второе у него господствует над первым».

Я-же сожалел, что настоял на этом свидании двух писателей, друг другу не понравившихся, — правда, исключительно по вине моего начальника. Но зато на маневрах, это неприятное впечатление изгладилось, как благодаря чудной погоде, удачному ходу войсковых упражнений, так и радушному и вполне корректному приему нашего иностранного гостя в полках.

Посетил Драгомирова и принц Фердинанд Кобургский. Болгарского гостя этого Михаил Иванович принял любезнее, но тем не менее сдержанно. Устроено было катание на пароходе по Днепру; — много и оживленно говорил принц, — мой-же «командующий» был сдержан. «Умный и ловкий человек», говорил о своем госте Михаил Иванович, «пальца в рот ему не клади».

* * *

Из воспоминаний о моей солдатской жизни под начальством Драгомирова особенно памятны мне многознаменательные Курские маневры. Для Киевского округа они имели особенное значение, ибо его заслуженный командующий войсками должен был уступить командование одной стороны военному министру Куропаткину. Подчиненным Драгомирову войскам предстояла встреча с войсками Московского и Одесского военных округов. Кроме того Алексей Николаевич Куропаткин просил меня быть его начальником штаба.

Как то, так и другое, — моему «командующему» пришлось очень не по душе.

— «Пусть себе господин Курочкин командует чем ему угодно, а

тебя я ему начальником штаба не дам, — будет с него и генерал-квартирмейстера, — за начальника штаба», — заявил Михаил Иванович.

Долго и осторожно приходилось его уламывать, причем попадало и мне в таком роде:

— «Вы меня, ваше превосходительство, не обхаживайте и не финтите, согласия моего на сие не дам, так и сообщите вашему товарищу».

Сдался Драгомиров лишь на мой довод, что Рузский и Куропаткин друг с другом не ладят. Провал-же на маневрах, в присутствии массы приглашенных «знатных иностранцев» и своих злоязычных, — неприятен будет тем, что последние с радостью прославят тогда хваленый Киевский округ и его воспитателя, — что называется «с доказательством в руках». — «Ну, ладно, чорт с тобой», — должно было обозначать в данном случае сломленное сопротивление Михаила Ивановича.

Для получения указаний моего будущего командующего армией, — надо было ехать опять в Петербург. Куропаткин был очень занят в самой столице и для разговоров со мной уделил день своего отдыха, совмещаемый с поездкой в Териоки, по Финляндской железной дороге, где мы на собственной его даче могли без помехи заниматься.

В прекрасной усадьбе, на берегу Финского залива, действительно можно было отдохнуть от столичной суеты и духоты. Любитель рыбной ловли, Куропаткин прежде всего на шлюпке закинул сети, записал улов в специальный журнал ловли, который аккуратно вел. Затем взял револьвер, — в парке своем выпустил определенное число пуль в мишень и только после обильного завтрака засел со мною в удобном, обширном кабинете для совещания о предстоящих маневрах.

Его интересовало, как отнесся Михаил Иванович ко всему тому, что сопряжено с организацией маневров. О «Курочкине» и «чорт с тобой» — я понятно умолчал, но сказал, что, видимо, Драгомиров задет неназначением его командующим южной армией. Затем я высказал мысль, что совершенное устранение командующего войсками от присутствия на маневрах, где принимает участие такая масса войск его округа, — будет принято за оскорбление и поведет к крупным недоразумениям.

Действительно, — на одной стороне командует свой «командующий», а на другой, в состав которой входит лишь один всего корпус Одесского округа, — становится военный министр.

Куропаткин обещал об этом доложить Государю, и в результате Михаил Иванович получил уведомление, что Государь, на время Курских маневров, назначает его в личное свое распоряжение. До известной степени это смягчило, конечно, обострившееся положение, но не в полной мере; командующий войсками приказал делать все подготовительные к маневрам распоряжения, не докладывая ему: — «я об них знать не хочу», — говорил он в сердцах.

Я очутился, таким образом, между двух огней, — но особо высокой температуры они были лишь в самом начале. Впоследствии оба «огня» оказались на приличном от меня расстоянии и работе не мешали.

Драгомиров скоро уехал к себе на хутор, в Конотоп Черниговской губернии, приезжая иногда или требуя меня с докладом.

Куропаткин, собиравшийся сперва на некоторое время сложить с себя даже обязанности военного министра, чтобы отдаться полностью подготовке южной армии к маневру, для чего и переехать даже в Киев

— на самом деле приехал уже на все готовое, чтобы из вагона сесть прямо на коня.

* * *

При высокой работоспособности Киевского штаба, работа оказалась чрезвычайно успешной. Полевой штаб организован был образцово. Походная типография оборудована генералом Мавриным до такой степени целесообразно и практично, — что на любой выставке заслужила-бы без сомнения высшую награду. Формирование всех отделений штаба и обоза явилось своего рода пробной мобилизацией, весьма полезной для будущего полевого штаба, на случай войны.

Погода все время стояла превосходная, и маневры удались на редкость. Государь видел очень много интересных эпизодов в течение нескольких дней, переправу через р. Сейм и конечную атаку южной армией позицию Московцев под Курском.

Действия южной армии заслужили общее одобрение, как посредников, так и многочисленной свиты Государя; — киевские-же войска выделялись действительно своей боевой подготовкой.

После состоявшегося затем парада, рядом со мной слезал с коня министр двора, тогда еще «барон» Фредерикс и обратился ко мне со следующими словами:

— «Ну, теперь можно быть спокойным, если-бы пришлось воевать, — у нас выяснился подходящий главнокомандующий».

* * *

В марте месяце Куропаткин вызвал меня в Петербург на совещание по вопросу о стратегическом наступлении на западном фронте. Так как, к сожалению, под рукой у меня нет моих заметок того времени, которые или погибли или находятся в руках большевиков, то пусть об этом расскажет сам Куропаткин.

5 марта 1903 г. он пишет (в одном из опубликованных советским правительством дневников):

«Вчера вечером у меня собрались в первый раз: Сухомлинов, Соболев, Протопопов, Гершельман, Маврин, Жилинский для выслушания моих указаний в качестве будущего, в случае войны, главнокомандующего о задачах III, IV и V армий.

На основании полученных мною директив я обязан представить Государю общий по всем армиям план действий. Ранее сего требуется, чтобы мне представлены были планы действий частных армий. Еще раз на заседании подтвердилась наша неготовность к наступлению. Ни по одной из армий соображений о наступлении не составлено. Но и по обороне лучше других армий обставлена только IV армия, но и в ней позиции наши у Ровно, Луцка и Дубно скорее только обозначены, чем укреплены. Надо усиленно будет поработать. В III армии в оборонительном отношении ничего не сделано, а между тем на эту армию могут обрушиться очень большие силы австрийцев и вынудить III армию к отступлению к Бресту. Вероятно, ввиду возможного быстрого прорыва германцев через Нарев, наступление придется вести к Влодаве и далее правым берегом Буга. Между тем местность по правому берегу Буга не подготовлена к действиям больших масс (пути, мосты), не обеспечена

также возможность отступления для III армии к Пинску, что может представиться необходимым.

На маневре сего года, с соизволения Государя, я намереваюсь командовать армиею, собранною у Холма, которая для проверки наших предположений и будет отступать к Влодаве и далее на правый берег Буга.

В V армии никаких предположений об оборонительных действиях не сделано, но и предположение о вторжении в пределы Галиции не разработано. Бессарабский корпус тоже не обеспечен подготовкою необходимых для его действий соображений.

При разработке плана наступления в пределы Австрии надо брать два предположения: 1. главные силы австрийцев сосредоточены против III армии, 2. главные их силы сосредоточены против IV армии. В первом случае важно скорейшее дружное наступление IV и V армий, разбитие поставленных против них австрийских сил, овладение Львовом и дальнейшее быстрое наступление, с выставлением только заслона к стороне Перемышля во фланг армиям австрийцев, действующих против III армии.

В этих случаях особенно надо опасаться отдельных неудач IV или V армий и отдельного разбития III армии. Поэтому ни одной из этих армий не следует принимать решительного боя против превосходных сил противника.

На пути к Львову австрийцы могут занять и сильно укрепить позицию на линии: Злочев, Буск, Каменка — против IV армии. Атака этой позиции только с фронта IV армиею может кончиться неудачею. Надо выждать приближение V армии и атаковать с фронта и во фланг. Одна угроза обхода этой позиции может заставить ее покинуть. Наиболее трудный бой будет под Львовом. Пока укрепления слабы, эспланады большой нет. Местность и леса допускают успешные действия. Масса мертвых пространств. При полном знании местности можно действовать уверенно. Цитадель довольно сильна. Потери будут весьма велики даже при победе, но, разбив австрийские войска и овладев Львовом, мы делаем огромный шаг к успеху всей кампании. Надо принести жертвы, но уже теперь тщательно изучать все данные, кои могут уменьшить потери.

С разгромом первых австрийских корпусов, надо надеяться на оставление рядов австрийских войск массою славян. Надо умело воспользоваться первым-же успехом и иметь людей, — подготовленных еще в мирное время, дабы войти в быстрое сношение с потрясенными и колеблющимися еще элементами, дабы отторгнуть их из рядов австрийской армии. Операции между нашею границею и Львовом надо обдумать со всех сторон. Надо организовать подвоз всех запасов. Надо передвинуть к Львову осадный парк очень быстро. Надо затем, если Львов будет нами взят, организовать переход до Львова нашею колеею железной дороги, а далее — австрийскою. Надо организовать охрану тыла и охрану со стороны Карпат. Надо организовать охрану со стороны действий румыно-австрийской армии. При дальнейшем движении от Львова навстречу главным австрийским силам движение будет затруднено: 1. крепостью Перемышлем, 2. фланговым положением Карпат с их проходами. Марш выйдет как-бы фланговым по отношению к Карпатам. Требуется очень тщательное изучение этой сложной обстановки,

дабы избежать в возможной степени роковых случайностей. Подвоз запасов будет затруднителен, и при всем том требуется возможная быстрота действий. Успех этих действий не может быть обеспечен в достаточной степени, если, ко времени появления IV и V армий в районе к западу от Львова, Ковель попадет в руки австрийцев.

Соображения о переходе в наступление III армии тоже требуют подробной разработки.

Нельзя слишком фантазировать. Но мы должны ставить себя в возможно неблагоприятные для нас положения и рассматривать их.»

Через год после этих фантастических разговоров — Куропаткин действительно оказался главнокомандующим в Маньчжурии. Когда я сообщил Михаилу Ивановичу полученное об этом известие из Петербурга, он спросил только:

— «А кто-же у него будет Скобелевым?» Дело в том, что боевая карьера Куропаткина связана с совместной его деятельностью со Скобелевым, — преимущественно в роли начальника штаба последнего.

Вскоре после этого назначения, я получил от Куропаткина телеграмму с приглашением принять должность начальника штаба Маньчжурской армии. Но так как это уже не были маневры под Курском, то я счел своим долгом ответить, что, не имея понятия о предстоящем театре войны и не будучи знаком с войсками Сибири и их начальниками, я вообще признаю себя не подготовленным именно к этой должности. При таких условиях я не считал-бы себя в праве отказаться лишь от чисто строевого назначения.

С телеграммой Куропаткина и проектом моего ответа на нее, я пошел к Драгомирову.

— «Ответ твой одобряю, — правильно ты это соображаешь», — признал Михаил Иванович, — «Как он только не понимает, — что ему ведь нужен Скобелев, у которого сам был только хорошим начальником штаба. Это ему не Курские маневры, где всякое шулерство сходит с рук».

Последнее не было намеком на Куропаткина, а лишь на эпизод под Курском. При детальном разборе маневра выяснился один фортель, возмутивший тогда Драгомирова. В Московской армии сформировано было два эскадрона, посредством выделения рядов из разных кавалерийских полков. Эти два эскадрона были направлены в тыл противника, в виде партизанского отряда, — не уменьшив числа конных частей армий, действовавших на фронте.

А так как при столкновениях посредники считались с количеством частей каждой из сторон, — то против нормального числа, Московцы своевольно увеличили силы своей конницы на две единицы. Как Михаил Иванович выразился:

— «Московские молодцы-то, пришли с 54 картами в колоде, вместо 52.»

* * *

Одновременно с Курскими маневрами генералу Драгомирову поручено было составить новый устав о полевой службе войск, — который армия ждала три года, если не больше. Работа, предпринятая как в свое время и устав кавалерийской службы, еще при Ванновском, комиссион-

ным способом, да к тому-же под председательством профессора Леера, — не двигалась вперед. В комиссии дело могло бы затянуться еще на долгие годы, при противоречиях и несогласованности в работе. Штаб Драгомирова в течение нескольких зимних месяцев — с этой задачей справился.

Еще до возникновения японской войны Драгомиров стал прихварывать и подумывал о том, что не пора-ли уйти на покой. Одно время было предположение, что начальник штаба Варшавского военного округа, генерал Пузыревский, зять моей первой жены и мой товарищ по гвардейскому генеральному штабу, будет назначен вместо Михаила Ивановича, — а меня прочили в Варшаву. Как за кулисами решалась моя судьба, рассказывает Куропаткин в одном из своих дневников 31 августа (12 сентября 1903 г.) опубликованном в «Красном Архиве». Куропаткин пишет на обратном пути в Петербург, после Варшавских маневров, в своем салон-вагоне, под свежим впечатлением доклада государю:

«Государь вчера высказал мне свое полное довольство войсками Варшавского военного округа. Вынес, как он говорил, отрадное впечатление с парада. Говорил о разных национальностях в нашей армии. С доверием относится к магометанам. Не верит особо полякам. Несколько брезгливо относится к белоруссам и вполне презрительно к евреям. Говорил, что Драгомиров просил разрешения представиться, чтобы, вероятно, проситься на покой. Ответил, что примет его в Беловеже 7 сентября. Говорил, что с ним ему, Государю, было иногда трудно. Так в начале царствования своего он заметил Драгомирову, что ему не нравится, как отвечают на приветствие войска Киевского военного округа: они отрывают конец и не слышно титула, не слышно, к кому их здорованье относится. Тем не менее в прошлом году на Курских маневрах Государь увидел, что все осталось по прежнему. Это его огорчило. Я возразил Государю, что следовало отдать приказание и тогда Драгомиров исполнил-бы. Государь ответил, что он тогда был молод и стеснялся Драгомирова. Он не мог не считаться с его авторитетом, с его ранами. Что он «только теперь забирает силу». — «Тогда я был, повторил Государь, — молод».

Тут-же Государь высказал, что решается на место Драгомирова поставить Пузыревского. Он связан своим словом. Иначе нельзя. Он получил после Гриммовского дела много доносов на Пузыревского, но, конечно, не верит им. Удивился и нашел нехорошим делом, что Драгомиров был против Пузыревского. Когда был у Государя разговор с Драгомировым об его уходе, то тот просил о Сухомлинове и высказал Государю пожелание, чтобы только не был назначен Пузыревский. На это Государь ответил Драгомирову в сильных выражениях, что это его дело. Драгомиров опустил голову и просил обычным тоном прощения. Я сказал Государю, что знаю, что старик не любит (Пузыревского?), но всегда признаю, что заслуги его велики, что надо прощать его слабые стороны. Что старик был обижен тем, что Государь хотя бы из вежливости не уговаривал его еще послужить и теперь надо старика приласкать. Государь согласился с этим. Тогда я просил прислать проект рескрипта в Беловеж к 7-му, на что и последовало согласие. Затем я говорил Государю о необходимости дать указания Пузыревскому, чтобы он сдерживался и не начал ломать порядки, заведенные Драгомировым. Что есть коньки, которые сами собой исчезнут, но есть многое, что требует охраны. Между тем Пузыревский, которому известно, что Драгомиров не хотел иметь его преемником, как человек страстный, может дело смешать с личными счетами с Драгомировым. Государь обещал «огладить» Пузыревского.

Говорил мне, что Чертков просил назначить ему в помощники вместо Пузыревского Сухомлинова. Государь согласился. Когда я указал высокие служебные качества Сухомлинова, Государь возразил: «Кому вы это говорите? Я Сухомлинова знаю давно. Он мне читал лекции. Конечно, за ним останется та особая роль, которая ему предназначена на случай войны — быть начальником штаба главнокомандующего южным фронтом». Затем Государь прибавил: «Будем держать между собою в секрете, что я соглашаюсь на назначение Сухомлинова, только пока в Варшаве Чертков. — Затем Сухомлинову надо дать другое назначение». — Такое неожиданное заключение вызывает у меня мысль: не хочет-ли Государь после Черткова назначить в Варшаву великого князя Николая Николаевича. Говорил и о Черткове. Удивлялся и радовался, что никто ему на Черткова не жаловался. Я тоже прибавил замечание о большом житейском такте и авторитетности Черткова, о том, что он забрал в руки даже Пузыревского. Государь сказал: «А отец мой не любил Черткова. Тут была какая-то история с покупкою имения.»

Из всех этих комбинаций ничего не вышло, хотя Чертков, Варшавский командующий войсками и генерал губернатор, вызывал меня уже к себе для переговоров о подробностях моего к нему назначения. Куропаткин-же, как известно, принял командование в Маньчжурии.

* * *

Вскоре после возникновения японской войны, Драгомиров покинул службу, огорченный тем, что Государь хотя-бы лишь для проформы не попросил его еще остаться. Он поселился в своем имении близ Конотопа, в Черниговской губернии.

Впоследствии, как командующий войсками, при моих поездках по Киевскому округу, я не разу не проезжал мимо Конотопа, чтобы со своими спутниками, бывшими партнерами Михаила Ивановича, — не заехать навестить своего бывшего начальника. Он видимо угасал, здоровие ухудшалось, — но с «винтом» расстаться не мог и лежа в постели, даже когда дышал кислородом из резиновой подушки, при нашем приезде, — требовал «стол и карты».

— «На том свете играть не придется, нельзя терять времени здесь на земле», — говорил он, принимаясь за игру.

Застали мы его однажды играющим с местными партнерами, — Конотопским уездным казначеем, исправником и доктором. — Увидя нас входящими, Михаил Иванович с радостью об'явил:

— «Ну, слава Богу, приехали настоящие партнеры, а вы уходите» — и добродушные жители Конотопа уходили не обижаясь. В тот последний раз, что я был у Драгомирова, — сознавая приближающийся конец своего земного пребывания, он сказал мне:

— «Ухожу, брат, — в лучший мир и тебе не завидую, что остаешься еще влачить свое существование на земле. Прохвост пошел в ход, — компания незавидная».

В своем Конотопе Михаил Иванович и скончался, — на руках горячо любившей его спутницы жизни, Софьи Абрамовны, урожденной Григорович. Когда я назначен был генерал-ад'ютантом, она прислала из Конотопа эполеты, — завещанные мне Михаилом Ивановичем и залежавшиеся у нее слишком долго, по ее мнению. И мои карикатуры

«Молодой Змеи» я получил обратно, но, к сожалению, они погибли со всем моим остальным имуществом в 1917 г.....

После ее кончины там-же в Конотопе, нашли письмо ее, на имя Государя, которое было переслано мне. Когда я, будучи уже министром, на ближайшем докладе, вручил его, — Государь прочел и с удивлением сказал:

— «Она ничего не просит?»

Софья Абрамовна действительно ничего не просила; в сердечном письме, умно и трогательно просто, она лишь благодарила Его Величество за доброе отношение к ней во время службы ее мужа...

Согласно ее желанию, Драгомиров покоится не на прекрасном семейном кладбище в лесу среди высоких белых крестов, — а в Конотопской церкви.

Глава XII

Командующий войсками Киевского военного округа (1904—1908)

Опасное положение юго-западного края. Последствия японской войны. Высшие штабы не на высоте положения. Генерал Шмитько. Скверный командир полка. Саперный бунт в Киеве 5 ноября 1905 г. Безрассудное буквоедство. Возвращение войск из Маньчжурии. «Рыба воняет с головы». Выступление Елецкого пехотного полка в Полтаве 3/16 июля. Шмитт приводит полк в порядок. Беспорядки в Севском полку. Убийство генерала Полковникова. Посещение Владимира-Волынска. Полковые юбилеи. Приезд в Киев барона Петтау и Бомпара. Резиновые калоши отцов города.

Военный мир, центром которого довелось быть мне, — вплоть до описанных событий, апреля месяца 1905 г., — жил настолько замкнуто, что вне этого круга мало кто знал, — какое особенно тяжелое время в 1904 г. переживал Киевский военный округ. Как командующему войсками пограничного округа, которому при международных осложнениях на западной границе, для защиты страны пришлось-бы стать в первые ряды государственной обороны, — тяжелым камнем на душе лежало то, что все созданное Драгомировом при моем участии, — в несколько месяцев растаяло, как снег на солнце.

Японскую кампанию Куропаткин вел на подобие колониальной войны, а не похода на приграничном сухопутном фронте. Народ не призывался для защиты своей родины; — предпринятый «поход в Маньчжурию» считали чисто военно-технической операцией, — не такой важности, чтобы она требовала мобилизации всей русской армии. Шапками, мол, закидаем! Ограничились собственно мобилизацией сибирских корпусов, — и затем пополняли действующую армию командированием отдельных частей из внутренних корпусов России и добровольцами. Следствием этих полумер было то, что в руках у Куропаткина не оказалось крепкого и хорошо настроенного инструмента, а получился следующий дефект: западная граница государства была обнажена в действительности, ибо полки без офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов оказались какими-то теоретическими единицами, а не боевыми частями.

Самое скверное-же было то, что все штабы, начиная со штаба корпу-

ся, потеряли голову и как бы забыли самые элементарные предписания. Ведь могла же случиться такая вещь, что в октябре 1905 г. какой то «офицер для особых поручений», состоявший, якобы, при мне, шпионил в течении долгого времени без того, чтобы мне о нем донесли. В «Киевлянине» № 193, от 15/28 июля 1906 г. помещен изданный мною тогда приказ, показывающий, насколько преуспевал тогда уже развал армии. Начальнику дивизии, бывшему временно генерал-губернатором, — старшим по гарнизонам и их помощникам я вынужден был сделать выговор.

Приказ этот имел следующее содержание:

Приказ командующего войсками Киевского военного округа.

В начале октября 1905 г. в г. Харьков в комендантское управление явился неизвестный офицер в адъютантской форме, назвавшийся адъютантом командующего войсками Киевского военного округа, поручиком Погосским, и представивший подложное предписание штаба Киевского военного округа о командировании в г. Харьков для надзора за гражданскими властями по подавлению беспорядков. Означенный офицер после этого оставался в Харькове около 10 дней, представлялся временному Харьковскому генерал-губернатору, коменданту и начальнику гарнизона, жил в помещении полицейского управления, где временно было помещение управления коменданта, присутствовал при войсках, во время происходивших в городе беспорядков и, наконец, в конце октября уехал, по его словам в Кременчуг.

В настоящее время выяснено, что означенное лицо не только не было командировано в Харьков, но даже представляется сомнительным его офицерское звание. Имеющиеся в штабе округа сведения о поведении мнимого адъютанта командующего войсками подтверждают полную его корректность в словах и поступках.

Тем не менее, не могу не признать, что начальствующие лица отнеслись к совершенно неизвестному им офицеру с слишком большим доверием, не обратив даже внимание на то, что в списке адъютантов командующего войсками его фамилии не значилось, и что его исключительные полномочия легко могли быть проверены путем сношения со штабом округа по телеграфу. Допускать же неизвестное лицо жить в комендантском управлении и наблюдать за действиями войск во время беспорядков было крайне неосторожно, а если-бы человек, называвший себя Погосским, оказался человеком неблагонамеренным, было бы даже преступно.

Ввиду изложенного, обращая на данный факт внимание всех начальников отдельных частей вверенного мне округа, ставлю это недостаточно внимательное отношение к служебным обязанностям на вид бывшему врем. Харьковскому генерал-губернатору, ныне начальнику 32 пехотной дивизии, генерал-лейтенанту Сеницкому, бывшему начальнику гарнизона г. Харькова, ныне уволенному в отставку, генерал-от-инфантерии Мау, и и д. коменданта г. Харькова подполковнику Горбаневу.

Мобилизация на юго-западном фронте свелась на нет, и страна была открыта любому вторжению, которое пожелали-бы учинить Германия и Австро-Венгрия. Тогда-то именно и начал я интересоваться внешней политикой, тройственным союзом, о котором часто и дельно писал «Киевлянин».

Время полное забот, заставлявших меня непрерывно и глубоко вникать во все тонкости такой машины, как армия, — было практикой для

подготовки к разрешению задач, — которые по воле Государя в 1909 г. неожиданно были мне заданы, когда я был назначен военным министром. Но лишь после окончания кампании и ликвидации известных последствий войны, обострявшихся к тому же политическим движением в 1904/5 г. г., я смог все приобретенное личным опытом представить к услугам царя и нашего государства.

* * *

До Пасхи 1905 г. помощником командующего войсками был генерал Карас. Вместо него затем назначен был генерал Шмитт, который и оставался в этой должности до моего ухода в 1908 г. Несмотря на его немецкую фамилию, в нем не было ничего немецкого, — и по всей своей натуре — это был такой малоросс, что Драгомиров называл его «Шмитько, — немецкий хохол». Действительно в этом сопоставлении Драгомирова имелось некоторое основание: немецкая педантичная, служебная аккуратность и, с другой стороны, излишняя настойчивость, граничащая с упрямством, — присущим малороссу.

Шмитт вообще читать не любил, а по письменной части был совсем не мастер. Левой прессы генерал Шмитт не выносил и трудно было убедить его, что читать газеты этого направления необходимо, — хотя-бы для того только, чтобы быть в курсе общественного настроения. Но говорить с войсками умел и во время своего командования ими, мог держать их с большим успехом в руках. Когда до меня доходили сведения о том, что где-нибудь власть шатается, — я посылал его для проверки. Поручения эти Шмитт выполнял мастерски, и если выяснялись какие либо непорядки, — то имея на то полномочия от меня, он твердою рукою умел всегда распорядиться. К сожалению, к подобным вмешательствам приходилось прибегать не редко.

* * *

Разумная, гуманная дисциплина поддерживает порядок в войсковых частях, тогда как жестокость, грубость и бессердечие — ведут к озлоблению и беспорядкам. В Курске командовал Козловским пехотным полком некто полковник Меликов, — именно с приемами этого последнего фасона. Не только с нижними чинами, но и с офицерами обращение его было до того жестокое и грубое, что и без пропаганды возможен был бунт.

На произведенном мною смотру, полк заслужил похвалу; — офицеров я благодарил за прекрасные результаты их трудов — а с командиром полка от'ехал на такое расстояние от строя, чтобы нас не могли слышать и, не стесняясь, энергично высказал все, что мне о нем известно и чего я впредь не допускаю.

* * *

В то время, как уже к Пасхе 1905 г. в частях войск вверенного мне округа дисциплина была восстановлена и полки находились в руках их командиров, — в Киевской саперной бригаде вспыхнул прискорбный бунт, убедивший меня в том, что мы сидели на порохе.

18 ноября 1905 г., как обыкновенно, около 6—7 часов утра я работал у себя в кабинете. Без всякого предупреждения-, дверь отворилась,

и перед мною очутились запыхавшиеся два молодых понтонных офицера, доложившие, что, когда они пришли на занятия, то понтонеры самовольно стали разбирать ружья и выходить из казарм. Поблагодарив их за усердие, я об'яснил, что прежде всего им следовало доложить об этом своим непосредственным командирам, раз нижние чины вышли у них из повиновения. По телефону-же дал знать командиру 21 армейского корпуса генералу Драке, приказав принять меры к водворению порядка на Печерске.

Командиры саперных баталионов приняли меры, чтобы своими силами на Печерске ликвидировать эту вспышку. Но пока к этому готовились, к бунтующим стала приливать толпа из города, начали переходить саперные солдаты, в том числе и хор музыки саперной бригады, в котором было много евреев.

Бунтующая толпа лавиной двигалась по направлению к городу. По обычному революционному обычаю, полагается выпустить на свободу всех заключенных, — поджечь тюрьму и начать грабежи.

Чтобы преградить путь в город, сохранившие порядок саперные части были поставлены развернутым строем и когда толпа подошла, решено было открыть огонь залпами. Жертв было-бы, конечно, не мало, но бунт был прекращен. Против дула нескольких сотен винтовок — вся толпа приостановилась, как затем сейчас-же оказалось, чтобы использовать в своих интересах одно из указаний устава. Потребовали национальный гимн и когда хор музыки, сопровождавший бунтарей, заиграл «Боже, Царя храни», то на стороне войсковой части скомандовали «На караул», как оно и полагается, когда исполняется гимн. Войска были загипнотизированы! Остроумно воспользовавшись этим, бунтари бросились вперед и смешались со строем.

По тревоге подняты были пехотные части и уральский казачий полк, чтобы предотвратить вторичный разгром Киева, в обстановке еще более опасной. Толпа-же бунтующих, увеличивающаяся любопытными и праздными людьми, — спустившись через южные выходы Печерска, — двигалась к Бибиковскому бульвару.

Не допустить их к тюрьме, — было чрезвычайно важно. Командиру Бендерского полка такая задача и дана была: учебная команда этого полка залегла на бульваре против широкой Бибиковской улицы, идущей в гору, что способствовало хорошему обстрелу с позиции, занятой Бендерцами. Предводимые двумя офицерами и революционерами, переодетыми саперами, бунтари открыли огонь и неудержимо двигались вперед. Пришлось поэтому открыть огонь и Бендерской учебной команде, причем первый-же залп, с хорошего прямого выстрела, дал такие результаты, что моментально толпа хлынула назад и в панике, давя друг друга, — рассеялась.

Один из офицеров был ранен, но арестовать его не удалось, он быстро был увезен и долгое время все розыски были безрезультатны. Через несколько месяцев лишь обратила на себя внимание одна сестра милосердия. По этому подозрению ее выследили, и при обыске одной из пригородных дач был найден тяжело раненый в грудь офицер понтонного баталиона.

Он был помещен затем в военный госпиталь, где я его и видел. Производил он впечатление ребенка на большой постели. На вопрос мой,

сознает-ли он какое преступление совершил и раскаивается-ли в этом, с блестящими глазами, преисполненный энтузиазма, этот дитя-офицер ответил мне, что он «убежденный революционер».

После выздоровления его судили и приговорили к смерти. Я смягчил наказание, и он отправлен был в ссылку. По дороге, поезд был остановлен и офицера похитили. Но сил у него не хватило уйти далеко и в ближайшей деревне он был вновь арестован. Что было с ним после того, проследить я не имел возможности.

Что касается второго офицера бунтаря, то ему удалось бежать заграницу.

В Киеве, как все ведомства, так и я были озадачены бунтом; в особенности разумеется жандармы и охранное отделение. Пропаганда и подготовка велись осторожно, с большим искусством, и поэтому никаких признаков готовящегося бунта не обнаруживалось. Правда, до этого еще я обратил внимание инспектора инженерного ведомства, великого князя Петра Николаевича, на то, что в корпусе саперных офицеров обнаруживается вредное направление, которое об'ясняется влиянием одного штаб - офицера военно - инженерной академии и училища — на молодой и юный состав обучающихся. Но что эта зараза своей отравой зашла уже так далеко, — никто верить не хотел. Но как и всегда в чрезвычайно важных случаях, — жандармы и охранка — прозевали. Предпринятое — и чрезвычайно заботливо веденное — расследование в дальнейшем затронуло известные круги в Петербурге.

Арестов произведено было много. Отдано было приказание, чтобы у нижних чинов, возвращающихся с винтовками в казармы, проверялись стволы и арестовывались только те, у которых оказывался в дуле пороховой нагар, — как признак того, что он стрелял.

Следствие велось энергичное. Состоялся суд, и к смертной казни приговорено было одиннадцать человек. Приведением приговора в исполнение, этим апофеозом саперной трагедии, — завершился первый опыт вооруженного восстания.

Противникам смертной казни это дало повод к обсуждениям в общественных кружках и печати частью из честной гуманности, по большей же части для того, чтобы настроить против государственной власти и самодержавия и для того, чтобы очернить ответственных чиновников, распорядившихся о приведении в исполнение смертного приговора. Проникнутая таким настроением делегация ученых явилась ко мне с просьбою переложить в деле саперов гнев на милость. Я доказал этим ученым, что со всею кажущеюся строгостью я поступаю все же гораздо гуманнее тех, которые настаивают на отмене смертной казни. Благо народа и охраняющего его государства стоит выше жизни отдельной личности. Путем предохранительных мероприятий я всегда пытался подавить возникновение беспорядков, бунтов, погромов и других катастроф. Если-же неуловимые силы оказывались все же сильнее рассудка, то я прибегал к мерам безжалостной строгости. При этом я имел случай убедиться, что такая строгость требует обычно меньших жертв, чем мягкость, в которой фанатичные и кровожадные массы видят лишь одну слабость. Убедил ли я этими изложениями Киевских профессоров — я не знаю, но думаю, что нет. Должно быть, ввиду фиаско правительства Керенского и уроков, преподанных им Лениным, они несколько приблизились к моей

точке зрения. Тогда же пропаганда против смертной казни в Киеве прекратилась лишь с приведением в исполнение приговора.

Чем ближе подходил конец Маньчжурской кампании и масса раненых и больных, равно как и дезертиров, возвращалась домой, тем труднее становилась задача поддержания надлежащей дисциплины в гарнизонах с ослабленным до нельзя командным составом.

Благодаря системе пополнения рядов Маньчжурской армии, возвращающиеся к своим частям чины играли роль своего рода инфекции. С побывавшим на войне солдатом вообще справиться было труднее, нежели с нижними чинами мирного положения, — и в особенности с вернувшимися со знаками отличия. Первые серьезные выступления в моем округе стали проявляться в течение 1906 г., когда частью деморализованные полевые войска начали прибывать оборванными, голодными, — из за неудач — павшими духом и утомленными. Они являлись благоприятной почвой для революционной пропаганды, — в разных местах возникавшей и стремившейся непосредственно к ниспровержению монархической власти. Армия заражалась политикой. Судить об этом отчасти можно было по X армейскому корпусу в Харькове. Развал не во всех полках был одинаков. Прежде всего нарушен был порядок в Тамбовском пехотном полку. Поэтому я лично посетил именно этот полк и как ни тяжело мне было, привет полку по поводу его возвращения домой вышел не очень для него радостный.

24 марта 1906 г. я отправился в Харьков. Об'ехав баталионы по фронту и в обычной форме пожелав им благополучного возвращения на родину, — я перешел затем сейчас же к острой филиппике: указал им на то, что радоваться возвращению домой имеют право только те, которые до последней минуты останутся вне подозрения в нарушении ими присяги, принесенной под сенью полкового знамени. С начальствующим персоналом мне пришлось говорить еще определеннее и строже, — в силу того, как метко выражался Драгомиров, что в таких случаях: «рыба воняет прежде всего с головы».

* * *

3/16 июня 1906 г. пришлось восстанавливать порядок в Елецком пехотном полку, — расположенном в Полтаве. В течение последних дней мая месяца, солдаты одного из баталионов полка разобрали оружие, вышли на улицу и требовали, чтобы и остальные баталионы к ним присоединились.

Успеха они, однако, не имели, так как большинство нижних чинов на это не согласилось. Озверевший баталион, — едва-ли выражение «взбунтовавший» было-бы подходящим, — с музыкой и пением прошел по улицам города и произвел несколько безвредных выстрелов на воздух. Попавшиеся перед казармами одиночные евреи были избиты; — что касается жителей города, то они, конечно, были перепуганы; но в 2 часа утра все нижние чины были уже в постелях и на следующий день явились на службу, точно ничего и не было. В ближайшее-же утро произведенное начальником дивизии генералом Полковниковым расследование — показало, что в действительности основанием подобного выступления были неудовольствия чисто хозяйственного характера. Несколько напившихся человек убедили товарищей сообща отправиться к командиру полка,

чтобы принести ему жалобу по этому поводу. Во время попыток вывести на улицу остальные баталионы обнаружилось, что выступление нижних чинов было безусловно вне политики, так сказать, — домашним войсковым делом, — ибо единичные агитаторы, пытавшиеся воспользоваться удобным случаем соблазна к бунту, — были избиты и с проклятиями изгнаны. Затем офицеры, имевшие влияние на солдат, после их прогулки по городу, — совершенно спокойно привели их в казармы.

Как только получено было донесение об этом начальника дивизии, — 30 мая, вместе с генералом Шмиттом, — я сам поехал в Полтаву, где познакомился с подробностями произведенного расследования. Обстановка этого дела была такова, что мне представлялось наиболее целесообразным, сильной внешней демонстрацией — подчеркнуть внутреннюю устойчивость полка, — чтобы этим успокоить публику, а у подстрекателей отбить охоту впредь к подобным предприятиям.

Генералу Шмитту я поручил 3 июня утром вызвать полк по тревоге, — а после полудня решил лично произвести парад всему гарнизону. Шмитт выполнил эту задачу со свойственною ему рассудительностью и эффектом.

30 мая (11 июня) прибыл он в Полтаву. Переговорив и условившись с командиром полка, — в 9 часов утра полк поднят был по тревоге и со знаменами и музыкой прибыл на Сенную площадь, где против городской думы стал фронтом. Генерал Шмитт медленно об'езжал ряды полка и расспрашивал георгиевских героев, при каких обстоятельствах они получили эти знаки боевых отличий, что пробуждало в них воспоминания о заслугах и лучших часах их жизни.

Затем он вызвал к себе знаменщиков, поднялся на быстро сооруженную небольшую эстраду и приказал окружить ее вплотную нижним чинам.

Необыденный образ действий генерала вызвал чрезвычайно напряженное внимание, с которым солдаты следили за его речью. Вскоре потекли слезы не только у старых офицеров и солдат, но и у молодых выступила краска на лице; один за другим стали они опускаться на колени, крестились и били поклоны, точно при богослужениях молились в сознании своих грехов.

Это была самая простая русская речь, — из истинно русской души, направленная к сознанию чистого, неиспорченного русского народа. Речь генерала с немецкой фамилией. Сам сильно взволнованный, генерал Шмитт схватил знамя, развернул его, приложился к нему, опустился на колени, сложил пальцы правой руки для присяги, — все офицеры и нижние чины подняли руки для присяги в том, что Елецкий полк глубоко смущенный, — подчиняется и впредь никогда не подаст повода к неудовольствию царя. К концу этого своеобразного эпизода войсковой службы все чины полка без исключения подходили к знамени и целовали его, а хор музыки играл «Коль славен . . .» Помилованный и освободившийся, таким образом, от греха полк, охвачен был энтузиазмом: когда заиграли «Боже царя храни», потрясающее, беспрерывное ура через плац долетело до жилищ испуганных местных жителей. Конец этого праздника завершился личным моим участием в нем. Состоялся парад, — и церемониальный марш произвел на меня наилучшее впечатление из всего того, что я до того времени в этом роде видел. Полк полностью освободился от дурного влияния.

Вскоре затем, 15/28 июля, полк должен был доказать, что его раскаяние было глубоко искренним.

Вечером этого дня он был вызван по тревоге, чтобы совместно с казачьим полком привести в порядок взбунтовавшийся Севский полк в Полтаве. И там с'играл свою вредоносную роль алкоголь. Движение это уже не находилось в руках одиночных солдат, — оно было делом рук политических провокаторов, присланных со стороны . Целью было поставлено освобождение заключенных из тюрьмы и провозглашение вместе с этим республики в Полтаве!

В то время как часть людей первого баталиона, большею частью вернувшихся с войны, напивалась до пьяна, — распространилось известие, что полиция некоторую часть «товарищей» арестовала. На самом деле в городе произведен был обыск, и в числе арестованных оказался георгиевский кавалер полка, переданный в свою часть. Тем не менее остался лозунг: «Вперед, — к тюрьме! Освобождайте товарищей!» — и часовые у патронных ящиков были удалены. Бунтовщики вооружились и двинулись к тюрьме, по пути стреляя в окна казарм и городских домов. На ворота тюрьмы направлены были уже орудия, когда появился начальник дивизии, генерал Полковников, — с Елецким полком и после обычных предупреждений, открыл огонь из пулеметов по бунтовщикам. Результаты были ужасны, — но городу угрожало худшее, если-бы восторжествовало господство черни.

Генералу П. В. Полковникову пришлось тяжело поплатиться за свою неустрашимость: 4/17 ноября 1906 г. в то время что он собирался сесть в экипаж, убийцами с тылу он был застрелен. Его перевели в Полтаву, потому что за время управления губернией демократом князем Урусовым здесь образовался центр украинского движения.

В связи с окончанием Маньчжурского похода, у генерала Полковникова были уже в 1905 г. заслуги по упразднению возникавших в этом году различных республик. Между прочим он был временным генерал-губернатором Читы, и как таковой необычайно искусно, но с бесцеремонною жестокостью принялся за порученное ему дело.

* * *

В Волынской губернии квартировали войска Варшавского военного округа, и от командующего, генерала Скалона, я узнал, что штабу кавалерийской дивизии во Владимире-Волынском отведено помещение в условиях весьма неблагоприятных и что все просьбы в смысле улучшения остаются «гласом вопиющего в пустыне».

В одну из ближайших поездок я заехал туда; на вокзале меня встретили власти города. Утро было чудное, — солнечное, — накануне же целый день лил дождь, как из ведра. Приготовлены были, конечно, экипажи, — но после долгого пребывания в вагоне, в такую погоду, — я предпочел прогулку пешком в штаб дивизии.

Меня предупреждали, что после дождя будет «сыро»; но так как все мы приехавшие были в больших сапогах, то это даже предпочтительнее пыли. Пока шли по мощеной улице, все было благополучно, но как только свернули на невымощенную, то сырость превратилась в болото, на редкость неприятное.

Во время нашей прогулки я разговаривал с отцами города, шествуя с

ними до самого штаба по средине улицы. Большая часть местных моих штатских спутников оставила при этом свои калоши в болоте, тони настоящей подобному. Что-же касается помещения штаба дивизии, то отвечало оно во всех отношениях состоянию улиц города.

Осмотр на месте дал мне более наглядную картину, сравнительно с той, что можно было получить канцелярской перепиской. Это с пользою для дела отразилось и во всем округе.

На прощание я обещал «отцам города» в ближайшем будущем навестить их еще раз и совместно осмотреть то, что в этот приезд мне не удалось видеть.

Результат этой фактической проверки был тот, что во многих городах и местечках края, сообщения улучшились, вследствие распространения этого эпизода, — конечно с легендарными прикрасами.

Отцы города опасались за свои калоши, а исправники боялись потерять свои должности.

Государь после того при свидании сказал мне, что генерал Скалон ему докладывал о моих «истязаниях отцов города», — но не без пользы для дела.

Естественно, что подобные посещения не могли быть часты; я не имел никакой возможности удовлетворить все без исключения пожелания в моем округе и исполнить все, что требовалось в интересах его развития и устранения препятствий к процветанию культурной жизни населения.

* * *

В августе 1906 г. подходили различные юбилеи полков моего округа, присутствовать на которых я не имел возможности: всю вторую половину месяца был болен и не мог покинуть комнаты.

Мне это было досадно потому, что представлялся случай загладить погрешность моего предместника Драгомирова. Немецкий майор барон фон-Теттау приехал на 125-летний юбилей основания одного из пехотных полков округа, и я доказал-бы ему, на сколько этот приезд его был мне приятен.

Приехал и французский посол Бомпар с супругою и своим первым секретарем — Мортэн; но на военных празднествах они не показывались, — а ограничились исключительно посещением церквей, монастырей, богослужений, — которые по случаю многочисленного в то время паломничества представляли для иностранцев особенный интерес.

От времени до времени меня посещали мои товарищи соседи: из Одессы и Варшавы; им я в свою очередь отдавал визит.

Этим путем взаимного, личного общения, — сокращалась переписка, тратилось меньше бумаги и устранялись недоразумения, а вместе с этим раздражения.

Точно также и в округе я предпочитал личные сношения и осмотры на местах, — длительной, затяжной канцелярской волоките. Бюрократия могла-бы усвоить себе мои приемы, главная цель которых была — быстрое движение дел. Для этого я много ездил по округу, — в автомобиле, по железной дороге и на прекрасных, казенных пароходах по Днепру.

Глава XIV

Клейгельс в роли генерал-губернатора

Клейгельс временно вместо Куропаткина. Дом командующего войсками в Липках. Клейгельс в роли генерал-губернатора. Мое к нему отношение. Клейгельс в роли спекулянта. В Красном Кресте. Враждебности. Доносчик Добрынин. Просители и стоящая в связи с ними опасность. Благодарный Клейгельс пасует. Столыпин о Клейгельсе.

С уходом Драгомирова состоялось опять разделение ведомств — военного и гражданского. Я вступил в исполнение обязанностей командующего войсками, а через некоторое время генерал Клейгельс, петербургский градоначальник, назначен был Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. Меня-же не утверждали даже в должности, как позднее выяснилось потому, что предназначалось это место для генерала Куропаткина, по окончании войны с Японией. После благоприятного исхода этой кампании, он об'единил-бы обе должности. Меня предполагали назначить в Варшаву, а Клейгельса — лишь временно генерал-губернатором, в каковой должности он принес массу вреда. Но судьба решила иначе.

Дом командующего войсками, в котором я поселился с новым назначением, выстроили по плану такой замечательной хозяйки, как Софья Абрамовна Драгомирова. Семья у Михаила Ивановича была большая и для всех имелся свой угол — во втором этаже. Для удобного сообщения существовала под'емная машина, необходимость которой вызывалась раной в колено, полученной Михаилом Ивановичем на Шипке во время турецкой кампании. В нижнем этаже находились — большая зала, гостиные, столовая, приемная, кабинет и гардеробная комната с ванной.

Вся усадьба обнимала семь десятин, большею частью фруктового сада; в последнем было огромное дерево грецкого ореха, дававшего несколько пудов громадных орехов. Две кухни, зимняя и летняя, последняя в отдельном здании, прачешная, конюшня, сараи, парники, оранжерея и вся совокупность хозяйственных построек в Липках, среди зелени, — превращали дом «командующего» в настоящую загородную усадьбу.

На окраине ее находился овраг, в котором было несколько ключей. Это дало мне мысль запрудить его. Возведена была прочная плотина,

и получился глубокий пруд, в целую десятину, с двумя островками. Купальня, пристань для двух лодок, домик с двумя черными лебедями на пруде, в который пущено было много рыбы, павильон для трапез в саду и фонтан перед ним, — это дополняло воображение о жизни вне города.

Действительно никакой дачи не требовалось, ибо в обычные летом жаркие дни в Киеве, — в усадьбе дышалось хорошо. Рыбное население пруда так расплодилось, что завелись даже хищные, желтые крысы, охотившиеся на карпов. Жили они в норках по берегу, свободно плавали, имея перепонки на лапках, как у плавающих птиц.

Для меня получилась двойная охота: из монтекристо на крыс и на удочку — карпов, — отдельные экземпляры которых доходили уже до 10 фунтов весу.

Генерал Клейгельс жил недалеко от моей усадьбы, в генерал-губернаторском доме, на Институтской улице. В нем имелась домашняя церковь и громадная зала для больших балов. Старинной постройки дом этот был значительно больше моего, но с садом небольших размеров, состоящим из многолетних лип.

* * *

С Николаем Васильевичем Клейгельсом мы были однокашники по Николаевскому Кавалерийскому училищу и сослуживцы по Офицерской Кавалерийской школе. Камнем на сердце было у меня сознание, что я мог считать себя виновником его блестящей карьеры. Не посоветуй я ему принять предложенную Гурко должность Варшавского полицеймейстера, — не был-бы он никогда Петербургским градоначальником и затем генерал-губернатором в Киеве.

Последнее назначение вызвало массу толков и волнений, ибо вообще было известно, что точка зрения Клейгельса по части обогащения была не безупречна. О его большой опытности в деле торговли лошадьми уже было упомянуто. При утверждении постройки Троицкого моста за фирмой Батиниоль, — много миллионов пришлось на его долю. Повидимому, императрица Мария Федоровна ему особенно покровительствовала. Крупная, импозантная фигура Клейгельса не соответствовала его внутренним качествам — мелкого, тщеславного человека.

В силу нашего с ним продолжительного знакомства, свойства и характер его мне были хорошо известны, что часто давало возможность, когда я бывал налицо в Киеве, избегать и предупреждать недоразумения. Мое знакомство с чинами канцелярии генерал-губернатора еще при Драгомирове облегчало эту задачу.

На торжественных богослужениях он подходил первым к кресту, — на парадах войск я был первым лицом, а Клейгельс — почетным у меня гостем, и во всех китайских церемониях вообще мы были корректны и публику нашими раздорами в соблазн не вводили.

Когда-же я узнавал о каком нибудь готовящемся со стороны генерал-губернатора « faux pas », то шел к нему по-товарищески и не стесняясь выяснял Николаю Васильевичу, что от этого может получиться.

С немалым генерал-губернаторским авторитетом он выслушивал меня, но в конце концов с большим апломбом соглашался, что я прав, в данном случае лишь «в частности», — ибо с общей «государственной» точки зрения, «так сказать принципиально», логика на его стороне.

На один из моих приемов, с карточкой от Клейгельса, явился какой-то господин и просил принять его отдельно. С ведома Николая Васильевича мне предлагалась покупка имения, всего тысяч за сорок, а через год, после вырубки леса, могло очиститься полтора миллиона рублей, а может быть и больше, если удастся направить постройку железной дороги неподалеку от имения.

На категорический отказ, присланный Клейгельсом господин старался склонить меня все-таки к покупке, уверяя, что все предыдущие генерал-губернаторы покупали себе имения, правда, кроме Драгомирова. Зная, что у меня, по его сведениям, на текущем счету в учетном банке имеется гораздо больше, нежели требуется на эту операцию, он убедительно доказывал невыгодность такого помещения капитала, приравнивая мои деньги в таком виде к «камню, под который и вода не бежит».

В своем усердии в этом отношении он оказывал медвежью услугу и пославшему его ко мне с рекомендацией Клейгельсу.

— «Его высокопревосходительство, генерал Клейгельс, смотрит на это дело логично, и не прочь купить тоже имение и очень хорошее», — усердствовал не по разуму этот посредник по продаже и покупке недвижимой собственности.

После этого посещения я сейчас-же отправился к Клейгельсу и, высказав ему свой взгляд на такие дела в нашем служебном положении, —посоветовал этого не делать.

Клейгельс купил себе, тем не менее, большое лесное имение, на исключительно благоприятных для него условиях, — но в Виленской губернии.

* * *

В Киеве было довольно много разных благотворительных обществ и заведений, почетными председателями и членами которых избирались высшие должностные лица.

С уходом Драгомирова и его супруги, Софьи Абрамовны, мы с Клейгельсом и нашими женами, — явились их заместителями. На мою долю выпало председательство в местном отделе Красного Креста, — а жене — в Мариинской Общине того-же креста.

От графа Воронцова- Дашкова из Петербурга я получил телеграмму с просьбой, в трехдневный срок изготовить санитарный отряд, для отправки его на театр военных действий. Такое категорическое распоряжение главного управления и до крайности короткий срок, — заставили меня немедленно-же передать телеграмму к исполнению в Мариинскую общину. Терять нельзя было ни минуты, и в тот-же день мы приступили к выполнению этой трудной задачи.

Местный отдел Красного Креста было учреждение коллегиальное, многие члены которого являлись весьма редко на заседания и собственно в работе участия не принимали никакой, да и взносы свои членские вносили неисправно. Но зато у некоторых из этих господ «на грош амуниции, были рубли амбиции», и на этой почве, из за приведенного распоряжения, — устроили мне крупнейший скандал.

Разосланы были повестки с приглашением на заседание; таковое на второй день и состоялось. Прибыло членов очень мало, но между ними из числа редких посетителей — Гудима-Левкович, Новицкий и Рузский.

Первый из них, старый сибарит, весьма ограниченный, с большим самолюбием человек, болезненно щепетильный и обидчивый. Новицкий, отставной жандармский генерал, плотно нафаршированный ябедой, интригой, подвохом, презираемый даже товарищами по оружию. Что-же касается Павла Витовича Рузского, то по профессии присяжный поверенный, очень пожилой человек этот был ходячей оппозицией по отношению ко всякой власти. Речь его совершенно не соответствовала избранному им ремеслу; он говорил до того нечленораздельно, шепеляво, — что иногда трудно было уловить даже смысл его словоизлияния.

Вот эта почтенная публика после моего заявления, что получена была телеграмма, — которую я передал к исполнению, признала мое распоряжение самоуправством; по их мнению, я должен был ожидать согласия на это коллегии.

Подобное отсутствие здравого смысла у этих господ могло только укрепить мою точку зрения, и я, конечно, доказал им ее наглядно и беспощадно. Этим я не ограничился и назначил общее собрание, т. е. всех членов Красного Креста, а не одних только комитетских. На этом многолюдном заседании положение противной мне компании было незавидное и простить этого они не могли.

Чтобы в такой короткий срок собрать личный состав отряда, снарядить и погрузить его для отправки, — приходилось спешить до крайности. Между прочим, по рекомендации компетентных лиц, заведующим хозяйством отряда назначен был отставной полковник Иеропес, сын которого был у меня в Офицерской кавалерийской школе. Оказалось-же впоследствии, что Иеропес служил вместе с Новицким и не сходился с ним во взглядах на соблюдение казенных интересов, находя, что нельзя не делать разницы между своими и казенными деньгами.

Новицкого поэтому задело за живое назначение его врага, что вместе с тем могло служить лучшей рекомендацией порядочности полковника Иеропеса. Опытной жандармской рукой, изощрившейся в самых утонченных и каверзных доносах, — генерал Новицкий сочинил целый пасквиль — клевету, который ему, через третьи руки, удалось поместить в неразборчивом листке «Сын Отечества», издававшемся в Петербурге. За клевету этого «сына» пришлось привлечь к судебной ответственности.

Надо отдать справедливость Киевскому интеллигентному обществу, отнесшемуся ко мне с полным сочувствием в этой недостойной для порядочных людей травле, когда оно убедилось, что в благотворительных учреждениях, во главе которых я стоял, не крали. В числе многих тому доказательств было, не только щедрое пожертвование Бродского, но и увеличившееся число членов Красного Креста и размер прилива пожертвований.

* * *

В атмосфере, создавшейся вокруг Клейгельса я припоминаю среди чиновничества еще одного противного «типа» — человека, помешанного на кляузах и буквально специализировавшегося на них; человек этот состоял тем не менее гласным городской думы, вероятно, только потому, что старался прослыть оппозиционером.

Фамилия его совершенно не отвечала его отличительным качествам. Николай Алексеевич Добрынин был скорее «Злобининым», — потому что катал доносы, клевету, на всех и все, — просто из какой-то любви к этому искусству. Надо отдать справедливость, что с одинаковым усердием предметом его литературных дарований у него были городовой, сторож в думе, городской голова, губернатор и чем выше, тем вдохновения у Добрынина являлось больше.

Он известен был всему городу, как заядлый доносчик, — строчивший свои пасквили, инсинуации и кляузы всем сильным мира сего, до императора Вильгельма включительно.

В силу этого я получал от него в изобилии анонимы, доносы, жалобы и сверх того он являлся и лично с последними. На меня он, в свою очередь, отправлял так много этой полу-почтенной литературы, что в Петербурге признали ее «записками сумасшедшего».

Из Киева он приехал ко мне в Петербург, когда я был уже военным министром, и с обычным своим нервным подергиванием лица излагал жалобу на командующего войсками. Это была точь в точь такая-же кляуза, какую он года за два до того сочинил про меня и писал генералу Редигеру.

Терпеливо выслушав его, — я сказал ему:

— «Да ведь вы-же это писали и про меня бывшему военному министру?».

Несчастный маниак этот был так поражен моим заявлением, — что у него задергала и другая половина лица. Закрывшись тогда обеими ладонями, он, не возражая, повернулся и ушел.

* * *

Мой приятель Нил Петрович Лихарев, заведывавший удельным округом в Киеве, упрекал меня за то, что я, по его мнению, без разбора принимаю решительно всех просителей. Моя-же точка зрения в этом отношении не сходилась с его воззрениями. По моему я не имел права не принимать всех именно, — раз занимаю высокий пост, не для личного удовольствия, а для удовлетворения нуждающихся в моей помощи подведомственных людей.

Однажды он торжествовал, присутствуя при следующем, забавном случае. На прием явилась очень небольшого роста, молодая дама, обратившаяся ко мне с просьбою перевести ее брата из Иркутска в Киев.

Когда я ей об'яснил, что не имею права распоряжаться офицерами в чужом округе, она выпалила энергично:

— «Не можете сделать? Ну, какой-же вы после этого командующий войсками.»

Но был другой, более печальный последствиями случай на приеме, предотвратить который я никак не мог.

Явилась шикарная дама с золотым хлыстом в руках с просьбой восстановить ее нарушенное супружеское благополучие. Когда я отказался исполнить это так, как добивалась эта истеричная женщина, она в передней моей выстрелила на воздух, — а затем действительно прострелила себе грудь на квартире своего мужа — доктора, у которого и осталась, как человек, нуждающийся в медицинской помощи.

В городе-же распространились слухи, что у меня в передней застрелилась дама.

Я не раскаиваюсь в том, что форма моих приемов просителей носила несколько либеральный характер; благодаря непосредственному, иногда даже потрясающему впечатлению, — мне удавалось уразуметь и вникнуть в те человеческие отношения, зачастую даже слишком человеческие, — которые давали мне возможность правильно оценивать настроения в крае и вследствие этого правильно поступать.

Именно это личное сознание делало меня в Киеве независимым почти целиком от жандармов и охраны, которых я тогда уже считал органами неправильно поставленными, приносящими государству гораздо больше вреда сравнительно с ожидаемою от них пользою...

Однажды я лично за это удостоился награды там, где я этого никак не ожидал. Когда я сидел в Петропавловской крепости при большевиках, — ко мне на свидание допустили человека, которого я не знал. Он принес мне несколько фунтов сахару и об'яснил, — что он — раненый бывший солдат, которого я, будучи министром, без всяких формальностей принял, когда он находился в тяжелой нужде, — совершенно просто, по одному лишь докладу швейцара. Тогда я ему помог, — «теперь я хочу придти вам на помощь, по мере моих сил», заявил он мне. И он мне действительно помог, подняв нравственно мое душевное состояние и восстановив доверие к нашему народу.

* * *

В апреле 1905 г. Клейгельс был уволен с поста генерал-губернатора.

Когда тайная полиция дала ему знать о том, что подготовляются по определенной программе беспорядки, — Клейгельс не задумываясь передал свои обширные права и ответственные обязанности генерал-губернаторской власти, моему помощнику, — временно командующему войсками.

По закону, при возникновении волнений, — гражданская власть принимает прежде всего свои полицейские меры для водворения порядка и только в том случае, когда всеми предпринятыми мерами гражданской власти подавить беспорядки не удается, — гражданская власть имеет право обратиться за содействием к начальникам войсковых частей. До какой степени это законоположение игнорировалось в данном случае, видно из того, что не только в день передачи Клейгельсом своих широких полномочий моему помощнику, но и в течение нескольких дней после того никаких беспорядков не было. Но этого мало: генерал-губернатор свое решение передал полицмейстеру в такой редакции, что тот признал за благо снять все охранополицейские органы в городе. Поэтому в тот день, когда предстояло возникновение беспорядков и во всем городе царило необычное возбуждение, — ни одного полицейского чина на улице не было видно. Лишь на следующий после того день выставлены были войсковые посты, со знаками на груди их полицейских полномочий.

Так как положение, в котором очутился мой помощник генерал Карас, — создалось совершенно не закономерно, то он телеграфировал в Петербург, прося указаний, как ему быть. На этот вопрос он получил ответ, что Киевским генерал-губернатором назначен я. Без некоторого сопротивления Клейгельс, однако, Киева не покинул.

Нашлись люди, чувствовавшие себя прекрасно под начальством Клейгельса. Эти господа решили устроить демонстрацию для сохранения его в должности генерал-губернатора. Отцы города должны были in corpore просить Клейгельса не покидать их в такое тревожное время и одновременно с этим от имени всего населения — телеграфировать в Петербург с ходатайством об оставлении Клейгельса у власти.

* * *

Между тем растерянность самой власти способствовала только возникновению беспорядков, и около Думы собиралась публика. Клейгельсу было доложено, что к нему явится депутация с просьбой не покидать Киев.

Через некоторое время в действительности показалась по направлению к генерал-губернаторскому дому толпа, и Клейгельс появился на балконе, чтобы оттуда сказать речь к народу. Но так как полиция им самим была из'ята, то некому было доложить ему, что эта депутация не имеет ничего общего с грандиозной овацией по адресу генерал-губернатора, — а скорее всего цель их шествия — разгром домов богатых евреев в Липках. Когда Клейгельс появился на балконе, послышались выстрелы и рев погромщиков. Клейгельс, конечно, покинул балкон и стал готовиться к от'езду.

Благодаря мерам, принятым генералом Карасом, погромы были скоро прекращены; тем не менее город сильно пострадал.

Когда несколько месяцев спустя я говорил со Столыпиным о слишком продолжительных гастролях Клейгельса, — Петр Аркадиевич осенние события 1905 г. в Киеве приписал безусловно ему и между прочим высказался, «что недостаточно только быть хорошим кавалеристом, чтобы оказаться способным деятелем на посту генерал-губернатора».

Заметив мое смущенное лицо, Столыпин улыбаясь добавил: «Разумеется, я убежден, что до этого погрома дело-бы не дошло, если-бы тогда уже обе должности были об'единены в ваших руках!»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Генерал-Губернатором (1905—1908 гг.)

Глава XV

Мои местные задачи в Киеве

Приезд в Киев. Поездка по городу. Во Владимирском соборе. У Клейгельса. Об'езд Подола. «Жизнь за Царя». Мои главные сотрудники. Савич. Генерал Веретенников. Веретенников и союз русского народа. Генерал Курлов. Барон Штакельберг. Губернатор Ейлер симулирует покушение. Отсутствие молодого чиновничьего поколения. Население юго-западного края. Киев и паломничество. Петербургские протекции и клика. Отношение Государя к еврейскому вопросу. Убийца Гапона о еврейском вопросе. Монах Илиодор.

Первые известия о беспорядках в Киеве застали меня во Франции, где я находился во время обычного моего увольнения в отпуск. Вскоре получена была от моего начальника штаба генерала Маврина шифрованная телеграмма; она была так перепутана, что трудно было ее расшифровать. День спустя прибыла нешифрованная, от председателя совета министров Булыгина, с уведомлением о моем назначении Киевским генерал-губернатором. Через Париж—Вену я выехал сейчас-же в Волочиск, пограничную станцию между Россией и Австро-Венгрией; — там получил я первые известия в связи с событиями в Киеве.

Никто не ожидал такого скорого моего приезда. На станции Подволочиск жандармы попрятались, и только под угрозою мне удалось получить локомотив, вагон, и в штатском костюме я отправился в свою резиденцию.

Мой в'езд в Киев, в роли генерал-губернатора, происходил соответственно состоянию юго-западного края — вне обычных рамок.

Решительно нигде — торжественных встреч местными властями, отсутствие поднесений хлеба и соли от народонаселения. То, что на вокзале оказался выехавший за мной кучер, — казалось каким-то чудом; ожидать ему пришлось наверное много часов.

Чтобы сейчас-же ознакомиться с размерами причиненных погромом убытков и опустошений, — в открытой коляске, медленной рысью я проехал по Бибиковскому бульвару и Крещатику.

То, что я увидел, — был ужасно: разбитые окна магазинов, — заколоченные двери и ворота, — на мостовой — остатки товаров, там и сям — лужи крови. Я понял всю серьезность выпавшей на мою долю задачи... и то личное одиночество, в котором находился. При потребности хоть в течении нескольких минут собраться с мыслями, я зашел туда, куда меня влекло всегда и раньше в тяжелые дни, — в церковь.

Перед чудным кафедральным собором Святого Владимира я приказал остановиться и преклонил колени у его алтаря. Осенившее меня тогда совершенно безотчетно знамение не изгладится никогда из моей памяти. Собор этот — образчик того нового русского строительства памятников, которые созидались при Александре III и свидетельствовали особенно наглядно о мощной связи царя и церкви, именно в Киеве, с его тысячелетней историей. Огромное количество знакомых мне художественных икон и реликвий сливалось в одну общую картину, в которой перед очарованным зрителем развертывалась история великой, святой Руси. — Через окна купола пробивалось апрельское солнце и освещало величие и богатую фантазию русского бытия, — которое знаменитый художник Васнецов, в своей мозаике, так искусно воспроизвел. Само собой разумеется, эти детали явились в моем сознании значительно позже......

Когда я отходил от иконостаса, передо мною очутился настоятель Собора отец Павел; ему попался в глаза мой экипаж перед церковью. Он подошел ко мне с небольшой иконой, чтобы благословить ею. Он знал тоже, что я был на пути к выполнению трудной задачи. С тех пор эта маленькая иконка сопутствует мне всюду.....

В нижней части города, на Подоле, догорали последние вспышки погрома.

* * *

У Клейгельса, должность которого перешла ко мне, я застал непорядок, соответствовавший его образу и характеру управления.

Безпрепятственно вошел я в обширный кабинет, в котором «все вверх дном» свидетельствовало о приготовлениях к быстрому от'езду. Клейгельс никаких об'яснений дать мне не мог, —встретил — не особенно любезно и с задетым самолюбием; поэтому разговор с ним был короткий и я ушел домой, где уже несколько месяцев у меня не было супруги и хозяйки, — переоделся и сел на коня. — Я обречен был на одиночество целиком; оно было мне особенно чувствительно в этом холодном пустом доме.

От первых моих шагов зависело, стану-ли я хозяином положения — или нет. Помочь мне никто не мог и подать совет — очень не многие. Так в одиночестве, без единого спутника, — спустился я вниз на Подол.

Мерами, принятыми генералом Карасом, остававшимся моим заместителем по должности командующего войсками, разнузданность прекратилась, но погромное настроение еще сохранилось. Подол — главное гнездо грабителей, еврейская часть Киева, представлял ужаснейший вид. На улицах было много народа. «Босяк», бывший солдат, узнал меня:

— «Смотрите — Сухомлинов», — закричал охрипшим голосом пьяный человек, — «не боится,... ну, что-же и я никого не боюсь, — а жидов бить будем!»

Направив коня в его сторону, я ему ответил: — «Нет, не будешь!» Толпа расступилась.

Прижавшись к стене дома и сняв вдруг шапку, он заговорил другим тоном.

— «Виноват, ваше превосходительство, действительно не буду, коли ежели начальство не дозволяет.»

— «А ты где служил?»

— «В 24-й артиллерийской бригаде, ваше превосходительство».

— «Так не срами-же своей бригады!»

— «Постараюсь, ваше превосходительство!» . . .

Я поехал дальше.

Поведение этого человека было весьма показательно: он жил, воображая, что погромы одобряются правительством,—так как истинно русские люди, об'единенные в «союз русского народа», поставлявшие в первую очередь царских чиновников, — натравливали одну часть населения на другую.

Когда, напр., высокочтимый Платон, ректор духовной академии, живший в Братском Монастыре на Подоле, с крестом в руках вышел на улицу и умолял буйствующую чернь прекратить разгром, — эти люди поняли так, что их благословляют. Пьяные грабители устилали целыми кусками материй путь, по которому шел высокопреосвященный! И погром продолжался. А враждебная правительству пресса распространяла во всей стране, что будто-бы высокопреосвященный раздувал религиозный фанатизм масс.

* * *

Я считал, что прежде всего моею обязанностью было восстановить нормальную жизнь города, снять с него тот гипноз, который явился следствием пережитых страхов и волнений. Я был уверен, что водворение порядка и спокойствия в Киеве — отразится успокоением и во всем крае. Так оно и оказалось на самом деле.

На всех улицах расклеены были мои короткие заявления: «Вступил в управление краем и никаких беспорядков не допущу.» — Эти несколько слов, своею категоричностью, произвели сильное впечатление. После этого «ультиматума», всем стало ясно, что об'явилась власть, уверенная в своей силе и без всяких многословий откровенно заявляющая, что церемониться не станет с тем, кто будет пытаться нарушить порядок.

В результате — один за другим стали открываться магазины; показалась публика на улицах. Трамвай стал ходить исправно, точно также начали функционировать водопровод и электрическое освещение.

Чтобы дать национальному чувству серьезное, об'единенное направление и вместе с тем восстановить течение нормальной общественной жизни, я вызвал к себе антрепренера оперного городского театра, Брыкина, предложив ему открыть спектакли и для начала, в ближайшее воскресение поставить «Жизнь за Царя». — Он начал мне об'яснять, — что ставить эту оперу по политическим соображениям совершенно невозможно. Я ему посоветовал сделать так, как рекомендую, ибо мои основания серьезнее его панических опасений. Спектакль состоялся при полном сборе, театр был переполнен и публика требовала исполне-

ния гимна неоднократно. Явившись ко мне в ложу, Брыкин сиял и четыре раза после того, в течение зимы 1905—6 г., — ставил ту-же оперу и с таким-же успехом. Жизнь стала входить в колею.

Что миролюбиво настроенная публика отнеслась ко мне с доверием, — одним из доказательств, среди многих других, было-то, что в течении 1904 г. число жителей в Киеве увеличилось всего на две тысячи человек, тогда как в 1905 г. — оно превысило двенадцать тысяч и притом лишь приливом извне.

Следующие засим три года в Киеве были для меня тяжелыми учебными годами, преисполненными задачами, — о повседневности которых я до того не давал себе отчета.

Воспитанному в духе солдатского призвания и подготовленному исключительно к вопросам, касающимся военного дела, — несравненно большим и тяжелым бременем на моей душе лежали последствия японской войны, поскольку они касались армии, — нежели дела политические и социальные. Каждая войсковая часть, возвращающаяся с войны, каждый человек, каждая вдова офицерская — давали мне возможность видеть и убедиться, что русская армия поражена в своем основании.

Волнения, погромы, грабеж в городах и деревнях, точно так, как покушения на высший и нисший чиновный люд, который служил верно царю, — в той степени их опасного развития, какого они достигли в последнее время, — все это было для меня непостижимо, — вследствие того, что хозяйственные, социальные и политические взаимоотношения не были мною изучены в отдельности.

Мне казалось, что следует более заняться крамолой, испытывающей свои силы в борьбе с царизмом, — что ее необходимо побороть, чтобы сохранить самодержавие в его старом, блестящем положении.

Чем глубже я вникал в суть политического управления, тем сильнее чувствовалось мною недомогание нашей государственной и общественной жизни, и в связи с этим и сознание громадной опасности положения, в котором находился царь. Крупные ошибки и слабость нашей системы административной организации очень скоро стали мне выясняться.

* * *

О последствиях войны для армии будет сказано в отдельной главе, здесь-же несколько слов я упомяну о моей службе по гражданскому ведомству, в должности генерал-губернатора. Упомяну лишь, что генерал Карас, мой заместитель, вскоре Киев покинул и что на его место вступил отличный генерал Шмитт, тот самый, которого Драгомиров в свое время прозвал Шмитько.

Моими главными сотрудниками по управлению трех губерний, Киевской, Подольской и Волынской — были наряду с начальником канцелярии, этой мертвой точки в круговороте, три губернатора и — начальник тайной полиции, генерал-от-жандармерии Кулябко. Значение последнего было тем большее, что он был единственным, знающим свое поле действий из многолетней практики, в то время как другие были лишь птицами перелетными.

В течении моего трехлетнего управления краем, — в должности Киевского губернатора перебывало четыре человека. Застал я на этом посту П. С. Савича, стремившегося не выходить из колеи своего пути

по службе в военном ведомстве. Драгомиров взял его из Харькова, где он был у меня начальником штаба 10-й кавалерийской дивизии.

В сентябре 1906 г. нашелся ему заместитель, а Савич назначен был начальником штаба Иркутского военного округа. Этот заместитель, генерал инженерных войск Веретенников, петербургский домовладелец и гласный городской думы, пробыл в должности не более двух месяцев. Вместо него временно исправляющим должность губернатора, назначен был генерал Курлов, а затем уже состоялось назначение настоящего губернатора в лице графа П. Н. Игнатьева, который остался затем в этой должности, пока я был генерал-губернатором.

Тот, кто посоветовал Столыпину посадить в Киев Веретенникова, совершил непростительный грех; я хотел, чтобы Киевский вице-губернатор Лихачев принял должность губернатора. Все, что я в Киеве добился в отношении доверия к правительственной власти, честных забот ее о защите всех лояльных верноподданных царя без различия убеждений и вероисповедания, — этим назначением Веретенникова было поставлено на карту.

Погромное настроение стало вновь пробуждаться.

Вскоре после приезда Веретенникова в Киев, в сентябре 1906 г., целый ряд его некорректностей привел киевлян в изумление. Он не только симпатизировал «союзу русского народа», — но нацеплял себе на грудь знак этого союза. В своей вступительной речи он требовал от чиновников, чтобы они вступали в партии, признающие лишь самодержавие. Несомненно, тщетное и сильно запоздалое пожелание. С Подола толпой приходили к нему бунтарские элементы, которым он раздавал деньги, выданные мною ему для вспомоществования нуждающимся вдовам и сиротам. Однажды, когда полиция обнаружила запрещенное собрание, он посадил в тюрьму всех собравшихся участников его, не сообразив того, что для подобных массовых арестов не было надлежащих помещений. Ему пришлось весьма спешно всех их освободить и тем доподлинно подтвердить всю слабость такой власти. Результаты всего этого не заставили себя долго ждать: полиция распустилась, потеряла охоту к своей службе и всюду гидра революции стала выставлять свои головы. С этим господином я не поцеремонился. В личном докладе Столыпину я ходатайствовал об удалении его из под моей власти. Его назначили Костромским губернатором. Там ему свернули шею его-же сотрудники, зная привычку его подписывать, не читая, все, что ему представляют; правитель канцелярии губернатора использовал это его свойство: в один прекрасный день Веретенников подписал, не читая, прошение о своей собственной отставке!

Заместителем Веретенникова я избрал бывшего в то время председателем Киевской губернской земской управы графа Павла Николаевича Игнатьева.

Так как склонить графа Игнатьева к принятию должности губернатора было довольно трудно, то П. А. Столыпин командировал в Киев генерала Курлова, для временного исполнения этой должности.

П. Г. Курлова я знал еще по Николаевскому кавалерийскому училищу, как моего ученика. Впоследствии из него выработался человек с твердым характером и вполне определенным направлением. Курлов с большим успехом принялся за восстановление дисциплины среди чи-

нов полиции, несмотря на то, что в Киеве он пробыл всело три или четыре месяца; после того состоялось его назначение начальником департамента полиции министерства внутренних дел.

Этого добросовестного и верного человека постигла трагическая известность вследствие убийства Столыпина, председателя совета министров, — одним из агентов тайной полиции.

В конце концов от него принял должность граф Игнатьев, который и оставался в должности Киевского губернатора до тех пор, пока я состоял генерал-губернатором.

На Волыни господствовал барон Штакельберг, педантично относившийся к своим обязанностям губернатора и кое как воевавший с подпольными сообщениями, — которые долгое время в демократической социалистической печати появлялись по поводу его властвования в губернии. Зато в третьей губернии дело с губернатором не обошлось без недоразумений.

В Каменец-Подольске помпадурствовал Эйлер, имевший какую-то протекцию в Петербурге и поэтому к власти над ним генерал губернатора относившийся скептически. К самостоятельности, не выходящей хотя-бы из пределов субординации, я мог относиться сочувственно. Но вне этого условия получалось иногда самоуправство, как результат «усердия не по разуму», чего допускать уже нельзя было.

Об этом я говорил Столыпину, но почему-то перевод Эйлера во внутренние губернии затягивался, пока он сам не помог своему удалению. Получаю телеграмму с извещением о покушении на него взрывом бомбы. Интересуясь знать подробности подобного, не совсем обыкновенного происшествия, — запрашиваю об этом. Неясные, сбивчивые ответы о каком-то еврейском выступлении против губернатора, — свидетельствуют лишь о том, что он жив и невредим, ибо самолично подписывает бумаги; наконец, получается и полицейский протокол.

В этом курьезном документе значилось, что во время проезда губернатора мимо одного еврейского дома, послышался позади экипажа взрыв. Но так как на улице никаких следов на лицо не было и никого заподозрить в покушении оснований не имелось, то приступили к подробному осмотру небольшого еврейского домика. Этот последний был при входе в него разделен большими сенями, в которых обнаружены на полу остатки неопределенной густой жидкости, — различные осколки, стеклянные и металлические, — а также отрывок шерстяной материи. При опросе-же хозяин этого дома, еврей, показал, что он услышал нечто подобное выстрелу и выйдя из комнаты в сени увидел именно то, что изложено в протоколе.

Проезжал-ли в это время мимо его дома губернатор, он не знает.

Только после получения всей этой литературы, — в Каменец-Подольск в 1908 г. назначен был новый губернатор, брат киевского, — граф Алексей Николаевич Игнатьев, киевский уездный предводитель дворянства.

* * *

Недостатки наших высших органов управлений в провинции и мой собственный опыт с отдельными представителями власти заставили меня отнестись к вопросу о замещении должностей соответствующими лицами с исключительным вниманием и заботой. Ни одно из частых моих посе-

щений Петербурга не обходилось без того, чтобы не возбудить вопроса об этой серьезной задаче в пределах вверенного мне края. В Столыпине я нашел полное сочувствие по вопросу о личном составе. Но, как и другие представители высшей власти, он был связан тем, что среди молодого поколения был большой недостаток соответствующих лиц для известных назначений.

Государство жило со своим чиновничеством изо дня в день и замещение высших должностей, после вступления на престол Николая II, стало принимать все более случайный характер. Правительство своевременно не позаботилось об установлении среди молодого поколения однообразных отправных точек зрения. В особенности политическое управление предоставлено было целиком случайности и господствовавшему в министерстве внутренних дел настроению, — в свою очередь находившемуся под влиянием крупных землевладельцев и почти идентичного с ними чиновного дворянства.

Но именно в этих то кругах произошел во времени освобождения крестьян по случаю земского движения глубокий раскол, и многие пригодные к работе люди стали в виде «либералов» и земских деятелей в резкую оппозицию ко всему, что стояло в связи с центральным аппаратом министерства внутренних дел. Глубокое уныние охватывало те общественные круги, которые по существу должны были-бы руководить общественною жизнью при виде всех государственных начинаний. Очень не многие в Петербурге в этом стечении обстоятельств усматривали кроющуюся опасность. В общем цеплялись за установившиеся старые и частью устарелые формы и брали на должности людей не там, где их можно было найти, а исключительно только таких, которые, казалось, удовлетворяли следующим условиям: преданность царю, безусловное повиновение и отсутствие какого либо собственного политического убеждения. Это приводило к тому, что гвардейские офицеры по своему соответствию для назначения на должности по управлению оказывались в первых рядах. Этим об'ясняется и то явление, что гвардейская кавалерия очутилась в роли академии по поставке чинов управления: губернаторов, полицеймейстеров и генерал-губернаторов, — задача для нее непосильная и вовсе ей несоответствующая.

* * *

Так и я лично попал случайно на пост Киевского генерал-губернатора, без всякой к тому подготовки, — на подобие того, как и граф Шувалов без специального образования мог занять должность начальника штаба Петербургского военного округа. Если-бы Клейгельс не наделал глупостей, я едва-ли-бы очутился генерал-губернатором.

Должность генерал-губернатора юго-западного края, — трех губерний: Киевской, Подольской и Волынской, — в отношении личного состава представляла большие трудности, потому что в вопросе должностных назначений основной для этого элемент настоящих великороссов — был очень незначителен; малороссы — хорошие солдаты — едва-ли могли дать основательных чинов управлений; землевладение находилось преимущественно в руках поляков, немногих немцев и евреев; — городское-же население составляли евреи, в размере от 20 до 95 %, — в руках которых находились все торговые обороты, не только края, но и вне его

пределов. — Смешение племен, — великороссов, малороссов, поляков, чехов, кавказцев, турок... дополняли в городах пеструю картину населения.

Среди этих тяжелых национально-культурных отношений оказался на лицо такой паломнический город как Киев, со своим Печерским монастырем, в центре края; это, несомненно, еще более затрудняло положение в отношении политического управления. Для сотен тысяч благочестных и фанатически настроенных православных со всей России, — Киев был целью ежегодного паломничества. Из Архангельска и с Урала, из Москвы, Терско-казачьей области и с Байкальского моря паломничал народ. Этому фанатическому настроению поддалось и духовенство, загипнотизированное религиозным рвением многих сотен тысяч и чувствовало себя достаточно сильным и судьбою предопределенным истреблять инославные исповедания, в особенности евреев, последователей Моисея.

Быть может, эта мощная национальная сила, которую я имел возможность наблюдать во время некоторых праздничных процессий, могла быть использована на благо русского государства, — если-бы в руководящих кругах Петербурга было на лицо больше действительно преданных царю лиц, и меньше разного рода лицемерных клик. Петербургские клики, вражда великих князей между собой, их ревнивые выходки против высших должностных лиц, — междуведомственные трения, — хозяйничанне временщиков, все это вело к тому, что накануне государственной катастрофы в провинции не только не было никакой согласованности в деле управления страной, но отдельные ведомства явно шли друг против друга.

В слепом эгоизме никто не обращал внимания на обилие тревожных сигналов, которые со времени московской катастрофы на Ходынке, как ракеты, взвивались на воздух. Так и некоторые мои наблюдения духа в инженерных войсках принимались с пожатием плеч и пускались по ветру. Я не хочу сказать этим, что тогда уже в 1905 году для меня все было ясно точно так-же, как сейчас. Напротив, я определенно подчеркиваю, что о многих политических вещах и их взаимной связи, которые касались меня, как генерал-губернатора, я не знал, имея лишь некоторое о них представление. И я был, конечно, дитя своего времени и продукт моего воспитания. Когда в 1905 г. я стал во главе политического управления югозападным краем, я был исключительно чистокровным солдатом: кавалерист, офицер генерального штаба, преподаватель тактики, начальник войсковых частей, военный писатель. Внутренней политикой я интересовался несравненно менее внешней. Либеральное движение, с которым я мог-бы ознакомиться, при посредстве племянника моей первой жены, Набокова, — было мне чуждо до такой степени, что во время его развития зимой 1904—5 г. г. оно совершенно меня не коснулось.

Междуведомственная отчужденность, обострившаяся при Николае II, пожалуй, еще более прежнего только содействовала моей односторонности. Этот мой недостаток стал мне ясен, когда тяжкая работа поверхностного успокоения в моем округе, казалось, завершилась успехом, и бившая ключем жизнь богатого края с населением свыше 15 миллионов жителей подошла действительно ко мне вплотную.

* * *

Киевские события и полная несостоятельность представителя власти Клейгельса, завершившиеся еврейским погромом, сильно возмущали государя. Из слов императора Николая II для меня было ясно, что все лояльные подданные русского государства безусловно равны перед законом наравне с природным православным населением и если кто из последних нарушает закон, — то с него должно быть взыскано строже, нежели с иноверца. При таких условиях еврейский вопрос в Киеве сводился для меня к задаче, — с одной стороны, оградить евреев от произвола толпы и, с другой, преследовать бесцеремонную эксплоатацию населения евреями, — тоже своего рода грабеж.

Вскоре мне стало ясно, что одним каким либо общим способом решения еврейского вопроса — достигнуть полного успеха нельзя. В России живет более 6 миллионов сынов Израиля и при известной системе черты еврейской оседлости, — в западных губерниях в определенных местах получилось чрезмерное уплотнение этой расы. Быстро разрастающиеся еврейские семейства задыхались в тесноте.

И эта-то именно несчастная публика подвергалась периодическим погромам, насилиям и грабежам.

В правительственных кругах точно также считали, что евреи играют роль тех ракушек, которыми обрастают подводные части кораблей во время рейсов и тем самым замедляют их ход. Специализировавшись на финансовой деятельности, начиная от ссуды денег под залог посевов на корню и до государственных займов министерства финансов — включительно, — евреи создали себе массу врагов во всех слоях населения.

В противовес спекулянтам, гешефтмахерам и предателям, — сколько выдающихся евреев с высшим образованием своей благотворительностью и полезною для страны деятельностью — заслужили того, чтобы во имя справедливости их деяния положены были тоже на весы осуждения огульно всей расы. Но во время народных волнений об этом никто не думал.

Громили и богатых и бедных, но преимущественно последних. Один вид несчастных, большею частью многодетных семей, рыдающих и голодных у разгромленных своих жилищ и собирающих выброшенный на улицу их убогий скарб, производил удручающее впечатление.

Не таким, понятно, варварским способом можно обезвредить те приемы эксплоатации, которые к тому-же практикуются различными кулаками и других вероисповеданий.

В порядке общих законоположений должны быть проводимы меры для искоренения, с одной стороны, высасывания соков из населения, а, с другой, недопустимости произвола и насилия со стороны озверелой толпы погромщиков.

Бездействие-же власти, в этом смысле, — следовало карать без пощады, в особенности в тех случаях, когда она проявлялось в таком виде, что могло быть принято за потворство погромщикам. Этот взгляд разделил Государь, что и высказал вполне определенно и решительно по поводу Киевского погрома, после которого я принял юго-западный край.

При мне затем на учинение еврейских погромов, во всем крае нигде и попыток не было. Но зато во время Киевского саперного бунта, в нем приняло деятельное участие несколько евреев, которых суд приговорил к смертной казни.

Характерно было в данном случае то, что приговор этот одобряли разумные, интеллигентные евреи, сознававшие, что разные газеты заграничного издания приносят только непоправимый вред благоприятному решению еврейского вопроса вообще.

Вот, что мне говорил в Петропавловской крепости Рутенберг, причастный к убийству Гапона. По его мнению, в отмщение за гонения, угнетения и бесправие, — еврейский яд отравляет государственные организмы стран, их притесняющих. Ряды анархистов, коммунистов и революционеров пополняются обильно евреями. В результате получаются нарывы, в виде бунтов, революционных вспышек, покушений на власти и т. п.

К возбудителям еврейских погромов в юго-западном крае принадлежал монахи Илиодор, Виталий и др. У «святых ворот» Почаевской Лавры распространяли они погромную литературу, печатавшуюся в типографии Лавры. Я вынужден был обратить внимание высокопреосвященного Антония (Храповицкого) на эту их деятельность. Антоний жил в Житомире, и под его ведением находилась Почаевская Лавра. Он уклонился от принятия мер против вредной деятельности Илиодора, в силу того, что такие воздействия с его стороны лишь усилят влияние последнего на народные массы. В конце-концов Антоний из'ял Илиодора из Почаева и поместил его в свой монастырь, под личное наблюдение. Но там он долго не оставался: — покинув юго-западный край, он перенес свою деятельность на юг России.

Глава XVI

Политика и управление

Смута и недоверие. Затруднения в Политехникуме. Революционные козни в университете св. Владимира. Взгляд министра народного просвещения Кауфмана. Митинг. Неудачи полицеймейстера. Аресты. Агитация среди рабочих. Мое появление среди рабочих. Забастовка трамвая. Меры сапер. Боевая женщина. Наглость революционеров. Аграрная комиссия. Регулирование р. Роси. Реформы Столыпина. Хуторное хозяйство.

В должности генерал-губернатора и командующего войсками в Киеве я часто вспоминал о спокойном и завидном моем существовании в роли помощника Драгомирова: какая это была тишина и безопасность в сравнении с тем, во что превратился Киев с 1905 года! Драгомиров, конечно, изрядно гонял нас, синекурой моя должность под его начальством ни в каком случае быть не могла, — работы было хоть отбавляй. Киев был всегда кипящим котлом, как с военной точки зрения по отношению к мобилизации, — так и с национальной.

До 1904 г., однако, у меня была твердая почва под ногами: права от самодержавной власти царя полученные и им поддерживаемые. После 1904 г., с каждым днем все более и более я предоставлялся самому себе: в Петербурге отсутствовала твердая воля, — никакой определенной цели; — на месте социальные и национальные, а также и чисто партийно-политические лозунги сбивали людей с толку и накаляли их настроение. Ко всему этому — армия в развале и определение на должности в управления, школы, университеты — носителей монархического принципа, людей нерешительных, трусливых или фанатиков, которые благодаря своей бездеятельности опаснее всех других. В Киеве было какое-то столпотворение, в котором никто не мог разобраться; скачка с препятствиями охватила все отрасли общественной, частной, хозяйственной жизни; атмосфера была полна недоверием. Ни в чем не видно было начала водворения порядка. Все должны были делать присутственные места или, вернее, ответственные представители государственной власти.

Среди политической суматохи за выполнение предстоявших мне задач я принялся по своему усмотрению и поступил правильно. Конечно, методы Драгомирова не всегда были применимы. В роли генерал-губернатора мне приходилось быть в крупном масштабе солдатом и

дипломатом одновременно. Ограничиваться исключительно одними приказаниями было недостаточно. Личное воздействие и личный пример должны были предшествовать приказу.

* * *

В один прекрасный день приехал ко мне директор Политехнического института Тимофеев.

По его словам, около 7 тысяч слушателей вооружены поголовно, и готовится что-то серьезное. Я ему посоветовал быть хозяином в своем деле; а когда оно станет ускользать из его рук и выходить на улицу, — то в таком только случае на моей обязанности будет за него приниматься.

На другой день я поехал в главное здание института. Когда я вошел в рабочий кабинет директора, он стоял у своего письменного стола, а перед ним — четыре студента, из коих один энергично размахивал руками, пред'являя Тимофееву какие-то требования товарищей.

Я прекратил эту неприличную сцену, — предложив студентам удалиться. То, что я застал, дало мне повод высказать свой взгляд, как я понимаю создавшееся у него в учебном заведении положение.

Во время нашей беседы, весь коридор наполнился студентами, и я прошел по узкому проходу между их рядами, внимательно всматриваясь и изучая эту молодежь, которой так необходимо твердая, разумная и благожелательная для нее рука, — чтобы она не сбилась с пути истинного.

Ту тишина, которая воцарилась при этом моем медленном шествии, можно сравнить лишь со строем, после команды «смирно». Когда-же швейцар подал мне пальто, — молодежь мне поклонилась, на что и я им отдал честь.

В результате ни разу затем порядок не нарушался, и слушатели Политехнического института никакого участия в волнениях в университете не принимали, несмотря на энергичные приглашения студентов последнего. Из моего появления они могли убедиться воочию в полной согласованности мнений университетского управления и заместителя царя.

С университетом у меня подобные же отношения не наладились, не смотря на то, что в 1905 году никто из профессоров с красным флагом по улицам не ходил, как это проделал тогда один из политехнических.

Пока в народных массах происходило брожение, — учебно-административное начальство университета должно было считаться с тем, что студентам не устоять против пропаганды, направляемой в их среду, — если они не найдут поддержки с другой стороны. Вмешиваться в это генерал-губернатор не имел права без особой просьбы. Тем не менее такое положение в университете беспокоило меня уже потому, что громадное здание университета находилось в центре города и было опасно даже в тактическом отношении — как революционная цитадель.

Во время поездки в Петербург я говорил по этому поводу с министром народного просвещения Кауфманом.

Мои доводы сводились к тому, что такая экстерриториальность, — при усиливающейся пропаганде и попустительстве учебного персонала, способствует только разростанию революционных бацилл, — которые способны загубить и здоровый организм, а не такой расшатанный, как Киевский университет.

Наши дебаты с ним на эту тему убедили меня в том, что эти бациллы проникли уже в самые верхи народного просвещения. Мне оставалось только выяснить, что интересы всего края и в частности Киева для меня выше таковых университета; поэтому, я надеюсь, что он примет меры к тому, чтобы находящееся в его подчинении заведение никаких активных действий, угрожающих спокойствию города, не предпринимало. Я-же буду очень рад, если ему это удастся и не явится необходимости в каких либо мерах с моей стороны.

Вскоре после того мои опасения оправдались. Вместо лекций сплошные митинги с участием совершенно постороннего университету элемента — довели до попыток к выступлениям уже за стены университета. Губернатор послал полицеймейстера Цихоцкого с предложением прекратить безобразия на улице. Студенты ушли в свое здание и когда Цихоцкий подошел к под'езду, то из брандспойта в него пущена была сильная струя воды, сбившая с головы фуражку и промочившая его до костей.

При появлении городовых, студенты заперлись в университете и предприняли ряд враждебных действий, — подражая обороняющимся в осажденной крепости.

На такое даровое зрелище стала собираться толпа любопытных. Комичный эпизод и вид мокрого полицеймейстера веселили толпу, а смех подзадаривал только осажденных.

Вызвана была тогда рота пехоты; двери выбиты и во все остальные выходы, очертя голову, бросилась масса студентов, врассыпную разбежавшихся по городу. Но в верхнем этаже, в одной из аудиторий, человек 60 устроили «цитадель», в которой заперлись и не соглашались выйти.

Через несколько минут, под напором солдат, двери поддались, и вся компания форта под конвоем препровождена была на Печерск, в цитадель. Больше половины арестованных оказались совершенно посторонние университету люди, в том числе несколько женщин. Все они отделались высылкой из Киева, и в университете наступило относительное спокойствие.

* * *

На одном из крупных сахарных заводов начались забастовки, принимавшие характер инфекционного источника, возбуждавшего хронические волнения в окрестных районах.

Из всех донесений и докладов нельзя было составить вполне определенного заключения, в какой мере положение рабочих действительно так тягостно, — что этим именно и об'ясняется причина протестов в форме забастовок. Поэтому я решил ознакомиться с этим на месте лично.

На правом берегу Днепра, почти у самой реки, расположены были все заводские постройки. Вокруг завода виднелись поселки и деревни, в которых жил преимущественно работавший на сахарном заводе люд.

О приезде моем было известно; распространили слух, что со мной прибудет сотня казаков и воз розог. Поэтому по вызову моему рабочие собирались неохотно. Но когда убедились, что я спокойно разговариваю с пришедшими, — а казаков не видать, — то собрание стало возрастать и дошло затем до нескольких тысяч человек.

Волостное управление, у которого я стоял, находилось на вершине высокого холма, спускающегося полого к заводу. Вследствие этого вся

толпа мне была хорошо видна. Начал я с того, что об'яснил им цель моего приезда, а именно: — мне стало известно о тех неладах, которые у них происходят с администрацией завода, поэтому я хочу сам разобрать на месте, кто прав, кто виноват.

Прежде всего я хотел получить сведения от рабочих, чем они недовольны, кто их обижает и чего они собственно добиваются своими забастовками, этой палкой о двух концах, один которой приходится по работодателям, — а другой по рабочим.

Заговорило одновременно несколько человек, которых пришлось остановить и предложить кому нибудь одному, обстоятельно все мне изложить. Сейчас-же стал протискиваться из дальних рядов довольно молодой парень и развязно, без малорусского акцента, начал с апломбом говорить о труде и капитале.

Было ясно, что передо мною один из пришлых агитаторов и я спросил только, давно-ли он работает на заводе. Вопрос этот, очевидно неожиданный, привел его в такое смущение, что он растерялся и, понятно, выдал себя. Тогда я об'яснил рабочим, что хочу слышать от самих трудящихся об их нуждах, а не выслушивать бредни каких то проходящих людей. Советую и им не слушать подобных смутьянов, которые сегодня здесь, а завтра на той стороне реки, — намутят сколько душе их угодно и поминай как звали, — а в ответе будут те, что послушались лихого человека.

Как этот несомненный агитатор, так и несколько, очевидно, его сотрудников, — после этого эпизода предусмотрительно решили покинуть собрание и видно было, как они спешили скрыться.

Против меня стоял не молодой, с окладистой бородой, симпатичный рабочий, которому я предложил не стесняясь рассказать, чем люди недовольны. Спокойно и толково об'яснил он, что о каких либо обидах и говорить не приходится, но что по теперешним временам желательно плату увеличить, а рабочее время сократить. Затем приемный покой и медицинская помощь вообще не отвечают громадному количеству рабочих. Были еще какие-то мелочные заявления.

Находившимся тут-же представителям заводской администрации предложено было дать свои об'яснения. Оказалось, что заработная плата было недавно уже увеличена, и сокращение рабочего времени, при этом условии, совершенно невозможно. Что-же касается медицинской помощи, то вопрос этот уже поднят.

На прощание я сказал рабочим, что своими забастовками они доведут до того, что завод придется закрыть. Что-же касается справедливых заявлений, то заводу я предложил их выполнить.

До меня дошли сведения, что некоторое время спустя рабочими избиты были двое агитаторов, явившихся со своими социалистическими поучениями на тот-же самый завод.

* * *

Однажды явился ко мне представитель бельгийского акционерного общества трамвая в Киеве и сообщил, что готовится забастовка. Выяснилось, что забастовка готовится на подкладке чисто политической, ради возбуждения неудовольствия в населении и одновременной пропаганды против властей.

Надо было принять энергичные меры, чтобы парализовать всякие попытки в этом отношении, и я предложил предоставить в правлении общества участие одному из командиров саперных батальонов, с правом голоса в заседаниях. Предложение мое было принято, и командир 14-го саперного батальона таким путем подробно ознакомился со всеми делами и обстановкой предприятия. Саперы посылались в мастерские трамвая, для ознакомления с техническими деталями дела.

Как только стало известно, что забастовка решена уже окончательно в определенный день, — сделан был соответствующий наряд сапер во все парки; команды в стройном порядке прибыли по назначению за час до начала обычного движения вагонов. Собравшиеся забастовщики пытались было помешать открытию движения, несколько вагонов успели даже испортить; но после нескольких арестов движение открылось беспрепятственно.

Публика удивлена была лишь тем, что вагон сопровождали три сапера, вожатый, кондуктор и часовой, — вместо двух гражданских трамвайных. Одновременно с этим забастовщикам было об'явлено, что все, кто не желает работать, могут получить рассчет.

После полудня, в тот-же день явилось более 25 процентов, из'явивших желание стать на работу. Утром следующего дня явилось уже более 50 процентов, и к вечеру второго дня все остальные пришли с повинной.

Дело, однако, не было еще ликвидировано вполне, так как семь человек, приводивших в негодность вагоны, сидело под арестом. Этих я предлагал отдать под суд, но администрация трамвая ходатайствовала об освобождении их; с просьбою о том-же явились ко мне жены. Обращала на себя внимание одна супруга в интересном положении, — огромного роста, сильная и здоровая женщина, ходатайство которой было оригинально тем, что, не щадя своего «изверга», как она называла мужа, — она в самых отборных выражениях ругала его и грозила проучить «негодяя», наплодившего большую семью и не думающего о ней.

Распорядившись выпустить арестованных, я приказал на другой день, чтобы они явились ко мне. Явилось только шесть человек, которых я отчитал и предупредил, что если явится какая нибудь затея опять в таком роде, все эти семь человек будут арестованы прежде всего и так дешево не отделаются.

Переходя через вестибюль из залы, в которой это происходило, я увидел с трудом поднимающегося по лестнице человека, лицо которого было в изрядных синяках. Это оказался тот седьмой забастовщик, которому супруга не только угрожала на словах, но проучила его и на деле. Все семеро получили свободу.

* * *

К одному из приятнейших для меня воспоминаний о Киеве относится работа, которая к сожалению не получила дальнейшего развития; но меня, тем не менее, сблизила с кругом тех серьезных людей, деятельность которых могла принести отечеству прекраснейшие плоды, — если-бы не Божья воля, предопределившая другой исход этого дела.

Смерть Столыпина загубила все юные зародыши семян, которые им тогда были посеяны.

К числу трудных задач моего края относился аграрный вопрос. Хотя в этом деле я был человеком некомпетентным, но со статистическими данными я ясно увидел картину стесненного положения землевладельцев, в условиях чрезмерно сгустившегося народонаселения.

Ожидать какой либо помощи из Петербурга нельзя было; поэтому я решил по своей инициативе приняться за это дело и поручил начальнику канцелярии генерал-губернатора Молчановскому составить мне список опытных лиц края, при компетентном содействии которых все насущные вопросы могли-бы быть выяснены. Молчановский усердно принялся за эту работу и составил интересную программу для предстоящего первого собрания. Но еще до открытия заседания его постиг удар, и первое собрание наше началось панихидой.

В Киеве было очень много работы по таким вопросам, в которых я не был достаточно компетентен. К таковым принадлежало водоснабжение города из артезианских колодцев, тесно связанное с холерной эпидемией и мерами по борьбе с нею. В двух случаях я удостоился даже особой благодарности населения, за успешно принятые мною меры.

Один из притоков Днестра, Рось, ежегодно затоплявший громадную площадь пахотной земли и садов, был по моему ходатайству в Петербурге углублен и с тех пор уже не беспокоил наводнениями. Обнаженная почва оказалась занесенной таким илом, что плодоносность ее превзошла всякие ожидания. Когда я покидал Киев, депутация населения поднесла мне трогательный благодарственный адрес. Наибольшую же благодарность заслужил мой чиновник Григоренко, обративший мое внимание на это обстоятельство и взявшийся с большой энергией за проведение улучшений.

* * *

В другом случае мне пришлось стать на сторону крестьян против крупного землевладения, поддерживаемого бюрократией.

В течение многих десятков лет громаднейшее имение Балашова по Днепру округлялось, и в результате масса крестьянских усадеб превратилась в так называемые «садки», очутившиеся в условиях, сходных с осажденными.

У них не было свободного выхода ни к воде, ни на большую дорогу, и скот беспрерывно попадал на помещичью землю, в чужой лес, посевы и пр. В течение 40 лет крестьяне ходатайствовали, чтобы их переселили куда нибудь на окраину балашовских владений, — но безрезультатно. Дело это было исключительно в руках недобросовестных управляющих, которые на такой обмен не соглашались и Балашову об'ясняли его в виде каких-то каверзных и назойливых требований обнаглевших крестьян, которые ни под каким предлогом удовлетворению не подлежат.

Этой тактики господ управляющих я никак понять не мог. Закулисная сторона этого дела заключалась, быть может, в личных их каких нибудь интересах, — или может быть они рассчитывали, что крестьяне и без обмена уйдут, не выдержав осады. Когда-же я поинтересовался узнать мотивы отказов, — то выяснилось следующее.

По закону, споры между владельцами имений и крестьянами разбирались губернскими по крестьянским делам присутствиями. Решения только единогласные считались состоявшимися.

Достаточно было одного голоса, чтобы такое ходатайство отклонялось. Благодаря этому, сорок лет и могла иметь место подобная невероятная волокита.

Подавали жалобы в сенат, на высочайшее имя и все это возвращалось в то-же присутствие и тот-же один голос проваливал дело.

У меня явилось непреодолимое желание с одним этим голосом справиться, побороть канцелярщину, способствующую торжеству вопиющей несправедливости. И мне это удалось.

Так как губернское присутствие хронически дело отклоняло, то я признал целесообразным разобрать его в генерал-губернаторском по крестьянским делам юго-западного края — присутствии. На самом деле такого присутствия не существовало, но фактически не признать его было трудно, ибо оно составлено было в точности в духе положения о губернском присутствии.

Разница заключалась лишь в том, что состав его повышен был в ранге.

К заседанию явились 10 человек депутатов от крестьян, со своим защитником Тальбергом, — а защищать интересы Балашова — прибыл управляющий имением. Дело доложено было подробно начальником канцелярии генерал-губернатора. Каждая из тяжущихся сторон высказала свои доводы и ходатайства, причем манера и мотивы защиты управляющего Балашевским имением произвело весьма неблагоприятное впечатление.

Решение единогласное состоялось в пользу крестьян и произвело на них такое сильное впечатление, что самый старый, от радости и волнений, — скончался, не дождавшись таки справедливого решения.

Приехал после того в Киев Балашов и был у меня, весьма деликатно попрекнув за то, что я не стал на его сторону. Но самого непродолжительного обмена мыслями было достаточно, — чтобы все выяснилось по правде.

Надо отдать справедливость Балашову: по его приказанию крестьянам отведен был один из лучших земельных участков, на который они и переселились.

Очень сожалею, что не могу привести в точной редакции адрес этих крестьян, который они поднесли при моем от'езде из Киева. В нем они говорят, что потеряли уже надежду на справедливость на свете, ибо 40 лет не могли добиться, чтобы дело их разобрали по правде. А теперь убедились, — что правда все-таки есть.

* * *

По существу вопрос о хуторном хозяйстве, так называемых «отрубах», решен был высшей инстанцией, — П. А. Столыпиным, и на мою долю, как генерал-губернатору, оставалось лишь проведение его в жизнь.

Реформа Столыпина в высокой степени отвечала нуждам крестьян. Их наделы в общинном владении со временем стали столь малы, что их трудно было высчитать. Новое же положение дало им собственность. И все же некоторые из крестьян относились к системе хуторного хозяйства настолько враждебно, что не останавливались перед поджогами

хуторов своих же односельчан. Насколько в этих случаях мужицкое упрямство и недоброжелательность предопределяли их поведение — мне в частности не удалось установить. Несомненно, и то и другое играло известную роль, ибо революционный наш элемент сознавал прекрасно, что Столыпинская аграрная реформа ведет к тому виду землевладения, который создает неблагоприятную для восприятия их идей и лозунгов почву, в то время как мужики, доверявшие правительству и его органам, видели в ней какое то тайное, мужицкой массе вредное намерение. На самом деле мужикам угрожала лишь опасность, что ведомства, наделивши и населивши, бросят их на произвол судьбы.

Чтобы лично узнать, каким способом из рук пропаганды выбить ее оружие, — я посетил хутора, причем никто в них о моем служебном положении — не знал. Со мной были только начальник моей канцелярии и предводитель дворянства граф Игнатьев.

Экипаж наш мы оставили довольно далеко от хутора и подошли к малороссиянке, которая стояла перед своим домом, заслоняясь рукой от солнца и смотрела вдаль. Она вышла за тем, чтобы позвать своего мужа к обеду, — который работал где-то на краю владения.

На мой вопрос, как им живется, она ответила, — что каждое утро, когда просыпается, прежде всего благодарит Бога за ниспосланную им милость: они вырвались из деревенской тесноты, избавились от соседства кабака, споров и ссор, происходящих из за полей, которые часто находились верстах в 10 от крестьянского дома.

«И кто только такую хорошую штуку выдумал?» спросила она меня.

« Царь», — ответил я.

«Хороший человек, тот самый Царь», — решила малороссиянка.

Я доложил Государю о целесообразности осуществления столь важной реформы, не умолчав при этом, что в этой области не скоро еще все наладится. Много десятков тысяч десятин предстоит еще разбить на отруба, проложить дороги, вырыть колодцы . . . .

Я посетил один хутор — очень оригинальный, — принадлежащий двум братьям, решившим семьей не обзаводиться. Необыкновенная чистота и уютная обстановка не могли не броситься в глаза. На столе — хорошая лампа с зеленым абажуром, на белой полке хорошие книги, — в шкафу, за стеклом, — прекрасная посуда. Все как полагается у маленького буржуя, — даже венская мебель на лицо. Оказалось, что они уже два года хозяйничают и на своем поле разводят исключительно одну только свеклу.

В предыдущем году они так хорошо заработали, что выплатили полностью за свой отруб и сверх того триста рублей внесли в сберегательную кассу. Вблизи находящийся сахарный завод заключил с этими братьями благоприятный для них контракт и на будущий год.

Существенный недостаток системы хуторного хозяйства заключался в том, что те хутора, которые были удалены от крупных поселков, лишены были не только некоторых удобств, — но должны были отказаться от удовлетворения повседневных потребностей жизни.

Чтобы помочь этому обстоятельству, я предполагал в своем округе располагать хуторные постройки так, чтобы они более или менее группировались и явилась бы возможность образовать центральные пункты, в которых находились бы церкви, школы, лазареты, общественные

управления, полиция, почта — и все это, по возможности, на одинаковом расстоянии от всех хуторов.

Крестьяне, с которыми я по этому поводу говорил, находили даже возможным найти средства, чтобы на зиму вблизи школы помещать детей под наблюдением воспитателя.

Среди участников упомянутого уже мною с'езда сведущих людей находились многие горячие сторонники этого благодатного дела, работавшие и на литературной почве в его пользу. Вообще я особенно обязан этому собранию потому, что при недостатке личного опыта в новом для меня деле, не только были выяснены определенные вопросы, — но я знал затем к кому мне непосредственно обратиться за советом, на случай в том необходимости по известным специальностям.

Столыпин скончался, и проведение в жизнь его реформ, способствовавших мирной внутренней политике, — прекратилось.

В стране началось брожение. Многие помещики покинули свои земельные угодья и перекочевали в города. Что касается моего округа, то чтобы удержать это бегство, в течении круглого года войска производили занятия на местности и упражнялись в полевой службе. Учебные команды кавалерийских полков появлялись всюду и встречали радушный прием со стороны помещиков и в усадьбах — вообще. Постоянная близость войск почти совершенно устранила волнения.

Глава XVII

Политика и общество в Киеве

Город св. Владимира. День св. Владимира 15/28 июля. Процессия. Водосвятие. Освящение ипподрома. Палицын в Киеве. Выступление союза русского народа. Королева Эллинов в Киеве. От'езд Веретенникова. Вступление в должность Курлова. Его приказ полиции. Карьера Курлова. Охранное отделение. Жандармы. Убийство Столыпина. Покушения на меня. Театр и выставки. На Ривьере в 1907 г. Бутович. Екатерина Викторовна.

Киев — город святого Владимира, первого великого князя и основателя России, — привившего русскому населению христианскую культуру Византии.

В течении столетий Киев был колыбелью и столицей христианской России. В историческом прошлом, на протяжении более тысячи лет, вплоть до конца последнего царствования, Киев считался третьим, если не вторым городом русской духовной жизни. — Киеву пришлось считаться с географическим положением Москвы и Петербурга и в политическом и хозяйственном отношении отойти на третье место. Москва была первой хозяйственной метрополией; Петербург резиденцией царя и высших государственных ведомств; Киев-же стал провинциальным городом первого ранга и местом крупных воспоминаний. Благодаря историческому прошлому, Киев называют иногда русским Римом; я считаю это сравнение пока недостаточно обоснованным; — но когда нибудь со временем это могло-бы быть так.

Ежегодно 15/28 июля, с большою помпою, праздновался в Киеве день св. Владимира. В 1906 г., под бременем тяжелого времени и потребности верующего населения обратиться прежде всего к церкви, день св. Владимира превратился в грандиозную манифестацию, произведшую сильное впечатление.

Духовные и материальные нужды в этом году привели в Киев особенно большое количество паломников со всех концов России; перед всеми церквами и часовнями кишела толпа разнородных представителей нашего государства. Вследствие этого со стороны местной власти обращено было особое внимание и приняты соответствующие меры к тому, чтобы не произошло какой либо катастрофы, вроде ходынской, — что в массе фанатически настроенных людей всегда возможно.

Еще с раннего утра, при звоне тысячи колоколов, призывавших к молитве, — полиция и войсковые части располагались по главным путям следования, чтобы сдерживать напор толпы. К 9 часам утра собрались к кафедральным соборам богомольцы и священнослужители и, предшествуемые высшими духовными лицами, — двинулись к колокольне Софийского собора.

Отсюда затем тронулась главная процессия мимо памятника Богдану Хмельницкому (вместе с памятником Петру Великому в Петербурге, одному из красивейших в России) и далее мимо Михайловского монастыря — к верхнему памятнику св. Владимира.

У этого памятника митрополитом Флавианом совершено было главное молебствие. Второе — такое-же отслужено было с водосвятием на берегу Днепра, у нижнего памятника.

До начала большой процессии, в которой я, конечно, должен был принять участие, — мне пришлось об'ехать войска по фронту и здороваться с ними. Затем, по установленному церемониалу, я должен был в одиночестве — верхом следовать в 10 шагах за митрополитом, — остальные участники процессии — в 10 шагах за мною. Никогда не забуду я картины, которая мне представилась, когда процессия спускалась по горе от верхнего к нижнему памятнику св. Владимира! Целый лес церковных хоругвей и войсковых знамен. В шествии принимало участие до тридцати тысяч человек. Они образовали многоцветный поток, струившийся среди сотен войсковых шпалер. — Впереди преобладали золотые митры и триары высшего духовенства, — затем мундиры генералитета и высших сановников, — от светлоголубого цвета до черного включительно, — и далее до коричневой малороссийской свитки, теряющейся в серой извивающейся ленте нескончаемого шествия, двигавшегося к выходу из города.

Процессию сопровождали многие оркестры музыки и хоры певчих.

Воздух потрясался колокольным звоном и барабанным боем; по временам долетали до меня звуки мелодий «Коль славен......» Вдруг, точно по тайно поданному знаку, — шум и пение прекратились: митрополит направился по узкой лестнице к нижнему памятнику св. Владимира. — Предстояло начало священнодействия, — малого водосвятия. — В ту минуту, когда митрополит опустил крест в воду, — одновременно раздались — музыка, пение, барабанный бой и звон колоколов, — но на этот раз с аккомпаниментом грома пушечной канонады, сопровождавшей этот акт духовной церемонии.

Затем внезапно опять — глубокая тишина и провозглашение: «многая лета» — царю и его семье, подхваченное прекрасными киевскими церковными хорами, которые своими соединенными силами, глубоко захватывающей русской церковной музыки, — придают особенную мощь проникновения русского самосознания в народную массу......

С обнаженными головами стоит толпа, точно скованная, — пока не послышались звуки веселого военного марша, что обозначало окончание официального празднования. Большим обедом в Купеческом собрании для высших иерархов духовенства, властей и общества окончилось мое личное участие в этом праздновании дня св. Владимира, — вместе с тем и дня моего ангела.

День св. Владимира прошел в такой обстановке, которая показала мне, что войска Киевского гарнизона безусловно надежны и что начальники частей могут вполне передавать мои распоряжения войскам так, как это требуется для безопасности города. Поэтому мне хотелось сделать еще один шаг вперед к тому, чтобы дать городской жизни новый импульс. В ту минуту мне должен был помочь спорт. У меня давно уже было стремление поднять Киевские скачки на ту высоту, которой они должны соответствовать при обилии кавалерии в округе и развитии коневодства в крупных землевладениях. Все, что только может вызвать культурную работу, — будь-то коневодство или садоводство, — должно было отвлечь население от революционного настроения и враждебного правительству отношения, — водворяя консервативное направление в крае. В силу этого летом 1906 г. я особенно настаивал на восстановлении ипподрома, назначив открытие его в конце августа месяца, в виде народного праздника, в котором должны были принять участие войска гарнизона и полиция, находившаяся тогда под начальством губернатора П. С. Савича; — они должны были практиковаться в поддержании порядка среди массы скопившихся людей, предупреждать и прекращать всякие недоразумения, восстанавливать и укреплять доверие граждан к предпринимаемым правительством мерам. доступным их контролю. Освящение и выполнение первоклассной спортивной программы прошли блестяще: крупные помещики, сахарные короли и польское дворянство, равно как русский именитый люд и крупные землевладельцы, прибывшие с Волыни, Подолии, Чернигова и Полтавы — остались вполне довольны ипподромом, ставшим сильнейшим притягательным пунктом югозападного края.

* * *

Осень принесла большое, тяжелое испытание моей политики: в Петербурге решено было ввести в девяти губерниях западного края земскую организацию, установленную во внутренних губерниях России.

В январе 1907 г. должны были состоятся для этого выборы. Результатом этого решения было чрезвычайное оживление махинаций политических партий со всеми отвратительными от сего последствиями. Предстояли и новые выборы в Государственную Думу. При таких условиях крупною ошибкою было в Петербурге, — решение назначить Киевским губернатором генерала Веретенникова.

Веретенников чувствовал себя на этом посту не как крупный политический чин губернии, но как влиятельный член партии «союза русского народа». Он не только носил явно нагрудный знак союза, — но поддерживал его в финансовом отношении и морально.

Личное мое недовольство новый губернатор вызвал в первый же день нашего знакомства: генерал действительной службы, он попросту, в сюртуке, без оружия, но в сопровождении пса явился к своему начальству!

Веретенников погряз полностью в партийных делах, — держал совершенно ненужные речи. Его положение в обществе казалось влиятельнее моего, вследствие того, что с 1904 г. я был вдов, — а супруга Веретенникова не была свободна от честолюбия.

Началась опасная работа травли, не только не способствовавшей

сплоченности сторонников правительства на почве их хозяйственных интересов, — но и вносящей раскол в этот элемент, — ибо господа «черносотенцы» об'являли войну принципиально всем и каждому, — кто, по их мнению, было не русским: они поэтому отталкивали не только лояльных евреев, поляков и немцев, но даже русских! С такими господами мне не легко было бороться, и из среды этих кругов поэтому распространялись некоторые злые, клеветнические сплетни по моему адресу.

* * *

Под начальством Веретенникова полиция быстро и явно распалась. Вообще осень принесла мне и киевлянам сюрприз, — новое явление уличной жизни города: разнузданную молодежь в установленной, гимназической форме одежды. После продолжительных летних каникул, в течение которых молодежь целыми месяцами находилась вне дисциплины, она вернулась в город в виде какой-то дикой орды. Они не только дрались между собою на улицах и площадях, но задевали взрослых, беспокоили самыми невероятными выходками городскую полицию, которая с этим новым явлением не знала как быть, тем более что от своего начальства она не получала никаких инструкций и никакой поддержки. Я ходил много пешком по улицам города без всяких охранных спутников; часто сидел у громадного окна кондитерской Семадени на Крещатике, — наблюдал многое из уличной жизни и узнавал, что происходило.

* * *

В октябре прибыли ко мне начальник штаба армии, генерал Палицын из Петербурга, и начальник штаба Одесского военного округа Безрадецкий и пробыли несколько дней. Мы обсудили совместно военные вопросы всего югозападного фронта, сопоставили все недостатки, проистекающие из одобрения великокняжеской программы, ездили верхом с офицерами, ходили на охоту. В Киеве можно было, если бы не политика, жить чудесно.

В декабре месяце посетила нас королева Эллинов, следовавшая из Петербурга, через Одессу, Константинополь — обратно в Грецию. Я сопровождал высокую гостью во Владимирский собор, — где Веретенников взял на себя роль сведующего чичероне.

Затем в зимний сезон открылись театры, концерты, художественные и др. выставки, которые я по мере возможности посещал.

Лично мне это давало известный отдых, которого я в своих пустых четырех стенах не находил; — вместе с тем позволяло заглянуть в течение общественной жизни и свидетельствовало наглядно, что спокойная жизнь в Киеве обеспечена настолько, насколько только этого можно было желать.

Тайная полиция, которая чует всюду опасность, где таковой нет, но не видит ее там, где беда собирается, — была вне себя ... Большим политическим и общественным событием был от'езд Веретенникова и прибытие Курлова на должности временного губернатора, — в конце 1906 г. Все, что входило в ряды моей оппозиции из среды духовенства, чиновного мира и общества вообще — наполнило квартиру уволенного губернатора — цветами, образами, адресами и речами.

Конечно, не было недостатка и в водке и закуске! Самый от'езд, сопровождаемый разного рода депутациями от национальных союзов, являлся демонстрацией против правительственной политики, доказывал полнейшее отсутствие сознания ответственности в этих кругах. Если-бы в последние минуты, Курлов не взялся за дело, — могло-бы дойти до уличных демонстраций.

Таково было то наследство, которое осталось после Веретенникова. Первый приказ по полиции нового начальника — свидетельствует об этом.

В «Киевлянине» он появился в следующей редакции:

Приказ управляющего Киевской губернией от 30 декабря 1906 года.

Вступив 18 декабря с Высочайшего соизволения во временное управление Киевской губернией, я при первых же об'ездах города не мог не обратить внимания на неудовлетворительное исполнение чинами городской полиции наружной службы, на что неоднократно обращал внимание Киевского полицеймейстера. Городовые или совсем отсутствовали на местах или занимались прогулками по тротуарам. Околоточных надзирателей, а. тем более, старших чинов полиции я, в особенности в ночное время, совсем не встречал. Несмотря на существующие обязательные постановления, улицы города Киева в совершенном беспорядке, движение извозчиков прямо безобразно. Эти явления об'ясняются, с одной стороны, плохим знакомством нижних чинов полиции со своими обязанностями, а с другой — отсутствием надлежащего надзора старших. Характерным примером служит полный беспорядок, найденный мною в старокиевском участке. Отсутствие дисциплины и воинского порядка замечено мною и при осмотре конно-полицейской команды. При представлении мне чинов Киевской городской полиции я высказал им, что смотрю на службу полицейскую, как на службу военную. Это особенно важно, т. к. низшие полицейские служители — бывшие солдаты; поддерживать в них воинский порядок — священная обязанность их непосредственного начальства, что очень трудно, раз порядок этот мало известен высшим полицейским чинам, в чем я убедился при ближайшем с ними знакомстве.

Нельзя требовать с нижних чинов строгого исполнения своих обязанностей, раз такими требованиями не проникнуты их начальники.

Сего числа, за болезнью Киевского полицеймейстера, ко мне явился с рапортом его помощник, колежский советник Гуминский в сюртуке. Такая форма, во первых, совсем не установлена для полиции, а во-вторых — недопустима, при явке к начальству, т. к. свидетельствует о сильной халатности. Пустяков в службе нет. Начальники должны подавать собою пример подчиненным. Я уже высказал Киевскому полицеймейстеру свой взгляд на службу. Пред'являя подчиненным мне лицам известные требования, я настаиваю на их безусловном исполнении; нижние чины будут только тогда относиться к своим обязанностям добросовестно, когда увидят пример старших. Предлагаю Киевскому полицеймейстеру коллежского советника Гуминского за допущенное им нарушение в форме одежды арестовать на 2 суток. Последний раз приказываю передать всем чинам Киевской городской полиции мои требования относительно наружной службы. Всякое нарушение наружной службы со стороны нижних чинов вызовет взыскание с их начальников.

Приказ мой прочесть во всех полицейских командах.

Управляющий Губернией Каммергер Курлов.

«Киевлянин» № 2. 2-го января 1907 г.

Имя Курлова будет связано навсегда с одним из ужаснейших и для России самых тяжелых по последствиям, — случаев, свидетелем которого мне привелось быть, как военному министру, а именно с убийством председателя совета министров Петра Аркадиевича Столыпина в Киевском театре, в 1911 г. — Удавшееся покушение на Столыпина приписывали тому, что было слишком много охраны. Кроме местной Киевской, под начальством подполковника Кулябко, прибыла дворцовая и сам генерал Курлов, начальник корпуса жандармов, с мерами для охраны Государя и прибывших в Киев министров.

Багров, убивший Столыпина, вошел с пропуском охранного отделения, под предлогом указать на лиц, якобы приехавших для покушения на председателя_совета министров. Таким образом, дворцовая охрана надеялась на Киевскую, обе они на личного адьютанта и на Багрова, а Курлов на всех них.

* * *

И на меня террористы постоянно охотились, — но безуспешно. Деятельность охранного отделения для моей защиты принимала при этом иногда странные формы.

Весною я назначал обыкновенно парад войскам на Сырце, в лагерном расположении, на окраине города.

Накануне одного из таких парадов, получено было уведомление одесского охранного отделения, что двое анархистов выехали в Киев с бомбами, которые предназначены для меня на следующий день.

Начальник Киевского охранного отделения, полковник Еремин, явился ко мне и просил парад отменить. Согласиться на это я, конечно, не мог и просил его только принять со своей стороны меры, которые он признает нужными. Я-же проеду в автомобиле на Сырец, где сяду на коня и во время прохождения войск попрошу свиту стать от меня в приличном расстоянии, чтобы не подвергать ее опасности.

С вечерним поездом из Өдессы эти два господина приехали, — но в сопровождении охранного сыщика, преследовавшего их до небольшой гостиницы «Киев», — на Бибиковском Бульваре. Еремин, с чинами своего отделения, отправился лично в гостиницу, где одессит с бомбами и был арестован. Другого его спутника не оказалось и куда он исчез, — было не известно.

Поэтому полковник Еремин, приехав доложить мне о всем случившемся, — еще раз пытался уговорить меня отменить церемонию следующего дня.

Парад состоялся при чудной погоде, громаднейшем с'езде Киевского общества, массы собравшегося народа, и все обошлось благополучно.

Тот-же полковник Еремин раскрыл революционную организацию, готовившую целый ряд покушений. В Киеве жил мой брат, командовавший бригадою в 9-й кавалерийской дивизии — и в тот дом, где была его квартира, из этой организации ухитрились поместить в должности швейцара, техника, изготовлявшего бомбы.

Как потом оказалось, шесть бомб он успел приготовить, — а с седьмой попался с поличным, и вся партия была ликвидирована. В кармане у этого мнимого швейцара оказался мой портрет, вырезанный из «Нивы».

Когда его спросили, зачем понадобилось ему мое изображение, — он нагло ответил: — «Помилуйте, ведь это такая уважаемая личность в городе, почему-же мне не иметь его портрета».

Другое покушение на меня готовилось вблизи моего места жительства. Дом мой расположен был в некотором расстоянии от Александровской улицы, по которой проходил трамвай. Когда я выезжал в экипаже, кучеру приказано было проделывать это медленно, шагом, чтобы не попасть под вагон, мчавшийся близ самого тротуара. Это было подмечено, а также и то, что часто я выезжал между тремя и четырьмя часами пополудни, — что и предполагалось использовать для покушения.

Выяснилось это неожиданно на суде, о чем приехал доложить мне прокурор Клингенберг. Судили убийцу нескольких человек и когда вынесен был приговор, — он почему-то пожелал рассказать, по его выражению, «покаяться» в покушении еще на одно убийство.

В избранный им для этого день, в запряжке моего экипажа оказалась неисправность, и я пешком отправился к губернатору, графу Игнатьеву, жившему недалеко от меня.

Проходя по безлюдному, обыкновенно, Крепостному переулку, я встретил незнакомого мне человека, как мне показалось, пришедшего в недоумение и приостановившегося. Это и был тот убийца, который об'яснил, что обдумывая, как он станет на подножку коляски и в упор выстрелит в меня из револьвера, — вдруг, совершенно неожиданно, увидел меня перед собой. До такой степени поразило его это, что он растерялся и ничего не сделал; — «идет один, совершенно спокойно и рука не поднялась, — а будь в коляске — выстрелил-бы», — пояснил он откровенно.

Затем самым необыкновенным и печальным последствием, — был случай в Харькове; я спасся только чудом.

Мне нужно было проехать в Чугуев, через Полтаву и Харьков. В последнем я мог переговорить с войсковыми начальниками, так как обычно, до отхода Балашовского поезда на Чугуев, оставалось около часа времени. Но на этот раз Полтавский поезд пришел с таким большим опозданием, что я не мог выйти из вагона, который сейчас-же был переведен на другой путь.

В тот-же день вечером я должен был вернуться обратно, поэтому просил господ генералов приехать к тому времени обедать со мной в парадных комнатах вокзала.

В Чугуеве, после осмотра военного училища и посещения ингерманландского гусарского полка, — я уехал на железнодорожную станцию, в трех верстах от города.

Славящаяся своею исправностью Балашовская дорога, на этот раз побила в этом отношении всякий рекорд: — поезд опаздывал всего лишь на 12 часов. А так как на следующий день присутствие мое в Киеве было необходимо, то я потребовал вызова локомотива из Харькова, чтобы вагон мой доставили к Полтавскому вечернему поезду.

Но так как в это время подходил товарный поезд, то начальник станции по телефону просил разрешения отцепить паровоз и доставить меня в Харьков. Вся эта процедура заняла столько времени, что когда дотащили мой вагон до Харькова, то его остановили за семафором, не

пустив к вокзалу. Татары принесли обед в вагон и, не видав никого, я уехал в Киев.

Войдя к себе в кабинет, я нашел на столе срочную телеграмму из Харькова, в которой комендант доносил, что вслед за отходом поезда на вокзале разорвало бомбу, от которой пострадало около 20 человек.

Как выяснилось затем, бомба эта предназначалась начальнику дороги, — но он надолго уехал; в газетах-же сообщалось что с таким-то поездом прибывает из Полтавы Киевский генерал-губернатор, поэтому решено было использовать эту бомбу для террористического акта над генерал-губернатором.

С этою целью, к приходу моего поезда, террористы и явились; я-же из вагона случайно не вышел, — но они слышали мое приглашение на обед, — поэтому явились к вечернему поезду из Чугуева. Между тем бомба поставлена была на боевой взвод, и несущий ее при помощи ремней на груди, ограждался от толчков в толпе, с правой стороны мужчиной и с левой — женщиной.

В вестибюле, выложенном скользкими плитами, носильщики с багажом, нанесли еще снег; поэтому, когда бомбометчик, поскользнувшись, — стукнулся о соседа справа, то бомбу взорвало и от него осталось очень мало, — голова покатилась в зал, а кишки вместе с ремнями от бомбы повисли на люстре у потолка. Правый сопровождающий разорван был на три части, — а фельдшерица получила более четырехсот ран и к вечеру скончалась.

При обыске у нее на квартире, между прочим, найден был номер «Южного Края», в котором красным карандашом отчеркнуто было сообщение о моем приезде в Харьков.

Только серия случайностей спасла меня, а на этот раз неисправность железной дороги.

До полковника Еремина, начальником Киевского охранного отделения был полковник Спиридович, очень энергичный и способный человек, правильно рассуждавший, что для успешной борьбы с противником надо изучить его основательно и не считать дураком, ибо если он окажется умным, то может произойти неприятная перемена ролей.

После перевода в Петербург, Спиридович издал целый том обстоятельного исследования революционных организаций, которые в свою очередь видели в нем сильного противника и поэтому решили его ликвидировать.

Сотрудникам Спиридовича не удалось уберечь своего начальника, и при выходе из квартиры, он был ранен в грудь на вылет, очень тяжело, но не смертельно. На время выбыв поэтому из строя, он лечился заграницей. Промежуток до полного выздоровления, очевидно, и дал ему возможность заняться литературой по предмету своей специальности.

* * *

До организации охранных отделений, их работа входила в круг деятельности губернских жандармских управлений.

С таким губернским жандармским управлением я впервые столкнулся в Сувалках, будучи командиром полка: жестокое обращение с солдатами со стороны некоторых офицеров было мне передано не в слу-

жебном порядке, а через посредство органа министерства внутренних дел. Но более опасная сторона выявилась при другом случае. После верховой езды в Сувалках я обычно шел вместе с офицерами полка пешком через город в собрание на завтрак. Полковник губернского жандармского управления донес об этом генерал-губернатору в Варшаву и вызвал там впечатление, будто офицеры во главе с командиром полка ходят со стеками в руках вызывающе по городу и раздражают население. Дело это сошло без последствий. Генерал Гурко передал этот донос в Вильну моему главнокомандующему, который, в свою очередь, потребовал рапорт от меня. На этот раз наказан был жандармский полковник, которого полк бойкотировал и который вскоре был переведен.

В Киеве образчиком такого отрицательного назначения — был генерал Новицкий, к которому Драгомиров относился совершенно справедливо с презрением. Это был патентованный «жандарм-доносчик», из любви к искусству собиравший сплетни, которые ему служили матерйалом для доносов, когда по существу не о чем было доносить и проявлять усердие. Ремесло это вошло до того в плоть и кровь его, что Новицкий и в отставке не мог обойтись без доносов, но преимущественно, конечно, анонимных, а правильнее — полу-анонимов, так как характерный почерк выдавал автора; именно подобного свойства люди, как Новицкий, составили незавидную репутацию корпусу жандармов, несмотря на то, что в его рядах было много людей, заслуживающих уважения и правильно понимавших назначение этого учреждения, снабженного исключительными полномочиями.

Мне передавали, что на каком-то большом обеде, во время закуски, генерал Новицкий подошел к Драгомирову, с рюмкой в руках, чтобы выпить за его здоровье.

Михаил Иванович, с улыбкой, добродушно на это ответил:

— «Пьете за мое здоровье, а потом донесете кому следует, что командующий пьянствует».

О чем Новицкий действительно и доносил.

Опасная сторона полномочий, предоставленных корпусу жандармов, заключалась в том, что для осуществления идеальной мысли пришлось иметь дело, не только не с идеально чистым личным составом, но зачастую и с сомнительной репутацией. Людей с таким благородным характером, как генерал Джунковский, который некоторое время стоял во главе корпуса жандармов, — было не много.

Первоначально, при разделении третьего отделения, при императоре Александре II — образован был корпус жандармов в виде органа для надзора за деятельностью чиновников и офицеров в роли начальников. Чины этого корпуса должны были ограждать подчиненных от злоупотреблений и превышений власть имущих. Для этого они должны были составлять мнения о характере и жизни чиновников; а так как большинство самих жандармов было далеко не высокой нравственной марки, — то они и развивались преимущественно в сторону сыска, совали свой нос в жизнь частных лиц, сколько нибудь заметных в обществе. Как начальник громаднейшего корпуса офицеров, я находил деятельность жандармов особенно вредною и унизительною.

При большом недостатке офицерского состава мысль о сохранении

надежных офицеров в строю вполне понятна. При поступлении и увольнении офицеров приходилось обращать внимание на их политическую благонадежность. Но данные на этот предмет находились не в руках командиров полков, а в жандармских управлениях — и редко когда начальнику части удавалось совершенно доверительно ознакомиться с подлежащим материалом. Мне известны были случаи ухода из полков прекраснейших офицеров, вследствие совершенно недостоверных сообщений министерства внутренних дел войсковому начальству, о подозрении в принадлежности известных офицеров к враждебным правительству партиям. Хотя подобные сведения сообщались секретно, но тем не менее они делались известными в офицерском кругу, и в результате, при полнейшей неосновательности подозрений, ни в чем неповинные офицеры покидали полки.

В каком бесправном положении мог очутиться офицер в этом отношении, можно судить по следующему случаю в декабре 1908 г.

Штаб корпуса жандармов сообщил начальнику штаба гвардейского корпуса неблагоприятные сведения о поручике л.-гв. 3-го финского стрелкового баталиона Бернере. Без всякого серьезного основания его перевели в 155 пехотный Кубанский полк. В новом полку кое-что стало выясняться, и Бернер ходатайствовал о производстве следствия в полку. Это последнее завершилось полнейшим оправданием и вызвало резкий протест полка против применения подобного способа действий. Корпус жандармов стал, однако, на точку зрения, — что официальное расследование его секретных сообщений недопустимо.

В этом смысле циркулярно и было сообщено начальникам штабов округов!

Как командующий войсками Киевского военного округа, я имел уже случай переговорить с министром внутренних дел о подобного рода делах и свой взгляд по этому поводу высказать. Как военный министр, обратился я тогда к П. А. Столыпину с просьбой, по этим вопросам, в каждом данном случае, всесторонне расследовать агентурные сведения, до их дальнейшей отправки военным властям.

По взаимному соглашению, для избежания трений между полицией и армией, решено было командирование в мое распоряжение отдельного жандармского штаб-офицера. Он должен был докладывать мне непосредственно поступающие в министерство внутренних дел сведения о политической неблагонадежности офицеров, не предпринимая никаких следствий до моих распоряжений.

При этом опыте проявилась еще новая теневая сторона жандармских чинов. Столыпин предоставил мне самому избрать этого штаб-офицера. Выбор мой остановился на полковнике Горленко, который произвел на меня хорошее впечатление. Командированный в помощь Финляндскому жандармскому управлению по поводу брожения среди находящихся там войск, он собрал богатый материал.

Горленко оригинально принялся за выполнение данного ему поручения, об'единив его с личной охраной особы военного министра. Когда он для этого потребовал специальных агентов, — я вынужден был отказаться от его услуг и, переговорив по этому поводу с министром внутренних дел, — просил пока остановиться на личном моем сношении непосредственно с товарищем министра внутренних дел. Хотя таким путем

получилась возможность получать своевременно сведения о результатах исследований, но вследствие неимоверного обилия работы у нас обоих, — с этим связаны были и громадные неудобства.

Позднее я решил взять для этого подполковника Мясоедова. Я ценил в нем гражданское мужество, которое он проявил в отношении департамента полиции, по одному делу в военно-окружном суде Виленского военного округа. Но и в нем я ошибся.

Попечение о личной охране высокопоставленных лиц было одним из моментов, более всего способствовавших деморализации корпуса жандармов.

Если это касалось генерала, губернатора или министра по натуре робкого, трусливого, то такой жандарм очень скоро прибирал в свои руки службу и сношения опекаемого им лица.

В отношении публики у жандармов не существовало никаких преград. Не было больше оснований, которые препятствовали-бы бессовестному полицейскому господину проникать в самые интимные стороны частной жизни людей.

Тем не менее я не имел возможности парализовать вредное влияние жандармов. Требовалась большая реформа всего государственного аппарата, — чтобы явилась возможность отказаться от корпуса жандармов. Затрагивалось при этом так много интересов правительственного надзора, что я не видел возможности провести хотя-бы частичную реформу и вынужден был работать совместно с этим несовершенным инструментом.

Моя историческая задача (1905—1915)

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

После японской войны (1905-1909)

Глава XVIII

Состояние армии в 1905—1918 г.г.

План кампании Куропаткина. Разложение армии. Донесения главнокомандующего Государю. Заседание 28 февраля 1905 г. Мой критический доклад Государю. Первоначальный план вел. кн. Николая Николаевича. Торжество Николая Николаевича. Совет госуд. обороны и военный министр. Две головы. Дальнейший развал. Генерал-инспекторы и командующие войсками. Непосредственный доклад осенью 1908 г. Мое назначение начальником Генерального Штаба. Прощание с Киевом.

Вместо Куропаткина военным министром назначен был генерал Сахаров, у которого я видел план предстоявшей кампании на Востоке. Вернее было-бы назвать это конспектом хода военных действий, в котором Алексей Николаевич детально разработал все периоды кампании, до отдельных эпизодов включительно.

Последовательно, шаг за шагом, он двигался вперед, переносил операции на Японские острова и кончал лаконической, эффектной фразой: «Пленение Микадо!»

В состав штаба маньчжурской армии вошел и старший адьютант инспекторского отделения Киевского окружного штаба. Вернувшись в Киев по окончании войны, полковник Медер мне передавал, — что при отступлении от Мукдена ему пришлось ехать верхом рядом с Куропаткиным. Вспомнив курские маневры, — он ему сказал: «Нет со мной Сухомлинова!»

Едва-ли я мог быть ему полезен; Драгомиров был прав, находя, что ему нужен не начальник штаба, а именно Скобелев.

Что по этому, составленному на берегах Невы, — росписанию, воевать не пришлось, — я мог судить по всему тому, что мне приходилось сверх всякого росписания отправлять из Киева в Маньчжурию.

После того как ушли десятый корпус и третья стрелковая бригада,

я отправлял, как в бездонную бочку, одну сотню за другой, штабы, офицеров и даже целиком весь контингент солдат 1905 года. Это привело к тому, что личный состав у меня совсем расстроился и я вынужден был 16-ротные пехотные полки превратить в 8-ротные.

В полках оказывалось всего по 10—12 офицеров, вместо 60.

Что касается обмундирования и снаряжения, — то все отправлялось на Восток и все цейхгаузы и склады очистились.

При непрерывно увеличивающемся недостатке личного персонала и нарушении нормальной дислокации, могло получиться, напр., такое положение войсковой части.

33 пехотная дивизия была командирована из Киева на Кавказ; для пополнения Киевского гарнизона пришлось перевести полки из других корпусов, — Ровно, Дубно и Луцка. Семьи и все имущество 33 пехотной дивизии оставалось в Киеве; в таком-же точно положении оказались и полки, переведенные в Киев, весь инвентарь которых остался в местах их постоянного квартирования. Можно себе представить, какая вследствие этого получилась-бы путаница, если-бы понадобилась мобилизация, — если к тому-же запрещено было изменять мобилизационное росписание.

В подобном-же положении находились многие войсковые части и других округов.

Внутреннее состояние полков было довольно плачевно: ни сапог, ни обмундирования, ни запасов, ни обоза на лицо не имелось. По окончании войны войска принесли с восточно-азиатского фронта значительные экономические суммы, образовавшиеся от довольствия, так называемыми «дикими продуктами». Но по настоянию министра финансов последовало распоряжение, — в интересах государственного хозяйства — суммы эти отнять; вследствие этого войска не могли уже собственными средствами помочь делу восстановления недочетов. Тяжелые материальные потери требовали пополнения после заключения мира. Вследствии политического движения, взбудоражившего страну, исполнение этой задачи крайне затруднялось. Упавший воинский престиж надо было восстановить, если Россия дорожила своим положением сильной державы среди остальных европейских государств.

В таком положении мы должны были лицезреть, как вооружение наших соседей ежедневно росло и количество боевого материала увеличивалось. Опасность возникновения европейской войны казалась нам поэтому для государства особенно чреватой последствиями. Настоятельным долгом нашим было поэтому принять все меры к восстановлению боеспособности наших вооруженных сил. Командующие войсками без всяких прикрас доносили о состоянии вверенных им войск, — точно так, как и я заявлял об опасности упадка дисциплины в рядах возвращающихся из похода. Сильно колебалось доверие к войскам и среди населения.

Осенью 1904 г. я имел случай докладывать Государю в Царском Селе о последствиях Маньчжурской кампании в западных округах. Он был глубоко потрясен, потому что я ему подтверждал то, о чем он знал из других округов, в особенности из Вильны и Варшавы.

* * *

После того, как оправдалось Драгомировское мнение о необходимости Скобелева для полководческих экспериментов Куропаткина, — 28 февраля 1905 г. у Государя в Царском Селе состоялось совещание. Участвовали в нем: великие князья — Алексей Александрович и Николай Николаевич, Драгомиров, граф Воронцов-Дашков, Фредерикс, Гессе-Рооп, Комаров (Кушкинский) и я.

Для всех нас было ясно, что Куропаткина оставлять в должности главнокомандующего Маньчжурской армией, потерпевшей решительное поражение, — совершенно невозможно. Никаких продолжительных дебатов поэтому и не было. Беспощаднее других высказался в этом смысле великий князь Алексей Александрович, задетый, повидимому, тем, что заменили адмирала Алексеева — сухопутным генералом, — провалившим наше дело на Востоке.

Это был тот единственный случай, когда мне пришлось участвовать в деловом заседании вместе с генерал-адмиралом. Своей величественной фигурой он напоминал коронованного брата, императора Александра III. Известный художник Маковский в таком именно роде рисовал своих русских бояр. По характеру это и был настоящий великорусский боярин, отдававший должную дань кулинарному искусству и к черной работе влечения не имевший. Что касается боярского самолюбия, то у него его было достаточно, — оно и было задето предпочтением Куропаткина его подчиненному адмиралу.

Что касается Драгомирова, то его ироническое слово являлось следствием не удостоившегося внимания его предсказания о сомнительности полководческих дарований Куропаткина.

Со свойственным ему юмором Михаил Иванович высказался в том смысле, что раз дело было проиграно бесповоротно, требовалась лишь ликвидация, которая в окончательной форме в конце концов и поручена была графу Витте.

В начале 1905 г. Государь передал мне проект реорганизации армии, народившийся по инициативе великого князя Николая Николаевича.

Государю угодно было знать личное мое мнение об этой реформе.

* * *

Было это на масляницу, и, передавая проект, Государь назначил мне доложить о нем в понедельник, в первый день великого поста. Когда я в назначенный день приехал в Царское Село, то экипажа придворного за мной не выслали, как это обыкновенно делалось. Пришлось взять извозчика, которому я сказал: «Во дворец».

Он меня и привез в большой дворец, где швейцар спросил, к кому я приехал. Когда-же я ему ответил, к кому, то он очень удивленно на меня посмотрел, потому что я к тому-же, по приказанию Государя, приехал просто в сюртуке, а не в парадной форме.

Услышав то, что я сказал швейцару, извощик ударил по коню, и мы помчались в Александровский дворец, в котором жил Государь. Швейцар-же, заподозрив что-то неладное, очевидно, дал знать об этом по телефону и когда я под'езжал к воротам Александровского дворца, то извощика моего остановили и я был окружен дворцовыми городовыми, околодочными и часовыми. Начался допрос, и мне было заявлено,

что Государь говеет, никого не принимает и меня просят в комендантское управление.

Со всей своей провинциальной храбростью я заявил тогда, что ни в какое комендантское управление не поеду, повеление быть в три часа я получил лично от Государя, теперь уже без 5 минут три и я прошу сейчас же доложить Его Величеству, что генерал Сухомлинов прибыл, но его не пропускают во дворец. После этого ворота были раскрыты, два здоровых городовых взяли лошадь под узцы, и весь кортеж, с охраной дворцовой, направился к под'езду. Инцидент этот обратил на себя внимание во дворце, вышел в красной ливрее швейцар и затем дежурный генерал свиты Орлов, командир л.-гв. Уланского ее величества полка и мой ученик по Николаевскому кавалерийскому училищу.

Я ему рассказал, в чем дело, и он пошел доложить Государю, а меня пригласили в приемную. Через несколько минут вышел ко мне Государь, от души хохотал и извинялся, что ожидая меня в этот день, забыл только предупредить дежурство.

* * *

Проект великого князя предусматривал образование Совета Государственной Обороны с особыми полномочиями. Военное министерство, соответственно германскому образцу, подлежало разделению, и военному министру отводилась роль управляющего частью военного ведомства, но не исполнительного органа Государя, как верховного вождя армии. Соответственно этому, право личного доклада у Государя было значительно расширено и предоставлено начальнику Генерального Штаба и всем инспекторам отдельных родов оружия; у военного-же министра осталось ведение хозяйственными вопросами и личным составом.

Проект великого князя способствовал не устранению господствовавшего непорядка в армии, — но прямым путем вел к анархии сверху, — к неизбежному результату столь многоголового управления и отсутствия у Государя одного ответственного лица, каким был военный министр. Проект в основании своем был в духе разложения, а не собирания, он был последовательным продолжением мании неспособных вождей, при помощи военных советов и комиссий, слагать с себя ответственность на большее или меньшее число подчиненных лиц. Это было новое вторжение демократии в дело аристократического строения войсковой жизни, а потому и покушением на армию.

Все это я совершенно откровенно высказал Государю, не утаивая ни одной моей мысли по этому поводу и предостерегал его следовать по пути, указываемому великим князем: при изобилии предстоящих личных докладов ему придется или посвятить все время исключительно армии и все остальные свои обязанности оставить в стороне, или же он сам скоро потеряет способность разбираться в общей массе докладываемых ему дел и в критические минуты не будет знать, к кому обратиться, на кого положиться.

После этого доклада Государь согласился с моими соображениями.

Казалось, что его величество убедился вполне в непригодности проектируемой реорганизации и находя лишь, что желательно бы ввести некоторые изменения в устройстве Генерального Штаба, согласно имев-

шейся у него записки нашего военного агента в Германии князя Енгалычева, — спросил меня, кто мог-бы эту работу выполнить.

Я указал на начальника канцелярии военного министерства генерала Редигера, у которого был в подчинении кодификационный отдел и сам он профессор администрации, поэтому, как мне кажется, человек для такой работы самый подходящий.

Государь так и сделал, — Редигеру поручена была разработка этого проекта.

Из Царского Села я заехал прямо к военному министру, Виктору Викторовичу Сахарову, — человеку со здравым умом, у которого с великим князем Николаем Николаевичем были хорошие отношения. Я ему передал то, что доложил Государю. Сахаров знал о «прожекте» разделения и находил его пагубным. Оказывается, что это он и выразил в своей записке по этому делу.

Лично мне он сказал, что вполне согласен с моей точкой зрения, потому что курс, взятый великим князем, — это путь «не только в болото, а в настоящую трясину».

Я полагал, что дело приняло правильное направление, — вернулся в Киев и затем уехал в отпуск на юг Франции. Однако, как киевскому генерал-губернатору, мне пришлось вернуться оттуда домой преждевременно. По поводу проекта реформы, о которой была речь в Царском Селе, до меня не доходило никаких слухов, — до тех пор пока однажды, в половине июня 1905 г., в «Инвалиде» не появился высочайший указ, — свидетельствовавший о том, что мнение великого князя восторжествовало над моим. — Указом 8/21 июня нарождался Совет Государственной Обороны «для об'единения управлений армии и флота, равно как и согласования всех ведомств, соприкасающихся с работами по государственной обороне». Кроме того, несмотря на мое предостережение, начальник генерального штаба стал самостоятельным докладчиком, наравне с военным министром. Состоялось, таким образом, разделение военного министерства и приступили к закладке фундамента для постройки Вавилонской башни, — по истечении четырех лет, т. е. раньше того, как я предполагал, — приведшей к полнейшему «смешению языков»: никто друг-друга уже больше не понимал.

Тогда именно, 8/21 июня 1905 г. царь подписал свой смертный приговор. Именно сегодня, после ужасающего, безумного цареубийства в Екатеринбурге в доме Ипатьева, я могу утверждать это без риска быть обвиненным в преувеличении. В эти часы он приносил в жертву свою царскую власть, которую отстаивал в стране и требовал ее защиты в Государственной Думе против демократии; а сотни лучших людей страны пали от рук убийц из за угла, в угоду властолюбия и достижения исключительно личных целей великокняжеской безответственности Николая Николаевича. — С 1905 года, таким образом, армия имела две головы, долженствовавшие вскоре превратиться в полюсы, между которыми неминуемо должны были возникать на петербургской почве интриги политического и личного характера.

В совете государственной обороны, с великим князем во главе, собирались не одни только инспектора многочисленных родов оружия; это было именитое общество безработных великих князей, внедолжностных сенаторов, новых государственных деятелей и других лиц, туда

попадавших. За печатью великого князя исходили оттуда требования, приказы и наставления войскам.

Рядом с советом государственной обороны военный министр оказался лишь кажущимся высшим органом из'явления царской воли, причем, получивший право непосредственного личного доклада у Государя, начальник генерального штаба, с благожелательным для него великим князем за спиной, приобрел такую силу, что бывшая зависимость повернулась в обратную сторону, сравнительно с тем, как это установлено было известным положением раньше. За время от 1905 до 1908 г. г. влияние генерального штаба усилилось еще тем, что Николай Николаевич во главе его поставил своего бывшего начальника штаба, генерал-инспектора кавалерии, генерала Палицына.

Последствием этого тайного деления власти было скверного характера повадка, считаться не с волею царя, — а с тем, какие стремления господствуют в Петербурге в то время, когда люди повлиятельнее домогались влияний на дела, — причем не брезгали пользоваться сомнительного свойства случаями, средствами и лицами.

Таким именно лицом был несомненно и Поливанов, помощник и заместитель военного министра Редигера; именно он продолжительное время в Государственной Думе орудовал против армии, — через такого господина, как Гучков. Если в то время расстройство армии не приняло еще больших размеров и не так быстро подвигалось, — то этим мы обязаны такту генерала Палицына, изучившему требования великого князя и приспособившегося направлять дело по возможности к разумному разрешению.

* * *

Результаты реформы стали явно проявляться в повседневной жизни строевых частей — повсюду. Кроме командующих войсками по округам, длительно раз'езжали семь самостоятельных инспекторов, — «няньки всяких родов оружия, между собой не столковавшиеся, несмотря на свою принадлежность к совету государственной обороны; вследствие этого происходили неприятные недоразумения.

Между местными командующими войсками и инспекторами «нянька-ми», как в армии их называли, — не обходилось без трений и разногласий, причем и войска, которые должны были служить двум господам, часто чувствовали это на своей спине.

10-й кавалерийской дивизией в Харькове командовал мой однополчанин по л.-гв. уланскому его величества полку генерал Веревкин, раньше у меня в дивизии командовавший Ингерманландским гусарским полком.

По просьбе его, сделать смотр бывшей моей дивизии, — я приехал в Ахтырку; полки оказались в прекрасном состоянии и с полевой подготовкой — выше похвалы.

День, проведенный с бывшими моими близкими сослуживцами, с которыми я провел подряд три таких специальных сбора, доставил мне громадное удовольствие. Общий товарищеский обед прошел оживленно, чувствовалась всеми дружная, кавалерийская семья, и никому в голову не приходило, что на другой день не станет начальника дивизии, — больше всех, конечно, радовавшегося удачному смотру.

К вечеру, когда я уезжал, подошел поезд, в котором неожиданно

прибыл генерал-инспектор кавалерии, Остроградский. Я ему сказал, что делал смотр дивизии, нашел ее в блестящем порядке и думаю, что после этого может быть было-бы благоразумнее второго смотра непосредственно за моим не делать. Погода стояла очень жаркая, лошади и люди утомились и заслуживали отдых.

Но самостоятельный инспектор, не подчиненный даже военному министру, моим доводам не внял и на другой день закатил утомительный смотр.

При таких сверх-начальственных условиях этот смотр — ради смотра, а не пользы дела, — завершился жертвою.

К концу этого второго смотра, от солнечного удара выбыл из строя генерал Веревкин, скончавшийся к вечеру. Совершенно зря погиб один из лучших начальников дивизий в округе, — введенная в 1905 г. сверх-организация могла торжествовать!

На левом берегу Днепра, под Киевом, рядом с артиллерийским полигоном, расположено было лагерем Киевское военное училище. Самостоятельные распоряжения генерал-инспектора артиллерии нарушали иногда интересы училища; но самостоятельно разбираться в таких случаях я не мог.

Главный начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович, с своей стороны, заявлял о препятствиях для полевых занятий юнкеров, которые все возростают, благодаря неудобному соседству и не знающему предела аппетиту по захвату местности для упражнений. А что-же мог я сделать, при том автономном начале, которое было установлено в 1905 году?

Утром, во время одного доклада, — вошел в мой кабинет дежурный адьютант и доложил, что приехал генерал-инспектор пехоты Зарубаев. Я принял его и в тот-же день поехал отдавать ему визит, — правда, уже под-вечер, — так как весь день был занят. Оказалось, что он уже уехал, пробыв всего несколько часов в Киеве, успев, однако, в лагере на Сырце дать несколько указаний, расходившихся с принятыми в округе порядками.

Через несколько времени получаю письмо от военного министра Редигера, в котором он мне сообщает, что в заседании знаменитого совета обороны Зарубаев заявил, будто командующие войсками не признают инспекторов и Киевский командующий не отдал ему даже визита.

Отвечая Редигеру и об'ясняя, как было дело, я просил его совета, как мне быть с теми указаниями генерал-инспектора пехоты, которые он дает, не считаясь с моими распоряжениями, общими для всех родов оружия в округе.

Как вершились дела через четыре года после преобразования в Петербургских центральных управлениях, — образчиком может служить следующий случай:

В начале 1908 года я получил от начальника генерального штаба уведомление о том, что решено возведение укрепленного лагеря у Дубно, где имелся одинокий форт, который будет усилен, и о таком высочайшем повелении мне сообщается.

Одновременно почти с этим, по высочайшему-же повелению мне пишет военный министр, что форт Дубно предназначен для перестройки

его казарм под дисциплинарный батальон, а как крепостное сооружение форт упраздняется.

В этом роде было не мало всяких курьезов.

* * *

Осенью 1908 г. для всех было ясно, кто только желал это видеть, к чему дело клонилось.

Для восстановления армии не только ничего не было сделано, — но скорее всего стало хуже, нежели в 1905 г., так как командной власти грозила опасность полнейшего расстройства. — Поэтому было полнейшею неожиданностью обнародование высочайшего рескрипта великому князю Николаю Николаевичу с высочайшей благодарностью за его плодотворную деятельность в должности председателя совета государственной обороны; в виду-же предстоящего пересмотра положения о совете государственной обороны и реорганизации военного ведомства — великий князь от настоящей должности освобождается. Крыса покинула тонущий корабль!

Редигер пытался еще спасти корабль военного ведомства, который со своими дефектами в конструкции никогда годным для плавания быть не мог. В сентябре 1908 г. совет министров собрался, — я думаю в последний раз —, обсудить вопрос о реорганизации совета государственной обороны. По предложению военного министра Редигера членами совета государственной обороны не могли быть назначаемы старые генералы из строя, превысившие 50-летний возраст. На решение совета должны были поступать все проекты реформ морского и военного ведомств, равно как и все планы возведения крепостей и постройки укрепленных пунктов. Во главе совета должен был стоять военный министр, морской министр или председатель совета министров . . . . . Какая участь постигла этот проект, — я не знаю . . . .

В Киеве, когда ко мне приезжали товарищи из Вильны, Варшавы и Одессы, или Палицын, — мы часто толковали о положении высшего управления армии; равно как и с великим князем Константином Константиновичем я часто обменивался мнениями и от всех их узнавал в деталях о том, до какой степени развала мы дошли.

После одного из таких свиданий я решил воспользоваться правом личного доклада.

* * *

В ненастную погоду ноябрьского дня, проезжая вдоль болот, окружающих столицу и стоя у окна вагона с моим начальником канцелярии Неверовым, — мы говорили о том, какой контраст в природе и климате с нашим милым Киевом. Оба мы мечтали о том, что управимся поскорее с делами и, возвращаясь, на мосту через Днепр, будем любоваться живописным видом Киева на высотах, в зелени и высящимися золотыми куполами Киево-Печерской лавры, монастырей и соборов.

И в голову мне не приходило, какой удар готовился мне в Петербурге.

Личный доклад, который я хотел сделать, оказался излишним. На вокзале меня встретил адъютант военного министра, генерала Редигера, с просьбой последнего сейчас-же отправиться к нему.

Редигер передал, что Государь ждет меня на другой-же день, и я

был очень поражен, что мне предложено будет принять должность начальника генерального штаба. Положение дел было, очевидно, скверное. В моем прекраснейшем служебном положении в Киеве, можно сказать безусловно лучшем в России, это было такое неожиданное и неприятное обстоятельство, что я пришел в полное отчаяние и решил отказаться.

На следующий день я был в Царском Селе. Государь встретил меня исключительно ласково и, глядя в упор своими добрыми глазами, — сказал:

— «Как я рад, что вы приехали. Сколько раз я вспоминал о вас и о том, как вы были правы, Владимир Александрович. Действительно, вышло так, что все перепуталось, и я прошу вас принять должность начальника генерального штаба, — надо нам распутаться».

Я пытался избегнуть этой служебной перемены, во всех отношениях для меня лично не улыбавшейся.

Не говоря уже о громаднейшей разнице в условиях материальных, из хозяина самостоятельного приходилось переходить в работника зависимого — от военного министра. Критикуя проект великого князя Николая Николаевича, я именно указывал на те последствия, которые и оправдались, относительно розни в работе и водворения сумбура в военном ведомстве. Дело, налаженное и для меня симпатичное, в прекрасных климатических условиях юго-западного края, предстояло променять на работу среди придворных интриг, человеку, за 10 лет отсутствия из Петербурга утратившему всякую связь с жизнью столицы.

— «Я знаю», говорил мне Государь, «это для вас из попов в дьяконы, — но я прошу все-таки вас на это согласиться, а во мне вы найдете во всем поддержку. Ваше трудное положение я вполне понимаю, но здесь в столице можно добиться того, чего не сделаешь в провинции».

Я ответил на это его величеству, — что перемену мне предстоящую считаю переходом даже из попов в дьячки, а не в дьяконы, — но не могу допустить, чтобы Государь меня просил, а повеление высочайшее не исполнить считал бы для себя преступлением.

Соглашаясь, таким образом, — я поставил лишь со своей стороны одно условие, что хотя в свое время генерал Редигер проходил курс академии, а я был уже в составе ее администрации и он, следовательно, был моим подчиненным, — тем не менее с принятием должности начальника генерального штаба — я прошу меня подчинить военному министру.

Государь так был рад исходу этого дела, что имел вид человека, у которого с плеч гора свалилась, — он согласился, но поставил с своей стороны условие, чтобы раз в неделю, по вторникам, я делал ему доклады в присутствии военного министра. Пришлось с этим в свою очередь согласиться, но я доложил тогда:

— «Слушаю, ваше величество, я буду докладывать военному министру в вашем присутствии».

Из Царского Села я проехал прямо к начальнику генерального штаба, генералу Палицыну, — которому сообщил о состоявшейся служебной перемене для нас обоих, поспешил с приготовлениями по принятию штаба и вернулся в Киев для сдачи там моей должности. Преемником моим по должности командующего войсками был Николай Иудович Иванов по протекции великого князя Николая Николаевича. Должность генерал-губернатора получил Ф. Ф. Трепов.

Как грустно было возвращаться с таким результатом этой моей поездки, — нечего и говорить. В Киеве я чувствовал себя прекрасно, как в служебном. так и общественном отношении.

Теперь-же надо было спешить и отправляться к новому месту службы. Новые обязанности уже заносили свою руку с кнутом надо мною.

Доходили до меня слухи, что собираются устроить громадные проводы, поэтому я просил ничего не устраивать и решил в ближайшее воскресение в последний раз помолиться в своей домовой церкви и в тот-же день уехать.

Так я и сделал, — но тем не менее депутации наполнили весь громадный зал перед церковью, а в вагоне у меня сложен был целый склад адресов, дополненный еще одним на станции Сарны, последней в округе, где крестьяне, не поспевшие в Киев, приехали на эту станцию, чтобы проститься со мной.

Глава XIX

Начальник генерального штаба

Мои задачи, как начальника генерального штаба. Принятие должности. Личные и деловые затруднения. Положение Куропаткина. Вопрос о командовании западным фронтом. Из дневника Куропаткина. Николай Николаевич — главнокомандующий на немецком фронте. Куропаткин — на австрийском. Сахаров — начальник генер. штаба. Политическое положение России. Царь — верховный главнокомандующий в европейской войне. Борьба Куропаткина за свою независимость. Его двухмесячный отпуск. Основная ошибка Куропаткина, желание быть заранее в мирное время главнокомандующим. Изобилие личного состава. Мои памятные заметки 1909 г. Полевые укрепления или постоянные крепости. Мнение профессора Витмера. Генерал Величко о финансовых требованиях на крепости. Слишком много крепостей и мало денег. Зарождение нашего автомобильного дела генералом Секретевым. Военный министр Редигер признает банкротство армии в марте 1909 г.

Реформой 1905 г., как я уже пояснял, генеральный штаб был из военного министерства выделен в отдельный орган, глава которого, начальник генерального штаба, получил право самостоятельного, независимого от военного министра доклада у Государя. Пытались в этом отношении подражать прусской организации, — упуская самый смысл таковой, так как вопрос личного состава остался в руках военного министра, — тогда как в Пруссии для этого имелся специально военный кабинет. У нас-же такового не существовало. Этим, в основание всей этой организации, заложено было начало разложения, с которым такой положительный человек как Палицын, — справиться не мог. В действительности вся его работа по существу оказалась в полной зависимости от инициативы и импульса совета государственной обороны, — который, однако, ничего не делал!...

Как начальнику генерального штаба, — мне подчинены были следующие подразделения его главного управления:

отделение генерал-квартирмейстера, с четырьмя генерал-квартирмейстерами;
разведывательное отделение;
топографический отдел;
мобилизационный отдел;

отдел военных сообщений и железных дорог.

Кроме того в ведении начальника генерального штаба находились: Николаевская академия генерального штаба, офицеры генерального штаба и корпуса топографов, касательно их образования, — а также технические и железнодорожные войска.

На обязанности начальника генерального штаба лежали: работы по подготовке к войне; — об'единение работ штабов военных округов, руководство научными военно-литературными работами генерального штаба; — надзор за развитием и усовершенствованием всех отраслей службы войск; содействие распространению военно-научных познаний в армии; сообщение директив начальнику военного транспорта по части организации и снаряжения войсковых обозов в мирное и военное время; сообщение директив начальнику топографического отдела как о производстве с'емок, так и снабжения войск картами в мирное и военное время; наставление по службе обозных войск мирного и военного времени; направление деятельности Николаевской академии генерального штаба. Кроме того на обязанности начальника генерального штаба лежало составление проектов больших маневров в присутствии Государя и, по обсуждении вместе с военным министром, доклад о них Государю.

Прием и сдача этого столь крупного управления с деловой и формальной стороны происходили весьма просто: Палицын передал мне ключ от своего порожнего письменного стола и, когда я попросил его дать мне программу работ по обороне, — он трагически указал пальцем на свой лоб!

Таким образом, не о чем было и говорить! Никакого плана обороны, никаких проектов реорганизации ...... и это через четыре года после неудачной войны!

Мое назначение на его место Палицын принял довольно равнодушно. По его словам, он ожидал нечто в этом роде, — но совершенно отказывается понимать, как я мог согласиться на подобную перемену.

«Вы представить себе не можете, какой кабак был на последнем заседании совета государственной обороны!» — обиженным тоном сообщал он . Великий князь Сергей Михайлович после того подтвердил мне, что, действительно, травля, которой подвергся начальник генерального штаба, скандал, устроенный Палицыну, уподобился «кошачьему концерту»!

И это в заседании под председательством великого князя Николая Николаевича!

* * *

Несмотря на то, что я был тогда противником состоявшейся реорганизации, — я тем не менее счел возможным принять должность, в которой я добровольно подчинился-бы власти военного министра, ибо таким образом осуществлялось требование об'единения в одних руках деятельности военного ведомства. На этом я энергично настаивал и заявил, что ни под каким видом не буду докладывать Государю в обстановке моего предшественника; но так как его величеству угодно слушать мои доклады, то только то, что я предварительно доложу военному министру и им будет одобрено, в его присутствии я буду докладывать Государю.

Так оно и состоялось в действительности, причем генерал Мышлаевский помог мне в подборе материала, — который мог-бы служить основанием для образования нового главного управления генерального штаба.

* * *

После того, как я ознакомился с ходом дел моего нового ведомства и просмотрел незначительное количество исполненных работ, — мне стало ясно, что для создания мощного, работоспособного генерального штаба потребуется едва-ли менее десяти лет. На одном из докладов я об этом и заявил военному министру, — добавив, что буду счастлив, если в этот срок мне удастся выполнить такую задачу. Для успешного проведения опыта было, разумеется, необходимо, чтобы не только Государь не изменял своего решения, противного великому князю, — но чтобы и военный министр употребил всю свою энергию, какая требовалась для проведения и реорганизации столь расшатанного аппарата, каким в 1908 году было военное ведомство.

До самого возникновения войны царь был, повидимому, на моей стороне, — но, как оказалось, именно только повидимому. Что-же касается генерала Редигера, то в нем я, конечно, разочаровался.

Чтобы дать понятие о том, с какими внутренними трудностями приходилось иметь дело каждому начальнику генерального штаба, а тем более каждому военному министру, в период времени до японской войны и после нее, мне приходится добавить здесь еще кое что.

Чисто деловая работа по реформам затруднялась личными влияниями, устранять которые мог лишь сам Государь. Вследствие этого зачастую самые важные решения нарождались именно не с деловой точки зрения, а под влиянием личных воззрений. Пока Куропаткину, этому необычайно прилежному человеку, удавалось упрочить в Государе известное направление, причем сам он оставался исключительно влияющим лицом, — деловые интересы армии совмещались с таковыми-же личными. Куропаткинское честолюбие или, вернее, тщеславие, — вызвало в нем желание ликвидировать недоразумение на Дальнем Востоке. Для этого он поставил на карту все, что им только хорошего для армии было сделано, и личные побуждения, таившиеся в Государе и его дяде, великом князе Николае Николаевиче, взяли верх над деловыми потребностями армии.

Характер Государя затруднял проведение деловых потребностей. В корне личного влияния являлся вопрос о назначении главнокомандующего, на случай европейской войны. До возникновения японской кампании и вплоть до назначения Куропаткина главнокомандующим в Маньчжурии, — считалось решенным делом, что Государь станет самолично во главе армии, — с самостоятельным начальником штаба, для ведения операций. Таковым начальником штаба предназначался генерал Сахаров.

Уже в начале настоящего столетия европейская война означала занятие определенной позиции против Германии, Австро-Венгрии и одного или многих балканских государств. В 1902 г. этот фронт в Куропаткинской разработке делился на северо-западный (так называемый «немецкий фронт») и южный фронт (так называемый «австро-румынский фронт»).

Первым должен был командовать великий князь Николай Николаевич, — вторым — Куропаткин. Великий князь выбрал на должность своего начальника штаба Палицына, а Куропаткин — меня.

Борьба, которую Куропаткин вел для проведения своих идей, при сопоставлении с моей личной борьбой, — так интересна и для выяснения моего положения в должности начальника штаба так важна, — что я здесь помещаю несколько выдержек из дневника Куропаткина, появившегося в печати.

Куропаткин пишет 17/30 ноября 1902 г.:

«Приехал в Петербург из Крыма 10 ноября. 12 ноября был у великого князя Николая Николаевича. Сидел 2 часа. Все время обсуждали исполнение воли Государя, дабы в случае войны Николай Николаевич был главнокомандующим войск германского фронта, а я главнокомандующим войск австро-румынского фронта.

Николай Николаевич говорил мне, что им получено письмо Государя, в котором значилось это предназначение, причем войска фронта, которыми я назначаюсь командовать, названы австро-румынским фронтом. В том же письме значилась воля Государя, чтобы и при этих назначениях высочайше утвержденное расписание № 18 осталось без перемены, с тем, чтобы изменения в плане действий, кои признает сделать нужным великий князь, отразились-бы лишь на расписании № 19. В письме указывалось, что Государь передал мне свою волю, дабы командующие войсками в округах были поставлены в известность о сих важных решениях Государя. По этому вопросу великий князь высказал мнение, что лучше, чтобы сам Государь лично сообщил им об этом свою волю.

Мы обсуждали вопрос и о том, пускать-ли В. В. Сахарова в Одесский военный округ или задержать его в главном штабе, дабы Государь мог иметь в нем надежного начальника штаба верховного главнокомандующего. Условились, что надо задержать. Николай Николаевич сказал мне, что на должность начальника своего штаба он преднаметил Палицына: я его давно знаю, и мы друг друга дополняем. Я для этой должности наметил генерала Сухомлинова.

Наиболее тревожит меня предвзятость, повидимому, мнения Николая Николаевича относительно того плана, который он предложит Государю, по получении по его приказанию плана, ныне принятого по расписанию № 18. Я указывал князю, что не позволит-ли он мне с Сахаровым, в присутствии Палицына, ознакомить его самым подробным образом со всеми нашими расчетами и соображениями, на основании коих принят план № 18, что тогда он увидит лучше, что, по его мнению, следует переменить. Но Николай Николаевич стоял на своем, что ему этого не надо, как-бы указывая, что решение его уже принято. Я всего более боюсь, что это будет решение для нас невыгодное — отдать без борьбы весь передовой театр и, не принимая боя на Нареве или у Белостока или Червоннборской позиции, отступить к Барановичам или Минску.

31 декабря (13 января) 1902/3.

Говорил Государю, что сделано по записке Обручева 98 года об организации главного штаба. Все принято к сведению и выполняется, но вместо одного генерал-квартирмейстера я имею двух. Не окончил реформу за неотпуском денежных средств. Окончим теперь. Говорил о необходимости поднятия должности начальника главного штаба. О его участии в стратегических докладах. Государь при-

бавил, что он теперь желает чаще его видеть, ввиду нового его положения в будущем, как начальника штаба верховного главнокомандующего. Я воспользовался этим случаем и с обычной откровенностью высказал мнение, что если Государь желает, чтобы между мною и Сахаровым сохранились добрые отношения, — что надо для дела, — то необходимо, чтобы в главном штабе не производилось никакой секретной от меня работы. Что пока я по закону начальник, подчиненные мне органы и лица не могут вести секретных от начальника дел. Что другое дело, если Государь по должности Сахарова, начальника штаба верховного главнокомандующего, поручит ему то или другое секретное от меня дело. Тут, даже если бы при Сахарове для сих работ имелся особый штаб, я ничего не могу иметь, но в главном штабе таких работ секретно от меня производить нельзя. Я прибавил, что ныне облеченный доверием Государя и призванный в случае войны к должности главнокомандующего австрийско-румынского фронта, я сам просил бы Государя, чтобы по некоторым вопросам, чтобы не быть судьей в собственном деле, — выслушать отдельно Сахарова. Тогда Государь успокоил меня, что он не даст повода нам поссориться, и указал, что именно по моему новому предназначению от меня не может быть секретов.

5 (18 января 1903).

Вчера был у меня первый доклад у Государя в этом году и первый доклад во второе пятилетие моего министерского служения. Представил Государю подробный отчет о том, что нами сделано в минувшее пятилетие, дабы сообразно с новыми указаниями сообразить и наши денежные требования на пятилетие 1904—1908 годов. Усиленно доказывал Государю, что политическое положение Европы за это пятилетие стало тревожнее, что возможность европейской войны стала вероятнее и что нам надо спешить возвратиться на забытый за делами Дальнего Востока Запад. В числе причин делающих положение более тревожным, я отметил:

1. Ослабление России на Западе вследствие расхода огромных средств на Дальнем Востоке.

2. Активная политика на Дальнем Востоке, которая может привести к европейской войне.

3. Развитие македонского вопроса грозит весною вызвать европейскую войну.

4. Успехи Германии в Турции (занятие Гайдар-Паши, Багдадская железная дорога, реорганизация турецких сил) могут ускорить столкновение России с Германией, или с Турцией, или с той и другою.

5. Пангерманские стремления Германии. Хочет с'есть чехов и других, дабы открыть себе путь от Берлина до Персидского залива.

6. Нескрываемое стремление Германии к всемирной, а в первую очередь гегемонии в Европе.

7. Внутренние неурядицы в России. Если они не будут остановлены, то докажут внутреннюю слабость России, а вместе с сим нашим врагам укажут, что минута для нападения удобна.

По всем этим причинам я доказывал необходимость перенести наше главное внимание от Дальнего Востока на Запад. Государь формулировал это предварительно так: что нам, будучи бдительными на Востоке, обратить главное внимание на Запад.

4/17 февраля 1903.

Сегодня я получил огромной важности рескрипт Государя Императора, которым он указывает, что в случае столкновения России с европейскими державами он

примет на себя верховное главнокомандование всеми армиями, а главнокомандующим армиями юго-западного фронта, сосредоточиваемыми для борьбы с Австро-Венгриею, предполагает назначить меня. Поэтому предлагает ныне-же приготовиться к выполнению задач, изложенных в ранее полученных мною руководящих указаниях, ознакомиться со всеми мерами, принятыми для достижения поставленных (IV, V и III) армиям целей и принять участие в разработке дальнейших к войне мероприятий.

Эта воля мне, как я писал ранее, была передана Государем еще в Ливадии. Я наметил себе в начальники штаба армии Сухомлинова, интендантом — Тевяшова, начальником артиллерии генерал-лейтенанта Николая Иудовича Иванова, начальником инженеров Величко. Силы хорошие и надежные. Бог нам в помощь!

Царский поезд под Псковом.

Я вспомнил Государю день, когда я был избран Государем в министры. Я тогда сказал его величеству: «Великую новость говорите мне, ваше величество. Великое доверие оказываете, но я не чувствую в своем сердце радости. Этой радости я не чувствовал, ваше величество, в течение тяжелых $5^1/_2$ лет, что я был министром. Это был непрерывный, тяжелый, нервный труд. Не было своей жизни. Кроме тяжелой работы по должности, много сил уходило на борьбу с великими князьями, с министрами. Одна борьба из-за добывания денежных средств чего мне стоила». Государь утвердительно кивнул головой и сказал: «Да, это я знаю». — «Но, — продолжал я, — этот каторжный труд выносился мною легко, когда я видел к себе ваше доверие. Я чувствовал тогда, что я нужен вам, нужен России. Но если-бы нужда во мне почему либо прекратилась, то оставить должность министра составит облегчение для меня, и я с радостью буду приветствовать этот день». Государь прерывает меня и говорит, что ему некем меня заменить, и повторяет эту фразу в течение разговора три раза. Затем он прибавляет: «Как-же это так? Уже на покой?» Я отвечаю, что покоя не будет; что высоким доверием Государя я предназначен им в случае войны быть главнокомандующим армиями южного фронта, что если эти обязанности Государь сохранит за мной и после ухода из министров, — дела будет много и без министра. Что я буду иметь время вполне подготовиться к тяжелой, выпадающей на меня роли, и, имея небольшой штат, буду работать теоретически и практически, буду об'езжать войска армий, кои будут подчинены мне в военное время. Я прибавил, что, вероятно, Государь будет призывать меня и к другим делам; что, напр., я буду участвовать и в комитете по делам Дальнего Востока и что доверие ко мне Государя только возрастет, когда я перестану быть министром. Государь остановил меня и сказал: «Знаете, ведь как-то ни странно, а это, быть может, психологически верно». Этим Государь как-бы подтвердил свое принципиальное недоверие к министрам. Государь снова повторил, что ему некем меня заменить, но затем сказал: «Конечно, о назначении в Государственный Совет нечего и говорить, но у меня другая мысль: не примете-ли вы должность командующего войсками Киевского военного округа? Вы так любите войско и строевую службу». Я ответил, что счастлив буду служить на каждом посту, который назначит мне Государь, но если спросить моего откровенного мнения, то это назначение составит для меня: «из попов да в дьяконы». — «Почему? — спросил Государь, — разве командующие войсками в округах не стоят наравне с военным министром?» Я раз'яснил Государю существенную разницу и даже неопределенность указаний в законе. Указал, что военный министр имеет власть над всеми округами ту-же, что каждый

командующий войсками имеет у себя; что военный министр есть прямой начальник всех управлений и учреждений; что командующие войсками сносятся с ним рапортами, «представляют», «доносят». Что напр., если Государь изберет вместо меня Сахарова, то я ему обязан буду писать рапорты. Что мне труднее будет влиять на подготовку к войне войск Одесского и Московского округов, чем если я останусь в Петербурге независимый от должности командующего войсками, что ныне с этою должностью связано и генерал-губернаторство, а мне придется быть только командующим войсками. Государь возразил: «Я раскаиваюсь, что вверил эту должность Драгомирову».

Я закончил просьбою не принять мой разговор, как протест, что я более всего боюсь быть обвиненным в протесте*) против своего Государя, что поэтому прошу уволить меня в двухмесячный отпуск, а затем Государю видно будет, что со мной сделать. Что, быть может, Его Величеству угодно будет, чтобы я провел план мероприятий на следующее пятилетие. Государь ответил: «Это очень важное дело» и спросил, куда я поеду в отпуск. Ответил: «преимущественно в Финляндию». — «Вы не боитесь жить там?» — «Нет, Ваше Величество, я боюсь Бога и вас и больше никого. Я верю в Бога и убийц не боюсь». — «Ловить рыбу?. Я слышал, что выезжаете ловить рыбу в бурю»... Надо прибавить, что среди разговора, когда я говорил о Безобразове, то испросил у Государя разрешение вытребовать у Безобразова все полученные им секретные у нас материалы и сделать распоряжение, чтобы таких материалов ни ему, ни лицам, при нем состоящим, не выдавалось.

Говоря о трудности министерского служения, я заметил, что год работы отнимает два года жизни. Государь твердо сказал, что во всяком случае он сохранит за мною главнокомандование войсками в военное время.

12 августа.

Государь обещал мне сегодня, поддержать меня завтра в совещании, под его председательством, о постройке с будущего года Бобр—Наревской железной дороги до Остроленки. Государь одобрил эти соображения и выразился, что он особенно внимательно к ним отнесся потому, что я докладываю ему это дело не только как военный министр, но и как главнокомандующий Южным фронтом.

19 августа (2 сентября) 1903.
(Вагон на ходу к Либаве).

Сегодня имел продолжительный разговор с Государем.

Я докладывал, что с ростом нашей армии увеличивается число командных инстанций. Прежде были только корпуса. Теперь корпуса и округа, но уже и этого оказывается мало. Государь на военное время уже наметил двух главнокомандующих фронтами, которые каждый в военное время будут командовать войсками нескольких округов. Что не следует ли и в мирное время тех из командующих войсками, кои предназначаются главнокомандующими на военное время, уже и в мирное время назначать главнокомандующими? Им можно прибавить к существующему лишь самый незначительный штат, как кадр будущего штаба главнокомандующего. Выгода будет та, что главнокомандующий явится более самостоятельным в военной иерархии лицом. Он не будет иметь даже условного подчинения военному министру и получит право непосредственного сношения с Государем. На это Его Величество ответил: «Конечно и чем чаще, тем лучше».

*) Дурной пример другим.

Я продолжал, что при таком решении главнокомандующему легче будет исполнить задачу по подготовке к войне вверенных ему армий и соседние командующие войсками легче перенесут как-бы вмешательство в их работу мирного времени. Государь одобрил мысль и высказал, что он твердо остановился как на главнокомандующих на мне и на Николае Николаевиче и надеется, что нас на его век хватит. Что доверие его к нам в этой роли полное.

Прочитав тогда письмо ко мне генерала Сухомлинова, которого я приглашал в сентябре на время отпуска поработать со мной по главнокомандованию и в котором Сухомлинов ждал Пузыревского, как командующего войсками и просил убрать его из Киева, я доложил Государю, что в Варшавском военном округе через несколько дней ему придется окончательно решить вопрос о назначении лица на место Драгомирова. Что вспоминая мысль Государя послать меня в Киевский военный округ командующим войсками, я верноподданнейшее докладываю: если уже Государю угодно будет заменить меня на министерском посту другим лицом, то не следует ли меня послать в Киев с титулом главнокомандующего с назначением при этом членом Государственного Совета. Государь спросил: «А под вами будут-ли еще командующие войсками?» — «Нет, ваше величество, не будут. Лишь помощник получит титул помощника главнокомандующего и придется прибавить несколько человек для кадра штаба главнокомандующего». Государь выразил тогда сожаление, что он уже обещал пост командующего войсками Киевского военного округа Пузыревскому и говорил об этом Черткову, но что, «конечно, если будете вы назначены в Киев, то Пузыревскому обижаться не придется», прибавил Государь. Сказал, что ему надо подумать над этою комбинациею. Затем Государь спросил: — «И это вас удовлетворяет?» Я тогда взял смелость сказать, что все в руках Государя, если он пожелает, чтобы я стал простым часовым у дома его, то я стану и буду твердо стоять, не пожалев себя, а если придется, то и умру на этом посту. Поэтому, если Государь признает, что я еще нужен на министерском посту, то, как ни труден этот пост, я не пожалею сил, чтобы исполнить должность министра с успехом, но что надо доверие Государя. И в Киеве, хотя размер, масштаб работы будет много менее, но и там я буду полезен. Займусь этим фронтом крепко; сил у меня еще довольно и Государь будет спокоен за этот важный фронт, где я буду часовым. Государь прерывает меня и говорит: «Конечно, конечно, я буду спокоен, а сил у вас много. Стоит посмотреть на ваши плечи». — Что вы, Государь, признаете за лучшее для использования моих сил, то и будет принято мною со смирением». Государь спросил: «Почему-же вы теперь говорите это?» Я ответил, что говорю на тот случай, если мой уход из министерства уже решен Государем. Зная, что меня будет не легко заменить, я и позволяю себе предлагать комбинацию с моим назначением в Киев. — «Да, — сказал Государь, — вас будет трудно заменить». Я позволил тогда назвать кандидатов: Сахаров, Сухомлинов. Государь ответил: «Сахаров хороший начальник главного штаба, но в военные министры не годится». «Кстати, — сказал Государь, мне снова приходит в голову мысль: не следует-ли разделить военное министерство, как полагал Обручев, на две части?» Я докладывал вред такого деления и, повидимому, еще раз убедил его повременить с этим вопросом.

25 октября 1903.

Вчера долго работал с великим князем Николаем Николаевичем. Присутствовал генерал Палицын.

По своей новой обязанности на военное время главнокомандующим северо-

западным фронтом он сделал небольшой об'езд, был в Ковне и Гродне, и, не ознакомившись хорошо со всеми работами в округах и в главном штабе, спешно пришел к заключению, что Гродно должно быть обращено в первоклассную крепость и что ранее исполнения этой задачи не следует расходовать на северо-западном фронте на что-либо какие бы то ни было суммы. Такое безусловное мнение о важности крепости в Гродно Николай Николаевич доложил и Государю и получил от него соизволение, дабы работы по инженерной подготовке северо-западного фронта представлялись его величеству с заключением по ним великого князя. Я и привез вчера великому князю наши предположения и просил указанного выше заключения. Нельзя было не коснуться и слишком быстрого решения великого князя отнести все сосредоточение более к востоку с явно выраженным желанием не защищать линии Нарева. Из разговора с князем, из его довольно презрительного отношения к обороноспособности не только Нарева, но и Бобра, я пришел к заключению, что великий князь не готовится защищаться и за Бобром, что он расчитывает на дальнейшее отступление к «базе» и что Гродно является в его предположении пунктом, прикрывающим базу.

Я высказал князю мнение, что ныне крепости-лагеря скорее ловушки для войск, чем источник спасения армий. Что 20 баталионов, которые князь полагает необходимыми для Гродно, на 40 верст обвода очень слабый гарнизон, что активной роли крепость иметь не будет, ибо из 20 баталионов самое большее могут выйти для действий в поле 10—12 баталионов. Что эти силы могут быть остановлены одной бригадою; что Гродно всегда был важным пунктом в военном отношении, что оценил этот пункт Петр Великий, но что увлекаться им настолько, что ничего больше не делать для подготовки всего театра, неправильно и опасно и пр. Из разговора далее выяснилось, что Николай Николаевич считает даже разрешенную к постройке Бобровскую дорогу излишнею, пока не будет готова крепость Гродно. Что он будет «умолять» Государя не строить эту дорогу, пока нет денег на Гродно. При рассмотрении присланного с места первоначального предположения, сделанного двумя офицерами, командированными в Гродно, оказалось, что они совершенно не то хотят укреплять, что предназначил себе князь и Палицын.

После двухчасовых разговоров и споров великий князь согласился, чтобы начатые работы в плацдарме Ломжи и Рожанах продолжались; чтобы кредиты, внесенные на Гродно, Червонный Бор, Визку, позиции на верхнем Нареве (Желтый и Топилицы) вносились, но расходование их не производилось до осмотра великим князем этих мест.

31 октября (13 ноября) 1903.

Сегодня целый день работал, составляя Государю записку по главнокомандованию юго-западным фронтом. Очень плохо обстоит дело с III армиею. Сергий*), конечно, не годится в командующие армией, но и Соболев, его начальник штаба, очень плох. Составил совершенно невозможное соображение по наступлению III армии в пределы Австрии.

7/20 февраля 1904.

Государь сегодня на докладе говорил мне: «Я хочу быть с вами, Алексей Николаевич, совсем откровенным. Помните наш разговор, кажется, в августе перед поездкою в Либаву. Вы тогда высказали мнение, что при назначении вас в Киев желательно дать вам титул главнокомандующего. Я теперь пришел к

*) Великий князь Сергей Александрович.

заключению, что так и надо сделать. Когда, уверен, вы со славою возвратитесь к нам с войны, я вас и назначу главнокомандующим войсками Киевского военного округа с подчинением вам войск, входящих в состав юго-западного фронта».

Затем относительно моего заместителя Государь сказал, что он думает взять Лобко. «Вы так много сделали и так энергично по военному министерству работали, что требуется, быть может, временно приостановиться и укрепиться в том, что мы сделали. Лобко для этого будет хорош. «Относительно начальника главного штаба Сахарова Государь выразился, что он доволен им, как начальником главного штаба, но что в министры он не годится. Относительно Киева сказал, что Драгомиров просил на коленях не назначать в Киев Пузыревского. Просил уважить эту просьбу ради всей его, Драгомирова, службы»...

Куропаткин, таким образом, сам создал условия, способствовавшие развалу армии.

Основной, крупной ошибкой было в мирное время уже предрешать один какой нибудь определенный случай военных действий и к нему лишь приноравливать всю подготовку и развитие вооруженных сил. Как только в действительности случай не вполне отвечал-бы тому, что при теоретических потугах родили канцелярии, — вся махинация подвергалась опасности. Кроме того, вследствие такой односторонности, уже в мирное время возникало соперничество среди генералитета, что обыкновенно имеет место во всех армиях лишь во время самой войны. В мирное-же время Государю необходимо было вместе с военным министром избрать соответствующий персонал для назначения на крупные командные должности и росписать их совершенно так, как по мобилизационному плану это предусматривается в отношении полковых, баталионных и ротных командиров.

Будущие командующие армиями должны быть ознакомлены с предстоящей им деятельностью и с этою целью привлекаемы к практическим работам, на длительные занятия по дальнейшему развитию и выполнению предстоящей им задачи, — с тем, чтобы по силам было действовать таким сложным инструментом, как современная армия, — и целесообразно употреблять ее в дело.

Созидание этого инструмента должно быть безусловно делом военного министра. Эту задачу Куропаткин, — как себе, так и своим преемникам, — бесконечно затруднил, свернув на путь, им-же самим созданный. Так часто жаловавшийся на безответственное влияние великого князя, Куропаткин сам этому влиянию открыл ворота, которые до этого были закрыты. Когда он несчастным, потерпевшим поражение полководцем вернулся с Дальнего Востока, — путь для вредной деятельности великого князя Николая Николаевича был свободен, а я, против моего желания и воли, очутился его соперником!...

* * *

По существу задачу мою, в должности начальника генерального штаба, я понимал с точки зрения необходимости воспользоваться уроками японской кампании и успехами в области современной техники, — для развития и усовершенствования нашей армии. В самом управлении пришлось считаться с переполнением офицерского состава, — который без дела наполнял помещения генерального штаба вместо того, чтобы с пользою для строя — находиться при войсках.

Я принял главное управление генерального штаба с таким обилием персонала и такою ничтожною продуктивностью работы, что один из полковников обратился ко мне с просьбой вернуть его в войска, так как в течение полугода ему не пришлось составить ни одной бумажки! Он считал ненормальным получать содержание, — без какой-бы то ни было работы. Это явление было достопримечательно потому, что ярко освещало весь царивший сумбур при образовании совета государственной обороны и выделении генерального штаба из военного министерства; — необходимых для этого средств на лицо не имелось, — поэтому пришлось прибегнуть к системе «Тришкина кафтана» из басни Крылова: попросту в большом количестве офицеры генерального штаба из войсковых штабов были выделены для осуществления ненужной свехорганизации — без новых расходов от казны, — у войск отняли моральных вождей; офицеры генерального штаба, как и двадцать лет до того, засели в петербургские канцелярии. В генеральном штабе, где вся деятельность основана на индивидуальном труде, — злейшим врагом надо признать избыток личного состава, рикошетом отражающийся на провинциальных войсковых штабах, в которых ощущался недостаток персонала. Все лишние офицеры поэтому должны были вернуться к войскам.

Самой важной задачей было не только скорейшее создание мобилизационного плана, — но и полная возможность его беспрепятственного выполнения.

Эта работа должна была стать во главе всех остальных, связанных с нею, как с основанием для исходного положения. Облеченный доверием моего монарха, — спокойно приступил я к работе, как и всякий, уверенный в себе самом и знающий, что на своем месте он пробудет продолжительное время, т. е. так долго, насколько это необходимо для исполнения данной задачи.

По приказанию Государя я составил записку, в которой были изложены те главные основания, которые я считал неотложно необходимыми провести для восстановления армии, и обрисовано общее положение для сведения всех ведомств, имевших представителей в совете государственной обороны.

В ней значилось: — «Вот в кратком обзоре то положение, в котором находится сейчас дело обороны нашего государства. В таком виде оно, конечно, оставаться не может. Но военное министерство одно его энергично вперед двинуть не имеет возможности.

Дабы избежать в будущем того упрека, который нам делают теперь, по поводу неудачной нашей войны с Японией, приписывая неподготовленность России к войне на Востоке, существовавшей «междуведомственной розни», военный министр, с соизволения Государя Императора, в настоящей записке, в общих чертах изложил те меры, которые могут улучшить нашу боевую готовность, но лишь при общем, дружном содействии представителей всех ведомств.

Как одними только словами остановить и побороть противника нельзя, так и без соответствующих средств никаких, самых благих, проектов осуществить немыслимо. Весь настоящий проект реорганизации, по необходимости, составлен при условии обойтись без увеличения бюджета военного министерства. С большим трудом это достигнуто в отношении улучшения наличных войсковых сил; что же касается того, что

требуется совершенно вновь и что никоим образом не укладывается в счет сбережений при помощи различных сокращений, то на это нужен отпуск особых средств.

Что может быть отпущено на эту потребность из государственного казначейства и в какие сроки, военному министру судить трудно. Потребности же в этом отношении по приблизительному подсчету, могут быть выражены в следующих цифрах:

1. На пополнение материальной части и заведение гаубиц, пулеметов, автомобилей и воздушных кораблей, за вычетом отпущенных в 1908—09 г. г. — 182 мил.

2. На крепости — 458 мил.

3. На тяжелую (осадную) артиллерию — 81 мил.

4. На стратегические шоссе — 114 мил., а всего 835.000.000 рублей.

Однако, и вышеприведенная цифра не исчерпывает всех предстоящих расходов. Могущественное развитие артиллерии у наших соседей вынудит и нас к усилению в дальнейшем этого рода войск, причем неизбежно потребуется увеличение числа гаубиц и вообще полевых орудий, приходящихся на баталион пехоты. Кроме того, для лучшего тактического использования свойств современной полевой артиллерии, неизбежен переход к батареям с меньшим числом орудий, чем ныне (8 в пешей и 6 в конной). Одно только реформирование пеших батарей в 6-тиорудийные будет стоить, по сделанным подсчетам, около 10.000.000 рублей ежегодно.

По поводу предложения сократить армию и ее боевые приготовления, дабы этим путем изыскать ноебходимые ресурсы на усовершенствование обороны, могу сказать, что противники наши несомненно поставили-бы памятник тому министру, который на это согласился-бы. Удостоиться такой чести я лично не имею никакого желания».

* * *

В начале 1909 г. много работы было у меня по разработке вопроса о преимуществе полевых укреплений перед постоянными крепостями.

Я лично был того мнения, что наша обстановка на западной границе такова, что мощному развитию артиллерии надо отдать предпочтение и воздержаться в вопросе о постройке постоянных крепостей. Эта отправная точка была признана Государем правильной и принята мною к руководству.

Соображения, которыми я руководился по этому вопросу, были простым последствием сочетания следующих данных: усовершенствование в артиллерийской технике, развитие воздухоплавания и финансовая состоятельность. На узаконенный ежегодный контингент новобранцев и размер средств, которые ассигновались по государственной росписи военному министерству, — можно было предпринять организацию и подготовку наших вооруженных сил, с расчетом на мобилизацию всего лишь 4.200.000 человек, которые могли быть поставлены в ружье на случай военных действий.

Что-же касается вопроса крепостного строительства, то с бесконечным шатанием и совершенною невозможностью примирить всякие признанные и непризнанные авторитеты, — этот гордиев узел пришлось

разрубить, положив в основание те соображения, которые оправдались в текущую войну и для которых имелись убедительные данные не только в конечных выводах кампании 1871 года и в Японской 1904 г., но даже в Турецкой нашей кампании — 1877/8 года и на тайном опыте на острове Березани под Одессой; те же выводы подтвердились в конце концов и во время всемирной войны.

Перемышль, Львов, Новогеоргиевск, Ивангород, Брест, Ковно, Антверпен — в настоящую войну, — Порт-Артур в японскую, — Карс, Никополь, Рущук, Варна, Шумла, Адрианополь — в турецкую, — все эти крепости долговременного типа, выстроенные заранее и поглотившие громадные суммы, — назначения своего не выполнили. — Возникшие-же укрепленные позиции во время кампании, напр., в 1877 году под Плевной и под Верденом и Ковелем в текущую войну, — там, где они, по ходу операций могли принести пользу, — оказали громадное влияние на ход военных действий. А крепость Мец, в 1871 году, сыграла роль ловушки для армии Базена, который взошел под прикрытие фортов этого укрепленного лагеря и вынужден был положить оружие с падением крепости.

Бывшую нашу крепость Варшаву, с ее жиденькими фортами, — ожидала та же участь. Одновременным наступлением неприятеля из восточной Пруссии и Галиции, в тыл нашей оборонительной линии на Висле, всем вооруженным силам нашим на этом выдающемся плацдарме грозила неминуемая катастрофа, ибо к миллионному населению внутри Варшавской крепости присоединилась бы наверное и масса войск.

Вопрос о нецелесообразности и даже крайней опасности, представляемой крепостями нашего западного фронта, в 1909 г. был поднят профессором А. Н. Витмером. Статья его в газете «Россия» была отмечена заграничной прессой и послужила поводом для продолжительной полемики наших газет.

Профессор Витмер доказывал убедительно, что «благодаря успехам воздухоплавания, можно будет вылечиться от в высшей степени вредного предрассудка — обороны нашей западной границы крепостями». (А Витмер. Задачи русского флота.)

Таковы стратегические условия. Что-же касается финансовой стороны, то она выяснилась из показания на суде инженера, генерала Величко. По его мнению, Новогеоргиевск так быстро пал потому, что требовалось еще 100 миллионов рублей, для приведения этой крепости в полную обороноспособность. Но тогда по этому масштабу, только на три крепости этого фронта, Ивангород, Варшаву, Новогеоргиевск — пришлось-бы истратить более миллиарда.

У нас было слишком много крепостей и вместе с тем в распоряжении военного ведомства не отпускалось средств, не только для доведения их до надлежащей обороноспособности, но и для поддержания лишь в исправности от разрушения того, что имелось. Пришлось поневоле отказаться от массы крепостей слабых, чтобы сосредоточить ассигнования на те из них, которые не вызывали сомнения в необходимости их существования.

° • °

Уже в 1908 г. мне было ясно, насколько мы отстали в деле технических усовершенствований, сравнительно с другими армиями, в которых они давно нашли применение.

Отчасти лишь это об'яснялось скаредными средствами, отпускаемыми на это военному министерству; главным-же образом недоставало уверенности в несомненной необходимости и применимости новшеств в войсках. В армии, напр., не было ни одного автомобиля.

Когда я об этом доложил военному министру, заявив о необходимости их введения в войска, он разрешил мне приступить к выполнению этой задачи и прибавил с улыбкой:

— «Но вы должны сами, Владимир Александрович, — доложить дело это военному совету».

Его улыбку я понял лишь, когда в действительности появился в военном совете, для защиты своего предложения. Перед решением вопроса по существу, необходимо было предварительно устроить испытание, собрать опытные данные о применимости того или другого образца для наших дорог.

С этого целью надо было приобрести около 20 автомобилей различных фабрик исключительно только для производства опыта. Все это было изложено в докладе, и каково было мое изумление, когда некоторые члены совета высказались в том смысле, что этот «сложный и хрупкий инструмент» для нашей армии не приемлем; — наша армия нуждается в простых повозках на крепких осях!

История повторяется. Перед Крымской кампанией тот-же военный совет обсуждал вопрос о перевооружении армии, вместо кремневого — пистонным ружьем. Но и тогда члены, находившие, что для грубых солдатских рук такая микроскопическая вещь, как пистон — непригодна, — протестовали против такого новшества.

К числу противников автомобилей принадлежал и генерал генерального штаба Скугаревский, служивший со мной в штабе гвардейского корпуса. Он советовал настойчиво, чтобы мы вперед решили какого именно образца будет введен автомобиль, что при тогдашнем состоянии техники было-бы чистейшей азартной игрой, — и требовал к тому-же, чтобы во избежание излишнего пользования автомобилями их держали под замком.

В конце концов автомобили были куплены у различных фирм и под арестом их не держали. Они послужили основанием для развития автомобильного дела, — плодотворным результатам и широким размерам которого, при ничтожных средствах для этого, — главное управление генерального штаба обязано энергии и специальным познаниям молодого генерала, Петра Ивановича Секретева.

Чтобы обеспечить дальнейшее без всякого тормоза развитие автомобильного дела, которое отвечало-бы возростающему требованию войск, признано было целесообразным подчинить его не главному военно-инженерному управлению, а главному управлению генерального штаба. Эти предусмотрительные и безусловно необходимые меры в главном военно-инженерном управлении создали нескольких личных врагов Секретева; но ни одна интрига не имела успеха и не помешала его работе. Очевидные плоды его труда были лучшими защитниками Секретева и никаких обид причинять ему я не допускал.

Как начальник генерального штаба, все эти вопросы разрабатывал я совместно с генералом Мышлаевским. Способная голова, но лукавый человек, — бывший профессор Николаевской академии генерального штаба, — которому печальное положение нашей армии и вся бедность интеллигентных рабочих сил, — была ясна совершенно так же, как и мне; с такою-же энергией принялся и он за дело, чтобы наверстать четыре потерянных года.

* * *

Незадолго до моего назначения военным министром, — в марте месяце 1909 года, в Царском Селе, под председательством Государя, состоялось совещание, по поводу аннексий австрийцами Боснии и Герцеговины, причем генералу Редигеру поставлен был вопрос, готова ли наша армия к активным действиям.

Ответ был отрицательный; а на вопрос министра юстиции И. Г. Щегловитова, в какой мере вооруженные силы наши способны в оборонительном смысле для защиты от вторжения в наши пределы, — генерал Редигер точно также категорически заявил, — что они совершенно не боеспособны! Испуг собравшихся нечего и описывать. Из его об'яснений оказалось, что японская война истощила всю материальную часть, которую не смогли пополнить, а проведенное без предварительных предупреждений сокращение сроков службы и одновременная демобилизация совершенно расстроили кадры войсковых частей, — которые при этом в таком слабом по составу комплекте, были из пограничных округов, в значительном числе, командированы, по требованию гражданских властей, во внутренние округа.

Это положение дало Государственной Думе, если не право, — то все-таки возможность резко критиковать состояние армии. Она, может быть, этим принесла-бы даже некоторую пользу, если-бы большинство ее ораторов серьезно отнеслось к делу, а не критиковало-бы армию в партийных интересах или даже в целях свержения самодержавия.

Эти опасные совпадения имели место и в высших военных кругах Петербурга, — у одних вследствие чистейшей апатии, у других — из слепого честолюбия без надлежащего достоинства.

Как великий князь Николай Николаевич, так равно и генерал Поливанов, — заручились известными думскими ораторами, — расчитывая этим путем проводить свои личные интересы, не считаясь с тем, не будет-ли таким экспериментом загажено их собственное гнездо или нет.

Подобная совместная игра этих сил привела к падению Редигера и моему назначению на его место, как раз в ту минуту, когда генерал Поливанов надеялся сам стать военным министром, и когда Николай Николаевич прочил третьего кандидата — Н. И. Иванова.

Обвинения в думе, вместе с признанием военного министра в совете обрисовывали задачу, выпавшую на мою долю: я должен был восстановить бодрый дух русской армии, — которая, казалось, находилась в глубоком наркозе, — и разбудить ее для новой жизни!......

Четыре драгоценных года были зря потеряны, без всяких признаков, чтобы хоть что либо для оздоровления армии было предпринято; — не было нигде никаких следов, даже намечаемого впредь известного направ-

ления к продуктивной работе. При катастрофически неблагоприятной для России обстановке, выпала на мою долю тяжелая задача, — и это была историческая моя миссия!

Вот те условия, при которых Государь вручил мне пост русского военного министра.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Стратегия и политика

Глава XX

Петербургские настроения

Исторический момент 1909 г. Настроения петербургского общества. Председатель совета министров Столыпин. Государственная Дума и общество. «Рыба воняет прежде всего с головы». Панславизм литераторов, дипломатов и великих князей. Взгляды Государя. Политика в армии. Колебания русской политики в 1909 г. Сазонов. Проект мирного плана графа Витте. Русско-германо-французский союз. Обручев о том-же вопросе в 1896/7 г.г. Моя политическая неосведомленость в 1908 г. Витте находит, что в 1912 г. Россия к победоносной войне не способна. Дружественное расположение к Германии графа Фредерикса. Переписка Вильгельма с Государем. Мое посещение Потсдама в 1912 г. Встречи с Императором Вильгельмом. Маневры 1899 г. В Балтийском порту (1910). Смотр Выборгскому полку. У германского императора в Потсдаме. Завтрак во дворце. Сравнение Николая II и Вильгельма II.

Должность военного министра я принял в высоко интересную историческую минуту, чрезвычайно серьезную для России. Русская внешняя политика находилась на распутии, но государство из за последствий японской кампании и внутренних потрясений — было в параличном состоянии.

Зима 1908/9 г.г. протекла целиком под впечатлением кризиса на Балканах, закончившегося присоединением к Австрии Боснии и Герцеговины. Этим раскрыта была активность нашего главного противника, которая в таком угрожающем виде нам еще не представлялась; — вместе с тем выяснилась, однако, и наша политическая слабость, вследствие столь ярко обрисовавшегося расстройства наших вооруженных сил, — что у каждого патриота выступали слезы на глазах.

Соответственно этому было настроено и общество в Петербурге. Чтобы предупредить всякие выступления, правительство должно было в конце октября запретить профессору Погодину делать сообщение в связи с аннексией Боснии и Герцеговины.

С кафедры Государственной Думы демократ Маклаков назвал это запрещение — оскорблением национального чувства. Германия в то время стала на сторону своей союзницы и этим умалила, за пределы ее растяжимости, — ту дружбу, которая тогда еще существовала на берегах Невы. В конце декабря Извольский отстаивал свою политику, — указывал на сближение России с Италией и намечал цель своих стремлений — образование на Балканах славянского союза Болгарии, Сербии и Черногории. За русской дипломатией горячо ухаживала английская. В настоящее время знают и не дипломаты, какие уже в 1908 году тонкие нити плел Извольский, чтобы русскую политику окончательно отдалить от германской. В «Новом Времени», — газете наиболее читаемой в образованных военных кругах, — появились статьи Пиленко, — в дружественном к Англии духе.

Мне, бывшему начальнику юго-западного края, имевшему в виду в течение многих лет вероятность столкновения с Австрией, — выступление габсбургской дипломатии, — как военному министру, — дало такой сильный толчок, — что даже побледнела моя злоба, которую я питал к «коварному Альбиону» со времен Сан-Стефанских дней. Сознание нашего фактического внутреннего развала делало меня, быть может, восприимчивее других, и поэтому именно в политической обстановке, между прочим и в совещании марта месяца 1909 г., — какою она мне представлялась, — черпал я самые сильные доводы и основания для моей деятельности по военному ведомству. Позор поражения 1904/5 г.г. возгорался вновь в сердце каждого русского солдата и патриота.

* * *

Что касается внутренней политики, то в 1909 г. внутренние волнения, возникшие после окончания японской войны, — видимо, прекратились. Во главе правительства стал такой железной воли человек, как П. А. Столыпин . . .

* * *

Так как более десяти лет я провел вдали от столичной жизни, — то новшеством в Петербурге была для меня Государственная Дума, — внедрившаяся в русскую жизнь; в Киеве с ее деятельностью я знаком был лишь по выборам и местной партийной борьбе. В легкомысленном Петербурге, появление народного представительства с его «новыми» людьми было причиною основательного сдвига общественной жизни столицы. Образовались новые пункты кристаллизации, создались новые кружки, зарождались новые взаимоотношения, — появились новые каналы для сплетен и интриг. Общество не находило того мерила, которым можно было-бы отличать фальшивые камни от настоящих. Вследствие этого всплывали личности, хотя и с блеском, но сомнительного достоинства. — Лучшие представители русской аристократии, бюрократии и свободного призвания, в свое время собиравшиеся около таких имен, как Стахович, Новосильцев, граф Гейден и др., — были вытеснены, — влияние их стало ничтожным. Но в мутной воде рыба ловится хорошо!

В 1909 году я застал третью Государственную Думу, в составе уже значительно более подходящем для развития страны, нежели обе ее

предшественницы, — тем не менее и она иногда неистовствовала. Хотя, в сущности, в денежных ассигнованиях на армию она никогда не отказывала, — но обнаружила, однако, что сама не на высоте политической ответственности, — чем создавала некоторые затруднения успеху нашего военного дела. И в третьей Государственной Думе отношения не окрепли настолько, чтобы можно было считать, что во главе партий не станут от'явленные шарлатаны, под вывеской национализма. Принципиальные демократы и противники монархии в Думе того времени — приносили вреда монархии и принципу самодержавия меньше тех правых господ, которые не могли достаточно громко проявить свои верноподданические чувства. Именно среди ораторов правых партий находились политические карьеристы, безгранично честолюбивые, бессовестные, — которые в самые серьезные минуты для государства, трудному делу государственной обороны и восстановлению армии — не унывая, совали в колеса бревна, потолще тех, что мы получали от лидеров партий, явно враждебно настроенных к монархии.

Роковой раскол и бестолковость петербургского общества, с его сотнями клик и мелких шаек, служивших лишь интересам их ловких закулисных деятелей, — общество, не смогшее встать явно на защиту великой святой Руси, оказалось способным уподобить новоявленных думских деятелей полубогам, провозгласить прибытие этих новых людей и соответственно за ними ухаживать.

И кого только там не было, среди желающих служить этим новым господам будущего! И какими средствами! Сколько присяг государю ежедневно приносилось в жертву на алтарь этого нового божества! К глубокому прискорбию мне самому пришлось видеть, как в этой вакханалии члены императорской фамилии не только принимали участие, — но даже давали тон! А за ними следом шла шайка карьеристов и лентяев изо всех канцелярий высшей бюрократии, до офицеров, чинов военного министерства включительно, — которые едва-ли сознавали, какая громадная и прекрасная задача выпадала на их долю. Государь, насколько я его наблюдал в течении всех этих годов, — не был тем твердым главою семьи, — какой был нужен, чтобы держать в руках подобную громадную, разношерстную и из противоположных характеров состоящую царскую семью, какими были Романовы за несколько лет до крушения власти.

Во всей России, нигде может быть выражение Драгомирова, что «рыба воняет прежде всего с головы», — не имело такого основания, как именно тогда в Петербурге. Россия погибла, благодаря создавшейся обстановке в среде самой царской семьи; — всякая другая грязь и нелады могли-бы быть устранены со временем смелыми государственными людьми.

* * *

Для правильного суждения о сложившейся политической обстановке в Петербурге, я скажу несколько слов о том, что до войны называли по просту «панславизмом». — Эта затея не превратилась в народное движение, как надеялся Катков, его окружавшие люди и «Московские Ведомости» с 1868 г. и особенно после об'единения германских народов в

германское государство. При восьмидесяти и более процентах неграмотных нашего народа для этого недоставало основного фундамента. Панславизм остался чисто литературным движением, которое под конец, в небольшом московском кружке, очутилось на попечении человека немецкого происхождения, — Грингмута, — преемника Каткова. Затем панславизм играл известную роль среди духовенства в юго-западном крае, особенно в Киеве.

Несколько иначе было дело с развитием панславизма в Дунайской монархии, где по соседству с Россией большинство славян об'единено было под единою властью.

Успехи школьного образования в Австрии, Галиции, Богемии, Кроации и пр., равно как и в балканских государствах, — одновременно с местною борьбою — развитием славян, — чрезвычайно способствовали их пробуждению. При посредничестве своих нравственных руководителей они видели в России освободительницу от немецкого и частью турецкого ига. Как нам показало поведение поляков и болгар, — не было и речи о каком либо единодушном движении в смысле всеславянского союза, — скорее каждое племя преследовало исключительно — частные, эгоистические тенденции.

Из за этих, частью друг другу противоположных тенденций, — воевали русские публицисты и политические деятели.

В Петербурге, рядом с демократическим союзом, руководимым Милюковым, Кареевым, Погодиным, молодым Сувориным, — в «Руси» и других органах печати и проявившим свою деятельность главным образом лишь с возникновением всемирной войны, — было еще два центра, — влияние которых оказалось сильнее и, добавлю, вреднее, когда они стали в центре русской государственной власти.

Это была игнатьевская школа министерства иностранных дел, к которой принадлежали Извольский и Сазонов, а также семьи братьев Николая и Петра Николаевичей, — женатых на родных сестрах, дочерях князя Черногорского. Русский панславизм был, таким образом, духовным оружием для одной части нашей дипломатии и стал опасной игрушкой в руках двух великих княгинь, — которые соответственно своему происхождению в условиях такого небольшого княжества, как Черногория, — в русской внешней политике домогались влияния, может быть, подходящего в споре из за похищенного стада баранов, но не для крупной политики государства, занимающего шестую часть земной поверхности и граничащего с двенадцатью другими государствами.

Самым опасным моментом этого панславизма двадцатого столетия было моральное отношение Государя к балканским вопросам. От своего отца, который в свое время стал на сторону Черногорской партии, Николай II по наследству считал своим долгом защищать младшего племенного брата. С этим обстоятельством Австрия в должной мере не хотела считаться. Более устойчивый царь во всяком случае смог-бы дать отпор пагубному влиянию великокняжеского панславизма. Николай II придал ему свойство опасного, разлагающего яда, когда в 1903 году назначил Николая Николаевича главнокомандующим на немецкий фронт. Уже тогда мнение великого князя считалось решающим, а он, несмотря на то, что состоял в рядах армии, — сделался политическим центром, к которому стали примыкать безусловно благонамеренные и

большею частью наилучшего национального настроения — другие высокого ранга офицеры. С чем правительству и начальникам войсковых частей в провинции пришлось сильно воевать и, главное, не иметь возможности одержать решительный верх, — это внедрение политики в армию, — в Петербурге это допускалось, и сам великий князь этим занимался. Но нет ни одной армии и никогда такой не будет — чтобы она, зараженная бациллой политики, не погибла-бы. От нее в действительности и погибла русская армия.

* * *

С этими настроениями при дворе, в печати и, конечно, в армии, — дипломаты должны были считаться; они же давали им моральную поддержку при выступлениях на международной сцене. Эти же настроения повлекли за собою падение министра иностранных дел Извольского в 1909 г. и фактически — устранили Редигера.

В марте 1909 г. для нас, не дипломатов, казалось, что наша внешняя политика никакого определенного направления еще не имела, причем я не мог утверждать тогда, что был в курсе дела и ознакомлен со всеми связями и политическими комбинациями.

Казалось, что между Парижем и Берлином, несмотря на существовавший союз с Францией, — происходило шатание туда и сюда, — было ни тепло, ни холодно... Но Государь, Столыпин, дипломаты, а, понятно, и мы, военные, настаивали на том, чтобы армия была обновлена и превращена в оружие, пригодное для большой политики, давая возможность России занять опять среди других народов ее место великой державы. Моя реформа армии при этом не была обусловлена специально внешним политическим положением, хотя понятно, союз наш с Францией играл роль, в данном случае, — лейтмотива. Ведь без боеспособной армии, — соответственно наличным военно-географическим условиям никакой политики вести нельзя, — это и были поэтому те общие соображения, на основании которых я строил свои планы.

Сазонов, в качестве преемника Извольского на посту министра иностранных дел, использовал все эти, так называемые панславистские настроения с присущим ему нетерпением, не позволявшим ему выжидать назревание благоприятного положения, для того, чтобы провести свои и идеи Извольского на Балканском полуострове. Политика Сазонова сводилась к тому, чтобы присоединить проливы к России и изжить с Балканского полуострова австро-германское влияние. Великое несчастье его политики состояло в возможности для него внушить Государю, что именно выбранный им путь ведет к восстановлению русской гегемонии над балканскими славянами.

В 1909 г. казалось, что сочувствие склонялось в пользу известных советов графа Витте по вопросу о соглашении континентальных держав и образовании русско-франко-германского союза. Роковая фраза, что «дорога в Константинополь ведет через Берлин», — в 1909 году не была еще общим лозунгом политических и политиканствующих кругов.

Граф Витте, — точно так-же, как генерал Редигер и я, — стоял на той точке зрения, что в продолжении многих лет еще мы никакой войны вести не можем и что необходимо во что-бы то ни стало изыскать средства

избегнуть нашего участия в европейской войне. Его дипломатические соображения направлены были прежде всего на то, чтобы улучшить наши отношения с Германией.

Среднеевропейский тройственный союз хотел он заменить восточнозападным. Была-ли эта идея продуктом его собственного ума — я не знаю.

Личное мое знакомство с графом Витте состоялось тогда, когда он уже не был активным государственным деятелем. Если-же это была его именно мысль, что я вполне допускаю, — то она, очевидно, совпала во всяком случае с тем, о чем думали и что собирались исполнить, как император Вильгельм, так и наш Государь. Именно, когда Витте возвращался из Портсмута в Европу, император Вильгельм, имевший в виду наградить его орденом за торговый договор, просил на это разрешение Государя и телеграммой 11 сентября 1905 г. спрашивал: «Осведомлен ли он о нашем договоре? Могу-ли я сказать ему об этом, если он не осведомлен?»

Государь на это ответил: «До сих пор уведомлены относительно договора великий князь Николай, военный министр (Редигер), начальник генерального штаба (Палицын) и Ламсдорф. Ничего не имею против того, чтобы ты сказал о нем Витте».

Из записок Куропаткина видно, что та-же мысль высказывалась уже и в других кругах; он говорит 14/30 ноября 1902 г. следующее:

«Сидел у Обручева. Я говорил ему, что полк. Мулен составляет в Париже новое соглашение с Францией против Англии и указывал на опасность для нас новых соглашений. Говорил, что с Англией у нас нет повода иметь войну, а таковые у Франции и Германии есть, но что мы более других угрозою движения к Индии страшим Англию. При этих условиях мы будем поставлены в возможность нести тяжкие жертвы для интересов других.

Обручев передал мне, что в год поездки на большие маневры в Германию и Австрию, кажется в 1897 году или в 1896 году, он говорил с графом Муравьевым о возможности коалиции Германии, Франции и России против Англии. Что Муравьев обещал этот вопрос изучить. Что Вильгельм на маневрах намекал ему, Обручеву, как бы он был рад такому соглашению, что его мечта прописать Англии мир в Лондоне. В бытность в том же году в Париже Обручев виделся с Фором и сообщил ему свои мысли. Что Фор ответил, что вопрос этот достоин изучения.

Я сказал Обручеву, что более всего боюсь, как бы французы, получив отпор от нас, не обратились к Германии для соглашения с нею против Англии. Что этим актом совершенно ослабится значение нашего договора с Францией.

Обручев, только что приехавший из Франции, указал, что охлаждение к нам уже замечается. Что социалисты и радикалы, в руках коих теперь находится власть, с недоверием относятся к России, ибо самодержавный режим им ненавистен».

(Красный Архив, 17 ноября 1902 г. Дневник А. Н. Куропаткина № 16).

У Вильгельма был в этом отношении совершенно определенный план, о чем свидетельствует интимная переписка 1904—1907 г. г. между русским и германским государями, теперь опубликованная.

Секретные документы эти хранились в собственной его величества канцелярии и пока переписка велась, никому из русских министров не были известны. Повидимому, и германский император вел эту переписку без ведома своих министров.

В 1908 г., когда я принимал должность начальника генерального штаба, ни от одного из этих лиц, об этом договоре я не слыхал ни слова, — а граф Витте о «комбинации» сообщил мне значительно позже, уже не задолго до войны. В Потсдаме император германский не обмолвился об этом ни единым словом, — а я был у него года за два до вспыхнувшей войны.

Можно предполагать поэтому, что он дело это считал выдохшимся.

В 1902 году я был с женою в Эрмитаже на представлении пьесы великого князя Константина Константиновича «Царь Иудейский». В антракте за чаем, мы встретились с супругами Витте, причем граф, предоставив нашим женам разговаривать, отвел меня в сторону и спросил, пришлось-ли мне говорить с Государем о том, что он, Витте, мне высказывал о союзе с Германией. Я ответил ему, что не говорил, потому что Государь не любит, чтобы министры вмешивались в специальные вопросы посторонних министерств, — а это ведь чистая политика.

— «Это я знаю, — возразил мне граф, — но считаю, что оно и вас касается, как военного министра; — мне-же хорошо известно какое наследство вы приняли, какие вам палки в колеса ставят в вашей работе и как вам помогает Владимир Николаевич (Коковцов).

«Ведь мы-же не можем воевать при таких условиях, — избежать войны сейчас мы должны во что-бы то ни стало, и я вижу единственный выход в союзе с Вильгельмом, который, повторяю вам, — очень к этому склонен, — говорю из первых рук.

Имейте в виду, что финансовый барометр, один из более достоверных показателей политической погоды, настойчиво идет влево, — перешел уже «переменно», подвигается к дождю и буре. Попробуйте, доложите Государю мой разговор с вами, — хотя-бы вне официального доклада».

Я так и сделал. Когда Николаю Александровичу что нибудь не нравилось при докладе, или он желал прекратить разговор, то начинал обыкновенно приводить в порядок и без того в идеальной аккуратности находившийся письменный стол, — выравнивал карандаши и перья, — футляры с мундштуками, — портреты в рамочках и пр.

Так было и в этот раз, причем Государь, выслушав меня, — только спросил: — «А вы не знаете, говорил Витте об этом с министром иностранных дел?» — Смысл этого вопроса был мне ясен, и разговор был окончен.

Возвращаясь после доклада из Царского Села, вместе с министром двора, графом Фредериксом, я рассказал ему этот эпизод. Повидимому граф Витте и министру Двора свой взгляд высказывал, — так как графу Фредериксу это не было новостью и он был того мнения, что такой союз мог-бы способствовать продолжительному, прочному миру.

Возможно, что министру Двора было известно и то, чего не знали другие министры. Во всяком случае никаких последствий эти сношения не имели.

Как в России, так и в Германии эта личная миролюбивая попытка монархов могущественных держав, до настоящей войны, была тайной, не только для широкой публики, но и для высших представителей правительства.

В 1917 году, в журнале «Былое», из неизданной до того переписки

между императорами Вильгельмом II и Николаем II, обнародованы 60 документов, — проливающие свет на это дело высокого исторического интереса.

Профессор Е. Тарле, в своем предисловии к документам, дает такой отзыв об императоре Вильгельме: «Перед нами человек, зорко и умело соблюдающий интересы своей родины, ставящий себе точную дипломатическую задачу и неуклонно стремящийся к ее разрешению. Ему нужно во что бы то ни стало образовать против Англии союз трех великих континентальных держав; достижение этой цели в момент, с которого начинается попавшая в мои руки переписка, значительно облегчено тем, что Россия находится в войне с Японией и в резкой дипломатической вражде с Англией. Значит, речь идет только о том, чтобы заставить Францию порвать заключенное с Англией 8 апреля 1904 года соглашение и примкнуть к русско-германской комбинации».

Вильгельм отлично сознавал, что этого не так легко достигнуть. С 1894 года по 1903 год он усиленно старался задобрить Францию, — ликвидировать ее вражду, заживить раны 1870—71 г. г. Все дипломатические тонкости политического флирта с его стороны были пущены в ход, — как во время фашодского инцидента 1898—99 г. г., бурской войны 1899—902 г. г., а также вообще и во всем тоне сношений министерств иностранных дел. Одно время можно было даже думать, что не за горами и полное согласие, — а там и союз . . ., но как только дело доходило до фактического осуществления, — все разваливалось прахом. Когда-же на английский престол вступил Эдуард VII, и со времени образования в 1904 г. «Entente cordiale» в особенности, — император Вильгельм понял, что надо менять курс — заключить сперва тайно формальный договор с Россией, — а после того заставить Францию считаться со свершившимся фактом.

Если-бы это удалось, — то игра была-бы выиграна; — открытые карты выяснили-бы, что Франции надо присоединиться к континентальному союзу, иначе ей предстояла борьба с Германией в одиночку и притом в ближайшем будущем. Такой план, понятно, должен был храниться в строжайшей тайне, — в этом Вильгельм видел залог успеха, — а нашему государю, в виду не упраздненного договора с Францией, — иначе и нельзя было.

До 1906 г. переписка императоров свидетельствует о дружеских личных отношениях, — но затем она становится более сдержанною, подчас даже сухою, что об'ясняется влиянием короля Эдуарда на русское правительство.

Это охлаждение прогрессировало до такой степени, что, сокращаясь постепенно, кореспонденция стала неискренней; тайное соглашение выдыхалось и проектируемый союз не осуществился, — во вред России и Германии и на благо — Англии и Японии.

* * *

В 1912 году наступило снова для России положение, которое делало наше военное бессилие болезненно чувствительным. При этом Россия готовилась к празднованию столетия изгнания «корсиканца». Национальная волна вздымалась особенно высоко в Москве. Тем возбужденнее относились руководящие круги к бездеятельности русской политики, по

случаю Балканской войны. Мнимое братание, происходившее между Германией и Россией при заложении памятника «битвы народов», в Лейпциге, обставленное военной помпой, в русском обществе не отозвалось никаким сочувственным эхо. Равно как и переговоры в Потсдаме, в которых принимали участие Сазонов и Кидерлен-Вехтер — были приняты сочувственно лишь в ограниченных кругах. Между Германией и Россией стоял тогда стеной русско-германский торговый договор... Казалось, точно Германия совершенно забыла, что ее освобождение от ига корсиканца сто лет тому назад стало возможным лишь при помощи, которую император Александр I оказал королю прусскому.

* * *

Большое удовольствие доставили мне в 1912 году те несколько часов, которые я провел в гостях у императора Вильгельма Второго.

Видеть императора Вильгельма и лично разговаривать с ним, мне пришлось несколько раз и при разнообразной обстановке, — до такой степени, что когда в 1899 г. он приехал на красносельские маневры, то находился даже под моей командой, — как это признал наш государь.

В последний день этих маневров, в той колонне, которая находилась под моей командой, была сводная бригада из батальонов военных училищ и Выборгского пехотного полка, шефом которого был Вильгельм. Колонна моя по диспозиции направлена была в обхват левого фланга позиции противника под Нарвой.

Когда голова колонны стала выходить из болотистого леса, раз'езды эскадрона офицерской кавалерийской школы, которой я тогда был начальником, — донесли мне, что по направлению к нам двигается шагом какая-то группа генералов, а вслед за тем ко мне прискакал адьютант императора германского с извещением, что шеф полка желает стать перед своим полком, чтобы лично вести его в атаку.

Сделав все распоряжения для развертывания колонны в боевой порядок и выдвинув вперед Выборгский полк, — я поскакал на встречу шефу его и, представившись его величеству, — доложил, что Выборжцы готовы и ждут его приказаний.

Внимательно выслушав меня, Вильгельм пожелал узнать обстановку и задачу, которую должна была выполнить моя колонна. После моего доклада император Вильгельм поднял лошадь галопом и направился к полку.

Тут я впервые увидел особого устройства мундштучные поводья, которые были ему необходимы в виду некоторой ненормальности левой руки бывшей у него значительно короче правой.

Лошадь при этом была под ним своя, привезенная из Берлина.

Подскакал, об'ехал и по-русски отчетливо, громко поздоровался шеф со своим полком — безукоризненно, — величественно. Выборжцы были в восторге и чувствовали себя в этот день на маневрах именинниками. Приняв затем рапорт командира полка, Вильгельм, во все время наступления своих Выборжцев, — с большим интересом следил за движением батальонов, — а когда подан был сигнал к наступлению, — шеф обнажил шпагу и став перед двигавшимися на штурм ротами, — повел их в атаку.

Государь император Николай Александрович наблюдал эту интересную картину издали и по окончании маневра сказал мне:

«Вы имеете право теперь говорить, что германский император был у вас под командой».

Когда я вернулся в Красное Село, то получил от бывшего моего ненадолго, державного подчиненного — орден.

В 1910 г. я видел германского императора во время свидания его с нашим государем в Балтийском порту, куда на смотр шефа прибыл тотже Выборгский полк.

Царские яхты, — «Штандарт» и «Гогенцоллерн», — стояли на рейде, куда в числе других лиц свиты приглашался и я к высочайшему столу обоих императоров. На яхте «Штандарт», по окончании обеда, Вильгельм сам подошел ко мне, в форме Нарвского гусарского полка, которого он тоже был шефом, — со словами:

— «Мы с вами здесь одни только гусары».

Я был в форме офицерской кавалерийской школы, — тоже гусарского образца.

Темой дальнейшего разговора был предстоящий смотр Выборгского полка, — откуда он пришел, в каком составе и другие подробности.

После того подошел ко мне наш Государь и сказал:

«А я только что собирался вас представить шефу Выборгского полка и вижу, что он уже с вами разговаривает».

Тогда я доложил Государю о том, что это-же бывший мой подчиненный на Нарвских маневрах.

«Ах, да, конечно, — я и забыл», ответил мне смеясь Государь.

За обедом император Вильгельм был очень оживлен, громко и много говорил, смеялся, — был вообще в отличном настроении. Императрицу Александру Федоровну это, как будто, немного даже шокировало.

На смотр Выборгского полка шеф прибыл на паровом катере и обходил полк пешком. Ему представлены были офицеры, фельдфебеля, — причем не обошлось без инцидента. Фельдфебелю своей шефской роты Вильгельм подал руку, которую тот ни за что не осмеливался пожать. Шеф улыбнулся и сказал:

— «Ну, ничего, — давай руку».

Такого приказания не исполнить он уже не смел и подал свою фельдфебельскую десницу, но затем совсем растерялся.

Вильгельм осматривал свой полк основательно; интересовался укладкой вещей в ранцах, пригонкой снаряжения, обозом. Понравились ему наши походные кухни, и наш Государь послал после того ему в Берлин такую кухню в подарок.

Заинтересовали его разного вида погоны в обмундировании нижних чинов, — различные нашивки, шевроны. Об'яснение давали ближайшие, конечно, строевые начальники, — я же был на положении «чиновника постороннего ведомства», каковая должность причиталась военному министру, в пределах округа его императорского высочества Николая Николаевича. Но вдруг как то все запнулись на погоне «подпрапорщика» и ни по немецки, ни по французски никто не мог напасть на настоящий термин.

Великий князь Николай Николаевич, видя это и ту настойчивость, с которой Вильгельм добивается узнать: «Was ist denn doch das?» — признал за благо ретироваться, — а я стоял за ним и, благодаря такому маневру его высочества, очутился на виду; — Государь, заметив меня, сказал:

— «Вот военный министр нам об'яснит, — что это такое».

Я доложил, что это у нас возродившийся —„Fähnrich"— подпрапорщик. Что первый строевой офицерский чин у нас подпоручик, — затем есть прапорщик запаса, — а подпрапорщик — это из нижних чинов строевой суррогат-офицер.

— «Ну, вот это теперь мне совершенно ясно», сказал улыбнувшись Вильгельм и пожал мне руку.

Надо было видеть злое выражение лица Николая Николаевича, который с удовольствием меня уничтожил-бы, за подобное вмешательство, — хотя и по Высочайшему повелению, — в дела вверенного ему округа.

В 1912 г. я являлся императору Вильгельму, когда ездил во главе депутации от русской армии, на закладку памятника в Лейпциге.

Так как о моей командировке было сообщено в Берлин, то Государь Император повелел: если Вильгельм выразит желание меня принять, то чтобы я передал ему привет его величества.

В Дрездене, за обедом у короля саксонского, сообщили, что германский император примет меня в Потсдаме на следующий день. Пришлось сейчас-же отправиться в Берлин, и к означенному времени, в автомобиле, вместе с нашим послом Свербеевым и моим личным адьютантом, полковником Николаевым, — я выехал из Берлина в Потсдам.

В форме русского гусарского полка Вильгельм вышел к нам, очень любезно поздоровался, — выслушал внимательно мой доклад о том, что Государь повелел передать, видимо, был доволен и сказал, что будет писать сам и поблагодарит. Затем говорил о том, что его очень заботит инфлуэнца среди конского состава армии; упомянул о том средстве, которое у них применяется с успехом, и рекомендовал мне с ним познакомиться.

Я доложил, что впрыскивание «сальварсана» у нас уже практикуется и что принц Ольденбургский особенно интересуется и следит за всеми новшествами в этой области, — поэтому мы получаем всякие появляющиеся средства очень скоро. Затем я представил полковника Николаева, и все мы были приглашены к завтраку, который сервирован был в круглой зале, насколько помню на 24 человека, почти исключительно генерал-адьютантов.

Император заявил, что к сожалению императрица нездорова и не может поэтому присутствовать за столом. Его величество познакомил меня со всеми присутствующими, в том числе с военным министром, начальником генерального штаба и другими должностными лицами.

Я сидел рядом с Вильгельмом и он вел такой оживленный, громкий разговор все время, что мы оба ничего почти не ели. Наша-же аудитория кушала и слушала нас. Император затрагивал вопросы из разных областей на немецком языке и спросил меня, не из остзейской-ли я провинции, так как он находит, что я хорошо владею немецким языком.

Я ответил, что нет, но что у нас в доме всегда была бонна немка.

— «А когда вы были первый раз в Берлине?»

— «Берлин я знаю с 1858 года.»

— «С 1858 года? Что такое?» удивился Вильгельм и потребовал подробностей.

Я рассказал, что моя матушка была больна и ее прислали в клинику, где пришлось пробыть довольно долго и чтобы ей не так было скучно, она меня взяла с собой, в 10-летнем тогда возрасте.

— «А вы помните, где вы тогда жили?»

— «Помню, Доротеенштрассе № 27».

— «Что-же, вы не заходили теперь посмотреть на этот дом?»

— «Зашел, — там теперь большой, многоэтажный, а тогда, насколько помню, был всего двух-этажный и внизу кофейный магазин, — в котором я помогал хозяину продавать кофе и цикорий».

Император Вильгельм заразительно расхохотался, — стукнул даже вилкой по столу:

— «Нет, — это великолепно, — это прямо анекдотично!»

Нашей аудитории эпизод этот, видимо, тоже понравился.

После завтрака все были приглашены курить в кабинет. Когда я вошел, то обратил внимание на громадных размеров карту Балканского полуострова, которая закрывала часть шкафов с книгами. Вильгельм заметил это и сказал, что по ней он следит за военными действиями в Турции.

— «Вы ведь участвовали в Турецкой кампании 1877 года?»

Когда я сказал, что участвовал, то Вильгельм просил показать по карте, где я именно был, в каких делах принимал участие и в какой роли.

— «Господа, — пожалуйте сюда, пригласил Император, — нам русский военный министр расскажет, где он был в Турции.»

И я очутился в роли лектора, изложив кратко то, о чем меня просили.

По этому поводу Император Вильгельм писал нашему Государю, 3-го января, 1913 года.

„Liebster Nicky!“

... „Dein Kriegsminister, General Suchomlinow, hat mir bei seiner Rückkehr von Leipzig einen Besuch gemacht. Er war sehr liebenswürdig und äusserst interessant bei der Beschreibung seiner Taten während des Feldzuges 1877 ...“ „Willy“*)

На меня лично Император Вильгельм производил впечатление монарха самостоятельного, про которого можно было действительно сказать: „Der kann herrschen und der weiß, was er will“ — он именно мог править и знал, чего хотел. Я внимательно наблюдал, как он делал распоряжения: — это было нечто по истине марсиальное, своего рода сверх-дисциплина, — он «повелевал». Содержание — лаконическое, но ясное, строго определенное; тон — решительный, повелительный. Стоящий перед ним генерал-адьютант — точно замер и с напряженным вниманием следил за каждым словом, — чтобы в исполнении получаемого приказания немыслимо было никакого недоразумения. Он не повторял приказания: о том, что он все усвоил себе, — император мог судить по ответам генерал-адьютантов: „Zu Befehl, Majestät“.

Невольно делал я сравнение с нашим Государем, милым, добродуш-

*) Prof. Dr. Walter Goetz. Briefe Wilhelm II an den Zaren, 1894—1914.

ным хозяином земли русской, — страны, сравнительно с Германией, — необ'ятной.

Николай Александрович приказывал ласково, точно стесняясь, и повелительное наклонение смягчалось у него тем мягким тембром голоса, — который так восхищал всех, имевших счастье ему представляться впервые.

Наш Государь очаровывал людей, говоривших с ним, — германский император мог запугать человека.

Глава XX

Наш союз с Францией

Причины франко-русского сближения. Значение для Франции. Бесполезность войны для нас. Переговоры начальников штаба. Мои переговоры с Жоффром в 1912 г. Его требования. Наш план наступления на Германию. Указания работ в русской армии. Наша жел.-дорожная политика. Переговоры Коковцова в Париже в 1913 г. Его мнение о нашем союзнике. Франция якобы миролюбива. Приготовления к нападению на Дарданеллы в 1913/14 г. г. Французское поощрение к этому. Извольский поддерживает французские советы. Воздействие внутренне-политического положения Франции на русские настроения. Моя статья в «Биржевых Ведомостях».

Командируя меня с депутацией на закладку Лейпцигского памятника, — Государь разрешил мне после того на две недели проехать на южный берег Франции, где находилась тогда моя жена. Как только я прибыл в Кап д'Эйль, из Петербурга пришла телеграмма о том, что мне высочайше повелевается сделать визит президенту французской республики. Вслед затем из Парижа приехал ко мне наш военный агент полковник граф Игнатьев и по поручению посла Извольского передал подробности выполнения предстоящего визита.

Оказалось, что командировка нашей депутации в Лейпциг и мое посещение Потсдама — вызвали в Париже известную сенсацию, для парирования которой признано было, в интересах политики, чтобы я представился оффициально главе нашей союзницы.

Вместе с Игнатьевым в тот-же вечер мы выехали в Париж; надо было спешить, ибо со дня на день Фальер должен был покинуть пост президента. После приема в Потсдаме свою военную одежду парадной формы из Берлина я отправил в Петербург, и поэтому повеление «проделать в Париже ритуал, выполненный в Потсдаме» — вполне тождественный, — было трудно. Пришлось являться в штатском костюме. Затем, что касается завтрака, который соответствовал-бы потсдамскому, — то этот вопрос при от'езде Игнатьева из Парижа не был еще окончательно решен, в виду правительственного кризиса.

Когда мы прибыли в Париж, то выяснилось у Извольского, что Фальер остается еще президентом всего лишь несколько часов. Наш посол был нездоров и принял меня лежа. У его постели мне был сообщен сле-

дующий церемониал: в черном, длиннополом сюртуке, палевых (или желтоватых) замшевых перчатках, не снимая цилиндра с головы, я должен был проследовать по всем коридорам и залам дворца, до приемной у кабинета президента республики. Сняв цилиндр, когда меня пригласили к президенту, я застал последнего тоже в черном сюртуке, причем он стоял, опираясь левою рукою на стол. В таком положении, обменявшись несколькими обычными фразами приветствия и о причинах моего прибытия на Ривьеру, — на что потребовалось едва-ли более пяти минут, — я откланялся и удалился, а через несколько минут после того Фальер покинул пост президента.

При обратном моем шествии, на лестнице дворца я встретил депутацию, которая шла заявить ему об этом.

После того в нашем посольстве выяснилось, что завтрак состоится у Пуанкарэ, в его собственном доме, на окраине Парижа. Об этом завтраке осталось у меня самое хорошее воспоминание.

Присутствовал почти весь состав кабинета министров; супруга Пуанкарэ своим любезным приемом затушевала всякую оффициальность; что-же касается меню и его выполнения, — то с тем, чем нас угостили хозяева дома, — я думаю никто в Париже не смог-бы выдержать конкурренции.

Не более часа или полутора, продолжалась трапеза при оживленной общей беседе, — в которой никто, ни единым словом не коснулся политики и моего посещения Потсдама и Лейпцига. На французском языке так удобно и остроумно можно говорить обо всем и не сказать, собственно говоря, — ничего.

Но завтрак продолжался не долго, — момент внутренней французской политики был очень острый, — я для них был несомненно обузой, да и сам спешил обратно на Ривьеру; поэтому после ликеров и сигар — попрощался со всеми дружески и, поблагодарив милую хозяйку дома, — уехал в наше посольство и в тот-же вечер укатил в Кап д'Эйль, близ Монако.

* * *

Доказывать, что для Франции союз с нами имел громаднейшее значение, — значило-бы ломиться в открытую дверь.

В военном отношении условия нашего союза с Францией, — вследствие того, что нас раз'единяли территории среднеевропейских держав, — имели крупный недостаток. Мы не могли установить ту взаимную связь, которая была у Германии с Австро-Венгрией. Армии этих наших противников стояли плечом к плечу и на смежной базе.

Для России союз с Францией имел существенное значение лишь в мирное время.

Поведение Франции во время Японской войны, могло-бы в этом отношении открыть глаза нашей дипломатии!....

Понятно, что при этом Франция нуждалась в сильном союзнике. А для этого в ее-же интересах было оказывать русской армии всякую помощь в деле усиления ее боеспособности, в самом широком смысле этого слова. Мое личное, уже давно высказанное мнение сводилось к тому, что наша союзница очень, конечно, дорожила помощью русской армии, но, однако, с чрезмерною дозою чистейшего эгоизма.

То, что французы могли для нас сделать в военном отношении, было чрезвычайно ничтожно.

Военное-же дело не может базироваться лишь на платонических выступлениях, — дружеских советах и красивых жестах. Реальную помощь не могут заменить дипломатические махинации, явные и тайные соглашения, с первым выстрелом, часто теряющие свою цену.

Была другая помощь, не обесценивая которую Франция могла нам действительно оказать. Она могла иметь место в области приготовлений к походу — еще до войны: финансовая помощь для постройки железных дорог, — поставка артиллерийского материала и в тесной связи с этим развитие наших железных и машиностроительных заводов. Эта помощь оплочена русским государством кровью, миллионами людей и в конце-концов его существованием. Вместе с тем эта помощь оказывалась при соблюдении строго коммерческих расчетов, — точно никакого крупного политического основания в этом деле для Франции даже не существовало.

Германские заводы работали тоже для нашей армии; чего нам Германия не давала, — это денег на развитие наших собственных внутренних сил. С возникновением войны Франция должна была прекратить свои поставки.

Несмотря на маловажное военное значение, которое имел наш военный договор с Францией в случае войны, он все же играл чрезвычайно важную роль во всей нашей политике по отношению к армии. Когда я вступил в должность военного министра, политическое положение было таково, что об изменении этой роли нечего было и думать, даже если бы я попытался ее устранить. Договор с Францией был исторически-политической необходимостью, с которой мне, как военному министру, оставалось лишь считаться; противодействовать я не мог, так как это было делом дипломатов.

Я уже указывал на то, в каком разочаровании вернулась армия из Балканской кампании 1877/78 г. г. Результат последовавшего за ней Берлинского конгресса усугубил это разочарование и отвлек большую часть направленного на Англию негодования — на Германию. Еще при правительстве Александра II — и во время военного министра Милютина было начато расширение системы укреплений на Висле. Положение на Балканах и развивавшиеся там действия Австрии снова направляли наши помыслы на запад, как на будущий театр военных действий. Французская дипломатия умно воспользовалась этим настроением, практически Франция выразила свой интерес по отношению к России выдачей значительных средств как в виде займов, так и помещением капиталов в индустрию, которою можно было бы усилить нашу военную промышленность. Это было основанием русского двойственного союза; французским дополнением к нему была идея реванша. В настоящее-же время ясно, что симпатии к России и к русскому народу при этом не играли роли, — то была исключительно спекуляция на русское пушечное мясо.

Когда я вступил в должность военного министра, господствовала, как я уже говорил, некоторая неуверенность в отношении ориентации русской внешней политики. Каким путем это дело вырешилось, осталось мне неизвестным; — для меня достаточно было знать, что русская дипломатия искала в связи с французско-английской комбинацией, созданной Эдуардом VII, большую безопасность, чем то-сулил союз с Германией и с заде-

вавшей наши интересы на Балканах Австро-Венгрией. Во время моих неоднократных поездок во Францию я мог видеть, что нас там ценили не особенно высоко: радикально-социалистическое правительство, стоявшее в то время у власти, относилось к нам недоверчиво из за нашей внутренней политики, на которую жаловалась так называемая русская интеллигенция во всем мире, т. е. наши собственные революционеры, евреи и поляки, в то время как консервативные и националистические круги Франции обвиняли нас по внутренне-политическим причинам в том, что царское правительство идет рука об руку с французским радикализмом. В конце концов во Франции победил холодный рассудок, когда Столыпин восстановил внутренний порядок и когда промышленность начала опять работать и платить французским акционерам дивиденды и, в конце концов, когда совет государственной обороны исчез с горизонта, чтобы уступить место производительному ведению дел в военном ведомстве.

Военной конвенцией 4/17 августа 1892 г. было между прочим установлено, чтобы русский и французский начальники генеральных штабое встречались по возможности раз в год, или же по мере надобности, для личных переговоров. За время Палицына, т. е. когда начальник генерального штаба, в качестве доверенного великого князя Николая Николаевича, вел «стратегию» помимо военного министра, эти свидания сводились к весьма интимным беседам, в течении которых французам удалось чрезвычайно подробно знакомиться со всеми нашими обстоятельствами. Поэтому они вскоре знали лучше, чем наши государственные люди, чего нам недостает и пользовались своим превосходством с холодным рассчетом. Я лично не принимал участия в этих свиданиях, а передал защиту наших интересов начальнику генерального штаба, который мне и докладывал. Протоколы этих заседаний я давал Государю.

При всех моих личных беседах с французскими офицерами проглядывало их боязнь нападения Германии. Начальники французского генерального штаба Дюбайль и Жоффр так же высказывали эти опасения. В 1912 году, во время моего пребывания в Париже, Жоффр подчеркивал свои опасения, указывая на работу немцев по улучшению их железнодорожной сети и на устройство и укрепление военного лагеря в Эйфеле. Мы были одного мнения, что немецкий план направлен к тому, чтобы сначала сразить Францию несколькими решительными ударами, и затем обрушиться на Россию. Из этого мы вывели заключение, что нашей задачей является одновременное наступление на Германию с Востока и с Запада. Франция предполагала подготовить для этой цели по крайней мере 1.300.000 человек, а Россия 800.000. Жоффр полагал тогда, что Италии можно будет угрожать несколькими запасными частями, которым предоставилась бы защита проходов через Альпы. В случае нападения со стороны Германии, Жоффр рассчитывал на помощь Англии. Наше положение было не особенно благоприятно. Австрия улучшила в значительной степени как свою военную мощь, так и свои железные дороги; причиненная же нам австрийцами неудача могла иметь неизмеримые моральные последствия как в отношении настроения в России, так и в отношении наших военных операций; постройка железной дороги в Малой Азии не могла остаться без влияния на Кавказский фронт; в Румынии и Швеции мы не были уверены, и при царивших, особенно в

Швеции, симпатиях к Германии мы были вынуждены удерживать на всякий случай в Финляндии и в окрестностях Петербурга нужные главному фронту против Германии воинские части. Жоффр возразил на мои заявления, между прочим, замечанием, что в случае, если Германия будет побеждена, все колеблющиеся станут на нашу сторону. Соответственно с этим, между нами было условлено, вести наступательную войну, с неизменной целью победить Германию. Русской армии в виду этого ставилась задача: энергичным наступлением, по кратчайшему направлению на Берлин, — ослабить противника, притянув на себя побольше германских сил.

Ни в разработку операционных направлений, ни в прочие детали исполнения задач каждой стороны мы во время моего пребывания на посту военного министра не входили. Генерал Жоффр был одного со мной мнения, что все проекты военных операций, подробно разработанные в кабинете, задолго до начала войны, — труд академического характера, который с выступлением войск в поход может остаться дома.

Все, что касается мобилизации и сосредоточения войск в районе исходного положения армий, на том или другом театре военных действий, — подлежало самой тщательной разработке, на основании конкретных данных. Затем планы развития операций, с открытием кампании, — это было уже не дело кабинетной разработки, а полководческого творчества, — в полной зависимости от создающейся обстановки и действий противника. Так понимали мы это дело.

Тем большее внимание мы посвятили в наших переговорах сокращению мобилизационного и концентрационного времени и коснулись этим самого больного места России — железных дорог.

Обширная площадь русского государства, 180-миллионное население которого распределено было неравномерно в Европе и Азии, — прежде всего затрудняла дислокацию, а затем и быструю мобилизацию армии и скорое сосредоточение ее на предстоявших театрах военных действий. Развитие нашей железнодорожной сети имело поэтому громадное значение для успешного разрешения всех вопросов по передвижениям, как запасных людей и мобилизованных частей, — так и пополнения в военное время снабжения, снаряжения и довольствия русской армии.

Французы, поэтому, охотно шли на встречу нам в деле помощи по постройке железных дорог и в особенности тех из них, которые имели стратегическое значение.

Таковыми были, конечно, линии, преимущественно направлявшиеся от центра к западной границе — и затем — рокировочные, — параллельные фронтам сосредоточения армий. Эти дороги, имевшие значение для военных целей, не могли быть всегда интересными в торговом отношении, — их эксплоатация обещала убытки, а не доходы.

Так как государственный бюджет наш и без того хронически страдал недоборами, — то на счет казны избегали их строить, — а на постройки стратегических дорог солидные частные капиталисты не шли.

Генерал Жоффр составил для нашей железнодорожной сети большую и дорого стоющую программу, целью которой было провести с наибольшей скоростью концентрацию назначенных против Германии войсковых частей на Висле и дать им возможность наступления на Восточную Пруссию в направлении на Алленштейн или Торн—Позен с такими силами, кото-

рые могли бы удержать 5 или 6 германских корпусов. Согласно этим договорам, которые возобновлялись ежегодно на конференции обоих начальников генерального штаба и признавались обоими правительствами, велись работы в русском военном министерстве и его отделении генерального штаба. Победить Германию — был лозунг, господствовавший над всею деятельностью армии. Время исполнения этой военной задачи обусловливалось, однако, не военными, а дипломатами.

В какой степени постройка железных дорог в России была использована в интересах парижских банкиров, показывает корреспонденция, имевшая место между министром финансов и премьером Коковцовым, с одной, и русским министерством иностранных дел, с другой стороны. Для характеристики направления Коковцовым государственных дел России интересны следующие документы:

«Письмо мин. финансов В. Н. Коковцова министру иностр. дел С. Д. Сазонову.

Министр финансов. В. срочно.

Получено 17 июня 1913 г. 639. В. доверительно.

Милостивый Государь,

Сергей Дмитриевич!

Приехавший в С.-Петербург председатель Синдикальной Палаты Парижских Биржевых Маклеров, г. де-Вернейль сообщил мне, что он уполномочен передать взгляд французского правительства на выпуск в Париже русских государственных и гарантированных правительством займов. Взгляд этот он передал мне в нижеследующем изложении:

«Я уполномочен Вам сообщить, что Французское Правительство расположено разрешить Русскому Правительству брать ежегодно на парижском рынке от 400 до 500 миллионов франков в форме государственного займа или ценностей обеспечиваемых государством для реализации программы железнодорожного строительства во всей империи на двояком условии:

1. Чтобы постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом, была предпринята немедленно.

2. Чтобы наличные силы русской армии в мирное время были значительно увеличены».

С своей стороны, я считаю необходимым передать Вашему Превосходительству приведенное заявление г. де-Вернейля. Вместе с тем по существу затронутого вопроса не могу не заметить, что готовность Французского Правительства обеспечить России возможность ежегодной реализации крупной суммы представляла бы для нас несомненное значение, особливо если принять во внимание то решающее влияние, которым названное Правительство пользуется по отношению к финансовым сферам Парижа.... Притом едва ли могут вызвать какое либо затруднение те условия, с которыми сопряжено согласие Французского Правительство на реализацию наших займов.

Как известно Вашему Превосходительству, уже в течение ближайшего времени предстоит рассмотрение в законодательных установлениях предложений Военного Министерства, последствием коих явится увеличение армии в мирное время на 360 тысяч человек сверх нынешнего ее состава.

Равным образом едва ли предвидится замедление и в усилении сети стратегических линий на нашей западной границе. Хотя я не имею в настоящее время в моем распоряжении перечня дорог, постройка которых представлялась бы желательной с точки зрения Французского Генерального Штаба, но полагаю, что

линии, рассмотрение коих предстоит в комиссии о новых железных дорогах, а также проведение вторых путей на казенных железных дорогах, согласно предположениям Министерства Путей Сообщения, вполне удовлетворят пожелания Французского Правительства.

В виду сего, полагая, что соглашение на приведенных основаниях представлялось бы вполне приемлемым, имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой, не признаете ли Вы возможным войти в сношение по сему вопросу с Французским Правительством для оффициального подтверждения переданных г. Вернейль предложений... (подпись) В. Коковцов».

Далее Коковцов жалуется, что железнодорожный заем будет стоить железнодорожным обществам и русскому государству 7—11 % ежегодно, но все-же предложение необходимо принять и что он попытается, пользуясь случаем своего пребывания осенью в Париже, вырвать более выгодные условия.

15/28 августа 1813 г. Сазонов получает подтверждение предложения де-Вернейля со стороны французского правительства. Условиями допущения русского займа на французском рынке в размере 400—500 миллионов франков — ставится:

1. Постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом на западной границе, будет немедленно предпринята;

2. Наличный состав русской армии в мирное время будет значительно увеличен.

Коковцов просит Сазонова сообщить французскому правительству, «что сделанное им предложение соответствует нашим взглядам и принято нами к сведению» (письмо от 24 августа / 6 сентября 1913 г., № 885). Самому же министру он об'являет, что сопряженные с предложением условия явились-бы для нас до некоторой степени обременительными, . . .

«...если бы, например, желание Французского Правительства, предусматривающее усиление мирного состава нашей армии, не было заранее положено в основание переустройства наших вооруженных сил и не было бы поставлено вне какой бы то ни было связи с теми или иными финансовыми операциями на французском рынке... Что же касается отдельных железнодорожных линий и в частности линий значительного протяжения, в особенности в западной полосе России, то в этом отношении мне не было заявлено ни военным министром, ни начальником главного штаба каких либо конкретных предложений; в беседе же моей с недавно пребывавшим здесь начальником французского генерального штаба генералом Жоффр я подробно ему выяснил, что интересы нашей обороны в значительной степени обеспечиваются теми мероприятиями в области железных дорог, которые осуществлены в последнее время и намечены к исполнению на ближайшее будущее. Я не встретил в этом отношении каких либо принципиальных возражений со стороны генерала, и Жоффр вынес личное впечатление, что Французское Правительство не располагает какими-либо конкретными настояниями, которые оно имело бы в виду нам пред'явить...»

Барон Шиллинг, вскрывший это письмо за отсутствием Сазонова, отсылает его министру в Киев 2/15 сентября 1913 г. со следующими примечаниями:

«Как Вы увидите из текста французского сообщения, французы, соглашаясь открыть нам на парижском рынке довольно крупный кредит, ставят для этого два весьма определенных условия: немедленную постройку известных стратеги-

ческих путей и увеличение мирного состава нашей армии. В своем отзыве В. Н. Коковцов предлагает кредит принять, но заменить обязательство с нашей стороны строить указанные линии ссылкой на общие мероприятия, направленные к улучшению пропускной способности нашей железнодорожной сети.

Если вспомнить прошлогоднее обращение к Вам Пуанкарэ, его письмо Государю и последующие настояния Делькассэ, то едва ли можно ожидать, чтобы французы удовольствовались предлагаемым В. Н. Коковцовым ответом.

Нам до сих пор еще не доставлен протокол совещаний Жилинского с генералом Жоффр, а поэтому мы, как это ни странно, до сих пор еще не знаем, на чем согласились в отношении железных дорог оба начальника штабов в нынешнем году. Из линий, о которых шла речь в прошлом году, как Вы помните, наш Генеральный Штаб признавал две предложенные французами линии желательными и отвергал лишь третью (балтийскую). До возвращения Жилинского (в половине сентября) нам и обсуждать этот вопрос трудно. Между тем играть на словах в переговорах с союзниками, заявляя о нашем согласии на условия, в которые мы влагаем совсем иной смысл, чем они, — представляется мне вредным для наших взаимных отношений, вселяя только недоверие к нам...»

18 сентября / 1 октября 1913 г. М. Ф. Шиллинг вновь сообщает своему, пребывающему в Виши во Франции министру:

«...Из личных об'яснений с В. Н. Коковцовым и с генералом Жилинским выяснилось, что по существу вопрос представляется следующим образом.

Относительно второго из поставленных французами условий (усиление состава нашей армии) Жилинским сообщены Жоффру подробные данные, повидимому, вполне удовлетворившие последнего.

Что же касается железных дорог, то, как Вы помните, французы в прошлом году просили об удвоении колен на линиях: Брянск—Гомель, Пинск—Жабинка и Петербург—Тапс—Рига—Муравьево—Ковно, а также учетверение путей между Жабинкой и Брестом, Седлецом и Варшавой.

Из этих желаний некоторые уже нами удовлетворены нынешним летом, не дожидаясь заключения предлагаемого ныне соглашения. А именно уложена вторая колея на участках Брянск—Гомель и Пинск—Жабинка и остается лишь закончить работы по расширению станций на этих линиях.

Вследствие возражений нашего Генерального Штаба против удвоения упомянутой прибалтийской линии (СПБ—Рига—Ковно) и учетверения линии Седлец—Варшава, французы теперь на этом не настаивали, но высказали ряд новых пожеланий: во-первых, они согласились с мнением нашего Генерального Штаба о предпочтительности постройки новой железной дороги Рязань—Тула—Сухиничи—Бобруйск—Черемха (или Бельск)—Варшава, взамен вышеуказанного усиления линий СПБ—Рига—Ковно и Седлец—Варшава; во вторых, они просили об удвоении линий: Лозовая—Полтава—Киев—Сарны—Ковель и Батраки—Пенза—Ряжск—Смоленск (либо через Тулу и Калугу, либо через Богоявленск—Сухиничи), а также Вильна—Ровно...»

21 сентября / 4 октября Коковцов сообщает из Полтавы товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову свое мнение по этому вопросу:

«...Этот вопрос составлял предмет моего подробного всеподданнейшего доклада, и по содержанию его я получил точные указания от Государя Императора, которым и предполагаю следовать в точности при моих переговорах с нашими друзьями и союзниками, которых я охотно променял бы на кого угодно, настолько тяжело вести с ними переговоры по всем тем вопросам, которые не затрагивают их собственные интересы. Из об'яснений моих в Ялте с военным министром, а также

из всеподданнейшего доклада выяснилось вполне определенно, что о переговорах генерала Жоффр с генералом Жилинским известно только то, что переговоры эти были, но в чем они заключаются — остается в области полного неведения.... Кроме того, мне кажется, что не следует придавать сколько нибудь серьезного значения словам господина Дульсье. На меня он произвел впечатление, что называется, „pauvre sire" он решительно ничего не понимает...»

Переговоры Коковцова в Париже заканчиваются протоколом, в котором, между прочим, устанавливается, что русскому правительству предоставляется право реализовать на парижском рынке ежегодно в течении пяти лет до 500 миллионов франков для проведения своей железнодорожной программы и что работы по постройке железных дорог должны быть с таким рассчетом начаты, чтобы через четыре года быть законченными. Первая эмиссия выпускается в январе 1914 г.

Г. Коковцов, по своему возвращению, подробно докладывал Государю об успехах своей поездки во Францию и Германию. В этом докладе, между прочим, значится и характеризует всю опасность нашего союза с Францией следующее место:

«...Во всяком случае, одно не подлежит никакому сомнению — это то, что Франция в настоящее время гораздо более миролюбива, нежели два года тому назад, и настроение это не может не отразиться на более спокойном отношении к разнообразным вопросам современной политической жизни.

В этом отношении есть, однако, одна невыгодная для нас черта. О ней я не смею умолчать перед Вашим Императорским Величеством. Франция никогда не отойдет от нас в крупных вопросах крупной политики, особенно глубоко затрагивающих ее жизненные интересы, но там, где эти интересы не затронуты, где преобладают интересы другие — русские и обще-европейские, — там Франция будет бесспорно весьма сдержана и, по всем вероятиям, станет влиять и на нас в смысле более мягкого разрешения возникающих вопросов»...

Уже несколько недель спустя, после выпуска займа в Париже, я получил 8/21 февраля 1914 г. приглашение на чрезвычайное заседание у Сазонова, на котором должен был обсуждаться один из вопросов, принадлежащий по моему мнению к тем утопиям, за которыми гонятся лишь чудаки: нападение на Дарданеллы.

На основании моих наблюдений на дессантном маневре в 1903 г., я не мог отказаться от заключения, что наш десант на Босфоре — это дорогая игрушка и сверх того может стать опасной забавой, — по крайней мере еще в течение долгого времени. Но после того, как нападение японцев на Порт-Артур удалось с таким блестящим успехом, — последний вскружил головы многим публицистам, фантазерам, просто спекулянтам, а к сожалению, и головы наших ответственных дипломатов.

В 1913 г. я докладывал Государю мою личную точку зрения относительно рискованности самой операции по занятию проливов с технической стороны.

Выслушав мой доклад, император Николай II, видимо настроенный оптимистично, — не отрицая трудности операции с военной стороны, — дал мне понять, что в этом деле идея и цель всего вопроса имеют такое доминирующее значение, что технические детали отходят на задний план.

При подобном взгляде на это дело в особом совещании, имевшем место 8/21 февраля 1914 г., под председательством министра иностранных дел Сазонова, я личного участия не принимал.

Мой взгляд на дело был хорошо известен начальнику генерального штаба, который и мог, поэтому, быть моим заместителем в совещании. В последнем и была выяснена трудность выполнения этого предприятия. Экспедиция вызывала необходимость выделения не менее четырех армейских корпусов. Части эти необходимо было содержать в мирное время в усиленном составе. Затем надо было иметь в виду, что осуществление десантной операции будет находиться в полной зависимости от положения дел на главном австро-германском фронте.

По мнению членов совещания от министерства иностранных дел, — войска, предназначенные специально для дессанта, нельзя предназначать для какой-либо еще другой цели. Кроме того следовало бы, по их мнению, усилить экспедицию к Босфору выделением войск из состава округа.

Техническую невыполнимость этого предложения в такой короткий срок пришлось выяснять дипломатическим представителям, явно не считавшимся с общей обстановкой возможной войны.

Они требовали еще в мирное время ни более ни менее, как образования и сосредоточения мобилизованных сил около 200.000 человек, с соответствующим флотом, для обеспечения переброски их через Черное море!.. Точно также представителю морского ведомства пришлось выяснять им, что в три, четыре дня после об'явления войны появиться перед Босфором — немыслимо.

Что вся эта фантастическая затея на словах и на бумаге — не могла иметь никакого практического результата, для меня было ясно. Убедить в этом Государя мне не довелось, — это был, очевидно, тот случай, когда его величество считал военного министра не компетентным в делах не его ведомства.

Царь, таким образом, оказался на стороне дипломатии. Но военному ведомству в действительности не пришлось затем палец о палец ударить, для приведения в исполнение проекта министерства иностранных дел.

Я тогда и не подозревал, какое серьезное основание имело совещание у Сазонова. Теперь мне понятна та спешка, в которой он проводил дело. Письмо русского посла в Париже, А. П. Извольского, С. Д. Сазонову от 19 декабря 1913/1 января 1914 года поясняет многое. В этом письме затронут спор между Германией и Россией по поводу немецкой военной миссии в Константинополе. В связи с этим посол сообщает:

...«Как я телеграфировал Вам, г. Думерг настойчиво запрашивал меня о том, какие именно меры принуждения мы намерены предложить, если переговоры в Берлине и Константинополе не приведут к желаемому результату. По этому поводу не могу не передать Вам довольно курьезного разговора, который я имел с г. Палеологом; по его словам, находящийся в настоящую минуту в Париже г. Бомпар высказал ему, в виде личного мнения, что если мы не добьемся мирным путем нашей цели, нам следует испросить у султана фирман на проход через проливы одного из наших черноморских броненосцев, ввести его в Босфор и об'явить, что он уйдет лишь после изменения контракта генерала Лимана и его офицеров. На мой вопрос, могу ли я передать этот отзыв, Палеолог сообщил, что не видит к этому препятствий, но что, разумеется, речь идет о чисто личном взгляде г-на Бомпара и что ни в каком случае инициатива подобной меры не должна быть приписана Франции. Когда же я заметил, что вряд ли султан выдаст нам вышесказанный фирман, г. Палеолог сказал мне, что русский броне-

носец может войти в Босфор и без фирмана и что турецкие батареи, конечно, не решатся открыть по нем огонь. Я не берусь судить, насколько продуманы суждения французского посла в Константинополе, но весьма характерно, что в здешнем министерстве иностранных дел допускают возможность подобного крутого оборота дела; прибавлю так же, что если бы мы решились на подобное энергичное действие, то общественное мнение Франции несомненно высказалось бы в нашу пользу, ибо оно весьма чутко ко всему, что касается национального достоинства и живо ощущает невозможность германского влияния в Турции.

Извольский».

Сазонов уже занимался, независимо от только что приведенных французских указаний по поводу пребывания немецких офицеров в турецкой армии, — серьезными мероприятиями против Турции.

Как видно из «секретного» письма Извольского от 2/15 января 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов передал 23 декабря / 5 января Государю записку, в которой приводятся разные предложения, чтобы во что бы то ни стало устранить немецких инструкторов из Константинополя. Согласно этой записке, Сазонов предложил Государю три мероприятия: финансовый бойкот Турции, отозвание послов России, Франции и Англии из Константинополя и, наконец, занятие разных побережных пунктов Турции. Извольский вел по этим вопросам секретные переговоры с Думером и Пуанкарэ; оба об'явили о полном согласии и неоднократно повторяли русскому послу: «само собою разумеется, что мы Вас поддержим». В своем письме от 2/15 января 1914 г. Извольский критикует предложения Сазонова и приходит к заключению:

... «Наконец, судя по прошлым разговорам моим с французскими министрами, третья, предложенная Вами мера — занятие нами Трапезонда или Баязида, а французами и англичанами — Смирны и Бейрута, вызовет здесь особенные опасения и возражения. Французское правительство убеждено в том, что всякое активное выступление в пределах именно Малой Азии, неминуемо вызовет активное вмешательство Германии и поведет к немедленному разделу Азиатской Турции, со всеми сопряженными с этим опасностями. Кроме того, необходимо иметь в виду, что если бы Франция и решилась на подобное выступление, то она ни в каком случае не согласилась бы добровольно предоставить Англии занятие ни Бейрута, ни даже Смирны, где, по ее понятию, должны преобладать французские интересы. По этому поводу считаю долгом напомнить Вам о мнении, высказанном мне Палеологом, как бы от лица Бомпара, что мы могли бы послать броненосец из Черного моря в Босфор; это, мне кажется, лишний раз доказывает, что здесь считают более целесообразными действия, которые имели бы об'ектом не азиатские, а европейские владения Турции ...»

Весною и летом 1914 г. я дважды вынужден был вмешаться в политические вопросы. Печатная полемика приняла чрезвычайные размеры. Все газетные редакции мира казались в высокой степени нервными, в особенности у нас в Петербурге и в Берлине. Миссия Лиман-Зандерса в Турции вызывала у нас впечатление, будто в Константинополе хотят организовать воинские части, долженствующие помочь туркам в любое время, а, смотря по надобности, и закрыть проливы. А это означало — война. В этом у Государя не было никакого сомнения. В «Кельнише Цейтунг» появилась статья с выпадами против военного министерства, которая не могла оставаться без ответа, ввиду того, что пестрела невер-

ными показаниями о развитии русской армии и обвиняла нас в приготовлении нападения на Германию. Против этой статьи я резко восстал. Немецкие пилоты, спускавшиеся даже на Урале, давали общественному мнению повод опасаться, что Германия со своей стороны подготовляет нападение на Россию. Эти трения не оказали бы, быть может, такого глубокого влияния, если бы одновременно не появилась на горизонте в момент критического положения на Балканском полуострове опасность, заключавшаяся в возможной потере практической ценности русско-французского союза. Во Франции кабинет Думер-Кайо, опиравшийся на леворадикальное большинство, которое вовсе не относилось к России с большой симпатией, получил возможность руководить новыми выборами, что в свою очередь дало Думеру возможность предоставить государственный выборный аппарат целиком в распоряжение этих пацифистических и по отношению к нам враждебно настроенных партий. В связи с этим и результат выборов в пользу левых радикалов совпал как раз с тем важным моментом, когда вопрос о введении трехлетнего срока службы, которое нам обещали Жоффр и Пуанкарэ, был принят парламентом. Чтобы заставить французов вспомнить свой долг, одновременно сгладить паническое настроение у нас и поднять нашу самоуверенность, я распорядился напечатать ту статью в »Биржевых Ведомостях«, которую немцы приняли за угрозу по их адресу: **«Россия готова, Франция так же должна быть готова».** Это было в начале июня. Статья эта не сумела успокоить Петербург, так же как и ставшие вскоре гласными сведения об отношении нового французского правительства к России не сумели успокоить нервного настроения. После заключения морского соглашения с Англией, русская дипломатия почувствовала себя достаточно сильной, чтобы проводить свои планы, не считаясь с немцами. Общественное мнение же придерживалось взгляда, что Россия не должна снова упускать случая и что русские интересы не должны стоять в зависимости от внутренних политических течений Франции . . .

Глава XXII.

Протокол конференции в Красном Селе в 1911 г. Протокол конференции в Париже в 1912 г. Протокол конференции в С. Петербурге и Красном Селе в 1913 г.

Протокол совещания 18/31 августа 1911 г.

Во исполнение параграфа 1 статьи 4 Военной Конвенции от 17 августа 1892 г., начальники генеральных штабов армий русской и французской собрались на конференцию в Красном Селе 18/31 августа 1911 г. Французский военный атташе присутствовал в качестве секретаря.

Различные пункты конвенции были последовательно рассмотрены участниками совещания и послужили поводом к нижеследующему обмену мнениями.

Вступление.

«Оба начальника генеральных штабов подтверждают точку зрения, что слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том смысле, что «война будет вестись оборонительно». Они, наоборот, утверждают, что для русских и французских армий является безусловной необходимостью предпринять энергичное наступление и, притом, насколько возможно одновременно, так как, согласно тексту параграфа 3 конвенции, «силы обеих договаривающихся держав» выступают в полном составе и с наивозможной быстротой.

Статья 1.

Те же замечания, что и на конференции 1910 г., изложенные следующим образом:

«Оба начальника генеральных штабов, подтверждая точку зрения предыдущих совещаний, вполне согласны с тем, что поражение германских войск остается, каковы бы ни были обстоятельства, первой и основной целью союзных войск».

Статья 2.

Те же замечания, что на конференции 1910 г., изложенные следующим образом:

Участники совещания снова с общего согласия выражают мнение,

формулированное на заседании 8/21 апреля 1906 г. (параграф 2, главы 1), что мобилизация германской армии обязывает Россию и Францию одновременно мобилизовать все силы при первом известии о событии, без предварительного на то соглашения; в случае же частичной или даже всеобщей мобилизации в Австрии или Италии, им представляется необходимым такое же соглашение. В виду этого они согласились просить каждый свое правительство точно определить этот пункт, обративший уже на себя внимание их предшественников.

Статья 3.

Разделяя мнение своих предшественников, участники совещания полагают с общего согласия, что Германия направит наибольшую часть своих сил против Франции, а против России ставит только минимальную часть своих войск.

Генерал Дюбайль об'являет, что такая оценка положения подтверждается новыми аргументами, а именно недавно произведенными немцами усовершенствованиями сети западных железных дорог (путей, верфей, набережных для выгрузки) и укреплениями, возведенными на французской границе.

Начальник французского генерального штаба развивает затем следующие соображения:

Из того, что известно о германской мобилизации и концентрации, можно заключить, что первые крупные столкновения произойдут, вероятно, в Лотарингии, Люксембурге и Бельгии на 15—18 день. Французская армия будет в это время иметь наивысший наличный состав в 1.300.000 человек, предусмотренный параграфом 3 конвенции.

Предполагается, что немцы направят свои враждебные действия с такой энергией, чтобы с первых же дней подчинить противника своей инициативе и добиться решающего удара или, по крайней мере, принудить французов к обороне.

В случае успеха они, таким образом, будут иметь возможность перенести в назначенное время большую часть своих сил против России.

Французский генеральный штаб имеет основание полагать, что при теперешних обстоятельствах (авг. 1911 г.) в случае, если Германия вызовет войну, то ни Австрия, ни Италия не пойдут за нею непосредственно.

Генерал Жилинский допускает, что так поступит Италия, но что касается австрийцев, то он думает, что они, наоборот, должны будут принять сторону немцев, хотя бы из благодарности за поддержку, оказанную последними Австрии в Боснии и Герцоговине.

Генерал Дюбайль, продолжая свое изложение, указывает на основные черты мобилизации и концентрации французов. Он утверждает, что французская армия концентрируется так же быстро, как и немецкая, что на 12-ый день она уже будет готова предпринять наступление против Германии, с помощью английской армии на левом фланге.

Итак, Франция готова выступить, точно придерживаясь параграфа 3 военной конвенции 1892 г. Однако, чтобы быть уверенным в успехе, необходимо, чтобы она получила одновременную помощь со стороны русской армии в ее полном составе.

Одним словом, надо, чтобы Германия была одновременно атакована с востока и с запада.

Принимая во внимание глубокое различие, существующее в положениях географическом, экономическом, политическом и военном союзных держав, всегда было затруднительно достигнуть этой одновременности, являющейся идеалом, в настоящее время неисполнимым.

С 1900 г. русский генеральный штаб, сообразуясь с этой точкой зрения, обязывался атаковать на 18-ый день с первым же отрядом достаточным для того, чтобы победоносно сразиться с пятью или шестью немецкими корпусами, опирающимися на известное количество резервных дивизий.

В 1908 г. озабоченный теми же соображениями, он искал средств причинить немцам с самого начала войны возможно более беспокойств на восточной границе.

Кажется, что новое перемещение русских войск в мирное время повлечет за собою затруднения в смысле быстрого вмешательства с самого начала кампании.

Действительно, в 1910 г. переход через границу был назначен только на 20-ый день.

Французский генеральный штаб может только еще раз подтвердить мнение, изложенное много раз в предыдущих конференциях. Ему представляется, что цель, которую должны преследовать руссские войска, заключается в том, чтобы заставить Германию задержать на восточной границе возможно большее количество сил.

Эта цель, составляющая основу военной конвенции 1892 г., может быть достигнута только наступлением.

Эффект этого наступления будет тем действительнее, если произойдет наивозможно более быстро, будет выполнен с наибольшим количеством сил и примет наиболее опасное направление для противника.

При этих условиях, допуская с общего согласия участников совещания, что немцы направят свои главные силы против Франции, начальник французского генерального штаба выражает пожелание, чтобы возможно ближе подойти к диспозиции, заключающейся в переходе к наступательным действиям с первым же эшелоном на 18-ый день; быть может даже этот срок мог-бы быть сокращен, благодаря достигнутым недавно успехам в русской мобилизации и концентрации.

Генерал Дюбайль заканчивает свой доклад сообщением, что ему известны мотивы, которые принудили Россию пересмотреть расположение войск в мирное время на ее территории. Он свидетельствует свое искреннее уважение перед усилиями, сделанными за три последние годы Россией для усиления военной мощи и счастлив констатировать улучшение, произведенное в целом в дружественной и союзной армии последними изменениями, введенными в мобилизацию.

Генерал Жилинский излагает точку зрения России. Он прежде всего открыто заявляет желание императорского правительства добросовестно исполнить обязанности, наложенные на него конвенцией.

Генерал Дюбайль спешит об'явить, что он оценивает во всей его полноте лойяльность этого заявления в момент, когда возникают затруднения из за марокксsucceeding дел и когда нельзя еще дать себе точного отчета в истинных намерениях Германии.

Генерал Жилинский добавляет, что принимая во внимание настоящие опасности конфликта, русский генеральный штаб обязан точно озна-

комить французский генеральный штаб с действительным положением русской армии.

Реорганизация началась после войны в Маньчжурии; но фактически преобразование началось только в 1908 г., т. е. всего четыре года. Много улучшений находится на пути к осуществлению; но действуя даже с наибольшей поспешностью, русская армия сможет иметь полный комплект тяжелой полевой артиллерии только в 1913 г., митральезы в 1914 г., а ружейные патроны нового типа для пехоты в 1916 г. Сверх того, в данное время не имеется экипировки для большей части резервных полков. Генерал Жилинский дает по этим пунктам точные указания и подтверждает их цифровым данными.

Он добавляет, что когда русская армия закончит свою реорганизацию, то она выставит в строй наличный состав войска, значительно превышающий количество в 800 000 человек, предусмотренное конвенцией.

Необходимо заметить при этом, что Австрия сделала крупные успехи с военной точки зрения.

Ее мобилизация протекает теперь так же быстро, как мобилизация русской армии, а концентрация передвинута ближе к границе по сравнению с тем, как было до сих пор. Русский генеральный штаб принужден допустить, что Австрия будет готова перейти к наступательным действиям прежде, нежели русское войско будет готово встретить неприятеля. При этих условиях выясняется, что ранее двух лет Россия не будет в состоянии выдержать войну с Германией с уверенностью в успехе. Конечно, она сможет отражать удары, но к тому, чтобы выдержать удары решительные, она подготовлена очень мало. Тем не менее, каковы бы ни были эти, указанные выше пробелы в подготовленности русской армии к войне, дружественный и союзный генеральный штаб заявляет, что он готов удовлетворить в возможно большем размере все пожелания, высказанные французским генеральным штабом.

Генерал Жилинский подчеркивает особенно, что войска мобилизованной действующей армии за исключением последних частей, поездов и обозов, закончат свою концентрацию на границе на 15-ый день и постараются приступить к наступлению в этот срок, не ожидая последних частей, о которых шла речь и которые будут сформированы не ранее, чем на двадцатый день.

Генерал Жилинский полагает, что меры, предпринятые штабом, заставят немцев оставить на восточной границе по крайней мере пять или шесть корпусов, как этого хочет французский генеральный штаб.

Кроме того он дает детальные указания о мобилизации и концентрации русских войск (наличный состав, сроки приготовлений, общая диспозиция концентрации).

Генерал Дюбайль благодарит генерала Жилинского за его откровенное изображение производящихся приготовлений в русской армии и заявляет, что вполне удовлетворен наступательным действием, которое начнется тотчас же после 15-го дня и будет способно задержать, по крайней мере, пять или шесть корпусов германской армии на границе восточной Пруссии.

Статья 4.

Начальники генеральных штабов воспроизводят без изменений шесть первых параграфов замечаний, относящихся к статье 4 конференции 1909 г. и гласящих:

«Участники конференции признают с общего согласия следующие пункты:

1. Конференции между обоими начальниками генеральных штабов будут периодическими и в принципе ежегодными.

2. Сверх того совещания будут происходить каждый раз, как только один из генеральных штабов выразит на это желание.

3. Протокол конференции будет предоставлен на одобрение правительств обеих стран при одновременном утверждении его со стороны военного министра и председателя совета министров; таким образом, начальники генеральных штабов союзных армий смогут опереться на этот документ при осуществлении желательных улучшений.

4. Должна быть выработана более правильная и совершенная форма для обмена сообщениями между генеральными штабами.

В частности перед каждой конференцией будет происходить обмен мнений по поводу пунктов, предназначенных к рассмотрению.

Начальники генеральных штабов настаивают в особенности, чтобы протоколы совещаний представлялись на утверждение обоих правительств.

Что касается путей и средств сношения в военное время, то участники конференции согласны, что преимущество должно быть дано беспроволочному телеграфу.

Линия Париж—Бобруйск функционирует удовлетворительно. Во всяком случае желательно, чтобы в Бобруйске были поставлены более сильные аппараты.

Севастопольская станция действует не регулярно. Русский генеральный штаб заявляет, что намеревается передать ее в полное распоряжение флота, которому она принадлежит и который пользуется ею почти беспрерывно для собственных надобностей, и установить на берегах Черного моря, помимо Севастополя, другую станцию, которая будет устроена исключительно для пользования ею во время военных действий.

Шифр мирного времени действует уже с 1910 г.

Генерал Дюбайль сообщает, что шифр военного времени будет готов, вероятно, через месяц.

Участники конференции согласны созвать снова в начале будущего октября техников франко-русской комиссии, чтобы на месте изучить, какие меры нужно принять для правильного функционирования четырех станций: Бобруйск—Париж—Черное море—Бизерта и обеспечить их действие. Комиссия техников соберется в Бобруйске, затем в Крыму и, если будет необходимость, то в Париже и в Бизерте.

Другие предусмотренные меры для сношений в военное время следующие:

1. Эмиссары, курсирующие взад и вперед между Данией и Бельгией. Предполагается установить такое же сообщение между Англией и Данией.

2. Телеграф через Соединенные Штаты, Тихий Океан или через Средиземное море и Турцию.

Мысль о прямом проводе между Россией и Францией оставлена, точно так же как и сношения при помощи почтовых голубей.

Статья 5.

Те же замечания, что и на конференции 1910 г., гласящие:

«Участники конференции согласны, что параграф пятый обязывает договаривающихся не только не заключать сепаратного мира, но и не прекращать военных действий и не заключать перемирия отдельно от союзника.»

Статья 6.

Статья 6 опускается.

Соответственно дипломатическому соглашению от августа 1899 г. относящемуся к 1-ой главе совещания от 2-го июля — 19 июня 1900 г., конвенция будет иметь ту же продолжительность, как и находящиеся ныне в силе дипломатические соглашения, дополнением коих она является.

Статья 7.

Без замечания.

Подписи:

Начальник генерального штаба, генерал русской армии Жилинский.

Начальник генерального штаба французской армии Дюбайль.

Читал военный министр Мессими.

С подлинным верно:

Начальник генерального штаба, генерал от кавалерии Жилинский.

* * *

Протокол совещания 13-го июля 1912 года
между
начальниками генеральных штабов армий французской и русской.

Восьмое совещание.

В силу параграфа первого, статьи четвертой военной конвенции 17 августа 1892 года его превосходительство генерал Жилинский, начальник генерального штаба русской армии и генерал Жоффр, начальник генерального штаба французской армии, имели совещание в Париже 1/13 июля 1912 года. Кроме того, присутствовали:

Генерал де Курьер - де Кастельно, первый помощник начальника генерального штаба армии.

Полковник Маттон, военный атташе при посольстве французской республики в России.

Полковник граф Игнатьев, военный атташе при русском посольстве в Париже; оба последних в качестве секретарей.

Собравшимися были обсуждены последовательно различные пункты конвенции, при чем были высказаны следующие мнения:

Предварительное замечание.

Участники совещания прежде всего постановляют, чтобы всякий раз при приеме без изменений одного или нескольких статей протокола предыдущего заседания текст воспроизведен вновь целиком. На полях делается при этом соответственная пометка.

Такой способ работы имеет преимущество: освобождает от необходимости обращаться к тексту предыдущего протокола.

Введение.

Принято без замечаний.

Статья 1.

Принята без замечаний.

Толкование этой конвенции было утверждено русским и французским правительствами и снабжено подписью под протоколами конференции августа 1911 года.

Статья третья.

Разделяя мнение своих предшественников, участники совещания в полном согласии полагают, что Германия направит большую часть своих сил против Франции и оставит только минимум отрядов против России.

Генерал Жоффр заявляет, что новые аргументы, подтверждающие эту точку зрения, обусловливаются теми улучшениями, которые немцы не перестают производить в своей западной железнодорожной сети (пути, мастерские, платформы для выгрузки) и теми мерами, которые за последнее время были приняты в соседстве с французской границей, в особенности в районе Эйфеля.

Начальник французского генерального штаба настаивает на важнейшем пункте, что немцы заинтересованы в том, чтобы оперировать отдельно и поочередно, сначала против Франции и затем против России.

План союзников должен состоять, напротив, в стремлении атаковать одновременно с двух сторон, применяя максимум комбинированных усилий.

По этим соображениям и основываясь на нынешнем положении Италии, находящейся в войне с турками, и на отношениях, в которых эта держава находится с Францией и Россией, французский генеральный штаб установил свой план концентрации на следующих основаниях:

Строго необходимый минимум сил, составленный, главным образом, из резервных единиц, оставляется на альпийской границе. Вся же масса французских сил концентрируется с самого начала на германской границе. Общая численность значительно превзойдет 1.300.000 человек, предусматриваемых статьей третьей конвенции 1892 года.

Кроме того французский генеральный штаб вносит в сеть различных железнодорожных компаний новые улучшения, которые позволят в ближайшее время выиграть день или два при производстве концентрации и оказаться, в конце концов, через год впереди по сравнению с Германией. Уже теперь для этих работ ассигновано 11.000.000 франков.

Генерал Жоффр показывает в подтверждение своих об'яснений карту, на которой изображен французский проект концентрации.

Генерал Жилинский всецело присоединяется к принципиальному мнению, высказанному начальником генерального штаба французской армии по вопросу о необходимости согласовать со временем усилия, направленные главными силами обеих союзных армий против Германии.

Он присоединяется также к мнению, высказанному относительно итальянской армии, деятельность которой при настоящих условиях не вызывает необходимости очень торопиться, по крайней мере, в начале враждебных действий. Напротив, Австрия сильно развила свое военное могущество; она усовершенствовала свои железные дороги с очевидной целью наступления. Россия не может подвергнуться поражению со стороны Австрии, моральный эффект этого был бы гибельным. Поэтому ей нужно разделить свои силы, чтобы противостоять этой державе одновременно с Германией.

С другой стороны, Швеция, как казалось до сих пор, решила принять выжидательное положение с тем, чтобы оказаться в благоприятный момент на той стороне, куда перетянет чаша весов. Положение дел теперь не таково. Возбужденная и увлеченная Германией, она пойдет, вероятно, одновременно с последней против России. Это соображение заставит оставить в Финляндии и вокруг С. Петербурга силы, более значительные, чем это было указано раньше.

Наконец, постройка железных дорог в Малой Азии позволит туркам ускорить мобилизацию и концентрацию. Из этого в будущем, быть может, появится необходимость удержать с этой стороны более значительное количество сил.

Во всяком случае русский генеральный штаб решил все-таки сконцентрировать против Германии группу сил, достигающую, по меньшей мере, 800.000 человек; он решил также повести наступательные действия своих армий на 15-ый день мобилизации.

Генерал Жоффр сделал замечание, что поражение Германии рассеет немедленно все опасения, которые могли бы быть внушены поведением Швеции и Турции.

Поэтому, во что бы то ни стало нужно стремиться к уничтожению сил Германии. С этой целью важно уменьшить до минимума сроки мобилизации и концентрации союзных армий. Развитие железнодорожной сети представляет, очевидно, один из главных факторов для достижения этого результата. По этому поводу генерал Жоффр отмечает, что железнодорожные линии, служащие для перевозки русских отрядов к западной границе империи, не все двухколейные. Концентрация сил этим чрезвычайно замедляется. Она была бы ускорена в значительной степени, если бы, как это сделал уже французский генеральный штаб на своей национальной сети, однолинейные линии или — отдельные участки были бы сделаны двухколейными, — некоторые были бы снабжены даже четырьмя колеями. Эти улучшения могли бы быть с пользой применены казалось бы:

а) К удвоению линии: С. Петербург—Тапс—Валк—Рига—Муравьево—Кошедары.

б) К участку Брянск—Гомель—Лунинец—Жабинка на линии Орел—Варшава через Брест-Литовск.

в) К учетверению участка Жабинка—Брест-Литовск, которое позво-

лило бы двум потокам, идущим, один из Москвы, другой из Орла, вливаться в Брест-Литовск.

г) К учетверению участка Седлец—Варшава, что даст возможность направить в Варшаву два потока, идущих из Петербурга с одной стороны и из Бологого с другой.

Наконец, было бы небесполезно перешить на русскую колею линии, которые направляются от Варшавы на Краков и на Торн.

Наравне с генералом Жоффр, генерал Жилинский признает наибольшую стратегическую важность за развитием железных дорог. Он заявляет, что в России железные дороги могут быть подразделены на две категории: одни принадлежат казне, другие являются собственностью частных компаний. На первых улучшение уже производится, другие улучшения проектируются. Они будут осуществлены по мере того, как будут находиться необходимые рессурсы. Во всяком случае удвоение линии С. Петербург—Рига—Кошедары не представляется целесообразным: ею едва ли представится возможным воспользоваться, благодаря крайне выдвинутому положению и соседству границы.

На вторые (частные линии) государство не может оказать прямого и немедленного осуществимого воздействия. Оно приобрело линии с нормальными путями, которые идут из Варшавы на Торн и Краков с намерением переделать их на нормальную колею. Непрерывность транспорта будет, таким образом, обеспечена от центра империи до запада границы.

Наконец, генерал Жилинский напоминает причины общего характера, замедляющие русскую концентрацию. Тогда как во Франции железные дороги всегда готовы, в России они должны мобилизоваться в то же время, что и армия.

Генерал Жилинский излагает в общих чертах план концентрации и группировку русских армий, направляемых против Германии.

Генерал Жоффр согласен с генералом Жилинским относительно полезности решительного перенесения к югу центра тяжести этих армий и расположения главных сил в условиях, позволяющих им: или предпринять наступление в общем направлении Алленштейна, если враг расположится в Восточной Пруссии или попытается двинуться на Варшаву, или же маневрировать на левом берегу Вислы, чтобы итти на Берлин, если противник произвел свое сосредоточение в районе Торн—Познань или если он попытается направиться из этой базы на Варшаву или Ивангород.

Статья четвертая.

Начальники генеральных штабов воспроизводят без изменений шесть первых параграфов замечаний, касающихся статьи четвертой конференции 1910 года.

Статья пятая.

Принята без замечаний.

Статья шестая.

Принята без замечаний.

Статья седьмая.

Принята конферентами без замечаний.

Начальник генерального штаба русской армии

И. Жилинский.

Начальник генерального штаба французской армии

Ж. Жоффр.

А. Мильеран.

Военный министр И. Базили.

* * *

9-ое совещание.

Протокол переговоров от августа месяца 1913 года между начальниками генеральных штабов французской и русской армий.

Во исполнение постановлений параграфа 1 статьи 4 военной конвенции от 17 августа 1892 года его превосходительство генерал Жилинский, начальник генерального штаба русской армии, и начальник генерального штаба французской армии, генерал Жоффр, неоднократно собирались на совещания в Петербурге и Красном Селе в течение августа 1913 года.

Кроме них присутствовали: генерал Лагиш, военный атташе при посольстве французской республики в России;

Полковник граф Игнатьев, русский военный атташе при русском посольстве в Париже;

Полковник Бертелло, командир 94 пехотного полка, помощник начальника генерального штаба, назначенный от французской армии.

Участниками конференции были последовательно рассмотрены различные пункты конвенции, вызвавшие нижеследующий обмен мнений.

Предварительное замечание.

Принято без изменений.

Вступление.

Принято участниками совещания без замечаний.

Статья первая.

Те же замечания, что на конференции 1910 г. и на последующих, изложенные следующим образом:

«Оба начальника генеральных штабов, подтверждая точку зрения предыдущих конференций, вполне согласны с тем, что поражение германских армий остается при всяких обстоятельствах первой и основной целью союзных армий».

Дополнено нижеследующим:

«в виду значительного увеличения относительного военного могущества Германии в тройственном союзе».

Статья вторая.

Те же замечания, что на конференциях 1910, 1911 и 1912 г.

Вследствие утверждения французским и русским правительствами протоколов совещаний от августа 1911 г. и июля 1912 г., необходимо изложить эти замечания в следующей форме:

Как то признано русским и французским правительствами в 1911 и 1912 г. г., германская мобилизация обязывает Россию и Францию немедленно и одновременно мобилизовать все их силы при первом же изве-

стии об этом событии без всякого их предварительного соглашения. Так же должно обстоять дело и в случае всякого военного действия германской армии против той или другой из союзных держав. Однако, в случае частичной или даже всеобщей мобилизации Австрии или Италии такое соглашение необходимо.

Подчеркнутая фраза была прибавлена, чтобы иметь в виду случай внезапной атаки кадровыми силами до производства мобилизции, с целью овладеть важным стратегическим пунктом.

Статья третья.

Разделяя мнение своих предшественников, участники совещания единогласно полагают, что Германия наибольшую часть своих сил направит против Франции и оставит только минимум сил против России.

Осуществление германского военного закона от 1913 г. будет иметь главным последствием сокращение сроков мобилизации германской армии. Эта армия сможет, таким образом, располагать большим количеством времени, чем раньше, чтобы действовать против Франции прежде, нежели направиться против России.

В виду этого, план союзников должен заключаться в том, чтобы постараться атаковать неприятеля одновременно с двух сторон, развивая максимум комбинированных усилий.

Генерал Жоффр заявляет, что Франция поставит на северо-восточной границе почти все количество своих сил, численность коих превзойдет больше чем на двести тысяч человек, количество, которое было предусмотрено конвенцией.

Равно как и то, что концентрация боевых элементов на этой границе закончится в большей своей части на десятый день мобилизации и что наступательные операции этой группы сил начнутся с утра на одиннадцатый день.

Генерал Жилинский заявляет, что Россия выставит против Германии количество сил, достигающее восемьсот тысяч человек по меньшей мере. Концентрация этих боевых элементов на русско-германской границе будет закончена, в большей своей части, на пятнадцатый день мобилизации; наступательные операции этой группы начнутся тотчас же после пятнадцатого дня. К концу 1914 г. окончание концентрации будет сокращено приблизительно на два дня.

Участники совещания излагают в общих чертах планы концентрации и группировки французских и русских армий, направленных против Германии.

Они согласны относительно необходимости направить наступление в центр неприятельской страны и относительно целесообразности сконцентрировать силы таким образом, чтобы ими можно было бить неприятельские силы, сосредоточенные в Восточной Пруссии, или идти на Берлин, взявши операционную линию к югу от этой провинции, в случае, если концентрация германских сил произойдет на левом берегу Вислы.

Не отрицая необходимости для России сохранить многочисленные силы против Австрии и Швеции, генерал Жоффр считает, что поражение Германии значительно облегчит операции, направленные русскими войсками против других неприятельских держав.

Итак, во что бы то ни стало, надо преследовать уничтожение сил Германии в самом начале операций. С этой целью необходимо сократить сроки мобилизации и концентрации союзных войск.

Существенным фактором для достижения этого является развитие железно-дорожной сети; генерал Жилинский отмечает, что работы, указанные на предыдущей конференции, были исполнены следующим образом:

На участках Брянск—Гомель и Лунинец—Жабинка по линии Орел—Варшава был проложен двухколейный путь; участок Жабинка—Брест-Литовск был учетверен.

Что касается учетверения участка Седлец—Варшава, то трудности выполнения этой работы слишком велики и можно достигнуть лучших результатов, проложив новый двухколейный путь от Рязани и Тулы до Варшавы.

Генерал Жоффр разделяет это мнение.

Исследование карты железных дорог приводит обоих начальников генеральных штабов к заключению, что можно значительно увеличить быстроту концентрации, проложив некоторые железнодорожные пути, соединяющие Восточную Россию с районами Варшавы, как-то:

1. Удвоение линии Батраки—Пенза—Ряжск—Богоявленск—Сухиничи—Смоленск.
2. Удвоение линии Ровно—Сарны—Лунинец—Барановичи.
3. Удвоение линии Лозовая—Полтава—Киев—Сарны—Ковель или постройка линии Гришино—Ковель.

Наступательные операции будут так же облегчены, если отодвинуть русские дороги от левого берега Вислы и увеличить средства переправы через реку около Варшавы.

Наконец, представляется необходимым, чтобы добиться от железнодорожных путей необходимой провозоспособности, значительно увеличить подвижной состав, вагоны, и главным образом, локомотивы большей мощности.

Что касается ведения операции, то для союзных армий необходимо добиться возможно скорее решительного успеха. Неудача французских войск во время войны дает возможность Германии перенести на восточную границу часть сил, которые должны были бы в первую очередь сражаться с Францией. Если же, наоборот, французская армия добьется быстрого успеха над силами, брошенными Германией против нее, то этот успех также облегчит операции русских войск, т. к. силы, направленные Германией на западную границу, не смогут быть брошены на восток.

Итак, важно, чтобы французская армия имела заметное численное превосходство над германскими силами на западе.

Эти условия будут легче выполнимы, если Германия будет принуждена защищать себя на восточной границе большим количеством сил.

Генерал Жоффр полагает, что на основании вышеизложенного было бы выгодно в интересах обеих армий, чтобы группировка русских сил в Варшавской губернии с мирного времени была такова, чтобы она представляла для Германии прямую угрозу.

Генерал Жилинский заявляет, что новый проект реорганизации русской армии именно предусматривает сформирование армейского корпуса в Варшавском округе.

Статья четвертая.

Начальники генеральных штабов воспроизводят без изменений три первых параграфа замечаний, касающихся статьи 4 на конференции 1912 года.

Параграф 4 изменяется следующим образом:

Чрезвычайно целесообразный обмен мнениями между союзными армиями должен производиться регулярно и часто.

Перед каждой конференцией необходимо указывать пункты, которые предполагается взаимно рассмотреть.

Пути и средства для сношения на время войны были усовершенствованы согласно желаниям формулированным во время конференций 1911 и 1912 г. г.

Станции беспроволочного телеграфа Париж—Бобруйск и Бизерта—Севастополь функционируют правильно. Станция Бизерта была усилена Францией; мощная станция строится в России на берегу Черного моря для того, чтобы сообщение было одинаково легко как днем, так и ночью.

После опытов сношений между Эйфелевой башней и русской морской станцией в Свеаборге, желательно усилить последнюю.

Телеграфные сношения между русским и французским генеральными штабами можно производить посредством английского кабеля и при посредстве Англии.

Соглашения с Лондоном только что заключены; распоряжения сделаны и сношения могут начаться.

Каблограммы идут через Америку, Австралию и Занзибар или через юг Африки, чтобы достичь Одессы.

Сношения с помощью эмиссаров организованы французским генеральным штабом для передачи депеш из Франции в Россию.

Следовало бы, чтобы и русский генеральный штаб организовал в таком же порядке сношения при помощи эмиссаров.

Статья пятая.

После того, как правительства, русское и французское утвердили принятую в 1910 г. редакцию статьи 5, она представляется в следующем виде:

«Русское и французское правительство взаимно признали, что статья 5 обязывает договаривающихся ни прекращать операций, ни заключать перемирия самостоятельно».

Статья шестая.

Принята участниками конференции без замечаний.

Статья седьмая.

Принята участниками конференции без замечаний.

Начальник генерального штаба русской армии

И. Жилинский.

Начальник генерального штаба французской армии

Ж. Жоффр.

С подлинным верно:

Директор канцелярии м-ва иностранных дел

Бар. Шиллинг.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

Мои преобразования в военном ведомстве.

Глава XXIII.

Бюрократия, финансовые заботы, парламент.

Доверие Государя. Государь нарушает программу. П. А. Столыпин. Его убийство в 1911 г. В. Н. Коковцов — председатель совета министров. Наши встречи в совете министров. Вражда с 1909 г. 30 миллионов испрашивалось; 9 — дано. Диалектика Коковцова. Письмо Милютина Сабурову. Куропаткин и Витте. Третья Государственная Дума. Щедрость Думы в ассигнованиях. Гучков. Его враждебные против меня действия. На пути к большой программе 1914 г. Морской министр против военного министра.

Для выполнения моих задач безусловно необходимо было полнейшее ко мне доверие Государя. С той поры, как Государь убедился, в какую пропасть своим военным дилетантством вел дело его дядя Николай Николаевич, — доверие его величества ко мне было настолько велико, что во всех военных вопросах, до самого возникновения войны, — мое мнение оказывалось решающим.

Даже Николай Николаевич до войны утратил настолько свое влияние на Государя, что не способен был создавать мне серьезные, непосредственные затруднения.

А это уже было очень знаменательно, при известных семейных наклонностях Государя. До некоторой степени помогала мне исключительная корректность Государя по отношению к отдельным ведомствам: он не любил, чтобы кто либо из министров вмешивался в дела, подлежащие компетенции другого ведомства. Только своего дядю посвящал он в общие вопросы, — независимо от мнений специальных ведомств. Подобное отгораживание ведомств одного от другого имело, конечно, свои выгоды для самодержца, который всеми ими был посвящаем в дела в равной степени; — но использовано оно могло быть полностью лишь гениальным, вполне установившимся монархом, — с безграничной энергией.

Таким правителям, как царь Петр и король Фридрих, с их духовными и моральными свойствами, удержавшими твердо в своих руках внешние государственные дела во всем их об'еме, — хватало сил на ту работу, — которая оказалась непосильной для слабых плеч Николая Александровича.

Выйдя из отроческого возраста, он не постигал, что время ставит ему уже совершенно конкретные задачи, не сходные с задачами его отца и деда.

Николай II пал под тяжестью своих задач, с которыми он не мог справиться. Очутившись в центре хаоса, господствовавшего в России с 1905 по 1908 г., он был лично единственным краеугольным камнем исторического развития, на котором монархически настроенную армию можно было воссоздать. Я имел возможность неоднократно докладывать об этом Государю, и так как он вполне понимал значение этой связи для будущности России и его дома, то предоставил мне свой авторитет при проведении военной реформы и готов был даже доверить мне судьбу России при возникновении войны. Но выполнил он это не полностью!

Нередко прорывались мечты молодости, которыми именно и могли пользоваться члены императорской фамилии: постоянно выходил он неожиданно из программы, на проведение которой требовалось время и разрушал основные положения именно там, где думал их укрепить.

* * *

Поддержку более прочную, чем у царя, имел я в лице председателя совета министров, Петра Аркадиевича Столыпина; — но, к сожалению, слишком рано ее лишился. — Я сходился с ним в основных воззрениях на дело, точно так, как был с ним одного мнения и относительно внутренней политики. Во время моих неоднократных посещений по должности киевского генерал-губернатора, когда затрагивались самые серьезные вопросы, — мы с ним имели возможность ближе ознакомиться друг с другом. И как военному министру, мне приходилось довольно часто обращаться к нему лично, чтобы то или другое дело направить на верный путь; делал я это тем охотнее, что обмен наших мыслей происходил при полнейшем взаимном доверии. К сожалению, этот, далеко превосходящий всех своих современников в Петербурге — человек преждевременно скончался от руки убийцы из-за угла.

В киевском военном округе назначены были в 1911 году большие маневры, на которых Государь пожелал присутствовать, а вместе с тем быть и на открытии памятника императору Александру II.

Для меня лично поездка эта представляла громадный интерес, как по существу дела, так и по прекрасным воспоминаниям о лучших днях моей государственной службы.

Государь с семьей поместился во дворце, П. А. Столыпин в доме генерал-губернатора, — а я в доме командующего войсками, у генерала Иванова, в моем бывшем жилище.

Маневры происходили вблизи Киева, и ежедневно мы выезжали туда на автомобилях. Государь был в отличном расположении духа; — погода прекрасная, ход маневров успешный, и царь, неутомимый ездок, закатывал концы верст по 12 без передышки. Половина свиты, при таких условиях, зачастую сильно отставала. На остановках-же, пока

она подтягивалась, Государь обсуждал происходившие у него на глазах эпизоды боевых столкновений и маневрирований.

На этих маневрах масса артиллерии принимала участие в боях и, чтобы дать Государю живую картину современного образа действий этого рода оружия, — разрешено было экономии в холостых патронах не соблюдать. Многие батареи при оживленной пальбе преждевременно израсходовали свои патроны, и критики указывали на подобный чрезмерный расход зарядов, — возможный лишь на парадном маневре. В Маньчжурии в среднем расходовалось всего по 500 выстрелов на орудие. Но на этих маневрах должно было получиться впечатление, — что нужны будут тысячи. — Именно об этом недостатке у нас артиллерийского снабжения мы и говорили со Столыпиным у рампы, — перед самой его смертью. Вопрос о боевом снабжении был, таким образом, до некоторой степени одним из последних его помыслов. Мы с ним уговорились, что на следующий день я ему сообщу все основания по делу современной потребности боевого снабжения и что тогда он доложит Государю о пред'являемых мною требованиях...... Таково было его намерение, осуществление которого, быть может, дало бы решительные последствия, — но провести его он уже не мог...

Когда мы разговаривали, Государя уже не было в генерал-губернаторской ложе, хорошо мне знакомой, — он ушел курить. В то время, как я повернулся к кулисам, мне послышалось, точно кто-то ударил в ладоши, и сейчас-же раздался крик в оркестре раненого музыканта. В проходе партера Багрова схватили; — Петр Аркадьевич сделал несколько шагов от меня и стал снимать китель.

— «Я ранен», — сказал он, и на правой стороне белого жилета появилось кровавое пятно; он стал бледнеть и опустился в кресло.

Спектакль, конечно, прекратился, и Столыпина отвезли в хирургическую больницу. Случайно я выходил в тот же под'езд, в котором ждал экипажа Петр Аркадьевич, и по той луже крови, которую я видел, можно было судить, как много потерял он ее. Оказалось, что печень была пробита и порвана, по всей вероятности, от деформированной пули, попавшей сперва в Владимирский крест; тою же пулею ранен был и музыкант в ногу.

Операция была бесполезна; находясь почти все время в бредовом состоянии, Петр Аркадьевич скончался. Это был ужасный удар для России и для монархии. — Киевской охране не только не удалось предотвратить покушение на Петра Аркадьевича, но убийца Багров вошел даже в театр по пропуску охранного отделения.

* * *

Преемником Столыпина в должности председателя совета министров был назначен Владимир Николаевич Коковцов, при сохранении вместе с тем портфеля министра финансов.

Для меня это был выбор самый неблагоприятный. Из за нашей борьбы в совете министров по отпуску кредитов на нужды армии, — у меня с ним создались самые неприязненные личные отношения.

Когда в совете министров Коковцов позволял себе бестактности, издевательства над другими ведомствами, то сдерживающим началом был председатель Столыпин, которому о моих острых столкновениях с

министром финансов приходилось даже докладывать Государю. Теперь этого регулятора не стало, и Владимир Николаевич еще менее стал стесняться в деле сокращения кредитов, что продолжалось вплоть до смены его в 1914 г. Горемыкиным, когда в совете министров прекратились бесконечные речи Коковцова и как председателя и как министра финансов.

На обязанности министра финансов лежало проводить в совете министров вопросы, какие требования различных ведомств подлежат представлению в Государственную Думу и какие — нет. Поэтому, при решении большинством голосов, было безразлично, что будет оффициально представлено в Думу на разрешение, — а имело большое значение то, что министр финансов до этого вычеркнет. Я не имел возможности отстоять многое из того, что было вычеркнуто, выступлением в защиту моих требований, — открыто с министерской трибуны, потому что эти вопросы обсуждались в многочисленных, не подлежавших оглашению заседаниях совета министров.

С 1906 г., со дня на день выяснялось враждебное отношение Коковцова к бюджету военного ведомства. Когда после японской войны заявлено было, что на восстановление армии требуется два миллиарда рублей, — он ответил, что можно требовать и 20 миллиардов, но страна дать их не может: «Из Невы и невского воздуха денег сделать нельзя». Действительных-же шагов, для восстановления финансов, он, однако, предпринять не смог.

В 1908 г. испрашивалось на армию 293 миллиона. Господин Коковцов двинул это представление на разрешение Государственной Думы, а сам одновременно препятствовал ассигнованию кредитов военному ведомству. В 1910 г. морское министерство требовало отпуска 650 миллионов, — военное — 715, забронированных на период в 10 лет. После об'яснений Коковцова в совете министров эта программа не была представлена в Государственную Думу, — военному министерству поэтому приходилось довольствоваться ежегодными ассигнованиями.

Коковцов, уже вскоре после моего вступления в должность, стал личным моим противником. Между нами пробежала черная кошка после того, как я, соблюдая интересы военного министерства, — ополчился против отчета, представленного Государю Коковцовым, по поводу его поездки на Дальний Восток.

Как он всюду открыто утверждал, что в военном министерстве царит хаос и развал, — так отзывался он и в упомянутом отчете, что начиная с 1905 г., в интересах государственной обороны у нас ничего не сделано, причем, конечно, приводил такие доводы, которые лишь свидетельствовали о том, что в действительности сам он не имел понятия, где и какие у нас недочеты.

Как только ему стали известны мои опровержения по некоторым ложным показаниям его отчета,—так я сейчас-же в глазах Коковцова стал человеком «не осведомленным в делах собственного его министерства».

После 1911 года, наш разлад с ним дошел до скандала, заинтересовавшего общественные круги.

Когда однажды, в заседании совета министров, Коковцов заявил, что испрашиваемые кредиты военным ведомством могут быть отпущены лишь при возникновении войны, я вынужден был ему заявить, что стрелять деньгами в противника нельзя будет и что весь его золотой запас

и остальные накопленные средства — при национальном позоре перейдут в карманы победителей.

7-го марта 1912 г., вследствие сгустившейся политической атмосферы на западном фронте, я, во избежании возможных осложнений, счел необходимым в срочном порядке обратиться к председателю совета министров предоставить мне, как военному министру, право войти безотлагательно в законодательные установления с особым законопроектом об отпуске дополнительного сверхсметного кредита, в целях достижения наибольшей боевой готовности нашей армии, в скорейший срок.

В этом своем обращении я указал на происходящую все время не по моей вине, а вследствие не отпуска мне необходимых кредитов, — медленность осуществления плана и оттенил свою тревогу за пограничные округа, в случае возникновения войны. В образованной мною по этому вопросу комиссии, под председательством помощника военного министра генерала Поливанова, был выработан ряд мер, на которые требовалось 31 миллион рублей, с правом развития операции до 87.400.000.

На это Коковцов, через месяц, 8-го апреля 1912 года удосужился ответить, что ему неизвестны подробные суждения комиссии государственной обороны, а также данные и расчеты по финансовой стороне дела. Но он осведомлен о том, что бюджетная комиссия Государственной Думы не высказала какого либо точно и ясно формулированного пожелания о необходимости предоставления военному министру права испросить в 1912 году особое дополнительное ассигнование на указанный расход.

При этом он не преминул, по обыкновению, попрекнуть меня в том, что военное ведомство не сможет и в данном случае израсходовать своих кредитов, судя по примерам предыдущих годов. Далее он привел ряд цифр и закончил так: «на основании всего изложенного я не считаю себя в праве выразить согласие на внесение военным министерством в законодательные учреждения проектируемого им представления об отпуске по росписи 1912 года сверхсметного кредита в 31 миллион рублей».

Коковцов переслал этот ответ не мне лично, а моему помощнику Поливанову, человеку непосредственно мне подчиненному, который ничего министру финансов в данном случае не писал.

Оставляя, в интересах дела, в стороне вопрос о допущении в данном случае Коковцовым некорректности, я тем не менее 1-го мая 1912 года ответил ему, что наличие средств в кассах, в виде остатков от ассигнований, не может служить доказательством достаточности отпускавшихся на запасы средств, так как оно об'ясняется, с одной стороны, длительностью операций, а, с другой, необходимостью для военного министерства, согласно закону, вести операции лишь в пределах предоставляемых средств. Затем я заявил ему, что, в виду серьезного политического положения, эти 31 миллион нужны до крайности; если-же их получить нельзя, то я прошу отпустить хотя-бы 11.875.000 рублей.

В. Н. Коковцов, очевидно, обрадовался, что выторговал, таким образом, у меня сбавку и 8-го мая 1912 года уведомил о своем согласии; но при рассмотрении моего предложения 7-го июня того-же года, в совете министров, мотивируя отсутствием средств, добился еще урезки кредита: мне было отпущено всего 9.340.000 рублей.

Когда-же затем получены были не только мною, но и министерством иностранных дел и департаментом полиции сведения об усиленной деятельности Австро-Венгрии по приготовлению к войне с Россией, то я снова доложил свои опасения по этому поводу в совете министров 4-го октября 1912 года и кроме того написал министру финансов, что возвращаюсь вновь к вопросу об отпуске средств, чтобы к весне 1913 года воспользоваться 5-ю месяцами и сделать все, что только еще можно, для усиления нашей боевой готовности.

На это я получил ответное письмо 16-го октября 1912 года, за № 1009, которое считаю документом, обрисовывающим В. Н. Коковцова уже полностью; в нем с рельефностью проявились и его личные свойства, его известный образ действий; это даже не письмо, а обстоятельный по виду и доказательности трактат, «как государственные дела делаются».

Свое письмо Коковцов начал с подробного изложения того-же, о чем я ему писал. Затем в нем он постарался привести все те соображения, на основании которых он считает, что приготовлениям австрийцев нельзя придавать особого значения; при чем добавил, что если я нахожу, что политическая обстановка может застать нас в состоянии недостаточной боевой готовности, то он, как министр финансов и председатель совета министров, моему заявлению не может «не придавать особого значения, в виду того, что столь исключительной важности интересы государственной обороны не могут быть, конечно, подчинены одним финансовым соображениям и если-бы готовность нашей армии страдала теми или иными недостатками, исключительно по недостаточности предоставленных на нее средств, то ответственность за ее несовершенства лежала бы прежде всего на мне (Коковцове), как на лице, стоящем уже 9 лет во главе финансового ведомства».

«Я считаю, однако», повествовал мне Коковцов, «себя в праве с полным убеждением заявить, что за весь период управления моего финансовым ведомством, я придавал и придаю значение для государства надлежащей постановке его военных сил и средств.»

Затем он не приминул похвастаться в письме тем обстоятельством, что теперь государственное казначейство, благодаря его финансовой политике (какой, я так и не понял), располагает довольно большой свободною наличностью, поэтому «я не могу иметь никаких возражений против дальнейшего увеличения требуемых денежных средств».

Казалось-бы, лучшего ответа для меня и желать нельзя. Но после этого Коковцов счел нужным привести целый синодик общегосударственного значения, как, напр., покрытие разного рода экстренно возникавших расходов на продовольственные нужды в неурожайные годы, на борьбу с получившими среди населения большое развитие эпидемиями и пр., а вслед за сим стал уже делать поворот «на отклонение», начав с упреков в том, что в письме моем нет детальных указаний относительно размера необходимых военному ведомству средств на дальнейшее экстренное усиление боевой готовности армии и указаний, каким порядком предполагается испросить эти дополнительные ассигнования. — Словом, по своему обыкновению, он свел все к финансово-казуистическим загвоздкам и закончил письмо заявлением, что «при таких условиях рассмотрение новых требований об экстренных ассигнованиях по усилению боевой готовности армии, вне связи с теми отпусками, которые были произве-

дены и предположены, согласно указанным планам, предоставлялось-бы», по его мнению, «совершенно невозможным».

В результате, при столь настоятельной необходимости немедленного исполнения, — Коковцов создавал препятствия на почве чисто канцелярского отношения к делу государственной обороны.

Положение военного ведомства было невероятно тяжелое. Денежные ассигнования получали мы не в начале бюджетного года, а часто лишь к концу последнего. Поэтому военное министерство оказывалось в положении человека, которому месяц не дают обеда, а затем предлагают сразу все тридцать обедов: утверждение государственной росписи запаздывало обыкновенно на полгода, и к тому-же вообще на мытарства по исходатайствованию кредитов уходило масса времени. Вследствие этого со средствами, действительно нам ассигнованными, приходилось обращаться очень осторожно и случалось иногда так, что отпущенные деньги мы не могли израсходовать, вследствие наступления зимы, а затем закрытия кредита за истечением бюджетного года. Но Коковцов в таких случаях не стеснялся дерзко заявлять, — что я не умею целесообразно распорядиться отпускаемыми средствами и расходованием их.

Если при таких условиях я прибегал иногда к статье 96 основных законов, т. е. отпуску средств на нужды военного ведомства по высочайшему повелению, — то неизбежною необходимостью являлась эта мера в интересах государственной обороны при порядках волокитного характера процедуры ассигнований, и в этом ни в каком случае нельзя было признавать, что это — реакционное выступление и нарушение прав Государственной Думы.

По этому поводу я вспоминаю письмо крупного нашего русского военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина — Сабурову — в 1903 г. Он писал:

«Собственный опыт научил меня, к чему ведет пересмотр смет в департаменте экономии, такой, по крайней мере, какой существовал в былое время. В продолжение первых 15-ти лет моего управления военным министерством, когда велась в нем напряженная работа полного переустройства наших вооруженных сил, чтобы довести их до уровня тогдашних вооружений других государств Европы, — все старания министерства тормозились ежегодным, мелочным урезыванием сметы. Приходилось откладывать или рассрочивать на многие годы мероприятия, существенно необходимые. И какие-же оказались последствия? Когда понадобилось вдруг выдвинуть часть армии против турок, на военное министерство посыпались укоры, что не все войска снабжены новыми ружьями, что артиллерия не получила еще лучших орудий, что в интендантстве, во врачебных учреждениях разные недостатки и т. д.

Чего-же можно ожидать в будущем, если Россия будет вовлечена в большую европейскую войну и не будет вполне подготовлена к тому, чтобы твердо стать, уже не против одних турок, а против миллионных армий, отлично устроенных и снабженных всеми усовершенствованиями современной техники?»

Значит, не только в мое управление, но гораздо ранее — после турецкой войны — было ясно, что есть какая-то серьезная брешь в нашем государственном организме, в силу которой мы, всегда отставая,

не могли без иностранной помощи обойтись в своих заготовках на военную оборону страны.

Точно также и у Куропаткина с министром финансов междуведомственные отношения не были блестящи. Но то был министр финансов Сергей Юльевич Витте, — большой государственный деятель.

После неудачной войны 1904 г. на его долю выпала тяжкая задача вывести страну из критического финансового положения и восстановить международный кредит. И он с этим справился удачно, преодолев целый ряд препятствий, как внешних, так и внутренних. Что касается последних, то графу Витте приходилось считаться со слабостью воли Государя, который, не выдавая наушников, сам тормозил иногда дело.

Прежде всего необходим был крупный заем. От начала до конца все дело займа проведено было исключительно самим графом Витте, и он его устроил. В заключение всей этой финансовой кампании, граф Витте командировал в Париж Коковцова, для подписания контракта.

Когда из Парижа вернулся Коковцов с подписанным контрактом, то прежде всего попросил выхлопотать ему крупную денежную награду. Его наградили орденом Св. Александра Невского, хотя он играл лишь роль мухи на рогах пашущего быка и потом говорил: «И мы пахали!» Этот мелкий Коковцов был моим противником, как в роли министра финансов, так и впоследствии — председателя совета министров.

* * *

17 октября 1905 г., с переходом к конституционно-монархическому строю, — права царской власти были ограничены довольно чувствительно. В Государственную Думу должны были поступать все вопросы, не исключая бюджетных ассигнований на армию. Последствием этого явилась и критика мероприятий военного ведомства с кафедры Государственной Думы.

В Государственной Думе третьего созыва господствовало так называемое национальное большинство, лидером которого по всем военным вопросам был Гучков. Как я уже упоминал, мой предместник Редигер, из за речи Гучкова в Государственной Думе, — должен был покинуть свой пост. Вскоре после смерти Столыпина, — который вынужден был работать вместе с лидером октябристской партии, потому что ни с демократами, ни с социалистами, а также с партиями правее октябристов дела иметь не мог, — Гучков пустил в ход все парламентские и непарламентские рычаги, чтобы и меня устранить.

Враждебно настроенное думское большинство считалось с военным министром, не как с таковым, а исключительно, как с бывшим Киевским генерал-губернатором, позволившим себе лично отнестись недружелюбно к национальным организациям, когда их политика оказывалась опасною для государства. С этой оппозицией можно было-бы мириться, — она меня и не беспокоила, если-бы не то, что Гучков с бесцеремонным пошибом какой-то власти вторгался не только в круг деятельности военного министра, — но затрагивал существенно даже и права монарха. Тот самый Гучков, который в 1908 г. в открытом заседании бушевал против неответственного докладчика правительства, не постеснялся, противно всем законам и правам, вторгаться во внутренний круг деятель-

ности военного министерства и рядом с этим создать свое соправительство.

Против этого я уже восстал всеми своими силами.

Как военный министр, против думского большинства я ничего не имел, — насколько это касалось его деятельности по предоставленным Государственной Думе разрешительным правам. Все мои требования вообще, поступавшие в Думу, — разрешались без всякой задержки.

В ноябре 1909 года в Государственную Думу внесен был законопроект об отпуске денежных средств, потребных на преобразование армии. Комиссия по государственной обороне, рассмотрев представление военного министерства и выслушав об'яснения представителей ведомства, пришла к заключению, что «скорейшее осуществление всех предложенных мероприятий является насущно необходимым, так как оно увеличит в значительной мере боевую готовность армии и тем усилит мощь государства. Что касается испрашиваемых ведомством кредитов, то комиссия, рассмотрев представленные подробные расчеты и выслушав об'яснения представителей ведомства, признает, что они исчислены согласно действительной в них надобности и потому полагает, что испрашиваемые суммы должны быть отпущены, тем более, что ни одно из мероприятий военного и морского министерства, бывших предметом рассмотрения в комиссии за время ее деятельности, не имело столь крупного значения в деле развития и усиления нашей военной мощи».

Государственная Дума, таким образом, отнеслась в полной мере сочувственно к дальнейшему усовершенствованию боевых наших сил, что зависело от тех средств, которые могли быть нам на это ассигнованы.

Гучков ополчился против меня еще в 1910 г. после того, как убедился в несходстве наших с ним взглядов на назначение военной силы в стране.

Я находил, что солдат, от рядового до генерала, должен быть чужд всякой политике, так как назначение вооруженных сил государства — отстаивать и охранять внутреннее и внешнее благополучие страны, оберегая честь и достоинство родины и поддерживая мировое взаимоотношение государств между собою; поддерживая одновременно с сим порядок мирной жизни и труда населения, — войска являются силою, на которой зиждится данный строй государства.

Будучи членом Государственной Думы, А. И. Гучков, как лидер определенной политической группы, с своей партийной точки зрения желая быть в курсе дел военного ведомства, с целью привлечь армию на свою сторону и в интересах захвата власти и судьбы России, приложил все усилия к тому, чтобы, пользуясь своей ролью в Государственной Думе, расширить, в целях наибольшей осведомленности, круг знакомства в среде Генерального Штаба, из числа лиц, служащих в управлениях военного министерства; всему этому, из понятных каждому побуждений охраны военных секретов, — я сочувствовать не мог, но мне трудно было бороться с этим, при существовавших более чем дружеских отношениях его с генералом Поливановым.

Так как я не скрывал от своих сослуживцев отрицательного моего отношения к Гучкову и даже некоторых из них, попавших в цепкие

его об'ятия, предупреждал от увлечения идейностью Гучкова, то естественным был тот поход, который предпринял Гучков против меня и в Думе и в прессе.

О том, к каким приемам прибегал Гучков в своей патриотической работе против русского военного министра, — иллюстрацией может служить следующее письмо его в Киев такому господину, как А. И. Савенко, бывшему второму редактору «Киевлянина».

«СПБ. Фурштадтская, 36. 1 июня 1912 г.

Дальнейшее пребывание Сухомлинова у власти представляет прямую опасность для армии и для России. Нужно употребить все усилия, чтобы доказать это тем, от кого зависит. Не пришлете-ли вы мне ваше показание? Может быть найдется еще что нибудь? А. Гучков».

Хотя Коковцов и винит Государственную Думу в том, что она не утверждала целиком программ морского и сухопутного ведомств, но по справедливости надо сказать, что к нуждам обороны Государственная Дума в общем относилась более отзывчиво, чем сам Коковцов, и если иногда с кафедры Таврического Дворца и раздавались энергичные протесты, против развивающегося у нас милитаризма, как, напр., в мае месяце 1914 г., то застрельщиками их являлись Гучков, Шингарев и Милюков, которые, настойчиво ведя лично против меня интригу, в конце концов создали в Государственной Думе оппозиционное против меня течение. Тем не менее мне удалось лишь в 1914 г. провести, так называемую, большую программу, результаты которой могли-бы начать проявляться только с 1916 г., если-бы всемирная война не вспыхнула раньше того. Предшествовавшие обстоятельства этого дела были следующие.

Весь почти флот наш погиб в японскую кампанию, и, чтобы создать его вновь, требовались громадные суммы и много времени. Тем не менее Государь решил приступить к этой задаче в ущерб сухопутной армии. Вследствие этого неизбежно возникал известный антагонизм между мною и моим товарищем, морским министром.

Дело в том, что приблизительная сумма, на которую можно было рассчитывать на расходы по обороне, растягивалась на 10 лет и больше. А для того, чтобы работы можно было распределить более или менее целесообразно, приходилось кредиты распределить так, чтобы то ведомство, которое должно скорее изготовиться, — в ближайшие года получало бы большую часть ассигнований, а в то же время другое — меньшую. Для этого пришлось и в морском и в сухопутном министерстве составить большую и малую программы.

Государь, оставивший за собою регулирование хода развития вооруженных сил на суше и на море, не допускал, — как он это мне высказал при моем вступлении в должность, — никакого соперничества, ревности между двумя этими ведомствами; он требовал от нас, чтобы мы спокойно, об'ективно и дружески шли рука об руку. Мы должны были повиноваться и его высочайшую волю исполнить! Государь поэтому и повелел устроить оригинальное совещание, без председателя, — полюбовное, военного и морского министров, с их начальниками генеральных штабов.

Таковое и состоялось у меня на квартире, при участии адмиралов Воеводского и Эбергардта, — но случайно вышло не совсем полюбовным.

Серьезный вопрос, кому следует первому проводить большую про-

грамму, все-же глубоко затрагивал рассчеты уже начатого дела по проведению реформы и, несмотря на наше миролюбивсе настроение, — мы не выдержали. По этому поводу у меня с адмиралом получилось несогласие и недоразумение.

Таким образом, предстояло решать вопрос не малой важности, кому раньше будет предоставлено приступить к большой программе. На указанном выше совещании, в этом и надо было разобраться. На мою беду, незадолго до того, во время плавания Государя на яхте «Штандарт», в Финском заливе, посадили на риф этот корабль, со всей царской семьей на нем.

Государь признал поэтому за благо прежде всего предоставить возможность именно морякам стать на ноги.

Как я в то время понимал политическую обстановку, мне необходимо было настаивать на ассигновании денег по большой программе прежде всего сухопутному ведомству.

Отстаивая предоставление кредитов на большую программу прежде всего военному министерству, я приводил мотивы и доказательства целесообразности такого моего настояния.

Прежде всего, — на создание большого количества судов, для активных действий, нужны громадные средства, которых нам не дадут. Затем эти суда нужно спустить на воду. Каждый дредноут обойдется в 30—40 миллионов рублей, и угоняться за флотом наших противников мы все равно будем не в силах, сооружая хоть сколько нибудь приличное их количество. Поэтому, с моей точки зрения, мне представляется, что морскому ведомству надо начать с малой программы. По правде говоря, флота у нас нет; поэтому, как при Петре Великом, надо начинать с начала, а оно сводится к тому, что, отказавшись от крупных судов, проектировать чисто оборонительный флот из легких крейсеров, миноносок, подводных лодок, минных заградителей и пр. Это и в том отношении будет иметь серьезное основание, что даст возможность большему числу личного состава нашего флота практиковаться в кораблевождении и изучении наших собственных водных пространств.

Против такого моего взгляда на дело восстал яростно начальник морского генерального штаба адмирал Эбергардт, доказывая, что эскадры должны создаваться в правильной организации, дивизиями, состоящими из стольких-то дредноутов, стольких-то крейсеров, эскадренных миноносцев и т. д. А что касается изучения своих морей, то в этом нет надобности, — они изучены.

Тут у меня сорвалось с языка спросить, как-же об'яснить случай с яхтой «Штандарт». После этого дебаты приняли такой обостренный характер, что пришлось их прекратить, — и представив наши соображения Государю, — ожидать решения вопроса по его личному усмотрению.

При докладе моем об этом его величеству, я ничего не утаил и рассказал все подробно. С решением таких крупных вопросов Государь никогда не спешил и на этот раз, через несколько месяцев, утвердил ассигнование кредитов по большой программе в первую голову — морскому ведомству.

Мне Государь, об'являя это, добавил:

— «Войны я не хочу и можете быть покойны, ее не будет».

Я доложил на это, что, насколько мне известно, Россия и с Японией

воевать не собиралась; но так как политика это уже не моя область, — то я и смолкаю.

Уже много позже я по газетным сведениям мог сообразить, почему давалось предпочтение морскому министерству: французская дипломатия пыталась, в союзе с Сазоновым и Извольским, развить русско-английское сближение в отношении флота, для чего от России требовались известные гарантии в Балтийском море . . .

Глава XXIV.

Сотрудники и противники по работе.

Ограничения, поставленные мне Государем. Затруднения в выборе сотрудников. Генерал Поливанов — мой первый сотрудник. Четыре начальника Генерального Штаба. Мышлаевский. Гернгрос. Жилинский. Янушкевич. Поливанов в роли плагиатора Воейкова. Слабые стороны Поливанова. Небольшая интрига с Гучковым. Клеветническое нападение в печати. Доклад Государю в Ливадии. Коковцов выступает против меня. Увольнение Поливанова. Моя попытка оградить армию от жандармов. Мясоедов в моем распоряжении. Гучковская большая интрига. Его провал. Мужество Гучкова. Исходные пункты моей работы по реформам. Об'единение командной власти. Противодействия великого князя Николая Николаевича. С'езд командующих войсками для военной игры, Николаем Николаевичем в последнюю минуту расстроенный. Моя просьба об отставке в 1912 г. Государь согласен внести поправку.

Среди всех описанных или упоминаемых течений, новообразований, деловых и личных интересов вне армии, я вынужден был заполнить аппарат военного министерства и генерального штаба прежде всего лицами, хорошо осведомленными с петербургской обстановкой, не считаясь с тем, — кто из них лично более или менее близко был мне знакомым человеком. Сверх того я был связан указанием Государя при моем вступлении в должность; — «не разгоняйте сейчас-же весь личный состав штаба». — Вдобавок к этому мне пришлось считаться с тем, что в России был большой недостаток лиц высшей интеллигенции с соответствующей подготовкой для практической военной деятельности.

Таким образом, мои реформы должны были начаться с того, что, несмотря на перестройку аппарата, — пришлось оставить на местах прежних сотрудников, т. е. из старого состава таким путем создать оппозицию для вновь вводимого режима. Особенно важно было поддержать добрые отношения с министром финансов, думским большинством, а равно и с Государственным Советом. Для этого и остался в своей должности генерал Поливанов. Помощником военного министра он был уже с 1905 г., т. е. еще при Сахарове и Редигере и работал со всеми тремя Государственными Думами, Советом Государственной Обороны и Государственном Советом. Гибкий по натуре, знаток хозяйственной части,

хорошо осведомленный в области законоположений, — человек этот, при обширном своем знакомстве с личным составом, — казался мне не лишним. Совершенно исключительное преимущество его заключалось в том, что он находился в прекрасных отношениях с Коковцовым и Гучковым и к тому-же ухитрился не восстановить против себя великого князя Николая Николаевича. Я надеялся, что его посредническая деятельность и при моем управлении ведомством принесет армии пользу и поэтому, не только оставил его в занимаемой им должности, — но с высочайшего соизволения назначил его моим ближайшим сотрудником по делу снабжения армии всеми видами довольствия и вооружения, предоставив ему при этом широкие права. Я подчинил ему все те управления, которые ведали хозяйственными и боевыми припасами; по этой части он принимал доклады непосредственно сам и разрешал самостоятельно многие вопросы, не выходящие из пределов общих законов; — во всем остальном он держал меня в курсе дела и присутствовал на докладах у Государя, когда по каким либо особенно сложным вопросам его ведения являлась в том необходимость.

* * *

На должность начальника генерального штаба я избрал, упомянутого уже мною генерала Мышлаевского, — занимавшего пост начальника главного штаба, работоспособность которого я очень ценил. Как бывшему профессору военной академии, ему знаком был личный состав офицеров генерального штаба. Большая часть молодежи прошла через его руки.

Вследствие этого для предстоящей трудной работы он мог притянуть соответствующие силы. Немаловажное значение имело, конечно, и то обстоятельство, что с моими планами и взглядами он хорошо был знаком и, повидимому, разделял их.

Но этот необыкновенно работоспособный человек имел и свои недостатки. Во первых, он не знал ни одного иностранного языка и, во-вторых, оказался лукавым малороссом. Совершенно случайно обнаружилось, какой у меня неверный сотрудник. В одном из дел штаба я нашел на докладе, под моей собственноручной резолюцией, заметку рукой Мышлаевского: «обождать! никакой спешки не вижу». — Такого-же фасона оказались контр-резолюции Мышлаевского и в других делах.

Когда я докладывал Государю о том, что по болезни Мышлаевский просится в отпуск на два месяца, Государь сказал только: «А вид у него совсем здоровый.»

В разгар самого серьезного периода наших работ, под предлогом болезненного состояния, он настаивал на увольнении в отпуск; кроме обязанностей военного министра мне пришлось взять на себя работу по бывшей моей должности начальника генерального штаба. Это было уже свыше моих сил. Мышлаевский получил корпус на Кавказе, в лучшем климате для его здоровия.

В 1913 г. генерал Мышлаевский был назначен заместителем наместника на Кавказе. В Турции это назначение вызвало некоторое волнение, ибо, как сообщал русский посол из Константинополя, в нем видели связь со слухами о якобы более активной политике России в пользу

армян и против немецких военных инструкторов. Во время войны Мышлаевский не выказал особой доблести, и я неоднократно вынужден был, вместе с ген. Янушкевичем, вмешиваться, дабы предотвратить катастрофу на Кавказе.

18/31 декабря 1914 г. я писал начальнику генерального штаба: «...Приехал ген. Покотилло и описал мне, что делается в Тифлисе, а от гр. Вор.-Дашкова (кавказского наместника) я получил телеграмму с просьбой о присылке войск и с таким заключительным аккордом: «положение, угрожающее потерей Тифлиса», — и пленением наместника, конечно, т. к. он уже не встает с постели.

Во всем этом узнаю Мышлаевского, орудующего там всем и создавшего совершенно невозможное положение.

Очень трудно сказать, что теперь делать, но несомненно, что на Кавказе сейчас два врага: турки и Мышлаевский — и оба действуют успешно.

По письмам оттуда можно судить, что такое там творится.

Интересно будет узнать от Государя, — заметил ли его величество признаки этого развала, или же был искусно замаскирован лезгинкой, тамашой, алаверды и пр. местным, очковтирательным оружием.

Это, конечно, второстепенный театр войны, но какой все-же это скандал при готовящейся там катастрофе!

Год тому назад я докладывал, что управление Кавказом в такой обстановке, что не дай Бог войны — катастрофы не миновать.

Пока, слава Богу, еще только она на бумаге и в сознании Мышлаевского, но ход событий именно в этом направлении ...» *).

* * *

Его преемником был генерал Гернгрос, — в высокой степени порядочный человек, добросовестный, умный работник, но не такой способный, как Мышлаевский.

Приложенный Гернгросом труд, напряженная деятельность, превысили его силы; — за письменным столом его постигло кровоизлияние в мозг, и через несколько дней он скончался.

Его место занял генерал Жилинский, до этого командир 10-го армейского корпуса в Харькове. За время его управления штабом закончена была большая часть подготовительных к войне работ, — насколько это приходилось на долю генерального штаба.

Незадолго до об'явления войны он был назначен Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками ответственного округа на границе Германии и Австрии, а я должен был выбрать четвертого начальника генерального штаба.

* * *

Надо было искать среди генералов помоложе, и я остановил свой выбор на начальнике императорской Николаевской академии, генерале Янушкевиче, — бывшем начальнике канцелярии военного министер-

---

*) Ср. переписку между Сухомлиновым и Янушкевичем с августа 1914 г. до июня 1915 г.

ства и профессоре военной академии. Его лично знал и Государь, по стрелковому его величества батальону, — находя вполне подходящим, как способного, рабочего человека, хорошо подготовленного к организационной деятельности, владеющего иностранными языками.

Янушкевич был вполне в курсе предпринятой задачи по восстановлению наших вооруженных сил, потому что канцелярия военного министерства была административным органом на правах главного управления. Все, что по военному ведомству проходило в законодательном порядке, попадало в руки ее начальника, который был докладчиком в военном совете.

В составе канцелярии находился и кодификационный отдел.

При таких условиях ни одно из мероприятий по устройству, развитию и снабжению вооруженных сил не могло миновать рук начальника канцелярии военного министерства и его помощника.

* * *

Что-же касается личных моих отношений к генералу Поливанову, то как о нем, так и о генерале Янушкевиче, лица, давно знавшие их, меня предупреждали, что они не отличаются ни верностью, ни преданностью и ради личных своих интересов — люди на все способные.

Но в моем характере есть черта, проходящая нитью во всей моей жизни, — это считать людей, с которыми меня связывала судьба, прежде всего порядочными, раз я лично не имел никаких данных относиться к ним с недоверием. Поэтому к сплетням, интригам и всяким наговорам я питаю органическое отвращение, превращающееся в упрямство, когда кто-нибудь, на мой взгляд, голословно или явно по склонности к салонным сплетням, порочит человека, в особенности, если это относится к людям, которых я нахожу способным для той или другой работы.

К сожалению, не раз подтвердившаяся непрактичность моей теории не вытеснила этой черты из моего характера.

Генерала Поливанова я давно знал и не допускал мысли о том, что он может быть предателем или способен на интригу.

Однажды представил мне Поливанов обстоятельную схему организации хозяйственной, войсковой системы, — от самой высшей инстанции до периферии. Наглядность и целесообразность распределения всех функций органов управлений и войсковых частей, — бросалась в глаза.

Выразив ему благодарность за такую, с успехом исполненную, работу, над которой он не мало потрудился, — я взял схему в ближайший доклад Государю.

Имея это в виду, Поливанов не пожалел красок, чтобы иллюстрировать, сколько потрачено им было при этом труда.

Случайно, когда в приемной, близ кабинета Государя, я ожидал очереди для доклада, — вошел Воейков, причем я ему сообщил, что буду докладывать о войсковом хозяйстве. Каково-же было мое удивление, когда при этом выяснилось, что схема — чужой труд, присвоенный лишь Поливановым. Воейков узнал свою работу, как только я развернул схему, — и как автор ее, понятно, мог дать такие к ней об'яснения, каких Поливанов доложить мне не мог.

Над этим вопросом очень долго работали две комиссии, одна под председательством генерала Водара, а другая войсковая, под председательством командира л.-гв. гусарского его величества полка, генерала Воейкова.

Первую из них прозвали «допотопной», по давности времени, с которого она существовала, что касается второй, — то название комиссии по настоящему не соответствовало характеру занятий в ней. Командир полка, опытный человек по ведению хозяйства, руководил работой лично, и схема, которую представил мне Поливанов, выработана была самим Воейковым.

Никакой охоты брать на себя вообще ответственность у Поливанова не было.

С 1905 года, по собственному его заявлению, он соприкасался с вопросами государственной обороны, и отсюда возникло его близкое отношение к руководству восстановлением снабжения армии после японской войны, — а участие его в совете государственной обороны дало ему возможность быть в курсе главнейших мероприятий по обороне, возникших, по его словам, по главному управлению генерального штаба, якобы еще до моего назначения.

Но, чтобы не отвечать за это «близкое отношение к руководству», он отговаривался, что в законе обязанности помощника военного министра определены так, что по указаниям военного министра он только «облегчает его труды».

А как Поливанов «облегчал» мои труды, можно судить по письменному моему указанию помощнику военного министра 16 октября 1910 г., по поводу непорядков в подведомственном ему управлении:

«Моя резолюция, таким образом, не приведена в исполнение главным артиллерийским управлением, и об этом я узнаю только потому, что запросил сам.

Если мы будем так вести дела, не терпящие отлагательства, — будем составлять журналы заседаний по две недели, когда на это достаточно несколько часов, станем заводить бесконечную канцелярскую переписку, то только подтвердим создающуюся уже репутацию о неработоспособности артиллерийского нашего ведомства.

Если моряки так долго не отвечали, то, надеюсь, не мое дело было давно об этом напомнить. Так вести дело дальше нельзя — и допустить этого я не могу.

Прошу главное артиллерийское управление энергично двинуть не только это, но и остальные дела, — порядком, военному ведомству приличествующим.»

На одном из утренних докладов генерал Поливанов заявил мне, что я давно не был в Государственной Думе и он советует приехать в тот-же день на вечернее заседание. Хотя на повестке значилось несколько незначительных, так называемых «вермишельных», дел военного министерства, но я решил поехать, отменив очередные свои занятия. Но перед самым уже обедом явился неожиданно состоявший при мне родственник Гучкова, подполковник Боткин, с целью предупредить меня, чтобы я не ездил в этот вечер в Государственную Думу, так как там мне приготовлен грандиозный скандал.

Догадываясь, из какого источника он мог это знать, — я по телефону

сообщил генералу Поливанову, что на заседании в Таврическом Дворце не буду.

Мой помощник, судя по его репликам, не мог скрыть при этом известии своего смущения и растерянности, в особенности, когда я попросил его мне сказать, почему именно так неотложно необходимо в Государственной Думе мое присутствие. Ответы Поливанова сводились единственно к тому, что я давно не был на заседаниях Думы. Между тем, когда я незадолго перед тем неожиданно приехал в Думу, — ко мне вышли председатель Родзянко и его товарищ, князь Волконский, — упросив не показываться в зале заседания, ибо я, по их выражению, «сыграю роль красного сукна перед быком».

Когда Гучков в 1909 году в Думе разразился громовою речью с огульным заявлением о негодности состава высшего персонала нашей армии, то Поливанов, поддерживавший и тогда уже тесные отношения с Гучковым, посоветовал генералу Редигеру согласиться с этим заключением, что тот и сделал. Иезуитски подводя последнего, Поливанов рассчитывал, что это вызовет неизбежный протест со стороны армии, в составе которой имелись люди с заслуженным боевым опытом, служебным прошлым, и повлечет за собой увольнение генерала Редигера и назначение на эту должность, в силу создавшегося положения, заместителя не из армии, а его, как единственно оставшегося приемлемым для Государственной Думы кандидата.

Во время моей поездки в Туркестан в 1912 г. — Поливанов, при содействии редактора «Вечернее Время» Б. Суворина и Гучкова, — пытался меня дискредитировать в специальном памфлете, который должен был появиться от имени Мясоедова, — но не того, а неизвестного мне жандармского полковника.

Когда я возвращался домой, в газетах уже появились сообщения о моем увольнении и о предстоящем назначении вместо меня — Поливанова, портрет которого был даже помещен — для публики. Коковцов сам об этом разболтал во время своей поездки в Ялту с докладом обо мне, — причем был так уверен в успехе своего дела, что на вокзале в Москве совершенно открыто говорил о моем увольнении.

Точно также и в Ялте он был так не сдержан на язык, что всем рассказывал о моей несостоятельности на посту военного министра.

В семье министра Двора графа Фредерикса я узнал обо всем этом.

Через некоторое время после того я явился к Государю. О выступлении Коковцова я, конечно, знал, — но что и как докладывал Коковцов Государю, не знаю, — мне его величество не сказал об этом ни единого слова.

Но вне всякого сомнения, что В. Н. Коковцов докладывал о моем увольнении, не жалея красноречия. И ведь докладывал председатель совета министров, сам премьер-министр, некоторым образом глава кабинета.

Как принял это Государь, — отвечал-ли что-нибудь Коковцову, — мне тоже неизвестно; — но судя по дальнейшему поведению Владимира Николаевича Коковцова, его величество все это выслушал терпеливо, — председатель совета министров, приняв молчание за знак согласия, должно быть ожидал, что я привезу в Петербург свою отставку. Так он и говорил, вернувшись в столицу.

Но Государь совершенно самостоятельно решил этот вопрос иначе.

В Ливадии, после моего доклада, который, по мнению Коковцова, должен был оказаться последним, — Государь спросил меня совершенно неожиданно:

— «А вы, Владимир Александрович, очень дорожите Поливановым?»

Я ответил, что это герой не моего романа, но я себе другого помощника не выбирал, в виду высказанной воли его величества, чтобы я личного состава не разгонял.

— «Тогда выберите себе другого помощника, а Поливанов ведь член Государственного Совета?» спросил Государь. Я ответил утвердительно, но не по моему представлению.

— «А разве председатель совета министров не спрашивал вашего согласия?» Пришлось доложить его величеству, — что не спрашивал.

Государь нервно передернул плечами и приказал мне в тот-же день прислать ему к подписи указ об увольнении Поливанова. На мое заявление, что я затрудняюсь сейчас в выборе заместителя, Николай Александрович протянул руку через стол и взял «книжку генералов», — прибавив:

— «А мы с вами сейчас его выберем».

На первой-же странице он прочитал: — «Генерал Вернандер, — знаете что? берите его, он не будет интриговать и подкапываться».

Указ был подписан Государем в тот-же вечер. В Петербурге-же ожидали, что на этом бланке я привезу другую фамилию, и генерал Поливанов выехал даже меня встретить, со всеми начальниками главных управлений военного министерства, — должно быть, собирались устроить тут-же и проводы, — на основании сведений из такого достоверного источника, как Коковцов, — председатель совета министров.

* * *

В должности моего помощника генерал Вернандер пробыл до 1915 г. Этот достойный и твердого характера человек не был способен на интриги и предательство. За время своей трехлетней деятельности он сделал несравненно больше, чем Поливанов за семь лет. Когда он высказывал свой взгляд на дело, — он не считался с тем, нравится-ли мне это или нет; — не прибегал никогда к неоткровенности, — всегда высказывался открыто, — по существу самого дела.

* * *

Преследуя исключительно единственную цель ограничить область так развиваемых агентурных, не проверенных, секретных сообщений и тем оградить войсковые части от возбуждения в отношении их и отдельных лиц воинского звания, не только бесполезных, но и вредных по своим последствиям дел, — я находил нужным, как выше отметил, только тщательное обследование и об'ективную проверку этих секретных сведений, прежде чем давать им дальнейший ход, используя в этом направлении опыт и знание состоящего при мне жандармского офицера.

Установившееся при этом направление дел — никакой перепиской не было оформлено, — мы со Столыпиным переговорили лишь устно. Из письма полковника Мясоедова моему секретарю Зотимову видно было, что департамент полиции о сути наших переговоров

осведомлен не был, ибо Мясоедов писал: «министр внутренних дел указал на неудобства, которые представлялись-бы при осуществлении желания военного министра о сообщении ему жандармскими офицерами сведений о революционной пропаганде в войсках и что он опасается, что военному министру будут сообщены сведения, которые потом придется опровергать. Видя, что министр внутренних дел, очевидно, введен в заблуждение докладчиком, я обратил его внимание, что военный министр желал бы быть лишь осведомленным о возбуждении дознания о военнослужащих, дабы иметь возможность судить о ходе пропаганды в армии. На это министр внутренних дел мне сказал, что это, конечно, другое дело».

Вооружившись этим обстоятельством, Гучков сообщал в Думе, будто-бы я, чтобы следить за корпусом офицеров, создал в военном министерстве целую организацию. Дело велось с такой страстностью, которую можно лишь понять, если вспомнить эпизод, который имел место в 1912 году.

Кто-то, очевидно из сотрудников генерала Поливанова по прежней службе, — составил, на основании журналов заседаний по вопросам обороны, донос, с выписками из подлинных несомненно документов, и с утверждением того факта, что генерал Поливанов сообщил эти государственные тайны австрийскому послу. Тщательно составленный, литографированный аноним этот разослан был многим высокопоставленным лицам и членам Государственной Думы и, конечно, не мог не обратить на себя общественного внимания.

Я тогда не допускал и мысли о том, что это донос не ложный; — но необходимо было выяснить, кто-же мог его составить и каким образом секретные документы оказались доступными какому-то постороннему лицу. — Поэтому, прикомандированному ко мне подполковнику Мясоедову, я поручил навести справки, нельзя-ли выяснить автора доноса, и об этом сообщил, конечно, генералу Поливанову, — спросив его, не имеет ли он подозрение на кого-нибудь.

Меня поразило тогда то, что моим сообщением он был, видимо, подавлен, а из его реплики я увидел, что он заподозрил, не направит-ли Мясоедов свои розыски против него, тем более, что незадолго перед этим генерал Поливанов ездил в Австрию к одному из своих друзей, родственнику графини Карловой, с которой он был очень дружен, — покинувшему Россию и поселившемуся за границей. Так как все это было известно Поливанову и не было поэтому и тайной от Гучкова, близко принимавшего к сердцу интересы генерала Поливанова, — то Гучков решил выступить с отводом всяких возможных в этом смысле слухов в отношении Поливанова. Последствием этого, тотчас-же после моего разговора с Поливановым, явились в газетах якобы разоблачения о том, что австрийцы стали значительно осведомленнее с тех пор, как при военном министре появился Мясоедов. Последний, понятно, возмутился, потерял равновесие, и я распорядился о производстве расследования через главного военного прокурора. Дело кончилось дуэлью Мясоедова с Гучковым, а после происшедшего скандала на бегах между Мясоедовым и Борисом Сувориным — и увольнением первого со службы. Сам-же Гучков, не только при расследовании отказался указать главному военному прокурору источники его обвинения Мясоедова, но уклонился от этого и на суде, вопреки

данной им присяги: «не утаивать ничего для раскрытия истины», — нарушая этим закон, так как в ст. 443, 718 и 722 Уст. Угол. Судопроизв. указано 1. что свидетель обязан по чистой совести показать все, что знает по делу, 2. не примешивать в показание обстоятельств посторонних и не повторять слухов и 3. не может отказываться от дачи ответов к обнаружению противоречия в его показаниях или несообразности их с известными обстоятельствами, или-же показаниями других свидетелей, — и только тогда, когда вопросы, уличают самого свидетеля в каком-бы то ни было преступлении, он может отказаться от ответа на них. Таким образом, Гучков, давая заведомо ложное показание, с одной стороны, совершал уголовно-наказуемое преступление, а, с другой стороны, отказываясь от указания источника своей осведомленности, тем самым поставил себя в положение свидетеля, отказавшегося отвечать на вопросы, уличающие его самого.

* * *

Принялся я за работу по реформам в армии со дня моего вступления, начав с преобразования моей собственной должности начальника генерального штаба. Чтобы устранить «двухголовие», введенное указом 8/21 июня 1905 г., я на первых же порах подчинился добровольно военному министру и являлся к Государю с докладом в присутствии военного министра.

После моего назначения военным министром последовало высочайшее повеление, закрепившее этот служебный порядок, и единственным докладчиком по военному ведомству стал опять военный министр, который вместе с тем являлся вновь единственным ответственным лицом перед Государем за весь в совокупности военный аппарат. Этим, по крайней мере теоретически, а на несколько лет и практически, устранена была главная причина, препятствовавшая согласованному развитию наших вооруженных сил, — как до, так и после японской кампании.

Когда я принял министерство, мне и в голову не приходило, что вне этого ведомства народилась еще какая-то комиссия вне ведения военного министра, состоящая из военных чинов под председательством Гучкова, при Государственной Думе. Совершенно случайно узнал я об этом; список участников, 8 или 10 человек, был вскоре у меня в руках. В нем, между прочими, значился генерал Гурко, редактор истории японской кампании, полковник барон Корф и др. чины военного ведомства.

Я доложил об этом Государю, как о факте ненормальном, и о том, что все эти чины давно уже стоят во главе списков кандидатов на различные должности, а потому просил разрешения по мере открытия вакансий всех их выпроводить из столицы. Государю этот выход очень понравился, — он улыбнулся и сказал: — «Вполне одобряю, так и сделайте». Я так и сделал: открывшаяся вакансия первой кавалерийской дивизии в Москве была предоставлена генералу Гурко, — первый открывшийся стрелковый полк — полковнику барону Корфу и т. д. вплоть до расформирования этого подпольного учреждения — таким моим контр-маневром, о котором в стратегии генерала Леера говорится: «всякому маневру отвечает свой контр-маневр, — лишь-бы только минута не была упущена».

Ближайшею заботой было устранение вредного влияния Совета Государственной Обороны и «нянек» на ход дела по управлению войсками. Проведение этой части моей реформы представляло особые затруднения, вследствие того, что это было новообразование, своего рода рак, подлежащий удалению, исторически глубоко внедрившийся, заражавший весь государственный организм, а именно — влияние безответственных великих князей. Они были инспекторами отдельных родов оружия и, как члены императорской фамилии — имели доступ к высочайшим докладам. Вследствие этого на практике они имели возможность действовать через голову военного министра и местных командующих войсками, — проводить высочайшие повеления, которые не отвечали известным условиям и видам соответствующих властей. Но великокняжеские инспекции сопровождались продолжительными, дорогими и часто уже устаревшими экспериментами в армии, — которые только препятствовали спокойному развитию работ по усовершенствованию вооруженных сил государства.

Мне удалось, по крайней мере вплоть до 1914 г., поставить в новые рамки строптивого великого князя Николая Николаевича, не справился я только в этом отношении с Сергеем Михайловичем, генерал-инспектором артиллерии.

* * *

Как глубоко могли проникнуть подрывные работы великих князей, показал в 1911 году случай с великим князем Николаем Николаевичем, вынудивший меня заявить, что дальнейшую работу военного министра продолжать я не могу.

Имея в виду, что Государь всегда говорил о том, что во главе действующей армии, если-бы вспыхнула война, он станет обязательно сам, — я предложил собрать в Петербурге на стратегические занятия всех предполагаемых командующих армиями и в виде военной игры решить ряд задач на западном фронте. Обстоятельные данные, имевшиеся у нас в главном управлении генерального штаба, давали возможность создать обстановку и образ вероятных действий наших противников с большою правдоподобностью относительно возможных, действительных военных операций иностранных армий.

Занятия эти лично для Государя имели то значение, что таким способом он мог ознакомиться с теми генералами, которым предстоит стать во главе армий, и тех из них, которые окажутся несоответствующими предстоящим им ролям, — заменить заблаговременно другими, более подходящими.

Мысль эта очень понравилась Государю, а когда с его одобрения разработаны были детали этой игры, то его величество повелел предоставить запасную часть Зимнего Дворца для этих занятий и в составлении директив верховного главнокомандующего принимал участие сам.

Командующие войсками с'ехались, все было готово, но за час до начала игры Государь прислал мне записку, что занятия отменяются. Затем выяснилось, что Николай Николаевич был против «этой затеи», в которой «военный министр хочет делать экзамен командующим войсками». Всех приехавших командующих из провинции он пригласил к себе на обед, не пригласив меня.

В этой интриге великому князю помогли некоторые приехавшие, но не все однако, и личное его настояние у Государя довершило дело, которое только дискредитировало самого верховного вождя армии, свидетельствуя о его неустойчивости. Подобный исход с'езда командующих войсками являлся чем-то бестолковым, и через день я был с докладом у Государя с просьбой уволить меня от должности.

Это был один из самых тяжелых дней моей службы. Благодаря слабой воле одного и злой — другого, — я переносил нравственные мучения, которые и сейчас, при воспоминании о них, мнё тягостны, несмотря на то, что с тех пор протекло много лет.

Передо мной не был Государь, а простой смертный, сознающий свою вину и неловкое положение перед человеком, который был ему предан и взялся, по его же настоянию, за починку в конец испорченного дела.

Когда я вошел, Николай Александрович поспешил ко мне на встречу и, протягивая руку, смущенно заговорил о том, что он нашел нужным занятия с командующими войсками отменить.

— «Разрешите, ваше величество, доложить об этом после привезенных мною для подписи бумаг».

Лицо мое, наверное, сказало Государю, что этот доклад удовольствия ему не доставит. Он сел за письменный стол и предложил мне садиться.

После самой короткой первой части доклада и подписи бумаг его величеством, — сдерживая сколько только было у меня сил вполне естественное волнение и не нарушая этикета перед монархом, я начал с сожаления, что Государь так поздно сообщил мне свое решение, и что не было поэтому возможности обставить эту перемену, без того скандала, который в данном случае получился.

Государь сидел молча и даже не курил, как это он имел привычку делать во время докладов. Тогда пришлось мне изложить то положение, в котором я оказался, как глава военного ведомства.

Все знали, что инициатива с'езда моя, что Государь предположение предстоявших занятий не только одобрил, но должен был принять сам участие в них.

Приготовления самые широкие делались несколько месяцев и, когда настолько все было готово, что в Зимнем Дворце собраны были все чины главного управления генерального штаба, со всеми материалами — не приехали лишь командующие войсками, очевидно осведомленные раньше меня об отмене занятий, — военный министр узнает об этом позже всех!

Государь слушал меня, опустив голову, и не произносил ни слова. Несколько минут мы сидели молча.

Пришлось мне прервать это молчание, — казалось, что Государь ждет продолжения моих об'яснений — и я доложил, что всем случившимся мой авторитет, главы ведомства, подорван настолько, что оставаться в этой должности далее мне немыслимо. Какой я могу быть руководитель в таком громадном и сложном деле, раз у моих сотрудников и подчиненных не будет доверия к целесообразности моих начинаний и распоряжений? Невольно получается впечатление, что я подвел своего Государя какими-то несуразными фантазиями. Поэтому я прошу его величество об одном — отпустить меня и повелеть сдат должность другому лицу.

И после этого Государь продолжал молчать, а на бледном лице его видно было такое страдание, что мне до слез стало жалко бедного верховного вождя нашей армии.

Страдали мы оба, а тот, кто всему этому был виновником, — наверное от удовольствия потирал руки и ждал известий о назначении нового министра.

В третий раз пришлось мне прервать молчание: я был уверен, что другого исхода быть не может и я должен выйти из кабинета Государя, оставив портфель военного министра.

— «Ваше Величество сами видите, что во мне говорит не обиженное самолюбие или желание придраться к случаю, чтобы бросить работу, такую тяжелую и в такой неприятной обстановке. Я прошу об увольнении потому, что другого выхода у меня нет, его и придумать трудно».

После последних слов Государь точно проснулся, — оживился и, ласково взглянув на меня, сказал:

— «А вы придумайте, — отпустить вас я не хочу».

В действительно трудных условиях придумывания у меня явилась мысль об отмене столь неосторожного решения роспуска с'ехавшихся без всяких результатов генералов. Весьма вероятно было, что на это Государь не согласится и ходатайство мое об увольнении будет тогда уважено.

Когда я мысль эту высказал, Государь сообщил мне, что он уже отпустил их домой. Как-же это теперь сделать?

— «Вернувшись в Петербург, я дам им знать, что ваше величество признали за благо устроить совещание по государственной обороне под моим председательством и что они уедут по окончании этих заседаний».

Надо было видеть нескрываемую радость Государя, который быстро встал, — протянул мне руку, — крепко пожал ее и улыбаясь сказал:

— «Ну, конечно, и вы их не отпускайте, покуда не получите от них все, что вам нужно»... Так я и остался военным министром.

Вернувшись в Петербург, я застал в приемной генерала Скалона и Иванова, которые заявили мне, что пришли откланяться, так как Государь отпустил их домой. Я им ответил на это, что его величество и мне это говорил, но вместе с тем нашел необходимым использовать приезд их для совещания по государственной обороне и что разрешение уехать остается в силе, но по окончании такового.

Совещание состоялось, но великий князь Николай Николаевич на нем не присутствовал, конечно. Результаты обсуждения вопросов по обороне были подробно доложены Государю, и он убедился, как ошибочно было решение отменить занятия, обстоятельно подготовленные. Тогда-же принципиально Государь решил через некоторое время осуществить проект мой, стратегических занятий с командующими войсками. Они и состоялись, но лишь в 1914 году, весною и чтобы избежать опять какой-либо интриги, — не в Петербурге, — а в Киеве.

Глава XXV.

Дальние и малые поездки.

«У дельного хозяина и конь в теле». Пробные мобилизации. В Сибири. Саперный баталион в тайге. Иркутск без моста. Харбин. Посещение Китая. Чума. Китайские войска. Владивосток. Казарменный вопрос на Амуре. Хабаровск. Трения между гражданским и военным ведомствами. Пломбировка китайцев. Николаевск. На «Тайфуне». Плавание по Амуру. Рыбная ловля. Потешные. Туркестан. Самсонов — генерал-губернатор. Прошение уральских казаков. Ташкент. Великий князь Николай Константинович в ссылке. Его оросительные работы. У эмира Бухарского. На автомобиле через голодную степь. Хлопчато-бумажная культура. В Александровске, Мерве и Кушке. Тяжелое положение офицеров. Хорошее настроение офицерского состава.

Старая кавалерийская поговорка: «у дельного хозяина и конь в теле» — в переносном смысле значит, что в основаниях жизненного благосостояния вообще всякое распоряжение только тогда может быть целесообразно выполнено, — если оно при этом сопровождается наблюдением самого распорядителя. А так как на мне в роли военного министра лежала обязанность привести армию вновь в состояние инструмента, пригодного для военных действий, — то нужно было как можно скорее направить дело восстановления на путь продуктивной работы.

Мы вынуждены были поэтому в подготовительных к мобилизации работах прибегать к средствам и путям, совершенно иным, сравнительно с теми, какими руководились до этого. Совершенно так, как к стрелковому делу и полевой службе, все учреждения, управления и войска должны были отнестись и к мобилизационным упражнениям. Подготовительные к мобилизации работы постоянно контролировались и подвергались испытаниям; ответственные лица, озабоченные тем, чтобы в действительности все было в лучшем виде выполнено для успешной мобилизации, должны были принять все меры к пополнению, по военному положению, — всего снаряжения, вооружения и развитию всего вообще необходимого для похода. С этою целью у нас установлены были различные, постоянные и периодические, — во всех округах повторяющиеся, мобилизационные упражнения, с отпуском на это необходимых специальных средств, — и поверочные мобилизации, дававшие

возможность контролировать, как подготовительные к мобилизации работы, так и степень готовности для выступления в поход. В этом отношении особенно поучительны были пробные мобилизации различных стадий, причем войска получали пополнение из соседних частей или призывом запасных. Присутствию по возможности на большей части этих упражнений я придавал большое значение, так как лично мог проверить и убедиться в степени готовности войск к быстрой мобилизации. Чтобы устранить трения между штабами и управлениями или выяснить недоразумения и неясности между начальниками и подчиненными, — лично во всем убедиться и на месте-же наладить и распорядиться, — для этого мне приходилось много путешествовать.

Разделяя эту точку зрения, Государь шел мне на встречу и заказал даже для военного министра салон-вагон, — что давало возможность быть вне зависимости от железнодорожных управлений и ставить его в любой поезд. Это способствовало и внезапному появлению в местах отдаленнейших гарнизонов. Результатами моих поездок Государь интересовался всегда в высокой степени. Иногда такие поездки происходили по его инициативе; но тогда они сопряжены были с неприятными поручениями. Большею частью в подобных случаях кому нибудь из генералов или даже командующему войсками — приходилось намыливать голову для водворения порядка, — что обходными путями доводилось до сведения Государя. Ему бывало подчас трудно проявлять необходимую строгость и согласовать ее с опасением оскорбить человека. Для примера приведу случай с генералом Сандецким, бывшим командующим войсками в Казани.

Притязательный в служебном отношении генерал этот был так груб и жесток, что жалобы на него не прекращались, — кто только мог, — избегал служить под его начальством. Казанский военный округ получил прозвище «дисциплинарный округ», — по аналогии с дисциплинарным баталионом.

Несмотря на всю доброту, у Государя в конце концов лопнуло терпение, и его величество приказал мне изложить письменно, что верховный вождь армии недоволен тем режимом, который установил в своем округе генерал Сандецкий. Я написал это в форме совершенно частного письма и представил на утверждение Государя. Его величество в одном месте смягчил редакцию и письмо было отправлено. Оно подействовало, — кто приезжал из Казани в Петербург, рассказывал, что никто не понимает, вследствие чего произошла такая перемена.

Государь был этому ужасно рад и, когда мне пришлось ехать в Казань его величество озабочивало, чтобы я не вспоминал Сандецкому прошлого и не отнесся к нему неприязненно, — поэтому приказал:

«Скажите командующему войсками от моего имени, что я его ревностную службу ценю, но ненужную грубость по отношению к подчиненным не одобряю».

Генерал Сандецкий сам не отрицал своей суровой служебной требовательности, — но очень интересовался знать те данные, которые послужили основанием и могли свидетельствовать о действительной его жестокости. Кое-что из фактических данных Государь мне сообщил, — но со свойственной ему деликатностью далеко не все, из опасения, чтобы не выдать того, который вынес сор из избы.

Начальником штаба у Сандецкого был мой бывший ученик, порядочный, благородный человек, — генерал-майор Светлов. Мне удалось переговорить с ним с глазу на глаз; — он совершенно определенно подтвердил мне эту «чрезмерную строгость», которая в действительности была настолько невыносима, — что из Казанского «дисциплинарного округа» бежал всякий, кто только мог.

Переданная мною генералу Сандецкому высочайшая воля на некоторое время дала возможность подчиненным его вздохнуть свободнее.

Но природа требовала своего, и через некоторое время началась старая песня, так что пришлось генерала Сандецкого убрать и назначить членом военного совета. Во время войны он был назначен командующим войсками в Москву и там он стал проявлять свой злостный характер на раненых и возвращавшихся с театра военных действий.

«Зайдите к Государыне, она вам расскажет, как генерал Сандецкий обращается с офицерами, которые работали на поле брани», — сказал мне Государь на докладе в Царском Селе.

Императрица Александра Феодоровна передала мне целый пакет докторских свидетельств Московских лазаретов, находившихся под ее покровительством. До крайности возмущенная, она мне рассказала о таких непонятных глупостях, как напр., подозрения в симуляции. Из любви к искусству, принимая участие лично в докторском осмотре, он развертывал перевязки и совал свои пальцы в раны, чтобы убедиться в том, что это действительные поранения, а не театральный грим!

При проезде моем через Москву, опять по высочайшему повелению, мне пришлось намыливать голову этому бравому, но не в меру ревностному генералу. Но мне было уже ясно, что «горбатого только могила исправит».

С тою-же целью, с которою я ездил, часто командировались мною и начальники специальных ведомств, что, понятно, устанавливало большую и лучшую связь между отдаленными провинциальными войсковыми частями и управлениями, — нежели командировка в праздные, бездеятельные столичные комиссии.

Для центральных управлений это было полезно в том отношении, что на продолжительное время оторванные от живительной войсковой жизни офицеры, при тяжелых письменных занятиях, имели возможность отдохнуть во время поездки.

При воспоминаниях теперь об этих поездках, когда от них отделяет нас большой промежуток времени и такая масса событий, — рельефно вырисовывается безусловная необходимость тогда именно этого живого приема, чтобы наверстать упущенное время, потерянное пред тем советами, комитетами и всем сложившимся порядком бумажного, канцелярского ведения дела.

Разумеется, быстрота передвижения по рельсовым путям на громадные расстояния не давала возможности изучать страну, любоваться красотами природы, вникать в обычаи и привычки местного населения по пути следования, — как это было-бы мне желательно, — но я получал понятие о всех тех условиях и обстоятельствах, с которыми связан был успех воссоздания единой, одухотворенной патриотическим сознанием армии. В таких-же условиях находились и мои младшие сотрудники, — в пределах специальной их деятельности.

В Сибири

В 1912 г. я предпринял большую инспекторскую поездку. В центральных городах округов обыкновенно приходилось останавливаться и там уже решать вопрос той или другой дальнейшей поездки. Моя первая, более продолжительная остановка была в Иркутске, богатом, главном городе Сибири. Междуведомственные отношения были там вполне благоприятные, в этом я убедился при первом-же посещении генерал-губернатора Князева и командующего войсками — Никитина.

Там-же в Иркутске мне надо было разобраться в мудрых распоряжениях предшественника генерала Никитина, генерала Селиванова. Россия была действительно страною безграничных возможностей. В саперном баталионе возникли недоразумения, по мнению генерала, на политической подкладке. За это он приказал баталиону проложить дорогу в тайгу! Только тот, кто сам был в тайге, может составить себе понятие, что это было за наказание. Тайга — это болотистый лес, тянущийся через всю почти Сибирь; с мая по сентябрь, это очаг всевозможных болезней, — при скверной воде, терзаниях насекомыми и болотах, в совокупности вызывающих лихорадки; в апреле и октябре тайга совершенно непроходима вследствие таяния снегов и проливных дождей, — а в течение пяти месяцев, покрыта глубоким снегом, при температуре 45° ниже нуля! Держать в тайге лошадей и коров вообще немыслимо, так как они грубую траву не переносят; что касается собак, — то тут водится лишь известная порода полярного пса...

Это жестокое наказание не оправдывалось какими-либо соображениями касательно обучения или местными хозяйственными условиями, — а было исключительно какою-то жаждою мести оскорбленного начальника.

Это был чистейший садизм, — желание мучить людей.

По приказанию генерала, на несколько верст в глубину приказано было вырубить площадку и разбить на ней лагерь для баталиона.

Всю эту каторжную работу я осмотрел и был поражен тем, сколько труда и усилий человеческих пошло, чтобы преодолеть все препятствия, которые при этом саперы встретили. Между двумя хребтами пришлось напр. проложить дорогу по таежной топи. Одна рубка гигантских деревьев чего стоила, чтобы получить для лагеря площадку, на которой потом овода и комары доводили людей до отчаяния.

Там-же на месте, я приказал закрыть этот инквизиционный лагерь и вывести сапер на место, возможное для существования.

Тот-же человеколюбивый генерал согласился с постройкой казарм на отведенной городом бывшей свалке. Когда в них помещены были войска, то совсем новые здания стали разваливаться, не имея под собой прочной почвы. Какие были при этом санитарные условия, можно себе представить......

Со столицей Сибири, Иркутском, богатым городом, — стала конкурировать Чита; эта сибирская Москва начала рости не по дням, а по часам, соперничая с Иркутском. Мне пришлось воспользоваться этим для того, чтобы двинуть дело постройки постоянного моста через красавицу Ангару, отделяющую город от железнодорожного вокзала. Чистые, как слезы, воды этой быстротечной реки два раза в год, весной и осенью,

нарушали беспрепятственное сообщение с такой жизненной артерией, как великий сибирский железнодорожный путь. Но отцы города упорствовали и тормозили проведение в жизнь проекта столь неотложно необходимого сооружения.

Когда при моем от'езде на вокзал явились представители города, — я огорчил их заявлением, что переведу все части военно-окружного управления в Читу, если не приступлено будет в ближайшее-же время к постройке моста через Ангару. — Несколько месяцев спустя у меня был уже в Петербурге инженер с утвержденным проектом моста.

* * *

Дальнейший путь мой лежал к чистенькому городу Харбину, — центру нашего управления в иноземной стране. Там я познакомился с генералом Хорватом, энергичным и спокойным человеком, к сложному и своеобразному положению приспособившемуся весьма практично.

Войск наших там не полагалось и вместе с тем, под видом железнодорожной службы и пограничной стражи, — там была наша пехота, артиллерия, конница, — целый своеобразный корпус, размещенный в прекрасных казармах и помещениях и великолепно обставленных условиях довольствия.

По дороге из Харбина в Владивосток я выразил желание осмотреть какой нибудь китайский город. Генерал Хорват избрал город, в котором предполагалось, что чумы нет. Со всеми китайскими церемониями я был встречен в нем; не помню его названия, Фучен или что-то в этом роде. При осмотре одной кумирни на кладбище, я открыл калитку и, увидев стоявшую прямо на земле массу гробов, спросил, что это такое.

Переводчик мне передал, что это умершие от чумы китайцы, ожидающие отправки на родину. Китаец должен быть похоронен там, где он родился.

Сопровождавший меня в поездке доктор был очень смущен этой картиной, но заявил, что чумный труп уже не заразителен. Тем не менее он просил меня лучше покинуть этот город.

Сделать этого, конечно, нельзя было, так как я должен был отдать визит начальнику города.

В дальнейшем путешествии я испытал еще удовольствие тайфуна в пути, когда штормовой, сильнейший ветер поднимает такую пыль, что солнце меркнет, все получает желтовато-красную окраску и в воздухе летят песок и мелкие камешки.

На одной из станций мне доложили о том, что накануне отбита была пограничными стражниками партия хунхузов, пытавшаяся испортить путь. Преследование нашей конницей происходит в таких случаях на китайской территории, откуда они и появляются. Но дело это настолько уже обычное, что не вызывает никаких дипломатических недоразумений.

Какому-то китайскому генералу хотелось получить русский орден, и на одной из станций он выставил мне роту новых регулярных китайских войск. Отличное оружие новейшей системы, практичное обмундирование защитного цвета и ротное учение, проделанное безупречно, служило доказательством, что европейские инструктора добросовестно отнеслись к порученному им делу в Китае.

* * *

Мое первое посещение Владивостока было связано с судьбою еще не достроенной вполне крепости.

Когда-же я, после первой поездки, доложил Государю все мною виденное и точку зрения о необходимости доведения Владивостока до мощной первоклассной крепости, — Его Величество с большим вниманием вникал во все подробности моих соображений и выводов.

— «Инстинктивно я всегда это чувствовал», — сказал он, — «но ясно и определенно у меня это не укладывалось. Теперь у меня уже нет ни малейшего сомнения, что вы правы и надо приняться за это дело решительно, потеряно ведь не мало времени.»

В виду такого решения я просил командировать в Владивосток самого генерала Вернандера, для наблюдения и руководства производством крепостных работ, — что и состоялось. Обширный крепостной район и сложность работ требовали большой энергии, технических знаний, опытности и зоркого глаза. Все это совмещалось в избранном руководителе работ, и грехи предыдущих строителей покрыты были плодотворною деятельностью Вернандера.

В первую-же поездку я убедился, что казарменный вопрос в приамурском округе обретается не в авантаже, как говорили в доброе старое время. Были еще части войск, помещавшиеся в землянках. Государь возмутился, когда узнал об этом от меня, и, повидимому, министру финансов не удалось отвертеться на этот раз, — потому что Его Величество мне твердо и уверенно об'явил, что деньги на казармы приамурского округа будут ассигнованы.

К сожалению, должности командующего войсками и генерал-губернатора не были об'единены на этот раз в одном лице в Хабаровске.

Начальником края был человек, не отвечающий важности подобного поста, в особенности на окраине. Неискренность, страсть к интриге и подкопам генерал-губернатора Гондати не могли способствовать дружной работе. До его назначения на суммы амурского казачьего войска выстроен был дом для наказного атамана, — он-же командующий войсками. Для его помощника-же отдельный дом построило военное ведомство.

Командующий войсками, генерал Лечицкий, по праву жил в войсковом доме. Гондати нашел, что ему принадлежит это право и добивался выселения командующего войсками в дом помощника. Подкопы свои Гондати вел через Столыпина, причем ходатайства, вернее, происки уснащал такими доводами, что Петр Аркадьевич просил меня в этом разобраться.

Приехав в Хабаровск, я посетил командующего войсками; как только я вошел в залу, меня поразило то, что все парное разрознено: — вместо двух люстр — одна, от другой висят только провода; — вместо двух царских портретов — только Государя, а вместо портрета Императрицы — лишь один крюк и т. д. — Оказывается, Гондати этот Соломонов суд учинил на том основании, что часть внутренней обстановки заводилась на общие суммы военного и гражданского ведомств.

Поделив, таким образом, часть обстановки дома командующего войсками, Гондати не разрешил чинам, ему подведомственным, посещать Хабаровское военное собрание, учинив тоже своего рода «séparation des corps». Пошел он в этом отношении и дальше. Комендант Влади-

востока, генерал Савич, выслал из крепости несомненного разведчика, ловкого чужеземного агента. Генерал-губернатор с своей стороны разрешил ему вернуться и жить в городе Владивостоке, — после того, как тот обратился к нему лично.

При таких условиях Гондати добивался, чтобы генерал Лечицкий уступил ему свой дом, так как это будто-бы нужно для поддержания его престижа начальника края. Я предложил ему занять дом помощника командующего войсками, но он настаивал на своем и атаковал П. А. Столыпина; тем не менее Гондати пришлось поселиться в доме помощника и ему обещано было затем выстроить генерал-губернаторский дом на средства министерства внутренних дел.

Едва-ли административные способности Гондати заслуживали вообще особого поощрения. По крайней мере распоряжение, запрещающее наем китайцев на работы, отразилось так неблагоприятно на обширных постройках военного ведомства, что расстроило все сметы; вместо одного рубля в сутки, — пришлось платить три и оплачивать, сверх того, дальний путь русских рабочих из внутренних губерний.

Знаменитое-же его пломбирование китайцев в наших пределах не обошлось без форменного скандала*).

Когда руки мокли, бичевки набухали, кровообращение задерживалось, — терпеливые китайцы приходили в полицию, протягивая посинелые руки. Покорные люди эти не решались освободиться самовольно от наложенных русскими властями пломб, причиняющих им страдания.

Когда узнали об этом в Пекине, то там последовало контр-распоряжение, — проделывать тоже самое с русскими местными жителями в Китае, — но запломбировывать только не руки, а шею. Первым дошедшим об этом слухам не поверили, — приняв за анекдот, но, к сожалению, это затем подтвердилось фактически.

* * *

Конечным пунктом моей поездки был Николаевск, и путешествие к нему предстояло по Амуру, — от Хабаровска всего на протяжении около тысячи верст.

В Николаевск со мной отправился командующий войсками, его начальник штаба, начальник инженерной части и артиллерии Приамурского военного округа. Из речной амурской флотилии составилась эскадра в 7 вымпелов: две башенные лодки, «Тайфун» и «Смерч», две сормовские лодки, два моторных катера и пароход-транспорт, в виде нашей плавучей базы с продуктами.

Начальник Амурской флотилии, адмирал Бергель, был со мной на «Тайфуне».

В числе сопровождавших меня в поездке находился генерального штаба полковник Балтийский. Кроме этой водяной фамилии, у него с морским ведомством была связь, как преподавателя в морской академии.

По соглашению с морским министром, для взаимного ознакомления,

---

*) Чтобы местных китайских жителей отличить от китайцев, прибывающих из Китая в Приамурскую область, — наша остроумная власть придумала своего рода бандероль: рука обвязывалась бичевкой, закрепляемой оловянной пломбой.

известное число сухопутных офицеров командировалось ежегодно во флот, — а чины морского ведомства в сухопутные войска.

Полковнику Балтийскому поручено было ведать этим делом, и личная связь его, таким образом, перешла в официальную — ведомственную.

В плавании нашем по Амуру он был поэтому в своей сфере, в роли сухопутного флаг-капитана у военного министра.

Переезд по воде, без риска претерпевать морскую качку, — являлся весьма приятным путешествием. Так много интересного можно было наблюдать, такими живописными ландшафтами любоваться, что не было никакого желания покидать палубу.

Фарватер многоводного Амура обставлен был соответствующими вехами и за переменами в нем следили постовые сторожа, жившие на известных расстояниях друг от друга, вдоль по лесистому берегу. Перемены эти происходили, главным образом, от перемещающихся отмелей, образования перекатов, соответственно чему переставлялись и обстановочные знаки.

Ночью на постах зажигались фонари, и зачастую отсутствие огня служило указанием неблагополучия. По берегу сухим путем собственно сплошного сообщения не было, и в тайге господствовали беглые каторжники. Содержание и продовольствие развозилось постовым сторожам водным путем.

Обыкновенно то, что где-нибудь фонарь не горел, служило признаком, что пост вырезан и ограблен беглыми, — чаще всего после доставки продовольствия. Такой случай имел место перед нашим путешествием.

Однажды ночью мы наблюдали в бинокль компанию беглых каторжников, сидевших вокруг костра.

Много больших сел, расположенных по берегу Амура, носят название по губерниям, из которых крестьяне переселились в Сибирь. Полей у них не видать; главный промысел — кета, идущая массами вверх против течения. Села богатые, но в них сильно развито пьянство.

Какое количество рыбы и каких она размеров, я мог судить, стоя на носу плоскодонного «Тайфуна». Громадные рыбины выбрасывались у самого борта, и одному из мальчиков бывшего с нами музыкантского хора удалось на моих глазах пробить багром экземпляр, величиною почти в рост человека. Полковник Балтийский снял фотографию боцмана, держащего эту рыбу за хвост у своего плеча, — голова-же ее при этом касалась палубы.

Выходившие вперед нашей кильватерной колонны моторные катера заходили за корреспонденцией в села, в которых находились почтово-телеграфные станции. В одном из таких сел приставшего к берегу мичмана просили передать мне просьбу жителей посетить их церковь. Флотилия наша приостановилась, и на катере я сошел на берег.

Встретил меня почетный караул потешных. Здоровый, бодрый вид этих ребят вызвал желание поздороваться с ними по старинному: «здорово, ребята!» Звонко и дружно ответило до ста молодых голосов: «Здравия желаем ваше высокопревосходительство!» Инструктором оказался бывший унтер-офицер, знавший меня в лицо еще «в России», как обыкновенно говорят в Сибири.

Вышла, конечно, вся деревня, состоящая не менее чем из двухсот дворов; на виду у всех потешные проделали несколько строевых эволю-

ций, а затем, свернувшись в колонну, с песнями, проводили меня в церковь.

На паперти они составили свои деревянные ружья в козлы и пошли на клирос петь, уже под командой сельского учителя.

Такое чисто русское празднество за десять тысяч верст расстояния от столицы имеет свою особенную прелесть и не может не приподнять настроения всякого, кто сознает величие нашей России.

Население всего села высыпало на берег проводить меня; вернувшись на «Тайфун», я продолжал путь. В Николаевск мы прибыли на следующее утро.

Небольшой город этот расположен на левом берегу реки, в устье Амура, при впадении его в Охотское море и против самого северного конца острова Сахалина.

То, что там существовало под названием крепости, — этому термину совершенно не отвечало; а то, что проектировалось выстроить, требовало таких расходов, на которые кредитов мы получить не могли.

Старые укрепления находились на том-же левом берегу, а на высоком правом — предполагалось возвести крепостные сооружения современного начертания, большой стоимости.

В то время, когда я знакомился на месте с проектами сооружений, очень кстати в горах показались признаки того тумана, который точно ватой окутывает возвышенные места. Обычное и весьма частое местное явление это не было принято в соображение; а между тем укрепление, с орудиями крупных калибров на высокой горе, потеряло значение при этих частых туманах.

После того, что все это выяснилось на совещании, состоявшемся у меня на «Тайфуне», — решено было от крепости на правом берегу отказаться, — а идею старых батарей осуществить, сообразно со свойствами орудий современной артиллерии.

Туркестан

Два раза пришлось мне быть в Туркестанском крае. Первый раз после поездки во Владивосток и затем на открытии Романовского оросительного канала.

Власть генерал-губернатора и командующего войсками об'единена была здесь в лице генерала Самсонова, трагически погибшего затем на войне, под Танненбергом в Восточной Пруссии. Мой старый ученик по академии генерального штаба встретил меня на границе своего края, и затем все поездки по Туркестану и Закаспийской области мы совершили с ним вместе.

На одной из станций, близ Аральского моря, меня поджидала депутация уральских казаков, выселенных с Урала за то, что они не хотели подчиниться новому положению о войске и свое упрямство в этом отношении довели до упорного сопротивления властям.

Несколько десятков типичных староверов, длиннобородых, худых, загорелых стариков, сняв шапки, подали мне прошение. Оно было так длинно, притом написано таким бисерным почерком, что удовлетворить их желание, прочесть немедленно всю тетрадь — не представлялось возможным.

— «Ты тольки прочти сам, ваше высокопревосходительство», — говорили они, — «тут все по порядку об'яснено, как и что противу закона с нами проделали.»

Генерал Самсонов при них же доложил мне, — что им разрешают вернуться на Урал, с условием, чтобы они подчинялись порядкам, установленным для уральского казачьего войска. Но они упрямо настаивали на чтении их «грамоты» и не давали мне прямого ответа, почему таким именно разрешением возвратиться не желают воспользоваться.

Из уральских казаков они давным-давно превратились в аральских рыболовов и с казачеством потеряли всякую связь. Протекло так много времени после их переселения, что не было и смысла в этом стремлении вернуться,—а одно лишь упрямство: только старая вера—истинная религия, только старые законы — настоящие основания для жизни.

— «Сделай такую милость, — доложи нашу челобитную самому Царю», — просили они на прощанье.

Когда я вернулся в Петербург из поездки, то выяснилось, что действительно, прошений таких накопилось много, а ключ к разрешению этой шарады заключается в необыкновенно фанатичном упрямстве бывших уральцев.

По пути в Ташкент я мог любоваться дивным ковром из полевых цветов, покрывающим все видимое пространство по обе стороны железнодорожного полотна, несмотря на то, что на известном, значительном протяжении, нет совсем воды и ее подвозят к станциям в особых цистернах, по железной дороге.

* *
*

В Ташкенте жил великий князь Николай Константинович, удаленный из Европейской России за клептоманию. Здесь он работал по вопросу орошения безводных пространств. В самом же городе великий князь выстроил громадный кинематограф и занимался вообще коммерческими делами.

Когда я приехал, он прислал сказать, что желает меня видеть и приехал на вокзал, где я помещался в своем вагоне.

Его вид меня поразил, — до такой степени он изменился. Обриты были решительно все волосы на лице и на голове. Одет во все черное. Глаза с явными признаками ненормального состояния. Великий князь интересовался знать о состоянии наших вооруженных сил и видно было, что по этой части он сильно отстал. Когда-же зашла речь об императорской фамилии, — то Николай Константинович, видимо, стал волноваться, а при имени великого князя Николая Николаевича, — пришел в сильно-возбужденное состояние, — перейдя затем даже к угрозам. После того с ним было трудно продолжать разговор, — так как нарушенное равновесие мешало успокоению нервной системы.

Что касается его деятельности, то для края он своей работой принес большую пользу; — огромная площадь мертвой пустыни, получив орошение, ожила, и эта заслуга его в крае всеми ценится.

В Туркестанском крае вода — источник всех благ: она играет там роль драгоценных металлов. Аму-Дарья, Мургаб, всякий водный источник обогащает всех, кто населяет безводные, но не бесплодные

пустыни, такие, как напр., Голодная Степь. Каналами, арыками речные воды отводятся по обе стороны рек на большие расстояния и целой системой разветвлений, до мелких канавок включительно, — орошаются громадные площади, на которых пышно произростает хлопок и др. злаки. Драгоценная влага разбирается до такой степени, что иногда река имеет только исток, но устье исчезает, превращаясь в сеть мелких канавок.

* * *

По указанию Государя я должен был сделать визит Эмиру Бухарскому. Как он, так и Хан Хивинский, по обычаю восточных владык, когда приезжали к нам в Россию, делали подарки не только Государю, но и нашим сановникам. Его Величество повелел мне передать Эмиру привет и разрешил поднести бронзовую конную статую Государя. Мне удалось найти две такие статуи, прекрасно выполненные, и я их взял с собою. Эмиру Бухарскому я вручил их лично, в его резиденции, — а в Хиву проехать не было возможности, и Хану Хивинскому я передал подарок через приехавшего ко мне в Чарджуй его первого министра.

В летней резиденции, Керминэ, Эмир Бухарский принял меня со всеми почестями и восточными церемониями. Обед обильный и парадный тянулся долго. Эмир воспитывался у нас в Николаевском кадетском корпусе в Петербурге и говорил поэтому по-русски.

К императору Николаю II он относился с особым обожанием и страшно дорожил вензелями Его Величества, которые ему были пожалованы. В виду этого, когда внесли дубовый ящик, скрывавший привезенный мною подарок, то сперва он оглядел его с некоторым любопытством, заинтересованный тем, что в нем находилось, — а когда увидел появившееся изваяние Государя, — то восторг разлился по его лицу.

Радость Эмира была при этом просто трогательна, в особенности, когда он узнал от меня, что подарок делается с соизволения Его Величества.

Какие нужны были средства на орошение, я мог убедиться, присутствуя на открытии Романовского канала и ознакомившись с теми сооружениями, которые произведены были великим князем Николаем Константиновичем. Большие каналы были даже судоходны; — в районы лесовой почвы проводили они воду, регулируемые грандиозными плотинами.

Голодную Степь я пересек на автомобиле. По гладкой и упругой поверхности, как по бильярду, прокатили мы без дорог. Путь от времени до времени обозначался скелетами павших верблюдов, этими побелевшими от солнца следами караванного пути.

* * *

После Керминэ, — в Закаспийской области я посетил другое колоссальнейшее оросительное дело, в Мургабском государевом имении.

Здесь водные богатства реки Мургаба использованы были для произростания хлопка в громаднейших размерах. Системою запруд и каналов орошалась Мургабская долина, причем влага, задержанная главной плотиной, пропускалась, — в мере надобности, — по арыкам из центрального пункта, соединенного телефоном со всеми участками плантаций.

В самом имении я мог ознакомиться с тем разнообразием продуктов, которое дает хлопковое растение. Кроме хлопчатой бумаги, на соответствующих фабриках вырабатывалось мыло, масло и даже порошок, суррогат какао, шоколада, из кожуры хлопковых плодов.

Оазисом на железной дороге стоит здесь столица Закаспийской области. За время своего командования, генерал Куропаткин приложил много забот, чтобы сделать Асхабад удобообитаемым. Среди сыпучих и раскаленных летом песков, задача была не легкая — справиться с посадкою деревьев и разведением всякой растительности вообще.

Здесь это удалось сделать, тогда как в конечном пункте железной дороги, на берегу Каспийского моря, — в этом отношении все усилия были тщетны. В Красноводске я не видел не только ни одного дерева, — но там в природе нет ни капли пресной воды и таковая добывается конденсаторами, — опреснителями, — поэтому и вкус ее какой-то не живительный, а только лишь не соленый.

Двум ротам стрелков, находившимся там в гарнизоне, — приходилось именно «не солоно хлебать». Немного удовольствия было и в таких пунктах, как Александровск, Мерв, Кушка. Особенной заботы заслуживало там поэтому дело казарменного расположения, на что Государь приказал мне обратить исключительное внимание, — а на улучшение Кушкинского гарнизонного собрания — ассигновал даже пособие из личных своих средств, после моего доклада.

Когда я зашел в Кушкинскую церковь, то священник, отслуживший молебен, обратился ко мне с довольно оригинальной речью. — Обрисовав тяжелые условия жизни среди сыпучих песков, он порекомендовал мне приехать к ним в разгар лета, чтобы испытать то пекло, которое поджаривает, как на сковороде, и ту мельчайшую песочную пыль, которую ветер загоняет в нос, горло, легкие и во все щели одежды и жилья. — Та нервность, с которой это высказывалось, свидетельствовала, что эти жизненные условия, даже священнослужителю были не в могоху.

Как ни тяжело пребывание в Красноводске, но там близость моря смягчает атмосферные невзгоды песчаных пустынь. В Каспийской флотилии находились две канонерские лодки, «Карс» и «Ардаган», с дизельмоторными двигателями. Они строились в Петербурге при мне — и незадолго до моего приезда пришли по Волге в Каспийское море. Одна из них вызвана была в Красноводск, и на ней я испытал не морскую качку, а такую-же тряску, какая на сухом пути бывает в простом товарном вагоне, при неисправном железнодорожном пути и на быстром ходу.

Сильные дизельмоторные двигатели были причиною этого неприятного явления. К боевым качествам «Карса» и «Ардагана» моряки относились с некоторым сомнением. В закрытом море эти суда были тем не менее, как французы говорят: „bon pour l'Orient."

Условия службы и жизни в Туркестане и особенно в Закаспийской области были тяжелые. Мой приезд и то, что я, по поручению верховного вождя армии, входил во все подробности обстановки и условий существования войск на окраине, имело бесспорно не маловажное значение. При посещении лазаретов и госпиталей, я имел возможность видеть людей, пораженных «пендинкой». Прибывающие в край рискуют заболеть этой болезнью, — если не все, то во всяком случае не малое

их число. Эта, своего рода, лотерея, не заманчива, потому что начинается прыщиком, превращающимся в язвочку, увеличивающуюся и раз'едающую верхние покровы человеческого тела, иногда довольно глубоко. Получается нечто подобное волчанке или раку.

Излечиваются от этого с трудом, в зависимости от той части тела, на которой она появляется. В офицерскую кавалерийскую школу ко мне прибыл один казачий офицер из Закаспийской области, у которого пендинка избрала место немного выше переносицы, и он рисковал потерять зрение. Генерал Куропаткин в свое время там-же благополучно получил пендинку на руке, между кистью и локтем.

В беседах с офицерами, после обедов, обыкновенно в собрании, — меня трогало то жадное внимание, с каким они относились ко всему, что касалось Государя.

Одного из молодых подпоручиков, как говорят, «с'едавшего меня глазами», — я спросил:

— «Вы хотите меня о чем-то спросить, но не решаетесь?».

— «Нет, ваше высокопревосходительство, я смотрю на те глаза, которые смотрели часто на Государя и которые опять будут смотреть на Его Величество... какой вы счастливый!».

Когда перед выстроенными войсками я передавал привет Государя и его благодарность за службу, — трудно описать тот неподдельный восторг, который охватывал всю солдатскую массу, наполнявшую ряды колонн. Это были войска, верные долгу и присяге. Те $4^1/_2$ миллиона, которые стали под ружье, при об'явлении мобилизации в 1914 году, и свое назначение выполнили честно, «не щадя живота», — почти все выбыли из строя ко времени революции.

Глава XXVI

Ликвидация старых порядков

Борьба с комиссиями. Комиссия по устройству и образованию войск. Интендантство — хронически больное место. Генерал Шуваев. Оборудование этапов. Казармы. Генерал Гаусман. Военноучебные заведения. Великий князь Константин Константинович. Недоразумение в Пажеском корпусе. Строгость Императрицы. Генерал Забелин. Образование военных врачей. Безвластие в военно-медицинской академии. Перемены во внутреннем распорядке. Неутешительные последствия в Государственном Совете. Ветеринарное ведомство. Принц Александр Петрович Ольденбургский. Запасные офицеры. Развитие хозяйственной части и техники. Вопрос формы одежды. Государь и штатское платье. Артиллерийское ведомство. Великий князь Сергей Михайлович. Генерал Кузьмин-Караваев. Подкупность в ведомстве. Заказы Шнейдер-Крезо.

Стоило только затронуть любой вопрос научный, технический, организационный, социальный, дисциплинарный, — чтобы вызвать целый ряд столкновений, которые зачастую разгорались в настоящие сражения, — раз затрагивали чьи-либо личные права, хотя-бы и сомнительным путем приобретенные.

Что это были за стычки, бои, одиночные схватки и сражения, — происходившие в военном министерстве — с 1909 по 1914 г.!...

Нападением на осиное гнездо было мое выступление против комиссионной системы, — хотя я эту крепость тщательно окружил со всех сторон и подвел под нее мины. Необходимо было повести наступление, чтобы в высших командных должностях, — а также главных и войсковых штабах вновь была-бы восстановлена надлежащая ответственность.

За время долголетнего управления военным министерством генерал-ад'ютанта Ванновского, — эти комиссии особенно пышно расцвели. При Куропаткине, несмотря на его расположение к личной активной деятельности, — они продолжали существовать, потому что он, витая в облаках высшей политики и стратегии, не вмешивался в их деятельность и не касался работ, необходимых для практической подготовки его планов в войсках: он смотрел на все с птичьего полета, но понятие о времени не умел применять в своих расчетах, — по крайней мере на своем посту военного министра; — поэтому-то и его планы никогда не соответствовали вполне действительности.

В рядах армии были сотни людей заинтересованных в существовании комиссий. Как сорная трава на полях, гнездились они на запущенной войсковой ниве и, совместно с великими князьями, защищали свои позиции уже чисто с материальной точки зрения.

Среди многих других комиссий — существовал так называемый комитет по устройству и образованию войск. Он должен был разрабатывать все уставы, инструкции, наставления. Кроме кадрового состава, в это учреждение командировались из разных военных округов временные члены разных родов оружия, по назначениям командующих войсками. Работоспособность комитета, при таких условиях, была равна нулю; командировки превратились в продолжительные отлучки в столицу, на казенный счет, большею частью по протекции, конечно, а не по способности к известной работе.

Пришлось этот нецелесообразный комитет упразднить. Гораздо проще было тому или другому лицу соответствующей специальности, известному своею опытностью и работоспособностью, поручить работу, — а затем проект разработанного устава и инструкции разослать командующим войсками на заключение или испытание.

Комиссий подобной работоспособности было много и лишь небольшое число таких, которые принесли действительную пользу. Поэтому с такой системой вообще надо было покончить, и я не имел права считаться с сотнями заинтересованных лиц, увольняемых членов комиссий, — раз дело шло о развитии ответственной работы отдельных офицеров и о сохранении государству сотен тысяч рублей, затрачиваемых без пользы для дела.

Конечно, после этого возникли неудовольствия и тайные оппозиции, с их всевозможными последствиями.

* *
*

Затем озабочивало меня положение главного интендантского управления.

Искони веков и во всех армиях область деятельности по снабжению интендантским довольствием войск — была одной из самых уязвимых для нареканий и нападок. Здесь сталкиваются обширнейших размеров государственные потребности с хозяйственной жизнью нации и вместе с тем и с ее примитивными торговыми инстинктами, с которыми в интересах казны приходится считаться чиновникам. Состояние интендантства армии, по моему мнению, — зеркало, в котором отражается государственное настроение народа или, другими словами, — его политическая культура.

Как в мирное, так и в военное время в русском интендантстве крали относительно не больше, чем в иностранных армиях. Чтобы быть справедливым, не следует забывать, что русская армия во внутреннем своем устройстве была не в меньшей зависимости от развития всего народа, — как и другие нации и что Россия своим внутренним управлением отстала от Западной Европы на несколько сот лет.

Неподкупное интендантство может быть лишь создано на почве добросовестного самоуправления, — при разумном контроле общего хозяйственного оборота государством и обществом, — при соответственной

оплате самих чиновников, — не говоря уже о необходимости корпоративного духа, к которому самоконтроль само собой должен привести.

В 1909 г. в России все это имелось на лицо, лишь частью, или в самых скромных размерах. Вследствие этого, что касается личного состава интендантства, — я не имел возможности черпать его с тою полнотою, как это было доступно министрам западно-европейских государств.

На пост начальника главного интендантского управления, при таких условиях, требовался человек сообразительный, благожелательный, деятельный и с большим кругозором.

Мне посчастливилось в лице генерала Шуваева найти именно такого сотрудника. Я знал его еще по Киеву. Там в мое время он был начальником военного училища и затем начальником 5 пехотной дивизии.

Ко времени моего назначения военным министром он командовал армейским корпусом на Кавказе.

Со своей задачей Шуваев справился блестяще. Главное внимание обратил он на образование личного состава, — задача очень трудная, особенно потому, что плохая репутация наших интендантских чиновников не благоприятствовала привлечению лучших элементов.

Рядом с доброй волей и работоспособностью, — нужна была также известная техническая подготовка. Непродолжительные интендантские курсы совершенно не отвечали своему назначению. Являлась необходимость создать особую интендантскую академию, — назначение которой в своем основании сводилось к образованию кадра чиновников, которые отвечали бы интендантским должностям, на которых они были-бы в состоянии подчиненному им персоналу внушить необходимость знания нужд войсковых частей, а не заботу лишь исключительно о личных своих интересах. Шуваев в короткий срок так много сделал, что я от командующих войсками всюду слышал благоприятные заявления.

Как и во всем остальном, связывали нам руки также в области интендантской деятельности отпускаемые ограниченные средства. Исправная доставка снабжений для войск на войне представляла большие затруднения. Тем не менее многое было сделано. В заботах о снабжении мясом большую роль должны были сыграть холодильники — рефрежираторы в Сибири, — которые могли сохранять на готове громадное количество замороженного мяса хорошего и дешевого убойного скота. Для этого вдоль железной дороги должны были строиться рефрежираторы и для перевозки сооружен подвижной состав в должном количестве вагонов-холодильников. — Во Владивостоке я имел возможность осмотреть один из таких практичных рефрежираторов для крепости. По этому образцу в Сибири был выстроен целый ряд таких холодильников, насколько это было возможно сделать на отпущенные средства.

Генерал Шуваев всей своей душой был в этом деле. Он имел в виду организовать этапы в тылу армии таким образом, чтобы полевые хлебопекарни могли доставлять хлеб во все действующие части. Таким образом люди получали-бы вместо черствого сухаря свежеиспеченный хлеб, — вплоть до самых передовых линий. В конце концов с походными кухнями мы собственно опередили все остальные армии. Специальные фабрики, из которых одну в Москве я сам осмотрел, доставляли с избытком простые и практичные походные кухни.

* * *

Для улучшения быта войсковых частей, в особенности тех из них, которым приходилось жить в глухих, удаленных от центров, местах, — заботой первостепенной важности было размещение их в удобных казармах.

Генерал Ванновский с этою целью учредил особую «казарменную комиссию», не подчиненную инженерному ведомству. Средств отпускалось так мало, что широкого развития дело это тогда получить не могло. Но опыт показал тем не менее, что этим путем можно достигнуть отличных результатов, притом быстрее и сравнительно с меньшими расходами.

При сформировании при мне главного управления по квартирному довольствию войск начальником его был избран генерал Гаусман, долгое время работавший по этой части, почти с самого возникновения дела.

Дельный, энергичный и неутомимый генерал этот повел дело с большим успехом, удовлетворяя потребности войск. Он употреблял все усилия, чтобы на отпускаемые, сравнительно нищенские кредиты, дать войскам, особенно стоящим в глухих местах, как можно больше удобных помещений. Вместе с тем приходилось прибегать к урезыванию кубического содержания казарм, сокращению числа комнат в офицерских квартирах, размеров собраний и хозяйственных построек, иначе удовлетворение этой вопиющей армейской нужды затянулось-бы на много лет. Приходилось брать с бою кредиты на казармы, и генерал Поливанов, мой помощник, помогал в этом оригинально: в угоду министру финансов охотно шел на всякие урезки, а кургузые и без того ассигнования, — за моей спиной, — подобострастно преподносил начальству Петербургского военного округа, — на роскошь и фантазии.

Совсем расхлябалось и дело военно-учебных заведений ко времени вступления моего в должность.

Начальником главного управления военно-учебных заведений был великий князь Константин Константинович. Выдающийся по своему интеллигентному развитию человек, он был предан душою делу воспитания юношества; но с вопросом увеличения числа выпускаемых офицеров в войска справиться ему было трудно, так как это находилось в зависимости от материальных условий, которых ни он, ни я побороть в полной мере не могли.

Об этом светлом великом князе у меня остались самые хорошие воспоминания. Государь очень высоко ставил Константина Константиновича, по сравнению с другими великими князьями. — Михайловичи его не любили за то, что он не принимал никакого участия в их сплетнях, интригах и, как примерный семьянин, не разделял образа жизни некоторых из них, находя не приличествующим представителям императорской фамилии давать повод осуждать и без того тяжелое положение царской семьи.

Константину Константиновичу ставили в вину то, что он, посещая заведения, баловал воспитанников, слишком ласково с ними обращался. Действительно, когда он, приезжая в провинцию, останавливался иногда в здании учебного заведения и несколько дней все время находился среди кадет или юнкеров, — то после того начальство приходило в отчаяние от невозможности с ними справиться. Сам он, отец многочисленной семьи переносил свою отеческую ласку и любовь на обширнейшую семью всех военно-учебных заведений, вверенную ему Государем. А

этого уже достаточно, чтобы понять, а стало-быть и простить его увлечение, вызываемое таким высоким чувством.

Поэтому он не мог относиться к воспитанию с одной лишь точки зрения муштры и дисциплины; — последнее он предоставлял ближайшему начальству, а сам предпочитал уделять воспитанникам часть своей отеческой ласки. Так понимал его и Государь, а потому сарказмы и шпильки великого князя Сергея Михайловича не достигали цели, скорее даже служили не в пользу ему самому. Так напр., императрица говорила о нем: „Langue méchante".

Года за два до войны в пажеском корпусе случилось недоразумение, которое было раздуто подобными «доброжелателями» и в искаженном виде доведено до сведения царской семьи, находившейся тогда в Ливадии. До выступления еще в лагерь, утомленные после одного из занятий в поле в окрестностях города, пажи специального класса отказались от очередной классной репетиции. Проделали они это обычным в таких случаях коллективным приемом. Когда я прибыл в Крым с очередным докладом, то Государь об этом уже знал, и мне пришлось докладывать подробности, интересовавшие всю царскую семью, так как пажи несли также службу при дворе и поименно были известны членам ее.

Обстоятельство это явилось усиливающим вину и когда затем, за завтраком, я сидел рядом с императрицей, — то Государь обратился ко мне и сказал:

— «Расскажите императрице о пажеском корпусе».

Несмотря на мой доклад, смягчавший дело, эпизод этот ей не нравился, и она находила, что именно для пажей это уже не пустой проступок, а скорее преступление. Государь разделял ее мнение и мне приказано было, при возвращении в Петербург, об'явить лично пажам специальных классов неудовольствие Его Величества и нежелание видеть их более на придворной службе.

Эту неприятную миссию мне пришлось выполнить, и она являлась для меня особенно тягостной потому, что я в течении восьми лет был преподавателем пажеского корпуса, сохранив с ним ту духовную связь, которая делала меня членом пажеской семьи.

Государю это было хорошо известно и он добавил:

— «Пожалуйста, только не смягчайте и передайте так, чтобы они почувствовали, что я очень недоволен».

Пришлось поневоле так и сделать. Тяжелое-же впечатление оно произвело не только в самом корпусе, но и на всех бывших пажей, до престарелых генералов включительно.

Много моих бывших учеников просило помочь этому корпусному горю. Чтобы снять чрезмерно тяжелую опалу, в виду предстоявшего корпусного праздника, я составил трогательный доклад — ходатайство, с просьбой «положить гнев на милость», и был вполне уверен, что отказа не последует. Каково-же было мое удивление, когда я прочел синим карандашем начертанное: «обождать» на возвращенном мне докладе.

Генерал-инспектор военно-учебных заведений, Константин Константинович, был тогда уже совсем больной; автор «Царя Иудейского» жил продолжительное время в Египте, по соседству с местом действия его драматического произведения.

Искать его помощи, при таких условиях, не было возможности, — а в данном случае я имел дело с тем упрямством императора Николая II, которое являлось иногда вместо твердой воли царя; дальнейшие личные мои попытки поэтому были-бы приняты за покушение на слабый характер моего начальника.

Но дело разрешилось благополучно само собой: в день праздника я получил телеграмму от Государя, с повелением об'явить корпусу прощение и забвение прошлого. Я хотел-бы сказать, что «сердце царево смягчилось», — но это было-бы не точно, ибо мягкому смягчаться не надо; а если и смягчилось что — то сердце Государыни, которое могло быть и не мягким.

Если мне тяжело было передавать пажам царское неудовольствие, то какое-же наслаждение я испытал, явившись к ним с об'явлением монаршей милости. Об отклонении моего ходатайства было всем известно, поэтому никто не ожидал появления военного министра с радостным известием.

Когда перед выстроенной передо мной ротой специальных классов, я об'явил высочайшую волю, — на несколько секунд все точно окаменели; но затем сорвалось такое потрясающее «ура!», что мне только оставалось, за окончанием моей миссии, покинуть зал.

Я быстро спустился по лестнице, но опомнившиеся пажи бросились за мной и настигнув в швейцарской, — на руках вынесли в экипаж и гурьбой проводили до Садовой улицы.

* * *

Когда мне удалось осуществить план об'единения всех управлений военного ведомства в одних руках военного министра, ко мне явился великий князь Константин Константинович и просил совершенно откровенно об'яснить причину и цель предстоящего его переименования из начальника главного управления в генерал-инспектора.

С моим раз'яснением он вполне согласился и затем, как вполне корректный человек, больше не вмешивался в действия главного управления военно-учебными заведениями, совершенно правильно координировался в своей роли инспектора и был в этой области очень деятельным моим сотрудником.

Когда начальником главного управления военно-учебных заведений назначен был генерал Забелин, по своему характеру довольно тяжелый человек, — то великий князь выказал столько такта и выдержки, что несмотря на все, никаких недоразумений и конфликтов не возникало.

С целью образования военных врачей для армии существовала императорская военно-медицинская академия, при таком своем титуле, далеко не монархического направления. Внутренний в ней порядок сложился настолько под влиянием либеральных течений, что не начальство и профессора чувствовали себя хозяевами, а «студенты» академии, т. е. слушатели считали г. г. учащих — гостями.

В этом отношении ни дисциплины, ни надлежащего порядка в академии не было издавна. Возникали нередко беспорядки, много молодежи поплатилось из-за этого, — а главное страдало дело. Все это знали, об этом постоянно говорили, но целесообразно дело не налаживалось. На лекции и практические занятия, подражая студентам универ-

ситетов, — исправно являлись только любители науки. Вне академии студенты ухитрялись одеваться так, что, не соблюдая вполне установленной формы одежды, с некоторыми лишь признаками принадлежности к военному ведомству, бросались в глаза оригинальностью костюмов и вызывали протесты и заявления войскового начальства о непристойности подобного положения.

Когда-же начальство Петербургского военного округа обратило внимание на правильное отдание чести не только нижних чинов офицерам, но и всех чинов вообще — друг другу, то стали возникать недоразумения между офицерами гарнизона и студентами академии, этих распоряжений не признававшими.

Обострившееся положение завершилось тем, что один из офицеров вынужден был обнажить оружие и отсек студенту часть черепа. Командир-же гвардейского корпуса заявил, что возбуждение офицеров до того сильно, что можно ожидать и впредь крупных недоразумений. В свою очередь студенты устроили сходку и возникли беспорядки, которые надо было немедленно прекратить.

Доложил я об этом Государю, — ему оно известно было и от Петербургского начальства. Его Величество был очень недоволен и повелел мне принять энергичные меры, не только для прекращения беспорядков сейчас, но и для прочного установления порядка впредь.

Пришлось академию закрыть и уволить всех обучавшихся в ней. Затем в спешном порядке выработать положение, которое установило бы внутренний порядок, тождественный с таковым остальных военных академий.

Вместе с тем, в положении о Государственной Думе и в основных законах о власти монарха, ясно и определенно значится, что те изменения в известных положениях учреждений, которые не вызывают новых расходов от казны, могут быть проведены в жизнь непосредственным указом верховного вождя русской армии. В виду этого, быстро все было изготовлено, тем более, что и раньше уже вопрос разбирался, как конференцией академии, так и главным военно-санитарным управлением, — поэтому необходимые данные имелись под рукой.

В моем присутствии, главный военно-санитарный инспектор Евдокимов доложил проект нового положения Государю, и требовалась лишь подпись указа Его Величеством.

Указ был подписан. На основании нового положения академия была подчинена главному военно-медицинскому инспектору и поступила под команду высшей инстанции, знающей санитарные требования войск, а в силу этого имеющей возможность направлять образование врачей в интересах войсковых частей и к предстоящей деятельности давать слушателям соответственную подготовку. На основании нового положения предложено было поступить всем уволенным, кто пожелает подчиниться установленным правилам; почти все из'явили согласие и были приняты. Собрав затем г. г. профессоров, я предложил им быть хозяевами их аудиторий, — а новым «слушателям» академии — усвоить себе, что они теперь на действительной военной службе и «студентов» у нас нет, а кому это не подходит, — никого неволить не будем.

* * *

История эта имела чрезвычайно неприятные последствия. Против моего проекта, утвержденного Государем, появились сомнения в сенате, согласие которого на опубликование единственно придавало ему законную силу.

Когда стали собирать голоса, то оказалось, что за опубликование две трети сенаторов; от голоса председателя зависило решение вопроса. Я сидел рядом с председателем, и он мне заявил, что к сожалению должен подать голос против опубликования, — что таков обычай, установившийся в сенате. На это я ему об'яснил, что мне повелено после заседания доложить Его Величеству результат, и я вынужден буду рассказать все как было, т. е., что два военные сенатора, генералы Рыдзевский и Чарторижский, высказались против и что все-таки голос председателя был бы решающим. После некоторого колебания он подписал направо, и сенатская оппозиция Государю провалилась.

Все это пришлось доложить Его Величеству, который пожелал узнать подробности. В особенности его возмутило поведение генералов, — не по заслугам попавших в сенаторы и высказавшихся против воли верховного вождя армии, который согласился на их определение в сенат исключительно в силу ходатайства и настоянию великих князей.

— «Этого оставить так без последствий я не могу, — хороши генералы», — сказал Государь, видимо раздраженный.

На это я доложил, что они, как сенаторы, не считают, вероятно, себя уже военными, и что, по моему, сенаторский мундир был-бы им более к лицу.

— «Совершенно верно», согласился Государь, — но затем спохватился и нашел, что это будет большой скандал.

Я на это доложил, что с своей стороны они не подумали о таком скандале, как публичное непризнание воли Государя; но Его Величество мне сказал, что переговорит об этом с министром юстиции, которому сенат подчиняется.

И. Г. Щегловитов после того мне передавал, что Государь, говоря ему о моем докладе и находя мое мнение о снятии мундиров наказанием слишком жестоким, а вернее, предвидя жалобы и ходатайства великих князей, — повелел об'явить генералам выговор, несмотря на то, что и он, как министр юстиции, разделил мнение военного министра.

Вместе с увеличением таким образом об'ема деятельности главного военно-медицинского управления, — в видах улучшения и развития военно-ветеринарного дела, — надо было выделить его в особое, самостоятельное ведомство. В составе медицинского управления оно прозябало в виде небольшого отдела. Как неудовлетворительно поставлена была в войсках ветеринарная помощь, можно судить по штатам, определяющим на кавалерийский полк, т. е. на тысячу лошадей, всего одного врача. Казачьим полкам, между прочим, совсем такового не полагалось.

Конский состав армии представлял из себя такое ценное имущество, что забота о сохранении этого богатства заслуживала большого внимания. Тогда я доложил Государю, что прежде всего необходимо выделить в самостоятельное управление ветеринарную часть и затем во всех полках нашей конницы ввести в штат старшего и младшего ветеринарных врачей. Государь, без малейшего колебания, эти предложения мои

утвердил и приказал приступить к проведению их в жизнь, что и было исполнено.

Когда я докладывал об этом Государю, то Его Величество озадачил меня вопросом:

— «Странно, как на это до сих пор не обращено было внимания. Чем это об'яснить? Ведь я сам знаю, какой переполох поднимался каждый раз, когда появлялся сап, инфлюэнца. Спасибо Александру Петровичу Ольденбургскому, — хоть он в роли любителя занялся этом делом».

С принцем Александром Петровичем Ольденбургским тяжело было иметь дело, многие его совсем не понимали; — но по существу все помыслы, все начинания принца зиждились на органической потребности «творить благо».

К прискорбию, желание творить не всегда совмещается с умением и способностью проведения в жизнь задуманного. Этот дефект был именно у Александра Петровича, — вдобавок к бьющей у него всегда ключем энергии. То, что при подобной комбинации получалось на деле, было иногда комично и укрепило за ним название «Сумбур-паши». Оно характерно подходило к нему, потому что у себя во дворце он часто ходил в шапочке, напоминающей феску, — а когда принимался лично водворять порядок в каком-нибудь деле, то набрасывался с таким азартом, что на первых порах возникал именно сумбур.

За время его командования гвардейским корпусом, масса всевозможных казусов могла бы составить целую брошюру анекдотического характера. Тем не менее Государь был прав, ласково вспомнив об Александре Петровиче в деле бактериологических исследований, всякого рода прививок и научных работ по этой части.

В борьбе с сапом, принц Ольденбургский принимал деятельное участие. А когда во время войны германцы пустили в ход ядовитые газы, — то самое живое участие в изготовлении масок, предохраняющих людей от пагубного их действия, — принял тот-же Александр Петрович.

При всем том внимании, с которым я относился к реформам по управлению войсками и их учреждениями, я не упускал из виду, чтобы все эти органы не иссякли, пополняя свой персонал из одного лишь неисчерпаемого источника дельных, благонамеренных и царствующему дому преданных офицеров. Во всех армиях корпус офицеров был и будет всегда зерном и становым хребтом.

И эту часть моей задачи выполнить было труднее, нежели можно было ожидать, — когда пришлось сопоставить воззрения на это дело с его значением. Было налицо слишком много критиков, которые не столько по доброй воле, сколько из за честолюбия и политических оснований, — принялись за этот вопрос. Последним толчком к моему назначению военным министром, как я уже говорил, были дебаты в Государственной Думе, в марте 1909 г., в которых Гучков, один из правых, нападал на корпус офицеров, — в особенности на его верхи, — причем военный министр Редигер не сумел его остановить, — не водворил на надлежащее место.

После несчастной японской войны наш корпус офицеров «в авантаже не обретался», как говорили в доброе старое время.

Много дельных — лучших — офицеров старой армии, отправившихся добровольно изо всех гарнизонов на защиту отечества,

— или пали на полях сражений Маньчжурии или вернулись больными и калеками. На родине они застали развал и гражданскую войну. Сохранившаяся после японской войны в армии система безответственности, в особенности захватным правом присвоенное великими князьями вмешательство в дела армии и флота, при личной безответственности в качестве членов царствующего дома, — да к тому-же присоединившиеся интриги в Государственной Думе против военного ведомства, — все это не могло способствовать поднятию в обществе воинского престижа и звания.

Это упадочное состояние, доведшее даже до того, что число кадет в корпусах катастрофически понизилось, вследствие усилившегося поступления молодежи в гражданские заведения, —об'яснялось известными хозяйственными переменами во всей стране. Министр финансов обставил своих чиновников, в особенности тех, которые имели дело с пошлинами и винной монополией, прекрасными окладами, что давало ему возможность набрать наилучших кандидатов. Железнодорожное ведомство точно также обставило блестяще своих служащих. Вследствие этого среди молодежи зародился сильный интерес к техническому призванию, что при начавшемся индустриальном развитии России — обещало хорошие результаты в будущем.

На ряду с этим в высших учебных заведениях господствовал дух неподчинения, как я уже об этом говорил, — и от этого не застрахованы были также и военные школы.

К тому-же находились и ненаходчивые и нервные начальники, которые склонны были из мухи делать слона. Только одна энергичная, непреклонная и сознательная воля могла-бы найти выход из такого положения.

Среди препятствий, тормозивших пополнение армии офицерами, находилось при императоре Александре III немаловажное дело о форме обмундирования. При военном министре Ванновском и начальнике главного штаба Обручеве началось то упрощение формы одежды, которое привело, между прочим, к уничтожению гусарского и уланского обмундирования.

Командуя в то время Павлоградским гусарским полком, я был свидетелем, как это отозвалось на офицерском составе Павлоградцев, когда их преобразовали в драгун.

Нашим-же молодым офицерам предстояли глухие стоянки по окраинам, в особенности не привлекательные, скудные оклады содержания, и форма одежды такая, что с'ездить в отпуск и появиться в обществе, вместе с гвардейцами — не было особенной охоты. А в тех полках, в которых люди стремились носить традиционную форму своих предков, — и этого их лишали. Словом, вопрос о форме одежды в этом отношении заслуживал того, чтобы отнеслись внимательнее именно к этой психологической стороне дела.

Государь вполне разделял такой взгляд и передал мне по этому поводу то, что сказал ему император Вильгельм II, т. е., что если какой-нибудь полк дорожит носить пуговицу, которой другие не имеют, то он ее дает, хотя-бы она и была совсем лишней.

Но вслед затем точка зрения императора Вильгельма на «лишнюю пуговицу» была чрезмерно преувеличена, и пришлось принимать меры против этого. На полковых праздниках, когда, после обычных завтра-

ков, Государь ласково беседовал с офицерами, начались ходатайства о присвоении различных изменений в форме одежды, никакого отношения к улучшению, по существу, не имевших.

Такие-же ходатайства поступали к Его Величеству через шефов полков, и дошло, наконец, до того, что я вынужден был просить Государя не давать обещаний по этим просьбам без моего доклада.

На одном из завтраков во дворце, когда офицеры окружили Государя и представили ему исполненный акварелью рисунок совершенно новой формы для полка, напоминающей запорожских казаков, — мой добрый царь улыбнулся и спросил:

— «А военный министр это видел?» Все при этом смутились, и Государь, взяв рисунок, передал его мне со словами:

— «Пожалуйста, разберитесь».

Разобраться было не трудно, и этот случай охладил сильно попытки сорвать согласие чрезмерно доброго верховного вождя армии, пользуясь удобным для того случаем.

Но условия более красивых форм трудно было совместить с таковыми-же военного времени. Иметь-же и то и другое вело к лишним расходам и неудобствам относительно освежения запасов военного времени.

Форма военного времени, в которой люди по возможности меньше различались-бы на местности, — изготовлялась защитного цвета и на весь комплект состава, выступающего в поход.

В летнее время, в лагерных сборах войска были, именно, в ней, — поэтому форму мирного времени можно было изготовлять по два мундира на человека, вместо трех.

Вскоре после того, как эта мера была принята, начальники кадетских корпусов заявили мне, что молодежь охотнее стала записываться в военные училища. Начальники-же войсковых частей, особенно кавалерийских, признавали меру эту весьма целесообразною и находили, что вместе с другими средствами для удержания бегства офицеров из строя, она будет способствовать заполнению комплекта в ближайшем времени. Так оно и оказалось.

Труднее всего было справиться с артиллерийским ведомством. Главное артиллерийское управление находилось в цепких руках великого князя Сергея Михайловича. Его именем прикрывались явные злоупотребления, от которых в первую очередь страдало изготовление вооружения. Согласен был и Государь, что великому князю не следовало-бы стоять так близко к столь ответственному делу. Но при сложившихся условиях это было легче решить, чем привести в исполнение.

Что же касается великого князя Сергея Михайловича, то он, согласившись на назначение его генерал-инспектором артиллерии, с исключительно лишь инспекторскими, и при том по указаниям военного министра, обязанностями, тем не менее из своих рук главного артиллерийского управления не выпускал. Он не считал себя по прежнему обязанным подчиняться указаниям не только генерала Поливанова, которому мною поручено было главное направление и руководство этим ведомством, но и моим, и захватным правом, пользуясь мягкосердечием Государя, по делам управления имел негласные доклады у Его Величества.

Надо отдать справедливость великому князю Сергею Михайловичу, хитрому, энергичному, но беспринципному человеку, сумевшему забрать в свои руки нужных ему деятельных и способных, но тоже «без предрассудков», чинов артиллерийского ведомства, которыми он руководил. А в лице начальника главного артиллерийского управления генерала Кузьмина-Караваева ему удалось создать себе ширму, за которой он и орудовал, без всякой притом ответственности.

Великий князь Сергей Михайлович, стоя близко к артиллерийскому делу, мог-бы оказать действительную пользу нашей армии, если-бы постарался принять меры, в интересах скорейшего создания тяжелой артиллерии, к тому, чтобы при ограниченности наших кредитов, на те средства, которые уходили на одну пушку, — получить две.

Когда я принимал должность военного министра, со всех сторон только и приходилось мне слышать о том, что главное артиллерийское управление — самое слабое место в военном ведомстве и что в нем глубокие корни пустило взяточничество. Знал об этом и Государь, высказавший мне однажды, что такого-же мнения об этом учреждении держался и покойный император Александр III.

Но, к сожалению, вследствие руководительства этим управлением великого князя Сергея Михайловича, оно оказалось, по остроумному выражению генерала Поливанова, «настолько забронированным, что его нельзя было пробить никаким бронебойным снарядом».

При обозрении Пермского завода, который имелось в виду приспособить для отечественного производства пушек соответствующего типа, я натолкнулся на почти изготовленное 11-тидюймовое орудие. Полтора года ожидало оно окончательного завершения своего, единственно лишь вследствие задержки ответа из Петербурга по поводу явной ошибки в чертеже затвора. Когда же по возвращении я заехал в главное артиллерийское управление и учинил разнос за такую канцелярскую волокиту и небрежность, вызвавшую увольнение с завода опытных мастеров, — то его высочество не упустил случая сейчас-же сочинить грязную инсинуацию по поводу моей поездки на этот завод, об'ясняя ее единственно стремлением к увеличению отпуска мне прогонных денег от казны.

Сам-же великий князь проявлял к заводу Шнейдера-Крезо настолько необ'яснимое, с точки зрения государственных интересов, пристрастие, что всякое внимание к предложению других фирм вызывало у него какую-то ревность и даже намеки на материальную заинтересованность. Таким образом получался какой-то заколдованный круг, в смысле проявления со стороны непосредственного руководителя артиллерийским ведомством Сергея Михайловича решительной оппозиции против возникновения у нас внутри страны нового, частного, мощного артиллерийского завода, по примеру крупных европейских государств.

На какие неприемлемые, с точки зрения служебной этики, приемы способен был Сергей Михайлович, можно судить по следующему эпизоду:

Заказы Шнейдеру исполнялись и через Путиловский завод, которому вновь возникший завод в Царицыне являлся конкурентом. Когда зашла речь о реквизиции станков на частных заводах, то великий князь Сергей Михайлович, без моего ведома, возбудил вопрос об отобрании

станков Царицынского завода, который исполнял уже заказы морского ведомства.

Когда мне стало это известно, я потребовал об'яснений, так как нельзя-же было допустить, чтобы чины сухопутного ведомства, по своим личным соображениям, затрагивали интересы морского ведомства. Возникшая по этому поводу переписка наглядно свидетельствует, к какой изворотливости пришлось прибегать великому князю, чтобы свести это дело на нет. При этом великий князь Сергей Михайлович пытался об'яснить заступничество за Царицынский завод личною моею якобы заинтересованностью в делах означенного общества.

Глава XXVII

Результаты моих работ по преобразованиям

От обороны к наступлению. Победа всегда на острие штыка. Наступление армии на стратегической основе. Армия — политический инструмент. Политические сочетания создают задачи армии. Обусловливают ее внутреннее устройство. Обусловливают наступательные фронты. Возможности и вероятности. Предвзятая цель: равносилие с германской армией. Сущность задачи преобразований. Куропаткин и Николай Николаевич. Рекрутский набор. Дислокация войск. Упразднение кадровых формирований. Упразднение особых крепостных формирований. Новые формирования. Новый служебный устав. Реформа вопроса о содержании. Пополнение офицерского состава. Основы обучения. Преобразование военно-учебных заведений. Новое вооружение. Автомобили и воздухоплавание. Обеспечение продовольствием. Преобразование интендантства осталось недоконченным. Восстановление дисциплины. Частичное об'единение командной власти. Преобразование инженерного ведомства. Вспомогательные работы. Ускорение мобилизации. В 1913 г. скелет армии готов, но не армия. Подготовка мобилизации. В 1913 г. приказ о мобилизации, одновременно приказ о наступлении. Отмена этого распоряжения. Подготовительный к мобилизации период. Частичная мобилизация. Мог ли я сделать больше? Мог ли я добиться большего другим путем? Моя жертва. Пагубное влияние великих князей. Политика — разложение армии. Немецкое мнение 1914 г. Французское мнение.

Мои преобразования армии с 1909 г. по 1914 г. г. в сущности были осуществлением идей, которые теоретическим изучением и практическим опытом созревали в течение более тридцати лет. Военная академия, Балканская кампания, преподаватель военной истории и тактики — в тесной, совместной работе с Драгомировым, командир полка на прусской границе, начальник дивизии у Драгомирова, начальник штаба и помощник Драгомирова в Киеве, командующий войсками на югозападном фронте во время из ряду выходящего тяжелого положения в течение японской войны, и после нее, — вот те условия, среди которых я изучал нужды русской армии. — Как кавалерист, по духу этого рода оружия, я в сердце своем таил убеждение, что атака — наилучшее средство обороны; а за время двадцатилетнего духовного общения с таким круп-

ным активным стратегом и войсковым воспитателем как Драгомиров, — во мне должно было неминуемо выработаться по отношению к русской армии стремление, выражаясь технически — чисто оборонительные вооруженные силы, какими они именно были еще в 1909 г., — преобразовать в мощную, наступательную боевую рать первого разряда. — Турецкая кампания и война в Маньчжурии, та и другая с своей стороны, подтвердили, что Суворовский взгляд: «победа находится на острие штыка», — непреложная истина, не только для тактического воспитания войсковых частей, но и для стратегического применения армии, в деле всего ее строительства. Она и должна была иметь это применение, — в отношении усовершенствования русской военной техники, если с точки зрения всемирной политики нельзя было советовать — оставаться больше на арриергардной позиции. — Россия вынуждена была во что бы то ни стало отказаться от татарского принципа — отступать в степи.

С отдельными крупными вопросами строительства армии я сперва знакомился случайно, — а затем систематично изучал их. Разработка кавалерийского вторжения в Пруссию, которая выпала на мою долю при окончании курса военной академии, заставила меня изучить всю систему нашего наступления того времени, и когда в 1905 г., т. е. более 30 лет спустя, последствия японской войны в Киевском военном округе дали чувствительно себя знать, — я очутился перед той ужаснейшей действительностью, что в течение минувших 30 лет по существу ничего не изменилось, — что все труды Драгомирова по части пехоты и великого князя Николая Николаевича по части кавалерии, — хотя и были высокого тактического значения на полях сражения, — но больших стратегических задач едва касались. Какую цену могла иметь самая активно настроенная часть, если она вынуждена была везде на полях сражения появляться слишком поздно!

Точно также и Курские маневры, которые я подготовлял в 1902 г., по должности начальника штаба у Куропаткина, дали мне возможность познакомиться всесторонне со связью действующих частей, со строительством всей армии и ее тесною связью с народонаселением и его хозяйством. Между прочим этот вопрос однажды уже обсуждался в совещаниях, которые Куропаткин в 1902/3 г. г., в роли будущего главнокомандующего юго-западным фронтом, устраивал совместно с предполагаемыми начальниками штабов армий, в числе которых был тогда и я. — На этом совещании никаких советов от нас не требовалось, — мы собственно изображали слушателей, — а Алексей Николаевич Куропаткин читал нам лекцию, в которую входили все его личные виды и предположения.

Восстановление армии — это не более и не менее как создание инструмента, который может быть использован правительством при всевозможных политических условиях и комбинациях, притом как средство для избежания войны или ее об'явления. Что-же касается политических коньюнктур, при которых страна может быть вынуждена прибегнуть к мобилизации своей армии, — то ставить этот вопрос в какие либо рамки немыслимо. У реорганизатора армии для этого не хватило-бы самой богатой фантазии; ему достаточно принять во внимание границы государства, — вспомнить историческое развитие страны и ее экономические интересы, — чтобы дать себе отчет, в каких грандиозных пределах должна

протекать его работа по выполнению выпавшей на его долю задачи. Особенность нашего обширного русского государства заключается в том, что, несмотря на громадное протяжение морского побережья, на двух континентах и на площади $^{1}/_{6}$ части всего земного шара, — Россия не подвержена нападению на нее с моря; — в силу этого все внимание могло быть обращено на сухопутную границу. После японской войны у нас было три крупных фронта: западный, юго-восточный и южно-азиатский, — с тремя главными политическими противниками: Габсбургом, Альбионом и Японией. В любое время мог кто нибудь из этих недругов самостоятельно или рука об руку с каким нибудь другим союзником, — а то так и все они вместе, — выступить против России. Теоретически это было вполне возможно. Считаться надо было с худшим случаем, а не с наиболее для нас благоприятным, — чтобы в один прекрасный день не очутиться в положении того ротного командира на смотру у Драгомирова, которому пришлось скомандовать: «на молитву — шапки долой!»

Фантазии реорганизатора, однако, подрезывались крылья, как только приходилось считаться с производительностью и работоспособностью страны, — когда при возможности той или другой комбинации необходимо было учитывать, что страна фактически может дать. Нет такого государства, которое было-бы достаточно богато людьми, деньгами, и прочими вспомогательными средствами, чтобы уже в мирное время оно могло считаться со всеми возможностями. — Обладая большими природными богатствами и народонаселением, которое, по подсчетам Менделеева, могло-бы вскоре дойти до двухсот миллионов, Россия не была в состоянии считаться со всеми возможностями, ибо не располагала культурными, а следовательно и материальными средствами, которые необходимы были для проведения известной максимальной программы. Наши Государи вынуждены были поэтому придерживаться внешней политики, считаясь с условиями, создавшимися вне пределов государства. Им приходилось дипломатическим путем обеспечиваться договорами и союзами, чтобы противодействовать неблагоприятной для России комбинации большой политики. Наша дипломатия, в союзе с Францией, а затем с „Entente cordiale“ — видела лучший залог безопасности России уже в том, что Франция могла нам оказать финансовую помощь для внутреннего развития страны, одновременно с которым шло параллельно автоматически и развитие вооруженных сил. Политические-же союзы для организатора армии имеют то значение, что дают указания не только на то, чего можно ожидать, но и на то, чего, с известною вероятностью — должно ожидать.

* * *

В течение многих лет не совсем ясно, а с 1903 г. совершенно определенно выяснилась для меня вероятность столкновения с Габсбургской монархией. В 1909, а тем более в 1912 г., я убедился, что, в случае этого столкновения, Германия станет на сторону Габсбургов. Таким образом, — при полнейшей моей аполитичности, — передо мною ясно обрисовалась вероятность, с которой надо было считаться поддержанием нашей боевой готовности. Следовательно масштаб для оборудования наших вооруженных сил должен был отвечать не боевой готовности

австро-венгерской армии, — а германской. Поэтому исходным пунктом всех моих мероприятий была цель добиться создания русской армии, равносильной германской.

На практике достижение этой моей цели сводилось к следующим главным задачам:

1) Устранить преимущество германской армии в быстроте готовности к выступлению в поход, каковая в нашей армии отставала еще в 1905 г. на три недели;

2) использовать все успехи техники для армии;

3) восстановить воинский дух армии, потерянный на маньчжурских полях сражения, и

4) установить прочные начала довольствия армии и снабжения ее затем в походе.

Вокруг этих основных исходных пунктов группировались побочные задачи, разрешение которых зависело от ближайшей или более отдаленной возможности.

Япония, Китай, Тибет, Индия, Персия, Турция и Румыния, равно как и Швеция, — со всеми этими государствами приходилось считаться, точно так, как и с английским десантом на Мурмане или в Архангельске. На ряду с западными театрами военных действий все это были лишь театры второго —до пятого — разряда включительно. Принимая во внимание наш союз с Францией и наше стесненное финансовое положение, являлась необходимость все силы направлять на выполнение задач главных пунктов, отстраняя все то, что вело к разброске и дроблению средств: — приходилось зачастую не только устранять разных «прожекторов» с высокой протекцией, но отклонять и некоторые серьезные планы, не укладывавшиеся в рамки тех практических задач, которые были на очереди выполнения.

До моего вступления в должность, проекты военных предприятий против Германии сводились к сосредоточению на прусской и австрийской границе значительных войсковых масс, постройке стратегических железных дорог и сооружению целого ряда крепостей на линии Висла—Нарев. Последовательная, планомерная и сосредоточенная в общем работа в этом направлении была однако не возможна, так как этому мешал великий князь Николай Николаевич, постоянно вторгавшийся со своими планами, а с ним приходилось считаться.

Он хотел, напр., в разрез с мнением Куропаткина, встретить наступающую германскую армию не только не на линии Нарева, или Белостока, но даже и не на Червоноборской позиции, — а лишь у Барановичей или Минска, отдавая таким образом без сопротивления весь этот обширный район в распоряжение противника.

По моему расчету — все вышеприведенные меры были подобны зануздыванию коня с хвоста.

Если мы хотели сгладить разницу между нашей и германской армией в деле мобилизации, мы должны были реорганизовать все строительство нашей армии, начиная от набора новобранцев и их обучения, предпринять основательную проверку распределения войск — распределения гарнизонов по всей России, — требовавших изменений весьма существенных. В этом именно отношении я и нажал рычаг, и приложил

все свои усилия, чтобы постройка железных и других дорог шла своим чередом.

В основание пополнения принята была территориальная система, — значительное число гарнизонов западной границы было переведено во внутрь страны. Когда реформа эта осуществилась, каждый военный округ пополнял свои войска людским материалом своего-же округа. Сравнительно небольшое количество новобранцев шло в гвардию и пограничные гарнизоны. Стремились, подобно германской системе, связать полки с местным населением, причем каждый человек служил вместе с сотнями своих земляков, что пробуждало в людях сознание защиты своего очага и на тот случай, когда они после мобилизации отправятся за тысячи верст на защиту родины.

С 1907 г. польские пограничные округа едва-ли нуждались в какой либо о них заботе, ибо польское население тесно связано было с Россией и нам с этой стороны опасаться каких либо враждебных проявлений не было надобности.

Система территориального пополнения значительно сокращала перевозку и вместе с тем расходы казны, а новобранцы и после поступления в ряды войск оставались в своих родных местах и со своими родственниками, что опять таки имело хорошее воспитательное влияние, — вызывало честолюбие у каждого солдата и сплоченность всего полка.

Во время войны полки получали пополнения из тех округов, которые их снабжали новобранцами в периоды мирного времени. В третьих молодые люди не так легко отвыкают от дома и двора и вследствие этого не отчуждаются в такой степени от сельского хозяйства; санитарное состояние армии повышается вследствие того, что новобранцы продолжают жить в тех-же климатических условиях, к которым они привыкли с детства, и в довершение всего эта система ускоряет значительно мобилизацию.

В тесной связи с территориальной системой была и сравнительно легкая регистрация всех военно-обязанных. Сбережения в этом отношении были так велики, что мы с 1913 года могли уже без излишних расходов учесть ратников ополчения первого разряда, потерявших было свою связь с армией.

Войсковая организация упростилась упразднением резервных войск, состоявших только из одних скелетов, лишь в минуту мобилизации превращавшихся в строевые части. Во время японской войны они в особенности проявили свою несостоятельность, превратившись в какие-то депо шалопаев и лентяев.

Что-же касается образования войск в мирное время, то они почти что ничего не стоили, ибо с действительными войсковыми частями в связи не жили.

Точно также и специальные крепостные части были расформированы, так как они предназначались лишь для обороны крепости, а у мобилизуемых полков отнимали ценные силы. Вместо всего упраздняемого, на средства расформированных — образованы были пять пехотных дивизий, две сибирские стрелковые дивизии с артиллерией, а также одна стрелковая бригада с артиллерией. Затем позднее начались формирования тяжелых артиллерийских частей, воздухоплавательных отделений, беспроволочного телеграфа и пр.

Одиннадцать стрелковых баталионов были переформированы в двух-баталионные полки и в Туркестане вся пехота переформирована в стрелковые полки. Усилению огня в пехоте способствовало чрезвычайное увеличение пулеметных команд.

В 1914 году армия состояла из 37 армейских корпусов по 2 и по 3 дивизии; каждой дивизии пехоты была придана артиллерийская бригада. Таким образом уже в мирное время в руках начальников об'единены были разные рода оружия.

В тесной связи с делом пополнения рядов была, как я уже говорил, перемена дислокации и в мере возможности равномерное расквартирование войсковых частей по всему государству. Равномерное распределение войск значительно облегчало заботу о продовольствии и кроме того давало возможность устроить лучше войсковые части, — тогда как при слишком тесном сосредоточении полков приходилось строить казармы в глухих, зачастую очень отдаленных от городов местах, — даже в деревнях.

По новому положению о службе в войсках число ежегодно призываемых увеличено на 24.900 человек и число сверхсрочно-служащих — в 24.000 человек. Одним из существенных уклонений нового положения от старого было удлинение срока службы вольноопределяющихся: их образование было организовано так, что на случай войны они могли исполнять служебные обязанности офицера.

* *
*

Увеличение армии вызывало также и усиление офицерского контингента. После японской войны некомплект офицеров в некоторых частях достиг 50—60 процентов.

Главною причиною этого явления было недостаточное содержание, скверные места стоянок, непривлекательная форма одежды и затем лишь, на заднем плане, — непопулярность армии среди одной части интеллигенции.

Главная моя забота направлена была на то, чтобы входящие в состав наших вооруженных сил люди были оплачиваемы соответственно их настоятельным нуждам; жизненные условия в гарнизонах сделать хотя-бы сносными, и на-ряду с хорошим специальным образованием, снабдить их и приглядною формой одежды.

Оклады содержания основаны были на том общем принципе, что на государственной службе установленное жалование не есть оплата службы, но исключительно лишь средство для исполнения служебного долга. Принимая во внимание ежегодно возрастающую дороговизну, военное министерство тем не менее заботилось о том, чтобы создать для своих служащих такие жизненные условия, при которых забота о хлебе насущном отпадала-бы и они целиком отдавали все свое время служебной работе. В этом-же смысле приняты были меры и для улучшения положения пенсионеров и их семейств.

Реформы эти главным образом касались офицерского состава; в отношении же нижних чинов, только в Иркутском округе и Приамурской области оклады были повышены. Увеличение офицерского содержания и пенсионного обеспечения, — не могло не отразиться на уровне корпуса

офицеров. В последние годы перед войной очень много молодых людей с высшим образованием, поступило на военную службу.

С этим утешительным явлением рука об руку шло и увеличение штатов новых военных школ, образование крепостного артиллерийского училища в Одессе, увеличение штата военно - топографического училища и подготовительные работы к увеличению Иркутского военного училища, образование новых военных училищ в Киеве и Ташкенте, четвертого артиллерийского, второго инженерного и трех временных военных училищ.

Одновременно с этим предпринято было и усиление выпусков офицеров с высшим военным образованием, для чего в Николаевской Военной Академии увеличен был учительский состав до 150 человек. До моих преобразований, выпускаемые из академии офицеры генерального штаба занимали большею частью места в штабах и управлениях, не приходя в близкое соприкосновение со строем; случайные краткосрочные прикомандирования были недостаточны. Впредь офицеры генерального штаба не должны были терять соприкосновения со строем, — предпочтительнее даже большую часть своей службы находиться в строю различных родов оружия и лишь меньшую часть — в штабах. Офицеры генерального штаба принуждены были изучить службу всех родов оружия и более продолжительное время командовать ротою, эскадроном, батальоном и пробыть командиром полка. Те, которые ценза этого не выполнили, теряли право на повышение в командном отношении.

Оценка годности офицера для службы в генеральном штабе зависела от результатов его службы в строю. Этим путем войсковые части получали офицеров с высшим военным образованием, — которые в свою очередь могли делиться своими познаниями с товарищами. Для образования офицеров по специальным отраслям основаны были офицерские школы: артиллерийская, автомобильная, электротехническая, стрелковая. — Затем приняты были меры к реорганизации курсов для образования офицеров по педагогической деятельности, — основаны были гимнастическая и фехтовальная школы, офицерская воздухоплавательная школа с отделением для летчиков — воздухоплавательная школа в Севастополе и автомобильная рота. Особым законоположением принимались меры для омоложения личного состава корпуса офицеров.

Большое внимание обращено было на разработку классных расписаний военно-учебных заведений. Все юнкерские училища с двухлетними курсами преобразованы были в трехлетние и прием молодых людей с незаконченным курсом среднеучебных заведений сильно ограничен.

Для улучшения и всестороннего контроля за преподаванием юнкерские училища из ведения главного штаба переданы были главному управлению военно-учебными заведениями. В военных училищах и кадетских корпусах введены были новые программы и для однообразного преподавания во всех заведениях введены одинаковые учебники. Вместе с тем не упущено было из вида и практическое образование молодого офицерского потомства. На обучение будущих офицеров в стрельбе обращено было особое внимание. Во всех кадетских корпусах введены были упражнения в стрельбе. Школы получили большое количество патронов и пулеметы. Чтобы получить по этой части хорошо подготовленных инструкторов, офицеры учебных заведений командиро-

вались в офицерскую стрелковую школу. В полках основаны были стрелковые общества, установлены призы за стрельбу и т. д.

Эти меры, на почве подготовки офицерской молодежи, дали утешительные результаты.

По заявлениям всех начальников отдельных частей уровень образования и развития молодых офицеров за последние годы перед войной сильно повысился. Они явились в полки вполне подготовленными для практического обучения нижних чинов.

Вспыхнувшая война показала, что все эти меры привели к желаемым результатам. Огонь пехоты в начале значительно превосходил таковой-же нашего противника. Офицеры, сознавая свой долг, стали более близки простому человеку, понимали его лучше, что вело к более успешной совместной работе офицера и нижнего чина.

Важные реформы проведены были в области вооружения войск. Опыты японской войны показали, что самый действительный огонь — это огонь пулеметов, против которых такой специальный зуб имел Драгомиров. Несмотря на это, до самого окончания японской войны мы почти что совсем не имели пулеметов. Поэтому наша армия снабжена была достаточным числом пулеметов, а именно по четыре на баталион; в то-же время сформировано было 32 конные пулеметные отделения. И тут реформа оказала блестящие результаты. По этому поводу хороший пример можно привести из боя за переход через Неман под Друскениками, где нашим пулеметным огнем были скошены целые полки немецкой пехоты.

Еще до Японской войны началось перевооружение нашей полевой артиллерии новыми скорострельными пушками образца 1902 г.; — но оно подвигалось так медленно, что к 1911 году еще не вся артиллерия этими орудиями была снабжена.

В 1911 г. была назначена особая комиссия для выяснения этого беспорядка в артиллерийском ведомстве. Эта комиссия обнаружила целый ряд недостатков в организации артиллерийского ведомства; со стороны военного министерства предприняты были шаги для упорядочения и ускорения перевооружения артиллерии. Таким образом это последнее было решено, гаубичные батареи получили новые гаубицы образца 1909 года, которые считались лучшими в этой области. Война подтвердила прекрасные качества этих орудий. Конная артиллерия точно также была снабжена новыми пушками системы «Шнейдер и Ко.». — Эти орудия оказались более легкими и лучше стреляющими сравнительно со старыми. Приняты были затем меры к снабжению так называемой «гуманной», остроконечной пулей, каковой изготовлено было 1 миллиард 450 миллионов.

Для этой работы установлены были новые верстаки, — что устраняло недостаток патронов в пехоте.

В хозяйственном отношении мы достигли того, что наш солдат был сыт и хорошо одет. В Японскую-же кампанию он был оборван, без сапог и голоден. Это было достигнуто непосредственным отпуском денег на хозяйственные нужды войск, прямыми покупками у производителей и при посредстве земских управ. В Смоленске, Киеве и Владивостоке построены были холодильники; четыре холодильника для мяса были устроены в крепостях.

В то-же время проведен был закон о подводной повинности (автомобильной и моторной).

Далее выработаны были основания для организации этапов на случай войны на западном фронте.

Японская война показала, что организация наших этапов тогда была в хаотическом состоянии; целый ряд процессов против этапных героев создали печальные последствия тогдашнего печального состояния. По этому последнему можно было судить о нравах и обычаях в интендантстве, которые, в виду важности снабжения армии, безусловно подлежали вытравлению. Не было ни малейшего сомнения, что недостаточно уволить известное число виновных, — гораздо важнее всю организацию перестроить заново.

Прежде всего надо было создать продовольственную базу для действующей армии. Такую базу, с одной стороны, надо было выдвинуть вперед, чтобы войска могли ею пользоваться, а с другой, она должна была находиться в таких условиях, чтобы при наступлении противника не попала в его руки.

Задача эта была выполнена удачно.

В период военных действий оказалось, что интендантская база, несмотря на противоречащие друг другу условия, ей поставленные, расположена была так, что, напр., во время наступления в Карпаты и при отступлении на Неман, — могла питать нашу армию беспрепятственно. Попытка австрийцев, при возникновении военных действий, захватить нашу интендантскую базу, им не удалась.

Несмотря на проявленную действительно успешную деятельность, реформе интендантского ведомства суждено было остаться незаконченной, ибо для ее проведения в жизнь требовались годы, а война собственно каждой воспитательной работе для развития чиновников не только положила конец, но даже способствовала приливу элемента, который только вредил репутации ведомства.

Рядом с восстановлением дисциплины в армии предстояла значительная, серьезная мера об'единения командного начала, соответственно стратегическим задачам, вытекающим из общего политического положения, т. е. об'единение всех технических мероприятий, которые имели какое либо отношение к обороне государственной границы и находились в связи с наступлением армии и ее обеспечением. Какие комбинации личного состава составлялись за кулисами и какие предположения Куропаткина относительно об'единения командной власти находились на пути к осуществлению, я сказал уже раньше. Как начальник генерального штаба я застал еще, — что помимо или вследствие четырехлетнего существования Совета Государственной Обороны, — все обстояло так, как было за пять, десять, двадцать лет до того. Совершенно нецелесообразно было, напр., распоряжение о том, чтобы крепостное дело подчинялось особому инженерному ведомству. Крепости по отношению к армии находились в самой примитивной связи, не составляя с нею единого тела — у них была своя собственная пехота без обоза и главным образом с отделившейся от остального мира, вполне самостоятельной жизнью. Склонность к созданию особых организаций для определенных назначений была в 1913 году еще очень велика, что видно из поддержанной Государем попытки выде-

лить четыре армейских корпуса для дессантной операции на Дарданелах.

После того, как взвешены были все технические и финансовые условия и Государь согласился с моим докладом о необходимости подчинения крепостей генеральному штабу, насколько это исключительно касалось управления ими, — мог разрешиться и крупный вопрос о наших крепостях на западной границе, как о каждой в отдельности, так и в связи с общим планом наступления.

Прежнее инженерное управление было переименовано в главное военно-техничское управление и совокупные технические подготовительные работы, — по железнодорожному, автомобильному и воздухоплавательному делу— сосредоточены в нем. Распоряжение этими войсками, так называемыми «войсками сообщения», было предоставлено генеральному штабу.

Во всем строго проведенное резкое разделение снаряжения и технического оборудования собственно от войскового применения, — в военном министерстве было достигнуто организацией следующего подчинения:

Всеми работами по боеспособности армии — в совокупности ведало Главное Управление Генерального Штаба;

Все, что касается собственно службы войск и делопроизводства по этой части, находилось в руках Главного Штаба;

Хозяйство войсковое — в ведении Главного Интендантского Управления;

Главное Военно-Санитарное Управление — ведало здоровием войск.

Это распределение прежде всего делало существование комиссий излишним, так как всеми об'единенными работами ведала центральная канцелярия военного министерства.

Одновременно с этими главными реформами в бесконечном изобилии шли вспомогательные работы, дополнительные реформы и тысяча всяких единичных мероприятий. Военные тюрьмы подчинены были военному ведомству. Снабжение топографическими картами организовано было таким образом, что все офицеры и унтер-офицеры, а также в возможно большем количестве нижние чины, должны были получить карты театра войны. Военная цензура получила новый аппарат и новые силы; около 45 новых регламентов введено было в войска и всю связанную с ними работу нужно было проверить и усовершенствовать многими смотрами и пробными мобилизациями. Новая, бодрая жизнь в 1913 г. забурлила в реорганизованной армии и многочисленные молодые силы устремились во все полки и штабы, на восстановление старой славы и на службу России.

Я имею право сказать: в 1913 г. аппарат был готов, чтобы каждую армию, любой величины привести в движение, — но готовой вполне армии еще не было, в смысле количества подготовленных бойцов, вооружения, снаряжения и снабжения. Средства на это, начиная с 1913 г., притекали медленно, и только с утверждением так называемой большой программы 1914 г., широко обставленной, мы получили более крупные кредиты. Весной 1914 г. срок действительной службы был продлен на шесть месяцев, что дало России возможность при, также в 1914 г. с 450.000 на

580.000 человек повышенном контингенте новобранцев, держать четыре контингента или 2.320.000 человек под ружьем. Технические дополнения ко всем этим мерам могли быть осуществлены только начиная с 1915 г., после моей отставки; — они и осуществились, несмотря на разорительную войну. Это может служить показателем об'ема и основательности всех подготовительных работ.

Работы по слому и по очистке места для настоящей постройки были описаны в предыдущих главах.

Предстояла коренная реформа — нужно было порвать с близкими сердцу привычками и со многими особенностями, внедрившимися глубоко в мирный характер русского человека. Многие личные, фиктивные права необходимо было обнаружить и устранить. Моей глубоко проникавшею преобразовательною деятельностью об'ясняются прежде всего те ожесточенные бои, которые мне пришлось выдержать в самой армии; их политическое значение породило ненависть партий Государственной Думы и некоторых министров; личная зависть и недостаточная склонность подчинения на служебных верхах внесли в новое здание бациллы анархии.

В 1913 г., как я уже сказал, выстроена была большая рама, в которую отвечающая громадным размерам России русская армия, в течение одного десятилетия, могла-бы уместиться, и аппарат для управления такой армией был готов. Если-бы затем удалось постепенно молодые поколения воспрявшей армии, ее состав офицеров и чиновников поднять на должную высоту, отвечающую размерам задач армии, и покончить с элементарными понятиями минувшего времени, устранением исключительного положения великих князей, — тогда-бы мог Государь и его дипломатия рассчитывать на то, что по истечении немногих лет у него в руках был-бы инструмент, годный как для соперничества с лучшими армиями мира, так и для того, чтобы придать силу миролюбию царя, в которой он нуждался.

Выражалась эта годность аппарата в сокращении времени, нужного для приведения армии в походную готовность.

Более крупным реформам были подчинены также и подготовительные оперативные работы, так напр., главным управлением генерального штаба, в связи с мобилизационным росписанием 1910 г., выработаны были новые операционные линии, на случай войны на западе. Наши оперативные планы на западной границе, были, как уже указано, предусмотрены главными основаниями нашего союзного договора с Францией.

Весьма энергично, в этом смысле, велись работы, чтобы по возможности сократить промежуток времени между приказом о мобилизации и выступлением в поход.

В 1912 г. подготовительные к мобилизации работы были настолько подвинуты вперед, что можно было об'явить следующее Высочайшее распоряжение:

«Приказ, переданный по телеграфу о мобилизации в европейских военных округах, равносилен приказу об открытии враждебных действий по отношению к Германии и Австрии. Что же касается Румынии, то они открываются только по непосредственному приказу» . . .

В этом повелении отражается тесная связь наступления армии и

политической обстановки, а также и та последовательность, в которой работали военное министерство, или вернее, генеральный штаб. Если означенное повеление затем было отменено, то произошло это из опасения Государя предоставить решающее слово военному начальнику в то время, когда в последние минуты дипломатии быть может удалось-бы еще найти выход и избегнуть катастрофы. Технически мы сделали эту уступку дипломатии введением в марте 1913 г. подготовительного к войне периода.

Он мог касаться таких лишь мер, которые не нарушали-бы нормального хода повседневной жизни. Главным образом это была основательная проверка всех приготовлений к мобилизации, приведение в должный порядок материальной части, боевого снаряжения и всего походного снабжения войск, — в возможно кратчайший срок. Для выполнения всего этого, отдельные части войск должны были покинуть лагери, маневры и возвратиться на постоянные квартиры; увольнение в отпуск офицеров, кроме исключительных случаев, было ограничено. На время подготовительного к войне периода также принимались меры охранения железных дорог и границ, вводилась военная цензура.

С действующим мобилизационным росписанием и его планом перевозки войск, все эти подготовительные работы никакой связи не имели.

Насколько подобная идея оправдалась, легко судить по результатам, которые наша армия могла учесть при начале всемирной войны на Галицийском фронте и при вторжении германцев из Восточной Пруссии в Сувалкскую и Ломжинскую губернии. Все прямые и косвенные меры для ускорения нашей мобилизации и наступления вполне оправдались. Наши противники того не ожидали, чтобы русская армия так быстро и в таком порядке была мобилизована, сосредоточена и развернута.

Уничтожение австрийской армии на Люблинском фронте может служить неопровержимым доказательством, что наша армия уже 7 августа свое развертывание закончила и перешла в наступление. Австрийцы свой стратегический план построили на том, что наша армия лишь к 20 августа будет мобилизована и готова для наступления.

Совершенно против моей воли пришлось ввести так называемую частичную мобилизацию. Это во всяком случае полумера и, как таковая, поэтому вперед обреченная на неудачу. Если-бы мы частичную мобилизацию подготовляли против Персии, Афганистана или Тибета, — это еще имело-бы хоть какой нибудь смысл. Не совсем логичным представлялось мне применение частичной мобилизации против Турции или Румынии, потому что более чем за десять лет до моего вступления в должность, вмешательство России в дела какого-либо балканского государства угрожало европейской войной. Полнейшим заблуждением и азартной игрой вместе с тем была предусмотренная против Австро-Венгрии частичная мобилизация, — раз Германия далеко не двусмысленно и повторно высказалась в пользу своей союзницы, за которую и будет стоять.

Дипломатия должна была составить себе ясное представление о политическом положении, чтобы быть уверенной в том, что именно витающий в воздухе конфликт будет обязательно разрешен на твердо установленном театре военных действий. Только в таком случае частичная мобилизация могла найти свое оправдание, не являясь козырем в руках тайного врага.

Но в наше бурное время перед всемирной войной, — каждый такой незначительный конфликт где нибудь на отдаленном побережьи носил в себе зародыш мировой катастрофы. Поэтому всякая мысль о частичной мобилизации должна была быть во что бы то ни стало отброшена. Это для меня было совершенно ясно со времени Японской войны. Надо представить себе картину частичной мобилизации в нашей стране.

Пока происходит перевозка войск частичной мобилизации — возможность перевозок эшелонов общей мобилизации исключается.

Достаточно остановиться на одном этом моменте, чтобы показать в какой невероятно слабой стадии находилось-бы наше политическое и военное положение в период частичной мобилизации.

* * *

Со времени серьезного строительства, когда я жил всеми этими вопросами, счастливый и гордый достигнутым успехом, от тогдашней самоуверенности, появляющейся, когда посеянные семена начинают всходить, растут, бурями не тронутые, плоды цветут и созревают, и видишь, как они крепнут, от того времени меня отделяют девять лет и если я сегодня поставлю себе вопрос, — при моей настоящей осведомленности, — многое-ли я из мною сделанного тогда изменил-бы теперь и сделал иначе, — я отвечу категорически — нет! Моя работа логически развивалась из сложившихся обстоятельств, — была свободна от вредного честолюбия каких-либо эгоистических побуждений. Вспоминая, как тяжело мне было покинуть Киев, чтобы перебраться в Петербург, как трудно было мне освоиться с новой обстановкой в должности начальника генерального штаба и в первые годы военного министра среди интриг столицы, до какой степени тянуло меня обратно в Киев, в котором, сидя на месте, отеческими заботами залечивать раны войны и революции; вспоминаю, как благотворно влияла на меня Екатерина Викторовна, на которой я скоро должен был жениться, и как жизнь в Киеве, в роли генерал-губернатора, — в то время мне было за 60 лет, — предоставляла все блага жизни и все то, что только личному эгоизму было-бы желательно. Разбираясь далее в этом вопросе, я сознаю, какой ущерб в духовном и материальном отношении я причинил себе, отказавшись от крупного оклада командующего войсками и генерал-губернатора, а также литературной деятельности, которую в Киеве я имел возможность продолжать; все это служит мне подтверждением, до какой степени были серьезны все фактические доводы, с которыми Государь побудил меня погрузиться в Петербургский водоворот. То были побуждения солдата и чувства патриота, вновь возродившиеся, подбодряемые доверием царя и положением России в общем европейском концерте, которые привели мое решение к исполнению. Раз я решился взяться за эту задачу, само дело стало уже вопросом моего самолюбия: с тем прекрасным материалом, какой давал русский народ, я стремился создать первую, наилучшую армию на всем земном шаре. Этого честолюбия я не стыжусь, ибо оно всецело шло на пользу нашей родины и всецело зиждилось на реальной почве.

В общем я поступал правильно: при сложившихся основных условиях, избранный мною путь вел к намеченной цели.

Другой вопрос, — должен-ли я был желать иметь возможность поступать иначе, нежели я поступал? На это я могу смело ответить — да!

Главного условия для спасения России, как военный министр, создать я не мог: устранение влияния на управление государством членов царской фамилии. Это влияние мне удалось парализовать лишь отчасти, временно и в недостаточной степени, — в моем собственном ведомстве и за свой личный счет. Этой борьбе против великих князей, с их дилетантизмом и безответственностью, при больших претензиях, я обязан прежде всего всему тому, что на меня свалилось после 1914 года. Могу-ли я винить себя в том, что не мог создать эти главные условия для выздоровления государственного организма? Я ссылаюсь на Куропаткина, Витте, Государственную Думу и революционное движение, — все они не смогли побороть исторически сложившиеся факты, так как царь, у которого я был, прежде всего, слугою, лично отстаивал позицию великих князей. Даже бесцеремонное хозяйничание в морском ведомстве дяди Государя, великого князя Алексея Александровича, не могло открыть глаза царю на то, какой вред приносила безответственность великих князей. Почти ни один из них не был подготовлен и воспитан для какой либо серьезной обязанности. Общее образование большинства из них, несмотря на хорошее знание иностранных языков, находилось ниже образования средней школы.

В характере большинства из них были признаки дегенерации и у многих умственные способности настолько органичены, что если-бы им пришлось вести борьбу за существование, как простым смертным, то они бы ее не выдержали. Эти непригодные для дела великие князья, подстрекаемые окружающими их людьми или женами, присваивали себе право вмешиваться в дела правительства и управлений, а в особенности в армию. В этом я ничего изменить не мог, хотя мне и удалось того или другого из великих князей удалить с занимаемых ими постов. Это были самые умные и благородные из них, которые на мое об'яснение приносимого ими вреда там, где они думали быть полезными, просто уходили. С ними я остался в личных, дружеских отношениях и вспоминаю о них с большим уважением. Но главных врагов армии, честолюбивого и грубого Николая Николаевича и Сергея Михайловича я вытеснить не смог. Может быть со временем мне и удалось бы это сделать, если-бы мир продолжался еще несколько лет.

При моем вступлении в должность, я не мог поставить условием Государю удаление великого князя Николая Николаевича, которому еще в 1902 году обещано было главнокомандование армией на германском фронте. Совершенно так, как и в 1911 году, я не мог ставить условием сохранения мною должности военного министра, — если-бы оно было направлено против великих князей. Это было-бы об'яснено и использовано, как об'явление войны всей царской фамилии.

В конце концов немыслимо было добиться изменения регламента о членах императорской фамилии, которое привело-бы к тому, чтобы великие князья подчинены были общим законам.

Тут были препятствия и опасность, под угрозой которых мне приходилось работать во время переустройства и восстановления армии.

За спину великих князей прятался каждый, критиковавший мои мероприятия и таких было много, если только не все, — пострадавшие

при моей очистительной работе. К великим князьям обращались не только чины подведомственных мне управлений, но и мои подчиненные. Великим князьям министр финансов Коковцов жертвовал миллионы, в то время как военный министр должен был буквально выпрашивать копейки. Пресса, ползавшая перед великими князьями, — в отношении высших государственных должностных лиц — радушно предоставляла свои столбцы клевете на последних. Подводя итог вредной деятельности великих князей и в первую голову великого князя Николая Николаевича, я могу сказать: они внесли политику в армию, — причем военное министерство, а затем генеральный штаб, как перед этим армию, заразили тоже политикой. Армии угрожала, таким образом, политика с двух сторон: снизу — вследствие недовольства в народе и агитаций с этим связанных, и сверху великие князья, хотя и не об'единившиеся в какую либо партию, но тем не менее действовавшие партийно, когда подводили свои мины под министра, высшее военное начальство или высоких сановников.

Почти целиком удалось мне вытеснить из армии агитации снизу, — соответствующею сводкою постановлений с беспощадной строгостью карающих неповиновение и непослушание, равно как и превышение власти начальствующих лиц. Я имел возможность создать национальную армию.

Какое впечатление эта армия производила заграницей, — на одного из старых прусских офицеров и прекрасного знатока России и ее истории, видно из последующего его «Петербургского письма», 1/14 апреля 1914 г. написанного издателем известного и популярного «Grenz-Boten». Он пишет:

... «Русская бюрократия черпает новые силы из примера, который дает ей армия: повидимому русская армия преодолела тяжелый кризис 1904 года. Разница между армией настоящего времени и шесть лет тому назад, совершенно очевидна и вожди ее могут гордиться тем, что они сделали в эти немногие годы.

Не только в гвардейских полках Петербурга, но и вне столицы офицеры и нижние чины, каждый в отдельности, и в составе частей, производят прекрасное впечатление, — каждому человеку, раз носившему военный мундир, — это явление не может не броситься в глаза. Дисциплина на улице, взаимное приветствие офицеров, ответ на отдание чести, — все это свидетельствует о наличии установленных, однообразных правил и хорошего духа в армии. Носящие военную форму относятся к ней с уважением, чего прежде, еще не так давно, не было. При таких условиях заслужить уважение и посторонних людей не так уже трудно. Но тот, кто знает, как трудно дается русскому человеку то, что мы называем «Preussischen, militärischen Schneid» сумеет в должной мере оценить эту перемену и сумеет вывести из этого свои заключения.

Если такие результаты могли быть достигнуты в сравнительно короткий срок, то это конечно не есть последствие одной казарменной муштры, — это вне всякого сомнения плоды тяжкого духовного труда, работы, которая началась уже в кадетских корпусах и военных училищах.

Благоприятствовали этому и внешние обстоятельства. Столетний юбилей 1912 г., Московского пожара, гибели корсиканца на Березине, идеи великой освободительной войны, — перешли на корпус офицеров

настоящего времени. Русские в роли освободителей Европы! в особенности — спасителей Пруссии! Это зажигательные лозунги, занесенные из международной газетной полемики в сознание начальников отдельных частей.

Русские оказались единственным народом, бескорыстно предоставившим немецким национальностям об'единиться в одно государство. С тех пор как русский гвардеец носит ополченскую шапку 1812 г., — правда, в противоположность своей модели, богато расшитую золотом, — повидимому в нем вновь пробудилось сознание силы, как некогда во времена Александра I, — управлять судьбами Европы.

Здесь, мне кажется, кроется область трения не только одного военного сознания. Это стимул для развития духа армии в народе, лучше какого не может желать военное командование и правительство. Правда, это строительство армии может пойти за счет старой, столь часто прославленной русско-германской дружбы, которой бюрократия, как было упомянуто, уже в течение полустолетия мешала своей собственной слабостью.» (Die Grenzboten, 1914 B. II).

В союзной Франции о моих реформах составилось еще ранее определенное мнение. Вот как оно изложено одним из крупных военных писателей:

«Преобразование русской армии — это творение человека, имя которого французы должны удержать в памяти, а именно, военного министра генерала Сухомлинова. Это преобразование — гигантская работа, обнимающая все области, начиная с высшего командования и плана войны, до вопросов вооружения, обмундирования и мобилизации. — Труд этот тем более ценен, что едва ли можно найти страну, в которой, подобно России, ставились-бы успеху такие препятствия, как лень, традиционная косность, подкупность, в связи с громадными расстояниями и суровым климатом».

Пессимизм журнала «Die Grenzboten» относительно настроения России, ее внешней политики и слабости правительства слишком скоро доказал свою основательность: охваченный настроениями, в которых он не мог разобраться, царь повелел мобилизовать армию и предоставил неготовый инструмент честолюбию великого князя Николая Николаевича . . . . . .

Трудно себе представить что предстояло царскому дому и вместе с ним всей России, какая готовилась участь, если-бы вместо Горемыкина, дипломатов Извольского и Сазонова, стоял-бы у дела такой государственный человек как Столыпин . . . . . . Еще два года мира и Россия со своими 180 миллионами душ имела-бы такую мощную армию по количеству, образованию и снабжению, что была бы в состоянии в своих интересах давать направления решению всех политических вопросов европейского материка.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Крушение 1915 г.

Глава XXVIII

Возникновение всемирной войны
Всемирная война и ее последствия

В салоне графини Клейнмихель. Разгар лагерного сезона. Пахнет порохом. Странное поведение принца Гогенлоэ. Зоря с церемонией. Затишье перед бурею. Пуанкарэ в Петербурге; от'езд 24 июля. Совет 25 июля в Красном Селе. Великий князь серьезен и молчалив. Подготовительный к войне период назначен на 26 июля. Проект частичной мобилизации против Австрии. Майор фон-Эгелинг 26 июля у меня. Запрос Пурталеса по поводу мобилизации. С 25 июля дело в руках дипломатии. Сазонов сносится непосредственно с начальником генерального штаба. Наши мобилизационные приемы. 28 июля очередной доклад у Государя. 28 июля после полудня — частичная мобилизация. Я нажимаю на кнопку. 30 июля совет министров. Полная растерянность. Я возбуждаю вопрос о снабжении. Мое отстранение от всех политических переговоров. Царь изолирован Николаем Николаевичем. Телефонный разговор Государя со мною в полночь с 29 на 30 июля. Царь спрашивает, возможно-ли приостановить мобилизацию. Это невозможно. Никакого распоряжения царя. 30 июля прошу доклада, — ответа не получаю. 30 июля после полудня Сазонов передает Янушкевичу Высочайшее повеление об общей мобилизации. Телеграмма Свербеева из Берлина получена лишь к вечеру. Что говорит об этом в своих записках Свербеев 28 августа 1920 г. Высочайший выход в Зимнем дворце 2 августа. Доклад у Государя. Совет министров на ферме. Горемыкин просит царя не покидать столицы. Я указываю на Николая Николаевича. Он становится верховным главнокомандующим. Недопущение меня с докладами в ставку.

В июле 1914 года, с только что вернувшейся из Египта моей женой, мы были приглашены графиней Клейнмихель на ее прелестную дачу. Австро-сербский конфликт как раз в это время достиг своего апогея и потому вполне понятно, что говорили о политическом положении, тем более, что вообще существовало мнение, будто графиня, когда дело

касалось Германии, не ограничивалась одними салонными разговорами, но активно принимала участие в дипломатических делах.

В числе гостей графини находился дипломат, который, насколько помню, не был представителем одной из великих держав.

По его мнению, австро-сербский конфликт сам собой разрешится, для войны нет никакого серьезного повода и великие державы имеют достаточно средств, чтобы потушить эту искру. Все мы тогда думали, что это действительно так и будет. Графиня-же считала нужным высказать по этому поводу свое мнение, что не следует играть с огнем и нельзя натягивать струны дипломатического инструмента до такой степени, чтобы они лопнули.

Вскоре после обеда, первый приехавший гость сообщил, что по полученным из Вены известиям, Дунайская монархия ищет несомненно насильственного разрыва с Сербией. На этот раз графиня была права.

* * *

Разгар лагерного сезона считался обыкновенно, когда Государь первый раз приезжал в Красное Село, что сопровождалось об'ездом лагерного расположения, зорей с церемонией — и спектаклем в Красносельском театре.

В этот день приезжала масса нарядной публики из Петербурга и дачных мест, лица дипломатического корпуса, военные агенты. Все это стекалось с разных сторон и различными способами передвижения; по железной дороге и прекрасным, совершенно прямолинейным шоссе, — из Петергофа, Ораниенбаума, Стрельны, Сергиевской Пустыни Лигова, Царского Села, Гатчины неслись автомобили, тройки и более скромные запряжки.

В автомобиле прибывал из Петергофа Государь и у Летнего дворца, в Коломенской слободе, встречал его почетный караул от какой-нибудь шефской части Петербургского гарнизона или прибывшей из другого округа. Отпустив караул, Его Величество садился на коня и с блестящей свитой об'езжал выстроенные, без оружия, шпалерами войска, сперва по Красному Селу, преимущественно конницу, а затем вдоль авангардного и Большого лагеря, — пехоту и артиллерию.

По окончании об'езда, на правом фланге Большого лагеря, в районе расположения 1-й гвардейской пехотной дивизии, где находилась Царская Ставка, состоящая из парусиных шатров, — и собраны были хоры музыки всех полков, — когда Государь слезал с коня, происходила парадная зоря с церемонией. Там в царской ставке собралась блестящая публика — гладкий паркет на лугу. В оживленной беседе обменивались новостями, слухами, более или менее пикантными сплетнями частного или политического свойства, в 1914 году в особенности с указаниями на дипломатические сферы источника. То был именно «весь Петербург», стоявший под влиянием чудовищного возбуждения нервов 1914 года и отлично себя в нем чувствовавший. Материала для разговора было достаточно. Очевидно, вызывающее поведение австрийцев, морское путешествие Пуанкарэ в Петербург, поездка немецкого императора в Норвегию и волнения печати по поводу возможности возникновения войны — все это давало повод к различнейшим догадкам.

Оптимистов было мало. Но едва-ли кто-нибудь из присутствующих

предчувствовал, что это последняя «Зоря с церемонией» в жизни русской армии и ее державного верховного вождя. Все присматривались к Государю, пытаясь уловить его настроение, но Его Величество был спокоен и любезно разговаривал со всеми его окружающими. Ко мне подошел граф Апраксин и обратил мое внимание на принца Гогенлоэ, австрийского военного агента, расстроенный и удрученный вид которого действительно бросался в глаза.

Относясь совершенно безучастно к тому, что происходило, он стоял одиноко в стороне; согнутая правая рука его прикасалась к дереву и к ней он прислонился своей головой. Ни к кому не подходя и ни с кем не разговаривая, он имел вид или человека больного, или озабоченного до потери самообладания.

А хоры музыки в это время оканчивали номера по программе, не обращая внимания на душевное состояние слушателей; дежурный по караулам явился к Государю и испросил его разрешения подать повестку.

Вышли горнист и барабанщик, пробили повестку, хоры сыграли последнюю пьесу и взвились, одна за другой, три ракеты, — сигнал начала зори. Раздались залпы в парках расположения артиллерийских частей и совместно со всеми барабанщиками и горнистами, хоры музыки проиграли традиционную парадную зорю и «Коль славен».

После ее окончания скомандовали «на молитву, шапки-долой» и штаб-горнист, выйдя на середину, став лицом к Государю, — внятно, — отчетливо прочитал «Отче наш».

Во время этой молитвы, в тиши, окружавшей меня, я взглянул на Государя: я был убежден, что «Бранный воевода» ему и в голову не приходил и что он никак не думал, что эта «зоря с церемонией» со своим кажущимся беззаботным великолепием заключит собою эпоху . . . . . .

На этот раз избежать вооруженного столкновения не удалось. Целый ряд случайностей и недоразумений, отчасти об'ясняемых своеобразными отношениями в доме Романовых, — вели к войне. Причины войны лежали глубже в создавшейся европейской политической коньюнктуре.

* * *

Над вопросом обоснования поводов к возникновению войны, многие умные люди ломают свои головы. При моем искреннем стремлении, как можно ближе подойти к правдивому выяснению этой ужасной катастрофы, у меня опускаются руки.

Несмотря на то мое высокое положение, которое я занимал в царской России, очень небольшая часть работы, которая привела к войне, происходила на моих глазах.

Эту именно деятельность я могу описать и хочу сделать это вне зависимости от прошлого и не щадя себя самого.

Вначале 1914 г. в русском военном министерстве войны не ожидали. В главном управлении генерального штаба в конце зимы 1913—14 г. г. росписания лагерных сборов составлялись, как обыкновенно: отдельные части у отдаленных округов, в том числе и западного пограничного района, должны были прибыть в Красное Село. Как обыкновенно, в мае все войска покинули свои казармы, артиллерия приступила к практической стрельбе. В июле — готовились к проектированным еще зимою маневрам. Противоположно спокойствию в армии, в печати политиче-

ский горизонт омрачался все более и более. Убийство наследника австрийского престола и австро-сербский конфликт являлись отдаленными сверканиями молний, путешествие-же французского президента в Петербург — сгущением грозовых туч над Невой; господствовала невыносимая, давящая духота!

После от'езда Пуанкарэ 11/24 июля, когда получено было известие об ультиматуме, пред'явленном Австро-Венгрией — Сербии, лагерные занятия в Красном Селе были в полном ходу. Под планомерным руководством великого князя Николая Николаевича находились войска гвардии и Петербургского военного округа, а равно и прибывшие некоторые шефские части других округов, не исключая и пограничных.

* * *

Не совсем врасплох, но довольно неожиданно получил я предложение прибыть на заседание совета в Красное Село 25 июля, в разгар лагерного сбора.

Помню, что во время моей поездки на заседания, я не испытывал никакого предчувствия относительно надвигавшейся катастрофы. Я знал личное миролюбие царя и не получил никакого извещения о предмете предстоящего заседания. Поэтому я придавал поездке в Красное Село настолько малое значение, что поехал один, не взяв с собою ни начальника генерального штаба, ни даже дежурного адьютанта: предметом совещания могло быть чисто военное дело Петербургского военного округа или что либо, касающееся лагерных сборов.... В малом летнем дворце великого князя Николая Николаевича я встретил нескольких министров, между ними министра иностранных дел, а также несколько высших чинов военного ведомства. Многие из них также ничего не знали о предмете предстоящего совещания; однако высказывали, ссылаясь на присутствие Сазонова, предположения, указывающие на политическое положение.

Государь вошел в зал заседания вместе с дядей. На нем была летняя форма одежды своего Гусарского полка. Как всегда, приветливо улыбаясь и не показывая никакого душевного волнения, Государь приветствовал присутствующих общим поклоном и без особых церемоний сел за стол; по его правую руку сел Горемыкин, по левую — великий князь.

Помещение, в котором мы собрались, была большая столовая, примитивно устроенная, с большими стеклянными дверьми, ведущими через балкон или веранду в парк. Посреди стоял большой, покрытый зеленой скатертью обеденный стол, за который мы, по знаку Государя, сели. Против Государя сидел Сазонов, я сидел через несколько мест от него по ту же сторону, если не ошибаюсь, рядом с министром финансов Барком. Морского министра я на заседании не видел.

Без всякого вступления Государь предоставил министру иностранных дел слово, который нам в приблизительно получасовой речи обрисовал положение, создавшееся вследствие австро-сербского конфликта для России. То, о чем Сазонов докладывал, было крупное обвинение австро-венгерской дипломатии. Все присутствовавшие получили впечатление, что дело идет о планомерном вызове, против которого государства трой-

ственного союза (Entente cordiale), Франция и Англия, восстанут вместе с Россией, если последняя попытается не допустить насилия над славянским собратом. Сазонов сильно подействовал на наши воинские чувства. Он нам об'явил, что непомерным требованиям можно противопоставить, после того как все дипломатические средства для достижения соглашения оказались бесплодными, только военную демонстрацию; он заключил указанием на то, что наступил случай, когда русская дипломатия может посредством частичной мобилизации против Австрии поставить ее дипломатию на место. Технически это обозначало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи.

Государь был совершенно спокоен. Впоследствии выяснилось, что накануне заседания у него было продолжительное собеседование с глазу на глаз с его дядей, великим князем Николаем Николаевичем, который молча сидел рядом с Государем и усиленно, нервно курил. Для меня, в течение целого ряда лет имевшего случай наблюдать отношения этих двух высочайших особ, было совершенно ясно, что великий князь настроил Государя уже заранее, без свидетелей, и говорить теперь в заседании ему не было никакой надобности.

Несмотря на то, что Австрия явно закусила удила, у многих членов заседания была надежда на благополучный исход конфликта.

В заключительном слове Государя была та-же надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьезная угроза. Австрия дошла до того, что не отвечает даже на дипломатические наши миролюбивые предложения. Поэтому царь признал целесообразным применить подготовленную именно на этот случай, частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней.

На этом основании и решено было предварительно об'явить начало подготовительного к войне периода с 13/26 июля. Если-же и после того не наступит улучшение в дальнейших дипломатических переговорах, то об'явить частичную мобилизацию.

Моя роль при этом постановлении была, как уже выше сказано, весьма скромная. Как военный министр, против такого решения, бывшего ходом на шахматной доске большой политики, я не имел права протестовать, хотя-бы он и угрожал войной, ибо политика меня не касалась. Настолько-же не моим делом военного министра было решительно удерживать Государя от войны. Я был солдат и должен был повиноваться, раз армия призывается для обороны отечества, а не вдаваться в рассуждения. Имели-бы право обвинить меня в трусости, если-бы после того, как в роли военного министра в мирное время пользовался всеми преимуществами моего высокого военного положения, предостерегал-бы от войны и притом в то время, когда вся вероятность и мое личное убеждение были за то, чтобы русская дипломатия не отступала перед притязаниями австро-венгерской, как это имело место еще в 1909 г. — Ко всем таким соображениям, которые однако меня ни на минуту не смущали, в смысле трудности предстоящей задачи, присоединилось еще впечатление, которое у меня и представителей других ведомств получилось от доклада представителя министерства иностран-

ных дел. Из этого следовало, что другого выхода, как об'явление войны, не было и каждое мое слово против войны было-бы бесполезно.

Моим протестом 25 июля я бы только отрицал возможность применения вооруженного нейтралитета. В данном случае решение подлежало министру иностранных дел, а он требовал частичной мобилизации!... В соответствии с этим намечены были отправные точки, несмотря на то, что я был противником частичной мобилизации и такого своего мнения не скрывал. Моим делом было приготовить армии для шахматной игры Сазонова, следовательно, и в этом отдельном вопросе мне приходилось повиноваться.

Было-бы другое дело, повторяю, если-бы я в 1914 г. оказался в положении Редигера в 1909 г. В 1914 г. армия была настолько подготовлена, что казалось Россия имела право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 г.

* * *

На основании решения, принятого в совещании, подготовительный период к войне начался на следующий день после заседания. Лагерные сборы были распущены, войска вернулись в свои гарнизоны или казармы.

После этого заседания 25, 26 и 27 июля царя я больше не видел. То, что происходило в эти дни в министерстве иностранных дел, до меня не доходило. От Сазонова я не получал никаких сведений.

Вследствие распространившихся в городе слухов о нашей мобилизации, граф Пурталес прислал ко мне германского военного агента майора фон Эггелинга.

Я его ознакомил подробно с настоящим положением вещей, уверив его, что повеления об общей мобилизации не было и что на германской границе никаких приготовлений для выступления в поход сделано не было. В войсках Петербургского гарнизона происходила поверка походного снаряжения, обоза, вооружения.

Так как л.-гв. Павловский полк с этой целью выкатил свои обозы на Марсово поле, то это дало повод распространения слухов о выступлении в поход гвардии. Я поручил Янушкевичу переговорить со штабом Петербургского военного округа и распорядиться, чтобы избегали прибегать к таким демонстративным мерам, которые способствовали-бы распространению ложных и тревожных слухов о якобы уже об'явленной войне. На это Янушкевич доложил мне, что великий князь, как главнокомандующий войсками округа, таким вмешательством был бы обижен, тем более, что подобные занятия не выходили из пределов мирных работ, при поверках мобилизационного имущества, на смотрах, испытаниях и т. д.

Тем не менее я просил исполнить мое приказание, но не знаю в какой мере оно было исполнено, так как после того мне ничего доложено не было.

* * *

Порядок об'явления мобилизации у нас был такой: Государь подписывал указ, поступавший затем в сенат. После того за подписью министров, военного, морского и внутренних дел, в округа рассылались

телеграммы, с обозначением первого дня начала мобилизации, когда на это получится Высочайшее повеление. Лишь вслед за сим происходило то, что называется «нажатием кнопки».

Всей этой процедурой ведало специальное главное управление генерального штаба исключительно с технической стороны дела, лишь как продолжение политики, — перехода от слов к делу. Политическая часть была целиком в руках министра иностранных дел, поэтому 15/28 июля через него и передано было начальнику генерального штаба Высочайшее повеление об изготовлении двух указов, — одного о частичной мобилизации и другого — на случай общей мобилизации.

Все документы, касающиеся мобилизации, были, конечно, как и во всех современных армиях, уже заранее заготовлены. В зависимости от развития политического положения, тот или другой подписанный Государем, военным и морским министрами Высочайший приказ лишь по личному повторному повелению приводился в исполнение. Этот предварительный приказ был таким образом особым положением застрахован от возможной пагубной предприимчивости военного министра.

Генералом Янушкевичем указы представлены были для подписи Государю императору. Подписанные Его Величеством они подлежали контрассигнированию правительствующим сенатом, после чего поступали в портфель начальника генерального штаба.

На основании этих указов в главном управлении генерального штаба были заготовлены соответствующие телеграммы, которые и были подписаны тремя министрами.

* * *

Во вторник 15/28 июля я был с очередным докладом в Петергофе. По спокойствию, вернее равнодушию, с каким Государь выслушивал текущие дела, можно было-бы думать, что нет ничего угрожающего мирной жизни России. Меня удивила сухость и сдержанность Его Величества во время моего доклада; я не знал, чем это об'яснить.

В тот-же день 15/28 июля, после того, как я вернулся в Петербург, во второй половине дня, генерал Янушкевич доложил мне о полученном им от Сазонова Высочайшем повелении мобилизовать Киевский, Московский, Казанский и Одесский округа. Оказалось, что наш посол в Вене, Шебеко, телеграфировал о состоявшейся общей мобилизации австро-венгерских войск. Подобная частичная мобилизация для военного ведомства была нежелательна; по некоторым техническим условиям она могла вызвать затруднения и путаницу, если-бы понадобилось после того об'явить общую мобилизацию.

* * *

17/30 июля состоялось заседание совета министров в Мариинском дворце. Приподнятое настроение в столице отразилось и на нервах членов Совета: едва не состоялась дуэль между Маклаковым и Кривошеиным. Главным предметом заседания было конечно обсуждение тех потребностей армии и флота, которые требовали немедленного удовлетворения, если-бы дипломатии нашей не удалось избегнуть войны.

Из слов Сазонова было ясно, что поведение Австро-Венгрии вызы-

вающе и если наша угроза вооруженного нейтралитета, в виде частичной мобилизации южных округов наших, не подействует, то войны избежать будет трудно.

Я, конечно, обратил внимание Совета на то опасное положение, в которое ставит нас частичная мобилизация.

Как у меня, так и у адмирала Григоровича были внесенные на обсуждение совета министров дела, не получившие движения и требовавшие крупных ассигнований, для нужд по государственной обороне.

Приходилось считаться с закрытием границы. Между тем снаряды, патроны, ружья и пр. виды артиллерийского снабжения получались в большом количестве из заграницы. Необходимо было принять немедленные меры к изготовлению всего необходимого у себя дома. Частная-же промышленность у нас для этого не была подготовлена; ограниченность кредитов военного ведомства не давала возможности придти на помощь заводам в амортизации для этого необходимых им капиталов. Сидевший рядом со мной министр земледелия и государственных имуществ, Кривошеин напомнил мне о препирательствах, которые у нас были с бывшим министром финансов в 1910 году. Коковцев заявлял, что, когда вспыхнет война, то для ее ведения потребуются деньги, деньги и еще раз деньги. На это я ему возражал, что деньгами стрелять в неприятеля нельзя будет и все скопленные денежные запасы заберет противник.

* * *

Что мы были накануне войны, о том не спорили даже самые ярые оптимисты. В главном управлении генерального штаба было особенно много самой спешной работы. Благодаря исключительному влиянию на Государя великого князя Николая Николаевича, начальник генерального штаба имел непосредственный доступ к царю. Точно также и министр иностранных дел сносился без моего ведома с начальником генерального штаба.

При таком образе действий нет ничего удивительного, что могли происходить крупные недоразумения. В тревожные дни, предшествовавшие разрыву с Германией, посол граф Пурталес старался передотвратить возможность мобилизации нашей армии. Он убеждал Сазонова, чтобы тот не допускал принятие каких либо военных мер, которые могли только повредить дипломатической работе в деле мирного разрешения конфликта.

В решении дипломатических вопросов участия я не принимал; Николай Николаевич сумел оттеснить от Государя всех неудобных для него советчиков, в том числе, конечно, прежде всего меня. В те дни перед войной царь находился полностью под влиянием своего дяди.

Если-же теперь оказывается, что помимо меня начальник генерального штаба собирался пустить в ход общую мобилизацию вместо частичной, то для меня это новость, — обстоятельство, искусно скрытое в свое время. Янушкевич был умный и осторожный человек, самостоятельно решиться на такое преступное дело не мог.

Нет никакого сомнения, что им руководило лицо, имевшее такое исключительное влияние на Государя, что Янушкевич ничем не рисковал.

В настоящее время выясняется, что 29-го июля, вместо решенной

частичной мобилизации, чуть не об'явили общую. За моей спиной пытались, очевидно, получить разрешение Государя об'явить общую мобилизацию.

Повидимому, Николай Николаевич вынудил у Государя согласие на это. Но Его Величество затем вновь изменил свое повеление, получив телеграмму от императора Вильгельма. Передавая в управление генерального штаба это окончательное решение Николая II, генерал Янушкевич добавил, что Государь принимает на себя всю ответственность за частичную мобилизацию.

* * *

Дальнейший ход событий принял характер большой скоротечности. Около полуночи с 16/29 на 17/30 июля Государь император вызвал меня к телефону из Петергофа, вследствие полученной им телеграммы от императора Вильгельма. Государь передал мне содержание этой телеграммы. В ней Вильгельм просил Государя «прекратить» нашу частичную мобилизацию, но о прекращении таковой-же в Австрии ничего не говорил и не обещал принять меры к тому, чтобы держава, первая приступившая к такому-же образу действий, от этого отказалась.

Так как я несколько дней Государя не видел, то этот разговор по телефону меня, понятно, поразил. За кулисами должен был находиться кто нибудь, с кем Государь советовался и в правильности советов которого Николай II однако усумнился. Если-бы у него явилось самостоятельное решение исполнить желание Вильгельма, ему следовало отдать об этом прямое приказание — мобилизацию отменить.

Но Государь на такой шаг не решался по моему мнению потому, что это не отвечало взглядам конфиденциального его советчика. Такое положение «между молотом и наковальнею» заставило его принять среднее решение: «нельзя-ли приостановить»?

В телефон-же мне пришлось доложить, что мобилизация не такой механизм, который можно было-бы, как коляску, по желанию приостановить, а потом опять двинуть вперед. Что-же касается отмены частичной мобилизации, то если-бы последовало именно такое повеление, я с своей стороны считал долгом доложить, что после того потребуется много времени, чтобы восстановить нормальное исходное положение для новой мобилизации четырех южных округов.

Поэтому я просил Государя, в виду важности вопроса, потребовать еще доклада по этому предмету начальника генерального штаба. На этом наш разговор и прекратился.

Через некоторое время мне позвонил генерал Янушкевич и доложил о разговоре с Государем, причем его ответ совпадал с тем, что и я докладывал Государю.

А так как ни Янушкевич, ни я, таким образом, повеления о прекращении нашей частичной мобилизации не получили, то никаких распоряжений делать и не имели права. Частичная мобилизация против Австро-Венгрии решена была не одним Государем самостоятельно; для этого он созвал совещание в Красном Селе 12/25 июля. При таких условиях, помимо министра иностранных дел, Николай II очевидно не мог решиться отменить свое повеление.

В данном случае решение вопроса находилось в руках руководи-

телей политики и тех закулисных сил, контроль которых был для меня недоступен.

* * *

Утром 17/30 июля я просил разрешения прибыть с докладом к Его Величеству, но ответа не получил. Был-ли Государь так занят, что в подобную критическую минуту не мог принять с докладом военного министра? А между часом и двумя пополудни по телефону генерал Янушкевич доложил мне о том, что Сазонов передал ему Высочайшее повеление об'явить общую мобилизацию армии и флота. Такое решение последовало вследствие полученных из Берлина последних сведений. Об этом докладывал мне Янушкевич не позже двух часов пополудни, а от нашего посла Свербеева могла быть получена телеграмма вечером, 17/30 июля.

Недавно скончался наш бывший посол в Берлине С. Н. Свербеев.

Из оставшихся его записок я получил разрешение ознакомиться с теми листами рукописи, в которых покойный С. Н. Свербеев касается отправки телеграмм.

В этом отношении интересно то, что он писал в Афинах, 15/28 августа 1920 г.

„Aprés avoir noté tout ce qui précède j'ai été dans le cas def euilleter des documents diplomatiques du Cabt. de Berlin édités par K. Kautsky et j'y ai trouvé deux pièces (un télégramme de Mr. Bethmann-Hollweg au Cte. de Pourtalès, — je ne me souviens pas de la date — et une dépêche du ministre de Bavière à son gouvt. du 31. Juillet) où l'on me reproche d'avoir, si ce n'est contribué, au moins accéleré l'explosion de la guerre par le fait que j'ai soit disant mandé à St. Petersbourg sans l'avoir vérifié au préalable la fausse nouvelle de la mobilisation allemande. Quant au démenti dont j'ai fait suivre mon télégramme, il n'aurait pas été au dire du Cabt. de Berlin *„suffisant"*, étant donné que je ne me serais pas décidé *„d'avouer* franchement ma faute". —

Or voici l'exposé et exact de ce qui était arrivé:

Ainsi que je l'ai déjà dit plus haut, le „Lokal-Anzeiger" (organ officieux du Gouvt.) avait lancé jeudi le 16./29. Juillet pour un „Extrablatt" la nouvelle que l'Allemagne mobilisait. J'en ai été informé par téléphone par le representant de l'agence de Pbg. à 2 h. 25 m. de l'après midi (je me rappelle exactement de l'heure). A peine avais je eu le temps d'expédier mon télégramme, le même agent me téléphonait que la rédaction du „Lokal-Anzeiger" démentissait la nouvelle qu'elle avait fait paraître en donnant à l'erreur qui s'était produite l'explication peu vraisemblable, que j'ai déjà citée au courant de mon récit.*)

Séance tenante j'expédiai un second télégramme à Mr. Sasonow en le priant de considérer le premier „comme nul et non avenu."

Un quart d'heure plus tard au plus (il était 2 h. 40) le conseiller de l'Ambassade Mr. Bronewsky venait me communiquer qu'en m'offrant ses ex-

*) Vaut la Redaction du journal que le secrétaire d'Etat m'avait expliqué cette erreur de la manière suivante: Mercredi le 15./28. Juillet eut lieu à Potsdam un conseil de guerre et l'on s'était attendu que la mobilisation y serait declarée. Le „Lokal-Anzeiger" aurait donc préparé les feuilles destinées à donner la nouvelle à la population — feuilles qui auraient été lancées dans la rue par les garçons de bureau (?!).

cuses le secretaire d'Etat l'avait prié par téléphone de me faire part que la nouvelle de la mobilisation était fausse et que toutes les feuilles (Extrablätter) qui avaient été preparées par la Redaction „pour toute eventualité“ et mises en circulation à 1 h. de l'après midi étaient déjà confisquées.

Sans perdre un instant j'expédiai un troisième télégramme rédigé dans le sens de la communication du secrétaire d'Etat. Par conséquant tous mes trois télégrammes avaient été expédiés et j'avais tout lieu d'espérer qu'ils parviendraient à leur destination l'un après l'autre à courts intervalles.

En arrivant à St. Pbg. j'apprenais, — qu'il en avait été autrement: le premier avait été reçu vers 4 h. de l'après midi tandis que les deux autres avaient sensiblement tardés. Le démenti officiel n'avait atteint son adresse que vers les 9 h. du soir.

Quelle a été la raison de ce retard—je l'ignore. Je me suis laissé dire par des personnes compétentes qui avaient été mêlées à Berlin aux évènements qui avaient précédés la guerre qu'ayant interêt à ce que le démenti susindiqué ne fût pas connu trop tôt à St. Pbg., le Gouvt. Allemand aurait retenu mes deux derniers télégrammes. Ne pouvant toutefois me porter garant de l'authenticité de ce renseignement j'ai tenu simplement à donner les détails exacts de l'incident qui m'a valu les reproches immérités du Cabt. de Berlin.“ —

* * *

Следующий доклад мой должен был состояться в субботу 19 июля (1 августа); но мне передано было из Петергофа, что Государь примет военного министра с докладом 20 июля/2 августа, в Петербурге, после Высочайшего выхода, в Зимнем дворце.

В воскресение выход состоялся. Император Николай II, после молебствия, обратился с прочувствованною речью к собравшимся представителям армии. Более четырех тысяч человек приветствовало царское слово с большим энтузиазмом. Когда после того я был принят с докладом, Его Величество очень ласково меня принял, поблагодарил за тот блестящий порядок, в котором прошли все распоряжения по мобилизации, и обнял меня даже.

* * *

При всем желании Государя нашего, — войны избежать не удалось, — и так как он решил сам стать во главе действующей армии, то, в виду предстоящего от'езда на фронт, состоялось заседание совета министров, под председательством самого Государя в Петергофе, на так называемой «Ферме». — В сущности это был небольшой павильон в парке, всего одна зала с небольшими пристройками примитивного фасона и незатейливой меблировкой.

Посреди зала находился стол настолько большого размера, что вокруг него могло поместиться до 20—25 человек. Вся мебель чуть-ли не Екатерининских времен. На стенах висели старинные-же гравюры, с изображениями охот, древних замков и портретами XVII столетия в напудренных париках, жабо, с отложными, широкими, кружевными воротниками . . .

На эту ферму Государь пришел пешком, совершенно один и без оружия.

В настоящее время, на расстоянии девяти лет с того дня, когда решался вопрос большого исторического значения, а именно: станет-ли Государь во главе действующей армии, — имеются уже данные, дающие возможность в этом разобраться. Я не могу винить Государя в том, что он не проявил силы воли и от своего решения, на основании которого я направлял все подготовительные работы к походу, отказался в совещании министров. — Перед престолом Всевышнего дает теперь ответ наш бедный царь. Лягание-же поверженного льва — спорт, к которому у меня расположения никогда не было.

Но интересно выяснить, насколько я виноват в том, что настойчиво, энергично не пошел против всех остальных членов совещания и категорически не заявил, что Государь не должен менять своего решения выступить в поход вместе со своими войсками.

Обстановка заседания была такова, что правее Государя сидел председатель совета министров Горемыкин, а левее Его Величества — военный министр.

После заявления Государя о том, что, предполагая стать во главе армии, выступающей в поход, он желал-бы дать совету министров некоторые полномочия для окончательного решения дел в его отсутствии, во избежание всяких проволочек и задержек с бюрократической точки зрения. Его Величество предложил Горемыкину высказать свое мнение.

Старик «премьер министр», чуть-ли не со слезами на глазах, просил Государя не покидать столицу, в виду политических условий, создавшихся в стране, и той опасности, которая угрожает государству — отсутствие главы его из столицы, в критическое для России время. Речь эта была трогательна и видимо произвела на Государя большое впечатление.

К ней горячо присоединился министр земледелия и государственных имуществ Кривошеин, — энергично высказавшийся за то, чтобы Государь оставался в центре всей административно-государственной машины; излагал свои доводы он с таким пафосом, что видимо его речь производила на Государя тоже сильное впечатление.

Затем министр юстиции Щегловитов, опытный профессор, в своих спокойных доводах, основанных на исторических данных, сославшись на Петра Великого и обстановку прутского похода того времени, — увлек всех нас своим убежденным докладом о том, почему Государю необходимо оставаться у кормила правления.

После него решительно все остальные члены заседания высказались в том-же смысле и очередь дошла до меня.

Обращаясь в мою сторону, Его Величество сказал: — «Посмотрим, что на это скажет наш военный министр?»

— «Как военный министр», доложил я на это, «скажу, конечно, что армия счастлива будет видеть верховного своего вождя в ее рядах, тем более, что я давно знаю это непреклонное желание и Его Величества; в этом смысле формируется штаб и составляется положение о полевом управлении. Но я, как член совета, — сейчас остаюсь в одиночестве и такое единодушное мнение моих товарищей не дает мне нравственного права итти одному против всех.»

— «Значит и военный министр против меня», — заключил Государь и на от'езде в армию больше не настаивал.

В настоящую минуту, когда выяснилось уже многое из того, чего я не знал в то время, не может быть никакого сомнения, что самый энергичный мой протест остался-бы без последствий. Конечно, теперь, в настоящем моем положении, если-бы я вздумал возражать всем тем, кто осуждал меня, я мог-бы спросить их: «Почему вы, господа, допустили, чтобы русская армия очутилась в руках Николая Николаевича?» В этом я виноват совместно со многими другими; но личная моя вина умаляется той обстановкой, которая создалась для меня при дворе и в Государственной Думе, а также во всей стране, в которой возлагали надежду на энергию и талант великого князя, не зная его свойств по существу...... Но я в то время имел возможность в весьма серьезной и определенной форме доложить Государю те внутренние причины, которые руководили моим поведением.

Вскоре я поехал в Петергоф с очередным докладом и, когда вошел в кабинет Государя, то он встретил меня словами:

— «И вы пошли против меня, — так я теперь назначаю Вас верховным главнокомандующим».

Я никак не ожидал ничего подобного, а потому и просил разрешения вопрос этот обдумать вслух при Его Величестве. Прежде всего, какое это произведет впечатление на общественное мнение? Повторяется старая история, как генерал Куропаткин, пользуясь тем, что он докладчик, — сам напросился, и пойдет все, как и в японскую войну.

В решениях организационных вопросов я проводил принцип устойчивых назначений, чтобы с выступлением в поход не приходилось перемещать начальствующих, не расстраивать установившегося порядка и не прибегать к импровизациям, в которых люди, не зная друг друга, не работая совместно в мирное время, — не могут работать успешно в походе. А когда дело коснулось меня, то военный министр изменил этому своему взгляду и покинув свой пост, погнался за полководческими лаврами. Но самое главное не только лично для меня, но главным образом для успеха дела, — это какое положение, при этом, будет великого князя Николая Николаевича?

Государь, промолчав на предыдущие вопросы, на это ответил: «Он будет командовать шестой армией».

— «Т. е. охранять резиденцию Вашего Величества», добавил я, — и затем не стесняясь, уже совершенно откровенно, высказал все, что я предвижу в таком случае, а именно: нескончаемые интриги и палки в колеса; он не выносил меня на посту военного министра, как это хорошо известно самому Государю, а в роли моего подчиненного и вместе с тем в непосредственном пребывании с Государем, создастся положение, невозможное для меня, а главное, будет страдать дело такой исключительной важности.

Сознавая, что я прав, Государь, не возражая на это по существу, — сказал только, что Николай Николаевич не возьмет на себя верховное главнокомандование. На каком основании полагал так Государь, я не знаю, потому что мои сведения были таковы, что великий князь не сомневается в этом назначении и ждет предложения.

Подумав немного, Его Величество решил затем, что, так как великий князь живет рядом, в Знаменке, то он поедет к нему сам и выяснит, как быть. Я-же с своей стороны доложил, что если Николай Николаевич

откажется и Государю угодно, чтобы я принял командование, — то прошу распорядиться мною, как это угодно будет Его Величеству.

Как я предполагал, так и оказалось; Государь затем сам убедился, что великий князь действительно встретил предложение совершенно к этому подготовленным, и в мыслях не допускал, чтобы кто-либо другой мог бы быть назначен, а не он.

В роли верховного главнокомандующего, при комбинации таких характеров, как у Государя и Николая Николаевича, положение мое было-бы тяжелое. Я просил только Его Величество, чтобы он настоял на принятии великим князем полевого штаба в том составе, как он приготовлен был в предвидении командования действующей армией самим Государем.

Это было необходимо потому, что в противном случае он составился бы исключительно из чинов штаба Петербургского военного округа, который предназначался для формирования штаба шестой армии.

Государь так и сделал.

Глава XXIX

Дополнение к возникновению войны

Поиски виноватого. Я лично громоотвод. Генерал Добророльский о моей роли в июле 1914 г. Роль великого князя Николая Николаевича. Сазонов орган Извольского. Янушкевич марионетка обоих. Статья в «Биржевых Ведомостях». Холодный душ. Граф Пурталес. Его разговор с графом Фредериксом. Его прощание с Сазоновым. Палеолог. Друг Распутина. Апокрифический разговор Палеолога с Государем. Опровержение не имевшего места его разговора с Пурталесом. Его мнение обо мне. Бьюкенен просит командировать русский корпус в Лондон.

Я принадлежу к числу тех лиц, которым приписывают деятельное участие в возникновении всемирной войны. Недовольному общественному мнению Европы я казался особенно подходящим громоотводом. То, что произошло со мной, становится особенно сложным и даже пикантным, благодаря тому, что в одно и тоже время меня обвиняют в подстрекательстве к войне и в том, что я планомерно препятствовал благоприятному исходу дипломатических осложнений, — а с другой стороны — что как военный министр, я не только не исполнил свой долг, но действовал в пользу наших врагов. В этой главе я постараюсь изложить специально мое положение при самом возникновении войны, — мою роль как «подстрекателя», — и не для самообеления, а исключительно, чтобы дать историческому исследованию возможно правдивый материал при изучении исторических фактов, предшествовавших этой ужасной всемирной катастрофе.

В последние годы я имел поневоле достаточно свободного времени, чтобы выяснить себе всю обстановку, и сожалею, что полное отсутствие средств и потеря моей библиотеки не дали мне возможности собрать все то, что было написано о возникновении войны и о моей в этом роли. Чисто фактический материал возникновения войны изложен мною вполне об'ективно в предыдущей главе.

В одной статье, посвященной июльским дням 1914 г., генерал Добророльский между прочим описывает, как ему пришлось раз'езжать, чтобы получить подписи для приказа о мобилизации. Он говорит, что будто-бы отчетливо припоминает это посещение, и что в злополучные тяжелые дни

эти ему казалось, что по личной своей инициативе, я устранился от участия в решении вопроса о возможности возникновения войны. Ему казалось, что я был-бы счастлив при этом, чтобы статью в «Биржевых Ведомостях» о том, что «мы готовы», — никто-бы не вспомнил; что я держался в стороне и всем делом конфликта дирижировал Янушкевич.

Генерал Добророльский рассуждает совершенно правильно, в эти дни я действительно проявил «сдержанность», которая моим подчиненным должна была показаться странной, — в виду той настойчивости и интенсивности в работе, которую они привыкли видеть всегда с моей стороны. Янушкевич в эти роковые дни был тем лицом, через руки которого открыто проходили распоряжения, касающиеся армии. Его роль однако была фальшивой и незавидной. Он был на привязи у Николая Николаевича и за кулисами — сам великий князь, — а может быть и обе черногорки, державшие поводки в своих руках. Этой роли на себя взять я не мог уже потому, что по состоянию работ по преобразованию армии в 1914 г. должен был желать сохранения мира, — конечно не ценою унижения России.

Каким путем можно было избежать этого унижения, как не дипломат, имея возможность поверхностно лишь судить о политической обстановке, — указать я не мог.

Потому-то и был сдержан и не присоединялся к ликованию младших товарищей.

После того, как я не только инстинктивно сознавал, но и ясно видел по действиям дипломатии, что никакая сила не в состоянии направить ход исторических событий на другой путь, — у меня явилась лишь единственная забота: возможно быстрое пополнение технического снаряжения армии, — о недостаточности которого в последний раз я заявил в совете министров 28 июля. Передо мною, как военным министром, в июле 1914 г. была на лицо еще та действительность, — с которою я впервые познакомился в 1909 г., а затем при всяком удобном случае указывал и больше всего опасался, — что мы именно при возникновении войны будем отрезаны Германией от нашей союзницы Франции, — и никакого военного материала оттуда никоим образом не получим, — в то время как наша собственная индустрия, — благодаря промышленной политике нашего министра финансов Коковцова, — не была в состоянии снабжать нас даже тем минимальным количеством боевого материала и снаряжения, который мы знали, что нам будет нужен и без опыта всемирной войны.

Дальше я коснусь об этом подробнее. К этому затруднению присоединялось и поведение Государя в том направлении, которое подметил Добророльский: царь видел в военном министре лишь техника, который должен был изготовить орудие для войны, — выбор времени применения и употребления которого оставалось за ним. Тогда-же, между 24 и 30 июля единственно за высшей политикой оставалось решающее слово.

Это было совершенно ясно из того решения, которое было принято на совещании 25 июля.

Сазонову — дипломату, а не военному министру дано было полномочие выбора вида мобилизации (частичной или общей) в зависимости от обстоятельств, хотя и с доклада Государю.

Подобным хитро обдуманным распорядком, по всем вероятностям са-

мим царем не измышленным, — об'ясняется моя казавшаяся незаинтересованность в том, что происходило; и как не играющий никакой решающей роли, я был поэтому аннулирован.

Кто когда нибудь займется выяснением закулисной истории возникновения войны, должен будет обратить особенное внимание на дни пребывания Пуанкарэ в Петербурге, — а также и последующее время, приблизительно от 24-го по 28-го июля. Я твердо уверен, что за это время состоялось решение войны или мира, причем великий князь Николай Николаевич, Сазонов и Пуанкарэ сговорились во что бы то ни стало парализовать всякую попытку мирного исхода.

Во время и после посещения президента Пуанкарэ, я был изолирован от царя до 2-го августа, когда военный аппарат уже был пущен в ход дипломатией и остановить который можно было только нарушением данного союзникам слова. В течение всех этих дней повидимому приняты были меры, чтобы я глаз на глаз с Государем не виделся, и систематично препятствовали ознакомлению моему с политической обстановкой данного времени. Сазонов и великий князь, до от'езда французского президента действовали за кулисами, после-же совещания 25-го июля, опираясь на принятые тогда решения и данный министру иностранных дел мандат, они действовали без всякого контакта с военным министром. Великий князь прежде всего взялся настроить Государя воинственно и поддерживать его в этом настроении. Сазонов действовал согласно директивам, которые он получал через Извольского, — причем, как это видно из подтасовки берлинской телеграммы Свербеева, в обстановке, дававшей еще возможность миролюбивого исхода. Сазонов при этом далеко не был руководящим лицом. Занимаемому им положению министра иностранных дел, он был обязан прежде всего родственным связям и единомыслию в восточной политике с Извольским, великим князем Николаем Николаевичем и обеими черногорскими княгинями.

Не обладая серьезным опытом на дипломатическом поприще, Сазонов, хотя образованный, умный и выше среднего уровня человек, — все-же находился в руках таких сотрудников, как граф Татищев, которые обладали значительно большим опытом.

В заседаниях совета министров Сазонов горячо отстаивал вносимые его ведомством представления; в обсуждении-же вопросов других ведомств обыкновенно участия не принимал.

С министром иностранных дел у меня никогда никаких недоразумений не было. Наши строго корректные сношения ограничивались исключительно отношениями, проистекавшими из нашего служебного положения.

Характер-же служебных наших сношений отражался и на частных. У нас не было никаких прочных точек соприкосновения, так как для дипломатии у меня не имелось никакого избытка чувств, да и Сазонов военными вопросами не интересовался. Его дессантные планы на Босфоре свидетельствовали, как мало понимал он в военном деле.

Янушкевич, потворствующее доверенное лицо великого князя, действовал только по директивам этого последнего. В каком об'еме это происходило в то время, — проверить этого я не мог. Поэтому и не знал о том, что подчиненный мне генерал бывал ежедневно у Государя и за моей спиной делал доклады, — в то время, как я полагал установленным,

что начальник генерального штаба мог быть допущен к докладу лишь в присутствии военного министра. Повидимому однако уже с 25 июля царь чувствовал себя в роли верховного главнокомандующего, — и поэтому, совершенно в духе упомянутого раньше разговора с Куропаткиным, — полагал нужным иметь дело непосредственно с намеченным им начальником полевого штаба, помимо военного министра и не обижая этим последнего. Об этом непосредственном докладе у царя узнал я лишь значительно позднее после войны, — из «Livre rouge» (47), где совершенно определенно приводится, что Янушкевич ежедневно видел Государя, уже воистину: за моей спиной! Этим моим неведением об'ясняется и то обстоятельство, что после возникновения войны мое отношение к Янушкевичу могло остаться не только корректным, но даже и дружеским; наша с ним переписка в течении войны свидетельствует явно, — как тесно связывала нас общая работа и до какой степени с моей стороны доходило доверие в нашем созидательном труде.

Великий князь, точно так как и Сазонов, — знали, что у меня на лицо были основательные аргументы для отстаивания сохранения мира в то лето 1914 г. Они поэтому старались всеми способами, чтобы я в соответствующую минуту их не пред'явил. Им это прекрасно и удалось! Роль, которую Янушкевич играл в ночь с 29 на 30 июля до сих пор мне была не ясна. Теперь я убежден вполне, что в сверхсогласии — с великим князем, если не по прямому указанию последнего, — он не дал Государю ни малейшей надежды на возможность сохранения мира.

Казалось, что при помощи западно-европейских держав, Германия очутится под неминуемым смертельным ударом.

* * *

Добророльский ошибается, предполагая, что моя сдержанность в критические дни имела какую-либо связь с «кричащею» статьею в «Биржевых Ведомостях», — я полагаю, что в то время я ни единой секундой о ней не думал.

Сейчас, девять лет спустя, заявляю, что статью «Россия готова», — в условиях марта месяца 1914 г., — я совершенно в таком-же виде ее одобрил-бы для опубликования. В чем-же дело?

Перед тем, как наши отношения к Дунайской монархии начали обостряться, в иностранной печати стали появляться статьи, задевавшие русскую армию. В особенности «Kölnische Zeitung» выделялась в этом отношении. После одного из таких оскорбительных выступлений, запротестовала наша пресса.

От редакции московской газеты «Русское Слово» ко мне явился сотрудник этого органа Ржевский. Ему поручено было просить разрешение ответить на явный вызов, ничем не оправдываемый.

Без ведома Государя разрешения дать я не считал возможным — и на ближайшем докладе Его Величество не только из'явил согласие, но и сказал:

— «Я знаю об этих нападках по докладам министра иностранных дел. Меня это возмущает. Надо, конечно, ответить не официально и без задора. Наши шовинисты, под предлогом патриотизма, только вредят своей государственной власти».

Затем Государь высказался в том смысле, что заграницей нашу армию считают очевидно еще совсем не боеспособною и поэтому не находят нужным вообще с Россией церемониться.

Ржевскому решение Государя я передал и потребовал пред'явление мне проекта той статьи, которую предполагают напечатать. Исключив все резкие и неуместные выражения, предполагаемая статья была мною представлена Государю и одобрена им.

Статью, в сокращенном виде, московская газета печатать не захотела, и Ржевский передал ее в редакцию «Биржевых Ведомостей». Там ее приняли, и мой знакомый, соредактор этой газеты, В. А. Бонди, приехал ко мне и просил разрешение сократить и смягчить еще статью.

Так и сделали, причем статья появилась под заглавием «Мы готовы». Германский посол в Петербурге граф Пурталес назвал ее «фанфаранадой». Я думаю, что она заслуживала более приличного наименования, в силу того благого намерения, с которым была напечатана. По всей вероятности, под влиянием докладов министра иностранных дел, Государь находил, что во время показанный кулак может предотвратить драку. Все дело здесь заключалось в жесте, в легком «холодном душе», сказал-бы князь Бисмарк, чтобы отрезвить алармистов по ту сторону границы.

* * *

Из числа находившихся в Петербурге дипломатов в критические дни германский посол граф Пурталес особенно заботился о том, чтобы предотвратить возникновение войны. Когда-же все труды оказались тщетными, он присоединился к тем, которые лично меня делали ответственным в том, что война вспыхнула. В своей брошюре сообщает он удивительные вещи по поводу разговора, который у него был с графом Фредериксом. Он пишет, — что выслушав графа Пурталеса о готовящейся катастрофе, чуть не со слезами на глазах министр двора обещал все, что от него зависит, и будто-бы при этом добавил, что «военный министр Сухомлинов, внутренних дел — Маклаков, настояли на мобилизации, — первый из опасения быть захваченным сюрпризами, а второй из-за внутреннего, угрожающего положения России».

Давнишнее мое знакомство и совместная служба с таким благороднейшим человеком, как граф Фредерикс, мои не только личные отношения, но и служебные,—товарищеские,—были таковы, что я считаю себя в праве заявить, что не мог говорить ничего подобного граф Фредерикс германскому послу, будь это даже правда; — кто не знает каким тактом и выдержкой отличался наш министр Двора? А для официального разговора в ту минуту, когда разрыв уже был вне сомнения, — тема совершенно неправдоподобная.

Да и само по себе выражение «опасение сюрпризов», которые можно предотвратить мобилизацией, — нелепость, которую министр Двора не мог сказать.

Что касается министра внутренних дел, то я от него тоже о таком внутреннем угрожающем положении не слыхал и не допускаю, чтобы Маклаков «на ушко» кому нибудь говорил о том, чего в действительности не было.

Граф Пурталес сам говорит неоднократно о спокойствии, не упоминая о волнениях в стране.

Об этих последних у меня с Маклаковым был разговор, совершенно не сходный с тем, что приводит граф Пурталес. По опыту японской войны 1905 года можно было ожидать повторения беспорядков и по окончании новой войны, если-бы таковая вспыхнула, да еще окончилась для нас неблагоприятно.

Описывая затем прощание, граф Пурталес приводит будто-бы сказанное министром иностранных дел следующее: «что мог я, как министр иностранных дел, сделать, раз военный министр Государю докладывает, что мобилизация необходима».

Категорически заявляю, что этого не было и быть не могло, — во-первых потому, что нужна или не нужна мобилизация — вопрос чисто дипломатический, — дело компетенции не военного министра, а того, кто ведает иностранной политикой.

Вероятно графу Пурталесу известна также, кроме того, та черта характера императора Николая II, что он органически не переносил вмешательства министров в дела чужого ведомства.

Точно такую-же басню о моей роли, в должности военного министра, рассказывает теперь графиня Клейнмихель в своих мемуарах.

Вне всякого сомнения, что граф Фредерикс ничего подобного ей говорить не мог; на такой салонный разговор он способен не был. Легковерная публика в Петербурге верила, что графиня Клейнмихель была агентом императора Вильгельма II. Об этом со всех сторон слышал, конечно, граф Фредерикс.

Поэтому, при своей корректности, в отношении этой великосветской дамы, был очень осторожен.

* * *

Что касается французского посла, то в Петербурге Палеолог не был достойным представителем своей страны, ибо предпочитал серьезному делу пустую болтовню, сплетни и не побрезгал даже знакомством с Григорием Распутиным.

В своих воспоминаниях о пребывании у нас Палеолог рассказывает разные небылицы.

Кто хотя мало мальски имеет понятие о характере, манере говорить императора Николая II, тот не поверит ни одному слову Палеолога после того, в каком виде он изобразил якобы интимную с ним беседу царя 21 ноября 1914 г.

— «Вот, как я приблизительно представляю себе, говорит император Николай, результаты, которые Россия в праве ожидать от войны и без которых мой народ не понял бы тех жертв, которые я заставил его принести. В Восточной Пруссии Германия должна будет согласиться на исправление границы. Мой генеральный штаб (?) хотел-бы, чтобы это исправление доходило до устьев Вислы; мне это кажется чрезмерным; я выясню еще».

Сочинять так храбро — можно только на покойника, но не надо забывать, что могут быть еще живые свидетели, которые за умершего заступятся и поклепы обнаружат.

Сфабрикованы у Палеолога его политические фантазии, под видом дружеской беседы с французским послом Государя, якобы «питавшего большие личные симпатии и доверие» к нему. («Общее Дело». № 256. 1921 года).

Таких выражений, как «мой народ не понял» и «мой генеральный штаб хотел», — не свойственны были образу речи Государя. Об «устьях Вислы» г. Палеолог сообщил мне новость, — на которую я могу ему сказать, что это чистейшая его выдумка, ибо император Николай ему этого говорить не мог, раз подобный вопрос «в моем генеральном штабе» не возбуждался. Приписка к этой фантазии: «я выясню еще», сорвалась с пера Палеолога, когда он почувствовал сам, что зарапортовался, заведя Государя в чужой огород, так как это вопросы ведения министерства иностранных дел, а не военного.

Далее у Палеолога еще лучше, чего ему Николай II, конечно, говорить не мог:

«Познань и, может быть, часть Силезии будут необходимы для восстановления Польши. Галиция и северная часть Буковины позволят России достигнуть ее естественной границы — Карпат... В Малой Азии мне, конечно, придется заняться армиями. Я, правда, не смогу вернуть их под турецкое иго. Должен-ли я присоединить Армению? Я присоединю ее только в случае категорического желания армян. Иначе я предоставлю им автономный режим. Наконец, я должен буду обеспечить своей империи свободный проход в проливах».

По неискусной подделке этой ясно, что Палеолог совсем не знает Николая II и влагает в его уста всякий тенденциозный политический вздор столичных политиканов.

Это не материал для серьезного исторического исследования, — а лишь записки для легкого чтения, при чем наивным и легковерным людям он может понравиться, особенно на красивом, благозвучном французском языке.

В этом отношении уже последовало опровержение и графа Пурталеса, который заявил в печати, что разговор, будто-бы имевший место между ним и французским послом, в приемной г. Сазонова 28 июля, — целиком вымышлен, что никаких бесед он с Палеологом не вел.

Что касается рассказа г. Палеолога о событиях 30 июля, то он не только не вносит никаких новых достоверных сведений, но, напротив, страдает полной фантастичностью и путаницей.

При моем чисто шапочном знакомстве с г. Палеологом, у меня с ним тоже не было решительно никаких деловых разговоров. Поэтому ясно, что и про меня, в своих недостойных поклепах, он не только лжет, но и клевещет не стесняясь, — «как на покойника». У него, напр., я оказался «другом Распутина», — тогда, как в действительности я его совсем не знал.

Он меня, конечно, тоже не знает, изображая в виде «лукавого, у которого глаза все время настороже, под тяжелыми прищуренными веками»... повторяя, повидимому, сплетни с чужого голоса и не трудно догадаться — какого именно.

О достоинстве и степени достоверности записок г. Палеолога можно судить по следующему, напр., его сочинительству:

«генерал Сухомлинов давно стремился к посту верховного главно-

командующего и теперь в ярости от предпочтения, оказанного великому князю Николаю Николаевичу. И, к несчастию, это человек, способный мстить».

Интересно знать, как это я мог «давно стремиться» к посту, который Государь, — если-бы война возникла, оставил за собой, каковое повеление и входило в соображение при всех подготовительных работах с самого начала таковых.

При каких условиях Государь от этого отказался и как состоялось в действительности назначение великого князя, — я в своем месте излагаю подробно.

Кроме этих двух неудачных представителей великих держав, при петербургском дворе, был и третий — Бьюкенен, не признававший никаких других интересов, кроме английских.

Но и в этом, казалось-бы естественном побуждении, — британский сверхэгоизм сказался характерно, когда г. Бьюкенен явился ко мне в начале войны, с требованием об отправке корпуса русских войск в Лондон. Экспедицию эту, для охраны английской столицы, предполагалось направить через Архангельск, куда прибудет необходимый для сего английский флот.

От военного министра удовлетворение подобного оригинального требования совершенно не зависело, а в Ставке великого князя верховного главнокомандующего нашли, что Бьюкенен с ума сошел.

Николай Николаевич предложил собрать на Дону полк из стариков и этих бородачей казаков отправить в Лондон. От этого Бьюкенен, конечно, отказался, — ему желателен был целый корпус, на случай появления на цеппелинах германцев, которых опасались в Англии.

С подобными дипломатическими представителями в Петербурге, для предотвращения возможности возникновения всемирной войны, — проект графа Витте о тройственном союзе был, конечно, не осуществим.

Глава XXX

Великий князь Николай Николаевич и Ставка

Хорошее впечатление в России. Разгром германского посольства. Мои первые сношения с великим князем. Его деятельность, как инспектора кавалерии. Причины его враждебного отношения. Совет Государственной Обороны. Антидисциплинарные поступки великого князя. Его интриги среди генералитета. Положение Поливанова. Мелкие подарки. Личный доклад великого князя. Госпитальный городок под Петербургом. Гимнастерка — Хамелеон. Пропажа одного из планов обороны. Мое посещение Знаменки в 1914 г. Полевой штаб великого князя. Янушкевич. Счастливое начало войны. Германские удары. Стратегия великого князя. Мои поездки на фронт. Куропаткин просит о назначении. Устраненные генералы. Граф Фредерикс об устранении великого князя. Заискивание великого князя перед революцией. Его бегство.

Назначение великого князя верховным главнокомандующим произвело в Петербурге и Москве, а главным образом в самой армии, — то хорошее впечатление, которое я и ожидал.

В этом выборе был как-бы залог победы или так, по крайней мере, это казалось. Николая Николаевича считали человеком сильной воли, от которого ожидали, что он справится не только с генералами, но и с остальными великими князьями и что ему удастся устранить или по крайней мере парализовать придворные влияния на царя.

Война против Германии, — об Австро-Венгрии, к которой относились с пренебрежением, почти что не говорили, — была популярна, как в армии, среди чиновничества, интеллигенции, так и влиятельных промышленных кругов. Тем не менее, когда разразилась гроза, — в Петербурге сначала верить этому не хотели. Состояние скептической сдержанности сменилось сильным возбуждением. На улицах появились демонстрации с флагами и пением и в результате воинственного настроения был разгром германского посольства.

Петербург был переименован в Петроград, немецкий язык запрещен. Кто занимался подобным вздором, определить тогда я не мог; да и не до того мне было. Но было ясно, что за всем этим стояли люди, подстрекавшие к войне в газетах и находившиеся в тесных сншениях с

Сазоновым, редакцией «Нового Времени», черногорками и великим князем Николаем Николаевичем.

* * *

С великим князем я познакомился сравнительно поздно. Как слушателя дополнительного курса Военной Академии, — мельком видел его в официальной обстановке. Во время Балканской войны я встречался с ним в Ставке его отца.

Мы с ним виделись чаще, когда я был начальником офицерской кавалерийской школы, когда его отец, хорошо ко мне относившийся, — наблюдал из ложи за манежной ездой в школе; тогда изредка присутствовал и Николай Николаевич Младший. Тогда уже он придумывал придирки к кавалерийской школе; его придирки прекратились лишь тогда, когда он стал сам инспектором кавалерии и школа оказалась под его начальством.

Как инспектор кавалерии, Николай Николаевич, действительно, оказал большие услуги армии. Сам он был хороший и выносливый ездок. Благодаря тому, что он имел возможность обладать прекрасными лошадьми, его престиж хорошего ездока выростал еще больше; особенно красиво выделялась его высокая, стройная фигура на крупных чистокровных лошадях, на которых он большею частью ездил. Этот сильной воли человек, по натуре грубый, ни с чем и ни с кем не считавшийся, мог бы стать спасителем России, если-бы к его сильным сторонам присоединялась хоть капля понимания свойств своего народа и он был бы свободен от всех тех недостатков, которые являются следствием ограниченности ума, слабого образования и плохого воспитания: тщеславие, высокомерие, заносчивость, — все это обостренное необузданным честолюбием.

Лично ко мне недружелюбно стал относиться Николай Николаевич с тех пор, когда узнал о моей критике его проекта реформы армии, т. е. приблизительно с осени 1905 г. Его отношение ко мне затем постепенно превратилось в ненависть, когда он увидел, что моя борьба против Совета Государственной Обороны, которую я вел еще из Киева, получила подтверждение фактами, а вследствие этого и поддержку других командующих войсками. В августе 1908 г. штурман покидает корабль «Совета Государственной Обороны», предоставляя военному министру Редигеру чинить то, что напортил великий князь. Высочайшим рескриптом царь благодарит своего дядю за плодотворную деятельность. В конце сентября военный министр Редигер предпринимает последнюю попытку в совете министров — спасти этот апарат: омоложением! Членами Совета Государственной Обороны могли быть назначаемы лишь генералы из армии не старше 50 лет. Мой доклад Государю быстро положил конец всем этим экспериментам, и весь Совет Государственной Обороны улетучился. Благодаря моей деловой критике, великий князь, конечно, должен был чувствовать себя задетым лично, так как это были его-же распоряжения, которые я, в интересах армии, забраковал. Это затрагивало его особенно сильно вследствие того, что некоторые мои случайные резкие замечания, по поводу его дилетантизма, передавались ему его креатурами из числа моих сотрудников.

В области петербургской моей деятельности мне скоро пришлось заметить, что мой враг, хотя и высокопоставленный, но не высокого досто-

инства. Поэтому он и был вдвойне опасен, — мне приходилось быть постоянно на стороже против тех ловушек, которые он мне устраивал у Государя.

Назначение мое военным министром было для великого князя совершенно неожиданным; он и его штаб были настолько уверены, что эту должность займет его кандидат Николай Иудович Иванов, что последнего поздравляли с назначением и он их принимал в то самое время, когда царь свой выбор остановил на мне. Некоторые манеры обращения этого высокого лица могли-бы быть терпимы, если бы они чувствительно не затрагивали интересов службы и вследствие этого не получали антидисциплинарного характера.

Особенно невыносимым казалось великому князю и ниже его достоинства то, что в роли подчиненного военному министру ему, как главно командующему, приходилось докладывать мне. Он обходил этот вопрос военной субординации тем, что писал мне письма, как великий князь. Такие некорректности я ему не спускал, что задевало его высокомерие и он при первом удобном случае мстил мне какою нибудь мелочною, но открытою бестактностью. Так, напр., на царских смотрах Петербургского округа, когда я, как полагается, здоровался с войсками, великий князь мне не рапортовал, как это он обязан был делать, а наоборот, продолжал громко разговаривать со своей свитой, точно все, что происходило, его не касалось...

Казалось, что великий князь старался внести раздор в генералитет или-же он делал это бессознательно, натравливая одного на другого или ставя его в смешное положение в глазах других. Его ближайшие сотрудники не были застрахованы от такой его бестактности. Даже над Палицыным он подтрунивал, в присутствии его подчиненных, когда тот был начальником генерального штаба, несмотря на то, что Палицын в течение многих лет был его доверенным начальником штаба генерал-инспектора кавалерии и самим-же великим князем проведен был на руководящую должность начальника генерального штаба.

Того-же сорта был и его выпад в 1911 году против организованной мною военной игры командующих войсками. Он правильно сообщил, что я на этом с'езде желал ближе ознакомиться с руководителями различных округов, и узнать насколько они способны согласовать свою совместную работу. Ведь им предстояло в серьезное время действовать вместе, а не порознь — друг против друга. Кроме того мне необходимо было считаться с тем, что может создаться такое положение, что я вынужден буду сам командовать армией. Думать об этом высоком назначении я имел основание, благодаря моей военной карьере, в 1911 г. в особенности, — без подозрения в мании величия. Что Государь уже в 1903 г. отнесся сочувственно к моему назначению главнокомандующим и думал об этом, мне в то время и в голову не могло прийти, о чем я узнал лишь в 1923 г. из сообщения Куропаткина, который предлагал мне тогда всего лишь должность наказного атамана на Урале. Но великий князь знал намерение царя.

При том высоком положении, которым судьба его наделила, рядом со слабым племянником, — прямым долгом великого князя было добиваться всего того, что могло быть полезным для образования, как генералов, так и меня лично. Но во мне он не видел слуги своего цар-

ственного племянника и солдата, — а лишь личного соперника и чтобы воспрепятствовать его повышению, он пожертвовал полностью всем.

Всюду и во всем, он так явно подчеркивал свою вражду ко мне, что не только в среде военных, но и все решительно это знали и считались с вероятностью моего увольнения. Поэтому и в иностранной печати неоднократно появлялись известия о моей отставке.

Последствия этой тактики не замедлили проявиться.

* * *

Чувствительнее всего такое отношение дало себя знать в самом военном министерстве. После увольнения Поливанова, приблизительно в 1913—14 г., временно мне удалось об'единить всех моих сотрудников и создать мощный аппарат, работа которого была направлена к одной великой цели и тем придала военному министерству ту силу, в которой нуждалась армия для соблюдения интересов страны. Успешный образ их действий привлек многих на мою сторону. Тем не менее было не мало слабохарактерных и самолюбивых людей, которые не могли отрешиться от ориентировки на великого князя. В этом отношении самым злокозненным оказался мой ближайший помощник Поливанов. Доходило до того, что он считал наилучшим для использования сложившейся обстановки, вопреки моим предначертаниям, в ущерб армии, оказывать любезности великому князю.

После моего возвращения из Амурского края, где я застал войска в землянках и получил повеление на постройку казарм и соответствующие на то кредиты, приблизительно в то-же время великий князь потребовал значительные средства на устройство водопровода и канализации в Красносельском лагере. Соответственно положению дела, генерал Поливанов доложил мне об этом требовании в смысле отказа. Но затем, доложив великому князю о решении военного министра, он тем не менее за моей спиной кредиты на это провел. Об этой его проделке я узнал лишь случайно — позже на одном параде, когда, после доклада великого князя, Государь благодарил Поливанова, стоявшего рядом со мной...

* * *

Особенное влияние на ход дела имело то обстоятельство, что великий князь обеспечил себе право личных докладов у царя по делам Петербургского военного округа, которым он в то время командовал. При слабом характере царя он имел возможность использовать это свое на него влияние.

Вот один из примеров: кто-то (кажется доктор Двукраев) надоумил великого князя перенести из Петрограда все военные лазареты в отдельный городок близ Пулкова. Не запросив меня по этому поводу, не сказав ни единого слова, он сумел добиться согласия на осуществление этого проекта — личным докладом у Государя.

Я получил соответствующее этому указание. При существовавших финансовых затруднениях, эта затея великого князя, не отвечавшая к тому-же интересам всего столичного гарнизона, на которую потребовалась бы затрата многих миллионов, — была по меньшей мере излишней.

По ходатайствам Петербургского военного округа, великий князь не терпел никаких отказов и получалось впечатление, что кроме Петер-

бургского для него никаких других округов не существовало. Когда мне приходилось отстаивать интересы других округов, великий князь считал это проявлением недоброжелательного к нему лично отношения. Все то, что являлось по моей инициативе, для великого князя не представляло никакого интереса; лишь однажды случайно я угодил ему. Во время маневров он высказался о необходимости сформирования самокатных команд.

Несколько дней до того я докладывал Государю о том, что предстоит снабжение армии самокатами, причем я собираюсь начать с Петербургского округа. По всей вероятности царь вспомнил о моем докладе, когда великий князь заговорил о самокатах; он посмотрел в мою сторону, улыбнулся свойственной ему очаровательной улыбкой глазами, которую знали только имевшие счастие часто видеть нашего доброго царя.

Анекдотом может показаться следующий опыт в Петербургском военном округе:

Великий князь очень сочувственно отнесся к проекту введения летних рубах защитного цвета для нижних чинов, с одной стороны зеленого, а с другой желтовато-песочного.

Идея такой двухсторонней «гимнастерки», как ее называли, — заключалась в том, чтобы как можно менее отличаться от местности, — по лугам двигаться зелеными, а по песчаному грунту желтоватыми.

Как великий князь представлял себе это переодевание под огнем — я не знаю, — но можно представить себе, как подняли-бы на смех в войсках подобный маскарад.

Я не поверил-бы, что инициатива исходила от великого князя, если-бы Государь не спросил меня однажды, слышал-ли я о таком проекте? На доклад мой, что даже видел «рубаху хамелеон» и нашел подобный маскарад досужей фантазией даже для маневров мирного времени, Его Величество выразился, что вполне разделяет мое мнение, но кто об этом довел до его сведения, ни словом не обмолвился.

* * *

При господствующих в Петербургском округе непорядках, не было недостатка в инцидентах и происшествиях, которые могли существенно отразиться на безопасности государства. При отсутствии сознания строгой ответственности развивалась безграничная беспечность и заслуживающие самого строгого наказания не подвергались взысканиям.

Как-то один из членов военного совета частным образом мне передал, что помощник великого князя, генерал Г. Газенкампф, потерял журналы главного крепостного комитета, по вопросам обороны Финского залива. Я отправился к генералу Протопопову, в то время тяжело больному, который мне подтвердил факт пропажи протокола. Он сообщил мне, что генерал Газенкампф повез этот документ на доклад великому князю Николаю Николаевичу, главнокомандующему петербургского округа, и не возвратил его. Оказалось, что сверток означенных журналов оставлен был генералом на извозчике, которого розыскать не удалось, несмотря на все принятые штабом округа и сыскной полицией меры.

И о таком чрезвычайной важности обстоятельстве, — я как военный министр не был даже поставлен в известность великим князем, хотя о подчиненности по службе командующих войсками в округах

военному министру, с которым они должны были сноситься рапортами, имелось указание в законе. Когда-же я доложил об этом Государю, то Его Величество мне сказал, что великий князь Николай Николаевич принял уже все меры к розыску.

* * *

Когда в августе 1914 года я посетил великого князя во дворце на Знаменке, по случаю его назначения верховным главнокомандующим, Его Императорское Высочество — как я уже говорил, — ни словом не обмолвился ни о планах и намерениях, что я считал естественным, ни о предстоящей впредь нашей совместной работе; ни единого вопроса о мобилизации, лишь обещанием ордена, он как-бы подтверждал, что получил от меня армию в полном порядке.

Потому и не удивительно, что после того, как установились отношения между Ставкой, императорской главной квартирой и военным министерством — мое положение оказалось незавидным. Со всеми требованиями и желаниями верховного главнокомандующего в мере возможности считались. Так, напр., Ставка сообщила министру двора список лиц, которые могли сопровождать Царя во время его поездок на фронт.

В этом списке не было именно военного министра! Потребовалось энергичное вмешательство графа Фредерикса, чтобы при поездках царя ему сопутствовал военный министр!

Таковы характерные черты человека, которому царь вручал русскую армию, считаясь с настроением Петербургского общества и, правда, не высказанным открыто желанием совещания 2-го августа, и который вместе с Францией, Бельгией, Англией, а затем и еще около дюжины «союзников» земного шара, собирался разгромить немцев!

* * *

Верховный главнокомандующий считал не без основания, что он хозяин положения, раз в его руках вооруженные силы.

В полевой штаб перешли почти все мои сотрудники и многие мои ученики. Это был блестящий штаб, цвет русского генерального штаба и достойная всей громадной армии Ставка!

Начальником полевого штаба был четвертый начальник генерального штаба моего времени управления ведомством, — Николай Николаевич Янушкевич, человек, с которым меня лично связывали отношения полнейшего доверия. Благодаря этим личным отношениям, связь между Ставкой и военным министром был заранее уже обеспечена и обширная переписка Янушкевича со мной с первых дней августа 1914 по май 1915 г. свидетельствует о большой интимности нашего обмена мысли. Таким образом, несмотря на взаимное недоверие, которым определялось отношение великого князя ко мне, — все-же в этом был залог для дружной совместной работы.

Я сам, конечно, все личное оставлял в стороне, дело касалось разгрома немцев.

Довольно рано, между тем, стало выясняться, что вредный червь точит дерево. Великий князь мог убедиться, что не трудно удачно

загребать жар чужими руками, но не всегда можно благополучно жить чужим умом.

* * *

Русская армия была мобилизована в небывалых еще громадных размерах и с неожиданной быстротой сосредоточена для наступления. Свою полную боеспособность она проявила именно в самом начале, когда могла действовать на базисе своей духовной подготовки мирного времени; ее падение началось с того времени, когда верховному главнокомандующему пришлось действовать самостоятельно.

Начало кампании сложилось для нас, после очень быстрого наступления, вполне благоприятно: — энергичное вторжение нашей северной армии в Восточную Пруссию, успешный отпор германского нападения на левом берегу Вислы — нашей армии центра.

Оттеснение армии генерала Данкля, продвинувшейся почти до Люблина, и занятие Галиции с юга наводили на мысль, что наступлением центра на Берлин с Вислы, — где сходятся главные железнодорожные линии из внутренних наших губерний, — Ново-Георгиевск—Варшава—Люблин, — при содействии армий юго-западного фронта, которые уже приближались к Кракову, успех был бы вероятен.

Австрийцы были отброшены за Карпаты. Занятием и укреплением проходов — левый фланг нашего юго-западного фронта был-бы обеспечен. Это давало возможность угрожать правому флангу германской оборонительной линии, — наступление на Силезию.

Армиям нашего северного фронта, обеспечивавшим правый фланг центра, не следовало углубляться в опасный плацдарм Восточной Пруссии, — подготовленный к упорной обороне. Противник вынужден был-бы и без этого очистить Восточную Пруссию нашим наступлением центра и угрозою низовьям Вислы, — а тогда северная армия могла-бы нажимать не спеша.

В комбинации этих трех задач логически и должен был развиваться дальнейший план наших операций.

Но тут сдал характер великого князя. Его нетерпение препятствовало ему дать созреть операциям. В необузданном стремлении ступить самому на вражескую почву и прослыть на родине героем, он не только решил вторжение северной армии в Восточную Пруссию, до соединения обеих южных армий, но он устремился и сам туда с главной квартирой, потеряв связь с остальными армиями, бесполезно перепутал транспорты и принес в жертву сотни тысяч, даже целые армейские корпуса — более подвижному и более систематично работающему противнику.

На южном фронте вынуждены были мы отступить от Кракова и полезли затем на Карпаты, понеся большие потери, вследствие чего наш центр был без всякой пользы парализован. Ново-Георгиевск, Варшава, Ивангород — сравнительно не большими силами были взяты немцами!

Эта стратегия завершилась общим поспешным отступлением вплоть до западной Двины.

* * *

Великий князь вел войну за свой собственный страх. Как для специалиста, военный министр был ему не нужен и в роли «чиновника постороннего ведомства» в его главной квартире человек лишний.

Уже после первых поездок Государь не настаивал на том, чтобы я его сопровождал. Зато верховный главнокомандующий предоставил мне право «по собственному усмотрению» ездить на фронт. Из этого мне стало ясно, что ему прежде всего нужно было оттереть меня от Государя.

Эти мои поездки «по собственному усмотрению» ограничивались тем, что я ездил туда, куда меня посылал Государь. Больше всего это касалось посещений заведений артиллерийского ведомства, т. е. подчиненных великому князю Сергею Михайловичу, — фабрик и заводов по изготовлению вооружения, снабжения, боевых припасов, — устранению на них возникавших забастовок и т. п.

Собственно главную квартиру мне однажды пришлось посетить по поводу письма Куропаткина.

Живший на покое у себя в имении Псковской губернии генерал Куропаткин писал мне о том, что солдатская душа его не дает ему покоя сидеть без дела. Поэтому просит доложить Государю о его желании поступить в ряды войск, в той роли, какую-бы ему ни предложили.

«Пойми, что мне нужна реабилитация, хотя-бы в роли батальонного командира», — писал он мне многократно. Но когда я докладывал об этом Государю, — то получал ответ:

— «Я ничего против этого не имею, но великий князь Николай Николаевич и слышать об этом не желает. Поезжайте в Ставку и попробуйте переговорить об этом с верховным главнокомандующим».

Когда мне пришлось быть в Барановичах, то я предварительно сказал об этом Янушкевичу, но он посоветовал мне не упоминать имени Куропаткина, чтобы не приводить Николая Николаевича в свирепое настроение.

Генералу Куропаткину удалось получить назначение в действующую армию, когда великий князь был смещен и уехал на Кавказ.

Каждый раз я чувствовал себя при появлении в Ставке тем красным сукном, которым раздражают быка, и в конце концов перестал появляться в резиденцию верховного главнокомандующего. Интересны были встречи мои, за это время, с Янушкевичем; с одной стороны, проглядывало сознание своего высокого положения, а с другой: «все-же ты военный министр и я знаю, как много ты для меня сделал». — И тем не менее продал за «чечевичную похлебку».

Таким образом великий князь стал неограниченным хозяином положения; в его руки переданы были все об'единенные вооруженные силы и вместе с тем, не только судьба всех командующих в полевой армии, — но, как затем оказалось, и участь военного министра. — В течение некоторого времени ко мне явилась целая компания отставленных генералов, таких «козлов отпущения», как Жилинский[1]), барон Зальца[2]), Кондратович[3]), Хан-Нахичеванский[4]), Архипов[5]), Балуев[6]) и др.

Мания величия великого князя доходило до того, что он стал вмеши-

---

[1]) Был главнокомандующим северо-западного фронта.

[2]) Бывший командующий войсками Казанского округа.

[3]) Командующий XXIII арм. корпусом.

[4]) Начальник 2-й кавал. дивизии.

[5]) Начальник дивизии.

[6]) Командующий VI арм. корпусом.

ваться в дела совета министров. После того, как в одном из заседаний ушли секретари, — Горемыкин прочитал нам письмо начальника штаба, в котором Янушкевич в непозволительной форме выражал неудовольствие Его Императорского Высочества по делам совета министров, в основании своем никакого отношения к полномочиям верховного главнокомандующего не имевшим. Несмотря на то, что это письмо вызвало справедливое возмущение всех министров и содержание его было доложено Государю, — из этого ничего не вышло. Но зато вскоре началось паломничество в Ставку лиц, никакой связи с задачами и обязанностями верховного командования не имевшими, но искавшими лишь предлога для поездки туда.

Николай Николаевич был ведь всесильным человеком!

* * *

Легко поддававшийся влиянию Николая Николаевича, своего дяди, Государь введен был многократно в заблуждение, и чаша терпения наконец переполнилась.

Но случилось то, что и великий князь не ожидал; — Государь его сменил и стал сам во главе действующей армии, о чем он так мечтал и настаивал, на тот случай, если-бы мы вынуждены были воевать.

Вот что мне говорил по этому поводу граф Фредерикс, когда это свершилось.

— «Когда мы под'езжали к Могилеву, я решился пойти к Государю и высказать те опасения, которые меня смущали в том отношении, что Его Величество не справится с тем делом, которое берет на себя, и советовал оставить великого князя Николая Николаевича при особе Его Величества. Таким образом у Государя, в трудных случаях, было-бы с кем посоветоваться. И я никогда не видел Государя таким, каким он отвечал мне на это, — его решительный, не допускающий возражения тон и вид поразили меня.

— Граф, — сказал мне Его Величество, — мы сейчас будем в Ставке, — я приглашу великого князя к обеду, а Вы пригласите к столу его свиту, как обыкновенно; а завтра утром мы проводим Николая Николаевича на Кавказ.

И ни слова больше, а наклонением головы он дал мне понять, что аудиэнция окончилась.»

* * *

Когда образовалось в 1917 г. революционное «Временное Правительство», то великий князь Николай Николаевич подарил потомству документ, обрисовавший его особу во весь рост.

Как главнокомандующий на Кавказе, он отправил следующую характерную телеграмму князю Львову, министру-председателю Временного Правительства:

«Сего числа я принял присягу на верность отечеству и новому государственному строю. Свой долг до конца выполню, как мне повелевает совесть и принятое обязательство.

Великий князь Николай Николаевич.»

Только что перед тем он телеграфировал Николаю II, «коленнопреклоненно», умоляя его отречься от престола.

После того, как он именно «выполнил свой долг» по отношению к Государю, — которому ведь тоже присягал вдвойне и как член императорской фамилии и как русский воин, — какую цену могло иметь подобное обещание по телеграфному проводу?

Члены Временного Правительства не могли кроме того не знать, что получило огласку в то время в столице о Николае II, — и новая власть просто отрешила его от должности «Главковерха».

Николай Николаевич ретировался тогда в Крым; — а когда и там стала ему угрожать участь, которая постигла большинство членов императорской фамилии, — то он бежал за пределы России.

Из всей царской фамилии один только Николай Николаевич своему царственному племяннику и стране мог-бы принести действительную пользу. Жизненного опыта у него было несравненно больше, нежели у царствующего Государя. Своими ограниченными духовными качествами, злым и высокомерным характером он напоминал временами своего предка, кровожадного Ивана Грозного, и в припадках гнева был на него даже очень похож. Лично далеко не храбрый человек, предпочитал работу за кулисами и становился, таким образом, безответственным перед общественным мнением.

Глава XXXI

Между боями

Первые дни мобилизации. Блестящая мобилизация. Наша Ахилесова пята — снабжение. Легкая паника с самого начала. Величко укрепляет Киев. Бездеятельность гражданских учреждений. Энергичная деятельность дворянства, земства и городов. Гучков на фронте. Утешительные просветы. Императрицы за работой. Деятельность моей жены. Петербургские сплетни. Неудачи в Восточной Пруссии. Мои ближайшие сотрудники. Расход боевого снабжения. Мои поездки с Государем. Изолирование царя. Моя критика Карпатской операции. Без руководительства. С Государем в Осовце. Сбились с пути под Белостоком. Моя частная жизнь. Екатерина Викторовна. Раб своей должности. Мой дом. Наталия Червинская. Князь Андроников. Андроников и министры. Его листок. Его изгнание. Его «гешефты» в Туркестане. Злоупотребление моей фотографией. Моя отставка. Письмо Государя. Вопрос престижа. Дома Романовых. Борьба в Думе. Поливанов мой преемник. Перемена квартиры. Последнее свидание с Царем. Мой издатель и друг Березовский. Литературные труды. Различные толки. Лишение свободы.

С возникновением войны я очутился между боями, в полном смысле этого слова: в действительности потому, что мировая война была все время в полном разгаре — и в переносном смысле — в виду той личной борьбы и того крушения, которое меня ожидало. В первые дни мобилизации от самого военного министра не требовалось лично особой интенсивной работы, это было скорее затишье перед бурею. Раз кнопка нажата, на довольно продолжительное время напряженная деятельность переходила в руки подведомственных штабов и подчиненных им лиц; редкие запросы поступали непосредственно в мобилизационные отделения и там-же разрешались; происходившие трения подлежали устранению местными инстанциями, — за исключением конечно тех случаев, когда округа целиком проявляли свою несостоятельность. Наша мобилизация прошла, как по маслу!

Это навсегда останется блестящей страницей в истории нашего генерального штаба, как-бы отрицательно об этом теперь ни отзывались.

С выступлением армии в поход, — все бросилось с нею и за нею. Штаб верховного главнокомандующего забирал всех, не считаясь с тем,

что некому будет работать на той базе в центре государства, где именно в наших условиях нужны были люди, а не людишки. Двух моих прекрасных сотрудников, особенно по мобилизации, бывших киевлян, я и не отпустил; — генералы Лукомский и Добророльский, вместо передовых позиций, остались у того невидимого механизма, без которого однако машина не действует. Работали они не за страх, а за совесть и не могу не помянуть их за это добром, ибо это тоже ведь был подвиг с их стороны.

На громадном протяжении русского государства, в двух местах только, в Сибири и еще где-то, произошли такие недоразумения, что пришлось доносить об этом мне; но и с этим удалось справиться на местах, причем оно на ходе мобилизации нисколько не отразилось. Со всех сторон меня поздравляли, — в Петербурге, в широких кругах никак не ожидали такой блестящей подготовки и вследствие этого настроение постепенно переходило в энтузиазм. Мне-же, несмотря на приподнятое настроение, которе временами и мной овладевало, не было легко на душе; сквозь этот видимый порядок, я видел безответственность великого князя и слабость нашей промышленности, неприспособленной для нужд военного времени. В первом случае я расчитывал на эгоизм верховного главнокомандующего, — во втором-же мне пришлось самому принять деятельное участие. В соответствии с этим я воспользовался первыми сравнительно спокойными днями, чтобы обеспечить пополнение запасами как у нас в собственной стране, так и от союзников; переговоры с представителями финансового ведомства, промышленниками, а также дипломатами, привели к заказам, которые начались с сентября 1914 года.

Рядом с моими собственными тяжкими заботами, проявлялись заботы и других: многие из тех старших офицеров, которые вследствие японской войны и по другим причинам покинули ряды армии, одолевали меня письмами и лично просьбами о поступлении на службу обратно. Среди этих ходатайств были и трогательные, — выраженцем сердечной боли просителя. Временное занятие Каменец-Подольска вызвало первую, правда незначительную, местную панику и многие из не особенно храбрых бежали, даже из Киева, в Москву и Петербург, а настроение народонаселения показало нам, какая паника ожидала нас, если-бы нашему противнику удалось где нибудь более широким фронтом проникнуть на русскую территорию. Надо было иметь в виду вопрос о возможной эвакуации многочисленного населения. Появление германского флота в водах Финского залива вызывало беспокойство и нарождало толки и сплетни, когда наконец пришло известие о первой значительной удаче в Восточной Пруссии, то оно обратило все внимание в стране на северо-западный фронт, положило конец всем ложным слухам и отвлекло внимание общественности от всех остальных фронтов, превратившихся временно во второстепенные театры военных действий.

Тем временем внутри развивалась созидательная работа: во всех государствах пришлось прибегнуть к импровизациям, но не везде, конечно, при одинаковых условиях, так напр., воздухоплавание, полевая почта.

Уже 11/24 августа получились серьезные известия опять с юго-западного фронта: генералы Жилинский и Зальца были уволены. Янушке-

вич писал мне, что мы обязательно должны победить австрийцев. Их ведь побили сербы и вдруг мы будем разбиты первыми...

Во многих случаях стали проявляться свойства русского воина, в особенности среди старших офицеров, пассивных и склонных более к обороне нежели наступлению, и мы с Янушкевичем должны были прибегать к допингу, чтобы поднять в них энергию и наступательный порыв. Беспокоил меня также инженерный генерал Величко, который после занятия противником Каменец-Подольска собирался наградить Киев укреплениями и его оборонительные планы могли нарушить все расчеты наступления. Как саперу, ему было все безразлично, пока он не накопается вдоволь в грунте. При всей храбрости офицеров и нижних чинов все-же обратило на себя внимание донесение Брусилова, что не имея возможности держаться против яростных атак немцев, он отдал приказ о переходе в наступление.

* * *

Как и следовало ожидать, в Петербурге все мероприятия, касающиеся военных действий, подвергались критике, и мне, то в совете министров, то в заседаниях Красного Креста, приходилось предостерегать от преждевременной критики, сплетен и всяких толков. Казалось, что междуведомственная рознь еще более обострилась сравнительно с тем, как это было до войны: министр внутренних дел высказывался против устройства станций беспроволочного телеграфа внутри страны и отказывался подготовить служебный состав для Восточной Пруссии и Галиции. Во всем давал себя чувствовать ужасно тонкий культурный слой наш, при недостатке образованного персонала. Всюду проявлялась поразительная медленность в решениях, — точно ведомства только сейчас начали пробуждаться от сна и лишь немногие лица и, притом, одни и теже проявляли интенсивную деятельность и побуждали к тому других.

Значительно деятельнее бюрократии были органы самоуправления дворянства, земства и городов; — но все их добрые начинания привели к совершенно обратным результатам, благодаря политическим тенденциям, внесенным в работу по оказанию помощи действующей армии анти-монархическими партиями или такими честолюбивыми карьеристами как Гучков и Родзянко.

Заявления моих приятелей из Государственной Думы не заставили себя долго ждать. 21 сентября мне телеграфировал уполномоченный Щепкин о Гучковских непорядках на фронте: он сообщил в Москву, что в тылу действующих армий все похоже на то, как оно было и в Харбине во время японской войны; повторявшиеся в комиссиях по военным делам Государственной Думы опасения оправдались вполне. Гучковский ход, понятно, как тогда, так и раньше, со всем его честолюбием направлен был к тому, чтобы собственно военный аппарат, — будь то сам военный министр или что либо иное — прибрать к своим рукам. Те группы русского общества, которые на войну не смотрели с внешней политической точки зрения, а лишь исключительно со своей партийно-политической целью, старались по мере сил использовать сообщения Гучкова.

У нас был свой собственный внутренний враг и прежде всего военному министру пришлось бороться с ним и притом с негодными сред-

ствами. Именно этим об'ясняется многое то, что потом и случилось: самый совершенный цензурный аппарат не может помочь, если во время войны правительственная политика не будет обоснована на единодушной народной воле. Мне вскоре было ясно, что на стороне царя не народная воля, а лишь тонкий слой чиновничества, офицерства и промышленников, в то время как политические партии готовили свою мерзкую похлебку на костре военного времени.

* * *

Некоторым утешением при моей нервной и тяжелой работе была энергичная деятельность, которую проявляли многие дамы для оказания помощи раненым, беженцам и облегчение положения нижних чинов на фронте отправкой подарков всевозможными социальными организациями. Во главе этих последних стояли императрицы, — Александра Федоровна и вдовствующая.

Точно так и моя жена взяла на себя устройство склада имени императрицы Александры Федоровны и со свойственной ей энергией вела это дело. Крупные промышленники принимали деятельное участие в этом деле: в том числе и нефтяной король Монташев и его друзья, князь Накашидзе, Габаев и многие другие, помогавшие не только деньгами и подарками, но также и личным участием в организации и ведении дела. Вскоре отделение Екатерины Викторовны стало одним из наилучше организованных и богатых.

Еще до Рождества Христова ей удалось составить поезда «прачешная-баня», которые доходили до последней этапной станции, там солдаты меняли белье, которое тут-же стиралось, и люди мылись в бане. В конце ноября 1914 года начался сбор средств на эти благотворительные учреждения и к Рождеству ей удалось отправить несколько поездов с подарками на фронт.

Более чем в ста письмах Янушкевича ко мне он благодарил «неутомимую благодетельницу армии». К сожалению, за эту ее деятельность ей отплатили черною неблагодарностью: императрица завидовала успеху работы моей жены и это в особенности потому, что Государь высказывал ей свое сочувствие к деятельности Екатерины Викторовны, — петербургское-же общество отплатило за ее старания — клеветой, что будто-бы она обогащается и за мой счет берет взятки . . .

Чувствительные удары, нанесенные нашей армии сперва на юго-западном фронте, затем в Восточной Пруссии под Ортельсбургом и Танненбергом, поражения, которые стоили нам сотни орудий, сотни тысяч снарядов и ружей, не говоря уже о пленных, вынудили меня нажать на штаб армии в смысле распоряжений о сборе боевого материала на полях сражений, в особенности оружия и патронов и на отправке в тыл всего того, что окажется непригодным для непосредственного употребления.

Неоднократно писал я Янушкевичу и просил его доложить великому князю о необходимости принятия мер к наибольшей бережливости в расходовании материалов боевого снабжения в войсках и на этапах.

* * *

Вскоре в моем ведомстве стал чувствительно ощущаться и недостаток личного персонала. В то время, что изгнанные великим князем генералы без всякого дела слонялись в главных городах и занимались критикой, а Ренненкампф при посредстве бюро известного Андронникова сфабрикованные сообщения о положении дел на фронте предавал гласности, — мне приходилось заполнять все новые и новые места и моих ближайших сотрудников понуждать к работе до самой крайности.

При возникновении войны начальником канцелярии военного министерства назначен был А. С. Лукомский, зять Драгомирова, которого я в Киеве знал в чине капитана и привык ценить. Одним из ближайших моих сотрудников по мобилизации был прямой, бравый и неутомимый полковник Добророльский, придававший оживленную деятельность мобилизационному отделению.

Во главе главного артиллерийского управления, этого хронически «болящего детища», официально стоял генерал Кузьмин-Караваев и за кулисами великий князь Сергей Михайлович, этот честолюбивый дилетант, с которым первый справиться не мог. Энергичная попытка, при помощи верховного главнокомандования, произвести перемену, потерпела крушение на своеобразной фамильной политике царя, после того что с большим трудом удалось другое высочество, принца Ольденбургского, прозванного Сумбур-пашей за его деятельность в армии, сделать безвредным, — назначением на Кавказ.

Ко всем этим внутренним заботам присоединилась еще самая тяжкая, дух захватывавшая, все более и более выясняющееся сознание, что в стратегическом отношении вооруженные силы наши применяются не правильно... наделали целый ряд крупных ошибок!

Ошеломленному народу внутри страны все поражения об'яснялись недостатком боевого снаряжения!... Сухомлинов!... или предательством в своих собственных рядах — Мясоедов!. Трудно все это в один прием описать... Неприятель в действительности был прекрасно осведомлен о том, что у нас происходило...

Вспоминая теперь, с какой наивностью доктор Лондон направлял в Петербург частные письма с приложением набросков обо всем и обо всех, где они бесконтрольно ходили из рук в руки, мне многое становится ясным.

Наше снабжение боевыми припасами было тоже не на высоте тех требований, которые пред'являла русской армии всемирная война.

Но наша армия в 1915 г. со своим недостатком снабжения находилась точно в таком-же положении, как и другие армии. В августе 1914 г. ни одна армия, выступавшая на войну со своими запасами боевого снабжения, — не была в силах покрыть неисчислимые обширные потребности войск. Русская армия была обеспечена всего лишь едва на 6 месяцев. Наступивший тогда в действительности расход снарядов превзошел однако все самые широкие предположения.

Недостаток снарядов не всегда однако правильно относился к отсутствию их вообще, а являлся очень часто следствием нераспорядительности полевого штаба и беспорядков в тыловой службе.

Член Государственной Думы Демидов, находившийся при XXI корпусе, чтобы ознакомиться с вопросами о снабжении боевыми припасами, проехал в тыл и от помощника управляющего Юго-западными и

Галицийскими дорогами, инженера Радавича, узнал, что число груженных снарядами вагонов никогда не падало ниже 400, на означенной рельсовой сети.

В отношении заявлений о недостатке снарядов, весьма показательно и то, что главная квартира генерала Рузского в Варшаве лишь от меня, сидевшего в Петербурге, должна была узнать, что определенное количество снарядов, которых им недоставало, изготовлялось в самой Варшаве-же.

Такое заключение подтверждается и полученным мною письмом из летучего, передового, хирургического отряда III-й армии, от 12-го марта 1915 года из Старого Загоржа в Карпатах. Автор, близко ознакомившийся с тем, что происходило по части снабжения в Тарнове, Ярославле, Львове, Жолкиеве, Замостье и др. местах ближайшего тыла действующей армии, пишет: «На Дунайце, под Краковым», свидетельствует он, «сдавались массы наших солдат, ибо не было хлеба, тогда как им были завалены станции. Я знаю, как гибнут лошади, им не дают сена и овса, как целые транспорты стоят днями без фуража и выручают доктора, говоря: «если бы у вас был фураж, у меня найдется коньяк»; фураж появлялся.

Ссылаются, что здесь в Карпатах слабо работает железная дорога. Правда, и домкраты не помогают, ибо, обладая способностью переделывать до 100 вагонов в день, переделывают по 3—5 в день. Нет вагонов для фуража и раненых, а корпусные интенданты переправляют в Россию хороших лошадей по 2 штуки в теплушке или просто крытом вагоне, этому я свидетель здесь в начале Карпат, на линии Ясло, Кровно, Санок, Самбар, Львов. Ведь чем дальше мы пойдем здесь вперед, тем меньше будет у нас вагонов, тем дальше базы фуража, хлеба, снарядов»...

И всякое снабжение отправлялось к армии в громадных размерах, а как и почему оно не доходило до войск, достаточно этих двух свидетельств, чтобы видеть, что генеральный штаб армии не сумел распорядиться и поставить у дела сведущих офицеров.

Как мало давала себе отчет в серьезности положения Ставка, несмотря на все тревожные телеграммы, которые посылались мне, видно из приводимых Янушкевичем справок по поводу сношений по этому вопросу с генералом Жоффром, из которых явствует, что «все меры для доставки снабжения были приняты».

Но даже принимая во внимание беспорядки, которые господствовали на самом театре военных действий, из за недостатков нашего боевого снабжения никакой катастрофы могло-бы и не произойти, как это не произошло и в германской армии в 1915 г., если-бы у нас на высших командных постах, вместо недоверия и ревности, господствовало единодушие. Как военный министр, я не имел возможности установить между полевой армией и страною дружной и совместной работы, какая требовалась, ибо великий князь со своим штабом домогался полного отчуждения, отклоняя даже всякую попытку ориентироваться, считая это за вмешательство в его командную власть; сам-же в свои руки не брал никакой организации по этой части. К сожалению, Государь к тому-же предоставил ему свой авторитет, как ход военных действий показал, не только во вред армии, но и монархии...

Несколько раз я сопровождал царя в его поездках на фронт.

Эти приятные перерывы в моей петербургской служебной работе сделались весьма редкими поездками; они собственно постоянно сопровождались личными обидами. Я мог признавать еще то, что верховный главнокомандующий не желал считаться с соображениями военного министра об операциях и его докладами, чтобы не отвлекать военного министра от его специальных задач. Но чтобы я, как сопровождающий царя, прибывши в главную квартиру, оставался в своем салон-вагоне, т. е. пребывал вне главной квартиры, это выходило уже за пределы не только необходимости, но приличия, здравого смысла. Великий князь боялся моей критики, потому что знал, что я перед лицом Государя не задумаюсь ее навести, как делал это довольно часто в мирное время; — его-же полководческие эксперименты подвержены были чем дальше, тем более уязвимой, жестокой критике. Государь с своей стороны избегал говорить со мной об операциях великого князя. Это отвечало его строго-руководящему принципу не нарушать междуведомственных границ. Он признавал вмешательство военного министра в область действий верховного главнокомандующего излишним. С этим свойством при высочайших докладах приходилось считаться всем министрам, великий князь-же тем самым был застрахован от недискретности со стороны Государя и вследствие этого от критики третьего лица. При таком отношении царя для великого князя явилась возможность его изоляции. А изолированному государю сравнительно безопасно для великого князя Ставка могла втирать очки.

Как в Ставке вводили в заблуждение Государя, может служить примером подготовка Карпатской операции. Так как я был устранен от присутствия при докладах Его Величеству во время его поездок в действующую армию, то узнал о ней, не как военный министр, а как Владимир Александрович — на обратном пути домой после разговора царя с верховным главнокомандующим.

Уговорили тогда Его Величество собственноручно утвердить намеченную операцию, изложенную в письменном докладе. Государь был в отличном настроении и полон надежды на успех.

Я пришел в ужас от того, что узнал от Государя о стратегии Ставки! По карте я выяснил царю большую вероятность предстоящей катастрофы.

Я видел, как трудно было Государю скрыть свое смущение, но он ничего не сказал.

Катастрофа произошла, как я это и предсказывал Его Величеству. Впоследствии на суде Янушкевич уверял, что Иванов по своей собственной инициативе полез в Карпаты! Если это заявление Янушкевича отвечает действительности, то это доказывает весьма печальное состояние верховного командования, раз на их глазах такие крупные силы могли предпринимать подобные операции по собственному усмотрению.

Навсегда памятна мне будет поездка совместно с Государем в крепость Осовец, в связи с его посещением Ставки в сентябре 1914 года.

В одну из наших поездок, возвращаясь из Барановичей на Белосток, я предложил Государю заехать в крепость Осовец, гарнизон которой только что геройски выдержал ожесточенную бомбардировку и отбил атаку немцев. Государь с восторгом согласился на это, но приказал это сделать так, чтобы в Ставке решительно никто об этом не знал.

Так и было сделано, — я и дворцовый комендант, генерал Воейков, участвовали в этой конспирации. В Белосток было дано знать, чтобы приготовили два автомобиля для военного министра, который поедет в Осовец. Распоряжение об этом было сделано уже по дороге, после от'езда из Барановичей.

В Белосток царский поезд прибыл еще до полного рассвета и, когда ко мне подошел ад'ютант командующего армией, полковник Олсуфьев, и доложил, что автомобили прибыли, то подошел в это время и вышедший из вагона Государь, заявив, что он поедет со мной. Погода была дивная, точно по заказу для этой поездки в золотистый день русской осени.

В довольно плохенький двухместный автомобиль, должно быть из взятых по реквизиции, поместились мы с Государем, — а в другой — Воейков, князь Орлов и, кажется, Дрентельн. Без всякой охраны и предупреждений, довольно скоро проехали мы 54 версты и явились совершенно неожиданно в, сильно пострадавшую от огня противника, крепость. Верки выдержали бомбардировку хорошо, но все внутренние постройки были разрушены, церковь, казалось хорошо укрытая, пробита снарядом. В ней сейчас же отслужен был молебен; явился комендант крепости генерал Шульман, отсутствовавший на смотре повреждений, а затем собран был на площади гарнизон, который удостоился горячей благогордарности из уст лично самого даржавного вождя руской армии.

Государь затем взошел на верки и внимательно рассматривал, как под'ступы к крепостному гласису, так и места расположения неприятельских батарей, которые можно было видеть в бинокль.

На память о посещении Осовца я поднял для Государя кусок «чемодана», как прозвали солдаты снаряды, извергаемые крупнейшими калибрами осадных орудий.

Вследствие выраженного Государем желания, чтобы на этом куске снаряда помещена была означенная справка, — я ее послал Воейкову, а подписал «выкуренный», потому что не ездил больше в царском поезде, в котором спутники мои по вагону все курили сигары, при чем стоял столбом синеватый дым, который я не переносил, как не курящий, и запирался от него в своем купэ.

При обратном возвращении, следовавший за нами второй автомобиль отстал почему-то. Когда мы выезжали со станции Белосток, то миновали город, а теперь, под'езжая к нему, шофер наш на одном из разветвлений замялся, не знал хорошо дороги, а Государь утверждал, — что на лево, причем сказал, что у него память относительно местности хорошая. Поехали на лево и продолжали разговаривать, при чем Его Величество не упустил случая подтрунить над генеральным штабом, хотя я был в форме офицерской кавалерийской школы. Не обошлось и без намека на Сусанина, а между тем я ясно видел уже, что Белосток остался совсем назади и виднеется одна лишь фабричная труба. Государь-же продолжал уверять, что у него хорошая память на местность, «и вот этот лесок на лево» — он приметил, когда ехали в крепость. Но в это время мы докатились до какого-то виадука, которого несомненно мы не проезжали, и Государь спросил: «а это что такое?».

— «Это то, доложил я Его Величеству, чего мы не видели, когда

ехали в Осовец, а теперь мы скоро приедем на суконную фабрику, которая в нескольких верстах к востоку от Белостока».

— «Как-же теперь быть?» — спросил Государь.

— «Позвольте, Ваше Величество, быть мне теперь Сусаниным».

— «Повелеваю», с усмешкой произнес Государь, — закурил папиросу и так добродушно, мило улыбался своими добрыми глазами, — мой бедный верховный вождь, — что невольно слезы навертываются теперь, при воспоминании о нем и той участи, которая его постигла.

Пришлось повернуть обратно, другого автомобиля не было видно, очевидно он правильно повернул на право. На первом разветвлении мы взяли теперь на лево и попали в город совершенно с противоположной стороны. Случайно, таким образом, Государь инкогнито побывал в этом городишке и видел его так, как все мы простые смертные, при чем радовался, что его не узнают, а честь отдают мне, генералу, а не ему, полковнику.

Когда мы прибыли на вокзал, то там приехали уже давно наши спутники и беспокойство было не малое, никто ничего понять не мог и не знали, что делать? Государь и военный министр исчезли.

Его Величество-же был в восторге и, шутя, сваливал вину на меня.

Из Осовца, конечно, немедленно донесли в Ставку о том, что крепость удостоил своим посещением Государь, и около Двинска Его Величество зашел ко мне в купэ и дал прочесть телеграмму, которую он получил по этому случаю от Николая Николаевича. По комбинации слов, совершенно особой конструкции, — это почтительное опасение за священную особу монарха, который не имеет права так рисковать, — а в сущности — гром и молния негодования, скрытая злоба, и конечно в Барановичах мое имя в этот день подверглось не малому поношению.

* * *

Для того, чтобы было ясно многое то, о чем я буду говорить дальше, как и в начале этой главы я хочу и здесь коснуться некоторых фактов частной моей жизни, которые собственно не представляли особенного интереса, если-бы об этой моей частной жизни не было столько разговоров с целью дискредитировать мою деятельность военного министра. В сущности то, что я собираюсь рассказать, впоследствии может интересовать лишь бытописателя; кроме того, писатель с богатой фантазией найдет тему для бульварного романа или сенсационного фильма, сюжет, который критика должна будет отвергнуть, как нечто неправдоподобное. Уже одно то, что мне приходится об этом писать, меня глубоко возмущает! Именно я, не любивший великосветскую жизнь и предпочитавший существование, отвечающее личным моим склонностям, а не стремлению окунуться в поток пустого веселия. Манеж, спорт, — к которому в зрелые годы относится и рыбная ловля, автомобильные экскурсии, путешествия, заполняли часть моего свободного времени, которое я не проводил в моей библиотеке или за письменной служебной работой. Театр, хорошая музыка и, понятно, превосходный Петербургский балет, равно как и беседы с разумными людьми, привлекало меня более всего того, что петербургское общество придворное и городское дать могло. Будучи вдовцом в Киеве, часто, насколько только позволяло мне свободное время, сидел я в своей генерал-губернаторской ложе, в антрак-

тах навещал знакомых в креслах партера или ложах; посещал после обеда, когда можно было, прекрасную кондитерскую Семадени на Крещатике и наблюдал оттуда, в течение какого нибудь получаса, течение жизни людей, которых спокойствие и благополучие доверено было мне в тяжелые дни. Охотно проводил я свободный час с моим старым знакомым по Карлсбаду, австрийцем Альтшиллером, разумным, толковым человеком или «сахарным королем» Лазарем Бродским, выделявшимся своим человеколюбием, вне всякой религиозной нетерпимости, равно как навещал часто в Печерской лавре митрополита Флавиана и в Братском монастыре на Подоле ректора духовной академии высокопреосвященного Платона, — наших высоких духовных лиц, к которым нельзя было относиться иначе, как с глубоким уважением.

Думаю всегда, что эти несколько часов моей частной жизни принадлежат исключительно мне, — но я в этом ошибся: жизнь государственного слуги и прежде всего права государственного человека принадлежат гласности точно так, как и его работа. Как только кто нибудь из нас почтится уголок своей жизни оградить исключительно только для себя, — сейчас-же проникает именно туда любопытство и толкует то, что там кроется, — в интересах удовлетворения потребности повседневных сплетен и .... политических целей, — до тех пор, пока это не выльется в форму общественного достояния, и что еще того хуже, — подлости. Я быть может понял уже поздно,— что слишком открыто проявлял свое расположение к политическому принципу в последних судорогах борющейся власти, чтобы позволить себе уделять время для личной жизни. Крупным роком моей жизни было то, что я решился хоть часть чудных Киевских дней личного счастья — спасти в Петербурге.

Если-бы и здесь теперь я стал заботиться об одной лишь реабилитации, — это уже было-бы запоздалой мудростью. Мне надо было пропитаться аскетическим фанатизмом Игнатия Лойолы или Победоносцева или Плеве, — и мое положение не должно было-бы находиться в условиях того поджаривания на костре хозяйственной и политической жизни, в коих именно положение военного министра действительно находилось в течение всемирной войны. В Петербурге того времени, где власть в руках слабого монарха была лишь призрачной, где невидимые закулисные деятели из всевозможных кругов на деятельность военного министра настойчиво нажимали, и где совсем сбитое с толку, в глубоком пессимизме обретавшееся общественное мнение с продажной прессой, — туда и сюда толкали испуганное общество, — все это приводило к тому, что предстояло, или сознательно плыть по течению потока или в борьбе с ним погибнуть.. Тогда, в 1909 г., я думал еще о третьем: о возможности победы, опираясь на доверие царя.

* * *

В Киеве, — где я провел лучшее время моей жизни и где в зрелые годы еще на мою долю выпало счастие, какого только человек может желать, — и какого я раньше не знал, — таились и некоторые корни личного моего несчастия, на ряду со всеми существенными неудачами, свалившимися на мою голову.

Наибольшее счастие и вместе с тем источник моего личного несчастия связаны с именем Екатерины Викторовны...

Эта моя третья супруга, когда я с нею познакомился, была уже на пути к разводу со своим мужем, который недостойно обращался с нею и обманывал. Ее первый муж, в первоначально данном согласии на развод, отказал ей в этом, когда узнал, что Екатерина Викторовна собирается выйти за меня замуж.

Потребовался продолжительный бракоразводный процесс, со всеми неприятными подробностями и в конце концов — изобличение ее первого мужа в том, что он превратил брак в дикую жизнь и ходатайство моей будущей жены перед Государем о повелении прекратить ее мучения. Только после того, как Бутович потерял свою жену, он понял, что лишился в ней исключительной по нравственным качествам и красоте—женщины. Екатерина Викторовна по происхождению не была из так называемого аристократического общественного круга, признаваемого в Петербурге,—из которого, несмотря на кажущийся в России либерализм, гвардейские офицеры должны были выбирать себе невест, если желали быть принятыми затем благоприятно в обществе. Она происходила из малороссийского гражданского рода и получила прекрасное образование, которым могла затмить многих дам высокого и высочайшего рода. Главный порок ее заключался в удивительной красоте и грации, на что царь даже обратил внимание, когда мне однажды пришлось ему ее представить; Государь с некоторым оживлением обратил на эту красоту внимание своей супруги и этим вызвал в ней ревность. В театре со всех сторон направляли бинокли на нашу ложу, когда моя жена появлялась в ней, и она была везде центром внимания, когда бывала в обществе или присутствовала на деловых собраниях. К сожалению, это не бывало особенно часто, ибо она много хворала и уезжала заграницу. Когда-же была здорова и находилась в Петербурге, особенно после возникновения войны, — уходила вся в работу по благотворительности и отдавала всю свою преданность и энергичную душу целиком этому делу.

* * *

Я сам в Петербурге был рабом моего ведомства. Прием докладов моих начальников отделов, заседания в совете министров или государственном совете, доклады у Государя, приемы, смотры и поездки, в особенности в первые годы, отнимали у меня так много времени, что я вне круга того дела, которым был занят, почти что ничего не видел. Отношение Государя ко мне до 1914 г. служило в этом деле для меня надежною опорою.

Вполне естественно, что с тех пор, как я стал министром, масса людей направила свои стопы в мой дом, не только в видах поддержания общественных отношений, — но по соображениям, основанным главным образом на целом ряде эгоистических побуждений: один искал знакомства с военным министром, чтобы быть лично замеченным и устроить себе что либо выгодное в служебном или деловом отношении, — то что он мог подметить, чтобы быть принятым у меня в доме; — другой опять таки являлся, чтобы, осуждая какого-либо политического или личного противника, послушать и поглядеть, как я на это реагирую. Для противодействия этим нападениям мой дом еще не дорос: несмотря на Петербургскую обстановку, — это был киевский провинциальный дом,

оставшийся с его открытыми дверьми и столом. Мое продолжительное отсутствие из столицы с ее общественным водоворотом и вихрем, — при этом сочетании становилось столь-же чувствительным, как и тот факт, что моя жена в Петербургском обществе чувствовала себя чуждою. Нам обоим приходилось очень считаться с непосредственно окружающим нас личным составом секретарей, ад'ютантов, ординарцев, частью оставшихся после моего предшественника, частью прибывших со мною из Киева. У старых петербургских — был свой тесный кружок, которому они протежировали и слишком усердно выставляли на авансцену моего кругозора. Одного адьютанта, которого я взял с собой из Киева, полковника Булацеля, который очень быстро приспособился к петербургским соблазнам, мне пришлось выгнать.

* * *

Одна дальняя родственница моей жены, очень состоятельная, но не совсем нормальная дама, Наталия Илларионовна Червинская, — была вторым человеком, причинившим нам много огорчений. Моя жена пригласила ее в наш дом, когда она переселилась из Киева в Петербург и не нашла еще себе квартиры. Эта дама изучила весь строй нашей жизни и своим мизерным мозговым аппаратом сочиняла фантастичные бредни, с которыми и носилась по городу, распространяя сплетни по провинциальной своей привычке. К этой особе пристроился один из мерзейших плодов старой петербургской жизни, князь Андроников, — после того, как двери моего дома были для него закрыты.

Вначале 1909 г., когда я только что был назначен начальником генерального штаба, Андроников пытался уже войти со мною в сношение. Ходатаем его был генерал Мышлаевский.

На вопрос мой, что это за человек, Мышлаевский пояснил с юмором, что это «общественный деятель»; — сам себя он называет «ад'ютантом Господа Бога» и профессия его, будто-бы ходатайствовать за всех угнетенных и обиженных, — способствуя этим торжеству правды и справедливости; что ради этого он ищет знакомства с сильными мира сего, дабы иметь непосредственный доступ к источнику благ земных.

Я уклонился тогда от этого знакомства; Мышлаевский-же отказа моего не одобрил, об'яснив, что обширное знакомство со многими сановниками и придворными людьми, которые его охотно принимают, делает Андроникова опасным для тех, кто его отвергает, потому что в таких случаях он мстит и может сильно повредить. Словом — на ту тему, что «в наш злой, развратный век и добродетель просит у порока».

Воспитывался он в пажеском корпусе, но пришлось князю покинуть его до полного окончания курса, — за некоторые наклонности, не допускаемые в закрытых учебных заведениях. Образованность князя была небольшая.

Но зато все умственные его способности пошли на развитие интриги и на этом он действительно был не дурак; в этом ему помогала и его необыкновенная способность к иностранным языкам; на французском, немецком, английском, шведском, датском он говорил прекрасно, с отличным акцентом.

Юные годы свои он провел почему-то в семье графа Берга, которой многим обязан, а кавказское свое происхождение отрицал, считая, что

титул кавказского князя ничего не стоит, в Тифлисе всякий водовоз — князь.

Тем не менее знакомство мое с ним тогда еще не состоялось, — оно произошло способом, выработанным князем продолжительным опытом его спекулятивно-благотворительной деятельности. В один из официальных приемов он явился с образом и просьбой о разборе дела человека, действительно несправедливо пострадавшего. В этом его появлении помог ему и личный мой секретарь канцелярии военного министра, ведавший приемом у меня на квартире, — с которым Андроников давно был, конечно, знаком и пользовался его расположением. Это, впрочем, входило в его систему, — он заводил возможно близкие отношения с секретарями всех министров, поэтому знал кто, когда и куда уезжает и к отходу поезда неизменно являлся с коробками конфект, печений, фруктов, оделяя этими своими «даяниями» и лиц, сопровождавших министра.

По наружному виду Андроников это Чичиков, кругленький, пухленький, семенящий ножками, большею частью облекающийся в форменный вицмундир, с черным бархатным воротником и золотыми пуговицами. Он зачислялся обыкновенно по тому министерству, патрон которого к нему благоволил, пользуясь за это взаимностью князя; он приходил в ярость, когда его вышибали из списков ведомства, с переменою министра, князя не признававшего. Числясь только по ведомству, не получая ни содержания, ни наград, он пользовался лишь виц-мундиром. Возненавидел Андроников за это министра внутренних дел Маклакова и чего только не сочинял про него, что называется «с чёрного хода», с парадного было опасно, это было хорошо известно ему по конструкции этого ведомства, к которому он пристроился, оказывая услуги тайной политической полиции!

Способность втираться к власть-имущим у этого человека была совершенно исключительная. Весьма немногим из них, которые были намечены князем, удалось избегнуть чести не пожимать его нечистую руку; — а были и такие, которые в нем как будто и души не чаяли.

Тайна его положения обуславливалась тем фактом, что отдельные министры пользовались его услугами, чтобы быть осведомленными относительно их коллег и о том, что делается в других министерствах.

Из сановников при царском режиме он эксплоатировал графа Витте, графа Фредерикса, Горемыкина, Григоровича, Макарова, Штюрмера, Саблера, высшее духовенство, Коковцова и многих других; последний в свою очередь пользовался осведомленностью князя обо всем, что делается в закулисной жизни столицы и различных ее сферах.

Очень увивался он около дворцового коменданта генерала Воейкова, — но у последнего были достоверные сведения о сомнительного достоинства деятельности князя и Воейков держал его на известной дистанции.

Завладел Андроников и великим князем Константином Константиновичем, его сестрою— королевою греческою и этот двор был его излюбленным. Ее Величество подарила ему образ не особенно малого размера и князь приспособил его для ношения на особого рода шейной цепочке, — поясняя всем, чей это подарок.

Чтобы пробраться к большому двору, что ему долго не удавалось, несмотря на постоянные забегания к министру двора, во время войны

Андроников сошелся с Распутиным и добился аудиенции у Императрицы, где повел интригу против Распутина-же, но тот об этом узнал и выставил князя.

Был вхож князь Андроников и к князю Мещерскому, издателю «Гражданина».

По части интеллекта у них общего было мало, — но сходились они в том, что было причиною преждевременного ухода Андроникова из пажеского корпуса.

После смерти же Мещерского — Андроников затеял издание органа подобного «Гражданину». С этой целью ему удалось выудить несколько десятков тысяч рублей у Горемыкина, председателя совета министров. А когда вскоре Горемыкин ушел, то князь не постеснялся еще и лягнуть в нем покинувшего пост председателя совета министров, — чтобы угодить новому восходящему светилу, к которому он, конечно, явился с образом, номером журнальчика с подхалюзнической статейкой, неразлучным портфелем под мышкой и фарисейскими уверениями в глубоком почтении и преданности.

Прижимая пустой, по обыкновению, портфель к сердцу, он отдавал себя в полное распоряжение, просил любить и жаловать. Что им не будут брезгать, он был уверен, так как состав канцелярии председателя оставался тот же.

Личных средств к жизни у Андроникова не было, а жил он, не отказывая себе ни в чем. Так как жалованья он не получал от казны, то заменяли таковое те гонорары, которые он получал за всякие ходатайства во всех министерствах и учреждениях, где у него была рука. Кроме того он пристраивался к разного рода аферам и эксплоатировал отдельные личности, попадавшие в его паутину.

Одною из таких была госпожа Червинская, которую он обработал так, что сам-же называл баронессой Пильц из «Петербургских трущоб». Пустив ее деньги в оборот своих афер, он посадил ее на мель и сделал своим послушным орудием. Прекрасно владея также иностранными языками, образованная и значительно его умнее компаньонка, была вместе с тем с каким-то мозговым повихлянием, до паники боялась собак и находившее на нее временами нервное возбуждение придавало ей вид умалишенной.

В интересах темных дел, у Наталии Илларионовны Червинской создана была пародия на салон, где собирались недовольные мною такие господа, как, напр., полуумный Каломнин с женой, обработанной «Баронессой Пильц», как следует. Появлялся там и товарищ председателя Государственной Думы Варун-Секрет, личность совсем не двусмысленная, использованная против меня в клеветнических заметках «Нового Времени».

К «салону» принадлежал и полковник Булацель, бывший ад'ютант военного министра, покинувший эту должность не по своему желанию, и за поступки, не приличествующие порядочному человеку. Словом, хороший был это уголок для «рандэву» порядочного сброда, пригодного в делах князя Андроникова, для его конторы шантажа и темных дел.

Что касается квартиры — конторы самого князя, то ее посещала масса молодежи, юнкеров, кадет, воспитанников разных заведений, приезжие провинциалы, прибывавшие в столицу, для устройства различ-

ных дел и осведомленные о деятельности Андроникова и его связях в Петербурге.

Заискивая у митрополита и высшего духовенства, он притворялся глубоко верующим, а на самом деле кощунствовал и был безусловно порочным человеком.

На Пасху развозил сановникам фарфоровые яйца, а у себя отправлял даже какое-то своеобразное божественное служение. Перед киотом с образами и пасхальными яйцамизажигал восковыесвечи пускал грамофонные пластинки с церковным пением и самолично читал' молитвы с кадилом в руках.

Доигрался Андроников и до высылки из столицы и наконец до ареста.

К какому-то предприятию по доставке мороженной рыбы в Петербург пристроился князь и, когда она прибыла в количестве, превысившем спрос, — то Андроников решил разослать ее в виде презентов всем своим знакомым, сильным мира. Получил и я мороженного осетра, которого вернул ему, под тем предлогом, что жена была заграницей и дома у меня не готовили.

Обиженный Андроников явился и сам рассказал мне с негодованием, что получилось: рыбу развезли из склада, а за небольшим лишь исключением, почти всю ее свезли обратно к нему на квартиру. Все эти аршинные и полутора-аршинные рыбины загромоздили его жилище, сложенные как дрова, и начали оттаивать.

От всех знакомых ему сановников он выпрашивал портреты с подписью и ими украшал свое жилище, что должно было поднимать его акции в глазах людей, прибегавших к его протекции и содействию в проведении разных дел. С портретами-же моим и моей жены он проделал следующее:

Доступ в семью Константиновичей дал ему, по всей вероятности, мысль задумать аферу в Туркестане, где находился безвыездно великий князь Николай Константинович, занимавшийся делом орошения. Эмир Бухарский предоставил Андроникову участок безводной местности, для превращения ее в нечто плодоносное. Для этого требовались средства, которых у Андроникова не было. Он и стал собирать компанию на акциях, сделав прежде всего участником предприятия самого Эмира, на несколько десятков тысяч рублей. Внесли ему свою лепту и некоторые из великих князей, но этого ему было мало.

Когда-же я поехал в Туркестан, то князь Андроников, забрав с собой портреты, выехал в Ташкент раньше меня и расставив изображения мое и жены у себя в номере гостиницы, вербовал акционеров, ссылаясь на то, что и жена военного министра акционерша, а министр сам на днях приезжает. Когда я вернулся в Петербург из этой поездки, то бывший со мной ад'ютант, затруднявшийся доложить мне это лично, рассказал моей жене. Она пригласила Андроникова и ад'ютанта, который князю все это при ней подтвердил, и смущенный князь со своим портфелем испарился.

После этого, конечно, князь Андроников доступа к военному министру больше не имел.

С этой минуты началось то, о чем предупреждал меня генерал

Мышлаевский в свое время: Андроников пошел на нас войной и причинил нам много горя.

Эту кампанию против моей жены и меня Андроников повел своею опытною рукою шантажных дел и провокаций. В большом порядке содержался у него архив всякой переписки, справок и документов, служивших ему материалом для анонимов, доносов и клеветнических записок.

Что касается моего дома, то деятельной помощницей у него была Червинская, которая одно время, когда была без приюта, приехав из Киева, — довольно долго жила даже у нас в доме и знала все входы и выходы. Началось с подкупа прислуги, которая подслушивала, что говорили, кто бывал у нас и т. д. — Все это комбинировалось, подтасовывалось, фабриковались анонимы, клеветой отбивались от нас некоторые из неустойчивых наших знакомых и все и вся, что только можно было восстанавливалось против нас.

* * *

В июле 1915 г., во время заседания совета министров, фельд'егерский офицер привез мне из Ставки личное письмо Государя следующего содержания:

«Ставка, 11 июня, 1915 года.

Владимир Александрович.

После долгого раздумывания я пришел к заключению, что интересы России и армии требуют вашего ухода в настоящую минуту. Имев сейчас разговор с вел. кн. Николаем Николаевичем, я окончательно убедился в этом.

Пишу вам сам, чтобы вы от меня первого узнали. Тяжело мне высказывать это решение, когда еще вчера видел вас.

Столько лет поработали мы вместе и никогда недоразумений у нас не было.

Благодарю вас сердечно за всю вашу работу и за те силы, которые вы положили на пользу и устройство родной армии.

Беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников.

Сдайте пока вашу должность Вернандеру.

Господь с вами.

Уважающий вас.

Николай.»

К этому удару я был совершенно не подготовлен, хотя, конечно, видел грозные тучи, надвигавшиеся против военного ведомства. О сообщениях Гучкова с фронта — я уже говорил. В январе 1915 года я выдержал жестокий бой в Думе, в защиту управления армией от несправедливых нападений.

Против верховного командования и особенно против великого князя Николая Николаевича, — критическое настроение усиливалось все более и более. Почти непрерывное наступление немцев, уступка одной позиции за другой, разрастающееся неудовольствие внутри, — все это формально вопило о какой либо жертве. За несколько месяцев до того мне было ясно, что этой жертвой должен быть великий князь, но ясно было

мне также и то, что она будет не единственной в своем роде. В данном случае для Государя играл роль вопрос престижа дома Романовых; вследствие этого нельзя было без дальнейших околичностей жертвовать судьбой великого князя, как полководца. Для партий Государственной Думы на первом плане стояли вопросы внутренней политики; для большинства октябристов под эгидою Гучкова и вплоть до крайних левых, казалось, что наступила минута низвержения царской России; они должны были напасть на тот пункт, где они думали найти доказательства того, что старый режим прогнил.

Союзники, Франция и Англия, — должны были препятствовать тому, чтобы царь заключил мир. Англия видела созревающею ее большую победу: уничтожение русского могущества, которое стояло поперек дороги ее азиатским планам. Но Франция считала для себя гибельным, — если русское пушечное мясо будет отнято у немецких пушек. Эти союзники царя шли неуверенно к революционерам и социалистам и убеждали их в общности интересов продолжения войны; в действительности заключение мира с Германией подготовляло конец самодержавия, но не монархии.

В то время сильную опору, на которую царь мог рассчитывать в Петербурге, — он мог найти лично во мне и моем министерстве, том благожеланном громоотводе, на котором мог произойти разряд раздражения.

Государь разделался с этой непогодой вышеприведенным документом, в виде любезного письма и моим назначением в Государственный Совет. Я не был уволен от государственной службы! Тем не менее, этим фактом общественному мнению указывалось, что царь не считает виновным великого князя. Это удовлетворяло пока, как великого князя, так и думские партии: и тот, и другие выигрывали теперь время, смешать свои карты и принять меры, — один, чтобы оградить свою полководческую славу, — другие, чтобы подготовиться к генеральному сражению с царским режимом.

* * *

Получив письмо от Государя, я пригласил к себе моего достойнейшего помощника, генерала Вернандера и передал ему в тот-же день свою должность.

Во главе канцелярии военного министерства стоял тогда мой бывший сослуживец по Киевскому округу, генерал Лукомский. Ему-ли было не знать досконально мою деятельность по восстановлению боеспособности русских вооруженных сил! И то письмо, которое я от него получил, после того, как стало известно мое увольнение,—было настоящим целительным бальзамом для той смертельной раны, которую я получил от мстящей закулисной руки великого князя Николая Николаевича.

Письмо Лукомского вылилось у него тогда без какого либо постороннего влияния в ту или другую сторону.

Писал его хорошо меня знавший и в деятельности моей по военному министерству, быть может, более чем кто либо другой в этом компетентный — и кроме того в данную минуту тогда уже не мой подчиненный...

Полнейшая неожиданность моего увольнения вызвала тогда его возмущение, сознание громаднейшего вреда для дела и честного, нелицемерного изложения этого на бумаге...

Поливанов находился в Ставке и первое его распоряжение заключалось в телеграмме, которой он увольнял от службы личного секретаря военного министра, действительного статского советника Зотимова. Этим путем мы узнали, кто назначен был вместо меня.

Прежде всего нужно было очистить мою должностную квартиру, и мы с женою нашли в Коломне, на Большой Мастерской — меблированную квартиру, которая временно для нас годилась. Германский подданный, которому она принадлежала, при об'явлении войны уехал в Берлин.

Жена моя просила тогда Ростовцова (камергера Императрицы) принять от нее благотворительные учреждения, склады, денежную кассу, прачешные и пр. — и отошла в сторону от благотворительности.

Вскоре нашли мы хорошую квартиру на углу Офицерской улицы и Английского проспекта, в той-же части города.

Из письма Государя уже видно было, что это интрига, инсценированная великим князем Николаем Николаевичем. Министр двора, граф Фредерикс этого и не оспаривал, когда я к нему обратился, чтобы узнать, должен-ли я явиться к Государю по случаю моего назначения членом Государственного Совета.

После возвращения Государя из Ставки получил я приказание представиться Его Величеству в Царском Селе.

Почти час пробыл я у него; о том, что происходило в Ставке, не упоминалось ни словом. Я доложил Государю то, что осталось еще не исполненным от последнего моего доклада Его Величеству до от'езда в Ставку, — а также вопрос о демобилизации. Уроки событий после Японской войны должны были послужить указанием для организации демобилизации после этой войны, — что будет несравненно труднее, так как коснется не части армии, а всех вооруженных сил, — даже двойных размеров. Для благоприятного течения демобилизации необходимо поэтому тогда уже приступить к подготовительным работам. Так как Поливанова я не видел и вероятно не увижу, — то все свои соображения я представляю на благоусмотрение Его Величества, на тот случай, если-бы они ему понадобились.

При прощании царь меня поцеловал и сказал:

«С вами, Владимир Александрович, я не прощаюсь, а говорю: до свидания!».

Но никакого свидания больше не было...

Что росло и готовилось расцвесть лично для меня, об этом тогда я не имел никакого представления. Прием царя меня совсем успокоил и я шел в новый мой дом с таким чувством, что в скором времени где нибудь на фронте получу корпус...

После моей напряженной и многосторонней работы во главе колоссальной деятельности военного министерства, — которую так внезапно должен был покинуть, я, что называется, очутился не в своей тарелке, — и не знал, что мне делать?

Наступила своего рода реакция и мои годы пред'являли свои права. Я принял поэтому с большим удовольствием приглашение моего верного, многолетнего друга и издателя в его имение под Курском. Владимир Антонович Березовский был одним из тех немногих, который и после моего крушения мне не изменил.

Из этого его прекрасного имения на несколько недель я проехал в Финляндию, на Иматру, — где большую часть времени провел на рыбной ловле.

* * *

Силоти изобиловала прекрасной рыбой: форели, щуки, окуни, лососина; однажды мне удалось поймать 13 фунтового лосося, с которым пришлось не мало бороться, чтобы овладеть им.

В середине июля приехал на Иматру принц Александр Петрович Ольденбургский. Тут вообще собиралось избранное общество, — приехала затем и моя жена на несколько дней. Основанием для разговоров служило, конечно, положение дел на театре военных действий, — газет почти не читали, но критики и споров было достаточно. Раз как-то наше общество дружно об'единилось в заключении М. О. Меньшикова: «Мы должны победить!». С этим были все согласны, без различия чинов, положения и направления.

В это время жена моя разделалась со всеми своими благотворительными делами и принялась за устройство нашей новой квартиры.

Через несколько дней после получения известия об очистке Варшавы, я переехал в Петербург. Там узнал о крупном скандале в Государственной Думе и нападках на меня и верховное командование армией. Я усматривал в этом выступление народного представительства нашего в смысле провокации, благоприятной для наших противников.

В течении зимы 1915—16 г. г. доставляло мне большое удовольствие составление очерков Петербургского общества, которые в тесном кругу получили особенное одобрение, в силу того, что я постарался известные всем лица обрисовать без шаржа, целиком с натуры и не называя имен.

Во многих случаях мне это вполне удалось. Некоторые брошюры, в ядовито критической форме, изданы были под старым моим псевдонимом «Остапа Бондаренко», на темы текущих, современных вопросов.

Затем приступил я к подготовке описания кампании 1877—78 г. г., работе, к которой давно стремился. В Государственном Совете я был неприсутствующим членом, к работам не причастный.

Как отдаленные сверкания молнии, нарушали мой покой газетные статьи, в 1916 г. одиночные, затем чаще и чаще с нападками на меня и клеветой.

Они предвещали бурю, которая собиралась над моей головой, причем я не мог угадать, с какой стороны она разразится.

В это время мои враги не дремали. До тех пор, пока он был верховным главнокомандующим, т. е. до августа 1915 г., — великий князь Николай Николаевич собирал против меня материал, таким путем, чтобы я об этом даже и не подозревал. Лишь в феврале 1916 г. начали доходить до меня слухи, которые исходили от какой-то комиссии, учрежденной Поливановым.

30 июля / 12 августа. «Чем больше узнаю я людей, тем больше люблю собак», — сказал умный человек. Я присоединяюсь к нему, в Петрограде это особенно верно, — убеждаюсь в этом ежедневно на лицах, служивших со мною, а теперь, не знающих, как угодить и отличиться в травле за мною. Как мало порядочных людей.

2/15 августа. Г. Караулов заявил в Гос. Думе о близком моем знакомстве якобы со Шпаном. Знакомство это заключалось в том, что единственный раз он был у меня на приеме и после этого разговора я сообщил о том, что его надо выслать, что и сделали.

7/20 августа. Известия с театра войны до того неутешительные, что предстоит, повидимому, отступление наших войск по всему фронту. На какие позиции отойдут — Ставка самостоятельно этим ведала и военного министра не посвящала в свои планы, — поэтому трудно что либо сказать. Может быть и в этом тем не менее виноват военный министр.

14/27 августа. Полковник Балтийский, командир 291 пех. Трубчевского полка, был у меня и говорит, что недостатка снарядов и патронов в том виде, как здесь рассказывают, на театре войны не было.

25 августа / 7 сентября. Говорят, деятельность управлений военного ведомства замерла. Никто не решается что нибудь делать, боясь подозрения на «мошенство». Сам управляющий очень занят бумажным делом, и ничего не двигается, залежей масса.

27 августа/9 сентября. Верховный главнокомандующий назначен наместником на Кавказ, Государь вступил в командование действующей армией. В добрый час. Верховный вождь армии взял меч в свои руки, и какое счастие будет, если Господь поможет помазаннику Его повернуть счастие в нашу сторону.

30 августа / 12 сентября. По слухам при аресте Ник. Мих. Юшкевича нашли у него перечень мероприятий по военному ведомству за мое время. Очевидно, это может быть принято за документ, не подлежащий оглашению. Между тем это сводка того, что уже всем известно из приказов и циркуляров, и получил он перечень, по просьбе В. Д. Думбадзе, для моей биографии. Еще одним поводом больше для нападок и травли.

9/22 сентября. Переезжаем на новую квартиру (Офицерская 53).

15/28 сентября. Весь состав совета министров вышел в отставку. Слухи ходят о «регентстве» Александры Феодоровны.

18 сентября / 1 октября. На четвертый месяц военный министр приглашает Порт-Артурского еврея Гинсбурга и дает ему громадные заказы в Америке и в помощь ему отставного генерала Вогака, — и покупает в Мексике 200 т. ружей Маузера по 120 р. за штуку, которые нам предлагали 4 месяца тому назад по 40 р.

20 сентября / 3 октября. По городским слухам очень винят Ставку великого князя Николая Николаевича за отсутствие плана действий, авантюру за Карпаты. Не имею возможности судить, был ли хоть какой нибудь план, т. к. меня ни разу не пригласили на доклады Его Величеству в штабе верховного главнокомандующего, когда я был там с Государем. Может, и в этом я виноват.

25 сентября / 8 октября. Вчера в 12 ч. ночи получил приглашение сенатора Посникова (член верх. комис. по расследованию причин недостатка снарядов) пожаловать в общ. взаимн. кредита, для совместного осмотра моих денежных ящиков, — нет ли там документов по делу комиссии. В $3^1/_2$ ч. дня сегодня осмотр состоялся в присутствии тов. прок. судебн. палаты и следователя по особо важным делам. «Документов» не оказалось, а для просмотра взяты дела по бракоразводному делу Бутовича, которые хранились там. Результаты рыцарского поведения «Ко.

Гучков и Поливанов». Обижаться на контроль порядочные люди не могут, — но это ведь в сущности «обыск».

26 сентября/9 октября. Сегодня доложил командиру императорской главной квартиры о бывшем обыске, для доклада Его Величеству. Графа Фредерикса, этого рыцарски-порядочного человека, видимо очень озабочивает положение вещей, которому так посодействовал великий князь Николай Николаевич. Ушел министр внут. дел кн. Щербатов и обер-прокурор Св. Синода Самарин. Вместо первого назначен член Гос. Думы Хвостов, очень правый.

27 сентября / 10 октября. Кругом окружен сыщиками, следящими за каждым моим шагом. Ничего, конечно, против этого не имею, но по форме это противно и обидно: вот в какое положение попадают самые верные и преданные Государю люди. Клевета, ложь, доносы, Гучков, Поливанов и Ко., можно стряпать какие угодно гадости, топить людей... Знамение времени...

28 сентября / 11 октября. В здании Мариинского Дворца с сенатором Посниковым просматривали бумаги, которые были взяты из ящиков общ. взаим. кредита. После исследования всего составлен протокол, что ничего не найдено, нельзя же найти то, чего нет и быть не может. Со всех сторон слышу, что г-жа Червинская и полк. Булацель мстят нам, за изгнание из дома.

23 октября. Очень интересное письмо нач. главн. арт. упр., генерала Маниковского в «Новом Времени»: «До сего времени военно-промышленными комитетами не доставлено ни одного снаряда; все же те снаряды, которые прибывают на позиции и которые приходилось видеть корреспонденту, поставлены по исполнении заказов, данных главным арт. управлением в прежнее время, до открытия военно-промышленных комитетов». А левые газеты находили, что, благодаря Поливанову, стали получаться обильно снаряды и всякое снабжение. Выходит, что как будто это не так.

24 октября. В «Земщине» вычеркнули статью, в которой разоблачались злоупотребления в военно-промышленном комитете. Вместе с письмом Маниковского это вышло бы очень занимательно. Интересно, по чьей инициативе вычеркнули. На театре войны дела наши не дурны.

26 октября. Все чаще и чаще приходится слышать, что Мясоедов повешен для «успокоения общественного мнения», и родственники возбуждают ходатайство о предании гласности судебного о нем дела, — что, по всей вероятности, и придется сделать тоже для «успокоения общественного мнения»; что Мясоедов негодяй, — это верно, но не все же негодяи непременно и шпионы.

14 ноября. Получил от верховной комиссии сводку по материалам о снабжении армии снарядами, с просьбой высказать свое мнение. За справками не имею возможности обращаться в управления, подчиненные врагу Поливанову — вынужден отвечать исключительно почти по памяти.

4 декабря. А. И. Гучков, А. А. Поливанов работают дружно, признавая существующий строй и порядок несоответствующим требованиям времени... Если во время это не прекратить — быть большой беде...

11 декабря. Сформированные военно-промышленные комитеты, в большом числе и повсеместно, получают много денег, но едва ли для настоящей войны окажут существенную пользу. Следовало бы направить их

деятельность к тому, чтобы впредь обрабатывающая промышленность водворилась и развилась у нас так, чтобы бывшая до сих пор наша зависимость и заграничная кабала исчезла.

21 декабря. Кончаю XII выпуск «Остапа Бондаренки». В 1898 г. вышел VIII-й и теперь IX — «Жизнь на хуторе», X — «По хозяйству», XI «Гром грянул», XII — «По поводу дороговизны».

23 декабря. Великий князь Сергей Михайлович возмущен тем, что творится в военно-промышленных комитетах, в особенности заказами Обуховскому и Балтийскому заводам.

31 декабря. Без сожаления расстаюсь с 1915 годом, самым ужасным в моей жизни, в котором видел доказательство, как мало порядочных людей, — сплошной эгоизм, бессердечие, клевета, ложь и самые позорные средства для устройства собственной карьеры, собственного благополучия.

В апреле 1916 г. последовал домашний обыск у меня на квартире и я огорошен был арестом, — мне пришлось после того почти два года, с небольшими перерывами, скитаться по тюрьмам...

Только теперь мне выяснилось, что 1915 год был сравнительно с последующим 1916, — по отношению к моей жизни — относительно мягким и спокойным.....

Парламент, партийная политика — овладели русской армией!

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Мой процесс

Глава XXXII

Мой первый арест

Недостаток снабжения во всей армии. Неудачи великого князя. Поражение в Восточной Пруссии — причина для предания полевому суду Мясоедова. Катастрофа в Карпатах, — причина предания полевому суду Иванова и Ко. Недостаток боевого снабжения. Поливанов военный министр. 400.000 бракованных ружей 1910 г. Эпизод с Колаковским. Кочубинский. Крах военного ведомства. Два письма императрицы о моей жене. Родзянко у великого князя. Царь сдает опять. Поливанов стряпает обстановку для предания меня суду. Верховная комиссия. Варун-Секрет, Гучков и Андроников за работой. Обыск у меня на квартире 20 апреля (3 мая) 1915 г. Заключение в Петропавловской крепости. Моя жизнь подследственного арестованного в Трубецком бастионе. Голодание. Моя жена арестует сыщика. Мой первый допрос. Ограничение защиты. Вторичный домашний обыск. Возростание цен на боевой материал. Березовая роща Родзянки. Священный образок. Освобождение из крепости и арест домашний.

При возникновении войны не оказалось ни одной страны, в которой не говорили бы о недостаточной подготовке к походу. Даже немцы стояли на том, что они к последней войне не были вполне готовы, несмотря на то, что с 1871 г., т. е. 43 года, на это у них было достаточно времени. После турецкой войны 1878 г. протекло у нас в стране 26 лет; но после японской кампании, — ко времени всемирной войны протекло всего девять лет, из коих в должности военного министра я пробыл всего четыре с половиною года. В одном из писем Сабурову — граф Милютин описывает, какие укоры посыпались на военное министерство, когда понадобилось выдвинуть часть армии против турок. Условия русской индустрии, финансов и культуры в общем таковы, что нам очень трудно быть независимыми и не отставать от Запада. Граф Милютин тогда еще сознавал наше тяжелое положение, обратил на него внимание и писал: «Чего же можно ожидать в будущем, если Россия будет вовлечена в боль-

шую европейскую войну и не будет вполне подготовлена к тому, чтобы твердо стать, уже не против одних турок, а против миллионных армий, отлично устроенных и снабженных всеми усовершенствованиями современной техники?»

Оказалось после того, что к ответственности будет привлечен тот военный министр, которому удалось в $4^1/_2$ года сделать то, что противников привело в изумление: русская армия в таких превосходных силах и такой боевой готовности появилась на полях сражений, что немцы, стоявшие уже под Парижем, — отступили и спешили соответствующими мерами спасти свое положение на восточном театре военных действий.

Кроме того никто не ожидал возможности такой продолжительной войны, которая длилась-бы более 4—6 месяцев и во всех армиях войсковые запасы приходили к концу. Труднее всех оказалось положение России, которой могла помочь лишь обрабатывающая промышленность, которая у нас была сравнительно ничтожна и вследствие этого с большим трудом поддававшаяся мобилизации, тогда как германцы при всех их преимуществах в этой области завладели еще Бельгией, со всеми находящимися там заводами, а затем еще и всей нашей фабричной индустрией левого берега Вислы.

К этому естественному недочету России прибавилось еще и неискусное руководство армии великим князем Николаем Николаевичем.

В Восточной Пруссии наши операции были так ведены, что мы потеряли две армии; затем по совершенно непонятным соображениям предприняли наступление за Карпаты, тогда как прямая дорога от Кракова на Берлин существенно короче, лучше и менее опасна, — нежели через Карпаты. В горах потеряли еще одну армию и после того без оглядки побежали назад, оставив противнику без сопротивления крепости, массу запасов и всякого имущества. Хотя «Меч кует кузнец», «а действует им молодец», — но в данном случае одного кузнеца притянули к ответственности.

В деле военного искусства искони так было, что не всегда сильнейший побеждает, — для победы необходимо искусство и счастье. Из того, что полководцем был великий князь, — вовсе не следует, что он непогрешим и не мог ошибаться, ибо ни один из действительно великих полководцев не был застрахован от неудач.

Но когда великому князю не посчастливилось, ни под каким видом не осмелились допустить, чтобы Его Высочество мог быть виновен и пустились на розыски среди простых смертных; совершенно невиновные начальники были уволены.

Из Ставки хлынула волна клеветы, обвинявшей весь мир в измене и не остановившейся даже перед таким безупречным офицером гвардии и бывшим нашим военным агентом в Берлине, как граф Ностиц.

Интересно при этом, что за реабилитацию великого князя принялись так усердно и так с этим спешили, что военные операции отошли совсем на второй план и создали внутреннюю кампанию, в которой, натурально, великий князь, — хотя и мимоходом, — должен был оказаться победителем. По его настоянию, при сотрудничестве политиканов, я был уволен от должности военного министра и началась травля, результаты которой должны были выяснить, что великий князь не может быть виновен в

неудачах, раз вокруг него лишь измена, недостаток оружия и боевого снабжения.

* *
*

Чтобы сдвинуть скалистую глыбу, которая должна была меня сокрушить, целая масса рычагов приведена была в движение. Находили недостаточным нападать на меня в печати и в Государственной Думе и мои мероприятия критиковать и дискредитировать, недостаточно было тех обильных интриг между ведомствами и внутри их, которые в петербургском воздухе были обычным, понятным делом, — вторглись и в мою частную жизнь и затронули даже благотворительную деятельность моей жены в пользу действующих войск, чтобы меня задеть и в общественном мнении уничтожить. Из писем несчастной Императрицы Александры Федоровны к мужу — я вижу, что и она, хотя и помимо своей воли, приняла в этом участие, — поколебать мое положение.

В воскресение 26 ноября (10 декабря) 1914 г. жена моя, с затратою громадного и продолжительного труда, организовала в пользу раненых сбор.

Царица по этому поводу пишет, два дня после того, своему мужу, находившемуся вместе со мной на фронте:

«Я не желаю Сухомлинову зла, наоборот, но его жена в самом деле очень mauvais genre и всех, в особенности военных, очень озлобила, так как она меня «подвела» своим 26-го. Она говорила, что этот день очень подходит и что певцы хотят даром петь в ресторанах, чтобы собрать деньги для ее склада. И я позволила. К моему ужасу я увидела в газетах об'явление, что во всех ресторанах и кабарэ (с дурной репутацией) будут продавать напитки в отдел ее склада (мое имя помещено большими буквами) до трех часов утра (теперь все рестораны закрываются в 12) и что будут танцовать танго и другие танцы в ее пользу. Это произвело убийственное впечатление. Ты запрещаешь (слава Богу) вино, а я, выходит, способствую пьянству ради склада. Это ужасно, и все имели право быть в ярости, раненые также. А ад'ютанты министра должны были собирать деньги. Уже не было возможности остановить это — так что мы просили Оболенского приказать, чтобы рестораны были закрыты в 12, за исключением только приличных.

Эта .... вредит своему мужу и ломает себе шею. Она принимает деньги и вещи на мое имя и выдает их от своего имени. Она .... ему очень вредит, так как он ее слепой раб. И все это видят . . . Были сильные статьи в газетах».

Незадолго до моего увольнения, — между 12/25 июля 1915 г. императрица еще раз возвращается к моей жене, которая находилась в то время в Львове, вскоре после его занятия, и раздавала подарки.

Царица пишет:

«Вчера я видела м-м Гартвиг, она рассказала мне много интересных вещей о том, как они оставили Львов — и печальные впечатления о солдатах, приунывших и говоривших, что они больше не вернутся, чтобы драться с врагом голыми руками. Ярость офицеров против Сухомлинова прямо безмерна. Бедняга — они ненавидят самое его имя и жаждут, чтобы его прогнали. Ну, в его собственных интересах, прежде чем поднялся скандал, было бы лучше так и сделать. Это его авантюристка жена

совершенно разрушила его репутацию. Он страдает из за ее взяточничества и т. д. Говорят, что это его вина, что нет снарядов, — а теперь это наша гибель (проклятие). Я тебе это говорю, чтобы показать тебе, какие впечатления она привезла».

Незадолго до того, что это второе письмо Государю должно было прибыть в главную квартиру, — председатель Государственной Думы Родзянко был у великого князя Николая Николаевича, — настроенный Гучковым изобразить внутреннее положение в таком виде, что будто-бы в стране сложилось мнение, — одним взмахом разрешить вопрос снабжения можно моим увольнением и назначением вместо меня Поливанова. Николаю Николаевичу, которому Поливанов в свое время, за счет Государственного казначейства, за моей спиной, делал угождения, в роли военного министра был безусловно приятен.

В тот самый день, когда великий князь сообщал Государю требование председателя Государственной Думы, прибыло второе письмо императрицы, которое являлось точно голосом из армии.

Обработанный таким образом с двух сторон, — из опасения быть вынужденным сложить оружие перед императором Вильгельмом, — Государь пожертвовал мною, несмотря на то, что внутренно был на моей стороне и доверял мне больше нежели Поливанову. Может быть он даже рассчитывал на возможность моего возвращения к нему.

Сама Ставка не теряла времени. Начальник полевого штаба взял лично на себя труд изыскать средство, чтобы неудобного военного министра принести в жерву «общественному настроению». Один из возвратившихся из плена офицеров доложил, что немцы его подкупили убить верховного главнокомандующего, взорвать мост на Висле и при посредстве одного известного офицера сообщать им сведения о русской армии. Но в главной квартире этому обрадовались и распорядились ликвидацией этого офицера, на которого пало подозрение. Офицером этим должен был оказаться Мясоедов. Без всякого наблюдения за ним, без попыток выяснить каким именно путем быстро через фронт могли передаваться известия противнику, — Мясоедова арестовали. Отдан был затем приказ немедленно предать его полевому суду и дело «быстро и энергично» ликвидировать и приговор привести в исполнение, не представляя на конфирмацию. Так и поступили. Подробнее об этом скажу дальше.

Для об'яснения карпатской катастрофы прибегли к содействию тоже военно-полевого суда, — при оборудовании дела Кочубинским, который инсценировал с этою целью мое знакомство с Альтшилером, как перед тем использовали с тою же целью Мясоедова.

• •
•

В этих видах предстояло очернение военного министра и одновременное обеление великого князя, для чего потребовалась довольно сложная организация.

План Ставки заключался очевидно в следующем: преемником увольняемого военного министра назначить его личного врага; затем составить комиссию, которая являлась-бы его послушным орудием и установила, что вследствие бездействия бывшего военного министра, он в мере воз-

можности действовал в интересах противника, — на лицо не было никаких снарядов.

* * *

Поливанов в действительности занялся распоряжениями по делу бывшего военного министра и вместе с этим три органически связанные группы работали на этом-же поприще моего личного уничтожения и достижения своих целей, хотя и совершенно разнородных: великий князь — чтобы спасти свою славу полководца и если-бы удалось провести свой честолюбивый план стать самому царем, — Гучков — чтобы подготовлять пути в Государственную Думу для демократии и в конце концов Поливанов — личная жажда мести. Все три группы были единодушны в одном: а именно, что необходимо общественное мнение и всеобщее озлобление направить к одному пункту; этим пунктом — был я.

Ставка подготовляла материал против меня, как изложено выше.

* * *

Поливанов создавал инструмент, тот аппарат, который вел-бы к моему уничтожению, — в «верховной комиссии» для «расследования причин недостатка боевого снабжения». Председателем избран был генерал Петров, который при своих восьмидесяти годах давно уже потерял не только всякую связь с военным делом, но и всякое понятие о нем. Для какого либо самостоятельного ведения дела при своем преклонном возрасте он был совершенно не способен.

Членом комиссии был и товарищ председателя Государственного Совета, действительный тайный советник Голубев, точно такой-же престарелый человек, который в своей жизни никогда не держал никакого оружия в руках. Точно в насмешку ему поручено было расследование причин недостаточного снабжения пехоты штыками и о норме запасных штыков к наличному количеству винтовок.

По рекомендации генерала Поливанова был затем товарищ председателя Государственной Думы Варун-Секрет назначен в эту комиссию, — который клеветническими статьями в «Новом Времени» возбуждал против меня общественное мнение.

Если-бы эта комиссия действительно назначена была для той цели, которая значилась в инструкции, — я мог-бы еще понять, хотя самое время для начала этих работ, а именно период самого сильного нажима немцев, — избрано было не целесообразно. По окончании войны только такая комиссия могла-бы иметь смысл. В России такие комиссии были не новостью; после Японской войны, напр., целый ряд их функционировал и должен был дать возможность изучения оказавшихся ошибок.

Но ведь изучение ошибок или упущений, перед войной и во время таковой, — соответствующая комиссия должна была-бы обнять время вслед за Японской кампанией по 1914 г. — и не имела права произвольно ограничиваться лишь сроком с 1909 г., исключительно только потому именно, что в этот год случайно я назначен был военным министром.

Вся эта бессовестная интрига против меня в комиссии не была раскрыта, потому что нападающая на меня сторона имела возможность ору-

довать совершенно беспрепятственно, — тогда как я лично, вследствие лишения свободы, не мог ничего предпринять для своей защиты.

Уволенному Поливанову, с 1905 по 1912 г. стоявшему именно во главе тех отделов военного ведомства, которые занимались образованием запасов для военного времени, особенно важно было следы своей деятельности или бездеятельности стереть.

В комиссии, напр., меня обвиняли в том, что я «в течении войны» приказал 400.000 старых ружей забраковать. В свое время это дело поступило в Государственную Думу в таком виде, что я «незадолго перед войной» приказал 400.000 ружей уничтожить. В действительности не я, а мой в то время помощник генерал Поливанов и не в 1914 году, а в 1910 году решил этот вопрос об оружии и притом вследствие выраженного желания Государственной Думы очистить склады от устаревшего оружия, — чтобы поместить в них новое. Это несомненно показательная подробность; — с трибуны Государственной Думы я обвиняюсь чуть-ли не в государственной измене, а тот, кто это обстоятельство вершил и которого поэтому оно ближе всего касалось, в роли моего преемника, совершенно спокойно, выслушивал это, — вместо того, чтобы сделать честь истине и сказать правду.

Всем тем, которые желали воспользоваться случаем, чтобы свести со мной вновь свои старые счета, дана была возможность подавать доносы, наполненные клеветой и сплетнями, причем из верховной комиссии выделена была специальная комиссия, которая весь этот материал получала и разрабатывала. И, действительно, в эту вторую комиссию, — все, — буквально все, что только люди могли придумать против меня, — стекалось в общей массе. И семейные обстоятельства развода моей жены с ее первым мужем были сюда притянуты. Басня о моем мнимом состоянии из многих миллионов — о люстре из севрского фарфора, которую будто-бы у меня купили за невероятно большую сумму, с целью подкупа, равно как и о бессмысленных тратах моей жены и многие всякие другие глупости, поступали в общую кучу этой комиссии.

В довершение всего к услугам комиссии находился и весь государственный аппарат. Новый министр начал свою деятельность с увольнения моих старых сотрудников. Военная цензура тоже не пропускала ни одной строки в мою защиту; в Государственной Думе Поливанов не стесняясь высказался, что верховная комиссия это начало предания суду военного министра. Поливанов самолично вел газетную кампанию против меня и даже находил время заниматься корректурой в гранках статей, направляемых против меня. И все это в такое время, когда можно было думать, что собственно 24 часа в сутки было недостаточно, чтобы справиться с работой по обороне страны, которая лежала на плечах военного министра.

Этим описанным способом обрабатывалось общественное мнение, что казалось необходимым для достижения скрытых целей. К отделам ведомства, в которых я легко мог найти материал для личного моего оправдания, а также и всего военного ведомства, я не имел никакого доступа. Создали даже мнение, что я шпион! И все это совершалось в самой бестактной форме, бессердечно, из мести и к величайшему вреду для страны.

Это поведение нового министра в тяжелое время войны, — после роковой победы великого князя надо мной, содействовало второму крупному шагу по пути крушения военного ведомства и должно было соответственно вредно отразиться на армии и привести в конечном результате к полному развалу.

После девяти или десятимесячной работы, — последовал домашний обыск и мое заточение в Петропавловской крепости . . .

* * *

В то время, как я после письма Государя, совершенно успокоенный, не ожидал ничего дурного и петербургскими сплетнями вообще не интересовался, — Варун - Секрет и Гучков, с своей стороны обслуживавшие моего преемника Поливанова и князя Андроникова, — систематично заражали атмосферу, из уст в уста нашептывая утверждение, будто - бы я через мою жену получил громадные суммы денег и этим подкупом оплочен, и нахожусь в сношениях с противником, которого состою главным шпионом. Лишь много месяцев спустя, в тюрьме я мог составить себе понятие о размерах и бессовестности этой позорной работы. Когда закулисные деятели признали, что настроение против меня достаточно подготовлено, из «верховной комиссии» выделена была подкомиссия Посникова, в которую тогда и потекли всякие инсинуации и грязь, собиралось все, что только насплетничали на меня. Сама-же «верховная комиссия» ни разу меня, главу затронутого военного ведомства не спросившая, тихо и незаметно стушевалась.

* * *

20-го апреля (3 мая) 1916 г., я вышел погулять по Офицерской улице и обратил внимание, что под воротами соседнего дома собирается наряд полиции и что, чего доброго, готовится обыск по какому либо преступлению или для предупреждения недозволенного какого либо собрания. Но оказалось, что дело касается меня лично. Как только я взошел в переднюю, сейчас-же, через парадный и черный ход, появилась вооруженная полиция и наполнила все мои комнаты. Домашний обыск!

Это было уже показателем, что протоколы судебному следователю доставлены и настало время дело мое передать прокурору. Судебное следствие производили сенаторы Кузмин и Носович.

Началась одна из оскорбительнейших процедур; якобы, отправление правосудия, когда у ни в чем неповинного человека, — а в настоящем случае еще и заслуженного офицера, хорошо всем известного,— злоупотребляя законом, всюду суют свой нос, все раскрывают, роются, как в своем собственном кармане. Этот домашний обыск производили Носович и сенатор Богородский.

Хорош был Носович, ходивший у меня по кабинету, засунув руки в карманы и подслеповато рассматривавший фотографии, группы и портреты на стенах.

«У нас уже все предрешено», говорила его физиономия. А бедный старикашка Богородский, запряженный в это постыдное дело, среди развала, учиненного у меня, отпуская понятых, обратился к ним и городовым, сказав:

— «Прошу никому, ничего не говорить, что здесь происходило».

Все уже, казалось, кончилось, но какой-то юнец, с золотыми пуговицами на вицмундире, набрел в прихожей на блюдо с визитными карточками, которые он из усердия потащил к одному из старших чинов; но тому, вероятно, самому стало противно и он, в моем присутствии, резко сказал ему: «бросьте!».

Вся эта процедура длилась с раннего утра д 4-х часов пополудни. В каком состоянии были нервы моей жены и мои, — я думаю всякому понятно. Надо было много выдержки и характера, чтобы все это «оскорбление во имя закона» перенести спокойно. По заранее составленной программе должен был состояться арест, уже и генерал Григорьев прибыл, а между тем обыск не дал для этого решительно никакого материала и повода. Я ждал, чтобы все эти непрошенные мои гости покинули нас скорее, но они не уходили. После непродолжительного совещания мне было об'явлено, что теперь приступят к допросу.

Я просил отложить допрос до следующего дня, тем более, что было уже поздно, нервы мои взвинчены и никакие обстоятельные показания при таких условиях быть не могут. Носович, опасаясь, что Богородский чего доброго на это согласится, отрицательно мотал головой и согласия не последовало. Богородский даже рассердился, заявив мне, что если я откажусь сейчас от показаний, то он вынужден меня лишить свободы, так как пред'являемые мне обвинения чрезвычайно серьезны.

Поэтому, после бестолкового опроса, который другим и не мог быть, Богородский прочел мне постановление, в котором значилось, что мои показания не разубедили его в тех обвинениях, которые на меня взводятся, а потому он прибегает к высшей мере «пресечения», — а именно аресту, так как опасается, что я могу уклониться от суда.

Учинив все это, «юстиция» удалилась, оставив меня на руки полицмейстеру, который просил немедленно с ним ехать; все, мол, готово, а расставание с семьей и так тягостно и удлинять болезненные минуты бесцельно.

Я простился, — перекрестили мы друг друга с женой и к 8 часам вечера я очутился в Петропавловской крепости, где заведывающий арестованными в Трубецком бастионе, полковник Иванишин, сообщил, что помещение для меня уже дня три как приготовлено, а именно камера № 43.

В этот день никакой пищи у меня во рту не было, так как в крепости уже ничего не полагалось, а дома и стакана воды выпить не пришлось. В дополнение к этому, у меня с собой никаких решительно вещей не было. Мое душевное состояние, которое я испытывал, отвечало тому, как если-бы меня заперли в настоящем каменном гробу.

* * *

Сводчатой постройки камера моя в Трубецком бастионе имела в длину одиннадцать и ширину — шесть шагов. Цементированные стены и пол. Продолговатое, не широкое окно под потолком, в котором виднелся кусочек неба; с противоположной стороны — дверь, совершенно гладкая, открывающаяся с особенным, действующим на нервы лязгом только с наружной стороны. В ней открывалась отдельно небольшая форточка для передачи кушанья и имелся так называемый «глазок», — застекленная щель, закрытая тоже снаружи, — в кото-

рую можно было наблюдать, что делает заключенный. По средине камеры, вделанная в продольную стену головною стороною, железная кровать не имела решительно никаких выступающих частей. Для матраца были устроены железные полосы в переплете, скрепленные болтами, в местах соединения, своими головками значительно выступавшими. На этот переплет клался грубый холщевый мешок, игравший роль матраца, слегка набитый соломой, перемоловшейся в труху, — вследствие чего выступающие болты давали себя знать лежащему на нем узнику. В таком-же приблизительно роде была и подушка. Полагалась одна всего простыня и одеяло байковое, солдатское.

Мебели решительно никакой не было, а у постели, к стороне окна, на кронштейне в стену вделана была железная, довольно узкая доска, которая заменяла стол, а над ним помещался корабельный фонарь с круглым, толстым стеклом и рефлектором с электрической лампочкой, дававшей неприятный отраженный свет. Кроме того, в углу у двери, имелась раковина и водопроводный кран, а также ватер-клозет. Между двумя камерами в стене имелась печь, с отоплением из коридора и лишь душниками в номера.

Вот и вся обстановка, основная мысль которой была, чтобы заключенный не имел возможности лишить себя жизни. С этой целью, при поступлении арестованного, решительно все у него отнималось, — ни подтяжек, ни ремней, не говоря уже о перочинных ножах, и т. п. ему не оставляли. Давали днем полотенце, но в 9 часов вечера и оно отбиралось: можно на нем повеситься, но на чем?

* * *

Первую ночь я провел, конечно, не раздеваясь; — в апреле месяце было холодно, и своего я ничего не имел, что смягчило-бы хоть сколько-нибудь суровую обстановку, в которую я так неожиданно попал. Походив довольно долго из угла в угол, изображая тигра в клетке зоологического сада, я лег на настоящее «прокрустово ложе», причем на первых порах болты из под матраца дали себя сильно знать и мне казалось, что я не засну. Каково-же было мое изумление, когда я проснулся лишь утром и сразу не мог сообразить, где я. Тогда пришло мне в голову, что прав тот мудрец, который изрек, что «чистая совесть, самая лучшая подушка» — и утешал себя мыслью, что ни Кузьмин, ни Носович спокойно спать не должны, на мягких своих одрах.

* * *

Летом, когда предстоял ремонт камер нашего коридора, меня перевели в № 55, в котором было несколько больше света и меньше сырости, вследствие того, что он был угловой, стена, окружающая каземат, отходила здесь дальше. Кроме того у этого номера не было соседних камер, а помещались, с одной стороны, цейхгауз, а с другой — библиотека.

Последняя составилась из пожертвований, главным образом бывших заключенных, и при значительном количестве книг, была довольно содержательна, не исключая и сочинений на иностранных языках. Обстоятельно составленный каталог давал возможность удобно пользоваться этой литературой. Более ста книг и я внес в него своих.

На продовольствие от казны полагалось всего 40 к. в сутки, и три

раза в день подавали кипяток в чайнике. При отсутствии собственных средств у заключенного, — приходилось довольствоваться из котла команды крепости.

Но, оставшаяся тогда на свободе, жена моя, — на другой же день моего заключения энергично принялась хлопотать о том, что можно сделать, чтобы облегчить мое положение и протестовать против небывалого произвола.

Как оказалось, многим была совершенно ясна подкладка всего затеянного против меня, и жене удалось поэтому кое-что выхлопотать. Мне разрешен был и свой матрац и постельное белье, складной столик и кресло.

Во время этих хлопот обо мне, шофер нашего автомобиля обратил внимание жены, что какой-то автомобиль настойчиво за ними следует.

Жена зайдет в магазин, — автомобиль этот останавливается не далеко и какой-то господин подходит и заглядывает в окно, что жена там делает. Во время одной такой остановки, жена подозвала к себе этого господина и пригласила его сесть в наш автомобиль. Не ожидая никак этого, он растерялся и сел, а жена привезла его быстро в департамент полиции и надо же было, чтобы в это время на под'езде был сам директор, которого она знала. Она сдала, таким образом, преследовавшего ее господина с рук на руки, — его арестовали и выяснилось, что это сыщик, так сказать «приватный», председателя совета министров, господина Штюрмера. Даже департамент полиции поразился таким усердием.

Большим утешением были свидания, хотя очень краткосрочные, в присутствии полковника Иванишина, причем не разрешалось говорить ни о деле, ни о политике, ни о газетах, вообще о том, что не касается семейных дел и дома.

Ежедневно на полчаса меня пускали на прогулку, в небольшой садик, внутри пятиугольного бастиона, а когда заключенных было совсем мало, одно время чуть ли не я только один, то и по часу и притом два раза в день. Ко мне слетались голуби, и я их кормил исправно хлебом и зерном, приручив до того, что, когда только показывался из двери, они окружали меня целой стаей, садились на плечи, вились над головой. Я приучил их ходить за мной по пятам. Посреди садика находилась баня, которая отапливалась в две недели один раз.

Наблюдательная команда состояла из 24 человек, — половина жандармов Петербургского губернского жандармского управления, и другая половина — специально крепостных нижних чинов. При царском режиме люди эти неуклонно исполняли все правила, установленные для наблюдения за арестованными, но делали это человечно, не позволяя себе ни в чем ухудшать и без того тяжелые условия узников, — наоборот, что только допустимо было, толковалось в пользу заключенных.

Несколько раз навещал меня комендант крепости, мой старый знакомый, бывший командующий войсками Одесского военного округа, генерал Никитин.

В церковь не пускали, но священник для исповеди и причастия приходил в бастион, отводилась пустая камера, куда приносились образа и аналой.

* * *

Довольно долго не являлся ко мне для допроса сенатор Кузмин. Но наконец появился вместе с Носовичем и секретарем.

Являясь в Трубецкой бастион, Кузмин напомнил мне «Акакия Акакиевича», аккуратным обращением своим с канцелярскими принадлежностями и формалистикой заурядного чиновника, — будучи слепым к существу дела до такой степени, что для краткости пропускал смысл. Протоколы писал всегда собственноручно, тщательно выводя любимые им буквы, а в один из них вставил, не стесняясь, целую фразу, которую я не говорил, но которая ему тоже нравилась.

В то время, что я сидел в крепости, жене моей пришлось еще раз удостоиться домашнего обыска. Всеми способами ограничивали меня в средствах для защиты. Арест, во всех отношениях, значительно ухудшил все мое положение; я не имел возможности ответить на все клеветнические нападки, раздававшиеся с трибуны Государственной Думы и появлявшиеся на страницах печати.

При обыске, по распоряжению сенатора Кузмина, у меня взята была и упомянутая выше записка 1909 года, которая была возвращена, по окончании следствия. На ней имеется пометка следственной власти: «Приобщить».

Очевидно имелось в виду учесть содержащиеся в ней данные, — но когда выяснилось, что записка может свидетельствовать лишь в мою пользу, — то «приобщения» не состоялось.

Для характеристики, чем оканчивались мои попытки получать иногда справки, могу указать на такие курьезы:

Прошу официально сообщить мне копии журнальных постановлений военного совета о предуказаниях 1904 года, которые очевидно относились к вопросу снабжения снарядами. Не скоро, конечно, получаю однако копию о снабжении, не снарядами, а биноклями! Прошу справку о снарядах через следователя, сенатора Кузмина, который мне пишет, что предоставляет обратиться непосредственно в ведомство. Пишу военному министру, ссылаясь на указания сенатора Кузмина. Долго не имею ответа. Оказывается, что военный министр Шуваев спрашивал заключения министра юстиции Добровольского, который ответил, с ссылкой на разные статьи закона, что как частному лицу, мне выдавать справок не полагается, но что я могу обратиться через сенатора Кузмина!

Просил через председателя верховной комиссии, генерала Петрова, справку о поставке автомобилей. Очень скоро получил ответ, что распоряжение сделано и с 1915 года по настоящее время этой справки я не получил.

А она представляла большой интерес, ибо после моего ухода цена по поставке грузовиков, с $8^1/_2$ тысяч руб. возросла сейчас-же до $18^1/_2$ тысяч.

Мне не удалось, конечно, узнать и о поставке более миллиона ружейных лож к винтовкам, — членом военно-промышленного комитета В. М. Родзянко, для чего он покупал березовую рощу у помещицы Хитрово, близ села Кончанского, Новгородской губернии; — а интересно было-бы знать, сколько времени потребовалось на превращение рощи в ружья и во что это обошлось?

Так состоялось мое обвинение! Два сенатора, Кузмин и Носович, с усердием заслуживающим более достойного дела, записали свои фамилии на черную доску нашей юстиции, рядом с прапорщиком Кочубинским, несомненным провокатором, процесс этот орудовавшим и подготовлявшим.

Этот скандал в благородном семействе всероссийской юстиции осуществлял третий сенатор — Н. Н. Таганцев, который основных принципов истинного отправления правосудия не признавал.

Полгода, таким образом, продержали меня в заточении и несмотря на то, что приняты были все меры, чтобы я лишен был средств для защиты от клеветы, правда стала пробиваться. Даже Кузмин вынужден был составить постановление, очень для него тягостное потому, что, несмотря на консилиум врачей, меня освидетельствовавших и признавших вредным пребывание мое в каменном мешке, — в свое время он не освобождал из заключения, — а в конце концов прописал: «по ходу дела признаю возможным заключение заменить домашним арестом . . .»

За несколько времени до этого я получил по почте от какого-то доброго человека серебряный образок Корсунской Божьей Матери, с запискою: «Верю в вашу невиновность». Если эти строки попадут ему на глаза, — пусть он примет мою горячую благодарность за тот целительный бальзам, которым его слова и образок были тогда для наболевшей души моей.

* *
*

Получив от следователя постановление об освобождении моем, комендант Петропавловской крепости, добрейший генерал Никитин, пришел сам об'явить эту действительно радостную весть, и в октябре я, через 6 месяцев, возвратился к себе на квартиру.

По соглашению с министерством внутренних дел, — домашний арест обставлен был таким образом, что из губернского, жандармского управления по очереди дежурили офицеры, сменяясь в 12 ч. по полудни: Верещагин, Лавренко, Козак, Игнатьев, Белопольский, Шершов, Тучемский и Собещанский. Повидимому, дежурства эти не были для них тягостны, а меня они не могли стеснять, после того, что я испытал в одиночном заключении.

За полгода я так отстал от всех событий и одичал, что потребовалось известное время, чтобы освоиться с моим новым положением и обстановкой полу-свободного человека. Из того, что я узнавал, — в какой массе людей пришлось разочароваться и убедиться, кто был истинным другом. В несчастии это именно познается весьма определенно.

Глава XXXIII

Подготовка к моему процессу

30—40 томов обвинительного материала. Что они говорят? Работа, предшествовавшая моему процессу, в главной квартире. Использование психологии войны и шпиономании. Полевой военный суд над Мясоедовым. Колаковский возвращается из немецкого плена. Его мнимые немецкие поручения. Мясоедов оправдан по делу шпионажа, повешен за мародерство. Опровержение Колаковского. Процесс полковника Иванова. Прапорщик Кочубинский в роли следователя-судьи. Мнение главнокомандующего юго-западным фронтом об этом процессе. Военный министр, как глава банды шпионов не опрошен, но обвинен. Подготовка процесса Андрониковым. Моя севрская люстра. Салон Червинской. Возбуждение общественного мнения Бутовичем. Письма Янушкевича не просмотрены. Раскрытие моей частной жизни. Свидетели отказываются. Вопросы, которые следовало поставить. Февральская революция 1917 г. Возобновленный арест. Керенский выдвигается. Опять камера 55. Новый персонал. Недостойное обращение. Арест моей жены. Наши сношения в заточении. А. А. Вырубова под арестом. Изготовляю пасьянсные карты. Улучшение моей камеры. Изучение судебного материала. Присяжный поверенный Муравьев в роли председателя следственной комиссии. Поспешное окончание судопроизводства.

Говорят, «дурная слава по большой дороге валит, а добрая — по тропинкам пробирается». Со слов тех, кого я после освобождения из крепости видел, для меня было ясно, что по тропинке кое-что уже пробирается. В печати начали выясняться по мясоедовскому делу некоторые подробности. Так, напр., в «Новой Жизни» г. А. Гойхбарг сообщает следующее:

«Верховное командование, желая снять с себя вину за отступление нашей армии, решает об'яснить это отступление существованием обширной шпионской организации. Для этой цели инсценируется процесс о шпионстве. Набираются с бору да с сосенки разные обвиняемые, в большинстве евреи, из которых многие никогда и не видели Мясоедова.

Собирается подходящий материал и по поручению верховного главнокомандующего поручают следствие следователю по особо важным делам в Варшаве Матвееву, который совокупно с прокурором Жижиным начинает «готовить» дело.

Но верховному главнокомандующему не терпится. Он приказывает «закончить дело быстро и решительно», незаконно приказывает передать дело особо образованному военно-полевому суду. Следователь вопреки закону, не окончив следствия, отсылает дело в военно-полевой суд.

Военно-полевой суд, скоро-решительный, на основании оговора сумасшедшей, покончившей с собою до суда, приговаривает трех обвиняемых евреев — Бориса Фрейдберга и братьев Зальманов к смертной казни, трех обвиняемых: еврея Давида Фрейберга, купца Ригерта и крестьянина Микулиса к каторге, а остальных 8 человек оправдывает. Этот приговор на следующий день, 17-го июня, был утвержден и в отношении смертников был приведен в исполнение.

Но такое малое количество смертных приговоров, опровергавшее легенду об обширной шпионской организации, погубившей армию, повидимому, вовсе не понравилось инициаторам этих организованных убийств. Хотя оправданных судом вторично судить нельзя, но не насытившийся тремя убийствами, тремя смертями, Николай Николаевич Романов отдает новый неслыханный приказ считать приговор утвержденным только относительно казненных, а всех остальных, т. е. и тех, кто уже вошедшим в законную силу приговором военно-полевого суда, были признаны не виновными, вновь судить другим судом, военно-окружным, так как, по его мнению, они все таки шпионы. Причем в приказе сказано: «безусловно не допуская гражданских защитников . . . и принять все меры к формированию надлежащего состава суда и назначению опытного обвинителя».

Этот приказ был равносилен приказу приговорить к смерти еще несколько человек, это был приказ подстрекателя убийцам. И Двинский военно-окружной суд вновь судил 11 человек, из которых 8 были, по решению военно-полевого суда, заведомо невиновными, и приговорил к смертной казни, кроме трех стариков, прежним судом приговоренных только к каторге, также и трех оправданных, еврея Фалька 58 лет, барона Гроттуса и Мясоедова.

Всем обвиняемым, опять вопреки закону, было об'явлено, что на это решение нельзя принести никакой жалобы. Приговор, явно незаконный, был утвержден, но барону Гротгусу и Мясоедову заменен каторгой».

Вполне возможное, при таких условиях, прекращение моего дела грозило завершиться крупным скандалом для многих, принимавших недобросовестное участие в этой грандиозной провокации.

Но закулисные мастера Поливанов и Гучков не зевали. Надо было спасать положение. Кузмин и Носович поехали в Тифлис и допрашивали Янушкевича. Но ничего из этого не вышло, нельзя было ничего придумать, что могло-бы меня сокрушить окончательно; поэтому пришло в голову использовать явно ложное показание Бутовича, опровергаемое лицом, на которое тот ссылался, и пред'явить мне новое обвинение в том, что будто-бы в Германском банке в Берлине помещены мои миллионы и кроме того впутать мою жену, пред'явив и ей обвинение.

Начались опять допросы и мы с женою уже ездили в министерство юстиции, где была штаб-квартира нашего следователя. И после шестимесячного заключения началось затем ознакомление наше со следствен-

ным материалом; можно было с ума сойти от всей той наглой лжи, клеветы, провокации и всего нагроможденного в нем. Бессовестно при этом, понукали нас, чтобы мы скорее читали всю эту груду в тридцать или сорок томов!

Что выяснили эти акты?

Может быть читателю не легко будет поверить следующему, но я утверждаю, что излагаемое мною взято из обвинительного акта.

Я убежден, что найдутся русские юристы и писатели, которые эти документы еще раз пересмотрят, чтобы восстановить добрую славу русского правосудия исследованием, свободным от возражения и ничем не связанным.

Как раз в то самое время, когда специалисты военного дела начали резко критиковать стратегические эксперименты великого князя, которые стоили нам трех армий, входящие в состав штабов господа взяли на себя труд все несчастие об'яснить недостатком боевого снабжения. Этого обвинения было, пожалуй, достаточно для того, чтобы убедить Государя в необходимости меня уволить, но боевую славу великого князя спасти этим не могли. Это в Ставке скоро поняли. Положение великого князя стало-бы не очень завидным, если-бы энергичное расследование предпринято было для выяснения вопроса о несправедливом увольнении военного министра и по каким именно побудительным причинам.

Если не сам великий князь, то Янушкевич должен был ожидать возможности возникновения подобного дела. Допустить это было опасно и поэтому решили использовать обычную психологическую особенность на войне при неудачах, охотное и при том болезненное доверие ко всяким слухам об измене.

Нужен был для этого кое какой материал, а главное юристы, с этикой этой корпорации не считающиеся и от всего сердца холопствующие. Нашлось и то и другое; в результате же получились два приговора военно-полевых судов, которые послужили поводом создать чудовищное обвинение меня в измене. Это были приговоры полевого суда над Мясоедовым в Варшаве и Иванова в Бердичеве. Варшавский приговор состоялся вследствие ложного доноса возвратившегося из плена подпоручика Колаковского. Он заявил, что немцы его отпустили с условием, чтобы он организовал убийство великого князя Николая Николаевича и уничтожение мостов на Висле; что-же касается передачи сведений о наших войсках немцам, — то это он может исполнить через Мясоедова, — находящегося в связи с военным министром, у которого, между прочим, с 1912 года он уже не находился. — Это заявление доложено было мне своевременно и я сейчас-же его направил в главную квартиру. В Ставке не потрудились в достоверности этого сообщения убедиться и выяснить, каким путем с фронта могли доставляться сведения противнику; более того, отдан был приказ немедленно ликвидировать полковника Мясоедова — полевым судом.

После неудач в Восточной Пруссии, генерал Янушкевич писал мне: «Дело Мясоедова будет вероятно ликвидировано окончательно, в отношении его самого не сегодня-завтра. Это необходимо в виду полной измены, для успокоения общественного мнения до праздников.»

Долго не могли получить подлинное дело полевого суда в Александровской цитадели в Варшаве и дали его для просмотра мне только в

последние дни предварительного следствия, в 1917 году, причем оказалось, что по двум главным обвинениям Мясоедов был оправдан, а именно: 1) в том, что будто сообщил о XX-м корпусе неприятелю и 2) что полученные сведения о германских войсках в Мариамполе скрыл от штаба. — Виновным-же признан в том: 1) что сообщал сведения иностранному государству в 1907, 1911 и 1912 г. г., причем в деле нет никаких данных, чтобы судить, на чем это основано и как мог в 1915 г. разобраться в этом полевой суд, которому повелено было покончить дело «быстро и решительно»; затем 2) что собирал сведения для сообщения агентам германских властей о наших войсках и сообщал-ли он действительно — не установлено и 3) за мародерство.

Собственно за последнее он осужден, так как сам в этом сознался. Что-же касается обвинения в преступлениях, совершенных будто-бы Мясоедовым в мирное время, в 1907, 1911 и 1912 г. г., то оно сверх всего и не подлежало суждению полевым судом.

Мнимый немецкий шпион, освобожденный поручик Колаковский между тем в последующих своих показаниях сознался, что о покушении на великого князя он сочинил, чтобы обратить на себя больше внимания. В отношении-же Мясоедова сперва показывал, что никогда о нем не слыхал, а затем, что будучи еще в военном училище читал о дуэли Мясоедова с Гучковым.

В публике всего этого конечно не знали и «до праздников» 1915 года общественное мнение могло успокоиться, что виновник неудач найден и осужден.

* *
*

Другой приговор полевого суда, а именно против полковника Иванова и Ко., — явился тоже необходимым вследствие великокняжеских неудач в Карпатах.

В письме ко мне эти неудачи за-карпатской операции вызвали со стороны генерала Янушкевича такой-же вопль об измене: «Сейчас узел событий на Карпатах. Надо успеть предупредить. Очень опасаюсь, что и там есть свой Мясоедов. Так это чувствуется, что волосы дыбом становятся. Неужели Русь так опустилась? Впрочем Бог даст, справимся и с изменниками, хотя роль даже заглазного палача и не особенно приятна, но тут не до того». Так писал мне Янушкевич.

И действительно, усердием следователя, специалиста в таких делах, прапорщика Кочубинского, найден и здесь шпион Альтшиллер, которого я знал еще в Киеве, и в составе уже целого сообщества: полковник Иванов, его жена, Н. М. Гошкевич, его бывшая жена, Веллер, Думбадзе и писарь главного артиллерийского управления Милюков.

Если дело Мясоедова возмутительно, то дело полковника Иванова и Ко. верх безобразия и морального упадка; приговор по этому процессу, который велся полевым судом в Бердичеве, — состоялся лишь после моего увольнения.

Какой это был суд, можно судить по сообщению главнокомандующего юго-западным фронтом 23 февраля 1916 года начальнику штаба верховного главнокомандующего, по поводу приговора: «Я не могу не придти к выводу, что между изложенным в приговоре и постановлением заключается непримиримое противоречие: суд, признавая подсудимых

виновными в тягчайшем преступлении, в шпионстве, в военное время, в текущую войну, в пользу неприятеля, — в то-же время указывает, что деятельность названных лиц являлась полезной в период настоящей войны, а в отношении Иванова даже усиленно полезной. Такое исключительное противоречие, в таких важных документах, как приговор суда и постановление того-же суда, я могу об'яснить только тем, что полевой суд не вынес твердого убеждения в виновности осужденных, а это в свою очередь могло произойти вследствие того, что полевой суд не мог разобраться во всех деталях дела и справиться с возложенной на него задачей, о чем неопровержимо и свидетельствует противоречие приговора и постановления».

К счастью, по этому суду никого не казнили, двух дам оправдали, остальных-же приговорили в каторгу и на поселение, на разные сроки.

Насколько все это было незакономерно, достаточно указать на то, что на основании ст. 1321 Уст. Воен. суд. дело было подсудно военно-окружному суду. Затем на основании ст. 1317 того-же устава, так как в «сообщество» входил нижний чин, унтер-офицер главного артиллерийского управления, Милюков, — то и в Петроградском суде. А это было уже совсем не в интересах преступного оборудования и подтасовки всего дела, ибо, если по ст. 1345 Уст. Воен. Суд. как свидетеля меня могли не вызвать, — то в Петрограде избежать этого было трудно.

На суде все время упоминалось мое имя, а я допрошен не был. Письмо, которое я писал начальнику штаба фронта, — Кочубинский пред'явил лишь после энергичного настояния подсудимого Н. Гошкевича.

Что касается «сообщества», то только неблагородным усердием угодить Ставке можно было сочинить подобный абсурд, как то, что будто-бы военный министр «состоял деятельным членом преступного сообщества и будучи по должности источником наиболее важных военных тайн, являлся центральною фигурою этого сообщества, связующим звеном между деятелями, с одной стороны германского, с другой — австрийского шпионажа».

Преступное-же сообщество это образовалось, якобы, с целью «учинения против России государственной измены, а именно, способствование правительствам Германии и Австро-Венгрии в их враждебных против России планах и действиях, путем собрания и доставления этим правительствам, через их агентов, сведений о вооруженных силах России».

Обращаясь просто к здравому смыслу судей, спрашивается, зачем «источнику военных тайн» могло понадобиться целое сообщество, в таком прямо до смешного составе, с Анной Гошкевич и писарем Милюковым? «Тайны» у меня в руках, а я собираю какую-то совершенно невероятную компанию, для собирания этих-же тайн, подвергаю такое страшное дело, без всякой надобности, риску!

* * *

В актах следственного производства было еще много чудовищного. Оба приговора полевых судов казались недостаточными, — чтобы на основании моих отношений к Мясоедову и Альтшиллеру — приговорить и меня к смертной казни. Поэтому в следственный материал притянуто было и десятилетней давности бракоразводное дело моей жены с первым ее мужем Бутовичем. Пожалуй, была здесь и другая еще цель, — при-

дать моему процессу «пикантность» и доставить господину Бутовичу случай своей клеветой и сплетнями обдавать меня грязью перед обществом.

Среди следственного материала находился и анонимный донос, автором которого обнаружился князь Андроников.

Когда назначена была комиссия генерала Петрова, для выяснения причин недостаточной подготовки нашей к войне, то князь Андроников сочинил донос, который в экземпляре, направленном в комиссию генерала Петрова, заканчивался заявлением, что пишет маленький человек, не рискующий подписаться, чтобы не пострадать от Сухомлинова, но может указать на князя Андроникова, который, он надеется, не откажется подтвердить все изложенное, невинным маленьким человеком.

Пригласили Андроникова и как автору этого клеветнического документа, — ему-ли было не знать, что там написано? Показания его сошлись с доносом, как две капли воды, и послужили программой для всего следствия. А все, что было измышлено князем, при содействии достойных его сотрудников, о нашей с женой жизни, всякими благородными способами, — было напр., в таком роде:

Была у меня севрская люстра, которую я собирался продать. Об этом знала Червинская. Из этого создано было, что я продал люстру на завод Шнейдера-Крезо за громадные деньги. Маскированный подкуп! Но люстры я не продал и с Крезо никогда никаких дел не имел; сама-же люстра продолжала висеть в моей квартире.

Затем: в склад ее величества, устроенный у меня на квартире, инженер Балинский привез пожертвование от завода и вручил деньги мне. Я передал их по принадлежности и квитанцию выслал Балинскому. Этот факт в доносе превратился во взятку, которую я якобы получил от Балинского за заказы на его фабрику.

Не трудно представить себе, какой смысл мог быть в подобном подкупе в такое время, когда у нас не было достаточно заводов для наших заказов и вследствие этого скорее всего правительство находилось в зависимости от доброй воли фабрикантов, а не обратно! Русская индустрия далеко не была так развита, чтобы правительство могло делать выбор, и военный министр должен был-бы радоваться, что вообще может помещать свои заказы. Таково было совершенно ясное положение этого дела.

В довершение всего:

Жена моя была в меховом магазине, где ей показывали дорогой мех, в несколько десятков тысяч рублей, как и другим дамам; — купила же она всего муфту в несколько десятков рублей. Об этом чудном мехе был конечно разговор дома. Этот факт приводился в доказательство безумных, не по моим средствам, трат и, стало быть, тоже на доходы не законные; о покупке муфты одной, конечно, умалчивалось.

На все это и подобные-же измышления свидетели готовились из салона госпожи Червинской. Но на суд никто из этих лже-свидетелей не явился, — один только Андроников был приведен под стражей и тот сознался, что никаких конкретных данных у него не было во всем том, что он сочинял в своем доносе.

* * *

Верховная комиссия генерала Петрова имела полную возможность все эти махинации и измышления Андроникова разоблачить; для этого ей нужно было только допросить меня. То, что она на это решилась, было понятно, если представить себе цель ее существования. Она образована была не для того, чтобы раскрыть правду, — а чтобы ее скрыть и меня уничтожить.

Оценке свидетелей сенатор Кузмин не придавал никакого значения и подбор их оказался удивительный, — начиная князем Андрониковым и кончая австрийским шпионом Мюллером.

Мои дополнительные, письменные показания подшиты просто к делу, без занесения в постановление или протокол, поэтому не попали в копии. Вообще материал, который мог служить в мою пользу, игнорировался, а письменные показания, поданные моей женой дополнительно следователю Кузмину, в Петропавловской крепости, через администрацию последней, из дела исчезли даже бесследно, о чем и было заявлено на суде.

В таком-же смысле сделана и выборка из писем моих и Янушкевича; а целый ряд писем из действующей армии, взятых у меня при обыске, в которых добросовестный следователь мог найти материал, свидетельствующий о том, что нельзя приписывать мне какое-то яко-бы «бездействие», раз армия выступила в поход, в образцовом порядке, — Кузмин игнорировал совершенно. Сенатор Кузмин не обратил даже внимания на то, что я ни разу не был вызван в верховную комиссию и что при расследовании причин недостаточной подготовленности нашей армии, — о деятельности Совета Государственной Обороны, специально для того созданном и существовавшим с 1905 по 1909 г., ничего не выяснено, равно как упорно умалчивается о том, что-же я получил в наследство и что сделано.

* *
*

В результате следственного производства г. обер-прокурор, сенатор Носович, получил такой обильный следственный материал, в котором из за дров леса стало не видно. И он правильно сказал нам с женою, после одного из допросов, что для того, чтобы разобраться во всей массе томов, надо два года. Защита-же имела на это меньше месяца.

Не особенно способствовало, при столь одностороннем направлении, которое получило дело, — собиранию данных для фактического разоблачения всего, не правильно мне приписываемого, — в особенности при той позиции, которую занял сенатор Кузмин.

Два года тянулось дело, возникшее в 1915 году, в самый разгар войны, для выяснения причин недостаточности снабжения армии боевыми припасами. В этот столь продолжительный промежуток времени, все, кто только хотел, могли делать какие угодно заявления и началось нагромождение в одну кучу, — ведомостей о пушках, ружьях, снарядах, подозрениях о шпионстве, покупке имения, продаже люстры, мехах, шляпках, нарядах, бракоразводном деле, супружеских подвигах Бутовича и т. п. сплетень, клеветы, шантажа.

Г. обер-прокурор имел полную возможность рассеять туман, что не представляло никаких затруднений. Надо было поставить несколько

вопросов по существу, для ответа на которые, из кучи взять лишь материал, непосредственно относящийся к делу. А именно:

1. В каком состоянии была русская армия к 1909 году? На этот вопрос, можно было ответить неопровержимо:

— К выступлению в поход не готовою и не боеспособною.

2. В каком состоянии застало ее об'явление войны в 1914 году?

— Способною быстро мобилизоваться, — сосредоточиться на театре войны и боеспособною.

3. Чем-же об'яснить недостаток снабжения боевыми припасами?

— Тем, что никто из воюющих сторон не ожидал такой продолжительной войны. То что можно было сделать в $4^1/_2$ года — в русской армии, — сделано, и для кампании в 4—6 месяцев, при правильном расходовании припасов, было достаточно.

4. Почему не приняты были меры обеспечения боевыми припасами на случай такой продолжительной войны?

— Потому что на это не было, ни времени, ни средств, так как только широко развитая обрабатывающая промышленность в стране могла задачу эту разрешить успешно. Одному-же военному ведомству — такая задача была не по силам.

На этом, по вопросу о бездействии власти, можно было-бы поставить точку, потому что в разных деталях специального артиллерийского дела явится возможность разобраться лишь по окончании войны; а делать сейчас одного человека ответственным решительно за все, относящееся даже ко времени за долго до его фактической ответственности — может быть с политической точки зрения и нужно было, но с этической было безсовестно, не честно.

Что-же касается обвинения в измене, то тут и вопросов ставить не было надобности, ибо чистейший вымысел, фантасмагория прапорщика Кочубинского, со всей очевидностью вызывала необходимость применения к нему ст. 1210 Уст. Воен. Суд., т. е. за преступление по должности следователя, проявившему, чисто провокаторскую деятельность.

Мое глубокое убеждение, что это для г. обер-прокурора был тот редкий случай, когда по чистой совести обвинитель от обвинения мог отказаться, что было-бы встречено полнейшим одобрением.

Что все дело направлено было исключительно против меня одного, ясно уже потому, что началось оно группою лиц, подлежащих ответственности, и на протяжении двух лет — растеряли всех, кроме меня, а присоединили мою жену, заточив и ее в крепость, чтобы лишить меня того участия с ее стороны в разоблачении гнусной интриги, которое она могла принять.

* * *

В то время что я так отстаивал свою голову, вспыхивает февральская 1917 г. революция и какая-то компания вооруженных людей арестует меня на квартире и везет в Таврический дворец, где уже организовалась новая власть.

Во время переезда в грузовом автомобиле, суб'ект в очках держал против моего виска браунинг, дуло которого стукалось мне в голову на ухабах. Полнейшее мое равнодушие к этому боевому его приему, привело к тому, что он вскоре спрятал оружие в кобуру.

Несколько затем вопросов относительно моего дела и совершенно спокойные мои ответы на них, окончились тем, что первоначальное неприязненное ко мне отношение превратилось в благожелательное.

У Таврического дворца снаружи и в залах, по которым я проходил, была масса народа, и никаким оскорблениям я не подвергался, как об этом неверно сообщали газеты. Действительно, всего единственный долговязый кавказского типа человек, произнес из дальних рядов «изменник»; — я остановился и глядя на него в упор, — громко ему ответил «неправда», — тип настолько уменьшился тогда в росте, что головы его больше не стало видно, — и я спокойно продолжал дорогу, — решительно без малейших каких-либо инцидентов.

Сперва меня провели к коменданту, должно быть города, каковым оказался бывший улан Его Величества, а затем офицер генерального штаба, член Государственной Думы, — Энгельгардт.

Он, конечно, поспешил меня сплавить, — я вполне понимаю его щекотливое положение при таком свидании и по указанию господина коменданта меня повели к Керенскому. Разобраться в том сумбуре, который происходил в то время в этом бывшем Потемкинском жилище, было очень затруднительно. Мы вошли в какую-то залу, в которой за громадным столом сидела масса генералов, чиновных лиц и кроме того у всех стен, где только можно было приткнуться. Я думал, что это заседание какое-то, причем заметил генерала Павла Сергеевича Саввича и Петра Ивановича Секретева. Оказалось, что это все арестованные. Меня провели дальше и в небольшом коридоре просили обождать.

Я сел у колонны и наблюдал то столпотворение, которое вокруг происходило. Солдаты, матросы, штатские с повязками и шарфами, вооруженные, — все это снует, чего-то ищет: — «товарищ, — как пройти» к такому то. «Вы, товарищ, обратитесь в информационную комнату»... Кругом все «товарищи».

Подошел ко мне какой-то приличный господин и просил очень вежливо, чтобы я спорол погоны и подал мне ножницы. Я их просто отвязал и отдал ему; — тогда он попросил и мой георгиевский крест, но я его не отдал и к моему удивлению, бывший тут часовой, молодой солдатик, — вступился за меня и сказал:

— «Вы господин (а не «товарищ») этого не понимаете, это заслуженное и так отнимать, да еще такой крест, — не полагается».

Наконец пригласили меня, тут же рядом, в сени, где стоял взвод солдат с ружьями и появился Керенский, небольшого роста, бритый, как актер.

Мне он ничего не говорил, а обратился к нижним чинам и в приподнятом тоне сказал, что вот, мол, бывший военный министр царский, который очень виноват и его будут судить, а пока он им повелевает, чтобы волос с головы моей не упал. Хорошо, что я был в фуражке, а то люди убедились-бы, что им нечего оберегать на моей голове.

Так начал свои гастроли, в роли Бонапарта, — Керенский, выступая против царизма.

Тем все и закончилось, — я вышел на внутренний под'езд дворца, где стоял тот самый автомобиль, в котором меня привезли; мой почетный караул, оберегавший мои волосы, присутствовал когда я в него садился, —а мои, уже старые знакомые, конвоиры дружески встретили меня и

распорядились самостоятельно, чтобы посторонней публики не было. От них-же я узнал, что меня повезут в Петропавловскую крепость, куда приблизительно через полчаса меня и доставили.

После-же моего ареста явилась на квартиру целая шайка грабителей, во главе с прапорщиком Черкуновым и под предлогом обыска оружия, попользовались чужою собственностью. Предусмотрительный прапорщик этот перед тем чтобы удалиться с награбленным, потребовал удостоверения, что никаких претензий жена моя к ним не имеет, они исполнили свой революционный долг, как порядочные люди.

В крепости уже хозяйничали революционеры, вместо коменданта появился какой-то офицер, в кавказской казачьей форме. Грязь и беспорядок успели уже водвориться в комендантском доме. Какой-то гимназист сидел в роли писаря, хотя кое-кто из старых писарей еще показывался. Тут-же ели, пили, курили, спали, вообще делал всякий, кто что хотел, — полная свобода была на лицо.

В то время как я, среди этой публики, ожидал своей дальнейшей участи, явился хорунжий донского войска и осиплым голосом рассказывал, как он с казаками водворял порядок при разгроме винного магазина на Васильевском острове. Видимо это его очень забавляло.

Со мной все были вежливы, — принесли даже котлету с картофелем и чай. Затем явился опять исполнявший роль коменданта и предложил следовать за ним. У под'езда выстроен был взвод пехоты, который меня конвоировал в Трубецкой бастион. По глубокому снегу мы пробирались медленно, в ясный, лунный вечер, под печальные звуки «Коль славен», на колоколах часов Петропавловского собора. До революции они вызванивали и «Боже царя храни», — но гимн, уже контр-революционный был «похерен», как выражались «товарищи».

В бастионе меня встретил тот же полковник Иванишин со своей старой командой унтер-офицеров. Арестованных еще не было никого; камеры были не отоплены и я занял опять свой № 55. Оказалось, что революционная толпа нахлынула в крепость, разбивать «бастилию» и выпускать заключенных, — но таковых не оказалось, повторить страничку из французской истории не пришлось; собирались учинить насилие над командой бастиона, но ограничились украшением их шинелей красными тряпочками.

Опять лязгнули запоры и я остался в моем каменном гробу, с моими мыслями.

Снова опустилась занавесь, отделившая меня от мира и я понятие не имел о том, что творится на свете. Отняли у меня все, что было в карманах и без часов я узнавал о времени от дежурных, так как бой крепостных часов не доходил до этой камеры.

По шуму и движению в коридорах можно было догадаться, что камеры наполняются арестованными. Помощником у полковника Иванишина был какой-то офицер из Михайловского артиллерийского училища, на погонах которого спорота была уже корона, над вензелем.

А что происходило нечто совсем скверное, я мог догадываться потому, что проделывали со мной. Режим при царском правительстве был строгий, но гуманный, — а при новом порядке или, говоря правильнее, — беспорядке — безчеловечный, чисто инквизиторский. Существовав-

шую до революции инструкцию забраковали, стали вырабатывать новую и недели три нашу жизнь заключенных отдали на произвол солдат — гарнизона крепости.

Обнаглевшие, со зверскими физиономиями люди в серых шинелях, под видом каких-то гарнизонных комиссий, врывались периодически в камеру, шарили в убогой и без того обстановке; — у меня решительно ничего не было своего; полагалось быть в казенном белье и халате, и утешались эти изверги тем, что выбрасывали в коридор, подушку, одеяло, матрац... Свирепствовал особенно какой-то рябой, скотоподобный солдат Куликов. При неоднократных обысках, причем раздевали меня до гола, на каменном полу, в холодной камере, — этот изверг нашел что надо снять с меня и крест. Сняли, но кто-то из верующих еще в Бога, отстоял и крест отдали, — золотую-же цепочку Куликов оставил себе на память. Убрали его от нас, когда он присвоил себе два револьвера «товарищей».

Белье давали с клеймами клинического военного госпиталя, очевидно выбракованное, до того рваное, что нижнее — состояло иногда из отдельных штанин на каждую ногу; рубашки доходившие лишь до половины живота, с оборванными тесемками, так что нельзя было завязать воротника, а грубейшие носки, фасона прямого мешка, в том месте, где приходилась пятка, во всю ее величину, имели дыру. В две недели один раз меняли простыню и однажды дали вместо нее саван, — с нашитым по средине крестом.

Немного суеверного каптенармуса латыша, Мазика, очень хорошего человека, это даже смутило, но я ему об'яснил, что крест не может быть плохим предзнаменованием, а скорей хорошим.

Зато попалась как-то, прекрасная, длинная, батистовая рубашка, с клеймом «Женск. гимн. кн. Оболенской»; — как она попала, никто об'яснить не мог, — а я жалел, когда с ней пришлось расставаться, при смене на кургузую и грубую мужскую.

Всякое хозяйство начало приходить в расстройство, — электричество часто не давало света и в зимние дни приходилось сидеть в темноте, потому что ни керосина, ни свечей уже не было. Это было особенно тягостно и когда раздобывался какой-нибудь огарок и спички, то приходилось беречь его как зеницу ока, зажигая на несколько лишь секунд.

Всю старую команду постепенно отправили в строй, — а вместо нее назначили новую из красноармейцев. Приехал и сам Бонапарт-Керенский. Надобности в этом, понятно, не было никакой, но его «влекло к знакомым берегам», и надо же было покуражиться перед бывшими сановниками, — которым он об'явил, что Государь отрекся от престола и составилась новая власть — «Временное Правительство», в коем он не последняя спица.

Об'явили новую инструкцию, утвержденную Керенским. Жаль, что он не испытал ее после того на своей спине. Прогулки полагались всего по несколько минут, так как выводили по одиночке, чтобы никто друг друга не видел; — пища — исключительно из солдатского котла, — вернее — остатков в нем, так как команда питалась раньше нас, в коридоре, — а затем разносили заключенным, подавая оловянную миску с бурдой и на ней тарелку, с признаками какой-нибудь каши, в которую однажды мне подсыпали битое стекло, кусок которого уколол в небо, — что и

спасло меня. В «глазок» при этом все время наблюдали, — когда начнутся последствия этого варварства.

От полков гарнизона приходили солдаты посмотреть, как сидят бывшие царские слуги. На нервы действовало постоянное щелкание закладки «глазка», пока все не удовлетворят свое любопытство. Слышен был при этом смех, всякие издевательства, обещание скоро с нами прикончить . . .

В самом начале никаких свиданий не допускали и я не подозревал, что жену мою тоже арестовали. Во время прогулки один из часовых мне мимоходом сообщил: «ваша жена тоже арестована». Через несколько-же дней, проходя по коридору на прогулку я заметил женщину, вместе с дежурными. Это навело меня на мысль, не здесь-ли и Екатерина Викторовна? Оказалось, что она и Анна Александровна Вырубова действительно в Трубецком бастионе и для них из женской тюрьмы командированы две надзирательницы.

Камеры наши мы должны были убирать сами, для чего в форточку нам просовывалась половая щетка. При царском режиме уборка производилась во время прогулки прислугой и никогда ничего из нашего имущества не пропадало, чего нельзя сказать про время царствования Керенского.

И физические и моральные условия были таковы, что никакое здоровье не могло их вынести без ущерба. Пришлось обратиться к врачу, каковым оказался ассистент известного Мечникова — и прекрасный доктор, и прекраснейший человек, Иван Иванович Манухин. Все, что он только в силах был сделать, чтобы облегчить нашу участь, не говоря уже о медицинской помощи, он делал. Разрешено было, напр., молоко сильно ослабевшим и второй матрац.

При всей строгости наблюдения стражи удавалось кое-что сделать, выходящее за пределы установленного режима. Так, например, я мечтал о том, каким развлечением были-бы карты и возможность убивать время пасьянсами. Бумага, перо и чернила нам разрешались в течение дня. Я попросил купить мне так называемую «александрийскую» и получил несколько листов этой бумаги. Ни ножа, ни ножниц, конечно, не давали. Перегибая лист многократно и нажимая ногтем на сгиб, я постепенно делил бумагу до размера самых малых пасьянсных карт, — что выходило у меня чрезвычайно аккуратно. Затем от руки изображены были все масти и фигуры, при чем очень забавно вышли дамы. Когда мне удалось передать затем такие карты в камеру жены, она мне говорила, что страшно им обрадовалась, они придали в ее номере уют, но на дам она без смеху не могла смотреть.

Раскладывать пасьянсы надо было только так, чтобы карты не были видны в «глазок». Это достигалось тем, что сидеть приходилось спиною к двери, — да у столика иначе и нельзя было поместиться.

Удалось соорудить и абажур к электрическому фонарю, благодаря случайно очутившемуся у меня в руках кусочку проволоки от бутылки Боржома, которую откупоривали в коридоре у моей двери.

Отправляясь на прогулку, я ее заметил и при возвращении носком сапога продвинул в камеру. Бумага у меня была и этого материала было достаточно, чтобы защититься от падающего прямо в глаза, отражен-

ного от рефлектора, неприятного света. На это примитивное сооружение мое почему-то решительно никто никакого внимания не обратил.

Среди нашей стражи были и с человеческим сердцем, которым мы с женою обязаны тем, что имели возможность сообщать друг другу несколько слов; — а каким это было подбадривающим средством для нас, — лично не испытавшему того, что мы испытывали, — понять трудно.

Удалось мне уменьшить значительно сырость в камере, тоже самостоятельно. Дело в том, что зимою окно намерзало, оттаявшая вода собиралась в жолобок и затем текла по стене, образуя лужу на полу. Мокрая же стена покрывалась плесенью. Я заявлял старшему об этом неоднократно и это оставалось «гласом вопиющего в пустыне».

Сердце мое стало пошаливать и доктор прописал микстуру, которую принесли из аптеки в довольно большой стеклянной посуде. По инструкции она подавалась только в окошко и после приема лекарства отбиралась. Но однажды, случайно, бутылка осталась у меня и я решил ею воспользоваться для осушки стены. Нужна была для этого веревка. На мое счастье, во время прогулки, я заметил порядочный кусок таковой возле водосточной трубы и мне удалось поднять ее, незаметно для часовых.

Нужный материал был у меня таким образом готов, — не доставало только палки, чтобы достать до высоко прибитого, у нижнего края окна, жолобка. Это удалось добыть последовательно на трех прогулках: в первую я выломал из куста хворостину и должен был оставить на месте; — во вторую — я ее очистил, но не успел спрятать, и в третью — забрал, принес в камеру и положил под матрац.

Пользуясь свойством волосности, я проложил по жолобу веревку и ее хватило столько, что удалось еще из середины опустить часть и кроме того привязать бутылку. По этой системе «вервия» стала стекать вода преисправно и я только ежедневно выливал ее. Вся эта махинация, находясь за светом, не была видна со стороны двери, поэтому обратило на себя внимание старшего то обстоятельство, что стена стала просыхать, а затем и совсем высохла. Когда-же он мне заявил, что не понимает, почему у других стена мокрая, а у меня сухая, — во избежание недоразумений я секрет свой открыл, — но не только не получил упреков, — а напротив, мне высказано было одобрение.

Называли меня «дедушкой» и на этот раз старший говорил библиотекарю:

— «А дедушка-то поди какой механик оказывается».

Наша квартира, все наше достояние осталось на руках у Марьи Францовны Кюнье, заведующей в доме хозяйством уже много лет. Несмотря на свое слабое здоровье, она добилась с большим трудом свиданий со мною. Происходили они в присутствии товарища прокурора и солдатского депутата, — всего 10 минут.

Неожиданно позвали меня — на допрос. Приехал сенатор Кузмин, чтобы закончить следствие и заявить, что появившееся со слов Варуна-Секрета сообщение в «Новом Времени» по моему делу, — оказалось ложным. Оно действительно было ложно, как и все остальное приписываемое мне, — но не удостоилось только того-же внимания со стороны следователя раньше. Со следственным материалом ознакомиться я успел

только частью и настаивал о пред'явлении мне дел полевых судов о Мясоедове и Иванове.

Их и привез мне, после того, прокурор Ланской. Прочтя одни только приговоры я понял, почему так долго нельзя было их добиться и почему сенаторы Таганцев и Носович так сопротивлялись и так опасались их оглашения... Такими-же были в действительности и оба Николая Николаевичи, — великий князь и его начальник штаба.

Для чтения этих дел посадили меня в комнату, в которой градусник показывал ниже ноля. Ланской находил, что в делах нет ничего интересного и не стоило из-за этого зябнуть. Ему очень не понравилось, когда я ему показал, что в них представляет совершенно исключительный интерес и сделал все нужные мне из дел выписки.

После того явился ко мне в камеру присяжный поверенный Муравьев, в роли председателя новой чрезвычайной следственной комиссии, — и убедительно говорил, что дело это чрезвычайно важное. Я и ожидал, что комиссия «чрезвычайная» в «чрезвычайном» деле и разберется.

Глава XXXIV

Гласное судопроизводство и обвинение

Состав суда. Свидетели. Генерал Михельсон и письмо Теттау. Формальная ошибка. Генерал Величко из свидетелей превращается в эксперта. Обвинение. 1) Бездействие власти. Компетенция военного министра. Положение помощника. Генерал Маниковский о снарядах. а) Снабжение боевыми припасами и промышленность. Указания военного совета. Коковцов и Николай Николаевич. б) Пулеметы. в) Недостаток взрывчатого материала. г) Состояние оружия. Потребность патронов. 2) Медлительность. Орудия для конной артиллерии. Лафет Депора. 3) Превышение власти. Перемена завода. 4) Дело Мясоедова. Подтасовка. 5) Шпионажное дело Альтшиллера. 6) Мое письмо Мясоедову. Гучков бьет отбой. 7) Дело Думбадзе. Положение 1912 г. о секретной переписке. 8) Шпионаж Мясоедова. Сверхусердие тайной полиции. 9) Ложные сообщения. 10) Упущения по службе. Мое осуждение.

Совершенно в стиле предшествовавшего следственного производства, — ни в одной из фаз которого не было и подобия поисков правосудия, — а лишь целый ряд эпизодов политической борьбы, — в августе 1917 г. решили инсценировать гласное судилище, обставив его с особенным усердием. Так называемое «временное правительство» было уже накануне конца своей власти. Дело Сухомлинова, состряпанное в 1915 г., чтобы спасти полководческую славу великого князя, удовлетворить жажду мести Поливанова и господам Родзянко, Гучкову, Керенскому пробраться к кормилу правления, — должно было уже теперь в 1917 г. послужить дальнейшей цели: Керенскому и его окружающим людям удержаться у власти. Великий князь, Янушкевич, Поливанов и Гучков были уже давно в роли инструмента в руках Керенского именно в то самое время, когда в своем ослеплении думали, что возжи в их собственных руках. Дело Сухомлинова должно было — демократам и социал-демократам, ставшим целиком органом посольства «Антанты», — послужить средством унизить в глазах общественного мнения свергнутое царское правительство, и раз навсегда закрыть ему возможность возвращения к власти. Горькое разочарование для Николая Николаевича, надеявшегося возложить корону на свою собственную голову! Мой процесс должен был служить доказательством для всех в России,

как опустилось, насколько развалилось и до какой степени предательским стало военное ведомство под эгидою царского правительства, — и побудить крестьянина взять в свои руки спасение отечества. Мало того: новые властелины хотели процессом против царского военного министра учинить пропаганду, и отвлечь им внимание солдатской массы от большевиков, которые после предательского приказа по армии № 1 — военного министра Гучкова, все сильнее и сильнее завладевали настроением всей страны. С апреля 1917 г. зажигательные Ленинские речи раздавались уже на фабриках и в казармах Петербурга; — большевистский мятеж был тогда подавлен не без больших усилий. Немцы наступали вперед безостановочно. Распространяемый в народной массе большевиками лозунг мира с немцами и войны с «капиталом согласия» становился среди молодого корпуса офицеров все популярнее, ибо очевидная эксплоатация России Антантой, несомненное использование русского солдата исключительно как пушечное мясо, — многочисленным патриотам открыли глаза на то, что они гнусно приносятся в жертву только интересам Франции.

Это было проклятие, тяготевшее над «временным правительством», а также и царским, которое под руководством Извольского и Сазонова, договором двойственного союза, вело Россию к французскому игу. — С того времени, как Россия в своей военной конвенции с Францией пошла на то, чтобы после об'явления войны не соглашаться идти ни на какой сепаратный мир, — она потеряла самостоятельность, ибо в техническом отношении находилась в полной зависимости от своего союзника. «Верховная комиссия» по этому пункту не признала нужным разбираться, в виду тех ограничений, которые ей поставлены были в вопросе о военном ведомстве. Она должна была-бы затем выяснить, что Франция заключила договор, которого не в силах оказалась выполнить, — потому что при европейской войне она нам технически оказать помощи не могла, — как она это делать обязалась. В 1915 г. русская дипломатия имела полную возможность вести самостоятельную политику, которая повела-бы к тому, что «Антанта» пошла-бы на мир с Германией, так как России нельзя было вынудить выполнять условия договора, — не соблюдаемого другой стороной. В связи с этим есть и моя в этом вина, которую я вполне сознаю и сейчас подтверждаю, — а именно, что в те годы, 1909 до 1914, не все сделал, чтобы обратить внимание подлежащих ведомств на слабый пункт нашего положения в договоре двойственного союза. В течение этого времени я постоянно заботился о создании русской военной промышленности, не избегнув и личных конфликтов там, где их обойти нельзя было. Коковцов и великий князь Сергей Михаилович, в союзе со Шнейдер-Крезо, парижской и петербургской дипломатией препятствовали мне в этом и со своими возражениями выступали в совете министров, Государственной Думе и проникали даже до Государя.

В продолжении многих лет ставились задачи, которые можно понять лишь, если допустить, что преследовалась цель полнейшей зависимости от воли Франции, — покорить Германию. Отсюда и пункт союзного договора, с добровольным подчинением приказу французского капитала, который в условии договора Коковцова о железнодорожном займе проявлен определенно. Русский народ своими дипломатами и финансовыми людьми прямо таки был продан Франции. Весною 1917 года широкие

круги в России начали это сознавать. И так как «временное правительство» не хотело мира, который оно от Германии в ее затруднительном положении могло получить за «понюшку табаку», — то появился Ленин и товарищи, — которым с их лозунгом «мир без анексий и контрибуций» было не трудно переманить на свою сторону страну и все военные силы.

* * *

Г. г. сенаторы, присяжные заседатели, прокуроры, защитники и подсудимые поместились на эстраде концертного зала собрания армии и флота. Места для публики было много.

Состав присяжных заседателей образован был, не считаясь с послереволюционным демократизмом. Случайно попал один, оказавшийся ко дню заседания солдатом, и сенат, или вернее председатель суда сенатор Таганцев, немедленно-же поспешил его устранить, сославшись на закон, анулированный революцией, о бесправии солдата.

Свой нравственный облик г. Таганцев выказал образно по поводу свидетеля, моего старинного приятеля Н. Ф. Свирского, лет 20 тому назад имевшего мастерскую художественной мебели, дворянина, человека с высшим образованием и по происхождению ничем не ниже Таганцева. Сенатор брюзгливо спросил «Свирский мебельщик»? Тон и манера говорили при этом: военный министр и какой-то мебельщик.

Целый месяц тянулось судоговорение; перед судом и публикой продефелировала вереница свидетелей, значительно более 100 человек, всех сословий, рангов, положений и состояний. Неизвестно для чего вызваны были представители магазинов, удостоверившие только, что пред'явленные счета моей жены подписаны действительно ими. В моем гардеробе почему-то следственные власти не рылись, поэтому мои портные и сапожники на суде не дефилировали.

Но за то сенаторы считали деньги в чужом кармане и моей «арифметикой», по выражению Носовича, были не довольны, ибо миллионов, ни русского, ни германского происхождения, у меня не оказалось.

Были свидетели, сопровождаемые стражей. Давать показания и подтверждать свои сказки на суде охоты не было у всей группы лжесвидетелей.

Очень жаль, что чрезвычайно интересное показание при закрытых дверях давал генерал Михельсон, бывший наш агент в Берлине. Дело в том, что когда рылись в моей переписке при обыске, то увидели, что лет 12 тому назад мне писал барон Теттау, известный германский военный писатель, проделавший с нашими войсками всю японскую кампанию. Сенатор Носович хотел и его использовать против меня и спросил генерала Михельсона: «не знаете-ли, кто такой барон Теттау?»

«Да, офицер генштаба и руссофил, отчего и уволен в отставку.» При этом неожиданном ответе нужно было видеть выражение лица прокурора: он сделал смешное движение рукой, но это ни к чему не привело — он должен был рассмеяться. Как не юрист я не могу рассудить, насколько г. председатель оказался на высоте своего положения, с формальной стороны. Но как простой смертный, я сомневаюсь, закономерно-ли было обрывать на каждом шагу защиту и показания свидетелей, говоривших в мою пользу; не допускать оглашения документов, имеющихся в следственном материале и вместе

с тем не останавливать обвинителя в некорректных выражениях и вообще его вызывающей манере, — что отмечалось даже в газетных отчетах из залы суда.

По кассационной жалобе правительствующему сенату можно убедиться, какая масса вопиющих, прямых нарушений законов правосудия допущена и совершена председателем.

При отсутствии корректности и этики, личное поведение этого представителя юстиции характерно обрисовалось в п. X представленной моим защитником жалобы.

В роли добровольного свидетеля появился на суде инженерный генерал Величко, находя это судилище местом, в котором ему удобно сводить счеты со своим бывшим начальником.

По окончании показания этого свидетеля, г. председатель предложил ему вопрос:

— «Скажите ваше личное мнение: — были ли мы подготовлены к войне?».

Такой вопрос озадачил даже свидетеля и он переспросил:

— «Мое личное мнение?»

— «Да!», ответил Таганцев.

Тогда Величко стал излагать личное свое мнение, — превратившись из свидетеля в эксперта.

Затем, как бывший долгое время прокурором, сенатор Таганцев, должно быть по привычке, — забыв, что он исполняет обязанность председателя, в своей напутственной речи присяжным в течение трех часов уговаривал их, — склонял, а вернее «соблазнял» к обвинению. Каждого же из свидетелей он предупреждал, что просит показывать «правду, одну только сущую правду», а сам, в своей обвинительной речи, усердно повторял уклонение от истины прокурора Носовича и лжесвидетелей. Если к этому добавить, что на три дня присяжные были отпущены домой, что у них на руках был обвинительный акт, то картина незакономерности этого судилища будет полная.

Пунктом первым я признан виновным «в том, что состоя с 11-го марта 1909 г. до 13-го июня 1915 г. в должности военного министра и будучи в качестве главного начальника всех отраслей военно-сухопутного управления, входящих в круг ведения военного министерства, обязан наблюдать за благоустройством войск и военных управлений, учреждений и заведений и направлять действия всех частей министерства к цели их учреждения, в прямое нарушение таковой своей обязанности, оставил без наблюдения и личного своего руководства деятельность главного артиллерийского управления по принятию сим последним надлежащих мер для снабжения войск и крепостей оружием, артиллерией и огнестрельными припасами и вообще для полного обеспечения государства предметами вооружения».

По пункту десятому я оказался виновен «в том, что состоя с 11-го марта 1909 г. по 13-ое июня 1915 г.» . . . . и т. д. согласно пункту первому, «в прямое нарушение таковой своей обязанности, вслед за возникновением войны России с Германией, а затем и с другими державами, не принял необходимых мер для увеличения крайне низкой производительности частной промышленности для снабжения нашей армии предметами артиллерийского довольствия, каковые проявления его, Сухомли-

нова, бездействие власти, представляются особенно важными, как повлекшие за собой понижение боевой мощи нашей армии».

Такое заключение может именно только «представляться», ибо приписывать мне «понижение боевой мощи нашей армии», которую я получил, для восстановления ее боеспособности, совершенно немощной, — является чистейшим нонсенсом, так как нельзя растратить то, чего на лицо не имелось.

А что действительно «особенно важно» в этих двух пунктах, это неправильное понимание закона о степени и пределах власти военного министра, его прав и обязанностей, в чем не трудно убедиться, вникнув в следующие статьи Св. Осн. Зак., Кн. V, Разд. II, гл. I:

Ст. 154, — «Существо власти, вверяемой министрам, принадлежит единственно к порядку исполнительному».

Ст. 166, «Власть министров состоит в том, что они могут понуждать подчиненные им места и лица к исполнению законов и учреждений». В своде военных постановлений, в ст. 2-й: «Военное министерство, в общем составе государственного управления, есть высший орган, чрез который об'является и приводится в исполнение Высочайшая воля по предметам до военно-сухопутных сил относящихся».

Статья 1-я того-же свода гласит, что «Верховное начальство над всеми сухопутными вооруженными силами Российского государства принадлежит Государю Императору — Державному вождю Российской армии. Государь Император определяет устройство армии; от него исходят указы и повеления относительно дислокации войск, приведения их на военное положение, обучение их, прохождение службы чинами армии и всего вооообще, относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Российского государства».

Из этого кажется ясно, что военный министр, как глава ведомства, есть ближайший исполнитель воли Верховного вождя армии, непосредственно ему подчиненный, и статьей 10-ой установлено, что военный министр «наблюдает за благоустройством войск и военных управлений, учреждений и заведений и направляет действия всех частей министерства к цели их учреждений».

К статье 2-ой имеется даже примечание, предусматривающее, как надлежит поступать тем начальствующим лицам, которые будут получать лично от Государя повеление, «к исполнению до военной части относящееся», — помимо военного министра.

И решительно нигде в законе нет указаний, чтобы военный министр обязан был «руководить» лично, не только главным артиллерийским управлением, как сказано в пункте 1-м приговора, но и ни одним из остальных. В законе и не может быть такого положения, противного естественным силам человека.

Что экс-корнет Родзянко на суде мог возглашать о моей всесильной власти, — не удивительно; но чтобы г. г. сенаторы-законоведы законов не признавали или не разбирались в них, есть отчего придти в негодование.

Мыслимо-ли признать по здравому смыслу нормальным, что министр может руководить лично и распоряжаться во всех главных управлениях ведомства? Тогда почему-же не ставить в вину командиру корпуса, что он лично не руководит всеми полками, ему подчиненными?

В законе такого абсурда и нет. Военный министр «наблюдает» и «направляет» и никому в голову не приходило создавать такое сверхестественное положение, чтобы он обязан был «лично руководить» в числе прочих и таким сложным техническим управлением, как артиллерийское. В порядке-же наблюдения, в отношении вопросов снабжения войск вообще и проведения кредитов, я поручил это моему помощнику, как человеку стоявшему у этого дела с 1905 г. и более меня в этом отношении компетентного и осведомленного. Таким образом главное артиллерийское управление находилось в ведении генерала Поливанова до 1912 г. и затем генерала Вернандера до 1915 года.

Когда генерал Поливанов мне доложил, что справиться с артиллерийским управлением не может, ибо оно так забронировано великим князем Сергеем Михайловичем, — я взял Поливанова для личного доклада об этом Верховному вождю, в виду статьи 18 Основн. Зак., в которой указано, что «Государь, в порядке верховного управления устанавливает в отношении служащих ограничения, вызываемые требованиями службы». Но и этот, казалось, сильный, бронебойный снаряд, — не помог.

Для того, чтобы была хоть какая нибудь возможность успешной работы, при той разрухе в самом ведомстве и армии, и той тяжелой обстановке, в которой я очутился — во всех отношениях, — другого выхода у меня не было, как восстановить полностью установленный законом порядок верховного управления всеми сухопутными вооруженными силами.

Принятый мною порядок, как ближайшего исполнителя воли Верховного вождя армии, конечно, был не по нутру, между прочим, великому князю Сергею Михайловичу.

Легкомысленное показание Сергея Михайловича не могло-бы оставить следа в обвинительном акте, если-бы следователь потрудился ознакомиться с этим вопросом по делам канцелярии военного министерства, а не доверял человеку, настолько в сердцах увлекающемуся, что обнаружил даже полнейшее свое незнакомство с функциями Военного Совета.

Вместо того, чтобы говорить о том, с чем он совсем не знаком, он должен был дать правдивое показание по делу ему действительно близко знакомому, о деятельности главного артиллерийского управления, не утаивая ничего, он обязан был по совести выяснить неосновательность того обвинения, которое в приговоре выразилось, — будто-бы я «не принял необходимых мер для увеличения крайне низкой производительности казенных заводов» и затем «к использованию частной промышленности». Ему-ли не знать, что все возможные только меры были приняты и в сентябре 1914 г. частная промышленность призвана была и использована широко и что ко времени моего увольнения поступлёние снарядов значительно возросло, как это видно из доклада верховной комиссии генерала Петрова, 14-го августа 1915 года (Т. I). — На этом докладе, когда А. И. Гучков заявил, что за июнь месяц армия получила 900.000 снарядов, то председатель сделал поправку: «1.200.000», а Гучков добавил к этому: « а с августа, сентябрь, октябрь — пойдет уже все нормально».

Кажется, из этого никакого другого вывода сделать нельзя, как то, что мною меры были приняты. Получилось-же такое впечатление, что

стоило только назначить вместо меня генерала Поливанова и все стало благополучно. В таком духе заговорили в печати, и начальнику главного артиллерийского управления генералу Маниковскому с трудом удалось поместить короткое раз'яснение по этому поводу об истинном положении дела, — для той наивной публики, которая не представляла себе, сколько времени нужно, чтобы наладить изготовление снарядов, дистанционных трубок и пр.

В заявлении генерала Маниковского («Новое Время» 1915 г. 23-го октября, № 14232) значилось:

«До сего времени военно-промышленным комитетом не поставлено ни одного снаряда; все-же те снаряды, которые прибывают на позиции и которые приходилось видеть корреспонденту, поставлены во исполнение заказов, данных главным артиллерийским управлением в прежнее время, до открытия военно-промышленных комитетов», — т. е. еще при мне.

Много общего с наивностью имеет и то, что я один оказываюсь виновным за все и про все; т. е. в том, что в $4^1/_2$ года не успел сделать того, на что немцы употребили 43 года, при их культурном развитии страны и отсутствии таких государственных деятелей, как наш Коковцов.

В пункте первом говорится о том, что я лично не руководил главным артиллерийским управлением. И не должен был по закону руководить, а личное мое вмешательство, когда я узнавал иногда о непорядках, — вынуждало меня к этому в порядке наблюдения. Но и это усердием главным образом великого князя Сергея Михайловича превращалось в, якобы, личную мою заинтересованность — по отношению того или иного заказа или завода.

Если-бы на чашку весов Фемиды было все это добросовестно положено, без обмана и обвеса, — ни первого, ни десятого пунктов приговора не могло-бы существовать.

Затем к пункту первому имеются дополнительные пункты а), б), в), г), д), относящиеся к моим упущениям по делам главного артиллерийского управления — в частностях.

А именно: «а) В последние перед войною годы и даже во время возникших опасений близости европейской войны, несмотря на предуказания военного совета, выраженные в журналах его от 26-го августа и 16-го декабря 1904 года, допустил неприятие главным артиллерийским управлением необходимых мер к тому, чтобы приспособить отечественные заводы к потребностям армии в снарядах во время войны и не подверг разработке даже самый вопрос о питании армии орудийными снарядами во время войны, на случай недостаточности заготовленных в мирное время запасов, каковое проявление его, Сухомлинова, бездействие власти представляется особенно важным, как повлекшее за собою понижение боевой мощи русской армии; б) в последние перед войною годы и даже во время возникших опасений близости европейской войны оставил без пересмотра произведенное военным ведомством в 1910 году исчисление количества требуемых пулеметов, могущего быть выделенным в случае войны, количество винтовок, а также наличности ружейных и пулеметных патронов по исчислениям военного ведомства 1906 до 1908 г. г., каковое проявление его, Сухомлинова, бездействие власти представляется особенно важным, как повлекшее за собой понижение

боевой мощи русской армии; в) в последние перед войною годы и даже во время возникновения опасений европейской войны допустил непринятие главным артиллерийским управлением необходимых мер для того, чтобы обеспечить казенным пороховым заводам взрывчатых веществ переход на случай войны от производительности, достаточной для мирного времени, к повышенной производительности, необходимой для удовлетворения потребностей в порохе и взрывчатых веществах во время войны, каковое проявление его, Сухомлинова, бездействие власти представляется особенно важным, как повлекшее за собой понижение боевой мощи русской армии; г) несмотря на ограниченность заготовленного до войны оружия и сомнительность своевременного, по об'явлении войны, пополнения его из заграницы, допустил в последние перед войною годы и даже во время возникших опасений близости европейской войны непринятие главным артиллерийским управлением мер к усилению, как производительности отечественных заводов, так и готовности их к немедленной, по об'явлении войны, выделке ружей в исчисленном военным ведомством в 1910 г. количестве 2.000 винтовок в день, каковое проявление его, Сухомлинова, бездействие власти представляется особенно важным, как повлекшее за собой понижение боевой мощи русской армии; д) ко времени об'явления войны в 1914 году допустил, как непринятие главным артиллерийским управлением мер к заготовлению всего того количества патронов, которое по исчислениям военного ведомства 1906 до 1908 г. г. было установлено, как наименьшая норма, так и непринятие сим управлением мер к обеспечению усиления во время войны отечественной производительности патронов в мере, сколько-нибудь приближающейся к потребности войны, — каковое проявление его, Сухомлинова, бездействие власти представляется особенно важным, как повлекшее за собой понижение боевой мощи русской армии».

* * *

В свою очередь и мне «представляется», что все эти пять пунктов преступлений «в прямое противоречие» с положением о пределах об'ема власти, обязанностей военного министра и фактической возможности лично руководить, вмешиваясь в детали такого технического дела, отнесены на мой счет неправильно.

Почему-же тогда уже не свалить на меня и все недочеты наши перед японской войной?

Для выполнения предуказаний военного совета нужно было озаботиться развитием нашей частной промышленности настолько, чтобы она могла мобилизоваться одновременно с армией, и, согласно требований Ставки Верховного Главнокомандующего, изготовляла 1.500.000 снарядов в месяц.

В должность военного министра я вступил в 1909 году и знать о предуказаниях 1904 г. не мог, раз мой помощник, генерал Поливанов, стоявший во главе дела снабжения, мне об этом не доложил.

Странно, что мой предместник, как председатель военного совета, с 1904 по 1909 г. г. ничего в этом отношении не сделал и не оставил следа — почему?

Вероятно потому, что «ничего не раздают так щедро, как советы», в особенности те, кому приводить их в исполнение не приходится.

Казалось-бы по правам и обязанностям совета государственной обороны, с его полномочиями, — это была его задача, и почему этот вопрос и там не получил движения, — тоже нет следов.

Очевидно, что для этого нужны были деньги, много времени и, по соглашению с военным ведомством, исключительная работа министерства торговли и промышленности. Ничего этого следствие не выяснило, — не заслужило внимания сенатора Кузмина; — «внутреннее убеждение» ему должно быть говорило, что лучше не углубляться в это дело, — может получиться совсем не то, что ему надо.

В положении о совете государственной обороны для таких случаев междуведомственных работ и предусмотрены соответствующие статьи. Но в показаниях гр. Коковцова, благодаря его словоохотливости, эти следы есть. В томе V следственного производства (стр. 373) значится: «Зимою 1906 года, после одного заседания совета государственной обороны, великий князь Николай Николаевич пригласил меня к себе в кабинет и здесь в очень резкой форме стал упрекать меня, что я урезываю кредиты военному ведомству, ставлю армию и его в очень тяжелое положение, что без денег он не в силах организовать и снабдить армию, а потому и не берет на себя ответственности за оборону страны. В ответ на это я рассказал великому князю о полученном мною донесении генерала Хорвата, о моей полной готовности содействовать военному ведомству и о не разрешении всех вопросов именно со стороны последнего. После этого тон великого князя по отношению ко мне совершенно переменился, он стал просить о моей помощи для назревших военных нужд и окончание нашей беседы было весьма милостивое со стороны великого князя. Я тогда-же просил великого князя доложить Государю, что я даже при том тяжелом положении, в котором находились в то время наши финансы, считаю себя обязанным давать кредиты на оборону и в этом отношении с моей стороны отказа не будет.»

Т. е., как всегда, — много наговорил великому князю, председателю совета, — нуждам государственной обороны значение «придавал», а денег не давал.

Донесение-же генерала Хорвата заключалось в том, что он просил военное ведомство убрать оставшееся после японской войны имущество, на линии Восточно-Китайской железной дороги, причем Коковцов сам говорит: «вскоре, однако, я покинул пост министра финансов и какова была дальнейшая судьба донесения генерала Хорвата и указанного имущества — я не знаю».

Легко написать: «допустил», «не подверг разработке», «оставил без пересмотра», «не принял мер» и т. п.

В вопросе о бездействии власти обращает на себя внимание, повидимому, незначительное обстоятельство, имеющее, однако, не маловажное значение.

Когда присяжные получили от суда вопросные пункты, то после совещания вернулись обратно и просили изменить редакцию пункта первого.

Присутствие в составе присяжных юриста, по всей вероятности, повело к тому, что усмотрена была некоторая юридическая безграмотность.

А именно, — нельзя-же обвинять человека в бездействии власти, причем он, будто-бы, это творил «сознательно допуская, что таковым бездействием» способствует неприятелю, и вместе с тем в обвинительном материале давать указания на широкую деятельность его, до превышения власти включительно.

В этой редакции присяжные не согласились меня обвинить, а осудить, тем не менее, надо было, под настоянием председателя, авторитет которого поддерживался, если не убедительностью недоброкачественного следственного материала, которым он жонглировал совместно с г. оберпрокурором, то присутствием нескольких десятков штыков.

Не лишено интереса и то, что кроме присяжных заседателей были и свободные заседатели, — вся та многочисленная публика, которая не скрывала весьма определенно своих симпатий к защите, а не предвзятому обвинению, явно проглядывавшему на каждом шагу, что особенно резко выразилось в дружных рукоплесканиях после речи защитника Казаринова, не оставившей живого места от чудовищного обвинения. Но штыки оказались выше совести и рассудка.

Таков скорбный закон всякой революции, как и вообще всякого острого столкновения между людьми.

По пункту второму, я оказываюсь виноватым «в том, что состоя в должности военного министра, в составленном бывшему императору, 14-го декабря 1914 года, об'яснении по содержанию замечаний бывшего императора, на отчете генерал-инспектора артиллерии о допущенной медлительности, умышленно из личных видов скрыл одну из причин, обусловливавших такую медлительность, а именно: «сделанное им, министром Сухомлиновым 17-го августа 1913 г. распоряжение о предварительном, до заказа пушек системы Шнейдера, испытании лафета системы Депора, вследствие чего и произошло замедление в сдаче заказа в течении времени до конца сентября 1915 г.»

*   *
*

Происхождение этого обвинения может служить образчиком тех приемов, к которым прибегал великий князь Сергей Михайлович, когда вопрос касался какого-либо заказа Шнейдера-Крезо.

Дело в том, что в Красносельском лагерном сборе, где происходили блестящие маневры гвардии, наша конница не знала препятствий, преодолевая их, проходила по такой местности, которая для конной артиллерии бывала иногда непроходима и она отставала от гусар, улан и др. полков.

В развитии спорта среди офицеров нашей конницы принимали также живое участие и конно-артиллеристы, корпоративное самолюбие которых страдало от того, что они, имея пушки те-же, что и пешие батареи, — слишком тяжелые, — вследствие этого не поспевали, в некоторых случаях, за кавалерией. Отличаясь от пешей артиллерии формой одежды, — белой подкладкой, явилась мысль получить и более легкое орудие, что имело значение лишь чисто маневренное, к боевой стрельбе никакого отношения не имеющее.

Как конно-артиллеристу, великому князю Сергею Михайловичу эта мысль пришлась по сердцу и решено было ту же самую пушку Шнейдера спроектировать с уменьшением веса всей системы, что и было сделано,

— на несколько пудов она стала легче. Конная артиллерия, таким образом, получала и свою пушку.

Спрашивается, можно-ли это признать обстоятельством, вызывающим «необходимость неотложного введения на вооружение в конной артиллерии пушки системы Шнейдера»? Весь заказ ограничивался 320-ю орудиями, переставленными лишь на более легкие лафеты, — но зато, правда, — Шнейдера и для конной артиллерии.

Г. обер прокурор, придававший большое значение разным датам, на которые обращал такое особенное внимание г. г. присяжных, напрасно сам не обратил надлежащего внимания на даты по делу этой конной пушки.

Великий князь докладывал Государю, что в ноябре месяце 1912 г. пушку можно было заказать. Между тем только 24-го апреля 1913 г. главное артиллерийское управление запросило завод о цене. Таким образом Сергей Михайлович ввел Государя в заблуждение, доложив неверно. (Т. V, стр. 127). С первоначальной цены в 9180 р. только 21 мая завод сбавил цену до 8400 р. Представление в военный совет сделано 17-го июля 1913 г., об испытании лафета Депора я сделал распоряжение 17-го августа.

Главное артиллерийское управление, вообще никогда ни в чем не спешившее, на этот раз быстро забраковало эту систему и 29-го сентября 1913 г., — я согласился на заказ Шнейдера.

Пометка бывшего Государя: «Какая польза от медлительности», могла поэтому касаться меня лично в деле $^{1}/_{12}$ всего времени прохождения заказа, так как на выяснение пригодности системы Депора потребовалось лишь около месяца.

Когда-же, напр., я такие, капитальной важности, вопросы, возбуждал, как заказ 3000 пушек Царицынскому заводу, — о покупке ружейного завода, снаряды Жиро, остроконечные пули и пр., словом, где только я лично давал указания и принимал меры во избежание именно «медлительности», я неизменно вызывал неудовольствие, и великий князь Сергей Михайлович со своими подручными старался меня порочить.

Так и с лафетами Депора, я, оказалось, совершил даже подлог, ибо «умышленно из личных видов, скрыл одну из причин, обусловивших такую медлительность». Во первых, «скрывать» ни смысла, ни надобности не было, ибо о системе Депора, после моего осмотра лафета на металлическом заводе, я Государю лично докладывал и он настолько заинтересовался, что приказал мне показать ему, эту систему, если испытание будет благоприятно.

Что-же касается «личного интереса», то таковой, как «русского» военного министра, мог заключаться лишь в том, чтобы по возможности всякое новое изобретение, техническое усовершенствование, в деле боевого снабжения армии, — не упускалось из виду. И когда я убедился, что основная идея раздвижных станин лафета Депора ведет к разрешению вопроса о возможности открыть по аэропланам огонь из орудия, немедленно по снятии его с передка, то действительно «умышленно» задержал на несколько недель заказ, не имевший решительно никакой спешности, чтобы убедиться, нельзя ли воспользоваться новой мыслью, при предстоящем небольшом заказе в 320 орудий. Если бы

испытание дало благоприятные результаты, то вопрос о покупке патента, как это состоялось в иностранных государствах, — о самом заказе — меня «лично» уже совершенно не касался-бы, так как это установленного порядка не меняло.

Насколько припоминаю, один из инженеров сообщил мне о том, что на металлическом заводе имеется пушка Депора. Главное-же артиллерийское управление мне не докладывало об интересной этой идее зенитной стрельбы, что наводило на мысль о небеспочвенности нареканий, что бракуется все, что не исходит от положенных по штату изобретателей.

Обвинительный приговор по пункту третьему прямо замечателен своею противозаконностью и дискредитированию власти в военное время.

Редактирован он так: «В том, что состоя в должности военного министра, вопреки положению совета министров от 10-го февраля 1915 года, коим по рассмотрении заявления его, Сухомлинова, о желательности способствовать устройству в России частного оружейного завода, под условием предоставления сему заводу на три миллиона ружей, было постановлено одобрить задуманную военным ведомством меру с тем, однако, чтобы ближайшие в этой области предложения, выработанные по соглашению с министром финансов, были вновь представлены на уважение совета министров, — в прямое нарушение предоставленных ему по должности военного министра полномочий, в письменном заявлении своем от 12-го февраля, предоставил представителю русского акционерного общества артиллерийских заводов, гражданскому инженеру Балинскому, немедленно приступить к заказам на полное оборудование оружейного завода, — каковое его, генерала Сухомлинова, превышение власти, как стоящее в прямом противоречии с приведенным решением совета министров, в области имеющих особое значение мероприятий по обороне государства, представляется особенно важным.»

Так как на это я был уполномочен Государем, — то причем тут «прямое противоречие» с решением совета министров, если Ст. 209 кн. V Св. Осн. Зак. категорически гласит: «Не считать превышением власти, когда министр особенно на какой либо случай был верховной властью уполномочен». Ст. 143 Воин. Уст. о Нак. — говорит точно также, что «не почитается превышением власти» если военный министр, «отступит в своих действиях от обыкновенных правил, по особому на сей случай или вообще по случаю сего ради данному власти уполномочию». В той-же статье, в п. 2, кроме того имеется указание на то, что «в чрезвычайных обстоятельствах военный начальник или другое должностное лицо, не отвечает за принятие решительной меры, если она в видах государственной пользы была необходима».

Если-бы у меня даже не было уполномочий верховной власти, я имел право в данном случае, принять эту важную в военное время меру. Но кроме того, раз это, яко-бы превышение власти осталось без последствий, то состава преступления не было и не могло быть, за отсутствием какой-бы то ни было вредоносности; трудно даже при всей юридической казуистике создать покушение на превышение власти.

Винят человека в бездействии власти и одновременно карают за превышение ее. Прокурор находит, что одно другому не мешает. Действительно, в истерике смеются и плачут одновременно. Было и у меня от чего плакать и смеяться.

Ставка шлет сверх-энергичные телеграммы, требуя ружей, генерал Янушкевич пишет мне отчаянные письма, «волосы дыбом» у него становятся: «Глубоко уверен в полном Вашем сочувствии и содействии этому первостепенному по важности делу. В нем залог успеха конца. Крайне необходимо развить полным ходом на всех заводах выделку винтовок». При такой обстановке из Англии получается предложение доставить нам полное оборудование ружейного завода. Я докладываю Государю телеграмму, контр-ассигнированную в Лондоне нашим морским агентом Волковым, лично Государю известным. Для решения вопроса имелся срок всего 6 дней. Получаю Высочайшее повеление: «Не упускайте завода». Докладываю совету министров о полученном повелении; получаю принципиальное согласие, которого и не требовалось, и делаю распоряжение, чтобы «не упустить», — по краткости срока.

Оказывается, что с формальной стороны я в чем-то перед советом министров провинился; подымается буча и в такое время, когда казалось-бы о формальностях думать предосудительно.

В пункте втором я виноват, что задержал заказ в мирное время, в интересах технического усовершенствования боевого материала, — всего на месяц, а в пункте третьем — я виноват, что поспешил в интересах армии не упустить крайне нужный нам ружейный завод, — в тяжелых условиях военного времени.

В пункте четвертом значится: что я «состоя в должности военного министра, в период времени с сентября 1911 года до середины апреля 1912 года, по соглашению с другими лицами, сообщал командированному в его, военного министра, распоряжение подполковнику Мясоедову, заведомо для него состоявшему агентом Германии, такого рода вверенные ему, Сухомлинову, по занимаемой им должности, сведения, которые заведомо для него долженствовали, в видах внешней безопасности России, сохраняться в тайне от иностранного государства, а именно о результатах наблюдения контр-разведывательного отделения главного управления генерального штаба за иностранными шпионами и о проявлениях революционного движения в нашей армии».

Во всем этом пункте приговора нет ни единого слова, отвечающего действительности. Заключение о том, что я знал, будто Мясоедов агент Германии, ни на чем не основано, так как кроме сплетень и ложных показаний таких, как А. И. Гучкова, и на суде не признавшего возможным ни подтвердить ничем свои подозрения 1912 года, ни указать источник взведенного тогда в печати обвинения, — не было решительно никаких данных.

Редакция газеты «Голос Москвы» (Т. IV Мяс., Сл. стр. 110), орган Гучкова, признала справедливым заявить, по поводу этих сплетен, что введена была «в заблуждение».

Консультация присяжных поверенных, которой Гучков не мог не сообщить все данные, которые у него были, признала, что он не имел оснований к обвинению Мясоедова.

Расследование по распоряжению главного военного прокурора выяснило ложность сообщения Гучкова.

Отрицательные отзывы департамента полиции вызваны были из за дела о провокации жандармского офицера Пономарева и разоблачений на суде, сделанных Мясоедовым. Этим-же органом министерства внутрен-

них дел настраивались Столыпин, Макаров, — против Мясоедова, но никаких данных, хотя-бы сколько нибудь правдоподобных по части шпионажа, — не было.

Если-бы они были, то после увольнения в 1912 г. Мясоедова, каким образом такой могущественный по сыску орган, как департамент полиции, да к тому-же еще жаждавший отомстить Мясоедову, его не изобличил-бы как шпиона, при малейшей к тому возможности?

На ряду с этим у меня были рекомендации, благоприятные Мясоедову, со стороны его бывших начальников и близко знавших его людей, заслуживающих полного доверия. Мясоедов служил в Вержболове, вблизи имения императора Вильгельма, при проездах которого на охоту приглашались и наши служащие на пограничной станции, причем награждались орденами, портретами, как это принято у коронованных особ.

Более чем наивно утверждать, что это в награду за услуги по шпионству, и Мясоедов не так наивен, чтобы выдавать себя такими вещами, если-бы действительно он по этой части был грешен. Поэтому, «заведомо» для меня Мясоедов не был «агентом Германии».

Раз я поставил условием поступление Мясоедова на службу не иначе как в ту среду, из которой он ушел, то при наличности порочащих данных нельзя было соглашаться на обратное поступление его в корпус жандармов.

Почему-же, наконец, когда он был уволен в отставку, ни министр внутренних дел, ни его обличитель из любви к искусству, А. И. Гучков, в течение двух лет не проследили за ним и ни в чем не уличили?

Когда его приговорили военно-полевым судом, будем говорить прямо, — по приказанию великого князя Николая Николаевича — и об'явлено: «за шпионство и мародерство», — многие поняли, что дело не чисто по части правосудия. Все попытки главного военного прокурора получить дело этого полевого суда, не увенчались успехом. С большим трудом удалось получить это необыкновенное дело лишь в последние дни следствия и, когда я его просмотрел, то убедился, что Мясоедов повешен за мародерство и никаким агентом не был.

Такое-же мнение приходилось слышать от приезжавших с театра войны и, как мне передавали, в том числе и полковника Лукирского, бывшего председателя этого суда. А раз это так, то понятно, почему ни сенатор Кузмин, ни Носович, ни Таганцев, прикрываясь вошедшим в законную силу приговором, не позволяли распространяться по этому поводу, ибо оглашением возмутительного произвола и насилия под фирмою «полевого суда» отпадала вся постройка против меня, по проекту прапорщика Кочубинского и его сотрудников, по сенсационному делу обвинения военного министра в измене.

Затем странно читать в приговоре такую чистейшую ложь, как сообщение мною сведений, «долженствовавших сохраняться в тайне, в видах внешней безопасности России от иностранного государства», и указывается на сведения о результатах нашей контр-разведки.

Ничего подобного не было и какая-же цель?

Затем, раз у меня состоял офицер корпуса жандармов, с тою целью, о которой я уже говорил, то почему-же я не должен был давать ему тех материалов и поручений, которые считал нужным? К секретным делам управлений он доступа не имел, ибо никакого органа я не создавал, а

имел в виду выработать условия, которые оградили-бы армию от вредящего делу излишнего сыска и усердия департамента полиции.

Подобная несообразность в обвинении об'ясняется тем, что, взяв умышленно неверную отправную точку зрения, будто Мясоедов шпион, господа следователи с этим масштабом прошлись по всему делу.

Юридическое безобразие этого пункта неизвестно чему приписать, преступной подтасовке-ли, или недомыслию чинов юстиции. В достаточной мере в нем, пожалуй, и того и другого.

Прежде всего, обер прокурору Носовичу, в таком изобилии подчеркивавшему «даты», не следовало пренебрегать ими в этом случае. Становясь на юридическую точку зрения, когда следует признать установленным, хотя судом неправедным, — но признаваемым г. г. сенаторами непогрешимым, — что Мясоедов шпион?

В 1915 году, — полевым судом в Варшаве. А когда я дал письмо Мясоедову? — В 1914 году. — Что-же из этого следует? — А то, что выражение: «заведомо для него, Сухомлинова», что Мясоедов шпион, является утверждением задним числом, — т. е. обвинением недобросовестным, ибо на гнусных Гучковских и других сплетнях можно только порочить и позорить наше правосудие.

Нельзя так халатно обращаться с масштабами, не разбирая их соответствия данному случаю.

Опорочить Мясоедова очень старался департамент полиции, но серьезных данных не было никаких. Рекомендовали-же мне его такие заслуживающие доверия люди, как бывший главный военный прокурор, генерал Маслов, жена сенатора Викторова и его начальники, как, напр. генерал Сергей Сергеевич Саввич, бывший начальник штаба корпуса жандармов. Из них первые знали его с малолетства и у них он бывал принят, как родной.

Как рекомендовал его генерал барон Таубе, видно по письму генерала барона Медема, в котором приведены следующие слова барона Таубе: «Согласитесь, что в данном случае я должен пожертвовать своим самолюбием; перевод Мясоедова в одну из центральных губерний решен окончательно и я ничего не могу сделать.

Пусть Мясоедов не беспокоится, он там долго не останется и вскоре получит должное место и положение, ибо я считаю его прекрасным офицером».

При обыске у меня было взято письмо барона Таубе, в котором он мне рекомендовал Мясоедова еще убедительнее. Но письма этого в деле я не нашел и мне оно возвращено не было сенатором Кузминым. Вообще некоторых взятых документов в деле не оказалось.

Затем в следственном материале имеются следующие данные: Мясоедов, «видя недоверие к себе шефа», просил об отчислении, что и состоялось 31 июля 1907 г., с оставлением в отдельном корпусе жандармов, и с прикомандированием к жандармскому полицейскому управлению Северо-западных железных дорог, а не «меридиана Самары», как предполагалось, и 2 октября он ушел в запас, причем командир корпуса жандармов сообщил дежурному генералу главного штаба, что «подполковника Мясоедова, к сожалению, представилась необходимость переместить с занимаемой должности на другое место, после несколько неосторожных его показаний на суде в Вильне, которые послужили революционной

печати предлогом для нападения на правительство и корпус жандармов».
— Так вот где собака зарыта!

Там-же имеется справка судной части департамента полиции о корнете Пономареве, который, желая отличиться, организовал водворение оружия контрабандным путем и к этой провокации подстрекал разных лиц, что в 1907 году и было пропечатано в газете «Речь».

Показания на суде Мясоедова, по этому делу, восстановили против него департамент полиции, вследствие чего и источником всех нападок и предупреждений был последний. С делом Пономарева приезжал ко мне и полковник Еремин. Департаментом же полиции настроен был и А. А. Макаров. Вместе с тем дежурный генерал главного штаба сведений о неблагонадежности Мясоедова не имел. Генерал Монкевиц, бывший против него, заявил тем не менее, что обвинение агента Герца о неблагонадежности Мясоедова не подтвердилось, т. е. и в контр-разведывательном отделении главного управления генерального штаба данных для опорочения Мясоедова не имелось.

А так как, кроме всего этого, целых два года после увольнения в 1912 году, находясь под наблюдением, Мясоедов ни в чем предосудительном замечен не был, то нет ничего удивительного, что когда он обратился ко мне с просьбой не препятствовать его поступлению на службу, для реабилитации, — в минуту такого общего под'ема, охватившего всех, — я не мог ему не ответить «по христиански», как он меня просил, — хотя-бы частным путем, т. е. не на бланке военного министра, без № и пр.

Поэтому считаю более нежели неточностью выражение в тексте приговора: «удостоверил отсутствие с его, военного министра, стороны препятствий», ибо я не имел в виду содействовать его определению, да еще с преступною целью, как это возмутительно мне приписывается.

В штабе VI-й армии, куда обратился Мясоедов, его не приняли; несмотря на мое письмо, правильно оценив его не как рекомендацию, а как частное, лишь указывающее о неимении препятствий.

На совершенно частное письмо Мясоедова, в котором он просил меня простить его не корректное, по отношению ко мне, поведение, я ему дословно ответил: «На письмо ваше от 29 сего июля уведомляю, что против Вашего поступления на действительную военную службу лично я ничего не имею.

Вам-же о поступлении вновь на службу надлежит подать прошение в установленном порядке».

«Лично» и «в установленном порядке», — выражения, свидетельствующие о характере ответа в частном порядке, что ясно и в показании подполковника Защука, служившего в штабе VI-й армии: «при этом показал мне, полученное им (Мясоедовым) частное письмо от генерала Сухомлинова».

И все это хорошо было известно следователю Кузмину, но по одному ему известной причине, — он этими данными пренебрег.

Сам А. И. Гучков после консультации присяжных поверенных убедился, что: «твердых положительных данных в подтверждение сказанного мною (т. е. А. И. Гучковым) против Мясоедова обвинения в шпионстве — не имеется».

Затем сознание поручика Колаковского в неправдивости части своих показаний и оправдание полевым судом Мясоедова, по двум главным

пунктам обвинения, может служить доказательством, что с решением его участи нельзя было спешить до такой степени, что улик надлежащих не собрали и приговор приказано было привести в исполнение немедленно, не представляя на конфирмацию, о чем однако просили.

Наконец, Борис Суворин, в своем письме 26-го июля 1914 года, не взирая на то крупное недоразумение, которое у него было с Мясоедовым в 1912 году, пишет ему: «Я был крайне обрадован, получив Ваше письмо. Как Вы совершенно верно говорите в нем, теперь нам не время считаться, и я с своей стороны рад протянуть Вам руку и предать забвению все прошлое».

И это пишет редактор газеты, которая выступала против Мясоедова!

После всего этого, строки п. 6 приговора: «каковыми действиями своими он, Сухомлинов, заведомо благоприятствовал Германии в ее военных против России операциях», — в юридическом отношении клевета, своею неправдоподобностью и грубой постройкой, бросающаяся в глаза.

До чего были запуганы г. г. присяжные, можно судить по тому, что и на эту, до смешного очевидную ложь, они не посмели ответить отрицательно.

В пункте пятом я обвиняюсь в том, «что состоя в должности военного министра, в период времени с 11-го марта 1909 года до конца марта 1914 года, по соглашению с другими лицами, сообщал австро-венгерскому подданному Александру Альтшиллеру, заведомо для него, Сухомлинова, состоявшему агентом Австро-Венгрии, такого рода сведения, которые заведомо для него долженствовали, в видах внешней безопасности России, храниться в тайне от иностранного государства, а именно о содержании его, Сухомлинова, доклада бывшему императору по поводу мероприятий военного ведомства, в области военной обороны России».

Во всем этом пункте отвечает истине только то, что я состоял в должности военного министра с 11-го марта 1909 года и что Александр Альтшиллер австро-венгерский подданный. Все-же остальное заведомая ложь прапорщика Кочубинского, создавшего целое «преступное сообщество», судившееся полевым судом совершенно противозаконно, — для того только, чтобы из этого можно было проектировать то, что составило настоящий п. 5-й приговора.

Сенатор Таганцев не мог не видеть, что дело о полковнике Иванове — сплошное преступление по должности следователя прапорщика Кочубинского, автора этого позорнейшего дела, для глумления над правосудием. Сенаторы Кузмин и Носович, ознакомившись с производством Кочубинского, вырабатывали обвинение по заведомо для них преступному материалу этого следователя. И при таких условиях понятно, — прикрываясь тем, что приговор полевого суда в Бердичеве вошел в законную силу, г. г. сенаторы не допустили оглашения этого вопиющего дела на суде, — сознавая, что иначе вполне основательно можно было ожидать скандальнейшего провала, всей двухлетней постройки из недоброкачественного материала.

Но «шила в мешке не утаишь», — по мясоедовскому делу разоблачения уже начались в печати, — на очереди дело полевого суда в Бердичеве, этого второго краеугольного камня в фундаменте строительства Кочубинского. Когда все подробности сделаются достоянием гласности, то будет ясно, что «преступное сообщество» Кочубинского, на самом деле

свод уголовных преступлений самого следователя, который потрудился не мало, чтобы людей, находившихся в чисто коммерческих сношениях, сделать шпионами.

В одном письме, взятом при обыске, точки, поставленные не в подлежащих по грамматике местах, — признаны были им тоже шифром; а между тем, говорят, что эксперт признал их поставленными другими чернилами, более подходящими по цвету к перу Кочубинского.

То обстоятельство, что при обыске у меня не было найдено писем Альтшиллера, — г. сенатор признал достаточным признаком, что «представлялось ему особенно важным», в смысле доказательства моей преступности.

Если следователь Кочубинский уничтожал протоколы, которые ему не нравились, как показал свидетель Воблый на суде, если скрыл мое письмо к начальнику штаба юго-западного фронта; снимал допросы с пристрастием, о чем стало известно военно-прокурорскому надзору; если освободил из заточения Анну Гошкевич, покорившуюся его воле ради освобождения и находился с подсудимою в частной переписке, — то куда-же дальше итти в нарушении установленных законом порядков, в ограждение правильности отправления правосудия?

И все это ведь известно было сенатору Кузмину и Носовичу, — последнему еще в должности прокурора сената; известно и то, что раз Альтшиллера не судили, то никакого права они не имели приписывать мне, будто я знал, что он был «агентом Австро-Венгрии». Безусловно никаких данных, дававших право к подобной клевете, г. г. сенаторы не имели.

Можно-ли голословным показаниям, основанным на сплетнях, относительно Альтшиллера, придавать исключительное значение, раз они не соответствуют официальным о нем справкам и показаниям заслуживающих доверия лиц? Так, напр. полковник Ерандаков свидетельствует: «О личности Альтшиллера, по службе в качестве помощника начальника Киевского жандармского управления, я ничего не слышал, а в бытность мою начальником контр-разведывательного отделения об Альтшиллере имелась переписка», о подозрениях в преступности ничего не говорящая и по вопросу Киевского контр-разведывательного отделения он так и ответил, не докладывая даже мне.

По поводу доноса, повидимому кн. Андроникова, начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде, 11-го марта 1915 г. № 6822, заявляет, что «негласным расследованием по означенному анонимному заявлению неблагоприятных сведений об Альтшиллере в Петрограде не было».

В своем показании присяжный поверенный Финн (Т. IV) заявляет, что до 1914 года никогда не слыхал, что Альтшиллер шпион, живший в Киеве с 1870 года.

Если-бы действительно что либо могло обратить на себя внимание в поведении или делах Альтшиллера, похожее на то, что приписал ему прапорщик Кочубинский, а в унисон с ним и г. г. сенаторы, — то как-же мне никто не доложил-бы об этом в Киеве и Петербурге и не были-бы приняты соответствующие меры?

Заслуживает внимания эпизод с заявлением Анны Гошкевич, со скамьи подсудимых на суде в Бердичеве, где признали необходимым

отправлять это военно-полевое правосудие, вместо окружного суда в Петрограде, как-то полагалось по закону.

Найдя подходящего для «застенка» председателя, которого по закону нельзя было назначить председателем военно-полевого суда, не постеснялись испросить на это особое Высочайшее соизволение.

После того, как прочитано было показание А. И. Гучкова, совершенно неожиданно г-жа Гошкевич стала подтверждать басню Гучкова о свободном доступе в мой кабинет и подозрении относительно Альтшиллера, тогда как в других своих показаниях говорила совсем другое. Очевидно из благодарности за освобождение ее одной — до суда. То, что имеется в следственном материале, указывает на роль Анны Гошкевич. В частном письме она пишет Кочубинскому: «пока не вызывайте меня для допроса, а если что узнаю, то напишу». Подсудимая — сотрудница следователя Кочубинского, заявляющая другому следователю, что была привлечена к делу, но в чем оно заключается и чем окончилось, об'яснить не может, знает только, что председатель об'явил ей, что она свободна.

Отбросив всю казуистику, обращаясь просто к здравому смыслу, спрашивается, если действительно-бы существовало такое сообщество и в состав его входил Альтшиллер, как крупный шпион, работающий совместно с самим русским военным министром, то какая надобность в таком случае ему подкрадываться к оставленным на столе бумагам, на виду у людей, которые могли сообщить тому-же Гучкову?

Обидно и досадно, что подобные бессмысленные измышления могли заслужить доверие, казалось, серьезных людей, тогда как кроме голословных разговоров и намеков на шпионство, в деле нет никаких мало-мальски основательных данных. И этого не утаишь теперь, когда люди желают знать скрываемую от них правду.

Обвинение по пункту шестому, «в том, что состоя в должности военного министра, после об'явления Германией войны России, 29-го июля 1914 года, в письме, составленном им и врученным подполковнику Сергею Мясоедову, заведомо для него, Сухомлинова, принимавшему участие против России в пользу Германии, удостоверил отсутствие с его военного министра стороны препятствий к определению Мясоедова на действительную службу и тем оказал содействие к вступлению последнего в действующую армию и продолжению указанной его, Мясоедова, преступной, изменнической деятельности, осуществленной им затем посредством собирания для неприятеля сведений о расположении наших войсковых частей, каковыми действиями своими он, Сухомлинов, заведомо благоприятствовал Германии в ее военных против России операциях.»

Из дела полевого военного суда в Варшаве, под председательством полковника Лукирского, — оказывается, что во всем этом Мясоедов был оправдан и осужден лишь за мародерство, так как не отрицал, что в имении императора Вильгельма, из кабинета последнего, взял две картины. Поэтому-то так упорно и долго не давали мне возможности ознакомиться с этим возмутительным делом.

Этот пункт шестой является беспримерным по наглости издевательством над правосудием и мошеннической проделкой чинов юстиции под командой Таганцева.

Обвинение, в пункте седьмом, заключается «в том, что состоя в должности военного министра в августе 1914 года в интересах находив-

шихся в войне с Россией держав передал не принадлежащим к военному ведомству лицам, а именно Николаю Гошкевичу и Василию Думбадзе, составленный в канцелярии военного министерства перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 по 20-е февраля 1914 года, в каковом перечне содержались заведомо для него, Сухомлинова, долженствующие сохраняться в тайне сведения о предназначенных для боевой обороны России, вооруженных ее силах, а именно мероприятиях по устройству, усилению и комплектованию армии, по мобилизации войск и подготовке к военным операциям, по вооружению войск, изготовлению и заказам новых образцов материальной части, а также по снабжению войск инженерным имуществом и техническими средствами».

Текст этого пункта не имеет окончания, « каковое его, Сухомлинова, преступное деяние представляется особенно важным», по всей вероятности потому, что «перечень» в сущности аналогичен с оглавлением имеющихся во всех государствах «сборниках вооруженных сил» иностранных армий, а потому придавать ему важность и то значение, которое из известных побуждений и видов это желательно, было бы неразумно.

Дело-же заключается в том, что волею прапорщика Кочубинского Василий Думбадзе, включенный в члены «преступного сообщества», предпринял издание биографий общества «Война и Мир». Не будучи знаком с военным министром, он через Гошкевича обратился с просьбой доставить с этой целью материал для брошюры с моей биографией. Действительно необычайно-тайное сообщество, в котором члены друг друга не знают!

В числе материалов я передал и перечень деятельности военного ведомства за пять лет, по февраль 1914 года.

Это обстоятельство, которое ни в каком смысле не могло иметь вида преступления, а в крайнем случае для моих врагов являлось поводом к упреку на тему о моей неосторожности к неизвестному автору, в действительности послужило основанием к обвинению в том, что будто-бы я сделал это в интересах находившихся в войне с нами держав. Таким образом этот документ, заключавший в себе заведомо для меня тайну, я этим путем, яко-бы, направил заграницу.

Между тем в этом простом перечислении, если-бы находилось что-либо не подлежащее оглашению, то конечно условно, т. е. с началом военных действий теряющее решительно всякое значение секрета. Для противника подобное перечисление, как «секрет полишинеля», не могло быть интересно, и намерение сообщить эти сведения в 1915 году было-бы покушением на предательство с негодными средствами.

И это единственный документ, о котором г. обер-прокурор сказал, что придает ему громадное значение, как подписанному лично военным министром, а это не была с его стороны оговорка, потому что он прибавил затем, — «сам военный министр собственноручно подписал и выдал этот документ Думбадзе, который мог служить последнему паспортом куда угодно».

По мнению г. обер прокурора, сенатора Носовича, достаточно одного этого документа, чтобы осудить меня.

Но г. обвинитель прав только в одном, что это действительно «единственный документ» в деле улик, — но он ошибается, — подписанный не военным министром и документ по существу не годный для обвинения

в предательстве, а свидетельствующий о том. что его одного именно достаточно, чтобы несостоятельность обвинения в бездействии власти по п. 1-му и 10-му, была-бы ясна всякому грамотному и добросовестному человеку.

В этом вопросе интересна формальная сторона, в которой стоило разобраться тем более, что такое громадное значение этому факту придавал г. обер прокурор Правительствующего Сената.

В 1912 году введен новый закон о секретной переписке в военном ведомстве. Необходимость новой редакции вызывалась тем, что правила составления, регистрации и хранения этого рода бумаг были не жизненны, что влекло за собой невозможность выполнения старых правил, — вледствие чего, или секрета не было, или с надписью, напр., на конверте «по мобилизации», как особо секретное, запиралось не вскрытым в несгораемый ящик.

Затем, что секрет сегодня, — завтра уже не секрет. В новых правилах поэтому сделано подразделение на «секретную переписку» и «не подлежащую оглашению» и к числу первой отнесено несравненно меньше нежели было раньше.

Новое положение это о письмоводстве и делопроизводстве проведено мною. Кроме того установлено, что «военный министр разрешает силою законов все затруднения, происходящие не от недостатка или неясности закона или постановления, но собственно от недоразумения местных исполнителей, военно-сухопутного управления».

Кто-же в таком случае был тем компетентным по закону лицом, которое имело право решать вопрос, если являлись какие либо сомнения или «недоразумения» по части секретности «перечня» в данное время?

Толкование этого закона в 1915 году принадлежало мне, но не признали нужным запросить меня; экспертами оказались молодые люди, не знакомые, очевидно, с новым положением. А ст. 13 Уст. Угол. Суд. гласит даже, что «недостатки закона не могут быть устранены судебною властью, которая обязана применять по точному его смыслу». В виду этого суд по недоразумению стал, очевидно, на мою сторону, — ибо разрешил огласить «перечень» в открытом заседании и тем самым совершенно правильно, — принимая во внимание ст. 13 Уст. Суд. — признал этот документ не «секретным».

В виду интереснейших трудов 1910—1912 г. г. немецкого военного писателя генерала фон Бернгарди, этим господам непростительно было срамиться перед всем светом, с этой смехотворной историей о «перечне».

Если-бы г. г. сенаторы потрудились сравнить мой злополучный сухой перечень с подробным обзором вооруженных сил европейских государств генерала фон Бернгарди, «Германия и ближайшая война», они вероятно постыдились-бы обнаружить перед иностранцами свое невежество.

Ведь надо не иметь ни капли совести, чтобы утверждать о каком либо преступном с моей стороны деянии. А если признать, что мне не следовало давать этого «перечня», или вернее не соглашаться на издание моей биографии, — что это, скажем даже, проступок с моей стороны, то наказание за это надо искать не в уголовном кодексе.

Говорят: „Senatores boni viri, senatus mala bestia“. Я в праве сказать, что бывают и такие „Senatori“, с которыми слова „boni viri“ не

сочетаются, — ибо они хорошо знают, что «закон беспомощнее ребенка: он не может закричать, когда с ним дурно обращаются».

* * *

Обвинение пункта восьмого, «в том, что состоя в должности военного министра, в составленном им в мае 1912 года и опубликованном 16-го того-же мая, в газете «Русский Инвалид» официальном от военного министерства опровержении, из личных целей, заведомо ложно удостоверил, что командированный в его, генерала Сухомлинова, распоряжение подполковник отдельного корпуса жандармов Мясоедов не имел доступа к секретным перепискам того отделения главного штаба, в коем сосредоточиваются сведения, поступающие из департамента полиции, а равно к секретным делам и документам по находившейся в ведении главного управления генерального штаба военной контр-разведки и что вообще никаких поручений по делам, касающимся военно-разведывательной и контр-разведывательной деятельности на Мясоедова не возлагалось, тогда как в действительности названный штаб офицер по его, генерала Сухомлинова, распоряжению докладывал последнему наиболее важную, поступающую по контр-разведывательному отделению главного управления генерального штаба, секретную, цензурную переписку (очевидно спутали с полковником Ерандаковым), получив от него, генерала Сухомлинова, секретный обзор революционного движения в армии и был дважды командирован им, генералом Сухомлиновым, для секретных поручений в города: Ковно, Вильно, и Минск»; и пунктом девятым, «в том, что состоя в должности военного министра, 21-го мая 1912 года, представил бывшему императору, составленный по его, генерала Сухомлинова, распоряжению доклад, в коем из личных целей поместил заведомо ложные, описанные в предыдущем вопросе, сведения».

Обвинение по этим двум пунктам явное недоразумение, если не допускать и здесь умышленного воспроизведения на бумаге факта, не имевшего места в действительности.

Прежде всего, об'яснение, написанное в газетах, в опровержение гучковского сочинения, отвечало буквально официальному расследованию через главного военного прокурора и иное, не отвечающее действительности, — недопустимо.

С какою небрежностью редактировался приговор, можно судить по п. 8-му, в котором указано, что об'яснение это составлял будто-бы я («в составленном им») тогда как оно составлено в главном военно-судном управлении. Если же это считать подлогом, то в таком случае в нем участвовало не только главное военно-судное управление, но и все другие, принимавшие участие в расследовании.

Об'яснение, напечатанное в газетах, имело в виду опровергнуть басню г. Гучкова о том, что при военном министре создан особый орган по сыску в войсках и во главе поставлен Мясоедов, заведомый шпион. Все это оказалось сплошным вымыслом. Мясоедов не имел даже никакого доступа к делам управлений и поручения получал от меня лично, никакого отношения ни к сыску, ни контр-разведке не имеющие; — что-же касается того, что я передал ему обзор революционного движения в армии, доставленный мне из министерства внутренних дел, — то ведь командирование штаб офицера отдельного корпуса жандармов, по согла-

шению моему с министром внутренних дел и было сделано с целью ограждения войск от излишнего усердия по сыску со стороны департамента полиции. Для выяснения этого дела подобный документ, как необходимый материал, мне прислан был не для того, чтобы я его держал под спудом, а для разработки соображения, как быть с этим, что можно сделать?

Только желанием найти во что бы то ни стало во всем отрицательную сторону, можно об'яснить себе такие дикие выводы, что человеку, взятому для известного дела, правильно было-бы не давать возможности дело это делать и не давать в руки никаких материалов.

Но что не может меня возмущать до глубины души, — это уже безусловно преступное помещение заведомо ложного заявления в п. 8-м, будто Мясоедов докладывал мне « наиболее важную, поступающую по контр-разведывательному отделению главного управления генерального штаба секретную, цензурную переписку».

Целым рядом показаний это опровергается, как самим начальником генерального штаба, так и всеми стоящими у этого дела лицами. Ведь для того, чтобы мне докладывать, надо-же было Мясоедову откуда нибудь эти данные получать. Откуда-же он их получал?

Что это несомненно ложь, добросовестный следователь мог-бы убедиться по распоряжению моему начальнику генерального штаба: «одному из наиболее опытных и заслуживающих особого доверия чинов вверенного Вам управления произвести расследование».

Сочинившему подобную нелепую басню не пришло в голову даже как это соображение, так и то, зачем заводить такую путаницу, раз полковник Ерандаков то, что спешно, — докладывал мне лично, но ожидая очередного доклада генерального штаба.

Такое отсутствие серьезных данных для обвинения лишь из одного усердия, можно сочинять, подтасовывать, чтобы создать суррогат преступления там, где действительно его нет.

Повидимому и здесь не совсем чистая работа такая создалась из двух, трех показаний самого Мясоедова. Когда производилось расследование Палибиным, по распоряжению главного военного прокурора, — Мясоедов давал правдивое показание и не мог иначе, потому что был-бы уличен, если-бы показал не верно. На этот раз и видно, что ни в деле сыска, ни контр-разведки он никакого участия не принимал.

Затем в письме ко мне, когда был уволен, со свойственною ему наглостью, с целью добиться возвращения на службу, он прибег к шантажу, врал будто я давал ему известные важные поручения, между прочим запечатанный конверт превратился у него в едва заклеенный, с французским договором. Только ради шантажа и можно перечислять то, что я ему будто-бы поручал, точно не знаю, что я сам давал. Наконец во второй раз, на суде, в Варшаве, спасаясь от явно угрожавшей ему казни, он прибег к тому-же, надеясь этим поднять свои акции перед судьями, какой-же он преступник, если пользовался у министра таким доверием.

И несмотря на то, что сам генерал Поливанов, который не пощадил-бы Мясоедова, на запрос сенатора Посникова, 20-го сентября 1915 г., за № 2548, — удостоверил, что «данных, которые указывали-бы на то, что казненный Мясоедов имел отношение к делам политического розыска в армии, в делах центральных управлений военного ведомства не имеется»,

— а сенаторы Кузмин и Носович примкнули к двум ложным заявлениям Мясоедова.

Очевидно, что гоняясь за сочинением обвинений в подлогах, — приходится их делать самому.

Так оно несомненно имело место в данном случае.

* * *

Для большей помпы процесса, который должен был опорочить царский режим и превознести этим новое правительство, — избрали концертный зал офицерского собрания армии и флота.

Больше месяца тянулось судоговорение, оборудованное исключительно для меня особым законом. Тревожное время, в период разбора дела, не могло не влиять на присяжных, в большинстве чиновников, которые были до того напуганы, что просили отпустить их домой.

Обвинитель сенатор Носович, струсив, требовал применения самой высшей меры наказания, пожалев о том, что смертная казнь отменена. Присяжные поступили благороднее и, несмотря на тот-же страх, во первых признали редакцию вопросов, им врученных, подлежащей изменению; во вторых оправдали во всем мою жену и меня по первому пункту, но храбрости не хватило оправдать совсем, очевидно, побоялись толпы.

Кассационная жалоба моя, несмотря на самые бесспорные к тому основания, устранена от рассмотрения. Да разве могло быть иначе? Ведь приходилось сенату признавать неправильность сената-же, а это было-бы равносильно самоубийству!

Как в обществе, так и в печати*), приговор все-таки принят был не так, как того ожидали закулисные деятели процесса. Речь нашего за-

---

*) Некоторые отзывы печати могут свидетельствовать об этом:

1. «Биржевые Ведомости», программа нового министра юстиции, 25-го сентября 1917 года.

П. Н. Малянтович указал на необходимость пересмотреть вопрос о деле большевиков. Министр указал, что по вынесенному им впечатлению, первый, крупный вопрос, поставленный при новом режиме, — дело бывшего военного министра Сухомлинова, — сопровождался явным давлением на суд.

Во избежание подобного давления в деле большевиков министр и считает необходимым особенно внимательно отнестись к этому делу.

Высшие чины министерства возражали П. Н. Малянтовичу, что в деле большевиков едва-ли можно говорить о преувеличенных тенденциях обвинения».

2. Речь на собрании Петроградских адвокатов, 8-го октября 1917 года, «Новая Жизнь», 10 октября 1917 г.

«Речь А. И. Гиллерсона многократно прерывалась бурными аплодисментами. Он призывал собрание поднять свой голос за свободный, независимый суд, за борьбу против того правосудия, какое обнаружилось в деле Сухомлинова».

3. «Новая Жизнь», № 238, 1917 год.

«А. С. Зарудный в волнении заявляет, что ему приходилось бороться из-за сановников старого режима, где неправосудие действительно принимало вопиющие размеры».

Временное-же правительство устраивало явно «Шемякины суды».

«Вестник Европы», 1918 г. № 1—4. Хроника.

Вопросы внутренней жизни. В. Кузьмин-Караваев.

щитника вызвала в публике бурное сочувствие, прекратившееся лишь после того, как зала была очищена вооруженною силою, — а после об'явления приговора поднялся шум, от которого судьи побледнели и быстро исчезли. Они меня, правда, судили, а похоронили русское правосудие!

«Суд над Сухомлиновым, сопровождавшийся стрельбой с улицы и завершившийся явно неправосудным приговором» ...

5. «Петроградское Эхо», № 60. «Вокруг имени Сухомлинова скопилось много легенд, сплетен, возмущения; до сих пор обыватель склонен считать бывшего военного министра единственным и главным виновником нашего поражения, забывая про систему.

Судебный процесс, созданный наспех, все-же выяснил, что Сухомлинов сам по себе не изменник и изменникам сознательно не покровительствовал».

Ту-же точку зрения разделили наши видные генералы, вроде Л. Г. Корнилова или героя кавказских побед Юденича. Незадолго до назначения Корнилова верховным главнокомандующим, Керенский обратился поэтому к министру юстиции с письмом, где настаивал на скорейшем суде над Сухомлиновым, хотя-бы обвинительный акт и страдал некоторой скомканностью.

Глава XXXV

Осужденный — помилованный — беженец

«Форменный пролетарий». Октябрьская революция 1917 г. В Трубецком бастионе. Убийство Кокошкина. Мои товарищи по заключению: Щегловитов, Белецкий, Пуришкевич, Рутенберг, Хвостов, Бурцев и др. Перевод в «Кресты». Типографская работа. Посещение Урицкого. Расставание с моей женой. Посещение Зорина. Мое помилование. На свободе. В положении затравленного зверя в Петербурге. Бегство в Финляндию. Гостеприимный прием финскими властями.

Гласное судопроизводство продолжалось с 10 августа по 12 сентября 1917 года.

Целый месяц мы пробыли вместе с женою, — было о чем переговорить и рассказать. В середине процесса, нас на три дня отвезли в крепость.

Сейчас-же после об'явления приговора мы должны были расстаться и я осужден был к бессрочной каторге с лишением всех прав, и в ту-же ночь меня отвезли в мой № 55 Трубецкого бастиона.

Когда стали пускать к нам в камеры наехавших из разных стран корреспондентов, то один американец меня спросил, — что я теперь из себя изображаю? — Форменного пролетария, ответил я. «О, да, да, генерал, философ», — воскликнул он и стал записывать в свою книжечку.

Очутившись на свободе, жена моя энергично стала хлопотать о том, чтобы сделать существование мое в неволе в условиях возможно соответствующих моему возрасту и здоровью. Два раза в неделю я мог ее видеть — а вскоре подоспела и вторая революция, о которой на прогулке меня предупредил один унтер-офицер из караула:

— «Обождите немного, мы вам скоро доставим сюда Керенского с товарищами». Но он не угадал, — Керенский улизнул, — а «товарищей» его действительно доставили.

Переворот этот ввел в нашу жизнь узников большую перемену, — с одной стороны облегчив условия существования в значительной степени, а с другой увеличив опасность для жизни.

Свидания назначались более продолжительные и зараз нескольким, так что мы знали кто, где сидит. На прогулку стали выпускать по не-

сколько человек; я гулял с Щегловитовым и Белецким. Все временное правительство, кажется одиннадцать человек, гуляло всей компанией.

Разрешили приносить продовольствие, газеты и даже водили нас в Петропавловский собор на богослужение. Позволили мне и Щегловитову привести в порядок каталог и книги библиотеки, для чего мы сидели по соседству с моей камерой в особой комнате. В последнее время даже, от 8 до 10 час. вечера, дозволено было нам бывать друг у друга в номерах.

Пуришкевичу, Пальчинскому, Де-Боде, Рутенбергу — разрешено было топить печи в коридоре и они большую часть дня проводили, поэтому вне камер. Сплошь и рядом дверь оставалась не на запоре.

Продовольствие тоже улучшилось, — на помощь пришел, так называемый «политический красный крест», доставлявший нам кое-что из с'естного ежедневно. Этим мы обязаны сердечной заботе о нас глубокоуважаемого доктора Ивана Ивановича Манухина. Словом все с внешней стороны нашего положения изменилось к лучшему; но зато большевики в собрании крепостного комитета решили всех нас расстрелять; узнали мы это из газет. Стража нашего бастиона заявила нам, что с оружием в руках будут защищать нас, ибо считают, что нападать на безоружных и притом заключенных — подлость.

Тем не менее, хотя всех нас не прикончили, но когда Шингареву и Кокошкину*) разрешили переехать в частную больницу, — то их там в ту же ночь и убили.

Белецкого скоро перевели в «Кресты», и мы гуляли вдвоем с Щегловитовым, которого я имел возможность ознакомить с моей черновой работой, послужившей основанием к составлению записки о моем процессе. Указания его, как опытного юриста и человека большого ума, были для меня весьма ценны.

Жене моей удалось выхлопотать и о переводе меня в «Кресты». В 8 часов вечера я собирался в гости к Ивану Григорьевичу Щегловитову в № 56, — а мне пришли сказать, что за мной приехали. Действительно в коридоре был офицер, с предписанием доставить меня в «Кресты». Незамысловатое имущество мое, при содействии моих соседей и чинов команды, было быстро уложено и выйдя из каземата, в автомобиле я нашел жену, — которая и отвезла меня на Выборгскую сторону.

* * *

«Кресты» оказались громаднейшей тюрьмой, получившей это название вследствие крестообразного расположения ее корпусов одиночных заключений. Там-же имеется несколько зданий в виде лечебниц, в том числе и хирургическое отделение, в два этажа. В верхнем — помещались «политические», в категорию которых и меня зачислили; — поэтому я из мрачного, сырого, за отсутствием подлежащего ремонта, разрушающегося бастиона, — попал в светлое, сухое, теплое, недавно выстроенное здание, с центральным водяным отоплением, ванною комнатою, с двумя прекрасными ванными, постоянно горячею водою и кухнею в распоряжении заключенных.

Одна из камер превращена в зубоврачебный кабинет, что представ-

*) Министры Временного Правительства.

ляет большое удобство и облегчает многим страдания и без того тяжелые для узника. Хирургическое-же отделение — прямо роскошно по своей чистоте, обилию воздуха, света, высоким палатам, перевязочной и операционной, оборудованной не хуже лучших клиник. Несколько врачей, фельдшера, отвечающие своему назначению, — делают пребывание в неволе людей с подорванными силами и здоровием, вполне сносным.

На лестницу вышел встретить меня Белецкий, при котором, во время службы его в министерстве внутренних дел, строилось это здание, при чем он принимал большое участие в целесообразной конструкции тюремной лечебницы, в которую сам попал, в виде заключенного. Посадили потом сюда-же и техника, — устраивавшего водяное отопление этого здания. В трех просторных палатах, с громадными окнами, помещалось от 5 до 7 человек в каждой. Имелись еще и две комнаты, для одного, двух человек.

Попал я в палату № 8, где находились: генерал Болдырев, полковник Винберг, сотник Попов и бывший большевистский комиссар Янковский, приезжавший в качестве такового, когда я сидел в крепости, имевший какое-то отношение к наблюдению за местами заключения.

Совсем юный человек этот входил тогда очень в положение арестованных и ему мы были обязаны некоторыми льготами. По его словам он ездил и в место пребывания Государя; — а за что его самого арестовали, — трудно было понять из его рассказа.

Отдельную комнатку занимал бывший член Государственной Думы, а затем министр внутренних дел, Алексей Николаевич Хвостов, — сильно похудевший, сбавивший из своих 9 пудов, добрую треть. В палате № 6 помещался Белецкий, Бурцев, князь Шаховской, Кованько, Парфенов.

Палата № 7 наполнилась вскоре Временным Правительством; прибыл также Пуришкевич, Рутенберг, Пальчинский, профессор-доктор Лебедев, Де-Боде, граф Буксгевден и др. Перевели из крепости и Щегловитова в нашу комнату № 8, — так как Трубецкой бастион, как место заключения, закрывался.

Свидания допускались почти ежедневно и в течении нескольких часов. Прогулки по два раза в день, общие по этажам, в течении часа и больше.

Хвостов и Белецкий пользовались все время массажем, весьма опытного в деле массирования классного медицинского фельдшера, несколько сеансов которого выпало и на мою долю.

Ваннами и душем можно было распоряжаться по нашему желанию, хотя-бы ежедневно. В каждом этаже выбирался староста, для соблюдения известного порядка во внутреннем нашем обиходе; — через него делались и все наши заявления начальству тюрьмы.

На все богослужения ходили, через так называемый главный пост, в центральном здании, в обширный, благолепный, тюремный храм, куда собирались желающие из всех зданий.

С пищей становилось уже очень трудно, но по палатам образовались артели и мы сами стряпали еду, сочиняя завтраки и обеды из казенной пищи, того что доставлял нам и здесь, политический красный крест, — что приносили посетители из дому и что доставлял торговец, допускаемый в палаты. Допускали и газетчика, приносившего нам ежедневно все выходившие газеты.

На ночь палаты запирались в 9 часов и в 6 час. утра, открывались. Весь день сообщение было свободное. Устраивались даже партии в винт.

В отдельном здании имелась хорошо оборудованная типография и с И. Г. Щегловитовым нам разрешено было работать. Но мы в ней так сильно простудились, что старший врач занятия эти нам запретил. Я-же мечтал о том, чтобы самому набрать «Записку о моем процессе» и в тюремной типографии ее отпечатать. В мой план и входило, выждав теплое время, — привести это в исполнение, — в конторе типографии и смета была даже составлена.

К концу моего пребывания в «Крестах», 4-го марта, вследствие освобождения Бурцева, Болдырева и многих других, меня и Щегловитова перевели из палаты № 8 — в № 6, которую, в отличие от «Чеховской» палаты того-же номера, прозвали палатою «лордов», ибо в ней сидели сановники. Попав, таким образом, в лорды, я с Хвостовым, рано утром, выходил подметать место нашей прогулки.

Хвостов был в лирическом настроении и писал очень удачные, язвительные стихи на тему современных событий.

Щегловитов не выходил из пессимизма и меня называл «неисправимым оптимистом». Признавая в своем образовании пробел по высшей математике, он при содействии Кованько проходил дифференциальное и интегральное исчисления.

Посетителей хирургического отделения было довольно много, но некоторые из них своею неосторожностью и бестактностью, портили нам не мало, до прекращения кое каких льгот — включительно. Своею энергиею и разумными действиями выручала нас Екатерина Викторовна, — ее ходатайства почти всегда были успешны; — продовольствием, в самое трудное время она нас снабжала усердно и появление ее среди узников подбадривало и оживляло всех. Обо всем том, что лично для меня делала моя жена, говорить не стану, понятно почему и если помещаю эти строки, то потому, что с меня, мои товарищи по несчастью взяли слово, — если я буду писать свои мемуары, то о ней упомяну, как о сестре милосердия, в самом высоком и благородном смысле этого термина, — что самое светлое и радостное воспоминание о ней останется у всех, имевших возможность близко ознакомиться с ее высокими душевными качествами.

Эта, так много выстрадавшая и столько горя перенесшая, женщина, — действительно понимала страдания других и все, что только было в ее силах, — делала для облегчения участи томящихся в неволе людей, — рискуя не только своим и без того слабым здоровьем, но и безопасностью.

Удостоил нас своим посещением и Урицкий. Очень важно обходил всех и разговаривал о деле каждого заключенного. Меня спросил только фамилию и больше ничего. Его визит имел последствия: не разрешено было свидание в палатах, так как при его входе одна посетительница сидела у постели арестованного — и не встала при его появлении. Свидания перенесены были в корридор.

* *

*

Посещение другого лица, из большевистского мира юстиции, имело для меня громадное значение по результатам, которые затем последовали.

Приехал Зорин; весьма благообразный на вид блондин, — молодой еще человек, — спокойно и толково излагающий свою мысль, — производящий впечатление одаренного природным умом и здравым смыслом человека.

Когда дошла очередь до меня, — он мне сказал, что мое дело законченное и его ведению не подлежащее.

Я ему на это ответил, что сферы его деятельности я не знаю, но по старым законам, как достигший 70-летнего возраста, я подлежал-бы освобождению от присужденного мне наказания. На это Зорин улыбаясь мне заметил, что старых законов они теперь не признают. С этими словами он повернулся к сопровождавшему его офицеру, бывшему, если не ошибаюсь, присяжному поверенному и тот ему подтвердил, что такой закон действительно в старых уложениях имеется.

Я-же добавил, что не признание старых законов следует отнести к тому, что новое правительство признает их не достаточно совершенными, не отвечающими справедливости, гуманности; все новое устанавливаемое в этом отношении не может-же быть, в силу этого, хуже того, что было раньше. При таких условиях может не нравиться буква закона, но не смысл его, — в данном случае безцельное мучение достаточно выстрадавшего старика.

Зорин внимательно слушал то, что я ему вразумительно и спокойно говорил — и видно было, что для него все ясно.

— «Да, это так, что вы говорите и хотя оно меня как будто и не касается, но на такое дело надо обратить внимание. Я напишу об этом в Москву, даже составлю такой пунктик, который мог-бы войти в декрет 1-го мая, и который там готовится».

Вот то, что сказал мне в заключение нашего свидания, Зорин, говорят простой мастеровой.

Этот его «пунктик» в декрете 1-го мая 1918 г. имел место и меня из неволи освободили; — представитель большевистской юстиции оказался по здравому смыслу и своей порядочности — выше моих сенаторов.

* * *

Освобождение мое чуть не состоялось раньше, но могло, при этом, окончиться катастрофой. Караульная служба красногвардейцев неслась, конечно, безобразно, часто наряд на смену старого совсем не являлся.

Компания офицеров, решила этим воспользоваться и освободить из «Крестов» часть заключенных в хирургическом отделении, в том числе и меня. Составили для этого свой караул, — который прибыл в тюрьму, — но к счастью вскоре после вступление настоящего нового караула; поэтому заподозрили что-то неладное и телефонировали в Комендантское управление. Покуда шли справки, — караул благоразумно исчез и мы догадывались лишь, что произошло нечто необыкновенное, — появились патрули у нашего здания и произведен был обыск.

30 апреля вечером, явился к нам в палату № 6, начальник тюрьмы со своим помощником и заявил о возможности моего освобождения, если завтра в декрете об амнистии, будет ясно, что я этому подлежу.

На случай такого для меня благополучия, он переводит меня сейчас в другое помещение, из которого я мог-бы немедленно выйти на свободу.

Товарищи в палате помогли мне уложить мои пожитки, которые остались на моей кровати, — а я, без всякого багажа, простившись сердечно со всеми, покинул хирургическое отделение и помощник начальника тюрьмы повел меня по неведомой для меня дороге. Мы прошли несколько дворов и подошли к громадным железным воротам, которые сторожем были открыты и перед моими глазами оказалась Нева, отражавшая в своем течении горевшие фонари на набережной.

С наслаждением полной грудью вздохнул я и перекрестился, почувствовав преддверие свободы. Помещение для меня приготовлено было в том-же доме, где жил и начальник тюрьмы. Постель была постлана и я по истине спал «сном праведника», а утром пришел начальник тюрьмы со словами: «поздравляю, вы свободный гражданин и у под'езда ждет вас извощик, которому вы скажете, куда желаете ехать».

* * *

После моего освобождения 1-го мая из «Крестов» радостное чувство, которое я испытывал, было почти повторением того, которое я переживал, когда произведен был в офицеры в 1867 г. Но в то время я получал известные права и становился в ряды нашей гвардии с определенным положением, шутка сказать, — корнета! После закрытого учебного заведения — свободный человек.

Через 50 лет, тоже из «закрытого заведения», только другой совсем категории, — я свободный тоже гражданин и тоже с положением настоящего «пролетария».

Имущественное мое положение определялось формулой: «Яко наг, яко благ, яко нет ничего», т. е. в условиях легкого и свободного передвижения.

За два года я потерял в весе около двух пудов. Сколько убыло у меня жизненной энергии, — определить трудно, за неимением такого счетчика. Доверия-же к людям осталось — мало.

Освобожден я был из заключения по декрету об амнистии, т. е. в порядке управления советской властью. Теперь это значило: жить! И я прежде всего просто радовался моей свободе.

* * *

На квартире жены нельзя было мне жить по двум причинам. Во-первых это было такое крошечное помещение, что и без всякого имущества человеку там места не было. А во-вторых, благодаря той травле, которой я подвергался за время моего процесса, своего рода популярность моего имени, привлекла-бы к квартире жены внимание таких господ, — которым безусловно лучше было говорить: — «здесь не живет».

Нашлись добрые люди, недалеко от Нарвской заставы, которые меня приютили.

Поразило меня, во что превратилась столица за время революции. Грязь и мерзость запустения царила всюду. Что представляли из себя мостовые, тротуары, неубираемая падаль на улицах, забитые пустыми барками, и остовами от них, — каналы, издающие зловоние, — шляю-

щиеся всюду разнузданные красногвардейцы и чувство полнейшего отсутствия безопасности от произвола и насилия.

Положение жителей города ухудшалось с каждым днем; от $2^1/_2$ миллионов — осталось уже менее миллиона, кто только мог — бежал от голода и всех ужасов истинной пугачевщины в бывшей столице. Обыски, аресты, смертная казнь, поводом к расстрелу — анонимы и доносы, грабежи среди белого дня, в центре города, яростное преследование всего, что хоть сколько нибудь культурно, — обстановка не привлекательная, — даже для пролетария из мирных.

В июле месяце я перебрался поближе к островам, чтобы подышать немного лучшим воздухом; пробовал рыбу удить на Неве и Невках; — стал поправляться, начали меня узнавать в трамвае и на улице.

Нашлись добрые люди, которые меня предупредили, что после того как отправили в Москву из Крестов и частных лечебниц, бывших царских министров, где их по просту расстреляли, без всякого суда, то стали называть мою фамилию, как случайно избежавшего расстрела.

В пустой квартире, громадного дома, на Каменноостровском проспекте, я скрывался некоторое время, благодаря покровительству швейцара и старшего дворника, двух бывших гвардейских унтер-офицеров, хорошо меня знавших. В одно прекрасное утро ко мне зашел швейцар, рассказавший о бывшем в доме обыске. Я находился в пятом этаже. Прибывшие на грузовом автомобиле большевики для ночного обыска, утомленные в нижних этажах, подошли к моей двери. Швейцар храбро открыл ее, — а дворник сказал что квартира эта пустая, что и было похоже, так как ключ находился у швейцара. Руководивший обыском заявил, что они и так устали, чего-же тут мотаться еще по пустым квартирам. «Закрывай», крикнул он, — и я был спасен. Но оставаться в этом доме дальше нельзя было; да и по соседству с домом, в котором я жил, был обыск при чем искали меня. Пришлось перебраться в Коломну, в мансарду, чтобы выждать некоторое время и не напоминать о себе.

Между тем слухи о том, что меня ищут, — не прекращались; — а когда я сам слышал, как на площадке трамвая, три солдата, рассуждая о расстрелах царских министров, — упомянули мою фамилию с таким добавлением: «ничего, найдем его и тоже расстреляем», — я понял, что оставаться в совдепии мне не следует.

Но куда направить свои стопы?

Ближе всех была граница Финляндии, — теперь уже самостоятельного государства. В Финляндии не мало имелось у меня друзей, в том числе бывший мой ротный командир Александровского кадетского корпуса, — Бьерклунд, — уговаривавший купить усадьбу под Выборгом, на берегу рыбного озера.

Я решил уйти в Финляндию и 22 сентября/5 октября вечером, совсем на легке отправился на Финляндский вокзал пешком.

Проходя мимо новой ортопедической клиники, клинического военного госпиталя, — мелькнула у меня мысль о превратности судьбы человека. До моего назначения министром клиника помещалась в старом здании, было и тесно и неудобно. Во время одного из посещений я обратил внимание на то, что в военном ведомстве такое обилие ломки ног и рук, и такое несоответствие с этим состояния специального для сего

учреждения и где? — в лечебнице при военно-медицинской академии, где готовятся военные врачи-хирурги.

Профессор Турнер, на руках которого была эта лечебница, — ознакомил меня в подробности со всеми дефектами своего заведения. Главному военно-санитарному инспектору это видимо не понравилось и он со своей стороны доложил, что, конечно, приятно было-бы иметь хорошую клинику и по этой специальности, но кредиты так ограничены и проходят с таким трудом, что приходится попечение об этом отложить. А я как раз перед тем был в прекраснейшей клинике, при той-же академии, профессора Рейна, — гинекологической, — только что выстроенной, по всем новейшим указаниям науки о женских болезнях. Поэтому с моей точки зрения относительного их значения для армии, я не мог понять, почему на эти кредиты не построена была, раньше гинекологической, — ортопедическая?

Учинил разборку, пересмотрели сметы; выкроили ассигнование и я присутствовал вскоре при закладке, а затем освящении клиники; мое имя значится на доске, замурованной в фундаменте и на доске на лестнице. Каждый раз, когда приезжал, — я был желанным гостем в этом здании, перед которым теперь прохожу и не знаю даже где буду ночевать, как и где буду существовать в добровольном изгнании . . .

С билетом третьего класса, в пустом совершенно вагоне, последнего поезда, я приехал на станцию Белоостров. Погода была ужасная, — дождь шел непрерывно и на платформе был всего один мой рыбак, предупрежденный о моем прибытии. Сошли с платформы и в совершенном мраке, шлепая по грязи, пошли на северо-восток, к стороне Ладожского озера. Довольно долго шли так и добрались наконец до избушки, в которой я и ночевал.

Когда на другой день прояснилось, — то я увидел всего в нескольких шагах пограничную речку Сестру, сильно вздувшуюся от дождей, — коричневая вода ее бурлила, покрытая пузырями и пеной. В этом убежище пробыл я весь день, не показывая носа и питаясь кое-чем с собою взятым и куском конины моего спутника, меня покинувшего.

Место было до того глухое, в лесу, что за весь день пробежала мимо всего одна голодная собака. А на следующее утро, с рассветом, — мой рыбак появился, — спустил на воду из довольно тонких досок сбитый плашкот, с невысокими бортиками, на подобие крышки от коробки, и предложил мне войти в него.

С места-же зачерпнули воды, оттолкнувшись от берега; опасно было шевелиться, — я держался за бортовые доски на коленях и сильным течением, при нескольких ударах весла-лопаты, — нашу, по истине утлую, ладью перенесло к тому берегу, который уже не был русской землей.

* * *

Еще раз пришлось пережить радостное чувство освобождения, но в данном случае, умаляющее радость, — сознание, что с этой минуты я эмигрант, покинувший Родину, оказавшейся хотя и мачехой, а не родной матерью.

Полной радости не могло быть и потому, что на том неприветливом берегу остались дорогие, близкие мне люди, участь которых будет мне вряд-ли известна, и когда я их увижу — представить себе не могу.

Очутился я в лесу и так как полотно железной дороги приходилось к западу от меня, то я и взял направление на северо-запад. К счастью моему дождя не было и эта прогулка не представляла тяжелого похода по болоту и кочкам. Вскоре стали доноситься отдаленные свистки финляндских паровозов, но ни единой живой души на всем пути я не встретил, — правда шел без дороги. Лес стал редеть и между деревьев показалась красная будка, — говорившая мне о близости станции, к которой я через несколько минут и подошел, в полной надежде, что никто меня не узнает и я проеду в Гельсингфорс, а там видно будет что и как «образуется».

Но так долго ждать не пришлось, — «образовалось» все сейчас, тут-же.

— «Ваше высокопревосходительство, — какими судьбами, откуда вы?», раздался голос, хорошо знакомого мне, бывшего нашего офицера, капитана Монтэля, — а теперь коменданта пограничной станции Раяиоки.

Пришлось все рассказать и о Сухомлинове дано было знать по телефону начальнику приграничного округа, — капитану Рантакари, — который приехал с экстренным поездом и увез меня в Териоки, где отвели мне помещение в доме комендантуры.

С 24-го сентября по 8 октября я пробыл в Териоках, пока решали вопрос как быть со мной. Дело в том, что от хорошей жизни в России масса народа бежала в Финляндию, а продовольственный вопрос здесь был в условиях очень тяжелых. Поэтому для местных властей приятнее было-бы иметь русских лишь транзитными пассажирами, — а я просил разрешения остаться в Финляндии, так как материальные условия не позволяли мне предпринимать далекое путешествие. 8-го октября я получил разрешение прибыть в Гельсингфорс и вечером выехал из Териок.

Конец

Николай Александрович, последний царь Дома Романовых. Зависимость от семьи. Великий князь Сергей Михайлович. Кшесинская. Доверие ко мне. Мое первое знакомство с Государем. Наследник престола в офицерской кавалерийской школе. Полковник Романов. Царь, как ездок. Заботливость о войсках. Придворный бал в Ливадии. У кирасир. Пари с Николаем Николаевичем. Щедрость по отношению к министрам. Участие к болезни моей жены. Императрица Александра Федоровна. Распутин. Его убийство. Наследник цесаревич Алексей Николаевич. Его дядька матрос Деревенько. Характер наследника.

Постигшее меня несчастие, кажущееся иногда такой ужасной катастрофой, стушевывается окончательно перед величайшим горем русской земли и той мученической кончиной, которая постигла нашего Государя и его семью.

Озираясь на пройденный мною путь, во время моего продолжительного одиночного заключения, я старался вникнуть в причины, которые вызвали ужасную катастрофу. Причины стихийные, — неудержимо прогрессирующее развитие, которое не могла удержать никакая сила, — шли рука об руку с погрешностями отдельных лиц; людская слабость и неспособность — ускорили несчастие. Технические, хозяйственные и социальные несовершенства в жизни российского государства должны были отразиться тем более на политической атмосфере, что во главе государства стоял человек, для которого выпавшая на его долю задача была непосильна.

Николай Александрович из-за несовершенства своего характера и неподготовленности к призванию самодержца — жестоко поплатился.

Мне, как слуге, непристойно присоединяться к хору его обвинителей. Для критики образа его правления по существу время еще не созрело. Пусть критикуют следующие за нами поколения, которые не испытывали на себе чары его личности. В моей памяти жив лишь Николай Александрович, как мой добрый царь, которого я и в самые трудные дни его жизни, в 1917 году, когда его-же близкие люди, во главе с Нико-

лаем Николаевичем предали, поддержал-бы всеми силами, — но я сидел в тюрьме и притом не без согласия, конечно, самого царя.

Николая Александровича я знал еще со времен Балканской войны, в течение последних двенадцати лет моей службы командующим войсками, начальником юго-западного края и военным министром; часто приходилось вести с ним серьезные разговоры, причем нередко затрагивались вопросы о существовании государства, большею частью в тяжелые дни, но иногда и в счастливые — полные надежд на будущее.

Если-бы в настоящее время я сказал, что этого монарха-мученика действительно знал глубоко по существу и всесторонне, — я-бы уклонился от истины. Я не принадлежал к числу тех немногих, как напр., граф Фредерикс и раньше граф Шувалов, которые принимались на положении друзей царской фамилии и в повседневной жизни с царем и наследником находились в условиях общечеловеческих сношений. Мы виделись лишь, когда это вызывалось служебною необходимостью. Если по каким либо обстоятельствам происходила более интимная встреча, то здесь играла роль случайность.

Между царским домом и нами, сановниками, не принадлежавшими к тесному семейному кругу, находилась стена, перешагнуть которую нам, старым солдатам, хотя и соприкасавшимся в различных случаях с царем и его близкими, в течении многих лет, удавалось лишь очень редко.

Естественной причиной этого явления была обширность царской фамилии, что в значительной степени облегчало ей жить замкнуто в своем кругу, не нуждаясь в посторонних; если-бы семья состояла всего лишь из небольшого числа лиц, это было-бы уже гораздо труднее.

В виду большого количества подроставших молодых великих князей, в семидесятых и восьмидесятых годах, не было никакой необходимости привлекать для игр и занятий сверстников из семей, преданных царю.

Николай Александрович был очень дружен с детьми великого князя Михаила Николаевича, брата Александра II, и часто после обеда, когда «весь Петербург» отправлялся по набережной Невы на Острова, — его можно было видеть сидящим на подоконнике большого окна Михайловского дворца. Великий князь Сергей Михайлович был его самый близкий друг: когда наследнику пришлось расстаться с холостой жизнью, — он принял на себя заботы о Кшесинской, красивой балерине, которая для Николая Александровича была более нежели минутным увлечением.

Меня и многих других не раз удивляло большое доверие царя, которое он иногда проявлял. Казалось, этому не было границ. Но лишь только вопрос касался лиц царской фамилии, грань давала себя чувствовать, точно государь опасался деятельность этого лица подвергнуть критике постороннего.

Этим родственным чувством, которое по отношению ко мне никогда не проявлялось в виде высокомерия, и об'ясняется то, что мы считали слабостью и неустойчивостью главы Романовых, а это привело к тому, что в действительности в критические минуты Николай II принимал решения, не проистекавшие из его самодержавной воли, а под давлением того члена царской фамилии, который в данный момент имел на царя наибольшее влияние.

Сергей Михайлович, вдовствующая императрица Мария Федоровна, убитый в Москве в 1905 году Сергей Александрович, императрица, — больше всего Николай Николаевич Младший, имели возможность при этих условиях влиять на некоторые начинания царя, — что шло в разрез с наилучшими стремлениями и вызывало обиды его сановников, имевших в виду лишь пользу страны и престола.

Будучи еще юношей, Николай Александрович обратил на меня внимание. В 1878 г., как я уже говорил, Драгомиров рекомендовал меня в воспитатели к наследнику. Ближе я познакомился с Николаем Александровичем, когда он стал перед эскадроном. Во время бытности моей начальником офицерской кавалерийской школы — он проходил практически устав кавалерийского обучения, на эскадроне школы.

Цесаревич очень аккуратно посещал занятия эскадрона школы и прошел все уставное обучение кавалериста, до эскадронного учения включительно. Чрезвычайно внимательно относился ко всем указаниям, раз'яснениям и перед эскадроном произносил команды отчетливо, уверенно.

На первых порах казалось, что он сам своего голоса не узнает и удивляется его звучности; но скоро эта робость улеглась.

На память об этом обучении я получил от Его императорского Высочества портрет, в гусарской форме, с подписью.

До 1898 г., т. е. за время, что я был начальником офицерской кавалерийской школы, видел я Государя часто, но не приходя при этом к личному сношению. В ближайшие 10 лет, когда я командовал 10 кавалерийской дивизией, был начальником штаба и помощником Драгомирова, а также командующим войсками в Киеве, — мне доводилось видеть царя лишь во время моих приездов в столицу.

Мои личные разговоры с Государем по поводу последствий японской кампании и проекта реорганизации великого князя Николая Николаевича, я уже изложил раньше; точно также и обстоятельства, при которых я принял должность начальника генерального штаба под командою Редигера. Государь не смог быть мне во всем поддержкою, как он это обещал.

Планомерного описания самого Государя и его семьи дать я не могу; но приведу отдельные очерки к общей картине, которую впоследствии будет писать непредубежденный историк.

* * *

При вступлении на престол Николая Александровича, старшего из Михайловичей, великого князя Николая Михайловича, не было в Петербурге. Когда он вернулся в столицу и являлся Его Величеству, то государь, в силу прежних дружеских отношений, встретил его ласково, приветливо и «дернула меня нелегкая», как он сам рассказывал мне затем, спросить Государя: — «А когда-же ты сделаешь себя генералом?»

Государь сразу-же изменился и недовольным тоном ответил ему:

— «Русскому царю чины не нужны. В Бозе почивший отец мой дал мне чин, который я и сохраню на престоле.»

Государь вел очень регулярную жизнь, много ходил, ездил верхом, греб, любил вообще всякий спорт и охоту. Разговоры об этом в его присутствии не воспрещались. Однажды затронул я один вопрос, кото-

рый причинил свите много горя. На первоклассных лошадях, и при своей тренировке, государю не трудно было закатывать репризы в 12—14 верст безостановочно. А так как он при этом никогда не оборачивался, то и не видел, что его свита обыкновенно уже растягивалась на несколько верст, и под конец добрая половина ее оставалась совсем назади. Некоторые всадники даже скорее висели, а не сидели на лошадях и обнимали лошадей за шею, чтобы облегчить страдания.

По поводу одного разговора о парфорсной охоте офицерской кавалерийской школы и о расстояниях, которые при этом покрывались на полевом галопе, мне удалось высказать, что все зависит от втянутости в работу, как всадника, так и коня. — Не привыкший к работе ездок на тренированной лошади не выдержит, и обратно, тренированный всадник на не втянутой в работу лошади не будет в состоянии достигнуть успеха, соответствующего его собственным силам. Поэтому в компании не втянутых ездоков следует сообразовать аллюр с силами последних. Государь посмотрел на меня и спросил: — «В чей огород этот камень?» — «Ни в чей, Ваше Величество, — это естественный вывод, с которым нет надобности и соглашаться, — это даже принцип, — но ведь нет правил без исключений».

Тем не менее после того на маневрах свита имела иногда передышки.

До какой степени близки были Государю интересы нижних чинов армии, доказывает опыт пригонки и целесообразности всего снаряжения солдата.

Находясь в Ливадии, он потребовал из цейхгауза стрелков, содержавших караулы в царской резиденции, — полный комплект снаряжения и оружия, чтобы все это испытать лично на себе. После пригонки и укладки всего положенного для похода, Его Величество сделал переход, отвечающий нормальному движению пехоты.

Император Николай II был далеко не мощного сложения и роста ниже среднего, поэтому, если вес солдатской ноши ему был по силам, то это доказывало, что непомерной тяжести для солдат она не имеет.

В 1913 году, во время своего пребывания в Ливадии, Государь разрешил жить и мне в Крыму. В Суук-Су нанята была дача для меня и личной канцелярии военного министра; в моем распоряжении был и миноносец, на котором я мог ходить в Ялту.

Во время бала, на котором мы были в Ливадийском дворце с женою, — в то время, что она сидела в зале, где танцовали, я встретился с Государем в одной из гостиных, в которой играли в карты.

— «А вы, Владимир Александрович, в карты не играете?» ласково спросил меня Николай Александрович.

Я ответил, что играю плохо, поэтому предпочитаю раскладывать пасьянс.

По указанию Его Величества, для меня приготовлен был ломберный стол и карты для пасьянса, который я и раскладывал, — а молодые великие князья приходили смотреть, какие я именно пасьянсы раскладываю, чтобы доложить Государю.

Действительно у себя, среди семьи, Государь этикеты всякие оставлял за порогом своего жилища; — это был добрый, радушный хозяин, у которого все чувствовали себя легко и уютно. Таким же он бывал на товарищеских обедах в частях войск Царскосельского гарнизона, кото-

рые устраивались периодически, при чем приглашались и служившие раньше в полках.

Я принимал в товарищеской трапезе кирасир участие, — сидел рядом с Государем. О службе нельзя было и заикаться. Обеды не были роскошны, все было очень просто; но они были полны духовным единением Верховного Вождя русской армии со своими сослуживцами, — именно сослуживцами, потому что, при соблюдении полнейшей субординации, никто притесняемым себя, ни в каком смысле, не чувствовал. И этих обедов, по силе их нравственного значения и выносимых впечатлений, никто из принимавших в них участие, конечно, не забудет.

На празднике л.-гв. гусарского Его Величества полка, в Царском Селе, 6-го ноября, Государь обыкновенно участвовал в вечерней трапезе, среди любимых им гусар, причем, как бывший командир полка, великий князь Николай Николаевич, конечно, присутствовал.

В один из таких полковых праздников упросили шефа полка за ужином о производстве в следующий чин капельмейстера, прекрасно дирижировавшего хором трубачей. Для такого производства он не выполнял какого-то одного из условий, в порядке производства гражданских чиновников военного ведомства, о чем великий князь знал. Поэтому Государю сделан был намек о том, — а как отнесется к этому военный министр?

Государь на это очень находчиво сказал, что военный министр повеление его исполнит немедленно и беспрекословно, если только получит категорическое распоряжение. Был уже час ночи, т. е. 7 ноября — по настоящему, — поэтому речь зашла о том, что в приказ от 6-го числа это попасть не может ни в каком случае.

Государь был в настойчивом настроении и с великим князем Николаем Николаевичем держал даже пари, что в приказе на 6-ое число это появится. Сейчас-же составлена была депеша на мое имя и отправлена в Петербург.

В этот вечер я был вместе с женой на балу морского кадетского корпуса и около 2-х часов утра, по обыкновению, когда возвращался домой, зашел в кабинет, где и нашел эту телеграмму. Точно чутьем я угадал, что ее исполнить надо безотлагательно. Но как это сделать? Как старому сотруднику «Русского Инвалида», мне хорошо был знаком порядок печатания этой официальной нашей военной газеты, — поэтому я телефонировал в типографию уделов, где она набиралась и спросил, есть ли там дежурный чиновник от редакции «Русского Инвалида?» Оказывается, есть. Требую его к телефону и узнаю, что номер набран и сейчас собираются спустить его в печатный станок. Требую обождать и диктую ему дополнение к Высочайшему приказу о производстве капельмейстера, что и выполняется.

Осторожный дежурный чиновник после этого спросил по телефону моего швейцара, — дома-ли я и говорил-ли по телефону с типографией, и получив утвердительный ответ — успокоился.

Государь таким образом пари выиграл.

* *
*

При отзывчивости Николая Александровича на все доброе, помощь, оказываемая многим лицам из собственных, личных средств Государя, была и существенна и дискретна.

Когда меня назначили начальником генерального штаба, вместо содержания, доходившего в Киеве в общем до 60 тысяч рублей в год, — я переходил всего на 10 тысяч в Петербурге.

Во время бытности уже министром, пришлось докладывать подобный-же случай, и так как это делалось для пользы службы, то я ходатайствовал о сохранении того содержания, которое человек уже получал, ибо назначение новое ему предстоит не в наказание.

Государь посмотрел на меня с недоумением и сказал:

— «Ну конечно, — но ведь это-же так и полагается?»

Я доложил, что именно не полагается и что проведению такого закона воспротивится министр финансов — энергично.

— «Но вам ведь сохранили то, что вы получали в Киеве?» спросил меня Государь.

Когда я доложил, что не сохранили, — то выражение лица бедного моего Государя было до того страдальчески-виноватое, что я пожалел о том, что это обстоятельство не доложил с большею осторожностью.

Ходатайство мое было уважено, но тем дело не кончилось.

На очередном докладе, в следующий раз, я видел ясно, что Государь что-то надумал, какая-то мысль была у него на уме. Так и оказалось.

Когда я принимал из рук Его Величества, ежедневно подписываемый им Высочайший приказ, — Николай Александрович, с какою-то точно застенчивостью, не глядя на меня, стал мне говорить, что считает несправедливым то материальное положение, в которое я попал по какому-то недоразумению, и что он решил исправить это помощью из личных своих средств.

Заметив мое полное недоумение, Государь поспешил добавить:

— «Будьте покойны, Владимир Александрович, этого никто знать не будет и я это делал многим, а вам считаю не только справедливым, но и своим долгом это сделать.»

Правая рука Государя, при этом, протягивалась к ящику письменного стола, где, по всей вероятности, лежала более или менее крупная сумма.

Но я запротестовал всеми силами и решился высказать Его Величеству мысль о том, что он может помочь вообще всем министрам, которые получали тогда ежегодного пособия в размере 6 тысяч рублей из 10 миллионного фонда.

— «Хорошо», сказал Государь и действительно так и сделал, — мы получили прибавку в 18 тысяч, т. е. наше содержание, таким образом, удвоилось.

Товарищи мои были удивлены этой неожиданной и крупной прибавкой; в виду дороговизны жизни в столице, радовались, конечно, но как это случилось — не могли постигнуть, пока это не выяснилось наконец.

Но для меня осталось невыясненным, сам-ли Государь определил эту сумму, или ему было доложено, что можно распорядиться ассигнованием именно в этом размере.

Во всяком случае, в основании всего этого эпизода, была инициатива Его Величества.

Большое значение придавал Государь организации потешных; на одном из смотров в Петербурге, на который с'ехалось громадное количество потешных отрядов, со всех концов России, в то время, когда перед Государем проходили потешные и я находился вблизи, правее Его Величества, — ко мне подошел телеграфист и подал срочную телеграмму.

Видя это и предполагая, что в ней что нибудь очень срочное военному министру, Государь спросил меня: «в чем дело?»

Телеграмма-же оказалась из Берлина, о том, что моей жене сделали очень тяжелую операцию, — хотя и срочная, но ничего служебного в себе не заключавшая. Тем не менее Государь пожелал знать, в чем дело, — видя по моему лицу, вероятно, — что случилось что-нибудь не совсем обыкновенное.

Дело в том, что доктора послали ее в Вильдунген, а по дороге посоветовали обратиться к профессору Израэлю, известному специалисту по этой части. Израэль, после основательного исследования, признал безусловно необходимым одну из почек немедленно удалить, — на что жена мужественно согласилась. После тяжелой этой операции мне и послана была врученная на смотру потешных, телеграмма.

Узнав это, Государь поразил меня своим сердечным участием, выразившимся в том «Высочайшем повелении», которое я от него услышал:

— «Сейчас-же слезайте с коня и поезжайте в Берлин».

Я просил только Его Величество разрешить мне уехать на следующий день.

Как монарх Николай Александрович слишком рано вступил на престол; при слабой воле у него не было достаточно даже житейского опыта, а в деле управления колоссальным, разнородным государством и подавно. Часто приходилось слышать, что будто-бы вдовствующая Императрица Мария Феодоровна имела на него громадное влияние — по делам государственого управления.

По моему это не верно и, во всяком случае, само выражение — не отвечает тому, что было в действительности.

Как сын, любящий свою мать, он относился к Марии Феодоровне с большим вниманием и почтением. Вместе с тем, однако, сколько это мне было видно, к делу управления государством она не имела никакого отношения.

Императрицу Марию Феодоровну я знал еще, когда она была супругою моего командира гвардейского корпуса, наследника Цесаревича Александра Александровича. Последний, как известно, был царь с сильной волей, твердым характером и в чьем либо влиянии не нуждался. Никакой практики, поэтому, Мария Феодоровна в этом отношении, по делам государственного управления, иметь не могла.

Императрица-же была прекрасной наездницей и к верховой езде относилась с любовью.

Во время лагерного сбора под Красным Селом, когда я был начальником офицерской кавалерийской школы, мне часто приходилось встречать Марию Феодоровну на прекрасной, кровной лошади, с одним только рейткнехтом, в окрестностях Дудергофа, Тайц и др. пунктах, в значительном расстоянии от дворца.

Александр III не одобрял этого спорта, но не препятствовал экскур-

сиям жены, точно так, как и Мария Феодоровна не мешалась в дела государственные.

Когда я был уже в должности военного министра, мне приходилось иногда являться к вдовствующей императрице по делам Красного Креста. В тех случаях, когда какие нибудь вопросы она считала вне своей компетенции, Мария Феодоровна всегда мне рекомендовала самому доложить об этом Государю.

Если учесть при этом те не совсем дружественные отношения, которые обыкновенно возникают между матерью и женою сына, — то есть достаточно основания считать, что разговоры о каком-то необычайном влиянии матери на сына, в данном случае беспочвенны.

Императрица Александра Феодоровна была женщина с устойчивым характером. Имея такую спутницу жизни, странно было бы, чтобы Николай Александрович в трудные минуты, а таковых у него было не мало, — не посоветовался с своей женой, когда по свойству своего характера он избегал советоваться с чужими ему людьми, хотя и крупными сановниками, но неблагоприятного влияния которых он опасался.

Как императрицу, скорее можно было бы укорять ее в том, что она еще не достаточно интересуется делами ее нового отечества, — в особенности на тот случай, если бы ей пришлось быть регентшей.

Из страха перед русским сфинксом она к тому же вдалась в болезненный мистицизм, поддержанный желанием осчастливить Государя наследником.

Как Николай Александрович, так и Александра Феодоровна были люди чрезвычайно набожные.

Во время последних дней беременности императрицы, зимой 1903/4 г., тогда, когда на Дальнем Востоке уже собиралась разразиться гроза, перед очами царицы появляется типичный сибирский крестьянин, пятидесятилетнего возраста, с проницательными серыми глазами, кладет свою грубую, грязную лапу ей на плечо и, пронизывая взором, предсказывает торжественным тоном: «Ты родишь наследника!» . . . .

Григорий Распутин . . . . каким путем этому человеку удалось пробраться к царице, кто эту «случайность» подстроил, как могло произойти внезапно подобное нападение на императрицу, при исключительной замкнутости жизни царской семьи, — едва-ли когда нибудь это выяснится.

Но человеку этому повезло, — в июне месяце императрица Александра Феодоровна родила наследника престола!

Распутин был человек, какие тысячами слонялись по Руси, бродят вероятно сейчас и будут путаться всегда: умный, наглый, но одаренный сильной волей и знанием человеческой натуры. В роли предсказателей, рассказчиков, гипнотизеров и чудодеев промышляли они всегда среди необразованного люда, а также образованных — с предрассудками — во всех слоях. Распутин вероятно обладал в высокой степени магнетизмом: факт, не подлежащий сомнению, что он тяжелые заболевания, которым подвержен был молодой престолонаследник, облегчал и даже устранял совершенно, тогда как все врачебные средства оказывались бессильными. Как известно, наследник страдал кровоизлияниями и в такой сильной степени, что когда это случалось — надо было опасаться истечения кровью. Распутин, в котором императрица видела действительно

ниспосланного ей Богом чудотворца, — был в таких случаях приглашаем и останавливал кровь часто одним лишь прикосновением своей руки...

Становится понятным, что при таких условиях напуганная женщина и мать хваталась за этого человека с таким энтузиазмом, какого он не заслуживал, и что со стороны Распутина крестьянский инстинкт побуждал его к личным интересам, материальным выгодам... Его значение возростало тогда через те круги, интересы которых требовали сохранения связи с двором императрицы. Распутин в свою очередь посильно эксплоатировал эту публику с честью, достойной своего имени.

По существу Распутин вполне соответствовал своей фамилии, — это был распутный, пьянствующий мужик, но очень себе на уме, хитрый, ловкий, с неприятными, пронизывающими глазами, — которыми он особенно удачно морочил прекрасную половину рода человеческого. На Гороховой улице в Петербурге у него была квартира, в которой он учинял приемы, не уступающие министерским.

Рассказы по этой части, ходившие по всей России, не могут быть особенно преувеличенными, так как то, что проделывал Григорий, — дальше итти было не куда. Но то, что распространяют о нем по отношению к царской семье, — это вздор, — просто сказки. Распутин был не дурак, чтобы рисковать своей карьерой, — там во дворце он был святоша, преисполненный божественного настроения, пересыпавший речь какими то, своеобразной редакции, текстами из священного писания, но дерзающий говорить царям «ты».

Распутина впервые видел я на вокзале в Севастополе, в 1912 году, возвращаясь из Ливадии, после доклада у Государя. Гуляя по перону взад и вперед, он старался пронизывать меня своим взглядом, но не производил на меня никакого впечатления. Хорошо помню, что он был тогда в голубой шелковой рубахе, которая своею ценностью к этой роже висельника совсем не подходила. Когда я уволен был от должности, Распутин говорил: «Вот видите, Сухомлинов меня не хотел признавать, и я его отстранил.» — Подобными приемами пробовал этот ловкий и хитрый старик подчеркивать свое личное влияние при дворе. За соответствующее вознаграждение он готов был на всякие услуги.

Но Государь должен был знать о том, что рассказывают о Распутине в Петербурге. Хотя я и не думаю, чтобы он обращал внимание на письма девяностолетнего старца генерала Богдановича, но ведь было достаточно других источников, которыми при желании он мог воспользоваться. На коллективное письмо многих великих князей, в котором они докладывали Государю о влиянии Распутина, царь ответил удалением вожаков этого документа из Петербурга.

Что касается самого убийства Распутина, то преступление это явилось как-бы кульминационным пунктом в деле дискредитирования царского престижа. Убил его крайний правый монархист Пуришкевич, очевидно полагая, что этим устранена будет одна из причин, умаляющих достоинство и ореол императорского Дома.

Но создавшаяся обстановка этого криминала способствовала, на самом деле, — результатам совершенно противоположным. В дом-дворец князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон, заманили Распутина на вечеринку. В числе гостей был и великий князь Дмитрий Павлович. Предполагалось, что удастся опоить ядом; но когда он не подействовал,

— то Пуришкевич застрелил Распутина и с признаками жизни еще, последнего вынесли из дома в сани, причем около под'езда во дворе, снег обильно полит был кровью.

Чтобы отвести следы преступления, — тут-же пристрелена была большая собака, кровь которой могла служить для полиции соответствующим об'яснением. Тело-же Распутина отвезено было на тройке к Тучкову мосту, где с привязанным к ногам грузом и опущено в прорубь — на Малой Неве.

Смерть этого человека осталась без последствий не для престола, а лишь для убийц, несмотря на то, что имена их и помощников преступления были у всех на устах.

Особенно щепетилен был Государь в отношении всего, что касалось, так или иначе, семейной его жизни, вторгаться в которую он не допускал. Этому надо приписать и то странное явление, что у Алексея Николаевича, наследника престола, не было воспитателя, вопреки тому, как это всегда его предками признавалось обстоятельством чрезвычайно важным в смысле воспитания и образования будущего самодержца. Весьма правдоподобно, что вторжение в царскую семью постороннего человека, с твердым, самостоятельным характером, — каковым должен быть в этих условиях царский воспитатель, стесняло-бы Николая Александровича и Александру Феодоровну.

Поэтому Алексей Николаевич находился на руках у матроса Деревеньки, жаргон которого можно было даже наблюдать иногда у цесаревича, — этого славного красивого ребенка, — который к тому же был мальчиком слабого здоровья.... В семье императрицы наблюдалась наследственная болезнь кровяных сосудов, с такими слабыми стенками, что до известного возраста они легко лопались, получалось кровотечение и смертельная опасность. Прыжки, падения, растяжения угрожали всегда кровоизлияниями, в той или другой области организма. При живой, подвижной натуре Алексея Николаевича таких опасных для жизни случаев было у него несколько и они именно были на руку Распутину, благодаря исключительно только тому, что ему просто в его шарлатанстве везло.

При настоящем воспитателе ни Распутин, ни Деревенько были бы немыслимы, — а при них, — немыслим был воспитатель и позиция осталась за теми, у которых она уже была в руках раньше. Между тем в характере Алексея Николаевича были признаки, которые при соответствующем направлении воспитания могли дать в нем человека устойчивого, с твердой волей, — а при Деревеньке являлись лишь непослушанием, упрямством, — сырым материалом без обработки. Во время моих докладов иногда появлялся наследник и Государь разрешал ему оставаться, но только не мешать нам заниматься.

Как-то раз в Петергофе он явился и когда ему надоело слушать, — забрался на диван и стал прыгать на пружинах. Государь рассердился и приказал ему уйти из кабинета. Надо было видеть, до какой степени задето было его детское самолюбие и как он исподлобья смотрел на отца, медленно направляясь к двери.

— «Обиделся», — сказал Государь, — «не понимаю, как он попал сюда?»

В Ливадии Алексей Николаевич своим упрямством вызвал однажды

большой переполох. Государь любил гулять с дочерьми. На одной из прогулок в обширном ливадийском парке пошел с ними и наследник. Посидев у одного из бассейнов, собирались итти домой, начинал накрапывать дождик. Наследнику хотелось еще остаться и он не пожелал возвращаться. Никакие упрашивания не помогли, и Государь с великими княжнами отправился по направлению ко дворцу, сказав: «Оставим этого капризного мальчика здесь».

После нескольких часов обратили внимание, что Алексей Николаевич не показывается. Начались розыски, нигде его не находили и только к вечеру одному конвойному казаку посчастливилось набресть в глухом месте парка на спящего цесаревича в небольшой беседке, густо обросшей диким виноградом.

Там-же в Ливадии у под'езда стояли парные часовые, с которыми Алексей Николаевич любил здороваться. Раз ему понравилось, как одна пара отвечала на приветствие: «Здравия желаем Вашему императорскому Высочеству», и он несколько раз подряд выбегал и здоровался. Услышав это, вышел дежурный флигель-ад'ютант и об'яснил наследнику, что в войсках принято здороваться только один раз в день с одними и теми-же людьми.

Видно было, как ему досадно, что он сделал промах и смерив с ног до головы флигель-ад'ютанта, — ушел и больше не показывался, а после того посылал Деревенько узнать у часовых, здоровался он с ними сегодня или нет? У одного из часовых он просил дать ему ружье. Тот, конечно, его ему не дал. Тогда он заявил, что наследник требует у него это. Но и это не помогло. В виду такого афронта он побежал жаловаться и ему об'яснили, что по уставу часовой может отдать оружие только Государю.

Поняв свою ошибку, он отправился исправлять ее совершенно самостоятельно, подойдя к часовому, поблагодарил его за то, что тот службу знает.

Играя в войну с сестрами, Алексей Николаевич так сильно расшиб себе голову, что пришлось сделать перевязку.

Несмотря на сильную боль, он даже не прослезился и если его кто-нибудь спрашивал, что с ним случилось, он с достоинством отвечал, что ранен в бою.

Играл он в солдатики, расставленные по полу в одном из коридоров дворца, по которому пришлось проводить приехавшего с докладом к императрице сановника.

Алексею Николаевичу это не понравилось и он протестовал в такой форме, что странно мешать наследнику, точно во дворце нет другого места для прохода посторонних.

Прибыла в Царское Село какая-то депутация, которой Государь разрешил видеть наследника. Ему доложили об этом, а с ним были великие княжны в это время.

Тогда он обратился к ним и сурово заявил: «Девицы уйдите, у наследника будет прием». А когда сестры со смехом ушли, он оправил на себе платье и совершенно серьезно заявил: «Я готов».

Нескольких этих, приведенных мною случаев, достаточно, чтобы судить о том, правильно ли было воспитание будущего монарха.

* * *

Маленький наследник погиб такой-же геройской смертью, как и его отец, мать и сестры. Он живет лишь в памяти тех, кто знал его лично, и тех многочисленных мечтателей среди русских, которые не хотят понять, что весь ужас, пережитый ими, — жестокая действительность. В своем воображении они видят наследника странствующим по необозримой русской земле. Переодетый матросом переходит он с места на место, — сегодня видели его в Рязани, — завтра ожидают в Тамбове . . . все это бесплодные и опасные мечты, которые не могут дать ничего для восстановления будущей России. . . Дом Романовых — Гольштин-Готорпский — погиб насильственной смертью. . . по собственной вине. . . хотя живы еще главные виновники этой трагедии.

Ни на одного из них русский народ не может возлагать надежды, — разве лишь на тех из них, которые и при жизни царя поддерживали его. . .

То, что ставят мне в вину относительно возникновения всемирной войны, — я отрицаю точно так-же, как и всякий упрек в неготовности русской армии перед открытием кампании. Лишь в 1914 г. по моей инициативе, как военного министра, утвержденная программа усиления нашей армии, ее пополнения и вооружения, — могла в действительности создать наши вооруженные силы в полной готовности для активного участия в европейской войне, — но не ранее 1916 года. В критические дни перед об'явлением войны я, как военный министр и ответственный деятель, был устранен с того момента, когда русские дипломаты, в особенности Сазонов, не считаясь с моим мнением о состоянии армии, считались с великим князем Николаем Николаевичем и подчиненным мне начальником генерального штаба генералом Янушкевичем, — который злоупотреблял моим доверием. Помимо их воли они оценивали результаты моей деятельности выше той меры, которую я, сознавая всю полноту ответственности моей работы, ей придавал. Или-же они действовали сознательно-легкомысленно, не считаясь с создавшимся положением. После того, что мне удалось распознать закулисную сторону возникновения войны и на основании моего личного опыта, — должен признать теперь, что образ действий великого князя Николая Николаевича и генерала Янушкевича отвечал таковому-же игроков, ставивших на карту судьбу армии, русского народа и Дома Романовых. Их политика была вообще легкомысленной игрой. Этим об'ясняется их нервность, неустойчивость и отсутствие уверенности в самом себе. Поэтому они и поддавались приманкам, которыми Пуанкарэ разжигал их фантазии своими миллиардами. Будь сохранен мир, — русская армия в 1916 г. была-бы с более прочным залогом для проведения в жизнь всероссийских и мировых политических задач, — нежели войною 1914 г. Для России и для Дома Романовых война не была нужна, — а для русской армии, с чисто технической точки зрения, она была слишком преждевременна. Какое значение имела не нарушенная боеспособность нашей армии, я мог убедиться, по первому опыту, в роли начальника югозападного края, — ибо именно такие вооруженные силы могли обеспечить успешное проведение в жизнь тех реформ, которые царь собирался дать стране.

Когда в 1914 г. война была решена дипломатами, — мне оставалось только подчиниться повелениям Государя. Было-ли бы лучше, если-бы я покинул свой пост и тем обнаружил, что русская армия еще не

готова? Мое мнение о состоянии наших вооруженных сил — было во всякое данное время известно Государю. Знание этого именно моего мнения о нашей армии было причиной, вследствие которой великий князь Николай Николаевич, Сазонов и Янушкевич действовали помимо меня. После возникновения войны мне оставалось только приложить все усилия к тому, чтобы заполнить пробелы и недочеты, — сделать нашу заново восстановленную русскую армию равносильною с мощными германскими вооруженными силами. Так я и сделал.

Меня спрашивают иногда, почему я не принял предложение Государя и вместо великого князя не вступил в должность верховного главнокомандующего? Внешние причины моего решения я изложил в главе 26. Требовать от Государя, чтобы он совершенно устранил великого князя — пришлось-бы отправить его в ссылку, — при характере Государя и его отношения к царской фамилии, было-бы не только бесцельно, но привело к тому, что меня самого устранили бы при самом начале военных действий; — я сам себя упрекал-бы в дезертирстве. Если-бы я согласился на предложенное мне Государем назначение, то обеспечил-бы себе возможность более героического ухода с мировой сцены, нежели затем, как устраненный военный министр, — солдат вне строя. В 1914 г. я мог остаться военным министром потому, что не подозревал о той роли, которую играл Янушкевич в те критические дни, и потому, что ожидал, что он сможет обуздать великого князя и с'умеет, против действий германцев, целесообразно направить операции нашей армии.

Удовлетворение потребностей действующей армии в снабжении оружием и всеми видами довольствия, — после командования армией этих важнейших задач пополнения войсковых запасов, — я хотел оставить в своих руках. Я давал себе отчет в ограниченности у нас наличных запасов и видел, что другие делали вид, будто этого не замечают. После того, что по большой программе мною проведены были основные положения снабжения армии, — при тяжелых условиях военного времени и сопряженным с ним колоссальным расходом боевых припасов и всяких других ценных запасов, — я считал своим долгом руководить всем этим лично, несмотря на звучавшие в моих ушах вещие слова Витте: «Никто вам не поможет и только палки в колеса будут совать».

В крушении России я не виновен. В должности генерал-губернатора нелегкий юго-западный округ я привел в самый миролюбивый край; как военный министр, я восстановил армию, тот краеугольный камень, на котором зиждется всякая государственная власть. Республиканцы могут упрекать меня в том, что я содействовал бесполезным жертвам, понесенным народом во имя восстановления престижа и жизненности монархии. Для меня монархия была и есть фундамент моего мировоззрения. С 1858 г. я носил серую солдатскую шинель, — служил трем Государям и последовательно при них достиг самого высшего поста военной иерархии. Допустим, что это мой рок, моя судьба, мое предопределение; — но мою преданность монархическому принципу и последнему несчастному носителю короны ставить мне в вину перед страной и осуждать, считаю не заслуженным поклепом — клеветой. После ужасной кончины царя, — единственным моим судьею остается моя совесть!

Исторические писатели, которые займутся исследованием причин крушения России, — должны будут искать виновных там, где страх,

недоверием к русскому народу, при имевшей место невероятной узости честолюбие, эгоизм и оскорбленное тщеславие, соединенное с глубоким воззрений, были деятели политических сношений. Способные разбираться лишь в тесном кругу своих личных интересов, — одна группа — привела Россию к подчинению «Антанте»; другая группа разрушила царскую власть в ее центре — царской фамилии Романовых; третья — нанесла смертельные удары армии.

Большую часть личной ответственности во всем этом несчастии, постигшем Россию, несет великий князь и дядя Государя Николай Николаевич, не только в силу своего военного положения, но и как великий князь, преступно злоупотребивший доверием царя. Постоянными интригами в течении многих лет он вносил только дух анархии в аппарат высшего военного управления и тем самым подрывал дисциплину, — он систематично погребал авторитет царя и старался самолично стать центром государства. В конце концов он предал Государя, — принес его в жертву с тем-же легкомыслием, с каким он в мирное время, в роли инспектора войск, относился к имуществу государственному, войсковому и подчиненных, — как и на войне бесцельно жертвовал сотнями тысяч русских воинов. Высокомерный, презирающий всех окружающих и потому неспособный правильно оценить и использовать их силы, он не смог правильно оценить и мощь германского народа, — чем и об'ясняются его поражения, несмотря на высокие качества русского солдата и блестящее наступление при начале похода. Он не давал себе отчета и в том, что у него под боком пылало сомнительного достоинства честолюбие, представитель которого Гучков, готов был пожертвовать не только Россией, но и всесильным великим князем...

.... Мое жизнеописание превратилось в исповедь. Как я упомянул во вступлении, писал я не для того, чтобы оправдываться перед моими противниками и тем более заискивать у них. Я в этом не нуждаюсь. Только что мне исполнилось семьдесят пять лет, поэтому перемена их образа мыслей принесла бы мне мало пользы. Я писал, чтобы показать нашему народу, где и в чем его вожди заблуждались. И я писал с возрастающим внутренним успокоением, ибо последние годы бедствий и горя привели меня к сознанию, что русский народ в отношении своих главных жизненных задач в конце концов выйдет на правильный путь. Начинающееся на моих глазах мирное, дружественное сближение России и Германии является основной предпосылкой к возрождению русского народа с его могущими действенными силами. Русский народ молод и его силы неисчерпаемы.

Русские и немцы настолько соответствуют друг-другу в отношении целесообразной, совместной продуктивной работы, как редко какие нибудь другие нации.

Но для сохранения мира в Европе этого было недостаточно, — необходим был тройственный союз на континенте. Все это, вместе взятое, создавало почву для предопределенной историей коалиции: Россия, Германия и Франция, обеспечивавшая мир и европейское «равновесие» и угрожавшая лишь одной европейской державе — Англии. Эта угроза заставила ее взять на себя инициативу создания другой, более выгодной ей коалиции — „entente cordiale“. Альбион не ошибся в своих рассчетах: два сильнейших народа континента лежат, повидимому, беспомощно по-

верженными во прах. Одно лишь упустил из виду хладнокровно и брутально-эгоистически рассчитывающий политик: ничего не об'единяет так, как одинаковое горе.

Другой залог для будущего России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом правительство. Этот политический идеал не может быть моим. Люди, окружающие Ленина — не мои друзья, они не олицетворяют собою мой идеал национальных героев. Но я уже не могу их больше назвать «разбойниками и грабителями» после того, как выяснилось, что они подняли лишь брошенное: престол и власть. Их мировоззрение для меня неприемлемо. И все же: медленно и неуверенно пробуждается во мне надежда, что они приведут русский народ — быть может, помимо их воли — по правильному пути к верной цели и новой мощи.... Верить в это я еще не могу, но тем сильнее того желать.... ввиду бесчисленных ужасных жертв, которые потребовало разрушение старого строя. Что мои надежды являются не совсем утопией, доказывает, что такие мои достойные бывшие сотрудники и сослуживцы, как генералы Брусилов, Балтийский и Добророльский свои силы отдали новому правительству в Москве; нет никакого сомнения, что они это сделали, конечно, убедившись в том, что Россия и при новом режиме находится на правильном пути к полному возрождению.

Россия и населяющее русскую землю смешение народов нуждается в особо твердой руке.... Моим пожеланием, чтобы так это в конце концов и завершилось, я заканчиваю мою книгу и мою политическую жизнь.... В стороне от народных эволюций я буду созерцать жизнь не без саркастической улыбки над тем плутовством, которое применяют маленькие люди в уверенности, что могут влиять на роковой ход мирового исторического развития.

Приложения

Первое

По поводу кассационной жалобы

«И много понтийских пилатов
И много лукавых Иуд,
Отчизну свою распинают,
Христа своего продают».

Возмутительное по безнравственности замысла и наглости сваливания вины на неповинную голову, — завершилось бутафорским судилищем, созданным Керенским, — вместо истинного правосудия.

Как господа сенаторы кратковременного «Временного Правительства» оскверняли русскую «Ѳемиду», свидетельствует та беспощадная критика в «кассационной жалобе», которую суррогат — сенат времени Керенского, признал за благо лучше не предавать гласности, оставив «без последствий».

Действительно, для юстиции Керенского документ этот был весьма неприятен. Своим строго юридическим изложением он интересен преимущественно для специалистов.

Заслуживает внимания, какие лица входили в состав следствия и суда. Чем такой председатель этого суда сената, как Н. Н. Таганцев-сын, был лучше какого нибудь председателя трибунала Балтфлота, матроса Трефолева, останавливающего подсудимого: «довольно, товарищ, дурака ломать . . . ?

Правда, — Таганцев председательствовал в расшитом сенаторском мундире, — а Трефолев — в неопрятной морской куртке; — Таганцев элегантно злоупотреблял законами, а Трефолев откровенно, цинично их не признавал.

Хорош был тоже сенатор Н. Н. Чебышев. Как оказалось, он принимал деятельное и небеспристрастное участие по моему делу еще в должности прокурора Киевской судебной палаты и очутился затем в роли сенатора-судьи на судебном заседании по тому-же делу!

Криминал этот, повидимому, никому в голову не приходил, — так по крайней мере хочется думать. Но сам, — сам-то Н. Н. Чебышев не такой-же это невинный младенец, чтобы этого не знать, или дряхлый

старец, потерявший настолько память, чтобы об этом не вспомнить и себя не устранить.

Сенатор Кузьмин избран был в роли следователя, повидимому, как человек способный прямолинейно выполнять то, что начальству требуется, не вникая, насколько поручаемая ему работа вяжется с этикой порядочности.

О таком сенаторе, как неврастеник Носович, можно сказать только, что он превзошел себя, чтобы оправдать оказанное ему доверие и старался из всех своих сил в роли прокурора.

Такой подбор среди сенаторов, очевидно, был необходим до крайности, чтобы провести дело во чтобы то ни стало в сторону осуждения, — без промаха. В составе сената было много, конечно, сенаторов, не торгующих своею совестью. Но такие на сделки с последнею не пошли бы, — их и оставили за флагом.

Обзор незакономерных деяний всех этих юристов и составляет предмет прилагаемой копии «кассационной жалобы».

В ней, пунктом I-ым, уличается противозаконное участие в составе судебного присутствия — именно сенатора Н. Н. Чебышева. Детально разбирается во 2-м пункте вся махинация по оборудованию такого необычайного судилища, которое привело-бы неминуемо к осуждению. Дефекты создания новых для сего законов — приводили к тому, что постановление Временного Правительства 29 мая 1917 г. являлось, выражаясь деликатно, «результатом юридической ошибки, и следовать которой судебному присутствию сената не надлежало.

Из пункта III-го явствует, что по закону судить меня должен был Окружной суд и принятие судебным присутствием сената моего дела к своему производству и рассмотрению его — является нарушением закона.

Очевидно нельзя было рисковать, — господа сенаторы чуяли, что вместо обвинения могло получиться оправдание и провал авторитета нового революционного правительства, — тогда как требовалось дискредитирование старого царского режима.

Интересная иллюстрация того, что проделывалось с вызовом свидетелей, заключается в пункте IV-м. Очевидно показания свидетелей братьев Тарасовых признавались председателем невыгодными для обвинения и добиться их вызова, несмотря на все настояния защиты, — не удалось. 17 свидетелей таким-же образом не удостоены были вызовом по ходатайству защиты, тогда как по желанию обвинителя, сенатора Носовича, — удостоен был вызова австрийский шпион, бежавший из под стражи после принесения им присяги на суде.

Как безцеремонно распоряжался г. председатель, сенатор Таганцев, с присяжными заседателями, изложено в п. V-м. Он противозаконно не раз'яснил им их прав и обязанностей, когда приводили присяжных к присяге; — а одного из них исключил даже под тем предлогом, что он оказался солдатом, т. е. произвольно лишил его прав, предоставленных гражданам, отбывающим воинскую повинность.

Прокурору Носовичу председатель, Таганцев-сын, не препятствовал высказывать все, что только тому приходило в голову, — по этому поводу; а в то же время — защите не разрешал возражать.

В пункте VI видно, до чего пренебрежительно отнесся суд к вызову иногородних свидетелей, в интересах защиты, — оставив без всяких

последствий неявку свидетелей, которым повестки вручены были в другом судебном округе и о причинах неявки которых никаких сведений не поступало. Ревностный розыск вообще свидетелей по требованию прокурора и полнейшее пренебрежение к таковым-же интересам защиты, — свидетельствует, до какой степени этот суд, лицеприятный, — был сам преступен.

Пункт VII кассационной жалобы касается полевых судов, — самое безобразное злоупотребление которыми вынудило даже Временное Правительство их отменить и предоставить потерпевшим и родственникам отправленных на тот свет, — возбудить ходатайства о пересмотре дел.

Два таких дела имели прямое отношение к моему процессу и на них строилось самое тяжкое и безусловно ложное обвинение. Защита просила обратить на это внимание суда, как на обстоятельство особой важности по самому существу дела. Но так как это могло повести к полному крушению всего эшафотажа ложных обвинений, то г. г. сенаторам было не на руку рисковать подобным шагом, хотя и отвечающим истинному правосудию, — но в данном случае — опасному.

Полнейший произвол г. г. сенаторов в обращении с законами и бессовестное издевательство, — беспощадно иллюстрируется в пункте VIII кассационной жалобы. Приводится целый ряд возмутительных случаев, причем защите систематично отказывается в оглашении документов, приобщенных к делу, — несомненно в силу только того, что они обличали ложь, подтасовку и др. неблаговидные приемы обвинения.

На ряду с этим оглашалось то, что оглашению не подлежало и до такой степени нагло, что напр. копия журнала совета министров, никем не подписанная и не скрепленная, — фигурировала под видом «вещественного доказательства», — и это в суде сената, который должен наблюдать за тем, чтобы не были нарушаемы основные положения судопроизводства.

Защита просила разрешение ссылаться на «Белую Германскую Книгу», сборник официальных документов, относящихся к возникновению войны. Это так озадачило г. г. сенаторов, хорошо сознававших опасность разоблачения той сделки с совестью, на которую они пошли в этой «кривде», — что со страху привели такое основание своего отказа: «в своей документальной части материал, полученный исключительно из германских источников, а потому мало достоверный для русского суда», — специально сфабрикованного со значительной долей настоящей фальсификации.

Зато достоверными стали все подлоги, вся ложь таких документов отечественных, как напр., подтасованные протоколы следователя Кочубинского и ложные показания всяких лжесвидетелей и даже австрийского шпиона, иностранное происхождение которого, очевидно, не признавалось «мало достоверным для русского суда».

Пункт IX кассационной жалобы касается неправильных действий председателя суда, незаконным распоряжением которого пресечена была возможность защиты выяснить истину. Свидетель Оскар Альтшиллер спрошен был о том, как относилось ко мне население города Киева? «Спрашивать австрийского подданного об отношении русского населения города Киева к генералу Сухомлинову неуместно», — авторитетно провозгласил сенатор Таганцев-сын.

Интересно знать, уместно-ли было-бы то, о чем спросить собирались австрийского шпиона, — тоже австрийского подданного, вызванного прокурором? Очень жаль, что стража его упустила и любопытный вопрос этот остался невыясненным.

В пункте XI приведено весьма интересное нарушение формальной стороны допроса свидетелей. Это нарушение неопровержимо доказывает преступное направление суда поставить ход процесса в условия самые невыгодные для защиты. Совершенно противозаконно сенатор Таганцев-сын прежде всего сам предлагал свидетелям вопросы и не смотря на заявление защиты, что это явное нарушение устава уголовного судопроизводства, — г. председатель продолжал упорно нарушать установленный законом порядок.

Об'ясняется такая настойчивость в несоблюдение устава тем, что задача поставлена была определенно — осудить во что-бы то ни стало. Необходимо было для этого, между прочим, настраивать свидетелей соответствующей комбинацией вопросов председателем, а затем прокурором и таким приемом сводить шансы защиты до бесконечно малой величины. Не честно, конечно, но целесообразно в интересах успеха поставленной задачи.

Какие неосмыслимые придирки, необоснованные на законе, допускал председатель, — видно по пункту XIII кассационной жалобы. Во время прений, напр., не позволили обратить внимание присяжных заседателей на то, что им пред'являют не подлинное письмо, а копировальный оттиск. По своему личному усмотрению председатель нашел, что об этом защите разрешается говорить только в защитительной речи.

Точно также отказано было в ходатайстве защиты пред'явить присяжным заседателям дело № 22 о полковнике Иванове, несмотря на то, что оно приобщено к делу в виде вещественного доказательства.

Это-ли не самый бесшабашный произвол таких сановников юстиции, каких подобрали среди сенаторов для чрезвычайного судилища?

Чтение обвинительного акта продолжалось шесть часов только потому, что его гнали не на «почтовых» даже, — а на молниеносном экспрессе.

Само собой разумеется, что при таких условиях и на таком аллюре присяжные заседатели ровно ничего не поняли, не усвоили и взмолились, чтобы им дали возможность самим прочитать его. Г. председатель в этом отказал с формальной стороны, — а в действительности — обвинительный акт оказался у них в совещательной комнате. Это нарушение изображено в п. XIII кассационной жалобы, обрисовывая двоедушие и нравственные устои сенатора Н. Н. Таганцева-сына.

Небрежность последнего вообще к обязанностям председателя видна из п. XIV кассационной жалобы. После оглашения проекта вопросов, поставленных на разрешение присяжных заседателей, он не потрудился даже предложить им высказать свои замечания по редакции этих вопросов.

Защите систематично во всем отказывалось. В пункте XV жалобы приведены, в этом отношении, такие возмутительные случаи, как напр. отказ в исправлении редакции вопроса по обвинению в «бездействии власти». Выражение «не принял необходимых мер» — голословно, — если не поясняется, какие именно меры он не только должен был при-

нять, но при известных обстоятельствах и мог их принять. Неопределенность-же и полнейшая неконкретность данного случая, — ставили присяжных заседателей в положение людей, которые без существеннейших признаков бездействия власти, вынуждены были решать дело совершенно произвольно.

А еще предосудительнее редакция вопроса о подлоге. Защита просила о замене содержащегося в нем описания непосредственного подлога, описанием интеллектуальным. Конечно отказали, потому что мне приписывался подлог документа, который я не составлял, а который был представлен мною в подлиннике за подписью главного военного прокурора. В этом докладе представлено было заключение, на основании официальных расследований в разных главных управлениях. В действительности, таким образом, получился сенаторский подлог о «подлоге», облыжно мне приписанном.

Предосудительное поведение сенатора Таганцева-сына, как председателя суда, обильно такими правонарушениями, которые нельзя об'яснить его неопытностью или недостаточною юридическою осведомленностью. В пункте XVI кассационной жалобы, между прочим, указывается на то, что $^{2}/_{3}$ заключительного слова председателя — это систематично построенная обвинительная речь.

На меня лично, во время произнесения, она произвела удручающее впечатление тем, что г. председатель из холопского усердия, точно упрашивал присяжных заседателей, — умолял их вынести обвинительный приговор, — вполне основательно опасаясь полного оправдания.

А в заключительном XVIII пункте кассационной жалобы рельефно и доказательно изображена совокупность всех нарушений закона, направленных исключительно к стеснению защиты в отправлении ее обязанностей. Точно на пожар г. председатель спешил во всем до такой степени, что даже раньше истечения срока на заявление ходатайств о вызове свидетелей и раньше вручения мне обвинительного акта, — сенатор Таганцев-сын, — назначил дело к слушанию.

Когда выяснилось, что на суд не явилось 90 человек вызванных свидетелей и защита попросила о перерыве заседания, для обсуждения такого немаловажного обстоятельства, то это вызвало совершенно невероятное поведение председателя, пришедшего в раздражение, которое могло служить лишь явным доказательством, что избран был для такого крупного дела сенатор, не отвечающий своему назначению — по существу, — но зато подходящий для поручений «как будет приказано».

В период слушания дела нашло себе отражение крайне тревожное тогда время, переживавшееся Петроградом.

Председателю известны были те обстоятельства, которые угрожали при этом участникам процесса, — что безусловно препятствовало спокойному и беспристрастному отправлению суда. По долгу лежавшей на сенаторе Таганцеве-сыне обязанности и по закону он должен был совершенно отложить заседание суда по моему делу. Вместо этого он сделал лишь перерыв на три дня, распустив при этом по домам присяжных заседателей.

Все эти незакономерности, пристрастие, лицеприятия и промахи с юридической точностью изображены в кассационной жалобе, — не оставляющей сомнения, что возбужденный г. Керенским процесс не имел ни-

чего общего с истинным правосудием и похож был скорее на публичное представление какого нибудь грандиозного «шантажа-монстр», на злобу дня.

Спектакль этот удостоил своим посещением и сам антрепренер Керенский. Вошел он в зал со своим ад'ютантом, — подражая Наполеону походкой и скрещенными на груди руками. Этого «бритого человека», как его назвали в периодической печати, — я знал лишь по его выступлениям в Государственной Думе, в роли сильно левого оратора. Из газет, уже за границей, узнал, что этот герой русской революции сын вдовы Кирбис, вышедшей вторым браком за Федора Ивановича Керенского, бывшего учителя Симбирского реального училища, — затем его директора, а позже — инспектора училищ Туркестанского края.

Сын г-жи Кирбис от первого брака, Аарон, был крещен, получил имя Александра и усыновлен отчимом — Федором Ивановичем Керенским.

Как глава Временного Правительства, Александр Федорович был лишь один момент похож на вождя, — когда закричал на разнуэданную толпу:

— «Вы! — Взбунтовавшиеся рабы!»

Но после того у него полилась безудержная болтовня, истерические возгласы, театральные обмороки и т. п. спутники не Александра Македонского, а Хлестакова.

Не подлежит сомнению, что этот глава правительства разводил большевизм в России. Когда министр юстиции Переверзев, пользуясь временным отсутствием Керенского, арестовал Троцкого, Зиновьева и Луначарского, — по возвращении в Петроград глава правительства первым делом освободил их. Он потворствовал сторонникам большевиков, — которым и предал Россию.

Для усиления новой власти Керенский признал необходимым дискредитировать с помпою бывший царский режим, благо можно было воспользоваться всем тем, что так усердно подстроила в угоду великому князю Николаю Николаевичу услужливая компания бывших царских сенаторов.

Член государственного совета, почтенный профессор, сенатор Николай Степанович Таганцев-отец, пришел тоже на судебное заседание, — посмотреть, как председательствует его сын. Как друга Михаила Ивановича Драгомирова, я знаю Николая Степановича и думаю — не ошибаюсь, что этого порядочного человека, законоведа и создателя уголовного уложения 1903 года, коробили фатоватый тон, некорректность сына и сплошное нарушение им устава уголовного судопроизводства и уголовного уложения.

Что касается прокурора, то сенатор Носович в этой роли вел себя чисто-на-чисто позорно и дошел до того, что за недостатком солидных данных для серьезного обвинения он не только пытался найти поддержку в австрийском шпионе, но снизошел до низости выкапывания бракоразводного процесса.

А г. председатель, не допустивший оглашения приговоров полевых судов, тесно связанных с навязываемыми мне обвинениями, — разрешил Носовичу непристойно копаться в деле консисторского разбирательства десятилетней давности.

Ему это нужно было, чтобы украсить свою безталантную речь, хотя

и лживой, но эфектной фразой: «Русский военный министр соблазнял своего Государя!».

На это у него храбрости хватало, — он ничем не рисковал, председатель всем его выходкам потворствовал, — а возле меня стоял часовой и я не имел возможности ответить ему тогда на это пощечиной. О храбрости Носовича вообще можно судить по его опасениям: — «помните господа», уговаривал он присяжных, «что щадить Сухомлинова нельзя, ибо в противном случае нас переколет штыками караул»*).

Кассационная жалоба по моему делу документ, дающий конкретный материал для того, чтобы можно было составить себе понятие, до какой степени в сфере российской юстиции основы правосудия были тогда уже поколеблены.

Над рухнувшим царским троном носились разные хищники, вороны каркали вокруг. А господа сенаторы учинили закладку низвержения законов, которую по их почину затем завершили большевики, — но с большей энергией и решительностью.

Я не могу поэтому признать действительным судом то, что происходило под этим предлогом в собрании армии и флота.

Там, где законов не признают или злоупотребляют ими, — там законного суда и быть не может. Меня просто истязали, сперва заточением в каменном мешке Трубецкого бастиона, с акомпониментом допросной пытки г. Кузьмина, — а затем издевались нравственно на эстраде военного собрания, под видом судебного разбирательства.

Действительными судьями я не могу признать людей, которые сами совершали преступление, — хотя они и облачились для этого в расшитые мундиры.

Если многотомный материал моего процесса сохранился, — то, что такое мое заключение правильно, — будет для всякого ясно, кто пожелает убедиться в этом документально. В нем данных более нежели достаточно, чтобы признать, что действительными преступниками были те, которые изображали из себя следователей, прокуроров, судей — в этом процессе.

Когда такой «Суд идет!» перед ним можно и не вставать.

В. Сухомлинов.

Копия.

В общее собрание кассационных департаментов правительствующего сената.

Присяжного поверенного Ивана Ивановича Тарховского, по уполномочию генерала Сухомлинова, осужденного за преступления по службе и за государственную измену.

Кассационная жалоба

Судебное присутствие уголовного кассационного департамента правительствующего сената, рассмотрев 10 августа—12 сентября сего года, с участием присяжных заседателей, дело по обвинению бывшего военного

*) «Призыв» № 20. 1920 г.

министра, генерала Сухомлинова в бездействии и превышении власти, в служебных подлогах и в нескольких случаях государственной измены, приговорило его, на основании решения присяжных заседателей, к ссылке в каторжные работы без срока с лишением прав.

Приговор этот об'явлен в окончательной форме 20 сентября сего года.

Признаю, и решение присяжных заседателей и приговор судебного присутствия неправильными. Поэтому, в силу общего указания I-ой части закона Временного Правительства от 11 апреля 1917 года «об уголовной и гражданской ответственности служащих» (Собр. узак. и расп. правит. № 86 от 19-го апреля сего года ст. 492), руководствуясь «общим порядком уголовного судопроизводства», — а именно статьями 854, 855, 905 и 910 уст. угол. суд., а также применяясь за силою 12 и 13 ст. ст. того-же устава к п. 4, части IV-ой того-же закона от 11 апреля 1917 года, — приношу настоящую кассационную жалобу.

И приговор судебного присутствия, и решение присяжных заседателей, и все производство сего присутствия, начиная от первого его определения от 19 июня 1917 года о принятии сим присутствием этого дела к своему производству — подлежат отмене по следующим нарушениям:

I

Нарушение 606 и 600 ст. ст. уст. угол. судопр.

Как при постановлении судебного присутствия от 19-го июня сего года о даче делу хода, так и во всех дальнейших определениях судебного присутствия и в судебном заседании по сему делу и в самом постановлении приговора в составе судебного присутствия принимал участие в качестве судьи Н. Н. Чебышев. В настоящее время защита случайно усмотрела на листе 98 в III томе дела № 35 верховной следственной комиссии документ, подписанный ныне сенатором, а тогда прокурором киевской судебной палаты Н. Н. Чебышевым. Это отношение его от 27 октября 1915 года за № 933 о том, что он лично нашел неполным протокол допроса свидетеля Туманского, составленный участковым следователем, и предложил передопросить этого свидетеля судебному следователю по особо важным делам. В виду этого сенатор Н. Н. Чебышев, согласно 606 и 2 п. 600 ст. ст. уст. уг. суд., обязан был устранить себя от участия в составе судебного присутствия по сему делу. Неисполнение этого является нарушением указанных законов.

Нарушение это существенно. Во-первых, из текста упомянутого отношения от 27 октября 1915 года за № 933 видно, что ныне сенатор, а тогда прокурор судебной палаты, Н. Н. Чебышев, подписал не какую-либо бумагу, не имеющую отношения к существу дела, а бумагу, свидетельствующую о наблюдении им по делу в качестве лица прокурорского надзора. Из этой бумаги видно, что он наблюдал за допросом свидетеля Туманского, входил в критику протокола его допроса, нашел этот протокол неполным, наконец, даже предложил передопросить этого свидетеля другому следователю.

Во-вторых, свидетель Туманский допрошен исключительно о генерале Сухомлинове, а именно о его материальном положении; протоколы допроса этого свидетеля включены в число актов предварительного следствия по сему делу (т. V производства сенатора Кузьмина, л. 79 и 81 об.

№ 44 и 45 по списку тех актов); наконец, показания этого свидетеля Туманского внесены в обвинительный акт на стр. 108, как одно из доказательств обвинительной власти по вопросу о материальном положении подсудимого Сухомлинова.

Согласно решениям угол. кассац. департ. прав. сената 1880 г. № 47 и 1870 г. № 832, такое нарушение почитается столь существенным, что даже, будучи не замечено своевременно, лишает приговор суда силы судебного решения, хотя-бы об этом защита указала впервые в кассационной жалобе.

Это нарушение должно лишать силы судебного определения и все частные определения.

II

Нарушение ст. ст. 1, 543 и 547 уст. угол. судопр. и п. 7 и II части I-ой закона 11 апреля с. г.

Настоящее дело, имеющее своим предметом обвинения, угрожающие указаниями, сопряженными с лишением прав, внесено в судебное присутствие 16 июня 1917 года по обвинительному акту, составленному обер-прокурором согласно распоряжению Временного Правительства от 29 мая сего года, утвердившего тогда-же заключение чрезвычайной следственной комиссии о направление сего дела.

Согласно I ст. уст. угол. суд. никто не может подлежать судебной ответственности вне порядка, установленного правилами сего устава.

В общем порядке уголовного судопроизводства, производство по делам о преступлениях, влекущих лишение прав, может, согласно 544 и 543 ст. ст. уст. угол. суд., начинаться в суде не иначе, как по определению судебной палаты о предании суду. Согласно 7 и 11 п. п. I-ой части закона Временного Правительства от 11 апреля 1917 г., из этого правила в отношении дел, поступающих на решение судебного присутствия правительствующего сената, с участием присяжных заседателей, сделано исключение лишь в том, что предание суду по этим делам производится соединенным присутствием первого и кассационных департаментов правительствующего сената.

Таким образом по закону производство в судебном присутствии по сему делу могло быть начато не иначе, как по определению соединенного присутствия. Такого определения по настоящему делу не было. Поэтому судебное присутствие, постановляя 19 июня 1917 года, в порядке 547 ст. уст. угол. суд., — свое первоначальное определение, должно было постановить не о даче делу хода, а, убедившись в отсутствии установленного законом определения о предании обвиняемого Сухомлинова суду, — должно было постановить определение о непринятии сего дела к своему производству и о возвращении его обер-прокурору.

Судебное присутствие не только не исполнило этого, но даже, как видно из определения его от 19 июня 1917 года, не входило в обсуждение этого вопроса, чем нарушило 547, 1 и 543 ст. ст. уст. угол. суд. и 7 и 11 п. п. I-ой части закона Временного Правительства от 11 апреля 1917 года, «об уголовной и гражданской ответственности служащих».

В судебном заседании я возбудил вопрос об отсутствии законного определения о предании суду (л. 15 протокола) и ходатайствовал о пере-

смотре и отмене судебным присутствием своего определения от 19 июня 1917 г. и о возвращении дела обер-прокурору для законного направления. Судебное присутствие мне в этом отказало (л. 16), сославшись во первых, на то, будто вопрос о соблюдении по настоящему делу законного порядка предания суду уже был обсужден судебным присутствием при решении вопроса о даче хода настоящему делу, что прямо противоречит тексту упомянутого определения от 19 июня 1917 г., где ровно ничего об этом вопросе не упомянуто; — и во-вторых, на то, что постановление судебного присутствия находится в соответствии с особым, специально для настоящего дела изданным и в законном порядке опубликованным постановлением Временного Правительства от 29 мая 1917 года.

Последняя ссылка судебного присутствия не разрешает вопроса о несоблюдении законного порядка предания суду, а только удостоверяет, что настоящее дело принято судебным присутствием исключительно на основании постановления Временного Правительства от 29 мая 1917 г., а не на основании тех законов, которые выше указаны. Между тем это постановление Временного Правительства не освобождало судебное присутствие от соблюдения законного порядка принятия им дела к своему производству, а только обязывало его сопоставить это постановление Временного Правительства с законами для разрешения вопроса, что именно более обязательно для судебного присутствия: постановление ли Временного Правительства от 29 мая 1917 г., или указанные выше законы?

Для того, чтобы постановление Временного Правительства от 29 мая 1917 г. было более обязательно для суда, чем указанные выше законы, это постановление должно иметь силу закона вообще и кроме того силу такого закона, который-бы отменял хотя-бы в применении к данному делу силу предыдущих законов.

Прежде всего постановление Временного Правительства от 29 мая 1917 г. (собр. узак. и расп. правит. № 130 от 8 июня 1917 г. ст. 701) даже и в сочетании с утвержденным этим постановлением особым заключением чрезвычайной следственной комиссии по сему делу не удовлетворяет требованиям закона, отменяющего силу предыдущих законов: в этом постановлении нет указания на то, чтобы им отменялись в применении к данному делу все общие, изданные до того законы о предании суду. В этом постановлении эти законы забыты. При отсутствии-же такого указания это постановление, если-бы даже соответствовало по тем или иным основаниям понятию закона, то являлось бы только законом коллидирующим с предыдущими законами, что привело бы суд опять-таки к обязанности разрешить вопрос, которому из двух сталкивающихся законов и почему именно должно отдать предпочтение.

Не удовлетворяет это постановление Временного Правительства и тем требованиям, которыя позволяли-бы признать его законом вообще.

То обстоятельство, что это постановление исходит от Временного Правительства само по себе не придает ему силы закона, так как Временное Правительство сосредоточивает в себе не только власть-законодательную, но и власть исполнительную — в порядке верховного управления. В порядке верховного управления это правительство является подзаконным и должно руководиться законами, им не изданными, доколе хотя-бы оно само эти законы не отменило и не издало вместо них новые за-

коны, которые должны стать правилом поведения в дальнейшем, как для всех граждан, так и прежде всего для самого-же правительства.

Не становится это постановление законом и по тому факту, что оно распубликовано в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», — так как и по самому названию это «собрания»; в нем опубликовываются не только узаконения, но и «распоряжения», т. е. акты власти подзаконные.

Если-же обратиться к тексту постановления Временного Правительства от 29 мая 1917 года и к его форме, то оно не может быть признано актом, отменяющим закон и являющимся «специальным» законом.

Во-первых, в самом начале этого постановления значится, что оно состоялось «на основании п. IV указа Временного Правительства от 11 марта 1917 г.», а это указывает на то, что авторы этого постановления смотрели на него, как на акт подзаконный, основанный на законе, предпринятый в силу закона, а не как на самодовлеющий закон.

Во-вторых, постановление это имеет форму не прямо императивную, как всякий закон и как, например, — закон Временного Правительства от 11 апреля 1917 года о суждении и предании суду служащих, но имеет форму краткой резолюции с указанием, на основании какого закона и что было рассмотрено и что было по этому постановлено, т. е. форму акта исполнительной или судебной власти, а не власти законодательной.

В-третьих, постановление это не самостоятельно. Оно является дополнением к другому акту — к заключению чрезвычайной следственной комиссии, является утверждением этого заключения и распоряжением об исполнении этого заключения. А эта комиссия функций законодательных не имеет, а потому и утвержденные акты этой комиссии законами не являются.

Следует отметить, что в то время, как закон Временного Правительства от 11 апреля 1917 г. «об уголовной и гражданской ответственности служащих» подписан всем составом правительства, — постановление от 29 мая 1917 г. подписано только министром-председателем и министром юстиции, что тоже должно быть принято в ряду других соображений при оценке соотносительной силы этих актов.

По приведенным выше соображениям постановление Временного Правительства от 29 мая 1917 г., не имея значения закона вообще, не имеет силы, отменяющей закон 11 апреля 1917 г.

То обстоятельство, что настоящее дело внесено в судебное присутствие на основании постановления, исходящего именно от Временного Правительства, не должно было и не могло стеснять судебное присутствие в непринятии к своему производству дела вопреки постановлению правительства. Суд не имеет права критиковать законы Временного Правительства, но имеет право и обязан входить в обсуждение законосообразности тех актов этого правительства, которые не являются законами. Тем более это правильно в данном случае, что Временное Правительство в постановлении 29 мая 1917 г. как-бы само указало основание для проверки закономерности этого постановления, сославшись в подкрепление силы этого постановления на п. IV указа своего от 11 марта 1917 года. Согласно-же этому указу, — и в частности согласно упомянутому в том постановлении п. IV указа, — не предоставлялось функций предания

суду чрезвычайной следственной комиссии, которая могла только представлять свое заключение о дальнейшем направлении дела. Не установлено этим указом, — если-бы смотреть на него, как на закон, — функций предания суду и для Временного Правительства. И если-бы такому постановлению Временного Правительства, как постановление его по сему делу от 29 мая 1917 г., и можно было-бы, в виду революционного периода, придавать значение акта предания суду, — не взирая на всю спорность такого его понимания, — то это было-бы допустимо только до издания этим-же Временным Правительством упомянутого закона 11 апреля 1917 г., с изданием которого вся неясность вопросов о предании суду лиц, обвиняемых в преступлениях по должности, а также и участие в этом предании как чрезвычайной следственной комиссии, так и самого Временного Правительства, — отпадает.

Закону 11 апреля 1917 г., как закону позднейшему, должно быть отдано предпочтение пред указом Временного Правительства от 11 марта 1917 г., цитированным в постановлении его от 29 мая 1917 г., как основание сего постановления, не касаясь даже того, что упомянутый указ вовсе ни в каком направлении не разрешал вопроса о предании суду.

Постановление Временного Правительства от 29 мая 1917 г. являлось результатом юридической ошибки. Судебному присутствию следовать этой ошибке не надлежало.

III

Нарушение 201 и 205 ст. ст. уст. угол. судопр.

Особый порядок суда, в том числе и суд судебного присутствия уголовного касационного департамента правительствующего сената, — установлен законом 11 апреля 1917 г. исключительно для дел о «преступлениях по службе» (1 и 4 п. п. части I-ой этого закона).

Согласно первым-же строкам этого закона он является из'ятием из общих правил уголовного судопроизводства. Как из'ятие, этот закон распространительному применению не подлежит. Поэтому установленный этим законом порядок судопроизводства может быть применяем исключительно к таким делам и в таких только их пределах, которые имеют своим предметом преступные деяния, самим законом относимые к «преступным деяниям по службе». Такими преступными деяниями являются преступления, предусмотренные в разделе V уложения о наказаниях, — в главе XXXVII уголовного уложения, — в разделе II воинского устава о наказаниях.

Из пред'явленных генералу Сухомлинову по настоящему делу обвинений, которые-бы соответствовали этому законному понятию «преступного деяния по службе», являются только обвинения в бездействии власти, в превышении власти и в подлогах, описанные во 2, 3, 4, 9 и 10 выводах обвинительного акта. Остальные-же из пред'явленных Сухомлинову — обвинений, описанные в 1, 5, 6, 7 и 8 выводах того-же акта, являются преступлениями государственными, и все эти случаи квалифицируются как государственная измена по 108, 111, 111^{1} и 111^{3} ст. ст. угол. улож. с усилением наказания в некоторых случаях по 273^{2} и 273^{3} ст. ст. воинск. уст. о наказ. (по 8 выводу, содержащему обвинение в преступлении, предусмотренном 108 ст. угол. улож. ошибочно указано усиление

ответственности по 243 ст. воинск. уст. о наказ. вместо правильной 273 ст. того-же устава, которая по прямому ее тексту и усиливает наказание для военно-служащих «во всех случаях» применения 108 ст. угол. улож.).

По первой группе обвинений генерал Сухомлинов подлежит в особом порядке суду судебного присутствия с участием присяжных заседателей согласно закону 11 апреля 1917 г. об уголовной ответственности служащих.

Высшее наказание, угрожающее Сухомлинову по этой группе обвинений является 5 лет арестантских отделений с лишением соответствующих прав.

По второй группе обвинений Сухомлинов подлежит суду в общем порядке уголовного судопроизводства согласно 201 ст. уст. гр. суд., именно суду окружного суда с участием присяжных заседателей. Высшим наказанием, угрожающим Сухомлинову по этой группе обвинений, является смертная казнь, заменяемая каторгою с лишением прав.

Согласно 205 ст. уст. уг. суд., «в случае обвинения кого либо в нескольких преступлениях, из коих одни подлежат рассмотрению низшего, а другие — высшего суда, — дело решается тем судом, которому подсудно важнейшее из сих преступлений». Таким образом, при столкновении подсудности высшего и низшего суда, по закону отдается предпочтение не высшему суду, — а важнейшему преступлению, которое и определяет в этих случаях подсудность. Относительная-же важность преступлений определяется по тяжести наказаний, угрожающих за эти преступления.

Из этого правила не сделано исключения в законе 11-го апреля 1917 г. Поэтому и подсудность дела о генерале Сухомлинове должна быть разрешена в пользу того суда, которому подсудны важнейшие из пред'явленных ему обвинений, а такими обвинениями являются обвинения его в государственной измене, определяющие подсудность его суду окружного суда с участием присяжных заседателей.

По этим соображениям принятие судебным присутствием этого дела к своему производству и рассмотрение его является существенным нарушением законной подсудности сего дела вопреки 201 и 205 ст. ст. уст. уг. суд.

IV

Нарушение 575 ст. уст. угол. судопр.

Во время приготовительных к суду распоряжений защитник генерала Сухомлинова А. А. Захарин просил в порядке 557 ст. уст. уг. суд. о вызове ряда свидетелей из указанных им 62 свидетелей, определением от 29 июня 1917 г. После того я просил о вызове этих-же 29 свидетелей в порядке 576 ст. уст. уг. суд. за счет подсудимого. Судебное присутствие определением от 12 июля 1917 г. из этих свидетелей постановило вызвать только двоих, отказав и в этом порядке в вызове 27 свидетелей. Десять из этих свидетелей были затем вызваны судебным присутствием по моему прошению в связи с вызовом впоследствии нового свидетеля по предложению обер-прокурора в порядке 573 ст. уст. уг. суд.

Из оставшихся таким образом не вызванными 17 свидетелей о вызове двух, именно братьев Михаила и Виктора Тарасовых, я повторил

ходатайство в судебном заседании (л. 23 и об. протокола и пункт 9 моих замечаний на протокол), но это ходатайство было вновь отклонено.

Во всех этих трех случаях отказа в вызове указанных защитою генерала Сухомлинова свидетелей определения судебного присутствия, — помимо указанного в первом пункте сей жалобы нарушения, — не удовлетворяют требованиям 575 ст. уст. уг. суд. со стороны правильности приведенных в них соображений. Например, относительно вызова свидетелей Михаила и Виктора Тарасовых и в прошении присяжного поверенного А. А. Захарина в порядке 557 ст. уст. уг. суд. (№№ 59 и 60 его прошения), а затем и в моем прошении в порядке 546 ст. уст. уг. суд. (пункт «ж» моего прошения) указано, что эти свидетели должны в подтверждение правильности записи в дневнике Сухомлинова от 16 июля 1914 г. удостоверить о том разговоре генерала Сухомлинова с бывшим царем по телефону относительно мобилизации, который описан в этой записи.

Судебное присутствие нашло, что удостоверение этого обстоятельства «не может иметь значения для дела». Между тем упомянутый дневник генерала Сухомлинова осмотрен и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства и запись этого дневника об упомянутом разговоре Сухомлинова с бывшим царем внесена в протокол осмотра дневника. Наконец, эта запись оглашена в судебном заседании (л. 23, 23 об. и 24 протокола и 8 и 9 пункты моих замечаний на протокол). Об этом-же телефонном разговоре допрашивался на суде свидетель генерал Янушкевич (8 и 9 пункты моих замечаний на протокол и указанные места протокола).

Все-же то, что приобщается к делу в качестве таковового вносится в протокол осмотра и все, что оглашается на суде и о чем предлагаются вопросы свидетелю без устранения этих вопросов председателем, — все это не может являться не относящимся к делу, в смысле 575 ст. уст. уг. суд., чему противоречит упомянутое определение судебного присутствия.

V

Нарушение 82 ст. учр. суд. уст. и 645[4] ст. уст. уг. суд.

В особом публичном заседании для привода присяжных заседателей к присяге и раз'яснения им их прав и обязанностей, состоявшемся до судебного заседания по сему делу 10 августа сего года, г. председатель в нарушение 82-й ст. учр. суд. уст., указанной в 645[4] ст. уст. угол. суд., — не огласил ее присяжным заседателям, чем и нарушена эта статья (— мои замечания на протокол этого заседания).

В том же особом заседании г. председатель в нарушение упомянутой 645[4] ст. уст. уг. суд. не разрешил мне высказать свое мнение по поводу заключения обер-прокурора об устранении из списка присяжных заседателей оказавшегося солдатом присяжного заседателя Кестнера. Закон, давая сторонам право делать заявление об устранении присяжных заседателей из их списка, дает этим сторонам право и возражать против этого устранения. При этом в законе упомянуты стороны, а не один прокурор, поэтому недопущение защиты высказаться по этому вопросу является прямым нарушением закона.

Та-же статья 645[4] уст. уг. суд. и 85 ст. учр. суд. уст. нарушена устра-

нением из числа присяжных заседателей названного присяжного заседателя Кестнера, что противоречит 2 п. декларации Временного Правительства от 7 марта 1917 г. об основных правах военнослужащих, в силу коей они пользуются «всеми правами граждан».

VI

Нарушение 640, 2 п. 642, 625 и 626 ст. ст. уст. уг. суд.

В числе неявившихся свидетелей были такие, которым повестки были вручены в другом судебном округе и о причине неявки которых никаких сведений в судебное присутствие не поступало. Например: Добрынину и Неметти вручены повестки в Киеве, Владимиру Бутовичу в имении, в Полтавской губернии, Базарову и Лукомскому — в Могилеве и др. — Я указывал в своих заявлениях по поводу неявки этих свидетелей, что сами они о затруднительности для них прибыть к заседанию в Петроград не заявляли, — что имущественная их состоятельность и общественное их положение, известные по делу из протоколов их допроса, не делают для них эту явку затруднительной, почему я просил признать их неявку законною и в виду существенности их показаний и недопустимости оглашения этих показаний дело слушанием отложить.

Судебное присутствие, в нарушение 640 ст. уст. уг. суд. совершенно не вошло в обсуждение этих моих указаний и, не отвергнув правильности моих соображений, а также не приведя никаких соображений, почему оно считает для этих свидетелей явку в суд затруднительною, признало их неявку законною, повторив в своем определении по сему вопросу только выражения изложенного во 2 п. 642 ст. уст. уг. суд. закона без указания каких бы то ни было обстоятельств по существу этого вопроса.

Такой порядок признания неявки свидетелей законною превращает это признание в порядок автоматический, устраняющий всякое обсуждение, и кроме того в нарушение 626 и 625 ст. ст. уст. уг. суд. превращает процесс из устного в письменный.

Существенность этого нарушения вытекает из признания показания этих свидетелей существенными, как сторонами, так и судебным присутствием.

Относительно неявки свидетеля Горленко, о котором доложено было, что он не розыскан (л. 2 протокола и 2 п. моих замечаний на протокол), я возражал против признания исчерпанными всех мер к обнаружению его жительства и указал, что не была опрошена о его месте жительства его дочь Мария Коломнина, вызывавшаяся по сему делу в качестве свидетельницы, повестка которой была вручена (о том, что она дочь Горленко судебному присутствию должно быть известно из имеющихся в деле протоколов допроса этих свидетелей).

Указал я на то, что этот-же свидетель является мужем известной артистки Мариинского театра солистки Долиной (Горленко), у которой может быть узнан его адрес — (мое заявление на л. 10 протокола и в п. 3 замечаний). Судебное присутствие в нарушение 640 ст. уст. уг. суд. совершенно не вошло в обсуждение этих моих соображений и, не отвергнув их основательности, постановило признать исчерпанными все меры по розыску этого свидетеля, не приведя вместе с тем указания, какие именно меры были для этого приняты. И показание этого свиде-

теля, признаваемое и сторонами и судебным присутствием — существенным, было оглашено таким образом в нарушение 626 и 625 ст. ст. уст. уголов. суд.

VII

Нарушение 549 ст. уст. уг. суд. и п. 2 Постановления Временного Правительства от 13 июня 1917 года об отмене военно-полевых судов.

5, 7 и 8 выводами обвинительного акта подсудимому Сухомлинову ставится в вину соучастие его с означенными в этих выводах лицами — Мясоедовым, Гошкевичем и Думбадзе — в государственной измене. Из исторической части обвинительного акта и из заключения чрезвычайной следственной комиссии видно, что обвинения эти исходят из того, что об этих лицах состоялись вступившие в законную силу приговоры военно-полевых судов, по которым эти лица признаны виновными в государственной измене.

В судебном заседании я заявил судебному присутствию, что уже после заключения чрезвычайной следственной комиссии о направлении сего дела и после утвердившего это заключение постановления 29 мая 1917 г. Временного Правительства издано было особое постановление этого правительства от 13 июня 1917 г. об отмене военно-полевых судов и о предоставлении осужденным приговорами этих судов и родственникам и свойственникам их права подавать прошение о пересмотре решенных этими судами дел; что согласно указанному в этом постановлении приказу по военному ведомству № 106 за 1917 г. такие прошения должны быть поданы в течение месяца со дня опубликования сего постановления, каковой срок истек 14 июля сего года; что до истечения этого срока родственники названных лиц—Мясоедова, Гошкевича и Думбадзе, а также и другие по тем-же делам лица подали установленные прошения, причем в отношении осужденного совместно с Гошкевичем и Думбадзе некоего упоминаемого и в сем деле Веллера, как подавшего такое прошение ранее других, уже состоялось постановление военно-окружного суда о пересмотре дела, а прошения остальных, поступившие несколько позже, еще не рассмотрены исключительно из-за того, что дела о них, как приобщенные к настоящему делу, — не были высланы в военно-окружной суд в виду близости заседания по сему делу; что подача этих прошений согласно праву, предоставленному Временным Правительством, и в срок, им предоставленный, делает вероятным самый пересмотр соответствующих дел; что все эти обстоятельства не были в виду Временного Правительства при направлении сего дела 29 мая 1917 г., и что эти обстоятельства являются существенными, как непосредственно касающиеся ряда наиболее тяжких обвинений по сему делу, к коему приобщены и самые дела военно-полевых судов о тех лицах, — что указывает на то, что и сущность этих дел имеет значение по сему делу, как доказательство в том или ином отношении; что значение этого доказательства может видоизмениться в зависимости от производящегося теперь вопроса о пересмотре этих дел. Обо всем этом я просил судебное присутствие, применяясь к 549 ст. уст. уг. суд. довести до сведения того учреждения, которое судебным присутствием принимается по сему делу, как учреждение, компетентное разрешать по сему делу вопрос о предании суду.

Судебное присутствие мне в этом ходатайстве отказало, не приведя достаточных к тому мотивов в нарушение 349 ст. уст. уг. суд. и в нарушение упомянутого постановления Временного Правительства от 13 июня 1917 г., которому, судя по редакции определения судебного присутствия, оно не придало должного значения.

Отказ этот считаю неправильным по соображениям, которые изложены мною выше, как основание к самому ходатайству. А возможность кассационной проверки этого отказа следует из того, что отказ этот основан не на оценке обстоятельств по существу дела, а на определении формального их значения.

VIII

Нарушение 687 ст. уст. угол. суд.

а) Защитник подсудимого Сухомлинова, присяжный поверенный Захарин просил судебное присутствие об оглашении копии рапорта генерала Архипова, осмотренной в протоколе от 14—15 марта 1915 г. в томе IV предварительного следствия по делу о Мясоедове на л. 153 под пунктом 23, каковое дело в свою очередь приобщено к настоящему делу в качестве «вещественного доказательства» на основании 371 и 372 ст. ст. уст. угол. суд. по постановлению сенатора Кузьмина от 13 февраля 1917 г. (XI т. его предварительного следствия л. 91 и аб.) и осмотрено сим сенатором по протоколу от того-же числа под пунктом 10 (л. 82 того-же тома). Это ходатайство изложено на обороте листа 100 протокола судебного заседания по сему делу.

Судебное присутствие отказало в этом ходатайстве (л. 106 об. протокола п. п. 3 постановления) найдя, что указанный документ не имеет отношения к настоящему делу.

Такой отказ является нарушением 687 ст. уст. уг. суд., так как документы, надлежащим образом осмотренные и приобщенные к делу, каковое в свою очередь тоже надлежаще осмотрено и приобщено к сему делу в качестве вещественного доказательства, не могут быть признаны не имеющими отношения к делу и подлежат оглашению.

б) Я просил об оглашении документа, названного мною особым мнением генерала Нагаева, имеющегося на листе 101 дела № 22 «о полковнике Иванове», первый том по производству военно-судной части главнокомандующего армиями юго-западного фронта. Дело это, в качестве особого вещественного доказательства, осмотрено сенатором Кузьминым 10 октября 1916 г. в т. IV на л. 115 и по постановлению его от того же числа приобщено к сему делу в качестве именно «вещественного доказательства» (л. 118 и об. того-же тома). В оглашении этого документа судебное присутствие мне отказало (постановление на л. протокола судебн. заседания 114 об. и 115 под п. 4).

Основанием к такому отказу приведено то, что этот документ не подлежит оглашению на основании 687 ст. уст. уг. суд., так как представляет будто показание генерала Нагаева, не вызывавшегося по настоящему делу, и кроме того не имеет отношения к сему делу. Такой отказ нарушает 687 ст. уст. уг. суд., так как, во-первых, этот документ находится в том деле, которое согласно протоколу осмотра его приобщено к сему делу, как вещественное доказательство, содержащее именно переписку по назначению того дела об Иванове к слушанию, а сам документ изла-

гает условия этого слушания на военно-полевом суде и имеет на себе в конце резолюцию главнокомандующего армиями юго-западного фронта, поэтому по формальным основаниям он не может быть признан не имеющим отношения к делу; во-вторых, содержание этого документа не может быть рассматриваемо, как свидетельское показание, так как документ не был составлен взамен показания по данному делу и даже не как показание по другому делу, а как доклад по тому другому делу, которое не является по отношению к данному делу дополнением к следственному производству, как предварительные следствия по делу о Мясоедове и по делу о том-же Иванове и др.

в) На ряду с этим судебным присутствием оглашено письмо генерала Цейля к сенатору Постникову, как к лицу, производившему расследование по тем томам верховной следственной комиссии, которые присоединены к сему делу, именно как следственное производство. Письмо это помещается на л. 83, том III дела № 35 верховной следственной комиссии. Этот генерал Цейль в качестве свидетеля не вызывался, а самое письмо является действительно показанием по сему-же делу. Хотя-бы и не было со стороны защиты генерала Сухомлинова возражения, все-таки оглашение такого документа, не подходящего под требование 687 и какой-либо другой статьи уст. уг. суд. и являющегося заменою показания по этому-же самому делу, составляет существенное нарушение этой статьи закона (решение угол. кассац. деп. 1901 г. № 46).

Об оглашении этом записано на л. 73 протокола судебного заседания.

г) На л. 94 об. протокола судебного заседания под пунктом 5 записано оглашение по ходатайству обер-прокурора копии журнала бывшего совета министров от 2 ноября 1912 г. на листе 119 тома VII предварительного следствия сенатора Кузьмина. Документ этот никем не подписан, к делу в качестве вещественного доказательства не приобщен и не осмотрен и в законном порядке к сему делу не прислан.

Оглашение такого документа является нарушением 687 ст. уст. уг. суд. Значение этого нарушения не колеблется тем, что защита не возражала против оглашения его. Во-первых, в таком обширном деле защита может не заметить в указанном противною стороною документе отсутствия условий, допускающих оглашение этого документа и прежде, чем его оглашать, суд должен ознакомиться с этим документом с точки зрения соответствия его этим условиям и устранить от оглашения документы, не соответствующие этим условиям, так как суд должен наблюдать за тем, чтобы не были нарушаемы основные положения судопроизводства даже и при согласии сторон.

д) В ряде многочисленных ходатайств об оглашении документов защитник Сухомлинова, присяжный поверенный Захарин, между прочим, просил об оглашении из протокола осмотра от 12—15 июля 1916 г. в томе IX предварительного следствия сенатора Кузьмина на листе 7 осмотра документов из папки № 2 темнозеленого цвета, по части обер-квартирмейстера главного управления генерального штаба, описанные на л. 8 об. этого протокола. О ходатайстве этом отмечено в протоколе судебного заседания на обороте 102 листа под XI пунктом. Удовлетворение этого ходатайства оглашением соответствующей части протокола осмотра на л. 8 об. т. IX сен. Кузьмина отмечено на обороте 112 листа протокола судебного по сему делу заседания. Между тем ходатайство

об оглашении осмотра упомянутых документов являлось ошибочным, так как эти документы ни в коем случае оглашению не подлежат, ибо хотя они и описаны в оглашеной части протокола осмотра, но не только не приобщены к делу в качестве вещественного доказательства, а даже, наоборот, признаны «не имеющими для дела значения вещественных доказательств» и не подлежащими поэтому приобщению к делу, о чем изложено в постановлении сенатора Кузьмина от 21-го февраля 1917 г. на листе 195, тома X, где постановлено упомянутую папку № 2 с названными осмотренными документами «не считать вещественным доказательствам». Оглашение осмотра таких отвергнутых по делу документов без нового постановления о приобщении их не допустимо и является нарушением 687 ст. уст. угол. суд.

е) Я представил судебному присутствию так называемую «Белую германскую книгу» с указанием тех мест в ней, на которые я просил разрешение ссылаться в речи, и ходатайствовал о приобщении этой книги к делу (прот. судебн. заседания 100 об.). Судебное присутствие отказало мне в этом (протокол судебного заседания 106, об. пункт 4 определения). Основанием к такому отказу приведено только то, что книга эта заключает «в своей документальной части материал, полученный исключительно из германских источников, а потому мало достоверный для русского суда».

Суд может отказать в ходатайстве о приобщении книги к делу и о разрешении ссылаться на нее или на указанные в ней места исключительно в том случае, если находит, что эта книга или эти места ее к делу не относятся, что не подлежит кассационной проверке. Но мотив такого формального характера, как привело судебное присутствие, подлежит кассационной проверке.

Оставляя в стороне несомненную патриотичность этого мотива, нельзя не признать, что суд в своих мотивах не может исходить ни из соображений политических отношений, ни из соображений национальных отношений, а только из соображений закона, для которого принадлежность доказательства по своему источнику к той или другой стране, хотя-бы в данный момент воюющей с нами, является безразличным, так как определение суда о силе и значении представляемого доказательства должно быть одинаково авторитетно, как во время войны, так и после нее, а авторитетность таких мотивов общеполитического характера, как приведенный, может быть удовлетворяющих настроению данного момента, станет сомнительной при другом политическом моменте. Этот мотив относится к области настроений, а суд менее всего может руководствоваться областью настроений.

Поэтому отказ в моем ходатайстве о приобщении «Белой Книги», которую я и представил именно, как германскую, а не русскую, при наличности только приведенного мотива суда, является существенным нарушением 687 ст. уст. уг. суд.

IX

Нарушение 611 п. 719 ст. ст. уст. угол. суд.

При допросе свидетеля Оскара Альтшиллера защитник Сухомлинова, присяжный поверенный Захарьин, предложил этому свидетелю вопрос: «как относилось население города Киева к генералу Сухомлинову?»

Г. председатель немедленно устранил этот вопрос, но не потому, чтобы этот вопрос не имел отношения к делу или бы был оскорбительным для кого-нибудь, а исключительно потому, что как дословно указал г. председатель, «спрашивать австрийского подданного об отношении русского населения города Киева к генералу Сухомлинову не уместно». Это удостоверено в протоколе судебного заседания на листе 62 об.

Устранение вопроса свидетелю исключительно по принадлежности свидетеля к тому или иному подданству является искажением основ современного процесса, отбросившего принцип недоверия к свидетелям из «иностранцев, поведение коих не известно».

Даже в русском дореформенном суде принцип этот мог применяться только, как основание для отвода свидетеля от присяги, но не как основание для определения тех вопросов, которые могут или не могут быть предлагаемы свидетелю.

Такое незаконное устранение вопроса является существенным нарушением 611 и 419 ст. ст. уст. уг. суд. Существенность этого нарушения явствует из того, что таким незаконным распоряжением пресекается стороне, — в данном случае защите, — возможность выяснить истину.

X

Нарушение 611 и 718 ст. ст. уст. угол. судопр.

Показание свидетеля Величко на суде приняли в некоторых местах характер обвинительной речи против подсудимого Сухомлинова. Он употреблял ряд выражений об «ответственности» подсудимого Сухомлинова, высказываясь, что тот должен «отвечать» в тех или иных передаваемых свидетелем случаях. При этом Величко в нарушение 611 ст. уст. уг. суд. не был остановлен г. председателем. Об этом по моему ходатайству занесено в протокол, но не полно (л. 26 об. протокола), почему более полно я отметил это в п. 10 замечаний на протокол.

По окончании показания этого свидетеля г. председатель предложил ему вопрос: «скажите ваше личное мнение: были-ли мы подготовлены к войне?» На это свидетель переспросил г. председателя: «мое личное мнение?» Г. председатель ответил: «да!» и тогда свидетель Величко стал излагать свое личное мнение по этому вопросу.

Это тоже не точно удостоверено в протоколе по моему ходатайству (л. 26 об.), почему и это я отметил в том-же 10 пункте моих замечаний. Такой порядок допроса свидетеля недопустим в силу 418 ст. уст. уг. суд., так как свидетель может быть спрашиваем только о том, что ему «известно», но не о его «личных мнениях», о мнениях или «заключениях» могут быть спрашиваемы на суде только эксперты, согласно 694 и 695 ст. ст. уст. уг. суд. — Поэтому в отмеченном опросе свидетеля Величко допущено нарушение 718 ст. уст. уг. суд.

XI

Нарушение 719 и 724 ст. ст. уст. угол. суд.

В прямое нарушение этих статей закона г. председатель, по изложении свидетелями их показаний, предлагал им вопросы прежде сам, а потом только разрешал сторонам допрашивать их. Против такого по-

рядка я возражал и ходатайствовал о соблюдении законного порядка, а также просил об этом моем возражении и ходатайстве занести в протокол. Г. председатель об'явил, что это будет занесено в протокол, но тут же заявил мне, что порядок предложения вопросов свидетелям зависит исключительно от него, — председателя.

В протоколе, однако, совершенно об этом всем отмечено не оказалось, поэтому я это отметил в 21 пункте своих замечаний на протокол.

Не взирая на это мое возражение и на просьбу о соблюдении порядка, указанного в 719 и 724 ст. ст. уст. уг. суд., г. председатель и в дальнейшем при допросе свидетелей предлагал им вопросы по изложении ими своих показаний раньше, чем разрешить это делать сторонам.

Об этом я изложил в 22 пункте своих замечаний на протокол.

Нарушение это, как стеснение интересов защиты, должно быть признано существенным в связи с остальными нарушениями.

XII

Нарушение 630 и 697 ст. ст. уст. уг. суд.

а) На судебном следствии присяжным заседателям между прочим было пред'явлено письмо от 8 октября 1910 г. Защитник Сухомлинова, присяжный поверенный А. А. Захарьин, при этом обращаясь к присяжным заседателям, в порядке 630 ст. уг. суд., просил их обратить внимание на то, что пред'явленное им письмо представляет из себя не подлинник, а копировальный оттиск.

Г. председатель нашел такое заявление защитника недопустимым настолько, что распорядился об этом занести в протокол, указав между прочим защитнику, будто его заявление составляет вывод, допустимый только в защитительной речи (прот. л. 69 об. и 40 мои замечания на протокол п. 12). Такое распоряжение председателя противоречит и 630 и 697 ст. ст. уст. уг. суд., так как сторона может давать об'яснения по каждому происходящему на суде действию, в том числе и по поводу происходящего пред'явления вещественного доказательства, и обращать внимание суда на те или иные обстоятельства. Для этого сторона не должна ожидать времени произнесения речей (решен. угол. кассац. департам. 1899 г. № 45).

б) Та-же 697 ст. уст. уг. суд. нарушена тем, что судебное присутствие отказало мне в просьбе о пред'явлении присяжным заседателям упомянутого уже дела № 22 «о полковнике Иванове», приобщенного к сему делу в качестве именно вещественного доказательства по постановлению сенатора Кузьмина от 10 октября 1916 г. на л. 115 и 118 тома IX (протокол сего заседания л. 114 и об.).

Если дело целиком, без указания каких либо из него из'ятий, приобщено в качестве вещественного доказательства, то пред'явлению подлежат не отдельные документы из него, как полагает судебное присутствие, а все это дело полностью.

XIII

Обширный, сложный, содержащий много цифровых данных обвинительный акт по сему делу был оглашен с большою быстротой в течение шести часов, результатом чего было то, что по оглашении его при-

сяжые заседатели заявили, что им трудно было его усвоить, почему просили выдать им на руки два экземпляра обвинительного акта, для ознакомления с ним в их совещательной комнате. Судебное присутствие им в этом ходатайстве отказало, но вместе с тем г. председатель, в нарушение 614 ст. уст. уг. суд. не принял никаких мер к устранению этого заявленного присяжными заседателями их затруднения. Такою мерою могло быть, например, повторное оглашение обвинительного акта в порядке более медленного чтения, чтобы оглашаемое было более уловимо для присяжных заседателей. Запись об этом обстоятельстве находится на обороте 18 листа протокола.

XIV

Нарушение 762 ст. уст. угол. судопр.

В нарушение этой статьи закона г. председатель после оглашения проекта вопросов, поставленных на разрешение присяжных заседателей, не предложил им высказать свои замечания по редакции этих вопросов (16 пункт моих замечаний на протокол).

XV

Нарушение 762, 760 и 751 ст. ст. уст. уг. суд.; 339, 341 и 362 ст. ст. улож. о наказ.; 108 ст. угол. улож.

В существенное нарушение этих статей закона судебное присутствие отвергло мои замечания на вопросы, поставленные на разрешение присяжных заседателей ,о чем отмечено на 120, 120 об., 121 и кроме того на 122 л. протокола, а также в пункте 17 моих замечаний на протокол.

а) В первом, втором, а также и в поставленном по просьбе присяжных заседателей впоследствии тринадцатом вопросе, я просил везде вместо выражения «не принял необходимых мер» означить те определенные меры, которые должен был принять подсудимый, а также указать, что те меры заведомо для него он мог принять. Выражение «не принял необходимых мер» — должно признать принятым в законе определением общего понятия признака преступного бездействия, но не выражением, определяющим существенные признаки данного судимого деяния, и описывающим этот признак бездействия по обстоятельствам именно данного дела, как этого требует ст. 760 уст. уг. суд.

Неопределенность приведенного выражения, его неконкретность, вызывает основательное допущение, что при обсуждении этого признака присяжные заседатели в своей совещательной комнате не останавливали своего внимания на каких нибудь определенных в сем отношении обстоятельствах дела и разрешили этот существеннейший признак бездействия власти произвольно. Этим нарушается, как 760 и 762 ст. ст. уст. уг. суд., так и 339 и 341 ст. улож. о наказ.

б) Возражая против редакции 9 и 10 вопросов, я просил о замене содержащегося в этих вопросах описания непосредственного подлога описанием подлога интеллектуального, в котором в действительности и обвинялся подсудимый. Основанием для такого моего ходатайства послужили те обстоятельства дела, которые изложены на 80 и 81 страницах обвинительного акта, а именно то, что представленный подсудимым быв-

шему царю доклад, в коем усматривается подлог, был составлен и подписан не им, — подсудимым, а генерал-лейтенантом Макаренко в качестве доклада на его, подсудимого, как военного министра, имя, представленного генералом Макаренко подсудимому для дальнейшего доклада царю и для опубликовании в газетах, в виду официального сообщения.

Отказ изложить 9 и 10 вопросы по признакам, во всем соответствующим обстоятельствам именно данного дела, является нарушением 762 и 751 ст. ст. уст. уг. суд. и 362 ст. улож. о наказ. Согласно 751 ст. у. у. с. судебное присутствие не могло быть стеснено редакцией выводов обвинительного акта.

в) В 8 вопросе я ходатайствовал после слова «Думбадзе» добавить выражение: «заведомо для него, подсудимого, состоявшим агентами этих держав».

Судебное присутствие отклонило это ходатайство. Между тем без введение этого признака, описанное в этом вопросе деяние может соответствовать только признакам обнаружения умысла на предполагаемое по этому вопросу преступление, или признаком приготовления к этому преступлению.

Передача хотя-бы и «в интересах находящихся в войне с Россией держав» секретного документа такому лицу, относительно которого неизвестно подсудимому, направит-ли оно этот документ дальше к тем державам или сразу же после вручении ему этого документа само или при помощи властей задержит подсудимого или направит тот документ не к воюющим с нами державам, а нашим властям, каковое сознание подсудимого не исключается редакцией 8 вопроса, как оконченное преступление. Отказ включить в этот вопрос указанный мною признак является нарушением 762 ст. уст. суд. и 108 ст. угол. улож.

XVI

Нарушение 801, 802, 803 и 804 ст. ст. уст. угол. суд.

а) В нарушение 801 и 803 ст. ст. уст. уг. суд. г. председатель преподал присяжным заседателям указание, что если они найдут нужным отвергнуть не первому вопросу признак сознательного допущения подсудимым, что описанным в том вопросе бездействием власти он оказывает содействие неприятелю, то путем ограничительного ответа на этот вопрос этого делать они не могут, а должны, выйдя из своей совещательной комнаты, просить о постановке дополнительного вопроса о бездействии власти без этого признака, по типу второго вопроса, к разрешению какого вопроса и перейти, ответив отрицательно на первый вопрос. Это раз'яснение отмечено мною в пункте 19 замечаний моих на протокол.

Такое раз'яснение ни в какой мере не соответствует требованиям закона. Если редакция вопроса не допускает ограничительного ответа, при наличности которого отпадает преступность описанного в нем деяния, то присяжные заседатели имеют право и должны ответить на него отрицательно, но не обязаны просить, как раз'яснил председатель, — постановки дополнительного вопроса, чтобы получить возможность ответить отрицательно на основной вопрос: — не может ответ на основной вопрос зависеть от наличности дополнительного вопроса.

Кроме того считаю, что дача на первый вопрос указанного ограничительного ответа возможна. При таком ответе по сему вопросу остается описание бездействия власти в таком виде, как такое описание приведено и в дополнительном вопросе — 13-ом, но только без отягчающего признака важности последствий такого бездействия, что обязывало бы суд при применении закона о наказании определить в сем случае наказание, как за бездействие, не имевшее важных последствий.

Существенность этого нарушения подтверждается тем, что согласно сему раз'яснению г. председателя присяжные заседатели действительно потребовали впоследствии постановки дополнительного вопроса и, ответив отрицательно на первый вопрос, — ответили утвердительно на последний вопрос.

б) В нарушение 804 ст. уст. уг. суд. г. председатель не раз'яснил присяжным заседателям о праве их признать подсудимого заслуживающим снисхождения. Это отмечено мною в конце 18 пункта моих замечаний на протоколе.

в) В первых двух третях заключительное слово г. председателя, в прямое нарушение 802 ст. уст. уг. суд. составляет обнаружение собственного его мнения о виновности подсудимого и представляет в этой части как-бы систематично построенную обвинительную речь, отдельные выражения в которой, об усмотрении присяжных заседателей, совершенно не устраняют обвинительного характера самой речи, — как не устраняют обычно такие выражения в соответствующих речах сторон их обвинительного или защитительного характера.

Эта часть речи г. председателя для определения указанного выше ее свойства приведена мною полностью по стенограмме в особом прошении к протоколу заседания согласно определению судебного присутствия о подаче о сем особого прошения (л. 124 об. протокола).

XVII

Нарушение 108 ст. угол. улож. и 1 и 15 п. п. постановления Времен. Правит. от 17 марта 1917 года. (Вестн. Врем. Прав. № 12 от 18 марта).

а) Судебное присутствие определило по восьмому вопросу и ответу на него присяжных заседателей признаки оконченного преступления, предусмотренного 6 п. 3 ч. 108 ст. угол. улож.; между тем как согласно тем-же соображениям, что изложены мною выше в пункте 16 этой жалобы под литерою «в», деяние в том виде, как оно описано в восьмом вопросе, может соответствовать признакам или обнаружения умысла или приготовления к деянию, предусмотренному 108 ст. уг. улож., — что не наказуемо.

б) Вопреки ссылкам в приговоре судебного присутствия на то, что полагавшаяся подсудимому в некоторых случаях смертная казнь должна быть заменена каторгою срочною или бессрочною, согласно постановлению о сем Временного Правительства от 12 марта 1917 г., и вопреки применению сим присутствием к подсудимому согласно сему каторги бессрочной, — вопреки сему смертная казнь для подсудимого должна была быть заменена каторгою на пятнадцать лет, на точном основании пунк-

тов 1 и 15 постановления Временного Правительства от 17 марта 1917 года «об облегчении участи лиц, совершивших уголовные деяния».

XVIII

В завершение сей кассационной жалобы считаю необходимым указать на ряд нарушений, которые в своей совокупности, а в особенности в совокупности с изложенными выше нарушениями не позволяют признавать приговор судебного присутствия в силе судебного решения.

Эти нарушения сводятся к стеснению защиты в отправлении ее обязанностей сверх случаев, уже изложенных, и к внешним условиям отправления суда, не гарантирующих спокойное рассмотрение дела.

а) Вопреки 586 ст. уст. уг. суд. настоящее дело было назначено к слушанию не только раньше, чем были обсуждены судебным присутствием все ходатайства защиты о вызове свидетелей, как в порядке 557, так и в порядке 576 ст. уст. уг. суд., как это предписывает закон и кассационная практика, — но даже раньше, чем истекли сроки на заявление ходатайств о вызове свидетелей, и даже раньше, чем был вручен подсудимому обвинительный акт.

Такое преждевременное назначение дела к слушанию вызвало, как изучение этого дела самим председателем к заседанию, так и подготовку его к слушанию в отношении вызова многочисленных свидетелей и заготовления всевозможных ремарок канцелярией по всем томам дела, прежде чем истек семидневный срок на заявление защитою дополнительного списка свидетелей. Это в свою очередь вызвало отсутствие в канцелярии судебного присутствия иногда всех томов, а почти всегда многих томов дела, что лишало защиту возможности использовать право, предоставленное ей 570 ст. уст. уг. суд. Об этом стеснении и я, и присяжный поверенный Захарьин, не только заявляли устно в канцелярии, но и подавали прошения.

Определением от 29 июня 1917 г. судебное присутствие игнорировало эти стеснения и отказало присяжному поверенному Захарьину в ходатайстве о продлении срока на заявление списка свидетелей, вызванном этими стеснениями в связи с обширностью дела. Об этом-же стеснении заявлял присяжный поверенный Захарьин и в судебном заседании, но был остановлен председателем, удостоверившим пред присяжными заседателями, будто защита в период подготовительных к суду распоряжений ни в чем стеснена не была (протокол заседания л. 23 и мои замечания на протокол п. 7).

Далее, когда в судебном заседании, после оглашения доклада о неявке почти девяноста свидетелей, защита потребовала перерыва, г. председатель, хотя и об'явил этот перерыв, но не ожидая окончания защитою обсуждения вопросов, связанных с упомянутым докладом о неявке свидетелей, открыл вновь заседание и выразил защите неудовольствие, когда она не могла к тому времени высказать свое мнение по поводу этой неявки и просила о продлении срока перерыва и лишь после стеснительных для защиты переговоров — снова об'явил перерыв, потребовав от защиты указания вперед, когда она окончит обсуждение вопроса. Это отмечено мною в 23 пункте моего замечания на протокол.

Стеснение в этом духе, невызываемое законом, защита испытывала все время процесса и не просила о занесении об этом в протоколе в каж-

дом отдельном случае только в нежелании осложнять и без того создавшееся напряженное положение защиты, а отчасти также и по неуловимости для протокола некоторых сторон этого стеснения, каков, например, тон обращения председателя к защите. Приведенных случаев стеснения защиты, — удостоверенных прошениями, отчасти протоколом и замечаниями на него, — достаточно, чтобы убедиться, что председатель, как до заседания, так и во время заседания допускал существенное нарушение его обязанности согласно 612 ст. уст. уг. суд. — «предоставлять подсудимому всевозможные средства к оправданию», — а не затруднять его в этом.

б) На листах 74 и следующих протокола судебного заседания и в п. 13 моих замечаний на протокол нашло себе отражение крайне тревожное время, переживавшееся Петроградом в период слушания дела.

В особом заявлении к протоколу я упоминаю о крайне тревожных общеизвестных в Петрограде обстоятельствах, угрожавших участникам именно данного процесса, и об известности этого г. председателю. Считаю, что эти чрезвычайные обстоятельства, не предусмотренные законом, но без сомнения не могущие не препятствовать спокойному отправлению суда по сему делу, — налагали на г. председателя, в силу 611 ст. уст. уг. суд., обязанность, применяясь на основании 12 ст. уст. уг. суд. к 590 ст. того же устава, совершенно отложить заседание по этому делу.

Имея в виду как отдельные соответствующие нарушения, так и совокупность их, — прошу общее собрание кассационных департаментов правительствующего сената — решение присяжных заседателей, приговор и все определения судебного присутствия, начиная с первоначального о даче хода, — отменить и передать дело в судебное присутствие в новом составе для постановления о законном направлении дела, во исполнение решения общего собрания кассационных департаментов правительствующего сената по сей кассационной жалобе.

Полномочие мое на принесение кассационной жалобы отмечено в протоколе об'явления приговора в окончательной форме.

Присяжный поверенный Ив. Торховской.

Петроград.
4 октября 1917 года.

КОНЕЦ

Оглавление

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

После японской войны (1905—1909 гг.)

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Стратегия и политика

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Мои преобразования в военном ведомстве

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Крушение 1915 г.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Мой процесс